РОМАН

СИНИЕ ВОЛКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

МИХАИЛ МУДРЕЦОВ

Синие Волки. Книга первая

Михаил Вячеславович Мудрецов
Авторское издание
2026
© Михаил Вячеславович Мудрецов, 2026. Все права защищены.

Синие Волки. Книга первая

1. Синие Волки. Книга первая
2. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    1. ПОНЕДЕЛЬНИК
    2. ВТОРНИК
    3. СРЕДА
    4. ЧЕТВЕРГ
    5. ПЯТНИЦА
3. ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    1. НОЧЬ С ПЯТНИЦЫ НА СУББОТУ
    2. СУББОТА
4. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    1. ВОСКРЕСЕНЬЕ
5. ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
    1. ПОНЕДЕЛЬНИК
6. ЧАСТЬ ПЯТАЯ
    1. ВТОРНИК
    2. СРЕДА

1. Title Page

2. Cover
3. Table of Contents

Синие Волки. Книга первая

© Михаил Вячеславович Мудрецов, 2026. Все права защищены.

Электронная версия предоставляется для бесплатного личного чтения. Разрешены скачивание и хранение для личного некоммерческого использования. Размещение произведения в открытом доступе не означает отказа автора от исключительных прав. Публичное распространение, перепубликация, переработка, создание производных произведений и любое коммерческое использование допускаются только с письменного разрешения автора.

Edición electrónica disponible para lectura personal gratuita. Se autorizan la descarga y el almacenamiento para uso personal y no comercial. La puesta a disposición pública de la obra no implica renuncia a los derechos de autor. La redistribución pública, la republicación, la transformación, la creación de obras derivadas y cualquier explotación comercial requieren autorización escrita del autor.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Добуж. Утро.

Свет постепенно становился сильнее, окутывая землю и освещая всё живое, ожидающее встречи с солнцем после царствования луны. Так дошла очередь и до небольшого провинциального городка Добужа в средней полосе России.

На окраине города, на втором этаже двухэтажного кирпичного многоквартирного дома хлопнула дверь. За ней послышались быстрые прыжки по лестнице вниз, деревянная дверь подъезда скрипнула и открылась — лицо Сергея осветило солнце. Он посмотрел на него, прищурился, а уголки губ немного поднялись, изобразив улыбку.

Весна, наконец-то! — промелькнула приятная мысль, которую он захотел растянуть вместе с глубоким вдохом сырого после дождя, но уже тёплого воздуха.

Перед подъездом, на месте привычной тропинки, образовалась огромная лужа после ночного дождя. Свернув сразу направо, Сергей прошёл вдоль дома по бетонной отмостке, обогнул его и, перепрыгнув несколько луж, поднялся к дороге. Улица Лермонтова, на которой он жил со своей тётушкой, была крайней улицей городка.

Ловко перепрыгивая через лужи, Сергей вышел на асфальтированную дорогу. Асфальт, ещё вчера застеленный слоем пыли, сегодня был влажный.

Коричневые мини-озёра заполняли ямы, и Сергей перепрыгивал их, выбирая сухие участки, ускоряясь и удерживая равновесие портфелем. Улица Лермонтова плавно входила в улицу Ленина, которая тянулась до самого центра посёлка, где на постаменте стоял танк Т-34, задрав пушку вверх.

Местная достопримечательность. Важная особенность города. В детстве ему казалось, что танк здесь просто живёт. Как дом или дерево.

В мае его в местах ржавчины подкрашивали зелёной краской, приходили ветераны, их поздравляли — и так год за годом. А танк всё стоял и стоял. Казалось, ничто не могло сдвинуть этот городок с намеченного марша — дальше, в тихое внутреннее ворчание и медленное увядание.

Дорога в школу занимала около двадцати минут быстрого шага. Проходя мимо танка, Сергей посмотрел на часы на левой руке — подарок тётушки на день рождения. «Командирские». Часы показывали без пяти восемь.

Ага. Пять минут… надо ускориться, — подумал он, крутя портфель, который служил ему балансиром при перепрыгивании преград. Оставалось подняться на гору — и наверху была школа.

Маленький городок жил своей привычной провинциальной жизнью. Весна оголяла дороги: грязный снег вместе с грязью уже растёкся по сторонам, пробитый дождём асфальт разрезали кривые узоры, унося потоки вниз, в сторону реки. Та тоже расплылась после таяния снега, поднялась и разделила город на две почти одинаковые половины.

Одна из них фактически была центром: здесь

находились дом Сергея, школа, администрация, отдел милиции, суд и несколько магазинов. Другая — за мостом — больше подходила для жизни: несколько восьмиэтажных домов с лифтами, рынок, пивнушки, магазин запчастей и множество маленьких и больших лавок, где можно было найти всё — и при этом не было ничего действительно нужного.

На дворе стоял 2000 год.

Преодолев затяжной, но такой знакомый подъём, Сергей приблизился к металлическому забору школы. Не доходя до калитки, которой давно уже не было на своём месте, он ловким прыжком перепрыгнул забор, пробежал по школьному двору и, приблизившись к парадной, несколькими быстрыми шагами взлетел по ступенькам. Потянул на себя массивную ручку огромной деревянной двери и вошёл внутрь.

Перед ним была расстелена большая коричневая тряпка. Он несколько раз быстро потоптался на ней, оставляя возможные следы грязи. Запах школы напоминал старый сундук, пропитанный воспоминаниями: пылью и потом, мелом и старыми учебниками, перемешанными с запахом хлорки от недавно вымытого пола. Этот запах резко погружал в свои объятия, и ты будто трезвел, оказываясь в совершенно другом мире.

В этом мире действовали свои законы и правила. Их нужно было чтить.

Уже было тихо — уроки вот-вот начинались. Лишь изредка кто-то пробегал по коридорам, спеша в класс. Пол школы был покрыт крашеными деревянными досками: от старости они скрипели и немного гуляли под ногами, а чёрные следы от подошв кривыми

узорами напоминали о бурной жизни этого дома знаний.

Взлетев по лестнице на второй этаж, Сергей направился к своему кабинету. Дверь была приоткрыта. Он прислушался, заглянул внутрь, просовывая голову между дверью и проёмом. Учитель русского языка стояла спиной к классу и, крошащимся мелом, сильно нажимая, выводила на доске тему урока.

Не дожидаясь, пока она обернётся, Сергей протиснулся в дверь так, чтобы та не скрипнула, и прошмыгнул к своей второй парте.

Рядом сидел его школьный дружок Толик. Он никак не отреагировал на появление Сергея — тупо смотрел в сторону доски, подпирая ладонью подбородок и растекаясь по парте. Лишь когда Сергей устроился на месте, Толик медленно протянул свою мягкую, холодную ладонь и поздоровался.

Весь класс как будто ещё не проснулся после выходных. Понедельник только входил в свои права, и целая неделя школьной жизни была впереди. Время тянулось от перемены до перемены, и только школьный звонок, раздававшийся из старого железного корпуса, разделял эти тянущиеся минуты школьной жизни и давал возможность немного встрепенуться и выйти за пределы скучного и, казалось, бесконечного урока.

На переменах в последнее время многие ребята были увлечены поисками будущего. Они искали новые смыслы и перспективы взрослой жизни после окончания девятого класса школы.

— Я в милицию, наверное, пойду, — сказал вдруг Толик, сидя на подоконнике между этажами во время перемены.

— Куда? — переспросил его Сергей, не сразу поняв, о чём он.

— Я говорю, в милицию думаю пойти учиться после школы, — повторил Толик с задумчивым видом, наблюдая за тем, что на это скажет Сергей.

Сергей смотрел в окно. Он немного прищурился, как будто примирился с заявлением своего товарища, и тут же, особо не задумываясь, сказал:

— Это отличная мысль! А куда идти учиться?

Толик приободрился и посмотрел пристально на Сергея, словно искал поддержки в своём выборе профессии — и нашёл её.

— В школу милиции! — повторил он, сбросив ноги с подоконника и развернувшись к Сергею всем корпусом, ещё раз внимательно его осматривая.

Сергей смотрел на Толика. Тот был по-настоящему смешным в этот момент: круглое лицо с веснушками, рыжие волосы, небрежно падающие во все стороны, создавали почти комичное ощущение того, что этот человек станет милиционером. Хотя, подумал Сергей, посмотрев на Толика с другой стороны, может быть, как раз таких людей в милиции и не хватает.

В этот момент внутри Сергея что-то тронулось. Он почувствовал, что Толик попал прямо в точку его заветного желания. Он раньше не думал об этом, но что-то внутри него уже было похожее, и это «было» вдруг так просто озвучил Толик — милиция.

Хлопнув Толика по плечу, Сергей звонко добавил:

— Это суперидея! Мне нравится! Я тоже пойду в милицию учиться. Что для этого нужно?

Толик засверкал улыбкой и тут же продолжил:

— Хм… я пока особо про это ничего не знаю, Серёг.

Батя сказал, что есть школа милиции, а потом вроде и институт.

И, помолчав, добавил:

— Только вот говорят, поступить туда сложно. На одно место — десять человек.

С этими словами Толик поднял указательный палец вверх, будто сосредоточив на нём всю сложность этого процесса.

— Ты представляешь… на место десять человек… — вздохнул он.

— Да? А почему так? — спросил Сергей, не отрывая взгляда от окна.

— Да много плюсов там: и в армию идти не надо, и учат бесплатно, и одевают, и общежитие дают, даже стипендию платят. Да и ещё одевают бесплатно, — продолжал Толик, повторяясь и перечисляя преимущества такой карьеры.

— А я бы сходил в армию, — ответил Сергей. — Я уже думаю про это.

Сергей посмотрел пристально на Толика, а потом снова в окно, словно вспоминая сюжеты из фильмов про милиционеров. Он представил себя в форме, в синей шапке, такой же, в какой ходят милиционеры, и засмеялся добрым смехом. Затем, не убирая улыбки, громко сказал, хлопнув Толика по плечу:

— Толя! Да ты гений! Это и правда хороший план, мне нравится! Я тоже пойду в милицию учиться.

Толик улыбнулся и добавил:

— Да, Серёг, мне вот отец сказал, что это хорошее дело. У нас в городе дядька родственник есть — он какой-то большой начальник, полковник, что ли…

В этот момент прозвенел звонок, прервав Толика. Он

спрыгнул с подоконника и закричал, словно перекрикивая звонок, прямо Сергею в ухо:

— Ещё, Серёг, это очень крутая работа!

Сергей закивал.

Ребята вошли в класс на следующий урок.

— А как насчёт выходных? — спросил Сергей у Толика, усаживаясь за парту.

Толик, подмяв нижнюю губу, покачал головой:

— Не отпускают, — закончил он, вздохнув. — Сказали, что никаких ночных поездок. Да и к бабушке в деревню надо семенную картошку перебирать.

Сергей знал заранее, что Толик вряд ли поедет. У него всё было просто и чётко, ему не нужны были новые приключения. Но, зная это, Сергей всё равно каждый раз звал Толика поучаствовать в другой жизни — не такой, как ему предписывают взрослые, а своей, хоть и совсем ранней. Но Толик был не таким: острых ощущений ему не очень-то хотелось, и он немного остерегался всего нового. Сергей понимающе закивал головой.

Пять уроков прошли медленно, и наконец-то прозвенел долгожданный последний звонок понедельника. На выходе из школы Сергей немного постоял с Толиком.

— Слушай, Толь, — начал Сергей, — я вот подумал: то, что ты сказал, реально хорошая идея. Ты узнай всё поподробнее, может быть, вместе поступим учиться на милиционеров.

— Хорошо, — серьёзно сказал Толик. — Я всё узнаю.

— Ну тогда до завтра, — протянул руку Сергей.

Толик протянул руку в ответ. Они хлопнули друг друга по плечам, и каждый побежал в свою сторону.

Добуж. Квартира Сергея. После школы.

Спустившись с горы и пройдя мимо танка, Сергей пошёл вдоль своей длинной улицы. По дороге он чувствовал, как от голода начинает тянуть в животе, и заранее представлял обед, который приготовила тётушка. Он уже никуда не спешил, шёл спокойно, наслаждаясь свободой после школьного понедельника, размахивал портфелем и разглядывал всё, что попадалось на пути. Мысли сами возвращались к планам на эту неделю: они с ребятами ремонтировали «Запорожец», на котором собирались поехать в деревню на дискотеку, и вся неделя в его представлении выглядела по-настоящему насыщенной.

Подходя к дому, Сергей свернул привычным маршрутом, прошёл вдоль стены по бетонной кладке и зашёл в подъезд. Скрипучая дверь открылась. Два пролёта он преодолел почти в четыре прыжка — и вот уже знакомая дверь. Он толкнул её вперёд, и на пороге его встретила тётушка.

Она улыбнулась, увидев Сергея.

— О, Серёж, привет. А я думала, мы разминёмся, — сказала она, натягивая лёгкие коричневые сапоги с помощью деревянной лопатки. — Я во вторую смену иду. Я тебе всё приготовила, буду после восьми.

Посмотрев в зеркало и пригладив волосы, Вероника Степановна взяла синий берет и аккуратно надела его, убирая выбившиеся пряди.

Сергей быстро приобнял тётушку, чмокнул её в лоб, скинул обувь и прошёл на кухню.

— Не забудь помыть руки после школы, — сказала

она, задержавшись у двери и словно проверяя, всё ли взяла.

— Как дела в школе? — спросила она уже второпях.

— Скукота, — ответил Сергей, моя руки. Выходя с полотенцем, он добавил, немного громче, чтобы она услышала из прихожей: — Знаешь, я, наверное, в милицию пойду учиться.

— Да? — откликнулась она. — Интересно, Серёж. Расскажешь, когда приду.

— Хорошо, пока, — ответил он, возвращаясь на кухню.

Дверь захлопнулась. Сергей принялся за пироги с капустой. Они были аккуратно уложены в кастрюле один на другой, и при открытии крышки изнутри сразу повалил густой запах пышного теста и жареной капусты. Он взял кружку, насыпал в неё растворимый кофе, сахар и стал ждать, пока закипит чайник. Когда тот запел своим протяжным свистом, Сергей тут же выключил конфорку, снял насадку и налил немного воды в чашку. Он начал энергично размешивать кофе с сахаром, пока на дне не появилась коричневая пенка. Потом долил воды до краёв — пенка поднялась вверх, образовав плотную шапку. Это был «кофе по-царски», которому его научила тётушка.

Он включил телевизор и стал есть, запивая пироги кофе.

В этот момент на кухню медленно вошёл чёрный кот Кузя. Он подошёл к Сергею хозяйским шагом и ткнулся головой ему в ногу. Сергей сразу почувствовал этот знакомый толчок — знак приветствия. Он наклонился, поднял Кузю на руки и крепко прижал к себе. Чёрный нос кота упёрся ему в щёку, потом в подбородок. Кузя

уверенно тыкался, отвечая на ласку. Сергей чмокнул его между ушей, в макушку, и поставил обратно на пол.

Он открыл холодильник, отрезал половину сосиски и положил её коту. Кузя тут же принялся за еду, сосредоточенно и жадно, тихо кряхтя от удовольствия.

Сергей снова сел и посмотрел в телевизор. Там шли шумные передачи — чужие разборки, крики, рассуждения «экспертов». Он переключил канал. Начался старый советский фильм про разведчиков. Такие фильмы ему нравились — в них была решительность и жёсткость, какая-то ясность действий.

Он снова подумал о милиции. О том, что говорил сегодня Толик. Мысль показалась правильной и спокойной.

А может, всё-таки в армию?

Сергей резко опустился на пол и начал отжиматься, считая вслух: шестнадцать, семнадцать, восемнадцать… На двадцатом дыхание стало тяжёлым, руки дрожали, но он не останавливался. Двадцать один, двадцать два, двадцать три. Хотелось лечь, но он сжал зубы и добавил ещё два раза — двадцать четыре, двадцать пять. Он задержался внизу на секунду, потом выпрямился, развёл плечи и почувствовал, как грудные мышцы наливаются теплом и напряжением. На руке проступила вена.

— Больше, чем вчера, — улыбнулся он сам себе.

Закончив есть, Сергей пошёл в свою комнату. Он плюхнулся на кровать, и над ней тут же загорелась цветная новогодняя гирлянда — выключатель был спрятан под матрасом. Эта простая схема забавляла его и подталкивала придумывать что-то своё, новые устройства и решения. Сергей вытащил вилку гирлянды из розетки, заложил руки за голову и уставился в

потолок, не зная, чем бы заняться.

Через некоторое время он почувствовал, как внутри поднимается знакомое желание. Оно приходило именно тогда, когда было тихо и никто не мешал. Он не знал, что с этим делать и почему это снова и снова тянет его к себе. Он чувствовал вину, но удержаться не мог.

Мысли в голове были смутными, обрывочными, их хватало лишь на то, чтобы тело откликнулось. Сергей закрыл глаза и сосредоточился на ощущениях. Всё тело постепенно собиралось в одной точке, напряжение нарастало, и это было приятно — слишком приятно, чтобы отказаться.

После короткого пика пришла лёгкость, но почти сразу её сменила слабость. Сергей почувствовал странную липкость, будто силы медленно уходят, оставляя после себя пустоту. Мысль о том, что, наверное, должно быть как-то иначе, мелькнула, но ответа не было. Спросить было не у кого.

Когда всё закончилось, он остался лежать неподвижно. Чувство вины вернулось — тихое, без слов, просто присутствующее. Объяснить его он не мог, но знал, что оно есть. Через некоторое время Сергей уснул.

Он провалился в нейтральный белый свет, будто на мягкую перину. Тело постепенно расслаблялось, слой за слоем, и вместе с этим мысли уходили куда-то далеко, теряя форму.

Сон привёл его в тоннель. Сначала там было темно, и он не понимал, как оказался в этом месте, но знал, что идёт вперёд и чего-то ждёт. Где-то вдалеке горел свет, и Сергей двигался к нему. Потом он оглянулся и почувствовал шаги за спиной. Он понял, что здесь не один, и внутренне собрался, готовясь к схватке.

Шум начал нарастать — густой, давящий, заполняющий всё вокруг. Сергей снова огляделся, но ничего не увидел. Он сжался и посмотрел вниз. По трубе тонкой струйкой текла белая, вязкая жидкость. Она медленно расширялась, поток становился сильнее и поднимался выше.

Тело было липким и тяжёлым, будто покрытым потом. Пространство вокруг не отталкивало, а тянуло вниз, усиливая это ощущение — как если бы сама поверхность удерживала его, не давая вырваться.

Поток нарастал и начинал уносить его от света — туда, где раздавался странный, неживой звук, похожий на гул воронки. Сергей повернулся к свету и попытался бежать, но ноги не слушались, словно запутались в чём-то. Он попытался крикнуть — рот открывался, но звука не было. Дышать становилось всё труднее.

Мутная масса поднималась, втягивая его в свой круговорот. Свет уходил всё дальше, а тело подчинялось этому шуму, липкости и слабости. Оставалось только сдаться и расслабиться — так, будто говорила эта вода, так приказывал звук, давящий на уши.

И в тот момент, когда Сергей отпустил сопротивление, поток остановился.

Раздался скрежет, сменивший прежний гул. Свет стал ярче. Сергей поднял взгляд — наверху открылся люк. Из него показался незнакомый силуэт. Он был похож на клоуна: зелёный круглый нос, неестественно широкая улыбка, почти цирковая. Клоун улыбнулся, подмигнул и исчез. Сверху посыпались шарики, а затем вниз упала верёвочная лестница. Кто-то махнул ему, приглашая выбраться.

Собрав последние силы, Сергей схватился за

перекладины и потянулся вверх.

Он открыл глаза.

В комнате уже стемнело. Одеяло было сбито в комок, ноги запутались, кровать смята. Тело было тёплым и влажным. Из туалета доносился звук воды — бачок снова не держал и тихо подтекал.

— Фух… — выдохнул Сергей и огляделся.

Липкое внутреннее беспокойство постепенно отступило. Он понял, что это был всего лишь сон. За окном ещё сохранялся свет, но он уже падал под низким углом, наполняя комнату предвечерней тишиной.

Настроение было тяжёлым. Сергей чувствовал, что то, что с ним происходит, забирает силы. Будто он становится скользким, безвольным. Тело брало над ним верх, и это ощущение было неприятным. Сформулировать вопрос он не мог. Спросить — тоже было не у кого.

Для таких разговоров нужен мужчина.

Женщина — тем более тётушка — в этом не помощник, даже если с ней можно говорить почти обо всём. Такой разговор просто не мог случиться.

Пообещав себе делать это реже, Сергей встал с кровати и пошёл в ванную.

Он включил горячую воду, пытаясь смыть остатки сна и тяжёлые мысли. Но тепло быстро размягчило тело, сделало его вялым и послушным. Он не стал бороться с этим чувством, заткнул ванну пробкой и пустил воду.

Она шла сначала рвано, фыркая и брызгая, но постепенно стала ровной. Горячая вода поднималась, обволакивая его, как мягкое одеяло. Сначала ноги, потом грудь, потом всё тело. Когда уши погрузились в

воду, звуки изменились — стали глухими и отдалёнными, будто проходили через плотный слой.

Сергей лежал, полностью расслабившись, прислушиваясь к этим новым звукам.

Он прикрыл глаза. Это был уже не сон, но и не бодрствование — промежуточное состояние, в котором почти не было мыслей. А те, что появлялись, были точными и образными. Они не складывались в идеи, а шли картинками, как кадры фильма, которого он никогда не видел, но который почему-то знал.

Постепенно образы начали проясняться. Мысли вернулись к предстоящей поездке, потом — к будущему после школы. Куда идти, чем заниматься. Они блуждали, не находя опоры.

Разговор с Толиком о милиции неожиданно всплыл снова. Раньше он о таком не думал, но сейчас эта мысль почему-то держалась. Он был готов пойти в десятый класс, а потом — в армию, а там уже решать дальше.

Самым приятным было просто лежать в горячей воде, иногда добавляя её, оставаясь в этом состоянии как можно дольше.

Он подумал, что хочет начать что-то новое. Что именно — не знал. Мысль о спортзале показалась уместной. Он был крепким — это давали ежедневные отжимания и подтягивания на турнике, который он сделал между дверными проёмами. Каждый раз, проходя мимо, он останавливался, висел на трубе, подтягивался, иногда поднимая ноги.

За дверью послышался шорох.

— Серёжа! — крикнула тётушка из-за двери. — Это я.

— Да, ма, скоро выхожу, — ответил Сергей.

Вероника Степановна прошла на кухню, вымыла

руки, переоделась в домашний халат и поставила чайник. Сергей вышел из ванной, оделся и вошёл к ней.

Они любили говорить вечерами — о делах, о мелочах, о том, что накопилось за день. Эти разговоры как будто собирали их маленькую семью в одно целое, возвращали порядок и спокойствие. Вероника Степановна чувствовала: нужно говорить, нужно слушать. Не учить и не тянуть за собой — просто быть рядом. Всё происходило само собой, как у старых хороших друзей, которые знают друг друга и понимают, когда пора заговорить, а когда — помолчать.

— Ты мне сегодня что-то про милицию говорил? — спросила она, разливая чай.

Сергей поднял на неё глаза. Она сразу поняла: сейчас он уже не в том состоянии, что днём. Усталость взяла своё. Но он всё равно собрался и рассказал про разговор с Толиком.

Вероника Степановна слушала внимательно, кивала.

— Да… место это, наверное, хорошее, — сказала она и огляделась по кухне, будто проверяя что-то знакомое. — Только вот… сложновато, думаю.

— Почему? — спросил Сергей.

— А где этому учатся? Это институт какой-то? — спросила она неуверенно, чуть суетясь, переставляя кружку. — Или как это сейчас называется…

Она замолчала, словно прислушиваясь к себе, потом снова заговорила, уже тише. В таких вещах она не чувствовала почвы под ногами. Слова были слишком большими, а путь к ним — непонятным.

Сергей это понял. Он улыбнулся.

— Ма, ты не переживай. Я сам всё узнаю. Попробую. Как получится — так получится.

Она посмотрела на него, и суета в её движениях немного стихла.

— Всё получится, Серёж, — сказала она. — Разберёмся.

Сергей звал тётушку «ма», не договаривая слово до конца. Так получилось само собой. Она давно уже была ему не просто тётушкой.

Вероника Степановна смотрела на него и видела, как он меняется. В нём появлялось что-то новое — серьёзное, ещё неоформленное. Ему хотелось сразу всего, и он сам не всегда успевал за этой скоростью.

— А вообще, — добавил Сергей, будто ища подтверждения, — крутая работа. Преступников ловить.

— Я тоже так думаю, — ответила она, уловив его желание. — Надо пробовать.

В тёмном окне горел одинокий фонарь, освещая кусок двора. Вероника Степановна посмотрела на него и вдруг вспомнила:

— А я сегодня на рынке была… — сказала она и начала рассказывать. — Иду между рядами, смотрю — заварушка. Там, где фермер мясо продаёт.

Сергей кивнул, уже представляя картину.

— Один длинный такой, первый раз его вижу, кричит, вырывается, а фермер вцепился и не пускает. Люди вокруг собрались… Я тоже остановилась. Шум, крик… Я уж подумала — стрелять начали. А это палку кто-то схватил. Потом милиционеры приехали, двое. Задержали его. Говорят, фальшивые деньги сунул.

— Ну вот, ма, — улыбнулся Сергей.

— Вот и я думаю, — сказала она. — Ты про милицию, а тут как раз…

Она рассказывала немного сбивчиво, по-своему, но Сергей видел эту сцену её глазами.

Потом они замолчали. Пили чай. Каждый думал о своём.

— А как там ваш «Запорожец»? — спросила она. — Сделали?

— Почти. Завтра бронепровода привезут, — ответил Сергей. — Если дело в них, то заведём.

— А, ясно, — сказала тётушка. Слова она не поняла, но это было неважно. — Ты только аккуратней с машинами, ладно?

— Хорошо, ма.

Она посмотрела на него ещё раз. Сергей моргнул — всё будет нормально. Этого ей хватило.

— Ладно, пойду спать, — сказал он, потянувшись.

— Хорошо.

Сергей вошёл в свою комнату. Кузя сидел на подоконнике над батареей, грея бок и глядя в тёмное окно, где между домами мелькали редкие огоньки. Он лениво повернул голову, посмотрел на Сергея и снова уставился в ночь.

Возле кровати стояла старая военная радиостанция А-7, найденная когда-то в гараже. Сергей иногда щёлкал тумблерами, крутил рычажки, слушал сухие, чёткие щелчки. Он не знал, что с ней делать, но чувствовал — это настоящая вещь. Рабочая. Пусть она пока молчала, она была нужна. Зачем — он ещё не знал. Но нужна.

ВТОРНИК

Добуж. Квартира Сергея. Утро.

В семь утра прозвенел будильник. На кровати возле окна Сергей, закутавшийся в одеяло, открыл глаза.

На кухне уже с полчаса шуршала Вероника Степановна.

— Серёжа, вставай! — мило прокричала она из соседней комнаты.

— Ща, ма… — просопел в подушку Сергей и приготовился ещё пару минут вжаться в мягкую тёплую простыню и поспать ещё мгновение-другое.

Сон был какой-то особенно тёплый и хороший, как будто что-то переносит его, и он бежит по дороге, и вдруг — шаг, ещё шаг — и он может летать. Поверить в это было невозможно, но и правда: под его ногами ничего не было. Была дорога его деревни, справа остановка, слева какие-то постройки. Было просто и легко. Что-то отрывало его, какая-то лёгкость в теле, которая не давала ему упасть, а наоборот — наполняла и помогала парить в небе.

За спиной был рюкзак, а в рюкзаке — рация.

Так… теперь нужно немного поуправлять этим. Залететь повыше. Отличный поворот. И теперь попробовать снова снизиться на землю… получается.

Дверь заскрипела. В проём заглянуло милое лицо тётушки.

— Серёжа, опоздаешь! — хмурилась она, немного

сводя брови, но у неё не получалось злиться.

— Встаю, ма… Такой сон мне снился. Как я летаю. Ещё немного хотел полетать.

— Значит, растёшь, — сказала тётушка. — Когда во сне летают, говорят, что человек растёт.

— Да, ты говорила… А сколько мы можем расти?

Тётушка задумалась.

— Думаю, лет до двадцати пяти человек растёт, — ответила она после паузы.

Она оторвалась от плиты и посмотрела в окно, как будто что-то хотела добавить — ловила мысль взглядом и нашла её где-то за пределами кухни.

— Но это про рост тела, Серёж. А вообще… рост человека, по-моему, никогда не заканчивается.

— В каком смысле? — спросил Сергей, присаживаясь за стол.

— В том смысле, что человек растёт не только в росте и размере. Он растёт в знаниях и в том, что умеет делать. Это тоже рост.

Сказав это, Вероника Степановна улыбнулась. Глаза её стали яснее — будто она сама только что аккуратно сложила несколько мыслей в одну простую и понятную. В последнее время это у неё получалось всё чаще. Она начала замечать такие вещи, на которые раньше не обращала внимания, и, облекая их в слова, чувствовала от этого спокойную радость. Особенно когда рядом был родной человек, с которым можно было говорить без спешки.

— Значит, всё не зря… — тихо сказала она и добавила уже громче: — Не зря читаю книги. Они и правда многому учат.

Сергей кивнул, соглашаясь.

Тётушка прищурилась — и сразу перешла к делу:

— Серёж, давай ты себе хорошую книжку найдёшь.

Сергей отвёл глаза. Нагружать себя чем-то ещё ему сейчас не хотелось. Книжки казались лишними, и зачем они — он до конца не понимал.

— У нас и так в школе одни контрольные… ещё и книжки, — недовольно пробормотал он.

— Серёж, ну ты понемногу. По двадцать-тридцать минут в день. И в школе тебе будет легче. Книги и правда развивают, — сказала она и, чуть помедлив, продолжила: — Я вот недавно подумала… знаешь о чём?

— О чём? — поднял подбородок Сергей.

— О книге. Я поняла, что книга — это опыт других людей. Автор прожил свою жизнь, что-то понял и делится этим. Ты читаешь — и как будто смотришь его глазами. Видишь то, что сам мог бы и не прожить. Даже несколько историй — и ты уже побывал в разных местах, прожил другие жизни. Вот что такое книга.

— А я хочу свою, — перебил её Сергей. — Я не хочу читать. Я хочу сам всё смотреть.

Тётушка улыбнулась.

— А если по чуть-чуть? Видеть другие жизни, переживания героев… Разве опыт, который ты узнаешь, не пригодится тебе потом?

Сергей помолчал.

— Наверное, пригодится. Читать всё-таки надо, — сказал он. — Я начну. Только пусть сначала экзамены пройдут.

— Хорошо, — кивнула тётушка. — Я схожу в библиотеку или в магазин, поищу тебе что-нибудь интересное.

Сергей понимал, что она говорит не зря. Она всегда

повторяла, что учиться нужно всю жизнь. Она много читала — не для показухи, а для себя. Часами могла сидеть с книгой, будто выпадала из мира, а потом возвращалась другой — спокойной, наполненной. От неё исходило ощущение, будто она где-то побывала и принесла с собой этот тихий свет.

— Ой, Серёж! — спохватилась она, взглянув на часы над кухонным проёмом. — Я же опаздываю.

Она быстро вышла в коридор и начала одеваться.

Сергей смотрел на неё и чувствовал тепло. Она была живой, настоящей, и её забота ощущалась без слов. Но делать всё равно нужно было самому — и это давалось ему труднее всего.

Мысли уже уходили в сторону. В приключения, в движение, в жизнь. Книги, о которых говорила тётушка, пока не находили в нём отклика. Он понимал её, но не чувствовал, что это сейчас про него. Его тянуло туда, где всё происходит сразу — без объяснений и страниц.

Тётушка это чувствовала и не давила. Она выбирала моменты и делилась тем, что считала важным, не требуя ответа. Просто оставляла рядом.

Позавтракав, Сергей зашёл в комнату и начал одеваться. В ванной он задержался у зеркала.

В отражении был знакомый образ: крепкий парень, тёмно-русые волосы, широкая шея, плечи. Он невольно напряг мышцы — тренировки давали результат. Сила росла, и это чувствовалось телом.

Он вспомнил, что хотел записаться в спортивный зал.

«Надо будет зайти на днях, узнать», — мелькнула мысль.

Сергей отвернулся от зеркала и пошёл одеваться дальше.

На сегодня у Сергея были большие планы: после школы он должен был встретиться с Валей и Лёхой, ведь на выходных они собирались поехать в деревню на ночную дискотеку. Это было главным событием недели, но условие оставалось прежним — «Запорожец» должен работать. Для этого нужно было завести машину, которую они чинили всю зиму; не хватало только новых бронепроводов. Сегодня или завтра Валин папа должен был привезти их, и тогда выходные обещали быть удачными.

«Надеюсь, сегодня», — подумал Сергей.

Добуж. Школа и город. День.

Сергей вышел из дома и снова пошёл по своему привычному маршруту. Сегодня он вышел немного раньше, чем вчера, поэтому совсем не опаздывал. Он уже не прыгал через лужи, а шёл и оглядывал свой городок.

Школа в последнее время была Сергею скучна. Новые интересы ждали его вне школы, а здесь всё было буднично и как-то просто. Ему хотелось вырваться за её пределы — там не было никаких рамок, и свобода тянула Сергея мысленно через окно, на улицу. И вот опять эти длинные дни школьных уроков, унылые одноклассники, которых он знал практически досконально. Сидеть с ними было не очень интересно: он словно заранее предугадывал поведение каждого, и привычная атмосфера класса не вызывала в нём никакой заинтересованности. Но присутствие было обязательным — без диплома и определённых успехов,

как говорили в школе, «ты будешь никому не нужен». Единственное место, куда могли взять, со слов учителей, — место дворника, что считалось совсем неперспективной целью. Сергей представлял себя в большой тёплой шапке и с метлой и никак не мог понять, почему у учителей дворник вызывает такую странную ассоциацию: ведь это просто человек, который убирает улицы зимой от снега, осенью от листьев. Значит, есть откуда оттолкнуться, — подумал он с хитрым прищуром.

Им было уже по шестнадцать. Совсем недавно он отпраздновал своё шестнадцатилетие с друзьями в гараже, где стоял их «Запорожец». Сергей вспомнил это событие, и внутри у него началось не очень приятное слюноотделение — как будто подкатывало кислое начало того самого самогона, который они делили между собой, отмечая это неполное совершеннолетие, закончившееся неприятными последствиями в виде тошноты. Причину тогда нашли в некачественности напитка. Немного перемотав вперёд это состояние, он посмотрел на сидящего рядом Толика, который что-то медленно чирикал ручкой на последнем листе тетради.

Учитель истории — полная женщина и по совместительству завуч школы — ходила перед классом взад и вперёд. На ней было розовое платье, похожее на бесформенную накидку с вырезанными рукавами; очки с прозрачной оправой сидели на переносице маленького, слегка вздёрнутого носа. Она держалась строго и говорила громко, иногда срываясь на вскрик, стараясь донести важность своего повествования и словно нависая над учениками.

— Итак, мальчики и девочки… — после

вдохновляющей и пугающей паузы начала она.

Весь класс ощущал важность подготовительной части завуча: если она хотела сказать что-то важно-пугающее, то обязательно несколько минут ходила в тишине, издавая важность и своим видом, и блуждающим, казалось, немного высокомерным взглядом, будто готовясь к выступлению. Так получилось и в этот раз.

— Впереди сложные времена, много контрольных работ, — начала она.

— Вы помните, что в пятницу у нас важное мероприятие — письменная контрольная работа?

Ребята закивали, но было видно, что об этом помнили лишь несколько человек; остальные, немного закатывая глаза перед предстоящими испытаниями, пытались держать тело в ровном положении.

— Многие, — на этом слове она немного спустила очки с носа и посмотрела пристально на весь класс, — многие очень плохо готовы, и я советую подготовиться, — завершила она.

Немного пройдясь, она продолжила:

— Итак, в пятницу у нас будет важный день: на первом из двух уроков вы будете писать итоговую контрольную по всем темам. И если кто не справится, это будет означать, что вы сидели и занимали своё место зря, а всё прошло мимо ваших ушей.

В воздухе повисла тишина. Пол скрипел под шагами завуча, а она словно сверлила взглядом весь класс. Дальше пошли разговоры про то, что она говорила целый год, год за годом.

— У вас два варианта, у некоторых особенно: или остаться без аттестата и пойти максимум в дворники,

или, если ваши знания достаточно высоки, поступить учиться дальше и добиться успехов. — Она сделала паузу и закончила объяснение.

Взяв со стола пачку бумаг, она начала раздавать их по партам — это были вопросы к контрольной. Напряжение перед экзаменами и контрольными работами к старшим классам нарастало всё сильнее, будто контрольная являлась главным событием учебного процесса. Так делал каждый учитель.

Сергей смотрел на учителя и представлял весы: в одной руке — метла дворника, в другой — золотая медаль школы. Она постоянно словесно шантажировала ими, словно не давая других вариантов развития событий. Это угнетало, но готовиться всё равно было нужно, и каждый понимал это по-своему. Кто-то, например Паша с большой круглой головой, сидевший где-то позади, не слушал ни слова и продолжал обкусывать ногти на своём большом кулаке.

Сергей посмотрел на список контрольных вопросов, быстро пробежал по нему глазами и понял, что в мыслях быстрого ответа просто нет. Он посмотрел на Толика и толкнул его локтем в бок.

— Что? — мурлыкнул Толик.

— Что думаешь делать? Ты готов? — спросил Сергей, тут же ища себе сообщника в пустоте знаний.

— Ага… готов… — тяжело и протяжно вздохнул Толик.

Мысли Сергея тут же ушли в сторону быстрого решения предстоящего вопроса.

Шпаргалки. За пару дней подготовлю, — подумал он.

— Толян, комп работает же у тебя? — спросил Сергей.

— Работает, — ответил Толик.

Сергей придвинулся ближе и тише проговорил:

— Давай шпоры сделаем на нём.

— Как?

— Есть способ один, — подмигнул Сергей. — Провозиться придётся долго, но вдвоём справимся часа за четыре.

Толик заметно приободрился.

— Давай, Серёг, да хоть восемь. Мне никак нельзя трояк получить, сам знаешь.

Сергей снова посмотрел на список — вопросов было восемьдесят шесть. По всем темам с самого начала. Да… многовато, — подумал он. Он знал, что школьные оценки всё-таки важны для поступления куда-то дальше: везде требуют документ, по которому видно, как ты учился. У Сергея с этим планом всё было в порядке. Он умело обходил на поворотах даже лучших зубрил класса, научившись делать первоклассные — пожалуй, лучшие в своём роде — шпаргалки. Ни учителя, ни другие ученики не могли понять, как он пишет контрольные так хорошо и при этом отлично отвечает на уроках, когда это ему было нужно.

— Сегодня новая тема, и она тоже будет в контрольной, — начала учитель, выводя мелом строки на доске.

Сергей мысленно разложил решение проблемы на действия, вспомнил о другой теме и снова толкнул Толика локтем, наклонившись к его уху.

— Ну что ты узнал по поводу милиции? Куда идти учиться? — спросил он, понизив голос.

Толик понял вопрос и тут же ответил:

— Пока ничего не понятно. На следующей неделе батя приедет узнавать, что и как. Говорит, оценки в дипломе должны быть без троек.

Толик вздохнул, помотал головой и на секунду отвёл взгляд.

— Да ладно, Толян, у меня тоже не лучше, — подбодрил его Сергей.

— Мартынов! — вдруг прозвучала фамилия от учителя, которая пристально смотрела на Сергея.

Сергей встал. Весь класс нехотя оглянулся, наблюдая сцену наказания попавшегося.

— Продолжай, пожалуйста, Серёжа, — добавила она.

Сергей посмотрел на доску и на учителя. Было ясно: она ловила любого болтуна, и сегодня им оказался он. Она недолго смотрела на него, понимая, что он пропустил часть монолога и застигнут врасплох.

— Продолжай, Серёжа, — строго, но с лёгким смешком сказала она, продолжая давить.

Сергей посмотрел на доску. Там была написана дата: 3 марта 1861 года.

— Какой вопрос, Ирина Григорьевна? — спросил он, пытаясь сгладить ситуацию.

— Серёжа, — обратилась она к нему, — садись и слушай, тогда будешь знать, что за вопрос, — сказала учительница и тут же продолжила урок.

Петя Карасёв, сидевший прямо перед Сергеем, повернулся и с победной ухмылкой отличника спросил:

— Дохрена, да, Серёг…

Сергей посмотрел на Петю и сначала не понял, в чём вопрос. А Петя, не желая слушать ответ, уже отвернулся обратно. Крупное лицо Пети с веснушками будто намекало, что Сергею эту контрольную не написать. Это был его старый дружок, с которым сложились неформальные соревновательные отношения, причём соревнование всегда создавал для себя именно Петя. Для

Сергея в этом не было проблемы, но Петя, всегда учивший уроки, заметно огорчался, когда Сергей, казалось, ничего не уча и не тратя на это время, получал такие же или даже более высокие оценки. Для Сергея это была просто выработанная стратегия, для Пети — соревнование. В какой-то момент Сергей понял страдания самолюбия Пети, и его даже начало забавлять это соперничество.

— Да напишем, Петь! — с улыбкой сказал Сергей ему в спину.

Петя покраснел и уткнулся в тетрадь.

Учитель подошла к доске, ещё раз пристально посмотрела на класс, словно в последнее предупреждение, лизнула мел и дописала:

«3 марта 1861 года — отмена крепостного права в России. Предпосылки и итоги».

Сергей смотрел на доску и переписывал тему в тетрадь.

Прозвенел последний звонок. Ребята сложили тетради и учебники, и наконец-то можно было выходить из школы.

— Серёг, давай прогуляемся немного, — сказал Толик и потянул Сергея за руку.

— Пошли, — тут же отозвался Сергей. — А куда ты хочешь?

— Пошли скушаем по пирогу, — ответил Толик, высовывая из кармана немного бумажных рублей и демонстрируя их Сергею.

— Пойдём, — сказал Сергей, и, закинув рюкзаки за плечи, ребята пошли в сторону танка, где неподалёку был продуктовый магазин. Там можно было купить свежеиспечённые пирожки с картошкой.

Толик явно хотел сбросить стресс, который наваливался на него всё с большей силой. Теперь, когда примерное направление поступления было определено, важно было закончить школу с хорошими оценками. Отец говорил ему, что оценки — одна из важнейших составляющих для поступления в школу милиции.

Стоя на мосту над рекой, которая делила город, ребята жевали пироги и разговаривали. После школы есть пирожки на улице было особенно вкусно. Настроение после тяжёлого дня постепенно отпускало, несмотря на то, что вокруг было столько манипуляторов в виде учителей, которые наводили тучи на будущее и пугали надвигающимися экзаменами.

— Серёг, когда будем шпоры делать? — спросил Толик, глядя на воду с моста.

— А когда у нас контрольная?

— В эту пятницу, — ответил Толик.

— Ну давай, я сегодня-завтра всё подготовлю, потом к тебе приду и сделаем.

— Давай, — ответил Толик.

Сергей понимал, что шпоры — это сложная и очень муторная работа. Тут нужно было подходить с большим рвением и аккуратностью.

— Принтер у тебя есть? — спросил Сергей.

— Есть, — ответил Толик.

Сергей представил тот труд, который им предстоял. Других вариантов в голову не приходило: знаний на все ответы не хватит, за два дня всё выучить точно не успею. Нужно готовить, — закончил он про себя, немного вздохнув. Но компьютер должен был облегчить задачу. Раньше Сергею приходилось писать шпоры от руки, и схема была уже отработана.

— Давай, в любое время заходи ко мне и начнём, — предвкушая преодоление своей внутренней тревоги перед экзаменами, воскликнул улыбающийся Толик.

Сергей улыбнулся и добавил:

— Только это секрет. Никому не говори.

Толик закивал:

— Конечно, Серёг.

— Тогда давай завтра начнём сразу после школы, — сказал Сергей и продолжил: — Мне сейчас надо домой забежать, а потом в гараж — с ребятами заводить «Запорожец».

Он улыбнулся, пытаясь заинтересовать Толика, чтобы тот присоединился.

— Не, Серёг, — покрутил головой Толик, понимая, куда тот его зовёт. — Мне запретили. Сказали, что я должен полностью посвятить себя учёбе, чтобы поступить в школу милиции. Нельзя мне, не пускают. Ты же знаешь.

Сергей понимающе закивал. Он понимал, что над Толиком висит контроль со стороны родителей и что в жизни, помимо школы, тот не разделяет его интересы. Сергей и не переживал из-за этого. Какая разница, в чём заключается дружба. Он уважал позицию своего школьного друга.

Покончив с пирогами, друзья проводили друг друга до перекрёстка и распрощались.

Через полчаса Сергей был уже дома и пил чай. На плите стояла свежеприготовленная мясная подливка и сваренные макароны — тётушка в обеденный перерыв прибегала домой, готовила еду для племянника и уходила обратно на работу.

Сергей выложил на сковороду макароны, добавил

мясную подливку, зажёг газ и разогрел всё как следует. Поев, он начал собираться к Вале. Взяв телефон, набрал его номер. Трубка несколько раз прогудела, и в ней послышался голос Валиной сестры.

— Алло, — чётко и звонко отозвалась Катюша. Ей было семь лет.

— Привет, Катюша, это Сергей. Позови Валю.

— Его нет, он ушёл с папой, — ответила она.

— Спасибо.

Сергей положил трубку и начал собираться. То, что Вали не было дома, как и его отца, означало, что всё идёт по плану: они, скорее всего, пошли забирать бронепровода для «Запорожца». Сергей не стал дожидаться, пока Валя вернётся, и решил побежать к нему, чтобы не терять времени.

Через пятнадцать минут он был уже возле Валиного дома. «Может, уже пришли?» — подумал Сергей и, открыв дверь подъезда, побежал наверх, на пятый — последний — этаж.

Его всегда забавляло, что лестницы в таком высоком доме напоминали искривлённое пианино. Каждая ступенька имела свою индивидуальность в виде неровностей. Ходить по таким лестницам было странно — словно попадаешь на искривлённую дорогу. Чем выше поднимаешься, тем страннее это ощущение. И как они вообще это строили? — удивлялся он каждый раз, проходя этот квест.

На четвёртом этаже у Сергея заколотилось сердце, дыхание стало чаще. Не сбавляя темпа, он из последних сил вбежал на пятый. Облокотившись руками на колени, нажал на звонок.

Дзынь — прозвенел резкий звук, похожий на сверчка-

попугайчика.

Через мгновение с другой стороны двери начал поворачиваться замок. Дверь приоткрылась, цепочка не давала ей открыться полностью. В щели показалась белая голова Катюши с двумя косичками в разные стороны и голубыми глазами, похожими на большие серебряные монеты.

— Чего тебе, Сергей? — спросила она очень умно и не по годам уверенно.

— Катюша, позови Валька! — прищуриваясь и заглядывая в дверной проём, сказал Сергей.

— Их дома нет, я же тебе сказала, Сергей. Они с папкой куда-то пошли, — ответила твёрдым детским голоском эта юная леди.

— А, ясно… Я подумал, что уже пришли, — с досадой сказал Сергей. — Я тогда подожду их на улице.

К дому как раз подходил Валентин, в руках он держал пакет.

— Ну что? — с нетерпением спросил Сергей.

— Есть!

Ребята даже немного подпрыгнули от радости.

— Покажи.

Валя аккуратно приоткрыл пакет. Внутри виднелись чёрные резиновые толстые провода с пластиковыми наконечниками, которые надевались на свечи зажигания. В них-то и была проблема. Ребята улыбнулись и снова подпрыгнули — от удовольствия, от того, что и этот квест был пройден.

— Погнали, — сказал Валя, и они, ускорив шаг, пошли в сторону гаража, через мост.

— Когда Лёха придёт? — спросил Валя Сергея.

— Я не знаю, я ему не звонил, — ответил Сергей. — А

толку звонить, если проводов не было.

Ребята тут же поняли, что маршрут в гараж пока не имеет смысла — ключи всё равно были у Лёхи.

Они замедлили шаг и остановились посередине моста. Валя вытащил из кармана горсть семечек и протянул Сергею. Ребята, опершись на перила, стояли и смотрели вниз.

— Ты слышал, Серёг? Говорят, вчера кто-то купался уже.

— Ничего себе… рано ещё, конец марта только, — ответил Сергей и немного поморщился, изображая холод.

— Ты бы прыгнул? — спросил Валя, глядя на воду.

Сергей посмотрел вниз, глазами измеряя расстояние — представляя, как перелезает через перила и прыгает.

— Прыгнул бы… — ответил он. — Да только зачем?

Валя засмеялся.

— Это точно.

— Вон, смотри, торчат какие брёвна, — Сергей показал рукой на старые брёвна, оставшиеся, видимо, от прежнего моста. Течение иногда оголяло их опасные места.

Валя закивал, соглашаясь: и правда опасно.

— И расстояние большое. Можно приземлиться неправильно, отбить себе что-нибудь… Да и зачем это делать, — махнул рукой Сергей.

Валя кивнул.

Шелуха летела вниз, к воде, и разносилась ветром.

— Что после школы будешь делать, Валь? — спросил Сергей.

Валя был ровесником Сергея, но учился в другой школе. Дружили они с детства.

Валя посмотрел на Сергея.

— Да не знаю я, Серёг… Я вообще как батя — на машине ездить, на грузовой. А батя говорит, что учиться надо. Пока не решил. Как будет — так будет, — ответил Валя и замолчал.

— А ты? — спустя паузу спросил он.

— Да вот тоже думаю… может, в милицию работать пойду, — ответил Сергей.

Валя ехидно засмеялся.

— Это что, гаишником, что ли, быть? — с нескрываемым расстройством проговорил он, явно не одобряя выбор Сергея.

Сергей посмотрел на Валю с недоумением — он не ожидал такой реакции.

— Мне батя каждый рейс рассказывает, как они откупаются от них, взятки дают. Ох и гады они. Нашего брата обдирают как липку, — завёлся Валя.

— Ну не все же такие, — начал парировать Сергей.

— Хах, не все… Серёг, они все такие. Всех рабочих людей эти менты оберут до нитки: то колёса не те, то перегруз, то ещё что-нибудь, — не унимался Валя.

Сергей смотрел на него и был разоружён таким упорством и рвением унизить его выбор.

Он вздохнул, расстроился и попытался возразить:

— Валь, ну я вот не хочу так…

— Да не хочу… всё равно станешь как все, — махнул рукой Валя, явно копируя жест своего отца. Раньше Сергей такого в нём не видел.

Это было странно и немного больно. Как будто тебе говорят, что ты будешь таким, как все, — и точка. Но откуда ты знаешь? — думал Сергей, глядя на реку, которая освобождалась ото льда и расширялась, забирая

берега.

— Ты не прав, Валь, — сказал Сергей. — Ты что, считаешь, что все люди одинаковые?

— Батя говорит, что там все такие. Все идут туда, чтобы взятки брать. Честных там нет.

Что мог сказать Сергей против слов отца Вали?..

Мальчишка с круглыми, горящими глазами — и внутри лишь ощущение несправедливой, однобокой правды этих слов.

— Я не такой, — ответил Сергей.

— Ну тогда тебя туда и не возьмут, — сказал Валя, окончательно замыкая этот разговор в тупик.

Но Сергей был против таких рассуждений.

— Ну посмотрим, — сказал он.

Небольшая пауза возникла между ребятами.

— Ладно, пойдём, — сказал Сергей, не найдя ответов на выводы Вали.

— Ладно, — согласился Валя. — Куда пойдём?

— До Лёхи точно не пойдём, к нему целый час идти, — устало ответил Сергей.

— Пойдём тогда к гаражу?

— А что там делать? Ключей-то нет, — ответил Сергей.

— Ну тогда давай ко мне забежим. Отец на работе, мама тоже. Возьмём что-нибудь перекусить и Лёхе домой позвоним, — предложил Валя.

Ребята двинулись обратно по мосту, в сторону дома, где жил Валя.

Валя жил в трёхкомнатной квартире на пятом этаже панельной пятиэтажки — с кривыми лестницами и разными цветами дверей.

Поднимаясь второй раз за день по лестнице, Сергей спросил:

— Валь, а что с этими строителями было, когда они этот дом строили?

Валя, каждый день поднимаясь и спускаясь по этим лестницам, как будто не понял вопроса. Он пожал плечами — привычка видеть одно и то же, и ты уже не замечаешь изъянов.

— Ну посмотри, какая кривая, — сказал Сергей, балансируя на ступенях.

Валя снова пожал плечами, привычно поднимаясь по знакомому маршруту.

Дома их встретила сестрёнка. Она пристально посмотрела на Сергея своим деловым взглядом и тут же скрылась в комнате.

Отец Вали работал дальнобойщиком, мать занималась домом. Жили они скромно, но по меркам города — даже богато. Иногда Вале давали деньги, которые он тратил на восстановление «Запорожца».

Валя вытащил из холодильника кусок колбасы и тут же начал резать.

Вбежала Катя:

— Валя! Это мама купила! На всех! Оставь колбасу! — отчеканила она.

Валя любил сестрёнку. Увидев её строгий, мамин взгляд, он подхватил её на руки и с улыбкой сказал, что отрежет пару бутеров — и всё.

Катюша внимательно следила, отсчитывая и измеряя взглядом именно ту самую пару бутеров.

Поняв, что больше ничего не выйдет, Валентин махнул Сергею, который стоял на балконе пятого этажа и смотрел вниз.

Это был самый высокий этаж, на котором он когда-либо был. Здесь было гораздо выше второго — даже

немного страшно смотреть вниз, особенно не понимая, на чём держится этот балкончик. Он, как и лестницы дома, был каким-то кривым и слегка нависающим.

Подходя к краю, Сергей чувствовал тонкую дрожь где-то в ногах, ощущал нутром неуверенность конструкции и собственную уязвимость. И всё равно было интересно — каждый раз испытывать это новое чувство высоты, чего-то такого, чего раньше не приходилось переживать.

Вид отсюда завораживал. Макушки деревьев стояли почти на уровне глаз, сужаясь кверху, будто врезаясь в небо. На одной из веток застрял пакет, зацепился и болтался на ветру. Внизу — дорога, а на другой стороне — городская больница, где работала тётушка Вероника. Пасмурно. Солнце слабое, пробивается мутным ореолом сквозь серые тучи. Грязные ручьи текли вдоль дорог. На углу стоял синий металлический магазинчик. Люди и редкие машины отсюда казались кукольными. Всё вроде то же самое, что внизу, но иначе — меняется угол, и меняется мир. Прям картина.

— Серёг, ну пойдём уже! — крикнул с кухни Валентин, запихивая в рот ещё один бутерброд.

— Подожди, давай Лёхе наберём, — вспомнил Валя.

Он провернул телефонный диск.

— Алло, — ответил женский голос.

— Здрасьте! А Лёшу можно?

— Его нет, он пять минут назад ушёл.

— А через сколько будет?

Ответа не было. Потом трубка стукнулась о что-то тяжёлое, и вдали послышался голос:

— Лёша! Тебе звонят!

Через какое-то время в трубке раздался бас:

— Да.

— Лёх, здоров!

— Привет.

— Бронепровода у нас, пошли в гараж.

— Понял…

— Погнали, Лёх!

— Пока не могу… может, через часик.

— Ну мы тебя ждём, давай сейчас.

— Ща… — задумчиво ответил Лёша. Было ясно, что он занят — скорее всего, в огороде. Именно поэтому мама сначала не хотела звать его.

— Давай позже, мамке помочь надо.

— Когда? — голос Вали немного потух.

— Ну я ж сказал, давай через час выйду и подъеду.

— Отлично. Тогда ждём тебя у гаража.

Валя повесил трубку.

Ребята вышли из квартиры.

Катя аккуратно закрыла за ними дверь и провернула замок изнутри.

Окрестности Добужа. Вечер.

Близилась ночь, темнело. Два жёлтых глаза, немного подёргиваясь и моргая, смотрели из гаража. Там, надрываясь и выдавая характерное заднеприводное тарахтение, красный монстр прервал своё трёхмесячное молчание и наконец-то заговорил долгожданным металлическим языком. Это означало, что теперь у друзей был настоящий конь.

Каждый относился к нему по-своему. Он достался им по сложной схеме обмена на два мотоцикла. Документы

на него были ещё старого образца, и он просто-напросто был: были колёса, был двигатель и коробка передач — и этот красный агрегат теперь мог двигать колёсами самостоятельно, а не при помощи шести рук ребят, когда они заталкивали его в гараж.

Внутри в темноте блестели глаза, и этот долгожданный звук мотора был самым приятным звуком за последнее время. Он работал — значит, теперь нужно прокатиться.

Свет фар тускло рыскал по дороге. Валентин нажимал на газ. Тридцать… сорок… пятьдесят… Жёлтая лампочка, освещавшая приборную панель, тускло мигала и подрагивала. Белая стрелка спидометра медленно ползла по цифрам.

«Запорожец» рычал изо всех сил, но звук был где-то сзади — там, где мотор. Две выхлопные трубки превращали выхлоп в чёткое, последовательное бульканье, похожее на удары маленьких барабанов. Это придавало машине особый шарм. Этот звук олицетворял жизнь и движение вперёд.

После пятидесяти километров в час ребят охватило чувство, что он почти летит. Он и правда начинал будто взлетать, как бы отрывая передние колёса от земли.

— Далеко не поедем! Бензина не хватит! — сказал Валентин.

После этих слов «Запорожец» дёрнулся и заглох.

После того как ребята притормозили у обочины и сделали ещё несколько попыток, стало ясно: занятие бесполезное. Они открыли задний капот и подкачали бензин рычажком ручной прокачки бензонасоса. Через некоторое время карбюратор наполнился.

Вроде бензин есть — почему он не едет?

Сергей прыгнул за руль, повернул ключ — двигатель завёлся. Не теряя времени, ребята захлопнули задний капот и быстрыми движениями запрыгнули в машину.

Сергей ни разу не управлял машиной. Но уже три месяца, каждый раз, когда они сидели в гараже, он воображал переключение передач и играл педалями, изображая звук и моменты переключений. Теперь всё по-настоящему. Теперь нужно сделать то же самое — но не в голове и не на заглушённом двигателе, а по-живому.

Он выжал сцепление левой ногой, правой нацелился на газ, включил первую передачу. «Запорожец» дёрнулся. Сергей начал опускать сцепление, добавляя газ — машина ещё раз дёрнулась и заглохла.

Сергей снова повернул ключ: стартер провернул двигатель, мотор затарахтел.

Ещё раз. Сцепление. Первая. Чуть больше газа. Сцепление медленно — и больше газа.

«Запорожец» зарычал и будто хотел заглохнуть, но движение, уже начавшееся, не дало ему остановиться. Он продвинулся несколько раз рывками, набрал скорость и перестал дёргаться.

Сергей весь вцепился в руль и держал его, чтобы не съехать с обочины. Из труб пошёл синий закручивающийся дым, и машина побежала вперёд.

Окна начали запотевать изнутри: пар от дыхания встречался с холодными стёклами и оседал белой пеленой. Валя рукавом протёр лобовое — на мгновение снял тонкий слой тёплого пара.

Сергей давил на газ, «Запорожец» раскачивался. Ощущение непередаваемой новизны и счастья — встречи с этой новой возможностью — переполняло

всех троих.

— Смотри, — Валя протянул руку и указал на свет фар встречной машины. — Вот и первая встреча с другим участником движения.

Ребята выпрямились и замолчали. Зелёные «Жигули» поравнялись с ними и промчались дальше.

— Давай разворачивайся, Серёг, — сказал Валя, чувствуя внутри дискомфорт: они могут попасться милиции, и тогда покатушки закончатся, а начнутся неприятности.

Они всё это почувствовали, но Сергей давил на газ, и машина шла вперёд.

— Ещё немного. Вон до того перекрёстка — и развернёмся, — сказал Сергей и добавил газу.

Впереди показался перекрёсток. Сергей сбавил — нажал тормоз, послышался скрип, «Запорожец» рывками начал замедляться. Подъехав ближе, Сергей выкрутил руль максимально влево, включил первую, набрал обороты, резко бросил сцепление — «Запорожец» рявкнул громко. Задние колёса пошли по грязному асфальту, где тонким слоем лежала сырая грязь.

Машину затрясло, и она подалась вперёд, как бы занося заднюю часть за собой. Разворот вышел резким. Сергей выпрямил руль, и «Запорожец» выровнял курс обратно — в сторону посёлка, где на окраине ждали гаражи.

Осталось немного: вот-вот должны появиться огоньки… и в этот момент «Запорожец» начал дёргаться и перестал реагировать на газ. Через мгновение он остановился.

— Опять бензин, — переглянулись они.

Это была новая проблема. И если она повторяется снова — значит, дальше нужно будет чинить. Но даже это обстоятельство не смогло помешать счастью, которое они испытывали. Теперь Сергей знал точно: ничто их не остановит.

Они вышли и снова открыли задний капот. Зажгли маленький фонарик от аккумулятора — щёлкнули, загорелся жёлтый свет. Нащупав бензонасос, Валя несколько раз нажал на рычажок ручной прокачки — из бака в карбюратор должен был пойти бензин.

Поначалу он чувствовал пустоту: когда внутри есть бензин, педалька ведёт себя иначе — нажимается туже, и сопротивление создаёт небольшое подрагивание и звук. Сделав ещё с десяток движений, Валя почувствовал, как педалька «тяжелеет»: бензин пошёл, карбюратор наполнился.

— Давай, заводи, — скомандовал Валя.

Сергей прыгнул за руль и повернул ключ. Мотор задрожал и завёлся. Закрыв задний капот, ребята снова уселись, и Валя голосом знатока сказал:

— Похоже, что-то с подачей бензина. Завтра посмотрим.

С этими словами Сергей притормозил и резким движением свернул к тропинке гаражей.

Всё прошло успешно. Но теперь нужно было решать вопрос с бензином. Бензин — штука дорогая. Полбака ребятам не залить. Литров пять — может быть. Ну десять. Но если залить мало, можно встать где-нибудь посреди дороги. А «Запорожец» катить в гору даже втроём почти невозможно: почти восемьсот килограммов веса, да и колёса не такие лёгкие, как хотелось бы.

Нужно было что-то решать.

И ребята нашли «решение»: вместо бака поставили канистру, закрепили её неподалёку от двигателя и опустили в неё шланг. Попробовали — сработало. Это было небезопасно, даже, скорее всего, опасно: двигатель греется, бензин легко воспламеняется… Но об этом ребята решили не думать. После проверки канистру снова сняли: бензин требовалось купить перед поездкой.

— Ну всё! В пятницу вечером тогда стартуем! — воодушевлённо сказал Сергей.

Все поддержали. Пора было расходиться: почти десять вечера, а завтра снова в школу.

Закрыв гараж, Лёха положил ключ в карман. Попрощался, сел на велосипед, резко навалился на педали — большие колёса пробуксовали, и Лёху понесло в сторону дома.

— Здоровый конь этот Лёха…

Ребята переглянулись, уловив одну мысль на двоих, и смотрели, как он уже на скорости всё равно давит на педали так, что колёса снова пробуксовывают перед поворотом.

От гаража они шли уставшие и переполненные эмоциями. Почти четыре месяца возни, ожиданий, поисков решений — и теперь у них была не просто железная банка с диванами внутри, а настоящая машина. Каждый внутри чувствовал счастье.

Они договорились встретиться на следующий день днём и начать подготовку к выезду.

Лёша был самым старшим из них, но самым нерасторопным. Гараж принадлежал ему. Он год как закончил школу и пока ничем не занимался. После лета

должен был идти в армию — и беззаботно встречал всё, что приходило в жизнь, будто не испытывая никаких эмоций. Он был деревенского склада: ему было достаточно плыть по течению — и он плыл. Ребята вокруг него руководили этим кораблём, а он лишь иногда смотрел, куда летит этот корабль приключений, по факту почти никак к нему не относящийся.

Он был немного закрыт, будто не проявлял интереса ни к чему, словно у него совсем не было идей. Но он всегда был рад быть в одной струе с ребятами. Они нашли возможность приобрести транспорт, продав два мотоцикла зимой. Им нужно было место для ремонта — и этим местом стал Лёхин гараж. Он, не особо сопротивляясь, впустил их.

Так всю зиму ребята почти каждый день приходили сюда — навещали своё новое транспортное средство, знакомились с нюансами и характером. Особенно трудно было с электричеством: два месяца ушло, чтобы изучить схемы и проверить каждый проводок, идущий к пунктам управления. Для них это было не просто времяпрепровождение. Это был вызов с понятной целью: машина должна ехать. И цель была достигнута.

Три месяца машина стояла, не подавая признаков жизни. Всё поменяли — но чего-то не хватало. Не хватало опыта. И однажды всё исправил Валин отец. Он зашёл в гараж, посмотрел опытным взглядом на двигатель, потеребил провода трамблёра, попросил выкрутить свечи, присмотрелся к искрам свечей — и сказал, что проблема в том, что два провода на свечи перебиты.

Потом понадобилось ещё две недели, чтобы отец Вали нашёл такие провода у знакомого в гараже. И вот

сегодня состоялся долгожданный пуск.

Впереди были планы — и они ничем не ограничивались. Машина давала возможности. Жара и дождь теперь не помеха: можно долго сидеть внутри и кататься, кататься и кататься. Всё теперь зависело от бензина — добывать его тоже надо было с усилием. И, конечно, с той самой смелостью ездить так, чтобы не попасться на глаза милиции.

Домой Сергей попал уже в темноте.

Тётушка лежала на кровати и читала книгу. Небольшой торшер светил сверху, обливая страницы жёлтоватым светом.

— Серёж, ты что так поздно? — спросила она, приподнимаясь.

— В гараже был, ма, — ответил Сергей.

— Кушать хочешь? — спросила тётушка, посмотрев на его грязные руки.

— Ой… — вскрикнула она. — Иди умойся.

Сергей сделал себе несколько бутербродов с салом и лёг спать, ни о чём больше не думая.

СРЕДА

Добуж. Квартира Сергея. Школа. Утро.

В комнату зашёл чёрный кот Кузя. Он посмотрел на Сергея чуть прищуренными глазами, потом медленно и грациозно зевнул и сказал своё привычное «мрр», будто напоминая, что давно пора вставать. Он ждал.

Кузя был его лучшим другом. Больше, чем кот — член семьи, с правами настоящего друга. Сергей знал его лучше всех, и кот знал Сергея лучше всех. От Кузи он незаметно перенял важные вещи: независимость, спокойствие и мягкую силу без суеты.

— Ну что ты, красавец мой… встаю, встаю уже, — сказал Сергей, поднимаясь с кровати.

Он подхватил кота и пошёл на кухню. Тётушки не было — она ушла рано утром по каким-то делам. Колбаса — пополам с котом, кофе три в одном, пара сушек — и бегом в школу.

По дороге Сергей вспомнил, что сегодня среда и до контрольной оставалось всего несколько дней. Время поджимало. Готовиться не хотелось, но надо было.

В школе день тянулся особенно тяжело. Солнце светило в окна, начинался урок физики. Учительница физики, она же учительница химии, была худощавой женщиной с большими оправами очков.

Кабинет физики и химии отличался от остальных. Это была не просто классная комната, а целая маленькая кафедра. По периметру стен, под потолком,

висели портреты учёных — Менделеева, Ньютона, Эйнштейна и других, имена которых Сергей толком не знал. В классе было полутемно: окна завешаны тяжёлыми тёмными шторами до пола, и солнечный свет пробивался лишь местами, выхватывая из воздуха крошечную пыль.

Перед партами стоял большой стол — кафедра, занимавшая всю переднюю часть класса. Она была чуть выше уровня парт. За ней на стене висела большая коричневая школьная доска.

Сергей с Толиком сидели посередине, на второй парте. Сергею нравились эти уроки. Лариса Николаевна действительно старалась объяснять, и иногда у неё это получалось — а это было редкостью.

На доске большими белыми буквами было написано: ТЕРМОДИНАМИКА.

Лариса Николаевна ходила вдоль кафедры, готовясь к началу. Она начинала быстро, без лишних вступлений. Уроки у неё были чётко выстроены, лекционные — можно было расслабиться и просто слушать. Иногда она приводила удачные примеры, и тогда становилось интересно и понятно.

Многих знаний Сергею не хватало. Были дыры в словах, а формулы — самая важная запинка — никак не укладывались в голове. Он смотрел на доску и пытался собрать картину целиком, представить её. Так у него и начиналось понимание — через образ.

— Итак, — начала Лариса Николаевна, слегка опустив голову, словно вспоминая порядок объяснений. Она показала мелом на доску. — Мы приступаем к новой теме. Она большая и иногда сложная, поэтому требует особого внимания. Термодинамика.

Она сказала несколько слов об истории, но Сергей слушал вполуха. Потом Лариса Николаевна вышла в центр класса, положила мел на край стола и повернулась к ребятам.

Худенькая, невысокая, с морщинками и рыжими волосами, торчащими завитками в разные стороны, она начала растирать ладони друг о друга.

— Вот так. Делайте.

Класс повторил. По комнате прошёлся весёлый гул — смешки и звук трущихся ладоней. Сергей тоже сложил руки и начал тереть их. Через несколько секунд между ладонями появилось тепло.

— Ну что, чувствуете? — спросила Лариса Николаевна.

— Тепло!

— Горячо!

— Ух, согрелся!

Класс засмеялся.

— Вот, — сказала она. — Любая работа даёт тепло. Это и изучает термодинамика.

Класс оживился. Лариса Николаевна, довольная, вернулась к доске.

— Записываем.

Она взяла новый мелок и написала: Первый закон термодинамики. Мел сыпался вниз, доска постепенно покрывалась терминами и формулами. И постепенно интерес угасал. Первое стало понятно, дальше — ускользало. Внимание расползалось. Лишь несколько человек на первых партах старательно записывали всё слово в слово.

Сергей смотрел в окно. Его зацепили тёплые ладони — этого оказалось достаточно, чтобы понять суть.

Подробности больше не цепляли. Он вспомнил, как вчера во время поездки от работы нагревался мотор «Запорожца».

Он посмотрел на Толика. Тот, подперев подбородок рукой, медленно сползал по парте и механически переписывал слова с доски, почти не вникая ни в написанное, ни в сказанное.

Следующим был урок физкультуры. Ребята пошли в спортивный зал, где всё прошло буднично: учительница, не вникая, устроила свободный урок — кинула мяч ребятам и сразу ушла в свою небольшую каморку, где уселась пить чай.

Класс разбрёлся по прохладному залу. Кто-то сел на длинные деревянные скамейки вдоль стен и, как воробьи, начал между собой чирикать. Кто-то взял мяч и стал бить им о стену.

Сергей смотрел на Вику. Она иногда поглядывала на него в ответ. Для него она была немного особенной — но всё же в ней чего-то не хватало, чтобы внутри созрела настоящая, откровенная симпатия. Вика была худенькой, красивой, но будто не до конца искренней. Как будто закрытой изнутри и острой. Словно невидимые иглы торчали вокруг неё, не давая приблизиться. И при этом её маленькие острые глаза зорко высматривали добычу. Этой добычей был Сергей.

Паша толкался с Васей. Вася бил Пашу по спине, и от этого раздавался глухой, пустой звук. Паша в ответ громко и протяжно смеялся. Смех был странный, чуть пронзительный.

Вася был самым гадким и невыносимым одноклассником — казалось, для всех. Он как будто находился в классе только для того, чтобы между теми,

кто готов дружить, и теми, кто готов разрушать, всегда существовал барьер. Вася был из тех, кто разрушал. Он не видел преград для того, чтобы выплёскивать свою неугомонную злость — без стеснения, по отношению к любой нормальности. Он смеялся, плевался, раздавал невидимые подзатыльники. Сейчас он издевался над Пашей, а тот, казалось, принимал эту роль с удовольствием, будто был грушей, которая от ударов издаёт смех.

Каждый удар кулаком по Пашиной спине отзывался глубоким пустым звуком — словно спина была барабаном. Сергей, наблюдая за этим, вдруг понял: это не просто игры. Это было что-то большее. Как будто изливание боли одного через другого.

Для этого нужно было знать одну правду о Паше. Однажды он поделился ею с Сергеем и показал синяки — чуть ниже шеи, на спине. Синие ссадины были старыми и свежими одновременно. Паша даже немного гордился ими. Он рассказывал, что играет дома на баяне, и когда у него не получается, отец бьёт его — делает хлыст из провода с розеткой на конце или иногда бьёт спицей по голове. Он показывал, как у него чешется затылок, расчёсывая свою круглую голову. Что ещё происходило в их квартире, Сергей не знал. Но было видно: эти удары Паша воспринимал как что-то привычное, почти как смех. Внутри у него давно всё сгорело, и боль он чувствовал уже иначе.

А Вася… Васю тоже били. Но по-другому. Его боль не оставалась внутри — она выходила наружу. Он вымещал её на других, будто проверяя, кто выдержит. Одна фраза, которую Вася постоянно повторял про отчима, — «ты сильно не учись, а то шибко умным

будешь» — многое объясняла. Так и сходились эти двое: одного били — другой бил. Это не были игры, и не было в этом выбора. Это была данность.

Травмированы были почти все. Даже он сам. Главное — охрана своей территории. За неё приходилось стоять: иногда с кулаками, иногда с синяками. Но это было раньше, в предыдущих классах. Большинство уже получили свою прививку, знали границы и возможности друг друга. Обучение подходило к концу, и доказывать что-то в классе уже не было необходимости — оставались лишь редкие неприятные эпизоды. В остальном класс жил привычно, разбившись поодиночке или на небольшие группы по интересам. На этом фоне отношения между Сергеем и Васей с самого начала складывались сложно. Они щупали друг друга, проверяли границы. Сергей пытался сохранить мир, а Вася — со своей неугомонной натурой — постоянно эти границы нарушал. Сергей долго и упорно выстраивал свой порядок, но договориться с Васей оказалось невозможным. Дружить он не умел и не хотел, и потому каждый день нужно было быть готовым стоять на страже своего пространства. К концу девятого класса причина стала ясна: семейная травма Васи выливалась наружу, а боль, полученная дома, выходила через мучение других.

Последнего урока в этот день не было — учитель биологии заболел, и всех отпустили пораньше. Сергей с Толиком договорились встретиться вечером у Сергея, чтобы начать готовиться к контрольной по отечественной истории.

Добуж. После школы. Вечер.

Выйдя из школы и убрав из головы школьную жизнь, Сергей побежал домой — обедать.

Заходя в подъезд, он почувствовал знакомый запах — тётушка варила какой-то суп.

— Привет, ма, — открывая дверь квартиры, крикнул Сергей.

На кухне играло радио. По нему передавали старинный романс. Тётушка задумчиво смотрела в окно и тихо напевала, будто разговаривая сама с собой. Услышав Сергея, Вероника Степановна оглянулась. Она увидела своего племянника — уже совсем взрослого, красивого, широкоплечего, подрастающего мужчину. Улыбка не сходила с лица Сергея, и, заметив её, она тоже выходила из своего одинокого, задумчивого состояния и начинала улыбаться.

— Привет, дорогой. Садись, кушать будем.

Иногда тётушка как будто входила в особое состояние — словно была не совсем здесь. Глаза её смотрели куда-то дальше комнаты, дальше окна, дальше дня. Казалось, она видела и чувствовала что-то своё, тихое и сильное. Возвращение в обычный разговор требовало небольшой паузы. Но в этом не было ничего странного — наоборот, Сергей чувствовал в этом что-то новое и по-настоящему доброе. После таких минут тётушка мягко улыбалась и медленно возвращалась к делам. О чём она думала в эти часы, где бывала — не знал никто, кроме неё самой.

Сергей помыл руки и сел за стол. Щи были вкуснейшими.

— Ма, скажи… ты можешь дать мне немного денег? — спросил он, глядя на тётушку.

Ему всегда было неловко просить у неё деньги, но других вариантов не было. Он знал: если у неё есть — она не откажет.

Не дожидаясь ответа, Сергей тут же похвастался, что они наконец-то отремонтировали «Запорожец» и вечером в пятницу поедут на нём на дискотеку в деревню. Добавил, что деньги нужны на бензин. О лишних покупках, о которых тётушка знать не должна, он умолчал.

Тётушка удивлённо посмотрела на него. В глубине души она надеялась, что их возня в гараже продлится подольше. Сергей был так увлечён и, главное, перестал ездить на мотоциклах, за которые она всегда переживала, вздыхая при каждом разговоре о поездках.

— Подожди, Серёж… а как вы поедете? Документы же нужны. Кто за рулём?

Сергей быстро выкрутился. Сказал, что машиной управляет Лёша — парень постарше, которого она толком не знала, только слышала имя.

— Всё в порядке, ма. У Лёши есть права, он и поведёт, — не моргнув, сказал Сергей.

Обычно он не обманывал тётушку, но решение было окончательным. Он не хотел лишних вопросов и тем более ссор. Это маленькое, почти безобидное враньё она всё равно не стала бы проверять — и оно прошло.

Тётушка вздохнула. Вопросов больше не осталось.

— Сколько тебе нужно? — спросила она, уже понимая, что её тревоги тут ни при чём. Если Сергей решил — останавливать его бесполезно. И она не хотела быть той, кто станет ему помехой.

— Да дай сколько есть… литров на пять бензина. Рублей двести.

Тётушка полезла в кошелёк и достала деньги. Сумма была небольшой, но иногда они жили на такие деньги по нескольку дней. Она умела считать, была бережливой и даже умудрялась откладывать что-то на будущее.

Сергей взял деньги, обнял тётушку и поцеловал её.

— Спасибо, ма.

Потом схватил кота, прижал к себе и понёс в свою комнату. Минут пять он рассказывал ему, что у него теперь есть машина и что в пятницу он даже поедет на ней. Никогда у него такого не было.

Кот слушал. Кот его любил. И, кажется, понимал.

Повалявшись немного в кровати, Сергей взял домашний телефон и набрал знакомые цифры. В трубке послышались гудки.

— Алло, — отозвался Толик.

— Ну что, Толян, я скоро выйду к тебе, — сказал Сергей.

— Давай, я жду, — ответил Толик.

Положив трубку, Сергей разобрал учебники и нашёл два по истории. Взял бумагу, широкий прозрачный скотч, список вопросов к контрольной, сложил всё в портфель и выбежал на улицу.

Через некоторое время ребята уже сидели у компьютера. Толик жил в таком же двухэтажном доме, как и Сергей, тоже на втором этаже — в трёхкомнатной квартире. У него была почти своя комната, проходная, с выходом на балкон. Балконом пользовались все, и иногда мама Толика тихо проходила через комнату, стараясь никого не отвлекать.

Толик медленно набивал текст, отыскивая буквы на клавиатуре, а Сергей выискивал в учебнике ответы на

вопросы и, максимально сокращая, зачитывал или передавал Толе фразы, которые тот вбивал на белый экран. Бумаги лежали прямо на полу, учебники были раскрыты, прозрачный скотч тянулся длинными полосами. Ребята сидели на коленях и что-то вырезали, перекладывали, шептались между собой.

Мама Толика каждый раз невольно бросала на них взгляд. Она не совсем понимала, чем именно они занимаются, но видела — готовятся к контрольной по истории.

— Ну, мам… аккуратнее, — сказал Толик, когда она в очередной раз пробиралась через комнату, стараясь не наступить на листы и книги.

— Я за картошкой, на балкон, — быстро ответила она и, почти не дыша, прошмыгнула мимо, всё ещё поглядывая на них с тем спокойным, немного отстранённым вниманием, с каким смотрят на детей, занятых чем-то важным и своим.

Иногда Толик бегал на кухню и возвращался с чаем, конфетами или бутербродами. Сначала работа шла вяло, но постепенно появилась какая-то чёткость. За окном темнело, глаза уставали, но многое уже было сделано — почти половина вопросов разобрана по смыслу и перепечатана.

В голове стоял хаос: не только от знаний, которые волей-неволей оседали внутри, но и от этой странной, подпольной, но такой понятной работы — изготовления шпаргалок. В запасе оставался ещё один завтрашний день, и, договорившись продолжить, они перенесли остаток на потом.

Домой Сергей вернулся поздно. Но внутри стало спокойнее — тревоги за контрольную будто стало

меньше. Наполовину — точно.

Он лёг в кровать и подумал, что работа на компьютере и изготовление шпаргалок полезны, в том числе потому, что тексты сохранятся и их можно будет использовать потом — для выпускных экзаменов. Мысли утихали, и он уснул. Сон приходил медленно, втягивая его в мягкий круговорот отдыха.

Ему снилась тропинка, уходящая в лес. Он шёл по ней, рядом были Валя и Лёша. Оглянувшись, он их уже не увидел — остался один. Дорога стала незнакомой, тропинка исчезла. Куда идти — было непонятно, вокруг стояли только деревья. Он продолжал идти…

Сон оборвался и перетёк во что-то другое. Теперь он оказался в квартире, в которой никогда не был. Он не видел её раньше, но вдруг был в ней — словно сверху, мягко пролетая сквозь преграды. Вылетев в окно, он очутился на балконе Вали, потом — прыжок через дорогу… И в этот момент тело пронзило чувство падения, резкого и неконтролируемого. Он дёрнулся, нащупал ногами спинку кровати и сразу понял — это был сон.

Сергей перевернулся на другой бок и снова уснул.

ЧЕТВЕРГ

Добуж. День и вечер.

День шёл медленно. Дождь молотил с разными порывами с самого утра. Пришлось даже взять плащ-пакет, чтобы добежать до школы. Ноги промокли. Весь класс сидел уныло, глядя на учителя английского языка. Раиса Семёновна, молодая учительница с большими оправами очков, сидела за столом и слушала, как Вика читает по-английски очередной текст из учебника.

Сергей и Толик, немного съехав по парте, подпёрли головы ладонями и ждали, когда очередь отвечать дойдёт до них. И только после того, как она прошла мимо, они снова расслабились и погрузились в дремучее состояние, дожидаясь конца урока.

Звонок позвал на перемену, и класс медленно вышел в коридор, где такие же встречные потоки других классов текли навстречу.

Оставалась ещё пара уроков — и можно было идти домой. А сил уже почти не было: к знаниям не тянуло, общаться тоже не хотелось. Завтра — два урока отечественной истории с итоговой контрольной. Ребята молча переносили всю эмоциональную нагрузку, свалившуюся разом. Накануне они целый вечер делали шпаргалки, набивая на компьютере тексты ответов. Это было действительно много. Сегодня нужно было осилить ещё половину, а потом останется распечатать, склеить — и дело в шляпе. Один из важных этапов будет

позади.

День был дождливый и пасмурный. Всё с самого утра шло вязко и тяжело. Мысли о поездке крутились где-то рядом, но сегодня упирались в дождь и усталость. После школы Сергей зашёл домой, переоделся и, немного посидев в тишине, взял трубку домашнего телефона.

Он набрал Валю.

— Алло, — ответил Валя.

— Валёк, слушай… Мы же сегодня хотели бензин взять и всё ещё раз проверить.

— Да.

— С такой погодой — ну его. Всё мокрое. Давай завтра спокойно сделаем, перед выездом, — сонно сказал Валя.

— Я тоже так думаю. Завтра нормально будет.

Сергей помолчал секунду.

— У меня двести рублей есть.

— Хорошо. Я вечером у отца деньги возьму, добавим.

— Тогда договорились. Завтра.

— Давай.

Сергей положил трубку. Подготовку к поездке решили отложить до пятницы. Сегодняшний вечер оставался за другим — подготовкой к контрольной.

Он снова взял телефон и набрал Толика.

— Алло, Толь. Ну что, я иду?

— Да, давай, — ответил Толик.

После школы ребята разошлись по домам, перекусили и вновь встретились у Толика. От обоих требовалось собраться и доделать начатое. Процесс был тем же, и через несколько часов удалось продвинуться ещё немного.

Толик принёс из кухни бутерброды и налил чай. Ребята устроились, сидя на полу — там уже давно были

разложены учебники и бумаги.

— Знаешь, Толян, я тут говорил по поводу милиции… — начал Сергей. — И мне сказали, что там все берут взятки и только для этого там и работают.

Толик, закусывая бутерброд и усмехнувшись, ответил:

— Ага. Здорово же.

Сергей не понял.

— Ты правда думаешь, что это так и есть?

— Да я не знаю, — продолжая жевать, сказал Толик.

Сергею стало вдруг грустно. Как будто такие вопросы интересуют только его. Одному всё понятно — «все берут». Другому, который собирается стать милиционером, — это кажется нормальным.

— Толь, ну скажи честно, ты считаешь, что все милиционеры такие? — ещё раз спросил Сергей, надеясь услышать хоть какой-то ответ.

— Я вообще ни о чём не думаю, Серёг. Мне, если честно, всё равно, — ответил Толик.

Разговор на этом закончился. Сергей понял, что продолжать его нет смысла. И вместе с этим он вдруг увидел в Толике то, чего раньше будто не замечал: у того не было тех вопросов к жизни, которые были у Сергея. У Толика всё было просто — если так, значит так. А если так, значит нормально.

Доев бутерброды, они вернулись к работе. Сергей выискивал ответы в учебнике, Толик набивал текст. Время тянулось медленно, но работа подходила к концу. Дальше всё пошло быстрее: текст ужали до самого мелкого размера, который ещё можно было разглядеть, и принтер начал молотить лист за листом, выводя тонкие длинные колонки.

Ножницами эти колонки вырезали и склеивали в одну длинную полосу, потом снова резали — уже по темам. Получившиеся бумажки Сергей аккуратно складывал, делая небольшие книжечки, и с одной стороны проклеивал их тонким слоем клея-карандаша. Толик, глядя на него, делал свои. У каждого получилось по семь маленьких книжечек — такие легко помещались в ладонь. Сергей показал Толику, как их удобно перелистывать пальцем.

Потом каждый прикинул, куда их лучше разложить, чтобы быстро находить нужную тему.

В дверь постучали.

— Толя, вы там долго? Пора уже отдыхать, — сказала мама.

— Да-да, мы уже заканчиваем, — отозвался Толик.

Собрав свой комплект книжечек, Сергей попрощался и вышел на улицу. Было темно и сыро. До дома идти недалеко, но приятно было чувствовать себя не жертвой завтрашней контрольной, а вооружённым до зубов знаниями.

Он шёл медленно, выбирая тропинку между лужами. Небо было серым. Дойдя до дома, Сергей поднялся на второй этаж, нащупал ключами дверь и вошёл.

Знакомая тихая домашняя атмосфера сразу окутала его заботой тётушки, которая сидела с книгой.

— Серёж, кушать будешь?

Сергей поднял на неё уставшие глаза, и тётушка всё поняла.

— Смотри, что мы сделали. — Он раскрыл ладонь.

Она увидела маленькую бумажную книжечку.

— Это что такое, Серёж?

— Мини-нано-шпаргалки. — Сергей улыбнулся.

Тётушка покачала головой.

— Ну ничего себе… вот это да.

— Садись, кушай.

На столе его ждали блинчики и варенье. Поужинав, Сергей умылся и провалился в чистую кровать, которую тётушка сменила накануне.

ПЯТНИЦА

Добуж. Школа. Утро.

Будильник звенел несколько раз, подталкивая своей трелью к мгновенному пробуждению. Сергей открыл глаза, потянулся к будильнику и отключил его привычным движением. Тёплая кровать не хотела отпускать, но, сделав усилие, Сергей встал и вошёл на кухню.

Тётушки уже не было. Иногда она уходила раньше — сегодня был именно такой день. Он слышал сквозь сон, как щёлкнул дверной замок и как тётушка, тихая, как лиса, ходила по квартире, стараясь не нарушить отдых племянника и при этом подготовить всё, чтобы он позавтракал.

Возле школы он встретил Толика, который с уставшим видом шёл в сторону проходной.

— Толян, — крикнул Сергей, догоняя его.

Они поздоровались и зашли в класс.

Первым уроком была физика. Сегодня ребят поочерёдно спрашивали про первый закон термодинамики. Весь урок Сергей и Толик медленно раскладывали книжки-шпаргалки по разным местам.

Одна книжка — одно место.

Две книжечки — в носки, две — в карманы, ещё по одной — за пояс.

Небольшая тренировка — и ребята готовы.

Урок истории начался с тишины и напряжения.

Учительница раздала всем листочки с вопросами.

Сергей, глядя на вопросы, сразу понимал, о чём идёт речь, и как будто всё помнил, но красиво выразить это на листе не мог. Немного набросав те мысли, что были в голове, он аккуратно достал первую книжечку — оглавление. Выискав нужные вопросы, он увидел пометки, указывающие, где лежат другие книжечки — уже с ответами.

Медленно, не показывая напряжения, он потянулся и вытащил из носка незаметную книжечку. Она легко поместилась в той же руке, где была и ручка. Медленно, одним пальцем перелистывая книжечку, он находил нужные строки. Чётко и быстро переписав, он сделал то же самое со следующим вопросом и за полчаса закончил полностью.

Учительница истории медленно вставала и, словно совершая ритуал, проходила вдоль столов, следя за соблюдением правил контрольной. Впереди сидел Петя Карасёв. Иногда он искоса посматривал на Сергея, словно хотел разгадать, откуда берутся строки на листе соперника, но, не находя ответа, поворачивался обратно.

Посмотрев на Толика, который был весь красный, Сергей понял — у того всё перепуталось. Толик не мог найти нужное. Книжечки дрожали в потных ладонях, буквы расплывались и плыли; он всё больше нервничал и напрягался. Сергей видел, как сложно приятелю, но помочь никак не мог: после окончания своей работы всё уже смялось и перемешалось где-то глубоко в карманах, и попытка помочь Толику обернулась бы провалом — не только для него, но и для Толика.

Но всё-таки через какое-то время Толик нашёл то, что давно искал, и принялся писать. В итоге, сдав листочки, ребята переглянулись и выдохнули — всё прошло удачно.

Второй урок истории шёл уже по новой теме. Стресс ушёл, и класс немного погрузился в состояние тишины.

Добуж. После школы.

После школы Сергей вприпрыжку побежал домой — готовиться к вечернему выезду на дискотеку в деревню. Нужно было решить несколько важных вопросов: раздобыть бензин на заправке и закупить еды и самогона.

Придя домой, Сергей быстрыми движениями запихал в рот всё, что было съедобно, по пути накормил Кузю и уже на ходу набирал номер Вали.

Гудок.

Почти сразу ответили.

— Алло, — звонкий голос Катюши прозвучал в трубке.

— Катюш, позови Валю.

Ответа не было. Трубка стукнулась о что-то, и издалека послышалось:

— Ва-аля, это тебя Сергей.

Пауза.

— Алло… да, Серёг, — тихо говорил Валя, будто боялся, что его услышат.

— Привет.

— Привет, Валёк. Ну что, возле гаража, как договаривались? Ты готов?

На том конце снова повисла тишина.

— Нет, — сказал Валя. — Отец запретил. Сказал: на машине никуда. И на ночь тоже… — Он говорил почти шёпотом, грустным голосом.

Сергей не ответил сразу.

— Ладно, — сказал он наконец. — Выходи. По дороге расскажешь.

Через полчаса они уже шли с пустой канистрой к заправке. План оставался планом, только теперь в нём появилась тяжесть.

— Он говорит: мы молодые, — говорил Валя. — Без прав. Документов нет. Ночью… Что угодно может случиться.

— И что? — отрезал Сергей. — Мы на мотоциклах сколько лет ездим?

— Это другое…

— Чем? Машина надёжнее. Четыре колеса. Не летит. Лучше на ней где-нибудь встать, чем ночью с мотоцикла без фар, — парировал Сергей.

Валя молчал.

— И вообще, — добавил Сергей, — зачем тогда мы его делали?

Этот вопрос Валя задавал и раньше, но сейчас он зацепился за него.

— Я ему всё это говорил, — сказал он. — Он прав… где-то. Но и я прав.

Сергей посмотрел на него и сказал спокойно:

— Ты же не поедешь.

Валя поднял голову.

— В смысле?

— Ну так. Ты не едешь. Тебя повезут. Я за рулём.

Валя усмехнулся. Не сразу, но внутри что-то отпустило.

— Нам по шестнадцать, — заговорили они, почти перебивая друг друга. — На дискотеку нам можно. Через год-два вообще куда захотим, туда и будем ездить.

На заправке молча залили канистру. Обратно её сначала нёс Сергей, потом они менялись по очереди.

— Ненадолго тогда, Серёг, — сказал Валя. — До часу.

Сергей кивнул.

— Тогда раньше выезжать, — сказал он.

Канистру спрятали возле гаража и пошли к Сергею — звонить Лёхе. Лёха ответил сонно, пообещал быть через полтора часа.

Ожидание тянулось.

Сидя у Сергея, Валя вдруг сказал:

— Дай-ка я домой наберу.

Он взял трубку.

— Алло!

— Валя! — Катюша схватила трубку сразу.

— Катюш, мама дома?

— Нет.

«Отлично», — подумал Валя.

— Скажи, что я с Серёгой гуляю. Буду вечером.

— Хорошо, — ответила Катя.

Валя уже хотел положить трубку, но она вдруг спросила:

— А во сколько ты будешь?

«Мамина егоза», — подумал Валя.

— До часу.

Пауза.

— Я скажу, что ты звонил, — ответила Катя.

Валя положил трубку. И только тогда почувствовал, как внутри стало легче.

Будь что будет.

Немного посидев дома, сварив яйца, набрав в пакет сала и хлеба, ребята вышли и медленно поковыляли в сторону гаража. Валентин шёл рядом. Он молчал. Внутри кипело что-то неясное: страх и упрямство, желание и осторожность. Он не хотел лишаться права распоряжаться своей молодостью — и в то же время видел риск. Но поездка уже началась — назад дороги нет. Он решил больше об этом не думать.

Дорога в Севостьяново. Озеро. Вечер.

Прошло почти два часа, а Лёхи всё не было.

— Ну как всегда, — выдохнул Сергей.

Он уже привык: чем старше становился Лёха, тем меньше он держался договорённостей. Но ругать его было бессмысленно — Лёха был важной частью их троицы. У него всегда находилось то, чего не было у других.

Уже начинало темнеть, когда вдалеке показался его силуэт. Подойдя ближе, Лёха с улыбкой нёс в руках пакет.

— Мы уже устали тебя ждать. Что случилось?

— Да ничего, всё в порядке, — ответил он.

Дальше спрашивать было бесполезно. Лёха развернул пакет и молча показал бутылку мутного самогона.

— В другом месте взял, — коротко сказал он. — Там, где раньше не было.

Этого хватило.

Открыв гараж, ребята сразу принялись за машину. Сергей открыл уже прорезанную крышку канистры и снова опустил внутрь шланг, который раньше шёл в

бензобак. Саму канистру притянули проволокой, чтобы не болталась. Выглядело грубо, но надёжно.

Сергей несколько раз качнул бензонасос. Двигатель провернулся, закашлял — и вдруг закудахтал, ровно и уверенно.

Работает.

— А вы чего так рано? — спросил Лёха. — Дискотека только в десять. Сейчас же семь с мелочью.

Ребята коротко рассказали про Валину ситуацию. Лёха понимающе кивнул.

— Мы где-нибудь присядем перед дискотекой, — сказал Сергей. — Пока посидим. Протрезвеем раньше.

— Закуска есть? — спросил Лёха.

Сергей кивнул на собранный пакет.

— Отлично. — Лёха потёр руки.

— Дай хоть я выеду, — сказал Валя и вскочил за руль.

Он завёл мотор, включил передачу. Мотор зарычал, и «Запорожец» выехал из гаража. Машина качнулась и встала. Ворота закрыли, быстро поменялись местами — за руль сел Сергей.

«Запорожец» тронулся вдоль гаражного кооператива. Река была где-то рядом — её не было видно, но оттуда тянуло сыростью и холодком. Сергей рулил и осторожно нажимал на газ, привыкая к новым ощущениям. Всё-таки машина — вещь, подумал он. Сюда бы ещё музыку — и лето будет классным, мелькнуло в голове.

— По городу не поедем, — сказал он. — В объезд.

Возражений не было.

Впереди дорога пошла вверх, на невысокую гору. Уже оттуда было видно, как дальше она тянется тонкой лентой, будто змея — ровная, но повторяющая все изъяны земли. Сумерки только начинались: темно ещё

не было, но день уже уходил. «Запорожец» влетал в ямы и мягко выходил из них, будто пролетал. Мотор булькал где-то сзади, ровно и спокойно.

Лёха сзади зашуршал пакетом, отломил чёрный хлеб и протянул вперёд. Ребята молча жевали. Сергей включил печку на всю. Сначала она только шумела, но минут через пятнадцать из-под панели пошло тепло. Валя щёлкал тумблерами, проверяя задвижку, и когда в салоне наконец стало теплее, они переглянулись и улыбнулись.

Сергей прибавил газ и почувствовал, как машина вошла в ритм. Крейсерская скорость — не больше пятидесяти. Больше и не нужно.

Дорога была пустой — ни одной машины. Слева тянулись луга, справа темнели полосы леса. Маршрут был знакомый, но из машины всё казалось другим, будто они ехали впервые.

Примерно через полчаса впереди показалась первая деревня. Дома стояли по обе стороны дороги, по обочинам бегали дети. Значит, близко.

На знакомой развилке Сергей замедлился. Направо — вверх, к центру и дому культуры. Они приехали рано.

«К озеру», — мелькнуло у него в голове, и он свернул влево, съехав с асфальтированной дороги на грунтовую. Колёса загрохотали по грязи. «Запорожец» качнулся, но пошёл дальше. Вскоре показалось озеро. Они съехали с дороги на обочину и встали — первую точку прошли.

Они вылезли из машины. Воздух был холодный. «Запорожец» остывал, отдавая тепло металла. Сергей и Валя хлопали по крыльям машины, будто благодарили. Машина была живая — настоящий друг.

Открыв сзади капот двигателя, ребята посмотрели на

канистру, которая заменяла бак.

Ничего себе… вот это расход. В канистре было меньше половины бензина, и это говорило о том, что бензин нужно где-то добыть, иначе обратно не хватит.

— Блин, ладно… поспрашиваем, кто приедет, — сказал Сергей.

Лёха открутил крышку бутылки самогона.

— Ну что, по глотку?

— Из горла? Не… подожди… — Сергей вдруг полез в бардачок и достал оттуда отвёртку с красной ручкой. Подошёл к «Запорожцу» и открутил жёлтый круглый поворотник с крыла — получилась настоящая рюмка. Он сходил к озеру и ополоснул его, а отвёртку убрал в карман чехла сиденья.

Запах самогона был тяжёлый: лучше не нюхать, а сразу внутрь. Сергей выпил, сглотнул, поморщился и передал дальше, схватив попутно хлеб с салом.

Через несколько секунд Сергей почувствовал, как что-то начало меняться. Именно этого состояния он и ждал: внутри потеплело, и тепло как будто разошлось по телу. Взгляд немного поплыл, реакция замедлилась, но внутри было хорошо — какая-то свобода. Ребята тоже немного замедлились и погрузились в наблюдение. Озеро дышало, вкус сала с хлебом был невероятен.

— Ещё по одной, — без промедления предложил Лёха. Он наполнил самодельную рюмку и передал её Сергею.

Вторая зашла уже легче, и тело вошло в ритм. Половины бутылки уже не было.

Сергей забрался в салон и растянулся на заднем диване. Валя и Лёха расселись по креслам; они жевали и медленно разговаривали, вспоминая ремонт и прежние приключения. Самогон снимал неловкость и размывал

привычные границы — за этим новым ощущением свободы они сюда и ехали. Сергей уже знал тот опасный момент, когда расслабление становилось слишком сильным и за ним приходила тошнота. Теперь он старался вовремя заметить этот сигнал и сказать себе: «Стоп». Время шло, вода на озере блестела, разговор тянулся сам собой:

— Лёх, когда тебе в армию? — спросил Сергей.

— Да… не знаю. Как вызовут. — Лёха махнул рукой.

— А комиссию ты прошёл? — продолжил Сергей.

— Давно уже, — ответил Лёха.

Лёха курил одну сигарету за другой, выпуская дым в сторону открытой двери.

Ребята давно привыкли к этому запаху, и он им даже нравился. Но Валя и Сергей к курению не пристрастились. Валя жевал яблоко, и каждый думал о своём.

Стало теплее. Мир немного замедлился.

— Так что с бензином? — спросил Сергей.

— Назад не хватит, — сказал Валя.

— Что-нибудь придумаем. Часик посидим ещё тут и поедем к клубу.

Время пролетело за разговорами, воспоминаниями о ремонте и планами, связанными теперь с новыми обстоятельствами, которые находились прямо под ними — на четырёх резиновых колёсах. Сергей посмотрел на часы — уже почти девять.

— Ну что? Погнали! — сказал он, и ребята, уже немного приунывшие в салоне, встрепенулись.

Сергей повернул ключ — двигатель затарахтел. Выехав с обочины, они поехали по тёмной деревенской дороге. Проезжая мимо одного места, Сергей

почувствовал, как заколотилось внутри. Он посмотрел на знакомый поворот и вспомнил: там он раньше жил с мамой и отцом. Кажется, он всё ещё помнил это место — а сейчас проезжал мимо на своей первой машине… Мимо дома, которого не было видно с дороги, но который стоял там и давно пустовал.

Отогнав жгучую мысль и выровняв руль, Сергей посмотрел вперёд. Проскользнула мысль:

«В следующий раз обязательно заеду», — подумал он и надавил на газ.

Впереди была давно запланированная ночь. Сделав полукруг по деревне, они подъехали к центру. Из-за глубоких ям «Запорожец» раскачивался, но двигался вперёд плавно. Жёлтый свет фар осветил стену дома культуры.

«Наглеть не будем. Встанем подальше, под деревьями», — подумал Сергей и повернул направо. Он припарковался под парковыми деревьями так, чтобы был виден вход в клуб.

«Ну, через полчасика откроют».

Лёха налил ещё один стакан, отпил и передал его по кругу. Стало немного тяжелее, но через некоторое время пришло осознание, что время начало ускоряться.

К клубу уже подходили местные ребята и девчонки — ждали, когда тётя, заведующая клубом, его откроет. Для деревенских ребят дискотека была важным событием, которое раскрашивало будни яркими красками. Многие посматривали на «Запорожец», но не подходили — никто не знал, кто приехал на нём. Сергея многие знали, особенно те, кто постарше: он был здесь как свой.

Вскоре появилась тётя Маша. К ней из темноты со всех сторон потянулась молодёжь, ждавшая открытия

Дома культуры. Она достала из сумки связку ключей, открыла массивные двери, зажгла свет — и внутрь постепенно начала втягиваться ожидающая толпа местных.

Через пять минут уже играла музыка, фонари мелькали по окнам.

Севостьяново. Дом культуры. Ночь.

Это был сигнал, что пора присоединяться.

Подойдя своей компанией к клубу и поздоровавшись со всеми, кого знали, ребята зашли внутрь. У двери в основную часть клуба, где был танцпол, на стульчике сидела заведующая Домом культуры — тётя Маша. Она буднично встречала входящих, продавала билетики и складывала деньги в сумочку.

— Здрасте, тётя Маш, — поздоровался Сергей. — Нам три билета.

Билеты стоили небольшие деньги, которые у ребят остались после бензина.

Она протянула им три билетика.

Пройдя внутрь, они увидели, что там ещё почти никого не было — лишь несколько небольших групп местных стояли вдоль стен, ожидая, когда клуб немного заполнится и можно будет начать танцевать. Это обычно происходило к двенадцати, когда подтягивалась молодёжь из других деревень и посёлков, а пока каждый искал глазами то, за чем сюда и приходил: общение, внимание, знакомство и что-то новое, что открывали музыка и ночной шум сельской дискотеки, проходившей два раза в неделю.

Валя с Сергеем высматривали знакомых или новых девчонок. Увидев нужные лица, Валя тут же побежал обнимать одну из них. Сергей рыскал глазами — искал её. Он был с ней знаком, звали её Яна. Несколько раз летом он гулял с ней по ночам. В надежде увидеть её снова он вглядывался в лица: иногда она приезжала к бабушке на выходные, и Сергей надеялся, что в этот раз она будет здесь.

Чем-то она зацепила Сергея — не сильно, но если она на месте, то именно она будет его главной целью. Если нет — он вольётся в струю к Вале. Она отличалась от других девчонок: была как-то более воспитана, что ли, интересно кокетлива и при этом держала и одновременно не держала дистанцию. Как таковых отношений у них не было — Сергей попросту не знал, что такое отношения и как они строятся. Но то чувство, которое он испытывал, когда она встречала его глазами, ему нравилось. И при этом он переживал это чувство — как будто заново испытывал его снова и снова — и никак не мог перешагнуть.

Он искал глазами её, но её не было.

«Скорее всего, ещё не приехала к бабушке», — подумал он, немного погрустнел, но тут же вспомнил, что тогда он полностью имеет право расслабиться и искать другие возможности, общаться с другими девочками.

Лёха стоял возле клуба, немного пошатываясь, потом зашёл внутрь, прихватив с собой бутылку, которую спрятал под спортивную кофту.

Сергей тоже сделал несколько кругов туда-обратно и вышел на улицу: нужно было решить проблему с бензином.

На улице Сергей увидел знакомого парня из соседней деревни.

— Здорово, Колян. — Сергей протянул ему руку.

— Привет, Серёг, — ответил он.

— Ты на тракторе? — спросил Сергей.

— Ага, — ответил Коля, показав в сторону своего медленного, но сильного коня.

Трактор стоял немного вдалеке — на случай, если приедет милиция. Такое бывало редко, может, раз в полгода, но всё же бывало. Трактор был необычный: кузов у него находился впереди, а кабина — сзади. Красная краска давно выцвела на солнце и облупилась от грязи.

Коля приехал на тракторе и привёз в кузове деревенских ребят из дальних деревень, которых обычно по договорённости собирал по дороге. Сам он жил в глухой деревне, до которой почти не было дороги, километрах в десяти. Все, кого он привёз, разбрелись кто куда и кто зачем.

— А вы на чём? — спросил Коля, кивая и глядя на Сергея.

— Пойдём, технику покажу. — Сергей потянул его за рукав, и тот с интересом пошёл за ним.

Подойдя в темноте к «Запорожцу», Коля воскликнул:

— Запор… А это ваша? А я-то думаю, кто на красном «Запоре» приехал. А это вы.

— Ага, — улыбаясь, сказал Сергей.

— Ну как едет? — Коля улыбнулся.

— Ещё как. Летит. — Ребята засмеялись.

— Выпить хочешь? — спросил его Сергей.

— А у вас что есть? — заглядывая в салон, спросил Коля.

— Да. Самогон. — Сергей потянулся проверить, но бутылки в машине не оказалось.

— Не, самогон не хочу, — сказал Коля и добавил: — Мне от него плохо. У меня вон водка есть, правда немного. Будешь?

Сергей ещё никогда не пробовал водку и согласился. Ребята пошли к трактору. Коля отточенным движением запрыгнул в кабину и достал бутылку, после чего дал Сергею гранёный стакан и плеснул совсем немного на дно. Сергей выпил. Водка показалась ему намного легче после самогона, хотя качеством она, конечно, не блистала и была, по всей видимости, тем же самогоном, только заводским. Но это уже считалось как бы немного элитным напитком.

— Будь здоров, Коль. Спасибо.

Коля протянул половину яблока.

— На.

Сергей закусил.

— Спасибо.

Коля улыбнулся и налил себе. Выпил.

Коля был недавним знакомым Сергея — познакомились они только прошлым летом. До этого у Коли трактора не было, и на дискотеку он не ездил. Как появился трактор — понадобилась доставка: навалив себе на борт местных ребят, он привозил их к клубу, да и сам начал постепенно любить такие выезды. Так они и познакомились, когда Сергей с Валей приезжали на мотоцикле. Как-то заговорили, стоя в одном круге на улице клуба.

Коля был совсем светлым: волосы пепельного цвета мягко лежали на голове, круглое улыбчивое лицо было усыпано веснушками. Сам он — крепкий и жилистый,

среднего роста; видно было, что тренируется. Уже при первой встрече его взгляд показался Сергею приятным: было видно, что парень с чистой душой, простой и открытый. Хотя деревенская жизнь была нелёгкой, Коля интуитивно искал возможности, не уезжая далеко от села. Ездил на тракторе и помогал кому что нужно. Кто-то делился с ним за помощь картошкой, кто-то огурцами или помидорами, кто-то — яйцами и молоком, а бывало — давал немного денег на солярку. Натуральный обмен.

— Коль, а трактор на солярке? — спросил у него Сергей.

После четвёртого стакана Сергея начало немного закручивать, и он понял, что пока достаточно.

— Да, на дизеле, — ответил Коля.

Сергей поморщился.

— Жаль…

И начал рыскать глазами другие варианты.

— А что, бензина нет? — спросил Коля.

— Да нету. Он прожорливый оказался, — мотнув головой в сторону «Запорожца», сказал Сергей. — Нам литра два не хватит, чтобы обратно до города доехать.

Коля задумался и тут же вспомнил что-то:

— Неси канистру. Сейчас нальём.

— Так он же на солярке, — удивился Сергей.

— Неси, — твёрдо повторил Коля.

Сергей улыбнулся и побежал к машине. Открыв задний капот, он вытащил канистру и принёс её Коле. Тот забрался в кабину, открыл ящик за сиденьем и достал небольшую запасную канистру с бензином.

— На, держи. Литра два нальём.

Запас был небольшой — литров пять, не больше. Коля

возил бензин на всякий случай и решил не бросать знакомых ребят в беде.

Именно такими поступками и нравились ребята из деревень: простые, незамысловатые, но по-настоящему добрые. Немногословные. Настоящая открытая деревенская душа.

Отлив необходимое, Сергей отнёс канистру к «Запорожцу» и закрепил её в моторном отсеке.

— Спасибо, Колян, выручил. В следующий раз отдам тебе.

Коля улыбнулся и подмигнул Сергею.

Шум был ровный, как фон. Машины подъезжали и уезжали, кто-то смеялся, кто-то курил. Сергей стоял с Колей у клуба, чувствовал тепло от дверей и холод от земли. Всё шло как обычно. Почти.

Сначала фары вспыхнули вдали, затем быстро, почти мгновенно, оказались рядом. Машина ехала нервно и быстро, не обращая внимания на большие грязные ямы. Свет резанул глаза. Белая «Волга» резко остановилась у самого входа в клуб — так не делали. Сергей сразу почувствовал это телом. Двери хлопнули. «Волга» снова дала газу, с пробуксовкой проехала немного вперёд, и грязь брызнула из-под колёс. Из машины вышли четверо. Тяжёлые шаги. Тот, что был за рулём, огляделся и усмехнулся. Все четверо вошли в клуб, взглядами выискивая тех, кому это могло не понравиться. Внутри что-то сжалось.

Сергей посмотрел на двери. Нужно было найти своих.

В предбаннике было тепло. Батарея. Запах пота и курток. Валя стоял с девчонками, говорил что-то тихо, почти мурлыкал. Лёхи рядом не было. Хорошо. Сергей стоял рядом с Колей и наблюдал.

Чужие вошли внутрь. Плечо. Ещё плечо. Кто-то задел. Сергей видел только движение. Потом — резкий толчок. Валю вытолкнули вперёд. Он ударился о стену. Звук был глухой, как по мясу.

Валя поднял голову — и сразу нога. Потом ещё. Всё сжалось. Люди прижались к стенам. Кто-то вскрикнул. Тётя Маша закричала: «Выходите из клуба, тут дети!»

Сергей побежал ко входу.

Воздух стал густым. Дышать стало трудно. Он видел спины. Ноги. Удары. Валю били и тащили на улицу. В голове не было слов. Только вдох. Выдох. Он крикнул, руками вцепился в кого-то, чтобы оттащить. Удар в затылок, темнота, удар по ногам, земля. Потом по голове, не сильно. Звук ушёл, остался гул. Земля.

Сергей открыл глаза. Валю тащили за куртку, били по лицу ногами. Щёлк. Щёлк. Кровь. Валя ловил воздух ртом, широко, жадно.

Сергей поднялся. Тело шло само.

«Запорожец».

Шаги.

Дверь. Рывок. В кармане чехла — отвёртка. Он схватил её правой рукой. Рукоятка была холодная. Он побежал обратно. Шаги — туда, где четверо и Валя. Мир сузился. Только спины. Только ноги. Валю били.

Что-то кричал. Уши заложило. Туннель. Воздух стал горячим, и как будто время остановилось.

Один шаг.

Один удар.

Тело взвизгнуло. Высоко, тонко. Оно присело. В этот момент крик разорвал всё — женский, длинный, как сирена. Он ударил в уши и разнёс сцену. Всё рассыпалось.

Сергей схватил Валю за ворот. Тянул.

— Давай. Садись.

Валя пытался подняться, но ноги не слушались. Сергей открыл дверь.

— Садись!

Он крикнул Лёхе. Крик утонул. Лёхи не было.

Двигатель. Рывок. Машина выскользнула. Кто-то бежал следом. Сергей не смотрел. Он гнал.

Дорога в Добуж. Ночь.

Дорога. Тьма.

Фары выхватывали куски асфальта — белые, рваные.

Только тогда пришло ощущение: как отвёртка вошла до самой рукоятки во что-то мягкое. Слишком легко.

Удар был сильный. Настоящий.

— Черт… — Валя всхлипывал. — Я его даже не видел… просто стоял…

Сергей смотрел вперёд. Мир всё ещё не возвращался.

— Как же так… уроды… — выдавил он сквозь зубы, почти про себя. Грубо. Зло. Всё ещё из тоннеля.

Он давил на газ. Подальше отсюда. К дому. К посёлку.

«Запорожец» выжимал максимум, какой мог. Темнота и гул.

Справа, на сиденье, Валя — весь в крови, нога упирается в торпеду. Он смотрел перед собой, будто пытался догнать происходящее. Паника накрывала волнами. Реальность начинала возвращаться.

— Посмотри, что со мной! — кричал Валя. Он не слышал, что говорит Сергей. Из носа капала кровь. — И зачем я вообще поехал… блин…

Сергей молчал. Он не мог говорить. Его как будто выключило. Он только делал. Одно знал точно — довезти Валю до дома.

Не заезжая в город, он свернул к гаражам. Остановился.

Машина замерла. Окна запотели. Два дыхания внутри.

— Давай посмотрю… — Сергей будто немного пришёл в себя.

Он включил маленький фонарь. Свет дрожал. Валя рыдал.

— Да что ты посмотришь! — крикнул Валя. — Что я теперь скажу дома…

Это, похоже, волновало его больше всего.

Сергей молчал. Ему стало ещё хуже. Как будто он был виноват во всём.

— Что теперь делать? — не унимался Валя.

— Я не знаю, Валь…

Валя трогал нос. Руки были в крови.

— Поехали домой. Я тебя отвезу… — сказал Сергей, чувствуя тупик. Другого выхода не было.

В этот момент дорогу, видную между гаражами, осветил синий свет.

Фонари.

Сирена.

В сторону деревни, быстро набирая скорость, пронеслась скорая.

Сергей вдруг снова увидел удар.

Как отвёртка вошла до конца.

— Я, похоже, убил его… — сказал он.

— Кого? — Валя посмотрел на Сергея.

— Да этого… бугая. Хотя… не знаю…

Он замолчал.

— Ладно. Давай я тебя домой довезу.

Силы уходили. Они молчали. Каждый думал о своём. Мысли бегали, не находя выхода.

— Хуже уже не будет, — сказал Сергей и завёл мотор.

Через несколько минут они стояли у дома Вали.

— Тебя довести? — спросил Сергей.

Валя ничего не ответил. Вышел и пошёл, хромая, к подъезду.

Сергей остался в машине один.

Всё было как будто по-другому.

Все планы рухнули за один миг.

Ничего больше не было — только проблемы, которые он не мог осознать. Он пытался собрать всё в голове, но не мог.

Добуж. Квартира Сергея. Дорога к Софино. Ночь.

Он доехал до дома.

Страха попасться милиции не было. Ничего не было.

Только сухие действия. Голова болела. Тело жило своей, отдельной жизнью.

Он поднялся на этаж, открыл дверь.

Тётушка не спала — она ждала. Как будто чувствовала.

Сергей открыл дверь — и она всё поняла. Не по лицу, не по словам. Просто поняла.

— Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чём, — сказал он сразу. — У меня проблемы. Но я их решу.

Она посмотрела на него внимательно, будто собирая его целиком, и кивнула.

— Хорошо, Серёжа, — сказала тихо. — Скажи, что делать. Как я могу помочь?

Он не ответил. Снял куртку и прошёл в ванную.

Разделся быстро, почти рывками. Вся одежда — в кучу. Он залез в ванну и открыл воду.

Тёплая струя ударила по плечам и побежала вниз — мягко, настойчиво. Мыло. Шампунь. Запахи были знакомые, домашние. Вода смывала грязь и липкость, но внутри ничего не отпускало.

Хотелось выть. По-настоящему, вслух. Но он не мог.

Под водой пришло странное чувство — будто начинается другая реальность. Такая, в которой он больше не принадлежит себе. Как будто время сдвинулось, и теперь его будут тянуть — туда, сюда, за что-то, во что он ещё не готов входить.

Мысль мелькнула сама:

А может, ну её?

Лечь спать. Утром будь что будет.

Но тело не слушало. Оно уже собиралось в дорогу.

Надо уехать.

Куда-нибудь.

Это было не страхом — скорее тёплым, упрямым толчком изнутри.

«В чём я виноват?» — подумал он и тут же понял, что ответа сейчас не будет. Самогон исчез полностью. Он чувствовал себя пустым и собранным одновременно, как будто внутри включился механизм.

Он вытерся, оделся и вышел.

Тётушка уже суетилась, стараясь держаться.

— Ма, дай мне, пожалуйста, денег, сколько есть, — сказал Сергей. — Я уеду ненадолго. Пока не разберусь, что происходит и чем мне это грозит.

— Что ещё? — спросила она, уже двигаясь.

— Собери мне сумку. Немного вещей. И еды. Много не надо.

— Ты хоть скажи, что случилось? — Она бегала из комнаты в комнату, хватаясь за всё подряд, но старалась делать именно то, что он сказал.

— Мы подрались. Валю сильно избили. Мы в порядке, — сказал он и отвёл взгляд. — Не переживай.

Она остановилась, посмотрела на него.

— Я знаю, что ты прав, дорогой мой, — сказала и пошла дальше.

В комнату вышел Кузя. Сел и смотрел на Сергея внимательно, будто ждал объяснений. Сергей присел, взял кота на руки, уткнулся лицом в тёплую шерсть.

— Ты тут будь, ладно, — сказал он тихо. — Побудь с ней. Я скоро.

Кот замурчал и остался.

Сергей сел на кровать. Комната была такой же, как всегда — тёплой, привычной. Он смотрел на стены и не мог поверить, что всё это — уже как будто из другой жизни. Хотелось, чтобы это оказался сон. Но тело знало — нет.

Сумка стояла у двери.

Сергей обнял тётушку, поцеловал в щёку.

— Всё будет хорошо. Пожалуйста, не переживай.

— Ты хоть куда? — спросила она.

— В Москву. А там будет видно.

Он сказал это спокойно.

И вдруг она будто пришла в себя.

— Подожди, Серёжа… какая Москва? — Она посмотрела на него уже иначе. — Ты куда собрался? Я не понимаю, что случилось…

До неё начали доходить слова — драка, сумка, ночь, Москва.

— Серёж, подожди… давай разберёмся…

Он перебил её резко, почти грубо — и сам испугался этого.

— Ма, я в драке одного отвёрткой. В бок.

Пауза.

— Они Валю били. Я не знаю. Я не хочу так. Я не хочу, чтобы ты в это вникала…

Он шагнул в сторону и неловко, по-мужски, отстранил её, сдерживая слёзы. Что-то внутри ломалось и не хотело снова собираться.

И вдруг она сказала иначе. Спокойно. Точно.

— Хорошо, Серёжа. Раз решил — значит решил. Я с тобой.

Она выпрямилась.

— Давай только серьёзней. Скажи мне свой план, чтобы я понимала, что делать мне.

Эти слова будто вернули его в реальность. Он почувствовал — он не один.

Он снова обнял её.

— Спасибо, ма.

Он тут же собрался.

— Дай мне пару дней. Я разберусь. Если придут… а они, скорее всего, придут…

— Кто? — спросила она.

— Милиция.

Она кивнула.

— Поняла.

— Ничего не случилось, ма. Я ни в чём не виноват. Не переживай. Я просто… не хочу сейчас вот так.

Он и сам не понимал, почему ещё час назад решение

было ясным, а сейчас будто можно было остаться. Но тело не слушало. Оно уже знало — пора уходить.

Он взял сумку.

Подъезд был тёмный и холодный. На улице темнота уже не была привычной — она была другой, пустой. Как будто началась новая жизнь с другими правилами, которых он ещё не знал.

Сергей сел в «Запорожец».

Куда?

Ответ пришёл сразу. Подальше. В большой город. В центр.

Он повернул ключ. Двигатель зарычал. Разворот. Дорога к станции.

Бензина почти не было. Он заехал на заправку, где горел тусклый свет, и залил полную канистру, заменявшую бак, — тётушка дала денег. Движения стали резкими, точными. Внутри что-то дрожало, но это было далеко, как будто ещё не проснулось.

Он ехал. Огни соседнего города начали появляться из темноты, и Сергей понял — пора остановиться. Он свернул во двор, заглушил мотор и остался сидеть.

Часы показывали час тридцать.

До утра он будет здесь.

А дальше — будь что будет.

Он откинулся на сиденье. Тело больше ничего не хотело знать. Нужно было просто набраться сил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОЧЬ С ПЯТНИЦЫ НА СУББОТУ

Тулино. Дом Анастасии Сибих. Около 23:30.

Редкие звёзды выглядывали из-за серых ночных туч. Почти в полной темноте догорал деревенский дом. Пожарные приехали только через час с небольшим — одна машина на весь район.

Баба Софа вызвала все службы, как только услышала тревожный лай собак. В их забытой деревушке, где зимой оставалось человек пять, любое движение чувствовалось сразу. Она почуяла гарь, выскочила на улицу и увидела чёрный дым над избой местной бабы Насти.

Настя славилась тем, что гнала самогон с примесями и продавала его.

— Ну вот, доигралась, ведьма… — плюнула Софа в землю и пошла к дому женщины, с которой не общалась уже много лет.

По дороге она увидела ещё двух старух. Те тоже выбрались из своих домиков и, раскачиваясь, шли на запах дыма.

Дом уже весь был в огне. Когда Софа дозвонилась в милицию и пожарную, было около половины одиннадцатого.

Все, кто жил в этой деревушке, оделись потеплее, подошли к дому и ходили вокруг, держась на расстоянии.

Настину собаку не было слышно.

— А где собака-то? — спросила в пустоту Софа, не понимая, почему не лает Настина псина и где сама Настя.

Издалека послышался вой сирены. Пожарный расчёт на старом «Урале» летел на вызов. Машина подкатила прямо к дому. Для местных трое пожарных выглядели как целое войско.

Пожарные открыли калитку, раскатали рукава и подали воду. Местные отошли немного дальше — запах стал плотнее, кислым.

— Давайте подальше! — скомандовал самый крупный, махнув огромной коричневой перчаткой.

Бабушки зашаркали на месте, заголосили:

— Батюшки, батюшки…

Они сделали ещё несколько шагов назад от дыма.

Здоровяк ещё раз посмотрел на пожилых женщин и грозно буркнул:

— Кто вызывал?

— Я вызывала, — отозвалась Софа, захлопав глазами.

— Кто здесь живёт?

— Настя… женщина… — второпях ответила она.

— А где она?

— А я откуда знаю… — Софа развела руками. — Должна быть дома… чёрт её знает… Я что, слежу за ней, что ли… — уже тише добавила: — За этой ведьмой…

Она махнула рукой, будто хотела уйти.

— Эй, бабули, не уходите, — скомандовал здоровяк и пошёл к горящему дому.

Его команда уже развернула рукава. Вода била по стенам, дым становился гуще, гарь чувствовалась сильнее.

— Что там? — спросил здоровяк у одного из

пожарных.

— Очаг внутри, — ответил тот.

— Этого ещё не хватало… — буркнул здоровяк и пошёл к дому.

Из темноты показался новый свет фар. Белая «Нива» со скрипом остановилась у дороги. Бабушки смотрели на второе ночное чудо: из белой машины вылез участковый.

Его никто из них не знал. Знали только, что участковый вроде где-то есть.

Из машины вышел длинный молодой парень, надел синюю форменную шапку и длинными, немного страусиными шагами подошёл к толпе.

— Доброй ночи. Участковый Пономарёв. — Он неловко поднёс правую руку к шапке. — Что тут случилось?

— Дом горит, — сказала Софа и махнула в сторону огня.

— Вы вызывали? — спросил участковый, глядя на кругленькую бабульку, укутанную в серый платок.

— Я, — ответила Софа, уже смирившись с должностью местной знающей.

— Кто здесь живёт? — мотнул он головой на дом.

— Да… — Софа махнула рукой. — Гадина одна. Самогон гонит. Шляются тут всякие… Вот и сгорело всё.

С этими словами она отвернулась от дома, плюнула на землю и добавила:

— Говорила я…

Участковый молча слушал и кивал.

— Фамилия? — спросил он коротко.

— Чья? Моя? — Софа посмотрела на него снизу вверх.

— Той, кто живёт в этом доме, — уточнил он и сразу

пошёл к машине.

Он подошёл к «Ниве», включил фонарь в салоне, открыл журнал.

— Сибих Анастасия. Тридцать шестого года рождения. Она?

— Она, — махнула Софа.

Он закрепил листок на папке и вернулся.

— Вас как зовут?

— Софья Николаевна, — ответила она гордо.

— Софья Николаевна, я возьму объяснение. Сначала — как началось.

Софа снова рассказала: запах, дым, собаки, что ездили тут разные.

Из калитки вышел пожарный.

— Там труп, — сказал он спокойно.

Участковый кивнул, будто услышал слово, которое и так уже висело в воздухе.

Бабульки загалдели, перекрестились.

— Говорила я… — не унималась Софа. — Ездили к ней туда-сюда… Вот и доездились…

— Кому говорила? — спросил участковый.

— А кому я должна говорить?! — вспыхнула Софа. — Это ваше дело! У меня из-за неё баню обнесли! Пьют, валяются… а мне это зачем?!

Старший пожарный махнул участковому головой.

— Пойдём, покажу.

Участковый бросил папку в машину, взял фонарь и пошёл за ним.

Запах внутри был густой, едкий. На кухне, возле печки, лежало обугленное тело женщины.

— Вот, — показал пожарный.

— Бля… — выдохнул участковый и закрыл рот и нос

платком.

— Голова разбита, — сказал пожарный. — Похоже, не просто задохнулась. Дальше — ваши.

Они вышли наружу.

— Предварительно поджог. Очаг на кухне, у штор, — сказал пожарный, записывая что-то в бумаги.

Участковый сел в «Ниву» и включил рацию.

— Первый — двадцать шестому… У нас труп. Возможен поджог. Нужна группа.

Рация затрещала.

— Ясно. Ждите, — ответил дежурный.

Через несколько минут в отделе милиции подняли следователя.

Иван Гришин, старший следователь, дежуривший этой ночью, поднял трубку внутренней связи в своём кабинете.

— На выезд. Труп в сгоревшем доме, — коротко сказал дежурный. — Машина через пять минут.

Иван встал, взял дежурную папку с протоколами, надел куртку и вышел.

Через несколько минут он уже стоял на улице. Служебный УАЗ, громыхая подвеской, подъезжал к отделу. Следом из дверей вышел оперуполномоченный Руслан. Лицо у него было недовольное. У крыльца эксперт Семёныч курил сигарету.

Иван посмотрел на опера.

— Руслан, ты как?

— Да нормально всё, — сказал Руслан, кашлянув и кутаясь в зимнюю куртку.

— Ты что, простыл? — спросил Семёныч, втягивая сигаретный дым.

Руслан махнул рукой, давая понять, что вопрос

неважный, открыл дверь УАЗа и прыгнул на заднее сиденье.

Семёныч обошёл машину, закинул свой чёрный рабочий дипломат и залез следом.

— Не хочешь немного поправить здоровье? — вдруг спросил он и мелькнул глазами на дипломат.

— Не-а, спасибо, — хмыкнул Руслан и устроился поудобнее.

Следователь Иван сел на переднее сиденье. Машина завелась и дёрнулась. Водитель включил первую передачу, развернулся, дал газу, и УАЗ, раскачиваясь по ямам, выехал на дорогу.

Дорога до деревушки, где горел дом, заняла около получаса. Машину трясло и кидало. Иван прислонился к стеклу, подложил под голову шапку и закрыл глаза.

По узкой лесной дороге навстречу им вылетел красный пожарный «Урал».

— Потушили, похоже, — бросил водитель, прижимаясь к обочине и крепко держа в руках дёргающийся руль.

Через десять минут они подъезжали. Запах гари чувствовался издалека — кислый, тяжёлый, смешанный с водой.

Иван протёр лицо ладонями, открыл дверь и вышел.

У дороги стояла белая «Нива». Участковый писал объяснение.

— Ну что тут? — спросил Иван, подходя.

Руслан вышел следом из УАЗа, кутаясь от сырости.

— А я зачем поехал на этот пожар… — почти про себя сказал он, увидев участкового.

Из машины выбрался Семёныч — тонкий, сутулый, с чемоданчиком. Отойдя на мгновение в темноту, он

привычным движением открыл чемоданчик, достал маленькую бутылку, сделал короткий глоток и убрал обратно. Потом надел перчатки и подошёл к участковому, который стоял рядом с Софой.

Участковый поздоровался с группой, показал на дом.

— Там внутри. Похоже, криминальный.

Он вздохнул и повёл всех внутрь.

— Вы не уходите, пожалуйста! — крикнул он, обернувшись к маленькой кучке местных жительниц.

Баба Софа кивнула за всех.

Свет фонариков начал бегать по углам прихожей. Дом сгорел не полностью, но чёрным был весь. Сырая чёрная копоть давила в виски. Все торопились — чтобы не пропахнуть и не отравиться.

Пройдя через прихожую, они увидели печку. Перед печкой лежало обугленное тело.

Фонари уставились на него.

Участковый показал на голову.

— Тут.

Голова была проломлена.

Семёныч наклонился, осмотрел повреждение и задержал пальцы в резиновых перчатках на вмятине.

— Удар тупым предметом, — сказал он сухо. — Это не пожар. Криминал. Прокурорских вызывайте.

Руслан заглянул внутрь, поморщился и вышел обратно.

— Бля… вся одежда этой гарью…

— Объяснения с местных возьми, — сказал следователь Иван оперу Руслану.

Сам он пошёл в машину, включил свет, открыл папку и начал заполнять протокол осмотра места происшествия.

Руслан подошёл к бабе Софе.

— Уголовный розыск, — представился он и посмотрел на бабушек. — Расскажите, что было.

— А я откуда знаю… — устало ответила Софа. — Я уже всё сказала, что знала.

Она махнула рукой на участкового.

Участковый подошёл.

— Я уже взял объяснение. Никого не видела, кроме пожара. Тут живёт Анастасия Сибих, тысяча девятьсот тридцать шестого года рождения.

— А за что убили? — бросил Руслан.

Софа выкатила на него круглые глаза, видневшиеся из-под натянутой белой шапки.

— Убили?

Она повторила слово Руслана и посмотрела на участкового.

— Ну, похоже, что да, — сказал тот.

— Вот на… Ну чёрт побрал…

— Да какие “за что”… — огрызнулась Софа. — Самогон палёный продавала. Толпы ездили. Сегодня тоже. Только я не смотрю, кто ездит.

Она махнула рукой, будто снова собиралась уйти.

— Пока не уходите, — спокойно сказал участковый. — Распишитесь.

Он подал папку и ручку.

— Я не вижу… — прищурилась Софа.

— Вот тут, — показал участковый пальцем.

Софа поставила закорючку.

Руслан повернулся ко второй старухе.

— Вас как зовут, бабуль?

— А? — переспросила она.

Старуха стояла в полушубке и, кажется, плохо

понимала происходящее.

Руслан сказал громче:

— Как зовут?

— Кого? — смотрела она на него пустыми глазами.

— Она не слышит! — вмешалась Софа. — Вы мне говорите!

Руслан понял: кроме Софы, тут никого.

Иван Гришин открыл дверь УАЗа и крикнул в сторону участкового:

— Труповозку вызвали?

— Да. Минут пятнадцать назад, — отозвался тот.

Иван посмотрел на водителя.

— Давай в дежурку звони. Прокурорских вызывать обязательно. Это их тема.

Водитель взял рацию.

— Шестой — первому. Шестой — первому.

— На связи, — с треском отозвалась рация.

— Криминальный труп. Возможно убийство, — повторил водитель несколько раз.

— Понял.

— Адрес какой точно тут? — крикнул Иван, приоткрыв дверь.

Участковый подошёл и продиктовал.

Иван записал и снова уткнулся в бумагу.

— Осмотр начат… — пробормотал он.

Он посмотрел на часы — 00:15. Уже первое апреля.

Рация снова ожила:

— Прокурорские на другой труп едут. Недалеко от вас. Там и встретитесь.

Иван даже не поднял головы. Писал дальше.

— Ночка сильная… — пробормотал водитель.

Задняя дверь УАЗа скрипнула. Семёныч залез в салон,

обдав его едким запахом гари и табака.

— Фотографии сделал? — спросил Иван, не оборачиваясь.

— Угу, — отозвался Семёныч, почти не открывая рта.

— Ну что там? — спросил Иван, не отрываясь от бумаги.

— Сто процентов: удар по лбу чем-то тяжёлым, — коротко сказал Семёныч.

— Хреново, — заключил Иван и продолжил писать.

Водитель обернулся к Семёнычу:

— Ща на второе поедем.

— Куда? — спросил Семёныч.

— В Севостьяново. На дискотеке кого-то вальнули.

— Ночка… — вздохнул Семёныч, закрыл глаза и откинулся на сиденье.

Через несколько минут Софа и ещё одна бабушка расписались там, где им сказали.

— Батюшки мои… а с нами что? — спросила Софа, перекрестилась и посмотрела в темноту.

— По домам, — сказал участковый. — Если что нужно будет, мы зайдём к вам.

— Ага, — кивнула Софа и собралась уходить.

В темноте на дороге показалось чёрное пятно. К людям подошла собака. Держалась боком, недоверчиво смотрела на всех со стороны.

Софа присмотрелась.

— А вот и пёс Насти…

Все посмотрели на него.

— Безмолвный свидетель, — сказал Руслан. — Только его не спросишь.

Он пошёл в сторону машины.

Группа села в УАЗ.

Иван обернулся к участковому:

— Мы в Севостьяново.

Тот кивнул. Остался на охране — ждать труповозку.

Фары осветили дорогу. УАЗ завёлся, развернулся и уехал обратно.

На месте остался участковый — и чёрный дом за спиной.

Софа и вторая старуха поковыляли по дороге к своим домам.

Участковый проводил взглядом уехавшие машины. Шум моторов растворился в ночи.

Он сел в «Ниву», завёл двигатель. Машина дрогнула и заурчала. В салоне стало теплее.

Рация лежала рядом.

Будильником ему станет или она, или труповозка.

Севостьяново. Дом культуры. Ночь.

УАЗик раскачивался и скрипел, глотая грязную, разбитую дорогу.

— Ну что говорят? — спросил Иван, обернувшись к Руслану.

Руслан сидел сзади, у окна. Голова была упёрта в холодное стекло. За стеклом мелькали чёрные деревья.

— Самогон гнала, — сказал он. — Ездили к ней… Сегодня тоже, вроде. Но кто и на чём — никто не видел. Только собаки лаяли. А через полчаса уже дом горит.

— Васе Пономарёву прилетит, — сказал Семёныч из темноты.

В салоне потянуло перегаром, мокрой одеждой и сигаретами.

— За что? — спросил молодой водитель.

Он держал руль обеими руками. Машину трясло, и руль ходил у него в ладонях.

— Ха… за что, — прохрипел Семёныч. — Территория его. А тут алкоголь, пожар, теперь ещё убийство.

— Висяк пока, — добавил Руслан. — И не только ему.

Он замолчал.

— А там что? — спросил Семёныч, кивнув вперёд.

Водитель не отрывал глаз от дороги.

— На дискотеке труп. Прокурорские туда едут. Начальник отдела тоже будет.

Он нажал на газ.

Вдали показались редкие огни дворов. УАЗ вылетел с лесной дороги. Впереди мелькнул мост, справа лежало чёрное озеро. На воде дрожал свет звёзд.

Потом пошли дома, заборы. Центр.

УАЗ свернул к клубу. На фасаде горела одинокая лампочка. Свет от неё падал на крыльцо, на разбитую землю у входа и на людей, сбившихся возле тамбура.

Слева, у стены, лежало тело.

У скорой стоял доктор — куртка поверх белого халата. Он посмотрел на подъехавших и пошёл навстречу Ивану, который вылез из передней двери машины.

— Смерть до прибытия, — сказал доктор.

— Что по нему?

— Проникающее ранение в правый бок. Печень, скорее всего. Наружное кровотечение.

Доктор протянул листок.

— Справка.

Иван взял бумагу и кивнул.

Доктор забрался в скорую. Буханка зарычала, рывком развернулась и покатила прочь. Синяя мигалка

качнулась между ямами и скрылась за поворотом.

Иван, Руслан и Семёныч подошли к трупу.

На земле лежал мужчина лет двадцати пяти — тридцати, плотного телосложения. Лежал на левом боку. Куртка задралась со спины. Под ней, ближе к правому боку, виднелось небольшое входное отверстие. Крови было много. Она вытекла, расползлась тёмным пятном и уже впиталась в землю.

Семёныч приблизился, присел, посветил фонарём.

— На нож не очень похоже, — сказал он.

Иван посмотрел на рану.

— Почему?

— Маленькое. Узкое. Нож бы шире дал.

Семёныч ещё раз провёл фонарём по боку, по куртке, по земле.

— Потом посмотрим. Пока руками не трогаем.

Через минуту все разошлись по своим делам. Руслан — к свидетелям. Иван — осмотреть место вокруг. Семёныч остался у тела.

— Крикни, когда прокурорские приедут, — недовольно сказал Иван водителю.

— Понял.

— Второй труп за ночь, а они ещё только едут, — буркнул Иван и засунул руки в карманы.

Водитель отошёл к УАЗу.

— Уже едут, — отозвался он через минуту. — Сейчас должны быть.

Иван снова подошёл к трупу.

Семёныч разложил свой чёрный дипломат, достал фотоаппарат и начал фиксировать положение тела. Он кряхтел, переставлял ноги, снимал общий вид, потом тело отдельно, потом место возле правого бока.

Закончив с фотоаппаратом, Семёныч засучил рукава куртки, надел жёлтые резиновые перчатки и наклонился над убитым.

Начал с карманов куртки. Движения у него стали тонкими, рабочими. Из наружного кармана он вытащил помятый платок и положил рядом. Потом похлопал по мокрой куртке, двумя пальцами залез во внутренний карман.

— Ничего, — сказал он.

Перешёл к чёрным джинсам. Один карман. Второй.

— Тоже ничего.

— Ну что? — спросил Иван.

— Как видишь, — прохрипел Семёныч. — Документов нет. Будем пальцы катать.

Он немного повернул тело и задержался.

— Он весь синий.

— В смысле?

— В татуировках.

Иван присел ближе.

На коже убитого виднелись старые синие татуировки. Они уходили под рубашку, под ворот, на плечо.

— Товарищ явно известный, — сказал Семёныч.

Иван кивнул и пошёл к клубу.

У входа, в пальто, стояла директор Дома культуры. Она держала руки перед собой и ждала, пока её позовут.

Руслан подошёл к ней, показал удостоверение.

— Уголовный розыск. Руслан. Как вас?

— Мария.

— Мария, рассказывайте, что произошло.

К ним подошёл Иван.

Мария сглотнула и начала:

— Дискотека была… как обычно. В десять открылись.

Сначала всё нормально. Потом приехали ребята на красном «Запорожце», втроём. Один, кстати, тут. В клубе сидит. Спит, кажется.

Руслан коротко заглянул внутрь. В зале, на стуле, сидел парень, сложившись пополам.

Руслан вернулся к Марии.

— Дальше.

— Они тут частые гости. Один из них, пухленький, стоял в тамбуре с девчонками. А потом к самому входу резко подъехала белая машина. Большая такая. Девочки сказали — «Волга». Из неё вышли четверо. Пьяные. Шумные.

Мария начала говорить быстрее, сбиваться, оглядываться на клуб.

Руслан поднял руку.

— Маш, давайте по порядку. Во сколько открылись?

— В десять.

— Красный «Запорожец» во сколько приехал?

— Когда я открыла клуб, машина уже стояла.

— Сколько человек?

— Трое.

— Кто они?

— Ну… им лет шестнадцать, наверное. Одного зовут Сергей. Второго не знаю — пухленький такой, Валя вроде, — вспомнила она. — А третий постарше, вон тот, что в клубе сидит.

Она показала рукой в сторону зала.

— Фамилии знаете?

— Нет. Хотя… Они вроде с посёлка. Сергей вообще местный. Тут в детстве жил, а сейчас где-то с тёткой живёт. В посёлке.

Руслан кивнул.

— А тот, который в клубе, как зовут?

— Лёша вроде.

— Дальше.

Мария снова стала собираться.

— Потом приехала белая машина. Вроде «Волга».

— Вы сами видели, что это «Волга»?

— Я видела белую большую машину. Девочки сказали — «Волга».

— Хорошо. Сколько вышло?

— Четверо.

Руслан посмотрел на неё.

— Четверых вы сами видели?

Мария замялась.

— Ну да, четверо вроде. Я точно не считала. Девочки сказали. Я видела, что несколько человек вышли. Они быстро пошли к входу.

— Значит, точно так: белая большая машина, предположительно «Волга». Несколько мужчин. Четверо — со слов девочек.

— Да.

— Этот был с ними? — Иван кивнул в сторону тела.

Мария посмотрела туда и сразу отвела глаза.

— Да. Он. Он за рулём был. И он самый первый начал. Ещё перед клубом крутился, буксовал. Люди стали отходить.

— Вы видели, что за рулём был именно он?

— Да. Он. Девочки сказали.

— Дальше.

— Потом они зашли в тамбур. И сразу этого пухленького, Валю, ногой в стену. Потом начали бить.

— За что? — спросил Руслан.

Мария развела руками.

— Да ни за что. Он с девочками стоял, в углу. То ли посмотрел не так, то ли ещё что… Этот сразу его ногой пнул. А остальные сзади поддержали, даже не разбираясь.

— Вы что сделали?

— Закричала. Кричу: «Тут дети! Выходите из клуба!» А они этого пухленького за шиворот и на улицу.

— Кто бил?

— Двое точно. Может, больше. Я не разглядела. Там всё сразу началось.

Руслан чуть наклонил голову.

— Так. Дальше.

— Дальше Сергей подбежал. Пока его друга вытаскивали, он ударил кого-то из них. Того, кто его тащил.

— Рукой ударил?

— Да вроде рукой. Может, кулаком. Я не видела точно.

— Потом?

— Потом я уже не всё видела. Начала клуб закрывать, девчонок внутрь загонять. На улице всё началось. Я сразу сказала Свете, чтобы звонила в милицию.

— А на улице что было? Видели?

— Мельком, почти нет. Сергея ударили, он упал. А пухленького его друга поволокли вон туда.

Мария показала в сторону, где лежал труп.

— И били его. Я дальше не видела. Девочки вроде смотрели, Света вроде видела. — Мария оглянулась. — Кто-то сказал, что Сергей поднялся, побежал к своему красному «Запорожцу», что-то взял и вернулся туда, где его друга били. Потом визг, крик… Ну, видимо, он этого и ударил. Но сам удар я не видела.

Иван и Руслан молча слушали её.

— Так, а кто видел? — вмешался Иван.

— Что видел? — переспросила Мария.

— Кто видел, что Сергей ударил вот этого товарища чем-то в бок? — Иван махнул рукой в сторону трупа.

Мария начала крутить головой.

— Вроде девочка видела. Света. Где она сейчас…

Она чуть дёрнулась в сторону клуба и махнула рукой девушке, стоявшей в стороне.

— Света! Иди сюда.

Девушка лет восемнадцати, небольшого роста, с волосами, собранными в хвост, подошла к ним. Смущённо посмотрела в землю.

— Свет, скажи, ты видела, что происходило?

Та кивнула.

— Расскажи милиционерам, что на улице было.

— Дрались они, — тихо сказала Света.

Руслан посмотрел на неё внимательно.

— Тебя как зовут?

— Света.

— Местная?

— Да.

— Где ты была, когда всё случилось?

Света немного покачала головой, будто вспоминала, и показала рукой.

— Вот тут стояла.

— Так. Что произошло?

— Подрались.

— Машину белую видела?

— Видела. Она вот тут стояла.

— Номер запомнила?

Света замялась.

— Хотела посмотреть, когда они уезжали. Но не стала.

Они так на всех смотрели… зло. Я испугалась.

— Ясно, — сказал Руслан. — А этого кто ударил?

Он кивнул на тело.

Света опять посмотрела в землю.

— Ты видела? — повторил Руслан.

— Я видела, что Сергей побежал к красному «Запорожцу». Его перед этим избили, он упал, потом поднялся. Побежал к машине, вернулся. Что-то в руке у него было.

— Что?

— Не знаю. Маленькое что-то. Блестело, может.

— Дальше.

— Потом этот… — Света кивнула на труп. — Он закричал. Или завизжал. Я не поняла. И схватился за бок.

— Сам удар видела?

— Нет. Сам удар — нет. Но Сергей был рядом с ним. И сразу после этого тот закричал.

— Дальше что?

— Сергей вытащил оттуда того, кого били, за шиворот, посадил в «Запорожец», и они уехали.

— Валю? — Иван посмотрел на Марию. — Пухленького?

— Да. Валентина, кажется, — подтвердила Света.

— То есть Сергей сбегал к машине, взял что-то, вернулся к тем, кто бил его друга, и после этого водитель белой машины получил ранение. Так?

— Ну да. Только сам удар я не видела.

Иван кивнул.

— А остальные трое?

— Они сначала опешили. Потом начали соображать, что делать. Этот валялся, корчился. Потом уже хрипеть

начал.

— Они к нему подходили?

— Да. Один наклонился. Потом ключи у него забрали. От машины.

— Потом я уже тоже видела, — вмешалась Мария. — Один из них, самый длинный, сел в белую машину. Она сначала не заводилась. Потом завели. Сначала, вроде, хотели этого забрать.

Она снова посмотрела в сторону тела и отвела глаза.

— А потом увидели, что все смотрят. Девочки кричали про скорую и милицию. Они, видимо, решили не связываться и бросили его тут.

— И уехали на белой машине? — спросил Руслан.

— Да.

— Раньше они здесь появлялись? Эти, на «Волге»?

Мария покачала головой.

— Нет. Не местные. Я их не знаю.

— Я тоже, — сказала Света.

— Номер кто-нибудь мог запомнить?

Обе молчали.

— Мария, — сказал Руслан, — поговорите со всеми, кто был здесь. Кто видел машину, кто видел номера, кто видел драку — пусть никуда не расходятся. Особенно девочки, которые стояли у входа.

— Хорошо, — кивнула Мария.

Руслан уже начал отходить, но обернулся.

— А тот, кто в клубе сидит, — это друг Сергея? Тот, что приехал на «Запорожце»?

Мария и Света кивнули одновременно.

— Да.

— Вы никуда не уходите, — сказал Иван. — Объяснения с вас возьмут отдельно.

Руслан пошёл к Лёхе.

Лёха спал на стуле, закутавшись в куртку. Голова была опущена на грудь.

— Друг, — Руслан потряс его за плечо.

Лёха не отреагировал.

— Ау.

Руслан наклонился ближе.

Лёха приоткрыл глаза. Перед ним было удостоверение.

— Уголовный розыск. Просыпайся. Поговорим.

Лёха моргнул. Свет резал глаза.

— Как зовут? Документы есть?

— Нету…

Он пощупал карманы и развёл руками.

— Имя?

— Лёша.

— Фамилия? Где живёшь?

— Носов.

— Что случилось? — Лёха попытался встать.

Руслан положил ладонь ему на плечо.

— Сиди. Нам нужно понять, кто ты, с кем приехал и где твои друзья.

Лёха молчал. Он смотрел перед собой, не собирая ответ.

Руслан повысил голос:

— Алексей. Быстрее. С кем приехал?

Лёха сглотнул. Губы у него пересохли.

— С Серёгой…

— Фамилия Сергея?

Лёха поморщился.

— Не помню.

— Второй кто?

Лёха молчал.

— Валентин? Валя?

— Ну… да. Валя.

— Машина чья?

— Запорожец…

— Чья машина?

— Не моя.

Руслан посмотрел на него и поднял за рукав.

— Пошли.

Лёха, пошатываясь, вышел с ним наружу. Руслан подвёл его к УАЗу и передал водителю.

— Посади его сзади. И смотри, чтобы не вывалился.

Водитель открыл заднюю дверь и посадил Лёху в клетку.

В этот момент к клубу подъехала белая «Газель» прокуратуры. Следом — машина начальника отдела.

Людей стало больше. Подтянулся местный глава. Кто-то из сельских стоял у забора, кто-то шептался возле крыльца. Иван оглянулся и махнул водителю:

— Отгоняй зевак за дорогу. Никого к телу не пускать.

Виктор Петрович, начальник отдела, подошёл к Ивану.

— Ну что тут, Иван?

Иван коротко доложил:

— Мужчина, на вид двадцать пять — тридцать. Ранение в правый бок. Документов нет, карманы пустые. На теле татуировки, возможно, ранее судимый. По словам директора Дома культуры и свидетелей, к клубу подъехала белая машина, предположительно «Волга». В ней несколько мужчин, со слов девочек — четверо. Убитый был с ними, за рулём. Возник конфликт с ребятами на красном «Запорожце». Один из

них, Сергей, мог нанести удар чем-то узким. Возможно, отвёрткой. Третий с «Запорожца» — Алексей Носов, пьяный, сейчас в УАЗе.

Подошёл Руслан.

Прокурорские занялись трупом. Семёныч отошёл в сторону, закурил и смотрел, как они работают.

Начальник отдела посмотрел на Ивана и Руслана.

— Объяснения берите. Всех отдельно. Директор, девочки, этот Носов. А участковый где?

— На пожаре, — ответил Иван. — На том трупе.

— Ясно. Пусть там заканчивает и сюда.

Он кивнул на тело.

— А ты, Руслан, давай в отдел. Поднимай всех, кто знает Сергея. Адрес, где живёт, чей «Запорожец». Я уже твоё руководство поднял, в отделе их встретишь. Потом сразу по адресам. Всех задержать сейчас.

— Полных данных пока нет, — сказал Руслан. — Но установим. Предварительно наши, добужские.

— Устанавливай быстро.

Виктор Петрович на секунду замолчал, прокручивая в голове указания, потом снова посмотрел на них.

— А эти на «Волге»? Кто с ним был?

— Пока непонятно, — ответил Руслан. — Номер никто толком не назвал. Машина белая, большая. Не местные. Их тут никто не знает.

Виктор Петрович посмотрел на труп.

— Значит так. Устанавливайте всех. По «Волге» — ориентировку. Кто видел номера, кто видел лица, кто раньше встречал — всех опросить. До утра мне нужны фамилии. Понятно?

— Понятно.

— Что там с домом? — спросил он после паузы.

Иван ответил:

— Пока точно непонятно. Женщина. Возможно, голова проломлена. Нужно, чтобы эксперт нормально посмотрел. Пожар мог быть уже после смерти.

Виктор Петрович тяжело выдохнул и сплюнул в землю.

— Блядь… Два трупа за ночь.

Он помолчал, глядя на клуб, на людей у входа, на тёмную дорогу за ними.

— Ладно. Работайте. Только без раскачки. Сейчас каждая минута важна.

Добуж. Отдел милиции. Ночь.

УАЗ качался по дороге и гремел. В заднем небольшом металлическом отсеке-клетке, на маленькой табуретке, сидел Лёха. Он постепенно начал приходить в себя.

Ещё по дороге, в трясущемся УАЗике, он понял, что что-то произошло. Но что именно — он искренне не знал и не понимал.

Единственное, в чём он был уверен: он вряд ли участвовал в чём-то серьёзном. А если так — скрывать ему нечего. Пусть спрашивают.

Откуда я знаю, что произошло? — крутилось в голове что-то очень простое, почти детское, но никак не находило выхода в словах.

В кабинете Руслана было тесновато. Стол, стул, папки, настольная лампа. Войдя, Руслан показал пальцем на стул. Лёха сел.

Сам Руслан устроился за столом, немного наклонился вперёд, как будто приближаясь к Лёхе, вздохнул и снова

начал — с тех же вопросов, с которых начинался их разговор ещё в клубе.

— Тебя как зовут?

— Алексей.

— Алексей, давай рассказывай подробнее, как ты приехал на дискотеку. С кем?

Лёха сглотнул и начал:

— Я с ребятами… с Валей и Серёгой.

— Так, — Руслан немного расслабился, откинулся на спинку стула. Разговор, казалось, пошёл. — Дальше.

— Ну… мы приехали… я выпивал… в клубе был. Потом свет включили, вроде драка была. Я вышел — никого. Вернулся обратно в клуб… и заснул.

Руслан понял: парень ничего не видел и, по всей видимости, говорит правду.

— Так, отлично, — как бы похвалил он Лёху за правдивый рассказ. — Теперь по порядку. Кто такие Валя и Сергей?

— Мои друзья. Мы с ними дружим.

— Фамилии?

— Я фамилий не знаю… — честно ответил Лёха.

— Ага. Сколько лет? Где живут? — продолжил Руслан, внимательно глядя на него.

— По шестнадцать им. Серёге вот только недавно исполнилось. В школе учатся, в последнем классе.

Уже легче, — отметил про себя Руслан.

— Где живут?

— Тут… — Лёха пожал плечами. — В городе.

— Знаешь где?

— Примерно. Дома знаю… но в квартирах не был.

— Ага… хорошо.

В этот момент дверь кабинета открылась. На пороге

появился крепкий лысый мужчина в кожаной куртке и джинсах. Хозяйским шагом он прошёл внутрь и кивнул Руслану.

— Ну что, Руслан, рассказывай… Это кто? — не глядя на Лёху, спросил он.

Руслан коротко доложил:

— Друг злодея, похоже. Сейчас на адрес нужно ехать. Он дом покажет.

Начальник уголовного розыска Гаврила — тот самый, кому ночью звонил дежурный, — быстро вникал в суть.

— Ну, поехали тогда. Я на машине, — сказал он и дёрнул Лёху за рукав.

Лёха поднял на него глаза.

— Значит, смотри. — Гаврила приблизил круглое лысое лицо к Лёхе и, слегка замедляя речь, произнёс внятно и внушительно: — Сейчас ты показываешь нам, где живут твои друзья. Понял?

Лёха кивнул.

— Если будешь рыпаться или вздумаешь обмануть — поедешь вместе с ними. Ясно?

Лёха попытался развести руками, но ему на спину уже легла рука Руслана, направляя его к выходу из кабинета.

Только что начинавшая выстраиваться в голове картина происходящего снова рассыпалась. Этот лысый, с грубыми чертами лица и холодным голосом, внёс в неё страх и сумбур.

Лёха обернулся на Руслана.

— Пошли в машину, — сказал Руслан. — По дороге всё расскажешь. Времени нет у нас.

Они вышли на улицу. Лысый сел в синюю «восьмёрку» и завёл двигатель.

Руслан с Лёхой подошли к машине. Открыв переднюю дверь, Руслан нажал на рычаг сиденья, спинка сложилась. Руслан подтолкнул Лёху, и тот, согнувшись, залез на заднее сиденье. Руслан залез назад вместе с ним.

Лёха, почувствовав окончательную скованность, выдавил из себя:

— А что вообще случилось?

Руслан посмотрел на него.

— Так, Лёш, смотри. Твои кореша, возможно, убили человека. Пока ещё не точно… Но нам нужно их опросить. Если всё в порядке — поедешь домой. Понял?

— Понял, — кивнул Лёха.

— Давай. Где кто живёт? Показывай.

— Ну, Валя живёт вон в той стороне, в пятиэтажке. А Серёжа — с другой стороны, на краю посёлка, в двухэтажке.

— Кто у нас основной злодей? — спросил Гаврила, повернувшись к ним.

— По-видимому, Сергей, — ответил Руслан.

— Давай тогда к нему сначала.

С этими словами Гаврила ловко нажал на педали. Машина, пробуксовывая, тронулась и устремилась в сторону дома, где жил Сергей.

— Лёш, а кто на «Запорожце» за рулём был? — спросил Руслан.

— Сергей, — ответил Лёха.

— Без прав?

Лёха немного поднял плечи.

— Без.

— Ясно, блядь, — буркнул Гаврила. — А где он, этот «Запорожец»? Я его в городе ни разу не видел.

— Да мы первый раз поехали на нём, — сказал Лёха и добавил: — Он в гараже стоял. Не заводился.

— А… ясно, — кивнул Руслан. — А где гараж?

— На той стороне, — показал Лёха через дорогу.

— А чей гараж? — продолжал Руслан.

— Мой, — ответил Лёха. — От деда достался.

— Ясно.

Машина подъезжала к дому Сергея.

Гаврила грубым голосом спросил:

— Какой дом?

— Вот этот, — показал Лёха в сторону двухэтажного кирпичного барака.

— Подъезд? Этаж?

— Этаж второй. Квартиру не знаю. Вон окна.

Лёха показал на горящие окна квартиры на втором этаже.

Машина снизила скорость и практически поползла. Гаврила остановился и погасил свет фар.

— Я схожу посмотрю. А вы пока сидите. Смотри за окнами, Руслан.

Дверь «восьмёрки» хлопнула, и наступила тишина.

Гаврила широким шагом пошёл в сторону подъезда.

Через несколько минут он вернулся обратно.

— Тишина там, но свет горит.

Гаврила сел за руль.

— А второй где живёт? — обратился он к Лёхе.

— Там, где пятиэтажки. Возле центра.

— Ясно. Поехали. Покажешь.

Машина дёрнулась. Синяя «восьмёрка» тихо отъехала от дома Сергея.

Ту же процедуру они проделали у дома Вали. В окнах, в отличие от квартиры Сергея, свет не горел. Видимо,

дома все спали.

Гаврила, начальник уголовного розыска, обратился к Руслану:

— Давай этого пока закинем. Заедем в отдел. Сейчас наши ещё подтянутся и поедем одновременно по адресам. Чтобы не бегать потом за ними.

Они вернулись в отдел.

Ночью в кабинеты уголовного розыска начали подтягиваться вызванные из дома опера: резонанс требовал собрать всех и задержать причастных.

В это время к отделу подъехал начальник криминальной милиции — Алексей Алексеич, седой мужчина небольшого роста, с быстрыми и чёткими движениями. По пути к кабинету Гаврила и Руслан докладывали ему о ночных событиях.

Все постепенно собрались в его кабинете.

Лёху отдали дежурному, и тот запер его в клетке для задержанных.

Начальник криминальной милиции с невыспавшимся лицом заваривал растворимый кофе себе в кружку и осматривал оперов, которые по очереди заходили к нему в кабинет и рассаживались на стульях.

— Так, все? — спросил он, посмотрев на Гаврилу. — А где Демид?

— Не знаю, — ответил Гаврила. — Трубку никто не поднял. Может, уехал куда.

— Раздолбай, — сказал начальник КМ.

Он ещё раз оглядел оперов.

— Так, нас пятеро. Рассказывай, Руслан.

Руслан рассказал о ночных событиях. Все уточнили детали. Всё происходило быстро, за считанные минуты.

Они тут же разбились по группам и выехали по двум

известным адресам.

В сторону дома Сергея поехали Гаврила, Руслан и молодой опер, который ещё проходил стажировку в отделе.

Молодого опера оставили на улице, чтобы тот смотрел за окнами — на случай, если злодей попытается спрыгнуть. Второй этаж был невысокий.

Гаврила и Руслан рывками поднялись на второй этаж, прислушались и нажали на дверной звонок.

За дверью послышались шаги.

— Кто там? — отозвался дрожащий голос Вероники Степановны.

— Уголовный розыск, — пробурчал Гаврила.

Потом повторил, не снимая грубость и напористость:

— Милиция. Открывайте.

Замок завертелся, и дверь открылась.

Гаврила тут же бесцеремонно ввалился в квартиру, осматривая комнаты. Руслан задержался в прихожей с Вероникой Степановной, которая опешила от такой быстрой и наглой реакции сотрудников.

— Сергей где? — заглядывая в комнаты, спросил Гаврила с хмурым видом, не увидев злодея.

Вероника Степановна растерялась. Смотрела на них широко раскрытыми глазами.

— Серёжа тут живёт? — повторил он, уставившись на неё холодным, рыбьим взглядом.

— Тут… А что случилось? — начала она.

— Где он? — перебил лысый Гаврила.

— Нет его… Не знаю…

— Как это — не знаете? А вы кто?

— Я… тётя его…

— Ну? А Сергей где? — напирал он.

Тётушка собралась, почувствовав, что её давят.

— Подождите. Для начала скажите, что случилось?

Лысый вытащил удостоверение и сунул ей практически в нос.

— Ещё раз: уголовный розыск. Нам нужен ваш племянник Сергей. Он тут живёт? — грубо, не смягчая выражений, выговаривал через пухлые губы лысый.

— Да… живёт… — кивнула она. — Но сейчас его нет.

— Где он? — вмешался Руслан, перехватывая разговор.

— Не знаю… должен быть… — она посмотрела на Руслана. — С друзьями где-то…

Руслан и Гаврила переглянулись.

В квартире Сергея не было.

— Блядь, — буркнул Гаврила.

— А что случилось? — спросила тётушка у Руслана, видя в нём спасение от наглого и бесцеремонного поведения его напарника.

Руслан понял это.

— Нам Сергей нужен. Он во сколько ушёл? — начал он и тут же прервал свой вопрос. — Давайте на кухню пройдём. Там поговорим.

Они переместились на кухню.

— Присядьте, — скомандовал Руслан ей.

Она присела. Он присел рядом.

— Вас как зовут?

— Вероника Степановна, — ответила она дрожащим голосом.

Руслан посмотрел на неё пристально и снизил голос.

— Вероника Степановна, а где Сергей? Он ваш племянник?

— Да, — ответила Вероника Степановна.

— А во сколько и куда он ушёл? — спросил Руслан.

В это время Гаврила перемещался по комнатам и осматривал квартиру.

Вероника Степановна заметила это и попыталась встать, но Руслан остановил её.

— Вы не переживайте. Мы из уголовного розыска. Скоро приедет следователь, у вас будет обыск.

После этих слов у Вероники Степановны пропали все силы.

— Обыск?.. — тихо произнесла она.

— А что случилось? — повторила она, глядя на Руслана.

— Сергей во сколько вышел из дома? — гнул свои вопросы Руслан, не отвечая на вопросы тётушки.

— Я не знаю… Где-то в семь, может.

— Куда?

— На дискотеку они поехали. С друзьями, — отвечала она.

— Он возвращался? — спросил Руслан, глядя на Веронику Степановну.

Лицо и шея у неё начали покрываться бордовыми пятнами.

— А что случилось? — снова спросила она.

Руслан ещё раз повторил:

— Вы знаете, где сейчас Сергей?

В это время Гаврила зашёл на кухню и навис над тётушкой.

— Я не понимаю, что вы хотите от меня, — ответила она.

— А-а-а, — произнёс грубым голосом Гаврила. — Значит, ты решила покрывать своего племянника… Ну-ну.

С этими словами он вышел из кухни.

— Где телефон? — произнёс он и, не дожидаясь ответа, сам увидел аппарат.

После этого он набрал номер начальника криминальной милиции.

— Алексеич? Тут у нас, похоже, злодей свалил. Будем тут пока.

В трубке что-то зазвучало.

— Угу, — ответил Гаврила и положил трубку.

Вернувшись на кухню, он взял стул, огромными руками резко и ловко развернул его и сел верхом, обратной стороной к спинке. Молча уставился круглыми глазками на Веронику Степановну.

— Вас Вероника Степановна зовут? — спросил он напористо.

Она уже не смотрела на него.

— На дискотеке произошла драка. Ваш Серёжа убил человека.

Вероника Степановна не смотрела на него, но внутри у неё всё сжималось. Она понимала, что этот мордоворот говорит страшные вещи.

И то, что она не хотела слышать, она услышала.

Серёжа убил человека.

Гаврила продолжил после небольшой паузы:

— Если он сейчас не придёт или вы нам не скажете, где он, то после задержания он уедет очень надолго. Куда-нибудь на север. На малолетнюю зону. — Он выговаривал каждое слово чётко. Вероника Степановна видела только его губы, из которых вылетали страшные вещи.

Он немного помолчал и продолжил:

— Если будете покрывать его — только ухудшите его

положение. Явка с повинной — один выход.

Он встал резко.

— Думайте.

С этими словами он вышел из кухни.

— Я туалетом воспользуюсь, мадам? — Не дожидаясь ответа тётушки, Гаврила открыл дверь туалета.

Руслан смотрел на тётушку. Ему не нравился стиль и напор Гаврилы, но вариантов не было.

На кухне царила тишина.

— Скажите, где Сергей, и пусть сам сейчас придёт, если вы знаете, — тихим голосом сказал Руслан.

У тётушки полились слёзы. Она плакала, как человек, который оказался в ситуации, где не знает, что делать. Все мысли были тягучими и только о Сергее. Она пыталась собрать их вместе, но не получалось.

Она и правда не знала, где он сейчас точно. А делиться догадками и быть для них дополнительной гончей она не собиралась.

Руслан встал, осмотрел кухню, увидел кувшин, налил воды и подал Веронике Степановне.

Она взяла воду и отпила несколько глотков.

Потом подняла глаза на Руслана.

— Скажите, а что там случилось? Может, он и не виноват? — спросила она.

— Ну… — сделал паузу Руслан. — Это уже суд решит, виноват или нет.

Она посмотрела в сторону Гаврилы, который выходил из ванной комнаты.

— Я не знаю, где он, — ответила она и замолчала.

Руслан вышел из кухни и отвёл Гаврилу в коридор.

— Ну что делать будем? — спросил он Гаврилу.

— Что делать будем… — задумался тот.

Потом продолжил:

— Значит так. Ты пока оставайся тут и жди. Я — в отдел. Дождётесь следователя, проведёте обыск, потом решим. Ты же сегодня на сутках?

— Да, — кивнул Руслан.

— Я тебе сейчас молодого пришлю. Вдвоём пока ждите. Может, придёт.

Гаврила громко обратился к Веронике Степановне:

— Какой номер тут?

Та продиктовала номер телефона квартиры. Он быстро записал.

— Я позвоню тебе, — уже тише произнёс он Руслану. — Поработай пока с ней.

С этими словами он вышел из квартиры.

Через несколько минут в квартиру позвонил молодой опер. Руслан открыл ему. Они остались ждать — или группу, или самого Сергея.

Гаврила широким шагом шёл от дома Сергея к своей «восьмёрке». В темноте на ботинки налипла грязь.

— Блядь, — выругался он и, увидев рядом грязную кучку апрельского, уже тающего снега, несколько раз жёстко обтёр о неё подошвы.

Потом сел в машину и завёл двигатель.

Круглая голова Гаврилы по привычке быстро крутилась по сторонам, выхватывая из темноты дворы, окна, подъезды, какие-то силуэты. Он включил передачу, и машина плавно двинулась в сторону дома, где жил Валя.

Гаврила решил проверить тех оперов, которые поехали на адрес к Вале.

Через несколько минут он уже подъезжал к нужному дому. Как раз в это время из подъезда выходили двое

оперов, а с ними — молодой парень и, по-видимому, его отец.

Гаврила вышел из машины и направился к ним.

— Ну что? — спросил он, обращаясь к одному из оперов.

— Да вот. Тот, которого били, — сказал рыжий худой опер и показал рукой на Валю.

Валя стоял в темноте, опустив голову вниз. Он был растерян и уже понимал, что попал в нехорошую историю.

Гаврила осмотрел Валю, потом его отца. Тот явно был ошарашен случившимся и стоял рядом с сыном с невыспавшимся, злым и недовольным лицом.

— Валентин? — обратился Гаврила к Вале.

Тот кивнул.

— Где Сергей? — тут же спросил Гаврила.

Валя поднял плечи и поморщился от боли.

Гаврила не обратил на это внимания.

— Во сколько вы расстались и при каких обстоятельствах? — спросил он грубо, прямо глядя на Валю.

Валя выдохнул.

— Примерно в час ночи. Он довёз меня до дома и уехал.

— На «Запорожце»? — уточнил Гаврила.

Валя кивнул.

— Куда уехал?

— Я не знаю, — ответил Валя почти скуля.

— Что значит — не знаешь? Вы же друзья, — буркнул Гаврила.

Валя снова поднял плечи и посмотрел вниз.

— Что там произошло? — Гаврила повернулся к

рыжему оперу, чтобы тот пояснил, что Валя рассказал про события на дискотеке. Слушать блеяние этого малолетки ему уже не хотелось.

Рыжий начал:

— Говорит, приехали на дискотеку. Он стоял в тамбуре с девчонками. Потом в тамбур зашла толпа. Одному, видимо, что-то в нём не понравилось — начали бить. Сергей, его друг, тоже включился, но ему тоже надавали. Дальше говорит, что ничего толком не помнит. Помнит только, что Сергей вытащил его, посадил в машину, и они уехали.

Гаврила молчал.

— Так… — сказал он наконец. — Давайте тогда их в отдел. Подробное объяснение.

Рыжий опер кивнул.

— Но для начала, — Гаврила огляделся, — прокатитесь с ним до гаражей. Пусть покажет гараж. Может, этот Серёжа там и сидит.

Он посмотрел на рыжего худого опера:

— И ещё, Стас. Как возьмёшь с него объяснение — езжай на адрес к этому Сергею и замени там Руслана. Руслан сегодня дежурит, а вы ждите до утра. Может, придёт.

Стас кивнул и залез в «шестёрку», заводя двигатель.

Валя, его отец и второй опер сели следом. Машина просела на уставших пружинах и почти скребла днищем по асфальту.

Гаврила сел в свою «восьмёрку» и поехал за ними — в сторону гаражей.

Они прокатились по пустому ночному городу, свернули к гаражам. Валя показал нужный гараж.

Гараж был закрыт.

«Запорожца» рядом не было.

— Свалил, сука, — выругался Гаврила и дал газу в сторону отдела.

Добуж. Отдел милиции. Ночь.

В отделе рыжий опер Стас включил настольную лампу, сутулясь, склонился над листом объяснения и начал записывать со слов Вали:

«Я, Сугробов Валентин Дмитриевич, проживающий по адресу…, учащийся школы №…, сообщаю следующее.

31 марта 2000 года вечером вместе со своими знакомыми Сергеем Мартыновым и Алексеем… на автомобиле “Запорожец” мы поехали на дискотеку, проходившую по адресу…

Во время дискотеки, примерно в 23 часа 30 минут, я находился в тамбуре вместе со знакомыми девушками Олесей и Дашей. В этот момент в тамбур зашли неизвестные мне ранее лица, примерно четыре человека. Один из них целенаправленно толкнул меня плечом, после чего кто-то ударил меня ногой, и я ударился о стену.

Далее на меня посыпались удары, меня вытащили из клуба. В какой-то момент я потерял сознание. Мой друг Сергей также участвовал в драке, но что именно он делал, я не видел, так как меня сильно били.

Позже удары прекратились, начались крики. После этого Сергей схватил меня за шиворот и потащил к машине. Мы сели в автомобиль. Он сел за руль, завёл двигатель, и мы уехали.

По дороге домой он сказал, что, возможно, ранил

кого-то. Я больше ни о чём не спрашивал, так как у меня сильно болела голова. Он довёз меня до дома и уехал на “Запорожце”. Где он сейчас — не знаю».

Стас прочитал объяснение вслух.

— Всё верно?

Валя кивнул.

— Тогда расписывайся.

Валя взял ручку и подписал:

«С моих слов записано верно, мною прочитано».

Потом ручку взял его отец. Серый от усталости и стресса, он тоже расписался как законный представитель несовершеннолетнего.

Стас посмотрел на них.

— Пока можете идти. Вас вызовут отдельно.

Он перевёл взгляд на отца:

— Если появится информация о Сергее — сразу сообщите.

Отец молча кивнул.

Дверь закрылась.

Стас посмотрел на часы.

Почти шесть утра.

Идея задержать всех по горячим следам провалилась.

Он положил голову на стол, подложив под неё шапку, и провалился в прозрачный сон — когда вроде спишь, но всё слышишь.

СУББОТА

Софино. Вокзал. Утро.

За запотевшими окнами Сергей открыл глаза.

Почти шесть утра.

Он спал, согнувшись на сиденье в форме эмбриона, и всё пытался согреться, но не получалось. Холод пролезал под куртку, в спину, в ноги, в шею. Салон «Запорожца» отсырел за ночь. Стёкла были мутные, белёсые, и сквозь них едва проступал серый двор.

Время шло очень долго.

Он то проваливался в короткий, рваный сон, то снова выныривал наверх — в сырую и холодную реальность. И каждый раз несколько секунд не понимал, где он, зачем он здесь и какое теперь занимает место для тех, от кого бежит.

Бегу, — прозвучало у него в голове.

От кого я бегу?

Ну вот и история.

Своя история.

Последний разговор с тётушкой опять всплыл в памяти. Потом — обрывки ночи: тамбур, крики, Валино лицо, рука с отвёрткой, тёмный двор, руль, дорога. Всё валилось в голову разорванными кусками, как картинки, которые кто-то бросал перед ним одну за другой.

Он пытался уснуть от сильного перенапряжения: всё внутри было вымотано до пустоты. Но сон не держал.

Сергей снова выныривал, приходил в себя, понимал, что это не сон, — и мысли начинались заново.

Что теперь делать?

Время шло.

Он поглядывал на часы. Минуты то тянулись бесконечно, то вдруг перескакивали вперёд.

Надо было что-то решать.

А что решать?

И зачем он вообще уехал?

Надо было остаться дома. Сидеть и ждать. Будь что будет. Наверное, так и нужно было сделать.

Но что-то останавливало его от возвращения. Как будто не давало сдаться. Как будто влекло дальше — продолжать бороться, хотя он сам ещё не понимал ни с кем, ни за что.

Темнота на улице начала постепенно сереть.

Нужно было что-то делать.

План вроде бы вырисовывался в голове, но Сергей не видел в нём будущего. А так хотелось найти выход из этой сложной точки судьбы прямо здесь и сейчас. Одной правильной мыслью. Одним решением.

Но такого решения не было.

Где-то вдали вдруг протяжно свистнул поезд.

Значит, уже ходят, — подумал Сергей.

Он осмотрелся, пощупал себя по карманам и вдруг вспомнил про отвёртку.

С красной ручкой.

Сергей замер.

А где отвёртка?

Он начал шарить глазами по полу машины, проверил карман, откуда достал её ночью, потом открыл бардачок.

Отвёртки не было.

Значит, там осталась.

Скорее всего, там.

Ему стало ещё хуже.

Страх начал опоясывать его, как тугой ремень. Ноги будто отнимались. Но это ощущение Сергей быстро распознал. И почти сразу внутри снова появился строгий, злой анализ.

Что сделал — то сделал. По-другому не мог.

Теперь скажут — хулиган. Судить будут.

А кто они, эти судьи?

Мысли бурчали внутри, цеплялись одна за другую.

Как будто я виноват. В чём я виноват? Пусть скажут.

И тут они начали собираться.

Сейчас пойду на вокзал. Куплю билет в Москву. А там посмотрим.

Он ещё раз осмотрел салон, чтобы ничего не забыть. Взял чёрную спортивную сумку, которую дала ему тётушка, пересчитал наличные.

Денег было достаточно.

Дверь «Запорожца» скрипнула. Сергей выбрался наружу, встал на сырую землю, хлопнул дверью, закрыл машину на ключ и пошёл из дворов в сторону вокзала.

Перейдя дорогу, он почувствовал незнакомый запах железной дороги: мокрый металл, шпалы, мазут, утренний холод и что-то ещё — большое, чужое, дальнее.

Сергей поднялся на пешеходный мост, который аркой шёл через рельсовые пути, и остановился.

В какую сторону Москва? И где брать билет?

Внизу тянулись пути, серели платформы. Где-то за деревьями виднелось старое здание станции.

Наверх по лестнице поднимался молодой парень — года на четыре или пять старше Сергея. Высокий, худощавый, с рюкзаком за спиной и в зелёной шапке.

Сергей посмотрел на него чуть дольше обычного. Парень заметил его взгляд и остановился рядом.

— Извини, пожалуйста, — сказал Сергей. — А как мне в сторону Москвы?

Парень посмотрел на него открытыми глазами и сразу показал рукой.

— До Москвы — вон тот путь. Тебе туда спускаться. Там перрон.

— Спасибо, — сказал Сергей и уже хотел идти.

— А во сколько у тебя поезд? — спросил парень.

Сергей остановился.

— Я не знаю, — замешкался он. — Я только билет хотел купить.

Парень посмотрел на часы.

— Через двадцать минут первая электричка. Только она не прямая, с пересадками. Я на ней езжу — так дешевле. А билет вон там. — Он показал в конец моста. — Спустишься вниз, там справа станция. Видишь? За деревьями.

Сергей кивнул и почти побежал покупать билет.

Через десять минут он уже возвращался на перрон.

В центре платформы начали собираться люди. Парень в зелёной шапке стоял примерно там, где должен был остановиться средний вагон.

Сергей увидел его и подошёл.

— Ну что? Получилось? — спросил парень с улыбкой.

— Да. Спасибо тебе большое. Я успел.

Сергей подошёл ближе, и парень неожиданно протянул ему руку.

— Меня Антон зовут. А тебя?

— Сергей.

Они пожали руки.

— Так ты как в Москву решил ехать, даже билета заранее не купив? — усмехнулся Антон, глядя на него искоса.

Сергей сам почувствовал всю нелепость ситуации.

— Вот так, — ответил он. — Бывает такое.

Он замолчал.

Внутри вдруг остро появилось чувство, что он один. Совсем один на своём пути. Что делать — не знает. Едет — потому что решил ехать.

— У тебя что-то случилось? — вдруг спросил Антон.

Сергей отвёл глаза и махнул рукой.

— Бывает. Что-нибудь придумаю.

— Не, ты не думай, что я смеюсь, — сказал Антон. — Всё бывает.

Эти слова почему-то поразили Сергея. Не сами слова даже, а то, как Антон их сказал. Спокойно. Без насмешки. Как будто правда знал, что разное бывает.

Антон посмотрел туда, откуда должна была появиться электричка.

Через несколько секунд вдалеке что-то дрогнуло. Звук начал нарастать, становиться плотнее, пока из серого утра не показалась голова поезда, тянущего за собой зелёные вагоны.

Перед ребятами пронёсся первый вагон. Потом перед глазами начали мелькать металлические зелёные бока электрички, постепенно замедляя ход.

— Если хочешь, садись со мной, — сказал Антон. — Я знакомствам только рад.

Он встал перед открывающейся дверью.

Сергей кивнул.

Любой свет он теперь интуитивно решил встречать.

Они прошли по вагону и сели напротив друг друга. Сергей сел лицом вперёд, а Антон — наоборот, спиной к движению, глядя в окно на уходящие назад пейзажи.

— Я люблю разные пейзажи смотреть, — сказал Антон, устраиваясь у окна. — Сначала смотрю назад, как будто провожаю знакомые места. Потом пересаживаюсь туда, где ты сидишь, и смотрю вперёд. Встречаю новые места. Новые картинки. Они каждый раз вроде те же, а всё равно другие.

Сергей сначала не понял, о чём он говорит. Голова работала тяжело. Сильный стресс не давал ему разжаться изнутри, держал, как тиски. Но при этом толкал идти вперёд.

Потом смысл слов Антона постепенно дошёл до него.

Вот это парень, — подумал Сергей.

Он немного улыбнулся.

— А я никогда не ездил, — сказал он. — Вот первый раз.

И осмотрел вагон.

— Серьёзно? Ни разу? — удивился Антон.

— Не-а.

— И вот так вот, в первый раз — чуть не опоздал на поезд, — улыбнулся Антон.

— Вот так, — ответил Сергей тоже с улыбкой.

— А куда в Москву?

Сергей посмотрел в окно. За стеклом бежали дворы, кусты, какие-то серые дома, потом поля.

— Не знаю пока куда. В Москву.

— Ясно, — усмехнулся Антон, но без злобы.

Он немного помолчал и добавил:

— А я учусь в Москве. На эколога. Третий курс университета. Вот с выходных возвращаюсь.

Сергей посмотрел на Антона внимательнее.

Перед ним сидел настоящий живой парень. Какой-то другой. Может, образованный. Может, просто свободный. Но таких людей, как этот Антон, Сергей, кажется, раньше не встречал.

Зелёная шапка-петушок у него на голове была будто вызов всему обычному: что хочу, то и ношу. Одежда была простая, но точно подобранная, без единой лишней детали. Городской походник какой-то.

— Интересно живёшь, — вдруг сказал Сергей.

Потом почему-то добавил:

— А я вот хотел в милицию пойти учиться.

И сразу вспомнил, что после вчерашнего всё это теперь может исчезнуть.

Антон посмотрел на него с интересом.

— Да ты что? Интересно.

— Да. А теперь, может, на эколога, — засмеялся Сергей, сам понимая всю комичность этой перемены.

Антон тоже рассмеялся.

— Пока не определился, понимаю. Я тоже долго думал, куда идти.

— А как решил?

— Была одна история.

В этот момент в конце вагона открылись двери тамбура. В проход вошёл контролёр, а за ним виднелись двое сотрудников милиции.

Сергей посмотрел на них, и у него резко заколотилось сердце. Так сильно, что он не смог сразу взять себя в руки.

Антон заметил это и оглянулся.

— А, у тебя же билет есть, — спокойно сказал он. — Покажешь — и всё.

Сергей кивнул.

Он вдруг понял, как картина одного человека может совсем не совпадать с картиной другого. Для Антона это были просто контролёр и два сонных милиционера в электричке. Для Сергея — что-то совсем другое.

Будь что будет.

Он выдохнул и снова стал смотреть в окно.

Контролёр с милиционерами медленно двигались по вагону, проверяя немногочисленных пассажиров.

Сергей посмотрел на Антона и вспомнил, что тот начал рассказывать свою историю.

— Так как ты решил на эколога пойти? — спросил он.

Сердце стало колотиться реже.

Контролёр подошёл к ним.

— Билеты, молодые люди, — произнёс он важным, почти пластиковым голосом, не глядя им в глаза.

Сергей и Антон показали билеты. Контролёр проштамповал их специальной штукой и вернул таким движением, будто бросил.

Ребята спрятали билеты по карманам.

Двое милиционеров прошли следом в каком-то спящем состоянии. Было видно, что участвовать в жизни контролёра у них нет никакого желания.

Троица пошла дальше.

Антон посмотрел им вслед.

— Да… История длинная. И как раз с этими ребятами связана.

— С милиционерами? — спросил Сергей, понижая голос.

— Ага.

Сергей чуть подался к нему корпусом.

— Очень интересно.

— История давняя. Ты же местный?

— Да. Только из Добужа.

— А, понял. Значит, местный. Тогда поймёшь. Река же у вас в центре города течёт?

— Да.

Сергей устроился поудобнее.

— Ну так вот, — начал Антон. — Я тогда в девятом классе учился. Рыбу всё лето ловил у бабули. У неё огород прямо возле реки. И я там с детства всё лето с удочкой.

Сергей слушал внимательно.

— Потом стал замечать, что рыба дохнуть начала. А по воде иногда какие-то пятна плывут. Я сначала думал: может, кто-то бочку какую-нибудь выкинул или канистру. Не стал обращать внимания. А потом начал смотреть — рыба нездоровая. Я это прямо вижу.

Антон рукой изобразил мальчишку у реки, который держит пойманную рыбу и понимает, что с ней что-то не так.

— Она нездоровая, понимаешь?

Сергей представил Антона у речки с рыбой.

— Ну и что дальше?

— А дальше я у бабушки спрашиваю: «Бабуль, а что происходит?» Она руками развела и на завод махнула. Знаешь этот завод? Там целый город. Химикаты делают.

— Знаю.

— Вот. И я начал интересоваться. Говорю бабуле: «Ну как так? Рыба же дохнет. Люди купаются. Воду пьют. Какие могут быть выбросы? Так нельзя». Бабуля смотрела на меня, но что делать — не сказала.

Антон вдруг посмотрел на Сергея блестящими глазами.

— А я не простой паренёк. Я решил провести собственное расследование.

— Во, — тихо сказал Сергей.

Он вдруг увидел в Антоне характер, похожий на свой собственный. Только другой — более культурный, более знающий. Но что-то внутри было схожее.

— Я взял отцовский фотоаппарат, надувную лодку и ночью начал подходить к заводу со стороны реки. Правда, сначала не получалось идти против течения, пришлось обходить и сплавляться сверху. Так несколько раз я к заводу и лазил. В первый раз ничего не нашёл: ни откуда, ни как они сливают. А потом начал ходить туда почти как домой. Нашёл на территории каску, рост у меня уже позволял сойти за рабочего. Стал захаживать туда с утра. Фотографировал, смотрел, где трубы, где стоки.

Антон улыбнулся.

— Ну и поймали меня, конечно. Но я уже всё, что нужно, разведал.

Сергей слушал, не перебивая.

— После этого всё и началось. Меня — в милицию. Завод пишет заявления одно за другим: разведчик, террорист, проникновение, хулиганство. А я им фотографии. Говорю милиции: вот факты. Рыба дохнет. Фильтры не меняют. Вода, которой охлаждают оборудование, соприкасается с химикатами — и всё уходит в реку.

Антон махнул рукой.

— А они меня по очереди из кабинета в кабинет. То милиция, то прокуратура. И так почти год. Бабушка

сначала испугалась. Но она-то знала, с чего всё началось. Я ей всё сказал как есть.

Он помолчал.

— Главное, понимаешь, что? Милиция меня проверяла. А водой и выбросами никто толком не занялся.

Сергей закивал.

Он понял историю Антона — но понял её больше телом, чем головой. Открытия Антона должны были что-то значить. Должны были к чему-то привести. Но система занималась не этим. Она крутила самого Антона.

— А учиться-то почему на эколога пошёл? — спросил Сергей.

И тут же, не дожидаясь ответа, вдруг понял сам.

Антон заметил это.

— Да, Серёг. Я понял, что без знаний правду и справедливость не найдёшь. Они сильнее тебя бумагами, кабинетами, должностями. А если ты знаешь — уже другой разговор.

Он хлопнул рукой по рюкзаку.

— Я теперь пробы воды из этой реки каждый месяц беру. И как раз новую на кафедру везу. Буду проверять, что на этот раз.

Теперь всё было понятно.

Сергей посмотрел на Антона и увидел перед собой цельного человека. Настоящего. Не болтуна. Не героя из книжки. Просто человека, который однажды увидел мёртвую рыбу и не смог сделать вид, что ничего не произошло.

— Это серьёзно, Антон, — сказал Сергей. — Спасибо тебе.

Слова сами вышли из него.

— Я знал, что люди есть. И ты один из них.

Антон улыбнулся.

— Да ладно, Серёж. У каждого такая возможность есть.

Сергей вздохнул и опять посмотрел в окно.

Потом — на Антона.

— У меня, Антон, тоже история есть. Только этой ночью произошла.

Поезд начал притормаживать.

— О, отлично, — сказал Антон, поднимаясь. — Расскажешь. У нас пересадка на другую электричку.

Он хлопнул Сергея по плечу, встал и надел рюкзак.

Сергей поднялся следом.

Двери открылись.

Они вышли на перрон.

Добуж. Квартира Сергея. Утро.

В кабинете Стаса резко зазвонил внутренний телефон.

Он дёрнулся, выпрямился, но даже выпрямившись остался сутулым. Открыл глаза и только через секунду понял, что заснул.

Телефон продолжал звонить.

Стас тут же посмотрел на часы, чтобы сориентироваться, где он вообще находится во времени, и поднял трубку.

В трубке раздался грубый голос начальника уголовного розыска Гаврилы:

— Спишь, что ли?

— Нет, — неубедительно ответил Стас.

— Не болтай.

В трубке на секунду повисла тишина.

— Ты опросил малолетку?

— Да.

— Так чего ты не на адресе? Езжай, меняй Руслана. Они мне только что звонили. Ему нужно с ночи документы готовить для сдачи утром.

Стас встал ещё до того, как Гаврила договорил.

— Короче, — буркнул Гаврила. — Зайди ко мне. Пару вещёй скажу — и поедешь.

Стас положил трубку, подтянул штаны, схватил куртку и вышел из кабинета.

Поднявшись на второй этаж, он постучал в кабинет Гаврилы.

— Давай, — раздалось изнутри.

Гаврила сидел за столом и наливал себе кофе. На столе лежали какие-то бумаги, раскрытая пачка сигарет, пепельница и телефонная трубка, будто только что брошенная на аппарат.

Он посмотрел на Стаса и усмехнулся.

— Ну… распиздяй. Кстати, твой напарник Демид где?

— Не знаю, — ответил Стас.

— «Не знаю», — передразнил Гаврила. — Бухает, наверное, с блядями где-нибудь. А как дела — никого не дозвониться. Всю ночь катаюсь вместо вас по адресам.

Он сделал глоток кофе и сразу, не дожидаясь никакой реакции Стаса, продолжил:

— Давай на адрес к этому злодею малолетнему. Думаю, он где-то тут ещё шляется. Может, в машине посидит где-нибудь, утром домой припрётся. Ждите его.

Стас тихо закивал своей тонкой, вороньей, будто

сломанной шеей.

На вид он был худой, сутулый, почти нескладный. Но время уже показало, что это телосложение не мешало ему задерживать «злодеев», которые превосходили его и ростом, и силой. Так внутри коллектива опера и другие сотрудники называли всех, кто проходил по делам, — «злодеями». Слово было удобное: сразу всё объясняло и ничего не требовало уточнять.

Стас уже хотел выйти, но Гаврила остановил его:

— И это. Утром тут кипишь начнётся по поводу этих двух мокрух. Так что найди ещё этого распиздяя Демида, чтобы к разводу был.

— Так он думает, у него выходной. Скорее всего, не дома, — попытался оправдать напарника Стас.

Гаврила вдруг зарычал:

— Стас.

У него это получалось из любой, даже самой пустой атмосферы. Рык сразу начинал скрежетать в ушах. Гаврила перевёл дыхание и повторил:

— Стас… Мы работаем не в ларьке. Он должен быть на связи и в доступе двадцать четыре часа семь дней в неделю.

Стас снова закивал.

— Поэтому найди этого алкаша-тунеядца, — продолжил Гаврила. — Нам люди нужны. Там этих на «Волге» ещё три человека. Нужно установить, откуда машина, кто они такие, и ехать всех искать.

Стас кивнул и выскользнул из кабинета.

Через проходную он спустился вниз.

На улице было серое утро. Влажное, мутное, апрельское. Стас открыл ключом служебную ВАЗ-2106, сел за руль и завёл двигатель.

К дому, где жил Сергей, он подъехал уже окончательно проснувшимся, но не отдохнувшим.

Поднялся на второй этаж и позвонил в дверь.

Внутри квартиры стояла тишина.

Потом за дверью послышались шаги.

Стас понял, что свои, сидевшие внутри, на секунду решили: пришёл Сергей.

— Это я, Стас, — сказал он в дверь, даже не ожидая ответной реакции.

Замок тут же заурчал, дверь открылась.

На пороге стоял Руслан.

— Здорово, — сказал он и протянул руку.

Стас пожал её и вошёл в квартиру.

На кухне сидела тётушка. Уставшими глазами она уже почти буднично смотрела на происходящее. В её доме была засада на её любимого племянника. Хорошо хоть, что эти, кто остался, вели себя культурно.

Она сидела тихо, иногда смотрела в окно, иногда — на свои руки.

Внутри неё всё время шла одна и та же мысль, похожая на молитву.

Он справится.

Он знает, что делает.

Иногда ей казалось, что одними этими мыслями она посылает Сергею невидимые сигналы. Чтобы он держался. Чтобы сохранял силы. Чтобы не терял трезвость ума.

Остановить эту внутреннюю молитву она уже не могла.

Стас прошёл в комнату и тихо сел на диван.

Руслан покинул свой пост.

Служебные «Жигули» довезли его обратно до отдела.

Добуж. Отдел милиции. Утро.

Руслан быстро вошёл в прихожую отдела.

За мутным стеклом дежурной части круглый дежурный сразу замахал ему рукой:

— Руслан, заходи. Забери и распишись за материалы.

Руслан вошёл.

Перед ним стоял дежурный, с которым они заступали на эти сутки. Толстый, довольный, уже почти весёлый от того, что его смена скоро закончится.

— Вот это ночка, Руслан! — хохотнул он.

Живот у него ходил вперёд-назад в такт смеху. Потом он закашлялся и указал толстым пальцем на бумаги, лежавшие в большом журнале.

— Забери. На тебя расписаны с ночи материалы.

Руслан посмотрел на него хмуро.

— А ты чего смеёшься?

Дежурный почесал пузо.

— Так суббота. Выходной у меня. И ещё два дня впереди.

Руслан взял документы, расписался и посмотрел на довольного дежурного.

— Ну и служба у вас. Надо в дежурку переходить, — уныло пробормотал Руслан и уже собирался выйти, но дежурный вдруг сказал ему вслед:

— Кстати. «Запорожец» ваш нашли.

Руслан остановился.

— Где?

— В соседнем городе. Стоит запертый во дворе возле вокзала в Софино, километрах в тридцати от нас. Местные ездили по нашей ориентировке и около

восьми утра обнаружили. А малолетки нет, — сказал дежурный и криво улыбнулся.

Руслан молча выслушал.

— Я уже вашим доложил, — добавил дежурный. — Гаврила у себя.

Руслан вышел из дежурной части и поднялся на второй этаж.

Гаврила сидел за столом в своей привычной позе, опираясь руками о столешницу. Перед ним стояла чашка кофе. Он поднял глаза на вошедшего.

— Ну что? Сменили? — спросил он, увидев Руслана.

— Сменили.

— Что она говорит?

— Ничего нового. Ждёт его. Думает, что вернётся.

Гаврила хмыкнул.

— Малолетка, похоже, соскочил. В соседнем городе, может, уже. Дежурка звонила — «Запорожец» нашли. Надо ехать осмотр делать.

— Может, уехал куда-нибудь на электричке? — предположил сонным голосом Руслан.

— Хер его знает, — ответил Гаврила.

Он замолчал, посмотрел на Руслана. Тот стоял у стены и буквально подпирал её своим усталым торсом.

— Ты пока иди, материалы готовь. И там внизу тот, которого ты с дискотеки притащил, Лёша их третий. Достань его из клетки, опроси и дай пинка. Пусть на связи будет. Если что-то по Сергею узнает — сразу звонит.

Руслан кивнул.

— Потом зайди ко мне перед тем, как домой идти, — добавил Гаврила.

Руслан снова кивнул и вышел из кабинета

начальника уголовного розыска.

Внизу он постучал в окно дежурной части.

— Открывай. Надо забрать этого, что в клетке.

Дежурный вышел, гремя огромной связкой ключей. Подошёл к камере, вставил ключ, повернул.

Замок щёлкнул.

Внутри, скрючившись на деревянной лавке, лежал Лёха.

— Носов! Вставай! — крикнул дежурный.

Лёха дёрнулся, открыл глаза и поднялся. Вид у него был помятый, серый, сонный. Он не сразу понял, где находится.

— Пошли со мной, — скомандовал Руслан.

Он пропустил Лёху вперёд и показал маршрут в сторону своего кабинета.

Силы покидали Руслана, но он боролся. Ночной кашель будто ушёл глубже, внутрь, и теперь болело уже не горло, а где-то за рёбрами.

В кабинете Руслан показал Лёхе на стул.

Сам сел за стол, почесал голову и посмотрел на него.

— Ну что? Дотанцевались?

Он тут же поймал себя на мысли, что очень устал. Внутри копилась какая-то злость, и он выплюнул её на этого бедолагу просто потому, что тот оказался рядом.

Поняв это, Руслан вздохнул, достал лист объяснения и начал записывать.

Лёха отвечал на вопросы вяло, но без наглости. Рассказывал только то, что знал.

Картина сложилась простая.

Приехал с друзьями на дискотеку на «Запорожце». Был Сергей. Был Валя. Потом началась драка, включили свет. Сам Лёха толком ничего не видел и не понимал.

Где был Сергей и Валя во время и после драки — не знает. Что именно произошло в тамбуре — тоже не знает. Когда всё завертелось, он находился внутри клуба.

Руслан записывал, иногда переспрашивал, иногда просто молча смотрел в лист.

Можно было, конечно, надавить на этого пацана: почему он не видел, хотя должен был? Но в этом уже не было необходимости. Картина по убийству в драке складывалась и так. Руслан сухо набросал объяснение Лёхи и повернул бумагу к нему.

— Читай. Если всё верно — подписывай.

Лёха уткнулся в текст и ничего не понял.

— Ну, то, что мы с тобой говорили, я и записал, — сказал Руслан.

— Угу, — ответил Лёха, ища на столе место, чтобы опереться для подписи.

Руслан немного привстал, ткнул пальцем в нужное место и продиктовал:

— Пиши: «С моих слов записано верно, мною прочитано», число, подпись.

Лёха написал и сделал закорючку. Буквы у него были нелепые и прыгали вверх-вниз, изображая что-то похожее на текст.

Руслан забрал лист.

Руслан поднял глаза на Лёху:

— Домой можешь идти. Но чтобы был на связи. По первому требованию явишься. Если что-нибудь узнаешь про Сергея — сразу звонишь. Понял?

— Понял, — кивком ответил Лёха.

— Иди.

Лёха осмотрелся и вышел из кабинета.

Руслан посмотрел на часы.

Восемь тридцать утра.

Через полчаса официально заканчивались его дежурные сутки.

Материалы, которые он получил за ночь, Руслан сложил в сейф. Закрыл дверцу, провернул ключ и на секунду остался стоять перед ним, не двигаясь.

Полчаса — тоже время.

Он устроился на диване, лёг, закрыл глаза.

И почти сразу провалился в тяжёлую, короткую темноту.

Софино. Вокзал. Утро.

Вдоль перрона шли Сергей и Антон.

Сергей подробно рассказал всё, что произошло с ним накануне.

Антон долго молчал. Он просто шёл рядом, словно складывал услышанное где-то внутри себя. Потом остановился, посмотрел на Сергея и тихо сказал:

— История сильная. Представляю, что у тебя сейчас внутри происходит.

Сергей вздохнул.

— Значит, поэтому ты и билет не купил, — произнёс Антон, будто вслух накладывая новые детали на ту картину, которую уже знал. — И сотрудников увидел…

Сергей кивнул.

— Да. Всё так.

Рассказав свою историю, он вдруг будто сам почувствовал, где сейчас находится. В какой реальности. От этого стало немного легче и даже

понятнее ему самому. Но что делать дальше, Сергей всё равно не знал.

Антон снова пошёл рядом. Его прежняя улыбка исчезла, сменившись каким-то внутренним размышлением.

Сергей заметил это и вдруг остановился.

— Ладно, Антон, — сказал он и протянул руку. — Приятно было познакомиться.

Антон посмотрел на протянутую руку, потом на Сергея.

— А ты куда?

— Пока не знаю, — ответил Сергей.

Он отвернул голову, не зная, куда деть взгляд. Этот взгляд будто давился под грузом проблем и той реальности, которая теперь ещё ярче раскрасилась у него в голове.

Антон смотрел на него внимательно.

— Ты подожди, — сказал он. — Не расстраивайся. Не надо сейчас так резко.

— А что делать, Антон? — вдруг спросил Сергей и посмотрел прямо на него.

В этом взгляде было всё: усталость, страх, злость на самого себя и ощущение, что возвращаться уже нельзя, а ехать дальше вслепую тоже страшно. Невидимое давление, которое он чувствовал всё это время, снова навалилось на него.

Антон словно взял себя в руки. Прищурился.

— Ты, конечно, сам решай, — сказал он. — Я тебя тянуть не собираюсь. Но ты же мне это рассказал не просто так. Дай мне теперь подумать. Пойдём. Не торопись.

Он хлопнул Сергея по плечу.

Сергей принял этот жест и снова пошёл рядом с ним по перрону — то ли провожая Антона, то ли уже соглашаясь ехать с ним дальше как попутчик.

Некоторое время они шли молча.

— Так, — начал рассуждать Антон. — Что тебе посоветовать в таком случае, я пока не знаю. Тут, сам понимаешь, специальные знания нужны.

Он снова замолчал, будто перебирая в голове возможные варианты.

Потом посмотрел на Сергея.

— Но вот тут, может быть, у меня есть возможность тебе помочь. Возможно, есть с кем проконсультироваться.

— Не надо, Антон, — сразу сказал Сергей. — Я что-нибудь придумаю. У меня есть с кем посоветоваться.

Это было неправдой.

Антон посмотрел на него.

— Есть? Кто?

Сергей отвёл глаза.

Антон ничего не сказал.

Они прошли ещё несколько шагов.

— А что бы ты сделал на моём месте? — вдруг спросил Сергей.

Антон выпрямился и посмотрел вдаль, туда, где рельсы уходили за поворот.

— Я бы… — он сделал паузу. — Я бы не решал это один. Поговорил бы с умными людьми, которые разбираются в таких вопросах. Возможно, мои друзья смогут подсказать, куда идти и что делать.

Он повернулся к Сергею.

— Но я ничего не обещаю.

Сергею вдруг стало неловко. Он рассказал свою

историю и как будто переложил на другого человека то, что до этого касалось только его. Теперь это касалось и Антона — нового знакомого, который сразу начал искать решение его проблемы.

Это слишком, — подумал Сергей. — Я сам всё решу.

Антон посмотрел на часы, потом сверился с расписанием.

— Электричка должна прийти через пять минут.

Сергей взглянул на него.

— Слушай, Антон… Я вот рассказал тебе всё это, а теперь думаю: может, зря я уезжаю? Пусть сами разбираются. А то я как будто убегаю, что ли…

Он замолчал.

— Да и ещё людей беспокоить… И тебя, — добавил он со вздохом.

Антон сначала будто не понял, что Сергей сказал. А когда понял, снова ушёл внутрь себя. Потом резко оживился и хлопнул Сергея по плечу.

— Эй-эй-эй. Ты чего это? Ты давай на амбразуру не беги. Ты же парень неглупый. Тем более ты уже начал. Доехать и посоветоваться — это не побег. Вернуться ты всегда успеешь. А вот посоветоваться необходимо. Я вот так советую.

Сергей молчал.

Вдалеке показалась электричка.

Она приближалась медленно, но неотвратимо. Сначала — свет вдалеке. Потом глухой металлический гул. Потом ветер, который пошёл вдоль перрона перед её приходом.

Сергей смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё снова сжимается. Одна часть его будто толкала вперёд. Другая кричала: возвращайся.

Но он уже понимал: назад он вернуться успеет. А вот сейчас у него появился шанс не решать всё одному.

Да, он прав, — подумал Сергей. — Человек протягивает руку помощи. Я тоже её протяну. Пока не знаю как, но обязательно протяну.

Электричка загрохотала вдоль перрона и остановилась.

Перед ребятами раскрылись двери.

Сергей ещё секунду смотрел в вагон, потом повернулся к Антону.

— Да, ты прав, Антон, — сказал он. — Надо посоветоваться, раз уж получается.

— Правильно, — улыбнулся Антон.

Они вошли внутрь.

В электричке народу было больше, чем Сергей ожидал. Ребята прошли чуть дальше и сели рядом на одной лавке у окна.

Некоторое время они молчали.

Сергей смотрел в окно, словно прощался с мыслью о возвращении. Выбор был сделан. Не окончательный, не навсегда — но достаточный, чтобы ехать дальше.

Антон сидел рядом и тоже молчал. Ему хотелось сказать что-то, что поддержало бы Сергея изнутри, но нужные слова не находились. Он понимал: Сергей, возможно, прав. Выбор действительно был сложным. И от этого выбора, возможно, зависела жизнь невиновного человека — его друга.

Теперь думаю не только я, — мелькнуло в голове у Сергея. — У меня появился ещё один мозг. И, похоже, сильный.

Он чуть повернул голову к Антону, но ничего не сказал.

Антон смотрел в окно так, будто уже начал просчитывать варианты.

— Да, Серёг, — наконец произнёс он. — Ты правильно едешь. Тебе нужны люди, которые в этом разбираются. Возможно, мои друзья смогут помочь. Но…

Он сам себя оборвал.

Сергей посмотрел на него.

— Но? — тихо спросил он.

Антон покачал головой.

— Я ничего не обещаю.

Сергей кивнул.

— Понимаю.

Они снова замолчали.

А длинная электричка, похожая на зелёную змею, стуча колёсами, двинулась в сторону Москвы.

Добуж. Отдел внутренних дел. Около 9:00.

Зелёная трубка внутреннего телефона дрогнула.

Начальник отдела Виктор Петрович поднял её сразу.

— Здравия желаю, товарищ генерал. Начальник районного отдела внутренних дел полковник…

— Докладывай, Виктор Петрович, — прорычал голос в трубке. — Что за убийства у тебя ночью?

Виктор Петрович провёл языком по сухой губе и выпрямился в кресле, чтобы голос был бодрее.

— Товарищ генерал, докладываю. Обнаружен труп женщины в сгоревшем доме. Предварительно — черепно-мозговая травма от удара тупым предметом. Версия — убийство с последующим поджогом. Отрабатываем круг связей, ранее судимых, местных,

употребляющих спиртное. Со слов местных, женщина торговала самогоном.

— Сегодня раскроете?

Виктор Петрович на секунду замолчал.

— Опера работают с ночи. Участковые на месте. Круг пока устанавливается.

В трубке возникла пауза.

— Ясно. Второе?

Виктор Петрович набрал воздуха.

— Второе — убийство на дискотеке. В ходе драки нанесено ранение, предварительно отвёрткой. Потерпевший — мужчина, на вид двадцать семь — тридцать лет. Труп на экспертизе. Личность устанавливаем. С виду — ранее судимый. Подозреваемый установлен. Шестнадцатилетний, местный. Пока не задержан.

— Ясно, — коротко сказал генерал.

Он помолчал.

— Два убийства за ночь, Виктор Петрович. Это что у тебя там, Лас-Вегас?

— Подростка сегодня должны задержать, товарищ генерал. Адрес контролируем, люди работают.

— «Должны» мне не надо. Мне результат нужен. На территории, кроме твоих историй, ещё пару трупов за ночь. Так и до проверки докатимся. Понял?

— Так точно.

— Я подниму начальника криминальной милиции управления. Группу тебе выделят. Опера из убойного к тебе приедут, создадите штаб.

Виктор Петрович сжал трубку сильнее.

— Понял.

— Люди у тебя есть?

— Всех поднял, товарищ генерал.

— Тогда работай. И смотри, чтобы через два часа я не слушал то же самое.

В трубке щёлкнуло.

Виктор Петрович ещё секунду держал трубку у уха, слушая короткие гудки. Потом положил её на рычаг.

За окном начиналась обычная суббота. Серое утро, редкие люди у остановки. Кто-то шёл с сумкой, кто-то с газетой.

Виктор Петрович посмотрел на часы. Почти девять.

Вчера он обещал жене, что сегодня хотя бы полдня будет дома. Теперь всё это кончилось, даже не начавшись.

— Блядь, — тихо сказал он и потёр лицо ладонью.

Теперь ещё каждые два часа отзваниваться. И убойный отдел управления приедет.

Опера из убойного отдела управления — помощь только на бумаге. Если они первыми возьмут Мартынова, в сводке пойдут их фамилии. Районный отдел останется местом, где за ночь случились два убийства и куда пришлось присылать людей сверху.

Виктор Петрович поднял трубку и набрал дежурную часть.

— Дежурный.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — отрапортовал дежурный.

— Где начальник криминальной?

— На разводе, товарищ полковник. Сегодня ответственным заступает.

— Передай: после развода ко мне.

— Принял.

Виктор Петрович положил трубку.

Через несколько минут в дверь постучали. В проёме показался начальник криминальной милиции.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Заходи.

В кабинет вошёл Алексей Алексеич, начальник криминальной милиции и первый заместитель начальника отдела.

Он был в гражданке: тёмные джинсы, пиджак, светлая рубашка без галстука. Средний рост, седина по вискам, лицо помятое после ночи. В руке — потёртый ежедневник.

— Садись.

Алексей Алексеич сел на знакомый стул у стола и раскрыл ежедневник.

— Ну что делать будем, Алексеич? — спросил Виктор Петрович, недовольно посматривая в окно.

Начальник криминальной посмотрел в записи.

— По малолетке. Адрес держим. Руслан ночью отработал, его сменил Стас. С ним молодой стажёр. Сидят внутри квартиры с тёткой. Если Мартынов объявится — возьмут тихо.

Виктор Петрович посмотрел на своего зама.

— А если не появится?

Тот поднял глаза с ежедневника.

— Ну, Виктор Петрович, работаем. Сейчас на осмотр «Запорожца» людей отправлю. Может, там в городе Софино и киснет где-нибудь у знакомых.

— Выясняй быстрее, — вздохнул Виктор Петрович. — Мне через два часа опять в управление докладывать.

Он посмотрел на ненавистный телефон.

— Ещё сейчас из убойного отдела отправят к нам. Оперативный штаб на тебе.

Виктор Петрович посмотрел на своего зама.

Алексей Алексеич кивнул.

— И ещё, Алексеич, смотри, — начальник посмотрел на зама, немного выпучив круглые глаза. — Задержать должны мы. А не как в прошлый раз.

— Понял, — кивнул начальник криминальной.

— Не «понял». Сделай. Чтобы потом не оказалось, что мы всю ночь бегали, а фамилии в сводке чужие.

— Сделаем.

— Все твои на месте?

— Основные — да. Демида пока нет. Ночью до него не дозвонились. Сейчас ещё раз поднимем.

Виктор Петрович резко посмотрел на него.

— Демида найти. Мне не хватало ещё, чтобы опера по субботам пропадали.

— Найдём.

В кабинете на секунду стало тихо.

Виктор Петрович посмотрел в окно. Потом снова на часы.

— Ну и выходные, — пробурчал он. — С женой договорился сегодня. Думал, хоть полдня человеком побуду. Теперь сиди тут целый день, на звонки отвечай.

Алексей Алексеич промолчал.

— Что по убитой бабке в сгоревшем доме? — спросил Виктор Петрович.

Алексей Алексеич уткнулся в ежедневник и перелистнул страницу.

— Анастасия Сибих. Видимо, местная торговка алкоголем. Но раньше про неё не слышал. Дом сгорел. Экспертиза ещё работает, но предварительно — удар по голове до пожара. Версия: убийство, потом поджог.

— Кто мог? Может, кто из местных? — пробурчал

Виктор Петрович.

— Пока непонятно, надо выяснять. По информации от местных бабулек, ночью машина проезжала. Только звук слышали. Непонятно. Надо участковых подключать.

Начальник отдела тут же взял трубку внутренней связи и нажал несколько кнопок.

— Дежурный.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Где начальник общественной безопасности? — буркнул начальник в трубку.

— Видел его в отделе.

— Найти и ко мне.

— Есть, товарищ полковник.

Через несколько секунд в громкоговорителе, который звучал по отделу, раздался голос дежурного:

— Начальник МОБ, начальник МОБ, зайти в кабинет начальника отдела.

Через минуту в дверь постучали.

— Разрешите?

В дверях стоял круглолицый майор в форме — начальник милиции общественной безопасности.

— Заходи, — махнул ему рукой Виктор Петрович.

Майор вошёл. В руках у него была папка с бумагами.

— Присаживайся, — показал на стул Виктор Петрович.

Майор присел с небольшим вздохом и выпрямился, втянув живот.

Виктор Петрович посмотрел на своего заместителя по общественной безопасности с нескрываемой претензией.

Тот понимал, о чём речь. Глаза его немного бегали, но

он пытался держаться и смотреть на начальника.

— Ну что скажешь? Почему у тебя участковые не в курсе, что на территории алкоголем торгуют?

Майор, тяжело дыша, начал:

— Участковый говорит, что она торговала, но точно он не знал. Слухи были. Вася у нас новый, три месяца на территории. Участок принял тяжёлый, там до него…

— Так, стоп, — перебил Виктор Петрович майора. — Мне всё равно, сколько твой Вася на территории. Три месяца, три дня или три часа. У меня сегодня два трупа. Один из них — у вас в жилом секторе. Бабка торговала самогоном, к ней ходила вся местная пьянь, а участковый у тебя «точно не знал»?

Майор молчал.

— Участковый должен знать свой участок. Где самогон, где драки, где притон, где бабка деньги под матрасом держит. Это его работа. Если он не знает — значит, ты не знаешь. Если ты не знаешь — значит, я потом перед генералом стою и объясняю, почему у меня труп, поджог и ни одного нормального направления с утра.

— Понял, Виктор Петрович.

— Не понял ты. Сегодня поднимай всех своих. Не завтра. Не в понедельник. Сегодня. Мне нужен круг: кто к ней ходил, кто должен был, кто ругался, кто видел дым, кто видел чужих. Чтобы к обеду у меня на столе были фамилии, а не рассказы, что Вася новый.

Майор кивнул.

— Сделаем.

— И Васю своего ко мне потом приведёшь. Отдельно поговорим.

Виктор Петрович посмотрел на него с явным

недовольством. Взгляд говорил больше, чем требовалось словами.

— Я понял, товарищ полковник, — ответил майор.

— Ну раз понял — поднимайте свои задницы и, пожалуйста, все деревни обнюхать и убийцу найти.

— Так точно, — отрапортовал начальник МОБ.

В этот момент зазвонил телефон.

Виктор Петрович посмотрел на трубку и поднял её.

— Слушаю.

— Виктор Петрович, доброе утро.

— Денис Петрович, приветствую.

Это был прокурор района.

Оба зама сразу поднялись, поняв, что пора выйти.

Виктор Петрович прикрыл трубку ладонью и кивнул им:

— Идите. Собирайте своих.

Оба заместителя вышли из кабинета.

Виктор Петрович вернулся к телефону.

— Да, Денис Петрович.

— Весёлая у вас ночь, — звонким хитрым голосом сказал прокурор района.

— Не то слово, Денис Петрович.

— У меня вот бумаги лежат передо мной, — начал прокурор. — Только что с экспертизы позвонили. У нас два трупа, и оба с признаками криминальной смерти.

— Да уж, — отозвался Виктор Петрович и добавил: — Лас-Вегас.

— Лас-Вегас не то слово, Виктор Петрович, — звенел голос прокурора. — Так вот, Виктор Петрович, пока по эпизоду с потерпевшей Анастасией Сибих в сгоревшем доме возбуждаю убийство…

В трубке послышалось, как прокурор листает бумаги.

— А по второму — тяжкие телесные, повлёкшие смерть.

— Ясно, — ответил начальник отдела.

— Мне нужны все свидетели на допросы. И подозреваемые — тоже. Не завтра, а сегодня, чтобы не сидеть тут все выходные, а в понедельник решить вопрос о санкции на заключение под стражу. Получится?

— Стараемся, Денис Петрович, — вздохнул начальник отдела.

— Тогда на связи.

Трубка легла. Послышались гудки.

Виктор Петрович резко бросил трубку на рычаг. Потом открыл тумбочку и достал пачку сигарет. Он доставал её только в самых сложных случаях, потому что бросал курить. Но утро становилось всё сложнее.

Сначала давление от начальника управления. Теперь ещё и прокурор своим язвительным тоном. Как будто совершаемые преступления были не общим делом всех структур, а его личной виной. И исправить это, как казалось, было невозможно.

Он щёлкнул зажигалкой и затянулся сигаретным дымом, немного закрыв глаза перед предстоящим разговором с женой. Ей нужно было объяснить, что сегодня день опять рабочий.

Добуж. Отдел милиции. Кабинет криминальной милиции. Утро.

Кабинет криминальной милиции жил другой жизнью.

Здесь пахло табаком, мокрой одеждой, бумагой и старым линолеумом. На стене висела карта города с воткнутыми кнопками. У шкафа стоял облезлый сейф. На подоконнике — несколько пустых стаканов из-под чая.

Опера заходили по одному и по двое. Кто-то не снял куртку. Кто-то уже закатал рукава. Кто-то молчал, ещё не проснувшись. Кто-то злился, что суббота закончилась у порога отдела.

Руслан вошёл одним из последних.

Он был после ночи. Лицо помятое, глаза сухие, под глазами тёмные круги. Волосы слиплись у висков. Он встал у стены, чуть в стороне от остальных.

Рядом со столом начальника криминальной милиции Алексея Алексеича стоял Гаврила. Руки у него были сложены на груди. Массивная лысая голова поворачивалась к каждому входящему оперу.

— Что, все? — спросил Алексей Алексеич, осматривая прибывших.

Он посмотрел на Руслана.

— Руслан, прикрой дверь.

Руслан прикрыл дверь кабинета.

— Так, парни, — начал начальник криминальной, облокотившись на стол и открыв перед собой ежедневник. — Субботы у нас нет. Есть два трупа и начальство на телефоне.

Никто не пошутил.

— Работаем по двум направлениям. Первое — дискотека. Второе — бабка, сгоревший дом. Плюс машины. Плюс адрес. Плюс свидетели.

Он посмотрел на Руслана.

— Руслан, давай коротко для всех. Что ночью по

дискотеке?

Руслан прочистил горло. Голос был сиплый.

— На дискотеке драка. Потерпевшему удар отвёрткой. Умер не сразу, но быстро. Подозреваемый — Сергей Мартынов, шестнадцать лет, местный. После драки скрылся на «Запорожце». Дома не появился, на адресе наши.

— Так. Задача следующая, — начальник КМ посмотрел на оперов и прикинул группы. — Вы двое — на осмотр «Запорожца». Заодно по городу там прошерстить: может, там у знакомых киснет.

Два опера кивнули, поняв задачу.

Начальник криминальной взял сигарету и закурил.

— Есть вероятность, что он на электричку мог сесть. Надо позвонить линейщикам, дать ориентировку.

Он осмотрел кабинет и в итоге посмотрел на Гаврилу. Тот кивнул, поняв задачу.

— Что ещё…

— Надо «Волгу» искать, на которой были с убитым, — буркнул Гаврила.

— Да, — согласился начальник КМ. — А данные есть по машине?

— Только цифры, — сказал Руслан и посмотрел в блокнот. — Двести шестьдесят шесть. Местные по кусочкам собрали, и то не точно.

Начальник криминальной вздохнул и продолжил.

— Нужно ещё экспертам позвонить, чтобы дали полные данные убитого. По дактилоскопии уже должны были установить. От этого и плясать: кто он, с кем тёрся.

Алексей Алексеич посмотрел на Гаврилу.

— Блядь, а где Демид?

— Вот только дозвонились. Сейчас будет. Говорит, в

деревню ездил, — недовольно буркнул Гаврила.

— Ну хорошо. Давайте устанавливайте данные. И после осмотра «Запорожца» займётесь теми, кто был на «Волге». Сегодня все нужны тут.

— Ещё обыск у злодея нужен, — добавил басом Гаврила.

— Обыск пусть Стас проводит на месте. Следователь вынесет постановление и поручит оперативникам провести обыск.

Гаврила закивал.

— Да, ещё убойщики приедут, — обратился начальник КМ к операм. — Пусть сами двигаются. В прошлый раз они нас кинули со сводкой, а мы всю ночь с ними просидели. Лишней информации не давать. Пусть вон бабкой занимаются.

Начальник КМ поморщился.

В дверь постучали. Руслан, подпирающий стену возле двери, немного повернулся.

Дверь открылась. На пороге стоял Демид. Волосы у него по привычке были растрёпаны, виноватые глаза смотрели на руководство.

— Демид, с какого хера до тебя не дозвониться? — спросил Гаврила, прямо глядя на него.

Демид встал посреди кабинета и развёл руками.

— Алексеич, я в деревне был. Картошку копать поехал. Мне Стас звонит утром через матушку, и я сразу тут.

Начальник КМ с улыбкой посмотрел на Демида.

— Какая картошка? Картошку копают осенью. А сейчас апрель…

Демид замялся.

Начальник КМ не дал ему оправдаться.

— Знаем твою картошку… Ты хоть предохраняйся.

Тихий смех прошёлся по кабинету.

— Ясно всё с тобой, — махнул рукой Алексей Алексеич. — Давай подключайся. Гаврила тебя в тему введёт. У нас два жмура на территории. Как раз по твоей любимой части — алкаши.

Короткий смешок снова прошёл по операм.

Демид нашёл стул и присел, раскрыв свой ежедневник.

Гаврила продолжил:

— Давайте через двадцать минут у меня в кабинете. Работы много.

Опера постепенно начали выходить из кабинета начальника КМ.

Суббота принимала рабочий вид.

Кабинет опустел. Остались Алексей Алексеич, Гаврила и Руслан, который всё ещё стоял у стены.

Алексей Алексеич посмотрел на него внимательнее.

— Ты с ночи?

Руслан кивнул.

— Давай, Руслан, отсыпайся. Но на связи, — тихо сказал начальник криминальной.

Он снова посмотрел на Руслана.

— Ты что, приболел? Температура есть?

Руслан пожал плечами и махнул рукой.

— Знобит что-то.

Гаврила посмотрел на него.

— Вид у тебя, как будто тебя самого экспертам осматривать надо.

Руслан попытался улыбнуться, но не получилось.

— Домой иди, — сказал Алексей Алексеич. — К обеду будь на связи. Если понадобится — вернёшься.

Алексей Алексеич понимал: Руслан — не Демид, без связи он не пропадал.

Руслан кивнул и вышел.

Добуж. Отдел милиции. Утро.

Внизу, возле дежурной части, было шумно.

Дежурный что-то писал в журнале. На лавке сидел мужчина в расстёгнутой куртке и смотрел в пол. У стены стояла женщина в платке и плакала навзрыд. Она пыталась объяснить что-то сразу двум милиционерам. Слова срывались, перемешивались со всхлипами. Она показывала руками то на дверь, то куда-то в сторону улицы, то снова хваталась за грудь.

Руслан прошёл мимо, будто этого не заметив. Уже выйдя на улицу, он поймал себя на мысли, что стал слишком циничен. Как будто всё это было уже не его, а лишняя, не имеющая к нему отношения декорация.

Руслан остановился у крыльца и вдохнул. Воздух был влажный, сырой. Его знобило. Под курткой холодило спину. Голова была тяжёлая, как после пьянки, хотя он не пил.

Хотелось лечь где угодно: на лавку, на ступеньки, прямо на землю возле отдела. Только закрыть глаза.

Он жил недалеко и пошёл пешком. Ватные ноги шли по знакомому маршруту.

Город уже проснулся.

Мимо шли женщины с сумками. У киоска кто-то покупал сигареты. У остановки стояли люди и ждали автобус. Дворник гнал мокрые листья вдоль бордюра. Из булочной тянуло свежим хлебом.

Для всех была суббота.

Для Руслана ночь ещё не закончилась.

Он шёл и чувствовал раздражение от этой обычности. Люди вокруг говорили о своём, зевали, смеялись, ругались из-за мелочей. Они не знали, что было ночью. Не знали про дискотеку, отвёртку, кровь, сгоревший дом, засаду в квартире и мальчишку, который теперь где-то прячется или едет неизвестно куда.

Они спали.

А он нет.

На мосту Руслан остановился.

Под ним спокойно шла река. Вода была серая, тяжёлая. Она текла так, будто город за ночь не изменился.

Руслан опёрся локтями о перила.

«Может, водки купить?» — подумал он.

От одной мысли стало как будто теплее. Выпить сто грамм, лечь, выключиться. Чтобы не знобило. Чтобы не слышать в голове голоса. Чтобы не видеть перед глазами лицо с дискотеки и чёрные балки сгоревшего дома.

Он поморщился.

«Что я, алкаш, что ли?»

Дома была жена. Молодая, живая, ещё не привыкшая к его работе. Она могла обрадоваться, что он пришёл. Могла начать рассказывать что-то своё. Могла попросить сходить с ней куда-нибудь, потому что суббота, потому что он обещал, потому что нормальные люди так живут.

А что он ей скажет?

Что ему надо просто спать?

Что он не хочет говорить?

Что он сейчас не муж и не собеседник, а пустая шинель без сна?

Руслан оттолкнулся от перил.

«Нет. Домой. Просто спать».

Софино. Двор возле вокзала. Утро.

Сотрудник патрульно-постовой службы заглядывал в окно «Запорожца».

— Ну и что делать будем? — спросил он, дёрнув ручку.

По ручке было понятно: заперто на ключ.

Начальник уголовного розыска Гаврила стоял рядом и смотрел на машину, как на живого свидетеля.

— Бейте стекло, — сказал он, оглянувшись вокруг и ища подходящий камень.

Опер схватил камень и ударил по заднему стеклу. Не с первого раза. Со второго стекло осыпалось.

Гаврила кивнул сотруднику патрульной службы:

— Напишите тогда рапорт, что нашли уже с разбитым.

— Да, конечно, — кивнул сотрудник.

Двери отщёлкнулись. Заглянули внутрь.

— Следственную группу с экспертом вызвать. Пусть снимут отпечатки. Потом машину в отдел доставить, — скомандовал Гаврила, уже идя к своей «восьмёрке».

Электричка на Москву. Около 11:00.

Сергей сидел у окна, а электричка неслась в сторону

Москвы, иногда останавливаясь на станциях.

Сергей и Антон разговаривали, делились воспоминаниями. Антон рассказывал об институте, о том, как бабушка встречает его дома, и о своих увлечениях. Больше всего Сергею понравилась история о неделе в лесу: Антон жил один с палаткой почти в чаще, разводил костёр, готовил грибы на огне, ориентировался по небу и наблюдал за живым лесом.

Антон рассказывал, как каждую ночь возле палатки шуршали ночные жители леса. Они подкрадывались близко-близко, наматывали круги вокруг, но сами так и не показывались.

— Не знаю, кто это был, но точно не очень большой, — говорил Антон. — Я несколько раз вылезал из палатки, осматривал всё фонарём, но никого не было. Потом залезал обратно.

Сергей никогда не был в походе, и Антон тут же пригласил его как-нибудь сходить вместе.

Сергей обрадовался, и глаза его сами посмотрели в окно. Там, за стеклом, всё менялось и при этом как будто оставалось прежним. Ему вдруг стало жаль, что он не познакомился с этим парнем немного раньше. А теперь что-то планировать Сергей не мог. Но так хотел. И он всё равно планировал — хотя тело упиралось в ту реальность, которая снова возвращала его обратно в неизвестность.

Антон понял мысли Сергея и немного толкнул его в плечо.

— Да не переживай. Вся жизнь впереди.

Сергей на секунду задумался про то, что впереди вся жизнь.

Какая она, эта жизнь? Сергей посмотрел в окно: за

слегка мутным стеклом пролетали поля. Вот такая — в бегах?..

А если обратно, посадят? Ну вот скажут, что виноват, и посадят. А если он знает, что он не виноват… то как они могут судить его?

Лицо Сергея снова погрузилось в серое состояние. Хотя глаза его смотрели уже прямо, он словно ждал новых мыслей.

— Знаешь, Серёг, — вдруг сказал Антон, — ты знаешь, как философы учат относиться к жизни… и к таким событиям, как то, что случилось с тобой?

Сергей переключил взгляд на Антона.

Антон продолжил:

— Всё, что случилось, уже случилось. Действовать надо из той точки, где ты сейчас находишься.

Сергей смотрел на Антона выразительными глазами. Он встретил в совсем незнакомом человеке что-то такое, что встречалось ему дома в разговоре с тётушкой. И теперь, кажется, немного начал понимать, что книги — это знания. Теперь он наглядно понял, как эти знания можно применять.

— То есть что это значит? — переспросил Сергей, желая услышать ещё раз то же самое и понять полный смысл сказанного.

Антон улыбнулся. Ему явно нравились открытые вопросы Сергея.

— Ну вот смотри.

Он вынул из кармана монету, показал её Сергею и сжал в кулаке.

— Вот она сейчас у меня в руке. Она уже лежит там как-то: одной стороной туда, другой сюда. Мы с тобой этого не видим, но она уже лежит. Правильно?

Сергей посмотрел на кулак Антона и чуть прищурился.

— Подожди. Если ты сам её положил и сжал, ты можешь знать, как она лежит. Или вообще фокус сделать.

Антон засмеялся.

— Вот это мне в тебе нравится. Ты не просто слушаешь, ты условия проверяешь.

Сергей молчал, ожидая продолжения.

— Сейчас я показываю не фокус, — сказал Антон. — Я про другое. Смотри прямо.

Он чуть поднял кулак между ними.

Сергей внимательно слушал и наблюдал.

— Когда она уже легла — она уже легла. До открытия кулака она не становится другой. Понимаешь? Мы можем не знать, как она лежит. Можем бояться, что там не та сторона. Можем хотеть, чтобы она лежала иначе. Но от этого она не перевернётся.

Сергей смотрел на его кулак уже внимательнее.

— То есть смысл в том, что то, что случилось, уже не поменяешь? — спросил он.

— Да. Но это не значит, что от тебя ничего не зависит, — ответил Антон. — Это как раз значит наоборот: надо понять, что от тебя зависит сейчас.

Сергей не ответил.

Антон немного помолчал и сказал уже тише:

— То, что уже случилось, нельзя отменить. Но можно решить, что ты сделаешь теперь.

Сергей отвёл взгляд в окно. За стеклом всё менялось и при этом как будто оставалось прежним: поля, леса, станции, столбы, гаражи, серые заборы, люди. Поезд шёл вперёд, и от этого в словах Антона было что-то

простое и страшное одновременно.

— А переживать тогда не надо? — спросил Сергей.

— Переживать будешь, куда денешься, — сказал Антон. — Ты же живой. Но переживанием назад не вернёшься. Оно только силы забирает. А силы тебе сейчас нужны.

Сергей медленно кивнул.

Антон разжал кулак и показал монету.

— Видишь? Она всё это время уже была такой. Просто теперь мы её увидели.

Сергей посмотрел на монету и ничего не сказал.

Внутри него будто стихла дрожь. Возвращалось то, что жило в нём всегда и исчезло лишь в последние часы, когда он познакомился со страхом. Мыслей почти не было. Был вагон электрички, был живой Антон, которого, как Сергею казалось, он знал всю жизнь, и поезд шёл к большому городу, где Сергей никогда не был.

Он снова подумал о ночи, прошёлся по событиям и понял, что изменить ничего не мог. Он сделал то, что считал необходимым в тот момент. Теперь он был здесь, в поезде, и всё случившееся уже стало прошлым.

Важно было лишь, куда он едет сейчас и зачем.

Он посмотрел на Антона.

— Антон, а что за люди, о которых ты говорил? С которыми стоит познакомиться и посоветоваться по этому вопросу, как быть?

Антон моргнул и кивнул.

— Хорошие люди. В этом не переживай. Познакомлю.

Сергею этого хватило.

«Значит, мы едем правильно», — подумал он.

Поезд приближался к вокзалу Москвы, вагоны стали

забиваться плотнее.

Антон посмотрел, что сидячие места уже заняты.

— Пойдём в тамбур. Нам минут пятнадцать, и мы на месте, — сказал он и встал, закидывая за собой рюкзак.

Сергей последовал примеру Антона и пошёл за ним.

Встав в тамбуре, Сергей прислонился к окну. Редкие дома сменились гаражами, длинными стенами и постройками, быстро мелькавшими мимо. Пейзаж сжимался, городская застройка тянулась лентой, как кадры в телевизоре. Он больше ни о чём не думал.

Вскоре электричка замедлилась и стала плыть медленнее. Показался перрон.

Ребята вышли и пошли в ту сторону, куда повалила вся толпа, вышедшая из поезда.

— Мы сейчас в метро, — сказал Антон, немного крича Сергею на ухо, — через час будем уже дома.

Спустившись по лестнице вниз, в тоннель метро, Сергей увидел телефонный аппарат, который был прикреплён к стене.

Он остановился.

— Давай домой позвоню, — сказал Сергей, глядя на Антона.

Антон посмотрел вдаль по тоннелю.

— Только нужно купить жетон.

Они подошли к окошку, где продавались билеты в метро, и купили жетон для телефонного аппарата.

Антон протянул жетон Сергею.

Сергей взял его и на секунду задержал в пальцах.

Антон посмотрел на жетон, потом на Сергея.

— Помнишь монету?

Сергей поднял на него глаза.

— Помню.

— Вот сейчас он у тебя в руке. Пока он у тебя в руке — ты ещё решаешь. Бросишь — звонок пойдёт. И тогда уже не надо будет думать, что жетон упал. Надо будет думать, что ты скажешь в трубку.

Сергей посмотрел на телефонный аппарат.

— А если там плохое? — спросил он.

Антон не сразу ответил.

— Тогда ты это услышишь. И это будет как с монетой: мы просто узнаем, что уже лежало. До этого оно не изменится, Серёг. Изменится только то, что ты будешь делать после.

Сергей кивнул и сосредоточился в моменте.

Он кинул жетон и набрал домашний номер.

Начались гудки.

В это время в его квартире проходил обыск.

На трель звонка оглянулись все. Две понятые, соседки из дома, стояли и не знали, то ли охать, то ли ахать, то ли молча наблюдать. Опер Стас осматривал спальное место Сергея, а следователь — молодой парень с вытянутым лицом — вёл протокол, описывая обстановку квартиры и вещи Сергея.

Они искали вещи и орудие убийства.

Тётушка медленно переходила вслед за участниками обыска из комнаты в комнату, словно во сне. Выгорев изнутри, она просто наблюдала за происходящим. Всё это будто случалось не с ней. Мысли были не здесь, в квартире, а там, где находился Сергей. Она думала только о том, как он и где.

Звонок тут же прервал эту реальность, и тётушка несколькими шагами, по-хозяйски, подошла к телефону.

— Алло, ма, — в трубке прозвучал голос Сергея.

— Д-да, — ответила Вероника Степановна,

обрадовавшись его голосу и одновременно напрягшись из-за происходящего вокруг.

— Как дела, ма? — спросил Сергей серьёзным, но немного кричащим голосом.

Тётушка вздохнула:

— Да так себе…

Она хотела назвать имя племянника и тут же остановилась.

— Что именно, ма? Что там? — Сергей напрягся, но пытался держаться.

В это время Стас уже подбирался к тётушке, пытаясь заглянуть ей в глаза и понять, кто звонит. Она поворачивалась на месте и отводила от него трубку.

Поняв, что сейчас уже будет поздно, она набралась сил и начала говорить:

— У нас обыск.

Стас понял это и резким движением выхватил трубку телефона.

— Алло, Сергей, это оперуполномоченный уголовного розыска Станислав Горбачёв.

Небольшая пауза.

Сергей на секунду задумался, но вспомнил, что он не виноват и ему нечего бояться.

— Алло, — ответил Сергей.

— Ты сейчас где, Серёж? — спросил его Стас.

— Я уехал в Москву, — спокойно ответил Сергей.

Стас растерялся от такого прямого ответа. Он ещё ни разу не разговаривал с преступником по телефону и не вёл переговоры. Всё было впервые.

— Я советую вернуться, — ответил Стас, не найдя ничего более подходящего.

— Так я вернусь, — ответил Сергей.

— Когда? — спросил Стас.

— На днях, — ответил Сергей.

Для Стаса такой поворот разговора был непонятен. Он не знал, что ответить.

— Дайте мне, пожалуйста, трубку моей тёти, — вдруг, не дожидаясь ответа, сказал Сергей.

Стас посмотрел на тётушку и немного потупил взгляд. Потом передал трубку Веронике Степановне.

— Алло, — ответила тётушка.

— Ма, ты не переживай. Я скоро вернусь. Вот только проконсультируюсь и приеду.

Он замолчал на секунду.

— Скажи, ма, что там произошло… Что с тем, кого я ранил?

Тётушка посмотрела на Стаса.

— Убит, — одним словом сказала она.

Сергей долго молчал.

— Плохо… — сказал он наконец. — Очень плохо, ма.

Он шумно выдохнул в трубку.

— Я не хотел, чтобы он умер. Но они Валю били. Я не мог стоять и смотреть.

От голоса любимого племянника и всего, что происходило вокруг, тётушка задрожала. Она слышала слова Сергея, но видела совсем другую сторону: здесь он был виновен, а там, где находился он, — нет. Лишь тонкая нить надежды, протянутая через телефонную трубку, дала ей силы удержаться на ногах. Она сжала трубку сильнее, будто держала не пластмассу, а надежду на хорошее.

Она даже немного улыбнулась. Его голос передал ей силу. На глазах только висели слёзы, размывая зрение.

— Да, Серёж, хорошо. Ты не переживай, — ответила

она немного дрожащим голосом.

— Спросите, когда он явится? — перебил её Стас.

Он уже ждал триумфа задержания — хоть и информационного пока, но тем не менее.

— Когда? — спросил он, ещё раз посмотрев на тётушку.

— Тут спрашивают, когда ты вернёшься? — спросила его тётушка, немного выпрямив голос.

— Через пару дней, ма. Я вечером позвоню. Ты не переживай… — В трубке послышалось тонкое пиканье. — Ма, минуты заканчиваются…

Связь оборвалась, и в трубках послышались гудки.

Тётушка села на стул, и её голова легла на стол. Стас осмотрел кухню, нашёл воду и дал ей попить. Тётушка выпила и немного пришла в себя.

— Так когда он приедет? — не унимался Стас.

Тётушка снова отпила воды и сказала:

— Он сказал, что через несколько дней. Как только посоветуется, приедет.

— С кем посоветуется? — вдруг спросил Стас, недоумевая.

— Я не знаю… с адвокатом, может… — тётушка замолчала.

Стас взял телефон и набрал номер отдела. Трубку поднял начальник криминальной милиции.

— Алло.

Стас объяснил, что произошло, в подробностях.

— Доделывай обыск и возвращайся.

Трубка легла на телефон.

Во время обыска в ванной обнаружили одежду Сергея, в которой он был той ночью. Она была грязная и лежала в тазике.

Понятые расписались. Копию протокола, отпечатанную через синюю кальку, следователь передал Веронике Степановне.

Вскоре все ушли.

В квартире впервые за это утро стало тихо.

Вероника Степановна ещё какое-то время ходила по квартире, как будто что-то забыла. Она пришла в комнату Сергея и села на его кровать.

Из-под кровати выполз чёрный кот Кузя. Он прыгнул на колени к Веронике Степановне. Она погладила его и, будто на миг потеряв сознание от усталости и внезапной тишины, уснула.

Москва. Метро. День.

В Москве эта же нить оборвалась у металлического телефонного аппарата.

Сергей повесил трубку и посмотрел на Антона.

Антон всё слышал.

Говорить ничего было не нужно.

— Поехали, — сказал Антон и махнул головой.

Ребята вошли в метро. Антон прошёл по студенческому проездному — привычно провёл карточку через турникет и шагнул вперёд. Для Сергея купили билет на одну поездку: тонкую карточку с магнитной полосой.

Сергей взял её в руки и на секунду замешкался, не понимая, какой стороной вставлять.

— Сюда, — Антон ткнул пальцем в щель турникета.

Сергей вставил карточку. Внутри что-то коротко прожужжало, карточка выскочила обратно, загорелась

зелёная стрелка, и перед ним резко раскрылись две ограничивающие створки.

Сергей даже чуть подался назад — так неожиданно это произошло.

Антон немного подтолкнул его:

— Давай, проходи.

Сергей прошёл через турникет, а Антон уже ждал его с другой стороны.

Оба побежали вниз по ступенькам, потом встали на эскалатор. Ступени сами уходили под ноги, железные края дрожали, а рядом медленно ползла чёрная резиновая лента поручня.

Сергей смотрел вниз, в длинный наклонный тоннель, где впереди светились лампы и маленькие фигуры людей. Разговор с тётушкой был уже где-то позади. Впереди была новая подземная жизнь: она шумела, светилась разными огнями, двигалась сама и несла людей туда, куда им было нужно.

Когда они подошли к платформе, из тоннеля послышался шум приближающегося поезда. На Сергея потянуло холодным воздухом. Вскоре фары осветили темноту, и из тоннеля, тормозя, выскочил первый головной вагон метро.

Подземная зелёная гусеница прошла перед глазами Сергея и остановилась. Весь состав разом открыл двери. Люди приблизились к входам и выходам. Сначала пассажиры вышли, потом внутрь пошла новая толпа. Вместе с ней вошли и ребята.

— Нам несколько остановок, постоим! — крикнул ему на ухо Антон.

Они встали недалеко от входа.

Перед глазами Сергея была карта. На ней было

написано: «Московский метрополитен». По всему вагону вдоль стен тянулись коричневые сиденья. На них напротив друг друга сидели люди. Кто-то смотрел в пол, кто-то читал газету, кто-то держал сумку на коленях.

Это было совсем другое ощущение, не как в электричке. Там за окном поля, дома, столбы. А здесь — только вагон, люди, свет и чёрное стекло.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция… — прозвенело в громкоговорителе, и двери захлопнулись.

Состав качнулся вперёд и поехал. Сергей ухватился за поручень, чтобы не упасть. Вскоре за стеклом побежала темнота, а по ней длинными змеями потянулись кабели.

Сергей толкнул Антона и крикнул ему в ухо:

— Антон, я думаю, вечером ещё раз надо тётке позвонить.

Антон кивнул:

— Позвонишь.

Сергей ловил баланс во время поворотов. Поезд кренился, оттормаживался, снова набирал ход. За окном бежали чёрные длинные тоннельные кабели разной толщины. Они тянулись вдоль стены, исчезали в темноте и снова появлялись под жёлтым светом ламп.

Сергей смотрел на них и как будто проваливался в эту картину.

Добуж. Отдел милиции. День.

Круглые глаза на полном лице смотрели из кабинета

в окно отдела внутренних дел.

Начальник отдела Виктор Петрович Грубин сидел в своём кабинете и думал о том, как ему отъехать на обед, но звонки сыпались со всех сторон, а генерал так и не звонил.

Он смотрел на телефон и ждал звонка для доклада.

Зазвонил городской рабочий телефон.

— Полковник Грубин, — ответил он.

На другом конце линии звучал женский голос. Это была супруга.

— Алло, Вить, ну что ты там? — вздыхала она.

— Леночка, что-что… Я пока на месте, — нервно ответил он. — Жду звонка, надо доложить.

— А когда будешь примерно? — допрашивала она.

— Я не знаю, Лен, пока на месте, — повторил он.

— Так что, мы сегодня никуда не поедем? — уже накручивала себя супруга.

— Ну, Лен… — начал было Виктор Петрович, уже срываясь.

— Ладно, я поняла, — сказала она, и трубка легла.

Виктор Петрович бросил трубку и взял пачку сигарет.

— Блядь, ну как этим бабам объяснишь… — выругался он сам с собой и закурил.

Он откинулся на стуле и посмотрел в окно. Окно его кабинета выходило прямо на улицу возле отдела.

К отделу подъехала синяя старая иномарка и заняла свободное место — обычно там ставили машины сотрудников. Из неё вышли двое: один лопоухий, с красным лицом, второй длинный, с тонкими ножками.

«Опера из Управления», — понял Виктор Петрович.

Они рванули к проходной, но лопоухий махнул длинному, и оба, как по привычке, побежали через

дорогу — за пирожками.

— Бездельники, блядь, приехали, — пробурчал Виктор Петрович и тут же набрал телефон начальника криминальной милиции. — Алло.

— Да, — ответил Алексей Алексеич.

— Слушай, к тебе опера из Управления приехали. Встречай.

— Понял, — буркнул начальник криминальной милиции Алексей Алексеич. — Я сейчас зайду, как раз сам звонить собирался.

— Давай, — ответил начальник отдела.

Через минуту начальник криминальной милиции зашёл в кабинет.

В кабинете стоял непривычный запах дыма.

— Закурили, товарищ полковник? — немного с улыбкой спросил он.

— Блядь, закуришь тут. Давай по делу. Что?

— Тут такое дело, — начал начальник КМ. — Злодей наш малолетний, Сергей Мартынов, отзвонился своей тётушке. Стас там обыск проводил, взял трубку и поговорил с ним.

— Так, — немного обрадовавшись, Виктор Петрович подался вперёд и облокотился на стол, слушая новые новости.

— Сказал, что через несколько дней сам приедет.

— В смысле — через несколько дней? — удивился Виктор Петрович. — А где он?

— Сказал, в Москве. Говорит, поехал посоветоваться.

— С кем? — покраснел Виктор Петрович.

— С адвокатом вроде. Это тётка так сказала, — ответил начальник КМ, тоже не понимая, как реагировать на такую новость.

— Откуда у этого малолетнего шныря адвокаты из Москвы? — не унимался Виктор Петрович.

Начальник КМ пожал плечами и скривил лицо, показывая нелепость всей ситуации.

— И что теперь? Ждать его? — нервно хихикнул Виктор Петрович, вылупив глаза. — Ничего не понимаю.

Он развёл руками.

— Связь с ним есть?

— Нет.

— А откуда звонил?

— Говорит, из Москвы.

— Сделай запрос в АТС. Пусть установят, откуда звонили: время, адрес, линия — всё проверят. И Стаса ко мне после обыска.

Начальник КМ закивал, записывая в ежедневник.

Виктор Петрович ещё раз посмотрел на улицу и увидел, как опера Управления возвращаются через дорогу, запихивая на ходу пирожки.

— Вон бездельники к тебе идут на подмогу.

Начальник КМ приподнялся и увидел эту сцену.

— Разбирайся с ними и смотри…

— Я понял. Но пока вот так… — развёл руками начальник КМ.

— Алексей Алексеич, что — «вот так»? Давайте работайте. Сутками я тут с вами сидеть не собираюсь.

Начальник КМ поднялся со стула и направился к выходу из кабинета, получив очередную порцию морального давления от своего прямого руководителя.

Выйдя из кабинета в коридор, который тянулся по всему отделу, он увидел двух оперов Управления. Они уже рассматривали таблички на дверях кабинетов.

— Из Управления? — спросил Алексей Алексеич, глядя на прибывших сотрудников.

Двое остановились.

— Да, с убойного.

— Ясно.

Алексей Алексеич подошёл к своему кабинету, провернул ключ и зашёл.

— Заходите, — махнул он им головой.

Те вошли.

— Ну что, парни? Что делать будем? — спросил Алексей Алексеич, обращаясь к операм убойного.

Лопоухий подошёл ближе и протянул руку.

— Пётр, — произнёс он.

Длинный и лысеющий проделал то же самое.

— Пётр, — произнёс второй.

— Алексей Алексеич, — отозвался начальник КМ, пожал руку одному, потом второму и добавил с ухмылкой: — Что, два Петра?

— Ага, — кивнул лопоухий Пётр с красным лицом, усаживаясь на стул.

— А что у вас тут? — продолжил лопоухий Пётр, немного откинувшись на спинку.

Алексей Алексеич поверхностно рассказал им ситуацию и последнюю информацию про звонок. Скрывать её было бессмысленно, так как всё равно будет доклад генералу.

Опера убойного слушали и молчали. У них в голове была какая-то своя схема розыска, и они искали самые прямые пути, чтобы выйти на след первого или второго убийства за ночь.

Лица у них для начальника КМ были не самые приятные, но разговаривать было необходимо. В

воздухе витала невидимая конкуренция — война за показатели, за «палки». Никто уже не помнил, кто её начал, но она шла в полном разгаре. Особенно это касалось убийств: раскрытые тяжкие статьи заметно влияли на годовые показатели и внутреннюю отчётность.

Выслушав начальника КМ, опера переглянулись.

— Ну, мы тут по территории помотаемся, вечером заедем, — с натянутой улыбкой сказал лопоухий Пётр из убойного отдела.

Начальник КМ не мог давать им особых указаний, так как они не были в его подчинении. Параллельная структура — ничего не поделаешь. Такая система.

Он вздохнул, понимая всю сложность своей должности в районном управлении.

Они вышли, захлопнув за собой дверь. И тут дверь открылась снова: на пороге стоял Гаврила.

— С убойного? — спросил он, махнув головой на уходящих.

— Ага, — ответил начальник КМ с нескрываемым недовольством. — Всё выспросили и поехали пирожки кушать.

— Появятся, когда всех задержим? — буркнул Гаврила, продолжая шутку начальника КМ.

— Ага, — закивал Алексей Алексеич. — У тебя что?

— Машину осмотрели. Вроде ни отвёртки, ни ножа в ней нет. Сейчас эксперт отпечатки снимет, и машину привезут сюда.

— Ясно, — ответил начальник КМ. — Пойдём на обед.

Он встал со стула.

— Расскажу тебе прикол: у нас злодей Мартынов этот отзвонился.

Алексей Алексеич встал, и они с Гаврилой вышли.

На улице они направились через дорогу купить пирожки и перекусить.

Жуя пирожок с мясом, Алексей Алексеич рассказал Гавриле про звонок, который принял Стас. В этот момент к отделу подъехала служебная ВАЗ-2106. За рулём сидел Стас, рядом — стажёр.

— А вот и он сам! — сказал Гаврила, кивнув на Стаса, который вылезал из машины.

— Ты сейчас всех собери. Надо ехать искать тех, кто был на «Волге», — сказал начальник КМ, доедая пирожок и запивая растворимым кофе. — Эксперты по дактилоскопии установили данные убитого.

— Угу, — ответил ему Гаврила.

— Убитый прописан в нашей области, километрах в шестидесяти отсюда. По базе — освободился недавно. Надо понять, с кем он был и у кого мог находиться. Может, в том городе и «Волгу» найдёте.

Гаврила слушал и кивал, впитывая информацию.

— А по цифрам, которые Руслан добыл, «Волга» пока не бьётся, — добавил Алексей Алексеич. — Искать надо.

— Понял, Алексеич. Сейчас поедем, — кивнул Гаврила.

Алексей Алексеич посмотрел на Гаврилу. Его заместитель Гаврила был настоящим двигателем. Он жил работой, она была для него всем: и домом, и семьёй. Такого зама с такой энергией, как у Гаврилы, сложно было отыскать. Хотя он был не слишком талантлив в допросах, зато его прямые, энергичные движения позволяли держать весь отдел уголовного розыска в тонусе.

Через полчаса в кабинете Гаврилы собрались все

опера. Задача была одна: ехать по месту регистрации убитого и искать тех, кто был с ним в белой «Волге». Их требовалось установить и доставить в отдел.

Гаврила посмотрел на Демида:

— А ты давай в деревню. Работай по этой бабке.

Демид немного погрустнел. Ему тоже хотелось поехать вместе со всеми за явными драчунами, которые были на «Волге», но с Гаврилой спорить было бесполезно и сложно.

— Понял.

Гаврила добавил:

— Возьми участкового, который ночью был на месте, и побеседуй с местными.

После этого он посмотрел на Стаса:

— Ты с тёткой контакт установил?

— Ну так, — пожал плечами Стас.

— Что значит «так»? — переспросил его Гаврила.

— Она не очень идёт на контакт, — ответил Стас.

— Ясно. Надо вечером Руслана вызвать. Он с ней ночью сидел — пусть едет, наводит мосты с малолеткой, чтобы он приехал.

Гаврила нервно размышлял вслух.

— У нас теперь злодеи по телефону звонят и высказываются про адвоката… — недовольно буркнул он. — Ещё не хватало, чтобы каждое говно нам тут диктовало свои права.

Стас добавил:

— Но, я как понял, он не сказал про адвоката. Это тётка предположила, когда с ним разговаривала.

— Во. — Гаврила что-то вспомнил и посмотрел на Стаса. — Проверь, чтобы запрос в АТС ушёл. Надо установить точку, откуда поступил звонок. Сидит где-

нибудь тут и рассказывает нам сказки… Этого умника нужно притащить в отдел. Пусть здесь говорит о своих правах.

Стас закивал.

— Сейчас сделаю.

— А вы давайте езжайте, — он посмотрел на оставшихся. — Ищите всю эту падаль на «Волге», а Стас как запрос сделает — к вам подключится.

Гаврила осмотрел оперов.

— Давайте, езжайте. Отзвонитесь, как только что-то прояснится. Держите меня в курсе.

Опера встали со стульев и вышли из кабинета.

Гаврила посмотрел в окно. Пирожки дали немного сытости и слабости. Всю ночь он не спал, а сейчас солнце било в окно. Он закрыл кабинет на ключ, лёг на диван, подложил могучие руки под голову и закрыл глаза.

Москва. Общежитие Антона. День.

Пока в отделе раздавали распоряжения и отправляли машины по адресам, Сергей уже сидел рядом с Антоном в другом, почти полупустом вагоне метро.

Это был уже не первый поезд.

Между первым вагоном, где Сергей смотрел на чёрные кабели за стеклом, и этим осталось множество переходов, лестниц, эскалаторов и каменных станций. Стрелки, названия, встречные потоки людей — каждый будто знал свою невидимую дорожку в подземном муравейнике.

Всё это не исчезло, но теперь жило у Сергея в голове

отдельными кусками, словно он не прошёл этот путь только что, а увидел его во сне или в слишком быстром фильме. Разглядеть всё и тем более сориентироваться он не мог — просто держался за Антоном.

Потом снова был поезд.

И вот теперь они сидели в новом, точно таком же вагоне. Он был полупустым. Здесь стало свободнее, и Сергей впервые за всё подземное путешествие смог перевести дыхание.

Антон посмотрел на него и толкнул плечом, понимая его новые ощущения:

— Ну что… как тебе?

— Громадина, — отозвался Сергей.

Антон закивал, понимая это.

— А мы куда, Антон? — спросил Сергей, чувствуя целенаправленность Антона.

Пока Сергей был увлечён внешними красками, у Антона уже, казалось, сложился какой-то внутренний план, по которому он следовал, зацепив за собой Сергея.

Антон чуть наклонился, немного перекрикивая шум вагона метро:

— План такой: мы сейчас ко мне в общежитие заедем, немного отдохнём, я позвоню человеку по твоему вопросу, а дальше уже как сложится.

— Понял, — кивнул Сергей.

Антон продолжил:

— Сейчас только суббота. У меня небольшая комната, нас четверо, но все приедут завтра вечером. На сегодня ты можешь остаться у меня, а завтра уже будем думать исходя из ситуации.

Сергей кивнул.

— Спасибо тебе, Антон.

Антон немного толкнул его в плечо и подмигнул.

Сергей в ответ моргнул.

Через несколько остановок Антон посмотрел на Сергея и, наклонившись к его уху, сказал: — Следующая наша.

Сергей кивнул.

Антон поднялся первым.

— Выходим.

Теперь всё снова стало происходить прямо: двери, платформа, лестница, поток людей, указатель наверх.

Когда они поднялись по переходу, показался свет города. Так долго они были в подземелье — и вот опять свет, улица, воздух.

Антон показал ладонью в сторону общежития. Вокруг стояли длинные и громадные дома. Перед ними были деревья, широкие дороги, много машин и людей. Все куда-то шли по своим делам.

Через пятнадцать минут они подходили к проходной общежития. Антон сказал:

— Так, у нас там охранница сидит. Сейчас посмотрим, кто это. Если тётя Наташа, то всё будет в порядке.

Он посмотрел на Сергея и подмигнул одним глазом:

— Подыгрывай.

Сергей пошёл за ним в проходную.

Внизу сидела женщина на диване. Небольшое помещёние было похоже на комнату: цветы, бумаги, всё аккуратно и по-домашнему. Как будто входишь в какую-то квартиру. Но это была не квартира, а нижняя прихожая общежития. Домашняя атмосфера тут же затянула Сергея внутрь.

— Тётя Наташа, здрасьте!

— О, Антон, привет, дорогой. Всё хорошо?

Возвращаешься?

— Ага, — кивнул он головой.

Она заглянула за Антона и посмотрела на Сергея:

— Ты с кем?

— А это брат мой двоюродный. На первый курс будет поступать. Хотел в гости его пригласить на сегодня. Можно?

Тётя Наташа знала правила, но, зная Антона, эти правила не работали. Явно заслуженная репутация сыграла своё.

— Давайте. Только до завтра.

— Спасибо, тётя Наташ. Пойдём.

— Здрасьте, — с опозданием пробормотал Сергей, глядя на вахтёршу общежития.

Её чёрные глаза уже снова смотрели на экран телевизора, где шёл сериал «Улицы разбитых фонарей». На лбу у тёти Наташи лежали чёрные завитки волос. Экран мигал синеватым светом, а из телевизора доносились знакомые милицейские голоса.

Они прошли дальше к лифтам.

Антон шепнул на ухо Сергею:

— Вот что делает здоровая репутация.

Они переглянулись и улыбнулись.

Антон нажал кнопку лифта. Где-то наверху загудело. Над дверью загорелись цифры, отсчитывающие этажи сверху вниз. Вскоре лифт открылся. Ребята вошли, и Антон нажал металлическую кнопку тринадцатого этажа.

Увидев такую большую цифру, Сергей на секунду не поверил. Капсула лифта дёрнулась и понесла их наверх. В какой-то момент у Сергея заложило уши.

— Первый раз в лифте, — сказал Сергей, глядя, как

перескакивают горящие лампочки, встроенные в кнопки.

Он улыбнулся и засунул палец в ухо, чтобы отпустило.

— Это с непривычки, — добавил Антон.

Лифт замедлился и дёрнулся. Двери резко открылись, и ребята вышли в коридор.

На лестничной клетке Антон открыл ключом одну из дверей. Было тихо. Никого. Четырёхкомнатная квартира — с отдельными дверями в комнаты.

Они прошли в комнату, и Антон показал на своё местечко: стул, тумбочка и кровать. Он кинул на неё сумку.

Сергей снял свою и поставил рядом.

— Ну что, пойдём чай пить, — махнул Антон, и ребята зашли на кухню.

— Круто, — сказал Сергей, оглядывая внутреннюю жизнь общежития.

— Ну… шумновато иногда бывает… Но правда круто. Согласен, — сказал Антон и налил в чайник воды.

Сергей вспомнил, что у него в сумке есть что поесть. Тут же вернувшись в комнату, он нашёл то, что положила тётушка: она сложила всё, что было в холодильнике, — яблоки, кусок сала, купленный на рынке и завёрнутый отдельно, колбасу, хлеб.

Сергей принёс всё на кухню.

Антон посмотрел на сало и начал растирать руки — точно так же, как на уроке физики. Только явно он делал это не чтобы согреться, а потому что испытывал удовольствие, увидев вкусный продукт.

— Давно сало не ел, — сказал он и достал ножик.

Ребята ели бутерброды и запивали чаем.

— Серёг, ты вон на мою кровать ложись, отдохни, а я пойду позвоню.

Сергей кивнул, доедая бутерброд и глядя в окно.

Антон вышел из кухни и направился в свою комнату — покопаться в записях.

Через несколько минут он вернулся:

— Всё, нашёл. Теперь нам надо позвонить. Я спущусь вниз — там у нас телефон есть. Я наберу и вернусь.

— Хорошо, — кивнул Сергей.

Уходя, Антон сказал:

— Если вдруг кто-то придёт — ты на моей кровати сиди, скажи, что мой брат.

И тут же Антон скривил лицо, изображая маловероятность такого события.

— А так… будь как дома.

Он закрыл за собой дверь.

Сергей ещё раз осмотрел квартиру-общежитие, в которой жил Антон. За шторами виднелось окно. Он подошёл и посмотрел.

Картина была совершенно новой, но из-за домов такой же высоты горизонта не было видно. Куда ни посмотри — такие же сине-белые высотки, множество окон и подъездов. Внизу — дорога, автобусы, машины.

Сергей, откусывая бутерброд, смотрел в окно и рассматривал новый вид, открывшийся с непривычной высоты.

Дверь открылась — Сергей услышал. Антон вошёл в коридор.

— Серёг! — громко сказал он.

— Ну что? — спросил Сергей, глядя на Антона.

Антон расплылся в улыбке.

— Ну я же тебе говорил: всё будет в порядке. — Антон

хлопнул Сергея по плечу и засмеялся. — Вечером в цирк идём!

— Куда? — Сергей ещё не понимал, чему радоваться, но добродушное лицо Антона вызывало приятные эмоции.

— В цирк, не ослышался. С человеком тебя познакомлю. С одним.

— С клоуном, что ли? — усмехнулся Сергей.

Антон убрал улыбку, смягчил взгляд и моргнул:

— Клоун — это как философ.

Сергей смотрел на него огромными глазами.

Антон улыбнулся:

— Он подскажет нам путь по твоему вопросу.

— Когда? — спросил Сергей и посмотрел на часы.

Время было уже два.

— Вечером. Тут недалеко… минут сорок.

Антон посмотрел на Сергея:

— Ты, наверное, отдохнуть хочешь?

Сергей кивнул:

— Да, Антох… вообще валюсь с ног, если честно.

— Понимаю. Иди ложись ко мне на кровать. Пару часов отдохнёшь — я тебя разбужу.

Сергей лёг на кровать, свернулся. Антон набросил на него плед, но Сергей уже не слышал этого — он заснул сразу, как будто выключился.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. День.

Вероника Степановна открыла глаза от того, что в дверь позвонили.

Раньше она любила этот звонок, но теперь сквозь сон

он казался ей чужим и очень неприятным, будто предвещал новые выговоры, после которых она уже не понимала, где реальность, а где нет.

Глаза смотрели в потолок. Она поморгала и поняла, что находится в комнате Сергея, спит на его кровати.

«Может, показалось», — подумала она.

Но в этот момент звонок прозвенел ещё раз, ещё настойчивее. После этого несколько ударов в дверь окончательно разбудили Веронику Степановну, и та встала с кровати.

Голова кружилась. Реальность возвращалась обратно.

Она вспомнила, что уже было, но не понимала, кто пришёл. Удары в дверь не предвещали ничего хорошего.

— Да? — немного дрожащим после сна голосом произнесла она.

— Открывайте, милиция! — послышался голос с другой стороны двери.

Она начала открывать замки, оставив цепочку, которая теперь сдерживала полное открытие двери. Выглянув в щель, она увидела перед собой развёрнутое удостоверение. Его держал лопоухий Пётр, коренастый мужчина, а за ним стоял второй — длинный Пётр, высокий, с залысиной.

— Уголовный розыск, — произнёс лопоухий Пётр.

Вероника Степановна смотрела на удостоверение, которое лопоухий Пётр отточенным движением развернул перед ней.

— Вероника Степановна? — начал лопоухий Пётр.

— Да, — кивнула она.

— Уголовный розыск. Убойный отдел, — повторил он.

— Да… — Вероника Степановна проглотила слюну, но горло было сухое и будто не работало, голова снова

наполнилась туманом.

— Сергей дома? — спросил лопоухий Пётр.

— Нет, — покачала головой она.

— А где он, Вероника Степановна? — давя на больной вопрос, продолжил лопоухий Пётр.

— Я… не знаю. Тут уже были сотрудники, — ответила она.

Лопоухий Пётр оглянулся на длинного Петра. Тот заговорил тоньше, хрипло:

— Вероника Степановна, лучше пусть он придёт к нам сам. Меньше проблем будет.

Она смотрела на них рыбьими глазами — без эмоций, как будто их не было.

— Вы решили скрывать его? — снова спросил лопоухий Пётр, чуть заглядывая внутрь квартиры.

— Нет, он уехал, — ответила она недоумённо.

— Вероника Степановна, дверь нам откройте.

Он добавил уже мягче, со скромной улыбкой:

— Мы из убойного отдела.

Он ещё раз уточнил, расставляя акценты:

— Из Управления уголовного розыска. Убойный отдел.

— И что? — недоумевала от такой наглости Вероника Степановна.

— Нам нужно поговорить с вами. Это улучшит положение вашего племянника.

Вероника Степановна не стала сопротивляться. Она сняла цепочку с ограничителя. В коридор вошли двое и прикрыли за собой дверь.

Лопоухий Пётр продолжил:

— Вероника Степановна, а где Сергей?

— Я не знаю. Он говорил сотруднику, что в Москве.

Сказал, что скоро приедет.

— Ясно, — ответил лопоухий Пётр. — А когда в следующий раз будет звонить?

Он щурился, будто предвкушая ответ тётушки.

— Я не знаю, — развела она руками.

Лопоухий Пётр недовольно качнул головой, но взял себя в руки.

— Пройдёмте на кухню.

Он показал ей рукой, и они прошли.

— Можно присесть? — спросил лопоухий Пётр.

Вероника Степановна кивнула, и он сел. Рядом в проёме остался стоять длинный Пётр.

— Вероника Степановна, мы всё понимаем. И ваше состояние, и состояние Сергея, — начал лопоухий Пётр. — Мы из убойного отдела Управления уголовного розыска. Это не местный районный отдел. Мы занимаемся именно убийствами. Понимаете?

— Понимаю, — кивала Вероника Степановна.

В висках у неё билось сердце. Этот лопоухий Пётр, как змея, улыбался и при этом говорил вещи, которые напоминали о страшном происшествии, где оказался её племянник.

Лопоухий Пётр сглотнул слюну и продолжил:

— Я вам советую, чтобы он связался со мной. И мы его встретили… Понимаете?

Он смотрел на неё, но она пока не понимала, чего он хочет.

— Понимаете? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Что вы от меня хотите?

Лопоухий Пётр нервно вскочил. Видно, ему стало неприятно, что разговор не идёт. Он механически развернул стул и сел верхом — так же, как этой ночью

делал лысый бугай.

Увидев это, Вероника Степановна снова напряглась. Почувствовала давление.

— Так вот, — он, уже поменяв позицию, приблизился к Веронике Степановне. Голос стал грубее. — Я вам объясняю. Мы из убойного отдела Управления. Если он придёт к нам, ко мне…

Лопоухий Пётр мельком посмотрел на своего напарника.

— Вашему племяннику будет намного легче. Понимаете? Мы ему поможем.

— Чем? — спросила она, уже трезвея от этих разговоров.

Голос лопоухого Петра начал звенеть:

— Да тем, Вероника Степановна, что он до суда не в тюрьме сидеть будет, а гулять. Если вы, конечно, этого хотите.

Он закончил и стал смотреть на её реакцию.

Вероника Степановна поняла, что этот лопоухий Пётр предлагает ей какую-то сделку, которую она пока не могла собрать у себя в голове.

Лопоухий Пётр продолжал:

— Вот номер телефона моего кабинета. Передайте ему — пусть позвонит.

Он протянул ей листочек с номером телефона. Вероника Степановна взяла его и мельком посмотрела.

— Хорошо, я передам, — сказала она неуверенно.

— Ну вот и славно.

Он собирался встать, но остановился и сел обратно на стул.

— Но, Вероника Степановна…

Он набрал воздуха, будто набрал важности, и сказал:

— Если мы его задержим сами, а это произойдёт неминуемо…

Он взял паузу.

— То ждите сложностей в его зоновской карьере.

Сказал он это почти шёпотом.

С этими словами он поднялся. Глаза Вероники Степановны задержались на нём, и тут же её тело обмякло, стало ватным. Она потеряла равновесие и начала падать со стула.

В этот момент длинный Пётр, тот, что стоял в проёме, подхватил её и начал трясти:

— Алло, мадам! Алло!

У Вероники Степановны всё плыло. Нервная система была на пределе. Слова были где-то далеко. Она не понимала, что происходит.

Потом её подхватили руки и отволокли в ванную комнату. Включили холодную воду и начали поливать ей голову. В этот момент она пришла в себя, но движения оставались медленными.

— Вам скорую вызвать? — спросил длинный Пётр, вглядываясь в неё.

— Нет, не надо, — произнесла она.

Она встала на ноги, взяла полотенце, машинально вытерлась, потом вышла из ванной и встала, глядя на непрошеных гостей.

— Я поняла вас. До свидания, — сказала она сухо.

— Хорошо, — ответил лопоухий Пётр, взглянув на напарника и поняв, что лишнее давление может быть опасным.

Решив больше не говорить, оба Петра вышли, закрыли за собой дверь и ретировались, спускаясь вниз по лестнице.

Дверь захлопнулась.

Тётушка присела возле двери и заплакала. От слёз ей стало даже легче.

Потом она вспомнила, что должна быть сильной. Она подумала о Сергее и как будто отправила ему сигнал силой мысли:

«Всё хорошо. Мы справимся».

В коридор вышел кот Кузя и подошёл к тётушке. Чёрной головой он ткнулся ей в коленку. Она почувствовала живой толчок и поняла, что она не одна.

В этот момент она поняла, что нужно что-то делать. Она не может сидеть просто так.

Медленно встав, она пошла в коридор и начала искать свою записную книжку. Отыскав запись, она провела пальцем по бумаге.

Там было написано: «Адвокат Светлана Викторовна».

Она набрала номер.

Трубка загудела.

— Алло, — ответил женский голос.

— Алло… Светлана Викторовна, это вы?

— Да. Это кто?

— Это Вероника… Помните, вы помогали мне с оформлением опеки над Сергеем Мартыновым, моим племянником?

В трубке возникла небольшая пауза.

— А-а, да-да, помню, Вероник, — ответила Светлана Викторовна.

— У нас беда, Светлана Викторовна, — дрожащим голосом начала Вероника Степановна.

— Что случилось? Рассказывай.

Голос в трубке был твёрдым и профессионально заточенным.

Вероника Степановна снова разрыдалась. Казалось, она впервые услышала слова, которые звучали не как угроза.

— Рассказывай, Вероник, что случилось? — прервала она её слёзы.

— Тут такое дело… Сегодня ночью Сергей на дискотеке был с друзьями. Говорят, человека убил, — закончила она.

— Так, — прозвучал ответ в трубке. — Сергей сейчас где?

— Он уехал. Я пока не знаю… Но тут сотрудники ко мне приходили, обыск делали. Потом ещё из убойного отдела пришли. Я вот только вспомнила про вас… Ему, наверное, адвокат нужен…

— Я поняла, Вероник. Приходи ко мне через два часа. Всё подробно расскажешь.

И продолжила:

— Ты помнишь, где мой кабинет?

— Да-да, помню, — ответила Вероника Степановна.

— Тогда я через два часа буду на месте. Заходи.

— Хорошо. Спасибо большое.

Трубка легла.

Вероника Степановна немного успокоилась.

Теперь у неё была задача.

Она не просто ждёт.

Она делает.

Добуж. Квартира Вали. День.

На улице шёл дождь, дневное солнце заволокло тучами. В комнате Вали скрипнула дверь — зашла мама.

Она медленно подошла к кровати и остановилась. Валя лежал, закутавшись в одеяло. Он уже давно не спал, но вставать не хотел и, казалось, не мог.

После ночных событий, разговора с отцом, который закончился криком и руганью, Валя лёг в свою кровать и лежал, не выходя из комнаты.

Тело, казалось, стало ломить ещё больнее, чем было ночью. При переворачивании болели шея, рёбра, руки и голова, но жаловаться матери он не хотел.

Мама села рядом и хотела немного приоткрыть одеяло.

Валя не дал ей это сделать, держа одеяло под собой.

— Валь, — сказала она. — Давай посмотрю, что у тебя.

— Не надо, — пробурчал Валя.

— Что значит — не надо? — произнесла мать, продолжая тянуть одеяло. — Не надо было никуда ехать. — Голос её стал выше. — Давай посмотрим, что у тебя…

Валя молчал. Он замкнулся в себе. После ночных событий в голову ничего не лезло. Голова болела, но говорить об этом с родителями он не хотел, так как после этого сразу начинались упрёки из-за поездки и того, что обманул.

После ночного допроса родители упрекали не только Валю, но и Сергея: обзывали его и запрещали сыну с ним общаться.

Всё будто было против Вали, а ответить и защитить себя он не мог: ведь он и правда обманул родителей. Но виноватым в том, что его избили, он себя не чувствовал.

«Я ничего не сделал, просто стоял…» Валя вспоминал обрывки и пытался понять, за что его так сильно избили. Он лишь мельком посмотрел на одного из вошедших в тамбур и продолжил смеяться с

девчонками. Потом его ударили ногой, он врезался в стену, а сильные руки начали выбивать из него волю к сопротивлению.

В какой-то момент Валя почти потерял сознание. Вокруг кричали женщины, но помощи не было. Его выволокли на улицу, и он только инстинктивно сжался. Там удары ногами продолжились — несколько пришлись по голове и лицу. Правая сторона головы теперь болела особенно сильно. Валя просто ждал, когда всё закончится. Удар, ещё удар, темнота и одна мысль: за что?..

Потом удары прекратились и его снова поволокли, но это была уже другая рука. Она не била, а спасала. Рука Сергея. Всё это крутилось в голове и собиралось по кусочкам, тело болело, а сидевшая рядом мама чего-то от него хотела.

— Давай, Валь, — уже настойчиво начала она. — Что у тебя болит?

Валя лежал, не двигаясь.

— Теперь разбирайся с этими проблемами, — вздохнула она, и маховик ночного настроения снова начал раскручиваться. — Взрослый стал. Теперь лечи его, а этого в тюрьму посадят… Связался ты тоже… Машину они сделали.

— Хватит, ма, — вдруг дёрнулся Валя.

— Что хватит? Хватит… Показывай, что у тебя…

Валя резко дёрнулся и раскрыл одеяло. Мать начала осматривать его тело, лицо её кривилось от видимых ссадин.

— Скоты… Вот скоты… Сволочи… — проговаривала она, глядя на ссадины сына.

— Тут болит? — она надавила на синяк, который

расползся по всему телу в районе рёбер.

— Да, — сказал Валя.

— Ой… Может, рёбра сломаны… Ещё не хватало. А тут? — Она поднялась выше и посмотрела на шею. Там тоже проступали следы ушибов, тянувшиеся к скуле. — Зубы целы?

— Не знаю… — ответил Валя, но он чувствовал, что боль при открытии челюсти становилась невыносимой.

На лбу и лице виднелись ссадины, нос раздуло в районе переносицы.

Валя лежал и смотрел в потолок.

— Голова болит, — произнёс он.

— Голова болит, — повторила мать. — Ещё бы…

От этих слов Вале становилось ещё больнее. Казалось, вместо поддержки он получает ещё больше боли от слов близких.

В комнату зашла Катюшка — сестра Вали. Она сначала посмотрела в щель, потом протиснулась. Её ножки незаметно и тихо подошли к кровати, а глаза уставились на Валю, осматривая брата.

— Ну вот, — обратилась мама к ней, — теперь будем лечить.

Она вздохнула и поднялась, чтобы пойти за таблетками, которые могли бы уменьшить боль.

Выходя из комнаты, она добавила:

— Надо врача, наверное, вызвать…

Катюша смотрела на Валю и немного приблизилась ещё, рассматривая ссадины.

— Больно, Валь? — спросила она.

Валя посмотрел на сестру.

— Больно… — произнёс он.

В коридоре зазвонил телефон. Послышались шаги

матери, и она подняла трубку.

— Алло… — произнесла она.

По голосу матери стало понятно, что звонят по ночному делу.

— Ага, поняла… Да… Хорошо… — слышалось из коридора.

Голос у матери немного дрожал.

Трубка легла.

Мать зашла в комнату.

— Вызывают к следователю на допрос в понедельник, — сухо произнесла она.

И вышла. В коридоре она продолжила:

— Дожили… Догулялся… Какой позор… Теперь затаскают, — почти кричала она.

Валя снова натянул на себя одеяло и отвернулся к стенке.

Тулино. День.

Демид работал в отделе милиции на должности оперуполномоченного несколько лет, занимаясь розыском и особо не заостряясь на проблемах отдела. Он плыл по течению, а в жизни находил какие-то другие удовольствия.

Направившись в опорный пункт, где должен был быть участковый Пономарёв, Демид его не обнаружил. Прошлявшись по городу, он взял несколько бутылок пива и пошёл с пакетом по дворам к реке, намереваясь провести там несколько часов и пофантазировать о проделанной работе.

В это время участковый Василий Пономарёв, тот

самый, который ночью выезжал к трупу в сгоревшем доме, решил ещё раз съездить в Тулино и поговорить с жителями.

После ночи он получил нагоняй от начальника за то, что не знал о незаконной торговле алкоголем на своей территории.

Приехав на место, он ещё раз осмотрел сгоревший дом. Днём тот выглядел иначе. Вода, которой пожарные заливали огонь, превратила землю вокруг в грязную жижу.

Василий прошёл внутрь и снова осмотрел помещёние. Справа от плиты стояли несколько алюминиевых бидонов — видимо, в них убитая готовила заготовку для самогона. За печкой он нашёл змеевик, рядом — бутылки с самогоном.

Во дворе послышался звук мотора, и остановилась машина. Василий вышел и посмотрел, кто приехал. К дому подъехала синяя «Волга». Из неё вышел огромный мужчина с толстым лицом и огромным животом. Он явно не ожидал увидеть Василия.

Василий, выйдя из дома, подошёл к нему.

— Здравия желаю. Участковый Пономарёв. Вы сюда? — Он махнул головой на обгоревший дом за спиной. Часть крыши обвалилась, но силуэт дома ещё сохранялся.

— Да, — прохрипел мужчина.

— А к кому? — поинтересовался Василий.

— Тётка моя, — сказал мужчина, тяжело дыша.

— Родственник? — продолжал уточнять Василий.

— Да. Утром мамке соседи звонили, сказали, что сестра сгорела, — махнул он на дом.

— Ясно, — произнёс Василий. — А можно ваши

документы?

Толстый полез в машину и, задыхаясь, вынул пакет с паспортом. Развернул его и передал участковому.

Василий переписал данные в свой ежедневник и, передав обратно паспорт мужчине, спросил:

— А вы общались с ней?

Мужчина тяжело дышал просто от того, что стоял. Завертел головой.

— В прошлом году мимо ехал, заезжал. Да она необщительная особа, — загудел он и начал хлопать по карманам, нащупывая пачку сигарет.

Вынув, он приподнял её перед собой, чтобы видеть, и вынул сигарету. Закурил.

— Ну ясно. — Василий ещё раз осмотрел родственника. — А вы знали, что она самогоном торговала?

— Да… — Толстый махнул рукой, давая понять, что любезных отношений между ними не было. — Я откуда знаю? Она даже на порог нас не пускала…

Василий понял, что семейные отношения у них не складывались.

— Ну ясно, — вздохнул Василий. — Ладно, моя фамилия Пономарёв. Если что-нибудь узнаете, через отдел меня найдёте.

Толстый закивал, глядя на дом и затягиваясь сигаретой. Дым вызвал у него сиплый кашель. Он облокотился на «Волгу», и та присела.

Вдали на дорогу вышла баба Софа. Услышав машины, она решила посмотреть, кто приехал на этот раз. Василий сел в служебную «Ниву», развернулся и подъехал к ней.

— Здравствуйте, Софья Николаевна, — сказал

Василий, выходя из машины.

— А я-то думаю, кто тут опять приехал, — всплеснула руками баба Софа, вытаращившись на уже знакомого участкового.

— Есть что-нибудь новое? — спросил он, кивнув на сгоревший дом.

— А что нового? — удивилась баба Софа. — У меня тут не отдел милиции, своих дел полно.

— Ну ясно. Мало ли, — добавил Василий, поняв, что ничего нового пока не узнает.

— А телефон у неё был? — спросил он, глядя на простодушную бабу Софу.

— Да чёрт её знает… Должен быть, как у всех людей, — сказала она, поглядывая на синюю машину возле сгоревшего дома.

— А это с вами? — спросила она, показывая на синюю «Волгу».

— Нет, это родственник её, — сказал Василий, уже садясь в машину.

— Родственник, — повторила Софа, глядя в ту сторону. — Может, псину заберёт, а то уже заходила ко мне. Пришлось накормить, сдохнет так…

Василий посмотрел на бабу Софу:

— Если что-нибудь узнаете, позвоните в отдел. Скажите, что участковый нужен, назовите свой адрес — я подъеду.

Баба Софа кивнула.

— Тогда до свидания. — Василий захлопнул дверь «Нивы», завёл машину и поехал в сторону Севостьянова.

Настроение у него было плохое. Мало того что службу начал с нагоняя, так теперь ещё и непонятно, где искать тех, кто совершил убийство.

— Во… — вдруг затормозил он.

В голове у него что-то стрельнуло: надо начать с её клиентов. Кто мог знать о них?

Руль трясся в руках, машина врывалась в ямы дороги. Навстречу ему, выехав из поворота, показался красный трактор. Увидев его, Василий решил остановить транспорт. Поморгав фарами, он вынул жезл и, высунувшись из окна, указал трактору остановиться.

Трактор встал. Василий вышел из машины. В кабине сидел молодой парень. Он явно не ожидал встретить на дороге милиционера.

Василий длинными шагами приблизился к кабине. Дверь открылась.

Василий сказал:

— Участковый Пономарёв.

Из кабины показался молодой парень с круглым лицом и белыми, как пепел, волосами.

Трактор гремел.

— Глуши, — махнул рукой Василий.

Через несколько секунд трактор заглох.

Из кабины нехотя вылез паренёк.

— Документы, — потребовал Василий.

Паренёк стоял и смотрел на участкового, ничего не говоря.

— Документы твои и на трактор, — ещё раз повторил Василий.

Парень стоял и мялся, ничего не отвечая.

— Что, нету? — спросил Василий.

Парень в рваной кофте, штанах и сапогах поднял плечи и посмотрел куда-то в лес.

— Зовут тебя как? — спросил Василий, поняв, что поймал нарушителя.

— Колька, — ответил паренёк.

— Ну и что же ты, Николай, без документов ездишь?

Коля ещё раз поднял и опустил острые плечи, немного скривив лицо, которое изображало что-то похожее на халатность.

— А живёшь ты где?

Коля мазнул рукой вперёд, по направлению трактора.

— В Говорово. Десять километров прямо.

Василий думал, глядя на Колю, как поступить. По-хорошему следовало вызвать через дежурную часть автоинспекцию: трактор заберут, Коле выпишут штраф. Но Василию совсем не хотелось сидеть здесь с мальчишкой и ждать гаишников.

Василий посмотрел на Колю, тот улыбнулся.

— Так, Николай, что делать мне с тобой?

— Отпустить, — тут же сказал Коля, улыбнувшись ещё больше.

Василий посмотрел на трактор.

— А что ты на тракторе этом делаешь? Странный он у тебя.

Кабина трактора была сзади, а кузов впереди.

— Да так, по хозяйству помогаю: кому за грибами, кому дров отвезти, кому что, — сказал Коля, глядя на свой красный облезлый трактор.

— А документы? — спросил Василий, кивнув на трактор.

— Нет документов. Такой от деда достался, — сказал Коля.

— Ясно…

— А лет тебе сколько? — спросил Василий.

— Семнадцать, — ответил Коля.

— Да ты ещё и права ездить не имеешь, — покачал

головой Василий.

— Да я только тут, по местности, больше никуда не езжу, — оправдывался как мог Коля.

— А слышал ты про дом сгоревший? — спросил у него Василий.

Коля посмотрел на участкового и немного загадочно улыбнулся.

— Слышал, — ответил он.

— А что слышал? — внутри у Василия что-то загорелось. Может, этот Коля знает то, что как раз ему и нужно.

— Да всё слышал — и про дом, и про дискотеку… — ответил Коля, глядя на Василия.

— Так… Давай рассказывай.

— А что рассказывать? Бабка, что самогоном торговала, знали все, но вот кто приезжал к ней, я не знаю. А на дискотеке… — он вдруг запнулся. — Про драку тоже знаю. Я был там, — вдруг сказал он.

Василий посмотрел на парня. Но про дискотеку Василий ничего не знал. Его интересовала убитая женщина в сгоревшем доме.

— А там что видел? — спросил Василий, всё-таки решив всё узнать.

— Да видел всё, как этих ребят били. Номер запомнил «Волги».

— Какой «Волги»? — спросил Василий.

— Да машины, на которой эти приехали, кто драку затеял.

Василий не был особо в курсе событий на дискотеке, но записал номер, который сказал ему Коля.

— А эту кто мог убить? Кто мог дом поджечь? — спросил Василий.

Коля думал.

— Этого я не знаю. — Коля развёл руками. — Но вряд ли кто из местных. Вы лучше спросите у деда Семёна, он при въезде в Севостьяново живёт. Всех видит, кто отсюда едет.

— Что за дед Семён? — уточнил Василий.

— Ну, дед в синем доме у моста живёт, сразу при въезде в Севостьяново, слева по пути, — показывал руками Коля. — Может, он видел. Он меня всегда видит, — засмеялся парень.

Василий смотрел на этого паренька и улыбнулся.

— Ясно, Николай. А как твои полные данные?

Он продиктовал, Василий записал в блокнот.

— Ну ладно, Николай, — сказал Василий. — Больше не попадайся мне верхом на своём красном драконе.

— Спасибо. — Не дожидаясь ответа участкового, Коля полез к пусковому шнуру.

Василий уже собрался садиться в «Ниву», а Коля спросил у него:

— А вы не знаете, что там на дискотеке?

— А что именно? — спросил Василий, не поняв его.

Тот наматывал пусковой шнур на маховик пускового двигателя.

— Ну, нашли, кто убил?

— Вроде нет пока. А что?

— Да интересно, — ответил Коля и дёрнул за самодельный шнур.

Трактор постепенно зарычал, издав громкий протяжный звук мотора. Коля что-то переключил, и трактор снизил обороты и затарахтел.

Василий показал Коле кулак и немного улыбнулся. Тот кивнул, поняв смысл угрозы. Они попрощались и

разъехались в разные стороны.

Добуж. Кабинет адвоката. День.

Дождь то начинался, то снова заканчивался.

По грязной дороге под зонтом шла Вероника Степановна. Дождь глухо бил по ткани. Людей почти не было — все попрятались. Встречать кого-то ей не хотелось. Обычная улыбка исчезла с лица, сменившись чем-то на неё не похожим. Она смотрела только вперёд и знала, куда идёт. Кабинет местного адвоката Светланы Викторовны находился недалеко от отдела милиции, на втором этаже старого кирпичного дома.

Пройдя мимо танка, Вероника Степановна заметила, что дождь уже закончился, а она всё ещё идёт с раскрытым зонтом, будто закрываясь от мира, с которым познакомилась совсем недавно. Никогда в её жизни не было столько давления, сколько она испытала за последние часы. Теперь нужно было что-то делать.

Найдя подходящий подъезд, Вероника Степановна потянула массивную ручку на себя. Дверь немного посопротивлялась и открылась. Она шагнула внутрь и поднялась по лестничным проёмам на второй этаж. Впереди была дверь. Небольшая табличка, сделанная из листа бумаги: «Адвокат Сухова Светлана Викторовна».

Вероника Степановна аккуратно постучала в дверь. За дверью послышались шаги на каблуках. Дверь открылась.

Перед ней стояла Светлана Викторовна — массивная женщина в сером костюме.

Вероника Степановна посмотрела на неё.

— Заходи, Вероник, — произнесла Светлана Викторовна и прошла к своему небольшому кабинету.

— Спасибо.

Она прошла в кабинет и присела на стул.

Адвокат Светлана Викторовна села в кресло за своим рабочим столом, который стоял у окна.

— Вероник, рассказывай, что у тебя стряслось, — буднично начала она, глядя в лицо давней клиентке.

Она помнила и её, и племянника, над которым помогала оформить опеку после сложной семейной истории.

— Тебе чай налить? — спросила адвокат.

Присев на стул, Вероника Степановна тут же поняла, что не знает, с чего начать. На глазах выступили и потекли слёзы.

— Ты что… Не реви, — прервала её адвокат. — Давай по порядку…

Вероника Степановна начала дышать. Она внутри себя отругала себя за возникшую сиюминутную слабость.

— Да-да, это я так, очень устала…

Она достала из сумочки разноцветный платочек и вытерла слёзы.

Светлана Викторовна приготовилась слушать.

— Давай по порядку. Я так понимаю, что-то с Сергеем…

Вероника Степановна кивнула.

— Да, с Сергеем. С чего начать, не знаю даже… — начала она.

— Ну давай постепенно.

Вероника Степановна начала:

— Сергей с друзьями собрался на дискотеку… В

Севостьяново…

— Ага, — кивала в ответ адвокат и подтянула к себе свой ежедневник, чтобы записывать.

— Ну вот, там что-то произошло. Драка, что ли…

— Ага… — кивала адвокат.

— Сергей… ударил кого-то…

Вероника Степановна снова приблизилась к страшному смыслу уже случившегося и опять заплакала: поверить в него она не могла.

— Так-так… Подожди… — подхватила адвокат. — Что дальше, рассказывай.

— Ну вот… И вроде… кого-то убил там, — закончила Вероника Степановна и согнулась пополам на стуле, закрыв лицо руками.

Светлана Викторовна смотрела на эту сцену. Она подскочила со стула и подошла к тётушке, немного грубыми и массивными руками похлопала её по спине.

— Вероник, Вероник, давай говори…

Вероника Степановна выпрямилась снова. Тело её как будто не слушалось, но сделать она с ним ничего не могла.

— Ну вот и всё… — произнесла она, поднявшись.

Адвокат снова уселась за стол.

— Так, когда это было? — взяв ручку, она начала записывать.

— Сегодня… ночью, — произнесла Вероника Степановна.

— А где Сергей? — спросила адвокат.

— Я не знаю… Он уехал.

— Куда? — удивилась Светлана Викторовна.

— В Москву, сказал.

— Я ничего не понимаю, Вероник, давай расскажи обо

всём подробнее, — начала уже злиться Светлана Викторовна.

Вероника Степановна это почувствовала и поняла, как глупо она выглядит: пришла за помощью и рыдает тут.

— Да-да… Я сейчас всё расскажу… Извините меня…

Она немного протёрла лицо и начала рассказывать всё, что происходило, всё, что знала и понимала. Адвокат записывала и кивала, иногда переспрашивая и уточняя детали.

Когда Вероника Степановна закончила, адвокат встала и поставила белый электрический чайник. Бросив в кружки по пакетику чая, Светлана Викторовна сказала:

— Вероник, давай так: как только на связь Сергей выйдет, сразу его ко мне, поняла?

Она принесла две кружки чая и поставила на стол.

— Пей чай, — произнесла она, усаживаясь на стул.

Вероника Степановна теперь сосредоточилась и начала запоминать то, что скажет ей адвокат.

Устроившись на стуле, Светлана Викторовна продолжила:

— Я сейчас… наверное, в понедельник… — Она посмотрела в окно, вспомнив, что сегодня суббота. — Поговорю с прокуратурой и уточню, что у них есть по Сергею. Потом позвоню тебе, и снова подойдёшь ко мне. Поняла?

— Поняла, — ответила Вероника Степановна, чувствуя силу и опыт этой женщины.

— Давай пей чай, — указала она на кружку.

Вероника Степановна, повинуясь, взяла кружку и отпила немного.

— Так… — адвокат рассуждала вслух. — Если Сергея задержат до того, как он придёт ко мне, то позвонишь… Поняла?

— Поняла, — кивала Вероника Степановна.

— Да, вот дела… Детки-то растут…

— Растут… — Вероника Степановна смотрела в пол, понимая, что раскрутилось то, что уже не остановить одним движением.

Ещё немного посидев, она попрощалась с адвокатом. Договорились ждать новостей о деле и следующего звонка. Вероника Степановна поблагодарила Светлану Викторовну и вышла из кабинета.

Обратно идти было физически тяжелее — силы были на исходе. Но внутри стало легче оттого, что теперь она не одна ворочала всё это в голове.

Москва. Общежитие Антона. День.

Тихие шаги вытащили Сергея из глубокого сна. Он открыл глаза и увидел плотные шторы, сквозь щели которых пробивался уличный свет. Из открытого окна тянул прохладный ветер и доносился непрерывный городской шум.

В Добуже была слышна каждая проезжающая машина. Здесь все звуки сливались в один. Сергей оглядел комнату: четыре кровати, тумбочки, ни одного человека. Он сел, поставив ноги на пол. Отдохнуть будто не удалось: мысли сразу собрали реальность, брови сошлись, заболел затылок.

Сергей подошёл к окну и немного раздвинул шторы. Недавно прошёл дождь, капли ещё висели на стекле. Он

выглянул вниз — от высоты снова захватило дух.

Сзади зашуршала дверь. Сергей обернулся: в комнату вошёл Антон.

Сергей посмотрел на него и попытался улыбнуться, но улыбка не хотела вырисовываться на его лице.

Антон был собран и уверен, он посмотрел на Сергея.

— Ну как, отдохнул немного? — спросил Антон.

— Чуть поспал, — ответил он.

— Ну и хорошо, — ответил Антон и добавил: — Давай иди умывайся, потом перекусим и начнём собираться.

Сергей кивнул. Антон вышел и тут же вернулся с полотенцем.

— На, держи, — кинул полотенце Антон Сергею.

— Спасибо, — ответил Сергей и вышел из комнаты.

Открыв ванную комнату, он увидел перед собой зеркало, а в нём отражение человека, которого он раньше, казалось, не встречал. Это был какой-то совершенно другой Сергей, не тот, что он видел обычно в своей ванной комнате в квартире, где жил с тётушкой.

Подойдя к зеркалу, Сергей понял причину несовпадения. Усталое серое лицо будто осело, привычная улыбка превратилась в прямую линию — как у побитого пса. Он открыл холодную воду и несколько раз ополоснул лицо, словно хотел смыть увиденное.

Кожа порозовела. Растирая лицо, Сергей почувствовал боль от ночного удара; шея казалась онемевшей. Отозвались болью и другие места на теле.

Он умылся ещё раз и снова посмотрел в зеркало. Попытался улыбнуться — получился оскал.

«Ну, для начала пусть будет хотя бы так», — подумал он и залез в ванну. Задёрнул шторку, включил душ и

отрегулировал краны, чтобы вода стала тёплой. Вода оказалась новым, мягким источником сил. Сергей вымылся, вытерся, надел джинсы и свитер. Перед зеркалом широко открыл глаза, потом прищурился и пообещал себе двигаться вперёд несмотря ни на что.

Выйдя из ванной, он услышал, что на кухне Антон уже что-то творит возле плиты. На плите разогревалась сковорода, куда Антон наливал масло.

Антон посмотрел на Сергея и улыбнулся.

— Ну вот, отлично, сейчас яичницу сделаем, перекусим и поедем.

Антон ещё раз посмотрел на Сергея:

— Да я нормально, — ответил Сергей, и Антон заметил, что лицо Сергея стало более живым.

Сергей сел за стол.

— Антон, я вот спросить тебя хотел… Скажи, а книжки ты вот какие читаешь?

Антон посмотрел на Сергея мельком и опять переключился на сковородку, параллельно ведя разговор.

— Ну, это смотря чем ты интересуешься, какой областью…

Сергей посмотрел в окно.

— Ну я вот про приключения какие-нибудь…

— Про приключения… — повторил Антон, улыбнувшись.

— Да бери любую и читай, — сказал Антон. Он разбил несколько яиц, и сковорода зашипела.

Он опять переключился на Сергея.

— Тут, понимаешь, какая штука: бери книгу и читай. Когда разберёшься, что в ней написано, сам поймёшь, нужна она тебе или нет. Но для начала главное —

дочитать до конца.

— То есть… — спросил Сергей.

— Ну, сначала нужно выработать усидчивость, — сказал Антон, переводя взгляд с яичницы на Сергея. — Начни, например, читать по двадцать минут в день. Несколько недель читай что угодно, всё, что попадётся. А потом уже захочется найти именно то, что тебе нужно.

Сергей кивал и вспомнил, что о чём-то похожем говорила тётушка.

— То есть сначала нужно просто привыкнуть читать? — уточнил Сергей.

— Вот именно, — ответил Антон, улыбнувшись и выключив на плите огонь. — А уже потом придёт постепенно осознание того, что ты хочешь читать…

— А фильмы? — спросил Сергей.

— Фильмы тоже хорошо… — ответил Антон, беря в руку лопатку для сковороды. — Но вот фильмы уже дают тебе картинку, а в книгах нужно сформировать её самому…

Он положил несколько жареных яиц на тарелку и протянул Сергею.

— Держи.

Сергей передвинул тарелку к себе.

— Спасибо.

— Потом ещё много полезного придёт: и говорить сможешь грамотнее, и внимание долго удерживать, — сказал Антон, усаживаясь напротив Сергея.

— Понял, — ответил Сергей и начал вилкой отрезать небольшой кусок яйца и класть его в рот, заедая белым хлебом.

— А скажи, Антон, ты говорил про философов. Кто это

такие? Что за люди?

Антон посмотрел на Сергея.

— Философы — вопрос, конечно, интересный…

— Ну это те люди, которые, имея большое количество данных, могут сами собрать и разложить смыслы по местам.

Он тут же вскочил, словно что-то вспомнил, и побежал в комнату. Через минуту вернулся с блокнотом и быстро что-то записал.

Он посмотрел на Сергея, который вопросительно смотрел на Антона.

Антон понял его взгляд.

— Это я записываю те вещи, которые потом хочу продумать. Вот ты как раз мне дал почву для размышления.

— Я тоже такую тетрадку себе завести хочу, — сказал Сергей.

— Да, это полезный инструмент — дневник. Там как раз ты можешь записывать вопросы, какие приходят тебе в голову… или, например, что-то рисовать, или планировать.

Антон снова сел за стол.

— Про философов я не очень понял… — сказал Сергей и засмеялся.

Антон подхватил смех.

— Понимаю… Для этого сначала начни читать, — улыбнулся Антон и посмотрел на часы. — Так, уже почти шесть. Нам нужно собираться. Я пока пойду, а с тебя чистая посуда.

Антон вышел из кухни. Сергей, доев яичницу, включил кран и помыл посуду.

Антон снова зашёл на кухню. В руках у него была

тетрадка.

— На, держи. Пусть это будет твой первый дневник. — Он положил тетрадку на стол, улыбнулся и вышел.

— Спасибо, — ответил ему вслед Сергей, домывая посуду.

Добуж. Отдел милиции. День.

Начальник криминальной сидел в своём кабинете и смотрел материалы, которые принёс ему недавно дежурный. Нужно было расписать их по разным службам. Сегодня он заступил на суточное дежурство ответственным от руководства, и, помимо раскрытия двух убийств, на нём лежала ещё текучка, которая сопровождала отдел двадцать четыре часа в сутки.

С ночи уже была домашняя ссора, где пьяный муж избил свою жену — это пошло на участкового по этой территории, а днём пришёл местный житель, который заявил, что у него вскрыт гараж. Пока следственная группа разбиралась, кто-то утонул в реке… Ручка гуляла у него в руке, а глаза читали кривые тексты рапортов сотрудников, выезжавших на вызовы…

Зазвонил телефон внутренней связи.

Алексей Алексеич поднял трубку.

— Слушаю.

Это был начальник отдела.

— Как успехи? — спросил начальник, явно имея в виду поиски тех, кто был на «Волге».

— Пока жду, товарищ полковник, — ответил Алексей Алексеич. — Четверо моих поехали на адрес, где прописан убитый. Ещё не отзвонились.

— А по «Волге» что? — спросил начальник отдела.

— По фрагменту машину установить не можем — есть только цифры. Решили сначала начать с адреса убитого и установить его связи.

— Ясно… — язвительно ответил начальник отдела. — А мне тут полный номер нашей «Волги» добыли. И, похоже, эта машина ночью могла быть у сгоревшего дома.

— Да ладно… — удивился такой находке начальник криминальной.

— Вот тебе и да ладно, — ответил начальник отдела Виктор Петрович.

— А как информация пришла? — спросил Алексей Алексеич, понимая, что где-то облажался.

— От участкового Пономарёва, — ответил начальник отдела с явным нескрываемым удовольствием быть участником, который как раз находится в центре поступающей информации.

— Ясно. Ну хорошо, — ответил Алексей Алексеич.

— Записывай.

Он продиктовал полный номер машины.

— А откуда информация, что именно она могла быть там, где сгорел дом?

— Работать надо на земле, товарищ подполковник. Участковый после моих наставлений поехал, перерыл всю деревню и добыл информацию, — сказал начальник отдела, будто хваля самого себя.

— Но добыть ещё не задержать, — парировал начальник криминальной.

— Без демагогии, Алексей Алексеич. Я потому и звоню: сегодня всех должны задержать.

Трубка легла.

В кабинет зашёл Гаврила. Его лицо не выражало ничего. Начальник криминальной посмотрел на него.

— У нас новости есть…

— У меня тоже, — ответил Гаврила.

— Что у тебя? Задержали кого-нибудь? — спросил начальник криминальной, надеясь быстро отыграться.

— Нет, — вздохнул Гаврила. — На адресе, где зарегистрирован убитый, нашли его сестру. Старое общежитие. С её слов, он там не жил, вещёй его тоже нет. Говорит, вообще в этом городе не появлялся. Она пьяная, разговаривать с ней, говорят опера, не о чем…

Алексей Алексеич даже отвернулся, слушая эту негативную информацию.

Гаврила продолжал:

— Они по этому посёлку покатались, машины с таким фрагментом не нашли. Что делать? — буркнул Гаврила.

Начальник криминальной протянул ему листочек, где был записан полный номерной знак «Волги».

— На, вот пробей.

— Откуда? — Гаврила с удивлением посмотрел на него. — Демид?

— А где, кстати, он? — спросил Алексей Алексеич встречным вопросом.

— Я отправил его в деревню, — развёл руками Гаврила.

— Нет, это участковый раздобыл… И ещё, похоже, убийцы как раз на «Волге» перед дискотекой заезжали закупиться алкашкой.

Не дождавшись удивления Гаврилы, он дополнил:

— Участковый от местных узнал — машину похожую видели примерно в это время.

Гаврила смотрел на листочек.

— Давай пробей быстро и своих туда, где собственник этой «Волги».

— И это, давай Демида сюда…

Гаврила кивнул и вышел.

Начальник криминальной достал сигарету и закурил. Искусственная гонка за информацией была ему противна. Теперь ещё и участковые обошли оперов.

«Да какая разница, чья информация?» — думал он, пытаясь выбросить из головы навязанное ощущение отставания. Не получалось: эта атмосфера давно стала частью системы.

Москва. Цирк «Синие волки». День.

Антон и Сергей вышли из метро. Дорога шла вдоль парка, и вскоре впереди показался огромный цирковой шатёр с высокими, острыми, как горы, куполами.

— Вон, смотри, нам туда, — показал рукой Антон в сторону шатра.

— И правда цирк, — ответил Сергей.

— Я думал, ты всё-таки шутишь, — сказал Сергей, посмотрев на Антона.

— Какие тут шутки? Серьёзнее некуда. — Антон толкнул его плечом.

— Антон, а что мне рассказывать? — спросил Сергей.

— Да вот как мне, можешь говорить честно и открыто, — ответил Антон.

Их шаг как будто выровнялся и стал одинаковым.

— Ну я уже утром, когда звонил, в нескольких словах описал вопрос, поэтому он знает, что произошло.

— Понял, — кивнул Сергей.

Перед входом они увидели одиноко стоящего осла. Осёл был осёдлан, перед ним стояло ведро с водой. Он жевал и проводил вошедших взглядом. За спиной ребят раздалось протяжное: «И-а! И-а!»

Внутри начинался длинный изогнутый коридор, проложенный под шатром между металлическими опорами.

Перед ними будто из ниоткуда возник высокий пожилой мужчина. Его лицо было выбелено тальком, на голове сидел цилиндр. Чёрный жилет застёгивали пуговицы разных цветов, под горлом красовалась жёлтая бабочка. Улыбка обнажала длинные зубы.

— Молодые люди, начало представления только через час, — улыбнулся он и вопросительно посмотрел на ребят.

— Мы к директору, — ответил Антон.

Мужчина как будто высматривал того виноватого, кто пропустил гостей через проходную.

Мужчина в цилиндре схватил рацию, которая висела у него на боку, и тут же в неё сказал:

— На входе к первому, на входе к первому.

Рация прошипела что-то.

— А вас как зовут? — спросил мужчина в цилиндре.

— Антон, — ответил Антон.

Человек в цилиндре повторил имя.

В ответ рация проскрипела:

— Пропускай.

— Вы знаете, куда идти? — спросил мужчина.

— Да, — ответил Антон.

— Тогда счастливого пути. — Мужчина отступил, чётко стукнув сапогами, и открыл проход.

Антон и Сергей пошли дальше. Навстречу двигалась

группа артистов: они смеялись и шутили, не обращая внимания на ребят. Коридор огибал арену. Наконец они подошли к двери с надписью «ДИРЕКТОР». Антон постучал и открыл.

В небольшом кабинете стояли диван, несколько стульев и массивный стол. За столом сидел клоун.

Он улыбнулся и привстал.

— Антон, приветствую, ты давно не заходил.

Он явно был добродушным человеком. Несколькими шагами приблизился к ребятам, пожал руку Антону, затем Сергею и несколько секунд смотрел на него большими голубыми глазами. Сергей моргнул, словно проверяя, не спит ли. Карикатурное лицо клоуна никак не укладывалось в реальность последних событий, но рука у него была тёплой.

— Сергей, — ответил он.

— А меня Март, — ответил клоун. — Давайте рассаживайтесь.

Он показал на диван, а сам пододвинул стул ближе к ребятам и посмотрел на них. Сергей немного рассмотрел клоуна: ботинки, широкие штаны, белое лицо и волосы, напоминающие растрёпанный жёлтый веник. Он увидел реакцию Сергея и улыбнулся.

— У нас скоро представление.

Он посмотрел на огромные наручные часы. Вместо стрелок на них светились красные цифры.

— У нас есть немного времени. Рассказывай, Серёж, всё по порядку. — Март говорил чётко и легко.

Сергей задышал, как будто сдавал экзамен, но клоун увидел это и похлопал ему по плечу, немного привстав.

— Так, давай соберись. Твой вопрос не простой, но нам нужно услышать всё, что произошло. Не спеши,

пожалуйста, но говори точно.

Сергей кивнул и начал рассказывать.

Он рассказал про «Запорожец», про то, что они приехали в деревню на дискотеку, про драку, про отвёртку, про обратный путь, про тётушку и про то, как уехал.

Через некоторое время Сергею стало легко говорить. Март внимательно слушал и кивал.

После того как рассказ был закончен, Март посмотрел на Антона.

— Скажи, где вы сейчас остановились? У тебя? — спросил клоун.

— Да, — ответил Антон, — но до завтра, завтра в общежитие уже приедут…

Клоун прервал Антона:

— Так, понял. Значит, завтра ближе к обеду приезжаешь сюда. В двенадцать будь здесь.

Клоун ещё раз посмотрел на Сергея.

— А ты должен потрудиться. До завтра подготовь мне полный план: во-первых, адрес, где живёт твоя тётушка; во-вторых, то, что ты сейчас рассказал. Напиши всё по порядку. Важно понять время, когда что произошло.

Он переключил внимание на Антона:

— Антон тебе подскажет. Он человек опытный.

Антон кивнул.

— Да, кстати, как твои исследования? — спросил Март, с улыбкой глядя на Антона.

— Скоро узнаем, — ответил Антон.

— Ты большой молодец, Антон, — сказал клоун и опять переключился на Сергея.

Март думал быстро, будто собирая перед глазами всю картину, которую видел Сергей.

— Далее… сейчас, секундочку, ребята, секундочку.

Он встал и подошёл к своему столу, взял из тумбочки мобильный телефон и быстро набрал номер.

На другой стороне, видимо, ответили.

— Здорово. Как дела?

— Ага…

— Завтра ко мне в 12 заедешь? Получается?

— Ага, отлично.

— Всё, тогда фиксируем.

Телефон он обратно сунул в тумбочку и опять быстрыми и чёткими шагами приблизился к ребятам.

— Завтра, Серёж, я познакомлю тебя с адвокатом, который официально будет представлять твои интересы. Мы ещё раз посидим. Вспомни всё, вплоть до мелочей: кто был, с кем ездил, имена и фамилии друзей, адреса, телефоны. Не вспомнишь адрес — нарисуешь. Понял?

— Понял, — ответил Сергей.

— Ну вот и всё, остальное завтра. — Март улыбнулся. — А сейчас я побегу готовиться к представлению. Вы сегодня у меня в гостях, поэтому найдите себе свободные места.

Он улыбнулся ещё раз и протянул руку.

— Спасибо, — ответил Сергей, пожав руку клоуну.

— Пока не за что, Серёж. Но ты попал на нужную тропинку. — Март посмотрел на Антона, затем развёл руки, словно удерживал весь шатёр. — Если тебя привела сюда необходимость найти справедливость, то цирк к твоим услугам.

Он улыбнулся своей добродушной клоунской улыбкой.

Сергей моргнул и кивнул. Он почувствовал простую

лёгкость, не нуждавшуюся в проверке. Тело само подсказывало: под этим шатром есть то, к чему он, кажется, и бежал.

Добуж. Отдел милиции. Вечер.

Руслан спал, когда домашний телефон начал звонить не переставая. Сквозь сон он услышал, как молодая супруга взяла трубку.

— Алло.

Потом она зашла в спальню.

— Руслан, это тебя с работы.

Он протянул руку, и она поднесла телефон с длинным проводом.

— Руслан, спишь? — голос Гаврилы рычал в трубку.

— Ага, — ответил Руслан.

— Смотри, у нас по ночным твоим убийствам дел куча. Завтра в шесть тридцать утра в отдел все собираемся и по адресам, — рычал голос Гаврилы.

— Понял, — ответил Руслан.

Трубка легла. Руслан посмотрел на супругу, которая, облокотившись о проём двери, стояла рядом и понимала, что выходных не будет.

Руслан снова упал на подушку.

Гаврила сидел в кабинете, звонил и отвечал на звонки, ожидая сведения с разных мест.

Из АТС сообщили: звонок тётушке был сделан с телефонного аппарата в московском метро. Слова Сергея подтвердились — он действительно находился в Москве.

Задержать Мартынова по горячим следам уже не

получится. Теперь следовало сосредоточиться на тех, кто был вместе с убитым в «Волге».

Из дежурной части позвонили и сообщили адрес и данные собственника, на кого был зарегистрирован автомобиль «Волга». Дверь открылась. Перед Гаврилой стоял начальник криминальной милиции Алексей Алексеич.

— Пойдём, зайдём к начальнику, — махнул головой он.

Массивный Гаврила поднялся и пошёл следом. Они прошли по коридору к кабинету начальника отдела. Перед ним располагалась канцелярия, но сегодня там никого не было: её сотрудники, в отличие от оперов и руководства, работали по расписанию.

Постучав несколько раз в дверь, они услышали из кабинета начальника отдела громкое, немного томное:

— Заходи.

В кабинете уже сидел майор — начальник милиции общественной безопасности, руководитель всех участковых района. Алексей Алексеич и Гаврила заняли свободные стулья.

Начальник отдела выглядел взвинченным, но при этом не злым.

— Так, давайте разложим наши «пироги»: что и как. Мне сейчас генералу докладывать, — начал Виктор Петрович, раздвигая бумаги и раскрывая ежедневник.

Он посмотрел на майора, с которым, видимо, уже всё обсудил.

— Ты иди проведи вечерний развод для своих, — сказал ему начальник отдела.

Майор с нескрываемой улыбкой встал и вышел из кабинета.

— Так, давайте, что у вас? — облокотившись на стол, начал он.

Начальник криминальной милиции начал доклад:

— Опера сейчас возвращаются. Белую «Волгу» пробили: она принадлежит Василию Ситину.

— Зарегистрирован он в поселке Козево.

— Ого. Это от нас километров восемьдесят, — прикинул вслух начальник.

— Примерно восемьдесят, — подтвердил Алексей Алексеич. — Мы решили ночью туда не ехать. Что толку лазить в темноте? Рано утром возьмём его, если будет по адресу. Если нет — сразу начнём искать оттуда дальше.

— Согласен, — ответил начальник отдела, что-то помечая для доклада в своём ежедневнике. — А что по малолетке? Есть информация?

Гаврила подхватил:

— Да, есть. Из АТС информация пришла: звонок домой он совершил действительно из Москвы, из аппарата, который находится у них там в метро.

— Так, значит, действительно в Москве, — вслух повторил начальник. — Пусть, наверное, эти убойщики занимаются, в Москву звонят и так далее. У нас столько сил нет. А, кстати, где они? — посмотрел начальник отдела на своего заместителя.

— Ха, где? Зашли, носом покрутили и растворились, — попытался пошутить он.

Начальник закивал.

— Ты, Алексей Алексеич, сегодня на сутках?

— На сутках, — подтвердил начальник криминальной.

— Занимайтесь этим с самого утра, — ещё раз сказал

начальник отдела. Он покосился на телефонную трубку и добавил: — Надо быстрее, Алексей Алексеич.

— Утром Гаврила поедет с операми, — сказал Алексей Алексеич, кивнув на сидевшего рядом начальника уголовного розыска.

— Правильно. Нам нужен результат, — добавил начальник отдела, посмотрев на массивного Гаврилу.

Он посмотрел ещё раз на начальника криминальной.

— И сразу колоть.

Гаврила буркнул:

— Было бы кого… — засмеялся он.

Начальник посмотрел на часы.

— Всё, давайте. Я буду отзваниваться.

Гаврила и Алексей Алексеич вышли из кабинета.

Отдел постепенно пустел, готовясь к новой воскресной работе.

Москва. Цирк «Синие волки». Вечер.

Сергей и Антон нашли места под куполом цирка. На арене перед Сергеем разворачивалась картина, которой он никогда раньше не видел, как и всего, что теперь его окружало.

Представление должно было начаться через несколько минут, и Сергей смотрел, пытаясь разглядеть все детали. Люди постепенно рассаживались на места.

Сергей посмотрел на Антона. Антон тоже сидел как заворожённый и смотрел на готовящееся представление.

— Антон, директор Март, видно, умный мужчина.

Антон закивал.

— Да. Я поэтому тебе и посоветовал не пороть горячку.

— Спасибо тебе, — сказал Сергей.

Антон улыбнулся и посмотрел на Сергея.

— А я в цирке никогда не был. Клоунов вживую тоже не видел. Только по телевизору, — сказал Сергей.

Вдруг под куполом раздался свист, и полностью погас свет. Стало так темно, что никого не было видно, а секунды будто замедлились.

Все вокруг зашушукались. Сергей сидел неподвижно.

В этот момент произошёл щелчок, и этот щелчок включил прожектор, который был где-то наверху, под куполом. Этот прожектор изображал луну.

После этого, пока все смотрели наверх, в разных частях начали появляться маленькие звёздочки. Потом начался вой. Настоящий вой волков.

Внизу, вдоль арены, в темноте закружились силуэты, светившиеся странным синим люминесцентным светом. Сначала один, потом второй. Их становилось всё больше.

Это были волки.

Танец волков под луной.

К вою волков подключились барабаны, и музыка начала расширяться, постепенно включая в этот танец всё новые и новые звуки от разных инструментов. Сергей почувствовал, что он в лесу с этими волками. И нет больше никого. Только эта луна, этот красивый мощный звук воя волков и музыка.

Оркестр вдруг замолчал, и волки остановились.

Из громкоговорителя громко и красиво зазвучал голос:

— Мы Синие Волки… Представление начинается…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Добуж. Отдел милиции. Кабинет начальника криминальной милиции. Около 6:00.

Через открытую форточку тянуло свежестью.

На тумбочке затрещал будильник. Алексей Алексеич вслепую протянул руку, прижал кнопку и снова уронил ладонь на диван.

Стрелки показывали шесть утра. Именно на это время он и поставил звонок, чтобы успеть хоть немного прийти в себя. Через полчаса должны были подъехать опера.

Он спал на диване, положив голову на старую подушку и накрывшись простынёй. Вообще-то мог переночевать и дома, оставив телефон у изголовья: случись что, дежурный всё равно поднял бы его. Но дорога туда, дорога обратно, умыться, переодеться — всё это отняло бы лишние минуты сна. Поэтому Алексей Алексеич остался в отделе, в собственном кабинете. В эту ночь он был ответственным по отделу милиции.

Открыв глаза, он несколько секунд смотрел в пожелтевший потолок. Потом откинул простыню, сел на диване и провёл ладонью по лицу. Натянул лежавшие рядом джинсы, встал и подошёл к окну.

На улице ещё было темно. Только над крышами начинала проступать первая серая полоса рассвета. Пустая дорога, редкие фонари. Светофор на перекрёстке мигал жёлтым. Его ровные короткие вспышки

ложились на оконное стекло и на мгновение отражались в серых глазах Алексея Алексеича.

Ему было около сорока, хотя с первого взгляда точный возраст определить было трудно. Виски уже поседели, но не по-стариковски, а как-то резко, преждевременно, будто седина появилась не от прожитых лет, а от бесконечных ночей, вызовов, трупов, докладов и начальственных криков. Лицо у него было плотное, уставшее, с тяжёлой складкой между бровей. Глаза — серые, внимательные, холодноватые. Такие глаза редко чему удивлялись, но почти всё замечали.

Он потянулся, размял шею и плечи. На тумбочке стоял стеклянный графин с водой. Алексей Алексеич налил полный стакан и выпил почти залпом.

Потом поднял трубку внутренней связи и набрал дежурную часть.

— Дежурный на связи, — отозвалось в трубке.

— Что у нас? Было что-нибудь?

Дежурный на секунду замялся.

— Алексеич… было. Не стал вас поднимать, сам разобрался. Пара вызовов за ночь. Материалы у меня, надо расписать.

— Понял. Сейчас зайду.

Он положил трубку.

На соседней тумбочке стоял электрический чайник. Алексей Алексеич нажал кнопку. Чайник зашуршал, будто внутри него кто-то тихо скрёбся. Через несколько минут из носика пошёл пар, щёлкнул выключатель.

Алексей Алексеич насыпал в стакан две ложки растворимого кофе и залил кипятком. Ложка несколько раз сухо звякнула о стекло.

Он отпил и поморщился. Кофе обжёг язык и горчил,

но именно такой сейчас и был нужен.

Алексей Алексеич открыл дверь кабинета, прихватил полотенце и пошёл в туалет. Умылся холодной водой, долго растирал ладонями припухшее, лоснившееся после сна лицо, потом поднял глаза на облезлое зеркало.

Из зеркала на него смотрел человек, который слишком мало спал. Веки будто не хотели открываться до конца. Алексей Алексеич через усилие распахнул глаза шире. Белки были немного красными.

Он указательным пальцем оттянул нижнее веко.

— Да, Алёша… — сказал он своему отражению.

Прозвучало это не как сочувствие, а как предупреждение самому себе: от таких стрессов и вечного недосыпа здоровья точно не прибавляется.

Он вытерся, вернулся в кабинет, надел рубашку и окончательно привёл себя в порядок. Потом взял со стола кофе и пошёл в дежурную часть.

Дежурный пододвинул ему ночные материалы. Алексей Алексеич пробежал глазами первые листы, поставил короткие резолюции, расписался в журнале, что-то уточнил и что-то буркнул себе под нос.

В этот момент открылась входная дверь.

В отдел вошёл Гаврила.

Он остановился у стекла дежурной части, посмотрел на Алексея Алексеича и кивнул в знак приветствия. Тот ответил коротким движением головы, давая понять, что скоро поднимется.

Гаврила пошёл дальше.

Минут через десять кабинет начальника криминальной милиции начал заполняться операми. Заходили молча, невыспавшиеся, с опухшими лицами, в мятых куртках, принося с собой запах холодного утра,

табака и вчерашней усталости.

Алексей Алексеич сидел за столом, попивал уже остывавший кофе и смотрел на входящих.

Первым вошёл Гаврила и устроился ближе к столу. Его круглая лысая голова блестела под лампой, а каждого нового сотрудника он встречал коротким тяжёлым взглядом.

Следом появился Руслан. Накануне он отсыпался после суточного дежурства, но теперь выглядел так, будто отсыпной был не отдыхом, а короткой потерей сознания.

— О, Руслан, — посмотрел на него Алексей Алексеич. — Ты как?

Руслан криво улыбнулся.

— Да вроде нормально.

— Ничего. На пенсии выспишься, — произнёс Алексей Алексеич, подбадривая не столько Руслана, сколько самого себя.

Руслан ничего не ответил, только слегка улыбнулся и сел на один из стульев у стены.

Следом зашёл рыжий длинный Стас. За ним — стажёр. Они были чем-то похожи: оба длинные, худые и оба старались выглядеть бодрее, чем были на самом деле. Только Стас уже умел прятать усталость за насмешливым лицом, а стажёр ещё нет.

Последним появился Демид.

Переступив порог, он словно сразу стал меньше. Смотрел на Алексея Алексеича узкими щёлочками, осторожно, будто заранее понимал, что сейчас его будут трогать.

Алексей Алексеич увидел его и расплылся в широкой, нескрываемо саркастической улыбке.

— Демииид, — протянул он.

Гаврила хмыкнул, осматривая Демида, который со вчерашнего дня пропал со связи.

Демид остановился у двери. Штаны на нём были какие-то квадратные, мятые, и сам он в них казался таким же квадратным, тяжёлым и неловким.

— Садись, Демид, — сказал Алексей Алексеич.

Демид сел на край стула.

Алексей Алексеич поставил стакан с кофе на стол.

— Расскажи нам, Демид, где ты вчера был?

Демид мельком посмотрел на начальника и сразу отвёл глаза.

— Ну… по бабке работал.

— По бабке, — повторил Алексей Алексеич. — А в отдел почему не вернулся?

Он всматривался в Демида, будто хотел заставить того поднять глаза. Но взгляд Демида бегал по стенам, столу и полу, не желая встречаться ни с Алексеем Алексеичем, ни тем более с Гаврилой.

После короткой паузы начальник спросил:

— И что наработал?

Демид замешкался, достал ежедневник и начал его листать, хотя было видно, что ничего он там не ищет.

— Да там… вроде есть зацепочка.

— Да-а-а? — Алексей Алексеич посмотрел на него с интересом, но интерес этот был нехороший. В нём уже сидела насмешка. — Зацепочка?

— Ну… я вчера с одним говорил. Он сказал, что вроде сегодня даст мне того, кто у неё постоянно самогон брал.

Демид говорил неуверенно. Слова у него шли сами по себе, а глаза жили отдельно, выискивая в записях спасение, которого там не было.

Алексей Алексеич немного наклонился вперёд.

— Демид.

— А? — поднял тот глаза.

— Ты в курсе, что мы уже без тебя установили?

Демид снова опустил взгляд.

Сразу стало понятно: не в курсе.

Он мельком посмотрел на Стаса, которому, кажется, уже надоело прикрывать своего кабинетного напарника.

Алексей Алексеич некоторое время наблюдал, как Демид торопливо ищет в голове какое-нибудь оправдание, но ничего не находит.

— А ты вообще знаешь, зачем тебя сегодня вызвали? — спросил он.

Демид снова посмотрел на Стаса.

— Ну… задерживать кого-то.

— Вот именно — кого-то, — с насмешкой повторил Алексей Алексеич. — Того, кого ты вчера должен был искать.

Он выдержал небольшую паузу.

— Участковый выяснил, на какой машине ночью приезжали к бабке. Сегодня едем за владельцем этой машины.

Алексей Алексеич не сводил с Демида глаз. Его голова медленно качнулась из стороны в сторону, словно раздражение искало выход.

В кабинете стало тихо.

Демид молчал.

Алексей Алексеич смотрел на него и уже не сомневался: тот врёт.

Он откинулся на спинку кресла, затем немного выровнял голос — так, чтобы слышали все.

— Значит так. Это касается каждого. Но особенно тебя, Демид.

Демид замер.

— Вчера был День дурака. Первое апреля. Ты был прощён.

В кабинете раздался короткий смех. Гаврила усмехнулся в сторону. Стас опустил глаза, но угол рта у него дёрнулся.

Алексей Алексеич продолжил уже без улыбки:

— А сегодня ты сидишь в кабинете и рассказываешь нам какую-то чушь. Ты вообще работать хочешь?

Демид кивнул.

— Хочу.

— Я не вижу, что ты хочешь.

Алексей Алексеич говорил негромко, но голос постепенно становился тяжёлым, напористым. Он словно накручивал его виток за витком. Демид сидел на краю стула и чувствовал, как давление растёт, а выйти из-под него некуда.

— У нас с тобой уже был разговор. Помнишь?

Демид снова кивнул.

— Помнишь, — сказал Алексей Алексеич. — Хорошо. Значит так, Демид. Сегодня остаёшься на сутках.

Демид вскинул глаза.

— Так у меня завтра… сутки.

— Вот для начала двое суток подряд и подежуришь. Если голова на место не встанет, переведу тебя в дежурную часть — будешь у задержанных пальцы катать.

Кто-то тихо фыркнул. Демид промолчал.

Алексей Алексеич ещё секунду смотрел на него, потом перевёл взгляд на Гаврилу.

— Давай, Гаврила. Какой у нас план на сегодня?

Гаврила, всё это время наблюдавший за публичной казнью Демида, кажется, остался ею внутренне доволен. В последнее время влиять на Демида становилось всё труднее: тот ускользал, врал, пропадал, а потом появлялся с таким видом, будто все вокруг сами всё неправильно поняли.

Гаврила положил локти на колени и посмотрел на оперов.

— Значит так. Сейчас одной машиной едем в Козево.

Он поднялся, подошёл к висевшей на стене карте области и показал пальцем примерное место.

— От нас восемьдесят километров с небольшим, — прищурился Алексей Алексеич, словно на глаз примеряя расстояние до посёлка. — Там находим собственника «Волги». Может оказаться тем, кто убил бабку. Поэтому Стас и Руслан, перед выездом получите в дежурке оружие.

Опера кивнули.

Алексей Алексеич посмотрел на стажёра, который сидел тихо и наблюдал за новой для себя реальностью.

— Так… А ты тоже с ними. Вместо Демида. Тебя как?

— Валера, — отозвался стажёр.

— Валера, значит. Тоже едешь.

Стажёр кивнул и едва заметно улыбнулся: его впервые брали на настоящее задержание.

Демид вздохнул и уткнулся в ежедневник.

— Убитый у нас, кто ещё не в курсе, — Рыбкин Анатолий. Ранее судимый. Погоняло — Рыба.

Опера раскрыли блокноты.

Алексей Алексеич продиктовал номер «Волги», установленный участковым, а также данные

собственника. По учётам ГАИ владельцем значился сорокапятилетний Василий Ситин, проживающий в посёлке Козево.

— Ранее судим, — добавил Алексей Алексеич, сверяясь с лежавшими перед ним записями.

Руслан поднял глаза.

— Так номер машины Пономарёв установил?

— Да, — ответил Гаврила. — Вчера выяснил у деда на въезде, что эта «Волга» около одиннадцати вечера ехала в сторону сгоревшего дома, а потом обратно.

Он мельком посмотрел на Демида.

— А сам номер? — спросил Руслан, который, отсыпаясь после дежурства, проспал все интересные новости.

— Местный пацан ему надиктовал, — пояснил Алексей Алексеич.

— Ясно, — закивал Руслан.

Стас усмехнулся:

— Участковые всё-таки землю роют, когда хотят.

— Пономарь вчера сделал больше, чем некоторые, — сухо сказал Алексей Алексеич и даже не посмотрел на Демида.

Демид опустил голову.

Гаврила продолжил:

— Для тебя, Руслан, отдельно. Вчера адрес убитого Рыбкина проверили. Там сестра его. Пьяная в хлам. Толком ничего не сказала. Говорит, он там не жил. Заходил иногда, бил её и уходил.

— Хороший брат, — бросил Стас.

— Ага. Мы вчера ещё и ритуальным агентством поработали — родственников оповещали, — мрачно сказал Гаврила.

Алексей Алексеич взял стакан, отпил холодного кофе и поставил обратно.

— Теперь слушаем внимательно. По информации, которая у нас есть сейчас, люди, находившиеся в этой «Волге», могут оказаться причастны к убийству бабки в сгоревшем доме. Поэтому работаем аккуратно.

Он оглядел сидевших в кабинете.

— И быстро.

Руслан начал рассуждать вслух:

— Так это получается, они на «Волге» поехали, взяли бухло, убили бабку, потом отправились на дискотеку, а там убили уже одного из них?

— Похоже на то, — ответил Алексей Алексеич и захлопнул папку. — Давайте, парни. Я жду от вас информации. Сам пока никуда не ухожу.

Все начали вставать.

— Едем на Стасовой «шестёрке», — буркнул Гаврила и посмотрел на часы на широком запястье. — Через пять минут внизу.

Опера двинулись к выходу.

Уже возле двери Руслан обернулся:

— А что по малолетке этому, Сергею Мартынову?

Он всё ещё пытался сложить полную картину из кусочков, которые один за другим получил этим утром.

— Ха, — усмехнулся Гаврила и похлопал Руслана по спине. — В машине тебе расскажу.

Он ещё раз хмыкнул:

— Теперь у нас малолетние убийцы сразу в Москву едут. К адвокату.

Опера вышли в коридор.

— Стас, Руслан, в дежурную за оружием, — добавил Гаврила им вслед.

Потом задержался у двери и обернулся.

Алексей Алексеич сидел за столом и провожал взглядом уходящих сотрудников.

— Давайте, — сказал он. — Я жду звонка.

Гаврила кивнул.

— Позвоню.

Он вышел и прикрыл за собой дверь.

Алексей Алексеич остался один. Посмотрел на часы.

Почти семь утра.

За окном город только начинал просыпаться.

Светофор всё ещё мигал жёлтым.

Москва. Общежитие Антона. Около 7:00.

Сквозь сон Сергей услышал будильник.

Резкая трель ворвалась в тишину комнаты, но он ещё оставался где-то внутри сна. Звонил будильник Антона. Сам Антон спал на одной из свободных кроватей своих соседей, а свою уступил Сергею.

Антон почти сразу выключил будильник, встал и вышел из комнаты. Вскоре за дверью зашумела вода.

Сергей несколько раз приоткрыл глаза, увидел уже знакомую комнату общежития и снова закрыл их. Сон был глубоким, восстанавливающим — таким, из которого не хочется возвращаться в реальность, особенно когда в ней ещё так много неизвестного.

Но мысли уже пробивались сквозь сон, возвращая вчерашние события. Привычный порядок его жизни рассыпался, и теперь всё происходило словно по другому сценарию.

В памяти один за другим всплыли цирк, новые люди,

само представление, будто вобравшее его в себя. Ночью оно незаметно продолжилось в сновидениях и сопровождало Сергея до самого утра. Даже сейчас, открыв глаза, он всё ещё словно находился внутри этой сказки.

Спать больше не хотелось. Вместо сонливости появилось простое чувство: нужно вставать и идти дальше.

Сергей сел на кровати, опустил ноги на пол и посмотрел в окно. Шторы были слегка задёрнуты.

Дверь ванной скрипнула, и через мгновение в комнату вошёл Антон с полотенцем в руках.

— Доброе утро, Серёг, — сказал он и подошёл к окну.

Несколькими движениями Антон раздвинул шторы. Утренний свет сразу разлился по комнате.

Сергей прищурился.

— Доброе утро.

Антон положил полотенце на спинку стула, опустился на пол, принял упор лёжа и начал отжиматься.

Сергей почти не задумываясь повторил за ним. Тоже опустился на пол и начал отжиматься рядом.

— Зарядочка с утра — и день совсем по-другому начинается, — сказал Антон между движениями.

— Ага, — отозвался Сергей, делая очередное отжимание.

После зарядки Сергей пошёл в ванную. Умылся, вытер лицо полотенцем и оделся.

Антон уже шевелился на кухне, изобретая завтрак.

Когда Сергей вошёл, тот как раз грел воду в небольшой кастрюле.

— На завтрак у нас каша, — сообщил Антон.

— Люблю кашу.

Сергей сел за стол и посмотрел в окно.

— Как спалось? — с улыбкой спросил Антон.

— Вообще отлично, — ответил Сергей.

Немного помолчал и добавил:

— Ты знаешь, правда отлично. Даже странно говорить слово «отлично» о том, что со мной сейчас происходит… Но другого слова я подобрать не могу.

Сергей улыбнулся.

— Вот и хорошо. Мне нравится это слышать, — ответил Антон, засыпая крупу в горячую воду.

— Мне так вчера представление понравилось… — продолжил Сергей.

Антон посмотрел на него.

— Это целая сказка. Я никогда ничего такого не видел. Знаешь, у меня вчера во время представления будто всё на свои места встало. Я вдруг понял: что бы со мной ни происходило, дальше всё равно выбирать мне.

Антон улыбнулся.

— Да ты, я смотрю, уже почти философ.

— Не, ну правда, Антон, — продолжил Сергей. — Ведь это моя жизнь. И то, что я буду делать дальше, тоже зависит от меня. Так же, как вчера в представлении «Синих Волков». Там в самом начале родился ребёнок. Его воспитали волки. Он прошёл через многое, а когда вырос, создал вместе с ними цирк и сам стал клоуном. Мне потом всё это всю ночь снилось.

Сергей улыбнулся и снова посмотрел в окно.

— А цирк — это же целая жизнь. Он дарит людям надежду, улыбки…

Он повернулся к Антону. В его широко раскрытых глазах ещё отражалось вчерашнее представление.

Антон кивнул.

— Да. Я, наверное, примерно так же его понимаю.

— А артисты… А та девушка под куполом… — продолжил Сергей, вспоминая вчерашний вечер.

На мгновение он замолчал.

— Это хорошие люди, — тихо добавил он.

Каша начала густеть. Антон убавил огонь, плеснул в кастрюлю немного молока и достал из холодильника масло.

— Хороших людей на самом деле очень много, — сказал он. — Просто плохое обычно заметнее.

— Да, — согласился Сергей. — И знаешь, что я тебе скажу? Один хороший человек может сделать в тысячу раз больше, чем один плохой.

— Сначала — в десятки, потом — в сотни, а там и в тысячи, — улыбнулся Антон. — Только людей, мне кажется, не так просто делить на хороших и плохих. Плохими бывают поступки. У каждого из них есть своё имя: подлость, жестокость, жадность. А человек постепенно становится тем, что делает изо дня в день.

Сергей ещё несколько секунд смотрел на него. Потом улыбка исчезла с его лица.

— Тогда скажи: почему они так себя вели?

Антон перестал мешать кашу.

— Ты про тех, у клуба?

Сергей кивнул.

— Почему нельзя было приехать по-человечески? Поговорить? Зачем нужно было так бить Вальку? Ты же не видел, Антох… Я раньше не знал, что в людях может быть столько злости.

Перед ним снова возникла та сцена: Валя лежит на земле, а люди бьют его так, словно перед ними не

человек.

— Тогда мне показалось, что, если я промедлю, будет поздно, — сказал Сергей и сжал губы.

Он опустил взгляд на свои ладони и медленно разжал пальцы.

Антон выключил плиту и отложил ложку.

— Ты спрашиваешь, откуда в них взялась эта злость?

— Да. Почему они стали такими?

Антон некоторое время молчал, подбирая слова.

— Про них самих я тебе точно не скажу. Я не знаю, как они жили и что с ними происходило. Но такая жестокость редко появляется за один вечер. Обычно человек долго ей учится.

— Как это — учится злости?

Антон подошёл к Сергею и неожиданно толкнул его кулаком в плечо.

— Ты чего? — нахмурился Сергей.

Лицо Антона вдруг изменилось.

— Заткнись, — жёстко сказал он.

Сергей замер.

— Пошёл вон.

Антон шагнул ближе и посмотрел ему прямо в глаза.

Сергей уже понимал, что тот пытается что-то объяснить на примере, но тело отозвалось раньше, чем он успел всё обдумать. Плечи напряглись, губы сжались, в глазах мелькнуло упрямство.

— Ну давай ещё, — сказал он.

Антон сразу отступил. Его лицо снова стало прежним.

— Ты извини, — произнёс он обычным голосом. — Но почувствовал?

— Что?

— Я всего один раз тебя толкнул и сказал две фразы. А

ты уже приготовился отвечать.

— Потому что ты первый начал.

— Вот именно. А теперь представь, что ты маленький, я взрослый и каждый день объясняю тебе жизнь именно так. Ударил — значит, прав. Напугал — значит, сильнее. Заставил подчиниться — значит, победил.

Сергей потёр плечо.

— То есть их били с детства?

— Может быть. Одних били, других унижали. Кому-то постоянно внушали, что бояться должны его, иначе слабым окажется он сам. А кто-то просто видел, что силой можно получить всё и ничего за это не будет. Иногда человек знает только два способа жить: терпеть или бить. Третьего он порой даже не представляет.

— И поэтому сам начинает бить?

— Иногда поэтому. А иногда бьёт первым, потому что больше всего боится снова оказаться слабым. Жестокость часто начинается со страха, который научился нападать.

Сергей задумался.

— Значит, это их оправдывает?

— Нет, — сразу ответил Антон. — Понять, откуда что-то взялось, не значит оправдать. За свои поступки человек всё равно отвечает сам.

Он вернулся к плите, но ложку пока не взял.

— Что-то человеку достаётся при рождении, — продолжил Антон. — Вот у тебя тёмно-русые волосы, ты крепкий, высокий — многое от родителей. Но что делать со своей силой — защищать слабого или унижать его — вместе с цветом волос не передаётся. Этому учатся.

Сергей слушал молча.

— Сначала человек смотрит, как взрослые обращаются друг с другом, как старшие разговаривают с младшими, как сильный поступает со слабым. А потом начинает повторять.

— Получается, это тоже передаётся?

— Передаётся. От одного человека к другому — через поступки. Кто-то ударил тебя — ты ударил следующего. Тот — ещё кого-нибудь. И так цепь может тянуться очень долго: от человека к человеку, иногда из поколения в поколение, пока кто-нибудь её не прервёт.

— А как её остановить?

Антон задумался.

— Не знаю точно, Серёг. Наверное, сначала человеку нужно понять, что необязательно передавать дальше то, что когда-то передали ему. А потом увидеть, что жить можно иначе. Только редко всё получается сразу.

— Почему?

Антон взял ложку и медленно провёл ею по дну кастрюли.

— Потому что сначала нужно признать: люди, которые учили тебя жить, были неправы. Отец, старший брат, друзья — те, кого ты уважал или боялся. А потом придётся заново строить внутри себя весь мир. Это трудно.

Перед Сергеем вдруг возникли Пашка и Вася из школы. Он вспомнил их взгляды, отдельные слова, поведение — всё то, за чем ещё тогда угадывалась какая-то боль, принесённая из дома.

Теперь многое становилось понятнее.

— Но они же ошибаются. Разве им не хочется узнать правду?

— Правду хотят многие. Только пока она не заставляет менять самих себя. Иногда человеку легче защищать даже сломанный мир, к которому он привык, чем признать, что половину жизни прожил неправильно.

— Но кто-то всё-таки признаёт?

— Конечно. Иначе ничего никогда бы не менялось.

Сергей помолчал.

— Значит, человек может себя переделать?

— Может. Если увидит, что можно жить иначе, и сам этого захочет.

— А хорошее тоже так передаётся? От одного к другому?

Антон улыбнулся.

— Конечно. Только его тоже должен кто-то первым показать.

Сергей снова посмотрел в окно. Теперь он думал и о цирке, и о людях, которых встретил там, и о девушке, летавшей под самым куполом.

Всё, что вошло в него за вчерашний день, теперь требовало продолжения.

— Ты знаешь, я вчера ещё кое-что решил, — сказал он.

— Что?

— Я тоже за учёбу возьмусь. Пока не знаю, с чего начать, но хочу учиться. Вот так, как ты. Чтобы больше понимать, а потом делать хорошие дела.

Антон смотрел на него, не скрывая улыбки.

— Я помогу тебе, Серёг. Ты гораздо лучше соображаешь, чем сам о себе думаешь.

— Я ведь впервые всё это увидел благодаря тебе, Антох.

— Я тоже многое увидел благодаря тебе.

Антон немного помолчал.

— Наверное, каждый человек что-нибудь оставляет в другом. Ты во мне, я в тебе. Даже этот разговор мог получиться только у нас двоих.

Он взял половник и начал разливать кашу по тарелкам.

— Вот ты только что сказал, что один хороший человек может сделать в тысячу раз больше, чем один плохой?

— Да, — кивнул Сергей.

— Когда таких людей становится много, эти тысячи начинают умножаться.

— Вот именно, — закивал Сергей.

Антон подвинул к нему тарелку.

— Только бывает и так, что один человек остаётся против тысячи. Тогда одних хороших намерений мало. Нужны ещё силы и понимание того, что делать.

Антон постучал пальцем по лбу.

Сергей взял ложку и зачерпнул кашу.

— Значит, настоящая сила — это ум?

— Самая сильная, — ответил Антон.

Сергей попробовал кашу.

— Очень вкусно.

— На здоровье.

Некоторое время они ели молча. Потом Сергей спросил:

— Какой план?

Антон посмотрел на него.

— Помнишь, вчера говорили про тетрадь? Начни с неё. Запиши всех людей, все события — всё, что помнишь. Честно, как есть. Как врачу.

— Сделаю, — кивнул Сергей.

— Только не спеши. Пиши всё, что вспоминается. А потом уже вместе со специалистами разберёшься, как двигаться дальше.

Сергей снова кивнул.

— И всё-таки извини за толчок, — сказал Антон.

— Зато я его запомню, — улыбнулся Сергей.

Они закончили завтрак.

Потом Сергей достал новую тетрадь, которую подарил ему Антон, сел на кухне у окна и начал писать — строчку за строчкой — всё, что знал и помнил.

Он решил ничего не скрывать и не исправлять задним числом.

Писать так, как было.

Это было первое, что он мог сделать сам, чтобы двигаться дальше.

Козево. Дом Василия Ситина. Утро.

Белый ВАЗ-2106 на скорости подскакивал на выбоинах и глухо бился подвеской о разбитый асфальт.

За рулём сидел Стас. Он крепко держал руль, будто «шестёрка» всё время норовила вырваться из рук. Справа, на переднем сиденье, устроился массивный Гаврила. На коленях у него лежал раскрытый атлас автомобильных дорог, поверх него — листок с адресом. Гаврила сверял названия улиц с редкими табличками на домах.

На заднем сиденье разместились Руслан и стажёр Валера.

В Козево они въехали, когда уже совсем рассвело. Миновали несколько пустых улиц и свернули туда, куда

указал Гаврила.

Посёлок выглядел ещё более запущенным, чем их собственный город. Такой же серый, уставший, будто давно оставленный без присмотра. Только здесь всё перекосилось сильнее. Низкие дома вросли в землю, заборы осели, дороги провалились. Вдоль одной из улиц тянулся двухэтажный барак — такой же, каких хватало и у них, только почти целиком деревянный.

— Им уже лет по сто, — усмехнулся Стас, глядя на покосившееся строение.

Гаврила не ответил. Он ещё раз посмотрел на листок с адресом, затем на номер дома.

— Вроде здесь, — пробасил он. — Стас, пройди вдоль барака. «Волга» должна быть где-то рядом.

Стас сбросил скорость и повёл машину вдоль забора.

— Вон, за кустом! — подал голос Валера.

Стас ударил по тормозам. За большим разросшимся кустом виднелась белая машина, похожая на «Волгу». Он включил заднюю передачу, и «шестёрка» сдала несколько метров назад.

Гаврила прищурился.

— Похоже, она. Валер, проверь номер. Только спокойно.

Стажёр открыл дверь и направился к кустам. Сначала шёл быстро, затем замедлил шаг, стараясь не привлекать внимания. Возле машины мельком посмотрел на номер и вернулся.

— Она. Номер наш.

Сердце у Валеры колотилось. Это было его первое настоящее дело. Всё казалось одновременно интересным, опасным и захватывающим.

Для остальных такая работа давно стала привычной.

Но и они держались в уголовном розыске ради таких минут — когда долгий поиск наконец приводил к конкретному дому и живому человеку.

— Так, — пробурчал Гаврила. — Теперь надо установить квартиру.

— Давай я схожу, — сразу отозвался Руслан.

Он мазнул взглядом по стажёру.

— Пошли за мной.

Руслан вышел, захлопнул дверь и направился к бараку. Валера пошёл за ним, стараясь ступать след в след.

Руслан потянул на себя подъездную дверь и заглянул внутрь.

Подъезд оказался тёмным, покосившимся и полностью деревянным. За дверью начинался короткий коридор с несколькими квартирами. Руслан осмотрел номера. Один совпал с нужным.

— Первый этаж, — тихо сказал он. — Я останусь здесь. А ты возвращайся за Гаврилой. Потом со Стасом ждёте на улице, пока мы не войдём.

Валера внимательно выслушал его и побежал к машине.

Через минуту подошёл Гаврила. Он остановился возле Руслана и расстегнул клапан кобуры.

Руслан кивнул на нужную дверь.

Снаружи она была обита старым войлоком. Руслан нажал на ручку. Дверь скрипнула, но замок держал. Одного хорошего удара хватило бы, чтобы выбить его вместе с частью косяка.

Но начинать нужно было не с этого.

Звонка не было.

Руслан несколько раз постучал кулаком.

Тишина.

Он постучал ещё раз.

За дверью заскрипел пол. Кто-то подошёл.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Уголовный розыск, — буркнул Гаврила и подался вперёд, уже примериваясь, как будет выбивать дверь.

За замком несколько раз щёлкнуло.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет сорока, растрёпанная, в длинном застиранном платье. Из квартиры в лицо Гавриле и Руслану ударил запах чего-то кислого, сырого и нечистого.

Женщина молча смотрела на двух мужчин.

Гаврила не стал ждать приглашения. Он вошёл внутрь, плечом оттолкнув хозяйку в сторону. Пистолет Макарова уже находился в его правой руке — стволом вниз, но наготове.

Руслан шагнул следом, раскрыл удостоверение и показал его женщине.

— Уголовный розыск.

Сначала её глаза расширились от удивления, затем снова стали пустыми. По этому взгляду было понятно: милиция появлялась здесь не впервые.

— Вам кого? — спросила она.

Гаврила быстро заглянул на кухню и направился в комнату.

— Нам нужен хозяин «Волги», — сказал Руслан, одновременно наблюдая за женщиной и контролируя действия Гаврилы.

Женщина попятилась и повернула голову в сторону комнаты.

— Вася! — крикнула она. — К тебе…

Договорить не успела.

В комнате, на железной кровати, лежал мужчина лет сорока пяти. Он был худым, немного сутулым, с ввалившимися щеками и лицом человека, который давно привык просыпаться не от будильника. Мужчина уже открыл глаза и прислушивался к происходившему в квартире.

Гаврила приблизился к кровати, схватил его за руку и защёлкнул на запястье браслет наручников.

— Фамилия?

Мужчина поморщился, со сна не сразу понимая, что от него хотят.

— Ситин… — прохрипел он.

— «Волга» твоя?

— Моя.

— Вторую руку.

Василий протянул её. Второй браслет защёлкнулся на запястье. На руках у мужчины проступали выцветшие синие узоры татуировок.

Гаврила посмотрел на них.

— Судимый?

Василий кивнул.

— Вставай. Поедешь с нами.

Мужчина сел на кровати и огляделся в поисках одежды. Возле кровати валялись брюки. Неловко работая скованными перед собой руками, он натянул их.

Делал это так буднично, словно всё происходило не впервые.

Женщина стояла в проёме комнаты рядом с Русланом. Она прижала ладонь ко рту и пыталась понять, что происходит.

— Вы кем ему приходитесь? — спросил Гаврила.

— Жена моя, — ответил Василий.

Он поднялся и осторожно посмотрел на опера.

— Командир, а что случилось?

Гаврила не ответил.

— Руслан, уведи её.

Руслан взял женщину за рукав, но она упёрлась и осталась на месте.

Василий посмотрел на неё.

— Люда, всё нормально. Выйди.

Он произнёс это спокойно, но так, что она подчинилась. Недовольно поджав губы, женщина вышла в коридор.

Гаврила нашёл стул и сел напротив Василия.

— Тебя как зовут?

— Василий.

— Василий, нас интересует твоя «Волга». И ты.

Василий настороженно смотрел на него.

— Что именно? Машина моя. Я на ней таксую. Никаких проблем.

— В пятницу где был?

— В пятницу…

Василий посмотрел в окно, будто пытался вспомнить.

Гавриле это не понравилось.

— Да, в пятницу, — настойчивее повторил он. — Быстрее.

— Ну это… Дома был.

Василий сглотнул. Горло после сна пересохло.

Лицо Гаврилы потяжелело. Он уже понял, что сейчас ему начнут врать.

— Собирайся. Я так и знал, что разговора не получится.

Он резко встал, схватил Василия за руку ниже плеча и сжал так, что тот сразу поморщился.

— Давай. Поехали.

— Да я это… В гостях был, — быстро сказал Василий. — Командир, дай воды попью и вспомню. Голова болит.

Гаврила мотнул головой и пропустил его вперёд.

Василий направился на кухню. Руслан двинулся следом, контролируя каждое его движение. В таких квартирах опасность могла лежать где угодно: на столе, под газетой, возле раковины или за плитой.

Гаврила остановился в дверях.

Кухня была тесной, с низким закопчённым потолком. На подоконнике стояли пустые банки. На столе лежали хлеб, соль, несколько кружек и грязный нож. Руслан взял нож и бросил его в раковину.

За мутным окном стоял Стас. Были видны только его плечо и часть лица. Он наблюдал за двором, не оборачиваясь.

Василий взял с плиты чайник и, удерживая его скованными руками, начал пить прямо из носика. Кадык ходил вверх и вниз. Вода потекла по подбородку и голой груди.

— Всё, — сказал Гаврила. — Напился?

Василий поставил чайник обратно.

— Начальник… — начал он и посмотрел не на Гаврилу, а в сторону коридора.

В проёме стояла жена. Молча. Бледная, растрёпанная, в своём длинном платье. Она всё слышала и не уходила.

Василий нахмурился.

— Люда, иди.

Она не двинулась.

— Иди, говорю.

Гаврила повернулся к женщине.

— В комнату.

Она нехотя отступила, но дверь за собой не закрыла.

Василий посмотрел на неё, затем на Гаврилу. Лицо у него стало злым и жалким одновременно.

— Начальник, давай на улицу выйдем. Что при бабах лясы точить.

Он снова оглянулся на коридор, будто проверял, слышит ли жена.

Гаврила несколько секунд изучал его.

— Пошли.

Руслан открыл входную дверь первым. Они вышли в подъезд, затем во двор.

Сырой холодный воздух сразу обхватил голую грудь Василия. Доски крыльца заскрипели под ногами. В доме за их спинами кто-то тихо шевельнулся у окна.

Гаврила остановился возле забора. Руслан встал немного в стороне, откуда мог видеть и дверь подъезда, и двор.

— Говори.

— Можно закурить? — спросил Василий, пытаясь достать пачку из кармана.

Скованные руки дрожали, и сигарета долго не поддавалась.

— Да я не убегу, начальник, — добавил он.

— Попробуй, — буркнул Гаврила.

Василий наконец достал сигарету, прикурил и жадно затянулся. Сразу закашлялся.

— Да знал я, начальник… Знал, что ехать не надо. Нутром знал. Только вариантов не было.

— Не скули. Сначала. В пятницу где был?

— Дома. Потом ко мне заявились.

— Кто?

— Рыба.

Гаврила сразу остановил его взглядом.

— Как зовут?

— Толя. Рыбкин. Все Рыбой звали.

— Продолжай.

— Он с зоны недавно вышел. Мы с ним раньше вместе сидели. Старый знакомый, можно сказать.

Василий снова затянулся.

— Один пришёл?

— Нет. С ним двое были.

— Кто?

— Тимоха Сивый. Крепкий такой, плечистый. Волосы светлые, с проседью, потому и Сивый. Он с Рыбой давно крутился.

— Второй?

— Молодой. Поменьше Сивого, но тоже крепкий. Молчаливый. Я его первый раз видел. Рыба его за собой таскал. Ну… шестёрка, наверное. На Рыбу смотрит и молчит.

— Имя, фамилия?

Василий покачал головой.

— Не знаю. Рыба его Малым называл.

Гаврила смотрел на него тяжело.

— Они к тебе зачем пришли?

— Машина у меня. «Волга». — Василий кивнул в сторону стоявшего неподалёку автомобиля. — Рыба сказал: отвезёшь нас к Дэну.

— Куда?

— В Чашкино. Деревня такая. Там Дэн живёт. Частный дом у него.

— Дэн — это кто?

— Местный. Я его только так знаю. Кореш Рыбы. С женой живёт. Дом покажу, если надо.

— Значит, повёз их троих к Дэну?

— Повёз. А куда деваться от Рыбы? Начальник, ты сам понимаешь. Откажусь — они всё равно в машину сядут. Только перед этим морду набьют или ещё что похуже сделают. А у меня жена дома, машина во дворе. Куда мне?

— Кто где сидел?

— Я за рулём. Рыба рядом. Сзади Сивый и Малой.

— Приехали?

— Приехали. У Дэна уже всё было: самогон, закуска. Сели, выпили. Потом ещё. Карты достали.

Василий сплюнул в сторону.

— Рыба сначала нормальный был. Шумел, смеялся. А потом его понесло. Выпьет — у него глаза сразу дурные становятся. Начал старое вспоминать: кто кому должен, кто кого кинул, кто перед кем не так встал.

— Тебе предъявлял?

— И мне тоже. Я ему говорю: давай без этого. Я тебя привёз, сижу, пью. Какие ко мне вопросы?

— А он?

— А он уже заведённый был. Потом самогон закончился. Дэн сказал, что знает, где ещё взять. Адрес какой-то назвал. Рыба сразу: поехали.

— Кому сказал?

— Мне. Кому ещё? Машина-то моя.

— Ты что?

— Я говорю: куда ехать? Я выпил. Ночью, по деревням, потом обратно. Права отберут — я что делать буду?

Василий поднял скованные руки.

— И что Рыбкин?

— Встал и говорит: «Ключи от “Волги” на стол положи».

Гаврила чуть наклонил голову.

— Отнял?

— Руками не выкручивал. Но по факту — по беспределу. Я ему: Рыба, не надо. А он нож со стола к себе подтягивает и смотрит на меня. Я понял, что лучше положить ключи и заткнуться.

— Отдал?

— Куда деваться?

— Уехали кто?

— Рыба, Дэн, Сивый и Малой. Вчетвером.

— Якобы за самогоном?

— Так сказали. Дэн показывал дорогу. Он там местный.

— Ты остался?

— У Дэна. С его женой. Я уже пьяный был. Да и не хотел с Рыбой в одной машине сидеть, когда он такой.

Гаврила слушал и видел, как хозяин найденной «Волги» постепенно превращался из главного подозреваемого в проводника к остальным.

— Вернулись когда?

Василий задумался.

— Точно не знаю. Ночь уже была. За полночь. Может, часа через три. Я там на лавке в прихожей прилёг.

— Кто вернулся?

— Трое.

— Назови.

— Дэн, Сивый и Малой.

— Рыбкина не было?

Василий поднял глаза на Гаврилу.

— Не было.

— Что сказали?

— Я спросил: где Рыба? Дэн молчит. Малой тоже. А Сивый сказал: «Рыба белку словил. В клубе на пацанов полез — там его и вальнули».

Гаврила помолчал.

— Дословно?

— Ну… примерно так. Я после этого лишнего уже не спрашивал. Они сами как бешеные были. Дэн за рулём приехал. Сивый злой. Малой вообще ни слова не сказал.

— Машина целая была?

— Целая. Только грязная. Я сразу понял: всё, тачка засветилась. Если Рыбу в клубе завалили, а моя «Волга» там стояла, вы всё равно ко мне придёте.

— И что ты сделал?

— Хотел сразу уехать. Но ночью стрёмно было. Они ходят, шепчутся. Дэн злой, Сивый злой. Я думаю: дёрнусь — ещё хуже будет. Дождался утра.

— Утром куда?

— Домой.

— Один?

Василий замялся.

Гаврила шагнул ближе.

— Вася.

— Не один, — быстро сказал тот. — Сивый и Малой со мной зацепились.

— Как зацепились?

— Сказали: выкинь нас где-нибудь по дороге. Ну я и повёз. Мне что? Я же не знаю, что там было.

— Не рассказали?

— Начальник… — Василий широко раскрыл глаза. — Посмотри на меня. Больше десяти лет по зонам. Мне

надо лишнее знать? Услышу — потом скажете, что соучастник. Что там произошло, мне всё равно. Я работаю. Дочка у меня…

Гаврила несколько раз кивнул.

— Где высадил?

— Возле автостанции в Козево. В субботу, часов в семь утра. Не до дома повёз. Они сами сказали: здесь тормози. Вышли и ушли.

— Дэн остался?

— У себя.

— Дом покажешь?

— Покажу.

— Точно?

— Точно, начальник. Я же говорю: я в этом никаким боком. Машина моя, да. Но Рыбу я не трогал. Я вообще туда ехать не хотел.

— Это потом расскажешь. Сейчас покажешь дом.

Василий быстро кивнул.

— Понял.

— Телефон у тебя дома есть?

— Есть.

— Пошли.

Они вернулись в квартиру.

Жена стояла в коридоре. По её лицу было видно, что она пыталась понять, о чём говорили во дворе, но разобрать слов не смогла.

— Вася? — тихо спросила она.

— Всё нормально, — ответил он, не глядя на неё.

Гаврила прошёл в комнату.

— Телефон где?

— На тумбочке, — сказала женщина.

У окна, на низкой тумбочке, стоял старый

телефонный аппарат. Гаврила убрал пистолет в кобуру, снял трубку и набрал номер кабинета начальника криминальной милиции.

На другом конце долго гудело.

Алексей Алексеич уже собирался выходить, когда услышал звонок. Он остановился возле двери, вернулся к столу и поднял трубку.

— Да.

— Алексеич, это Гаврила.

— Слушаю.

— «Волгу» нашли. Хозяин — Ситин Василий, сорок пять лет, ранее судимый. Утверждает, что в пятницу возил Рыбкина, Тимоху Сивого и ещё одного молодого в Чашкино. Там живёт некий Дэн.

Алексей Алексеич подошёл к висевшей на стене карте и нашёл нужное место.

— Это километрах в пятнадцати от Севостьянова.

— Да, я примерно знаю, — буркнул Гаврила.

— Что говорит Ситин?

— Говорит, Рыбкин забрал у него ключи от машины и уехал вместе с Дэном, Сивым и молодым якобы за алкоголем. Сам Ситин остался в доме у Дэна.

— А сам, значит, нигде не был?

— Угу.

— Дальше что?

— Вернулись трое. Рыбкина не было. Ситин говорит, Сивый сказал ему, что Рыба словил белку, полез на пацанов в клубе и там его вальнули.

В трубке ненадолго стало тихо.

— Дэн установлен?

— Только имя. Ситин дом покажет. Говорит, Дэн живёт в Чашкино с женой.

— А Сивый?

— Тоже пока только кличка. Предварительно Тимофей. Крепкий, плечистый, волосы светлые, с проседью. Ранее, скорее всего, судимый. Второго Рыбкин называл Малым. Он помоложе и тоже крепкий.

— Где они сейчас?

— Ситин говорит, в субботу около семи утра высадил обоих возле автостанции в Козево. Куда они пошли дальше, не знает.

— Сколько вас? — спросил Алексей Алексеич, хотя и так знал ответ. — Подмога нужна?

— Справимся, — буркнул Гаврила. — Ситин будет с нами.

Алексей Алексеич ещё несколько секунд смотрел на карту.

— Давайте на адрес. Только без спешки. Дэн может быть не один. Если он там — берите аккуратно. На месте найдите телефон и сразу звоните.

— Понял.

Гаврила положил трубку.

Василий стоял возле двери и смотрел на него.

— Одевайся, — сказал Гаврила. — Поедешь с нами.

Василий поднял скованные руки, показывая, что ему нужно надеть рубашку, носки и ботинки.

Гаврила отстегнул один браслет, оставив второй на запястье.

Жена Василия хотела что-то сказать, но он не дал ей начать.

— Люда, не надо. Я скоро.

Он произнёс это спокойно, почти буднично.

Но по его лицу было видно: сам он этого ещё не знал.

Добуж. Отдел милиции. Кабинет начальника отдела. Около 8:30.

Около половины девятого к отделу внутренних дел подъехал служебный УАЗ. Из правой передней двери вышел начальник отдела Виктор Петрович. Лицо у него было хмурым, но выспавшимся.

Он поднялся по ступенькам крыльца и открыл дверь. Сотрудник, сидевший на посту у входа, при виде начальника сразу встал.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Привет, — ответил Виктор Петрович и мельком оглядел пост.

Дежурный увидел его через стекло дежурной части и вышел в коридор. Подойдя к начальнику, начал рапортовать:

— Товарищ полковник, за время дежурства особых происшествий не случилось…

Виктор Петрович поднял руку, показывая, что формальный рапорт ему сейчас не нужен.

Он внимательно посмотрел на дежурного, который находился в отделе с ночи.

— Алексей Алексеич на месте?

— Так точно, товарищ полковник. У себя в кабинете.

— Хорошо.

Проходя мимо дежурной части, Виктор Петрович заглянул в помещение для задержанных. Клетка за решёткой была пустой.

— Задержанные есть?

— Были, товарищ полковник. Двое за мелкое хулиганство. Административные материалы составили, утром обоих отпустили.

Виктор Петрович кивнул и пошёл дальше, осматривая всё хозяйство, за которое отвечал.

По лестнице он поднялся на второй этаж и направился по длинному коридору к кабинету начальника криминальной милиции. Нажал на ручку — дверь оказалась заперта.

Он постучал.

Через несколько секунд дверь открылась. Перед Виктором Петровичем стоял его первый заместитель и начальник криминальной милиции Алексей Алексеич.

По его виду было понятно, что ночь он провёл в отделе. Лицо оставалось помятым, глаза — тяжёлыми, но взгляд уже собрался и стал рабочим.

— Ну как ты? — спросил Виктор Петрович.

— В работе, товарищ полковник.

Виктор Петрович понимающе кивнул.

— Своих отправил?

— Отправил. Уже на одного вышли. Я сейчас к вам зайду и всё расскажу, — ответил Алексей Алексеич с явным желанием сначала привести себя в порядок.

— Давай.

Виктор Петрович пошёл дальше. По пути заглянул ещё в несколько кабинетов. Дверь дежурившего следователя тоже оказалась заперта. Он дёрнул ручку, нахмурился, но задерживаться не стал.

Дойдя до своего кабинета, Виктор Петрович вошёл, отодвинул кресло и сел, немного расслабляя спину.

Через несколько минут появился Алексей Алексеич. В руках у него был блокнот.

— Ну что, рассказывай, Алексеич.

— Гаврила с моими поехали по адресу собственника «Волги». Там задержали… — Алексей Алексеич раскрыл

блокнот, нашёл нужную запись и прочитал: — Ситина Василия. Ранее судим, полгода назад освободился. «Волга» принадлежит ему и стояла возле дома.

Виктор Петрович положил руки на стол и приготовился слушать.

— Ситин говорит, что занимается на ней частным извозом. В пятницу к нему приехал старый знакомый — Анатолий Рыбкин по кличке Рыба. Тот самый, который потом погиб возле клуба.

— Так.

— С Рыбкиным были ещё двое. Одного Ситин знает только по кличке — Тимоха Сивый. Предварительно зовут Тимофеем. Крепкий, плечистый, волосы светлые, с проседью. Второго Ситин раньше не видел. Молодой, тоже крепкий. Рыбкин называл его Малым. Полных данных пока ни по одному нет.

Виктор Петрович продолжал молча слушать.

— Рыбкин велел Ситину отвезти их в Чашкино. Это недалеко от Севостьянова, в нашем районе.

Виктор Петрович сразу поднялся и подошёл к висевшей на стене карте. Алексей Алексеич встал рядом и показал нужное место.

— Вот Чашкино. Километров пятнадцать отсюда до Севостьянова. Глухая маленькая деревня.

— Так… Недалеко, — сказал Виктор Петрович.

— Там живёт некий Денис. Все называют его Дэном. Ситин говорит, что покажет дом.

Виктор Петрович отошёл от карты и нажал кнопку электрического чайника.

— Дальше что?

— У Дэна они выпивали. Когда закончился самогон, Рыбкин забрал у Ситина ключи от «Волги». После этого

Рыбкин, Дэн, Сивый и Малой уехали якобы за алкоголем.

— А Ситин?

— По его словам, остался в Чашкино. Был уже пьяный и с Рыбкиным ехать не хотел.

— Кто вернулся?

— Дэн, Сивый и Малой. Рыбкина с ними не было. Ситин утверждает, что Сивый сказал ему: Рыба «словил белку», полез на пацанов возле клуба и там его вальнули.

Виктор Петрович снова посмотрел на карту, пытаясь соединить между собой отдельные точки.

— Значит, от Дэна они поехали за самогоном, потом оказались возле клуба, а Рыбкин оттуда уже не вернулся.

— Пока получается так. Но всё это со слов Ситина. Сам он ничего не видел.

— Понятно.

— Утром Ситин повёз Сивого и Малого обратно. Говорит, в субботу около семи высадил обоих возле автостанции в Козево. Куда они пошли дальше, не знает. Дэн остался в Чашкино.

— А сейчас твои где?

— Поехали за Дэном. Ситин показывает дорогу.

Виктор Петрович посмотрел на часы.

— Когда ждать информацию?

— Думаю, через пару часов уже что-нибудь будет.

Чайник начал негромко шуметь.

— Уже хорошо, — сказал Виктор Петрович, открывая ящик стола и разыскивая банку растворимого кофе.

В дверь постучали.

— Да-да, — ответил он.

В кабинет вошёл майор — начальник милиции общественной безопасности.

— Заходи, — Виктор Петрович кивнул ему.

— Да я так, поздороваться, товарищ полковник.

Майор пожал руку сначала Виктору Петровичу, затем Алексею Алексеичу.

— Ты сегодня ответственным заступаешь? — спросил Виктор Петрович.

— Так точно.

— Понятно. Тогда давай на развод.

Майор вышел.

Виктор Петрович посмотрел на Алексея Алексеича.

— Кофе будешь?

— Не. Я за ночь уже обпился.

Чайник щёлкнул и выключился. Виктор Петрович поставил перед собой банку, насыпал кофе в кружку и залил кипятком.

— Значит, ждём, — сказал Алексей Алексеич.

Виктор Петрович ещё раз посмотрел на часы.

— Ты сейчас домой?

— Не сейчас. Дождусь, пока остальные вернутся, получу информацию от Гаврилы и тогда поеду отдыхать.

— Хорошо, Алексеич.

Виктор Петрович немного помолчал.

— А что с малолеткой? С Мартыновым этим?

— Пока ничего. Только звонок из Москвы.

— Да… Москва большая. Пойди его там найди.

Виктор Петрович посмотрел в окно, затем взял кружку и отпил немного растворимого кофе.

— Никуда не денется, — сказал Алексей Алексеич. — Завтра, с понедельника, всех оставшихся допросим.

Дожмём.

Начальник отдела посмотрел на своего заместителя.

— Надо дожать, Алексеич.

— Дожмём.

— Областные ориентировку в Москву уже передали, — добавил Алексей Алексеич. — Но Москва есть Москва.

— Тётку его нужно дожимать.

— Да. Когда Руслан вернётся, отправлю его к ней. Пусть ещё раз побеседует.

Алексей Алексеич закрыл блокнот и вышел.

Виктор Петрович остался один.

Он медленно пил утренний воскресный кофе и с нескрываемым удовлетворением чувствовал, что инициатива снова возвращается в его руки. Теперь звонок из управления уже не казался таким страшным.

Работа шла.

А пока она шла, ему было что докладывать.

Москва. Общежитие Антона. Утро.

Сергей сидел на стуле у кухонного окна.

Перед ним на столе лежала новая тетрадь, которую дал Антон. Рядом — обычная синяя ручка. Сейчас она казалась Сергею тяжёлой и почти опасной. Стоило взять её в руку — и всё, что вертелось в голове, пришлось бы превратить в слова.

Но слова не шли.

Антону он сказал: «Сделаю». Теперь это обещание нужно было выполнить: написать, что произошло, кто там был, куда они ездили и что случилось возле клуба. Для этого предстояло мысленно вернуться в пятницу.

А возвращаться туда совсем не хотелось.

За окном Москва жила своим воскресным утром. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. Через двор прошёл мужчина с пакетом. Возле мусорных баков крутилась ворона, сверху казавшаяся маленькой чёрной точкой, и смешно подпрыгивала боком. Солнце уже высветило верхние этажи соседнего дома, а нижние всё ещё оставались в серой тени.

Сергей переводил взгляд с окна на тетрадь и обратно.

Он не мог начать.

Несколько раз брал ручку, наклонялся над чистым листом, но потом снова отводил руку. Он не знал, как писать, с чего начинать, как выстроить события одно за другим.

Вспомнил, как в школе писал сочинение «Как я провёл лето», и снова посмотрел на пустую страницу. Теперь нужно было рассказать о пятнице. О том, как он сам уговорил Валю поехать. От одной этой мысли внутри становилось стыдно. Потом придётся написать про алкоголь, про машину, которую он вёл без прав, и про всё, что произошло на дискотеке.

Ещё утром ему казалось, что теперь надо только идти вперёд.

А тетрадь снова разворачивала его назад, туда, куда он не хотел смотреть.

Сергей прижал кончик ручки к чистому листу.

Ничего не написал.

На бумаге появилась только маленькая синяя точка.

Он долго смотрел на неё.

Точка была почти незаметной, но чистого листа уже не существовало. На нём появился первый след. Теперь лист был начат.

Сергей вдруг подумал: вот с неё и начнём.

С этой точки.

Он выпрямился, глубоко вдохнул и медленно вывел первую строку:

«Я, Мартынов Сергей…»

Рука остановилась.

Он посмотрел на написанное. Буквы получились неровными и слишком крупными, словно он писал не в тетради, а объявление на стене.

Сергей перехватил ручку поудобнее и продолжил:

«Я, Мартынов Сергей, хочу рассказать всё, что со мной произошло».

Он несколько раз перечитал строку.

Ниже написал, сколько ему лет и где он жил. Потом — про тётушку Веронику Степановну. Про то, что жил вместе с ней. Постепенно на странице появились «Запорожец», Валя и Лёха. Всё началось не вчера и не сегодня, а раньше — в деревне Севостьяново.

На слове «деревня» Сергей остановился.

Перед глазами сразу возник Валя — счастливый, возбуждённый, когда они ехали на «Запорожце» в сторону Севостьянова.

И то, что произошло потом.

Ну всё же было хорошо.

Сергей снова упёрся в вопрос, который мучил его с пятницы.

Зачем?

Почему вообще началась драка?

А если Валя сам полез первым?

Нет. Не мог.

Сергею стало стыдно уже за одну такую мысль, но она всё равно возвращалась. Он ведь не видел самого

начала. Вдруг что-то пропустил? Вдруг всё происходило не так, как он понял?

Но потом он вспомнил Валю в машине. Тот сказал, что на него напали.

Значит, не Валя.

Значит, всё было именно так.

Сергей попытался удержать эту мысль и превратить её в строки, но воспоминания уже потянули его дальше. В теле появилась знакомая ломота. Он закрыл глаза и обхватил голову руками.

В темноте снова возник тамбур клуба.

Он увидел мужчин, приехавших на «Волге». Самого начала драки Сергей не заметил, но видел, как били Валю.

Били сильно.

Он вспомнил мутный, растерянный взгляд друга. Никогда прежде он не видел человека таким беспомощным. Вспомнил глухие хлопки ударов, мелькающие руки, того здорового, который выволакивал Валю из клуба и бил его всё сильнее — спокойно, бесцеремонно, будто имел на это полное право.

Сергей стиснул зубы.

Злость вернулась — та же самая, что и тогда.

Он бросился к ним, пытался разнять, что-то кричал. Его оттолкнули. Почти сразу справа в затылок пришёлся удар.

И никто не вмешался.

Никто.

Будто вокруг больше не существовало людей.

Слабость разом прошла по всему телу, ноги подломились, и Сергей упал.

Сидя за кухонным столом, он машинально провёл рукой по тому месту, где боль от затылка криво уходила в шею.

Там всё ещё ныло.

Он вспомнил, как открыл глаза, лёжа на земле. Перед ним всё плыло, но он увидел Валю. Тот уже не сопротивлялся. Лежал, свернувшись, закрывая голову руками, а его продолжали бить ногами.

Сергей поднялся.

А что ещё ему оставалось?

Стоять и смотреть, как несколько взрослых мужиков забивают его друга?

Он почти не видел Валю, но понимал: надо что-то делать.

И тогда вспомнил про отвёртку в «Запорожце».

Нужно было что-то сильное.

Такое, что заставило бы их остановиться.

Он пошёл к машине.

Пять шагов.

Семь.

Десять.

Злость держала его на ногах и не позволяла свернуть. Сергей добрался до «Запорожца», открыл дверь и нащупал отвёртку.

Остановитесь же.

Он повернул обратно.

Отвёртка была в руке. Сергей стиснул её так сильно, что рукоятка впилась в ладонь.

Нужно было вернуться к Вале.

Остановить их.

Не дать им добить его.

Они его убьют.

Да.

Где-то внутри прозвучал этот ответ.

Прямая дорога. Отвёртка. Собственное тяжёлое дыхание.

Сергей шатался, но шёл.

Он что-то кричал тому, кто снова бил Валю. Тот стоял к нему спиной и не оборачивался. Валя уже не пытался закрываться — только лежал, свернувшись на земле.

Сергей ударил один раз.

Отвёртка вошла не сразу. Что-то на мгновение задержало её, а потом подалось.

И раздался короткий высокий крик.

Почти визг.

Бить Валю перестали, будто всё вокруг мгновенно переключилось на что-то другое.

На несколько секунд стало тихо.

У Сергея заложило уши. Остался только узкий коридор, за пределами которого всё мутнело. Этот коридор вёл к красному «Запорожцу».

К спасению.

Сергей схватил Валю и потащил его к машине. Одной рукой держал друга, в другой всё ещё была зажата отвёртка. Из горла у него вырывался какой-то вой, но сам он почти не слышал собственного голоса.

Возле «Запорожца» Валя вдруг начал глотать воздух, как выброшенная на берег рыба.

Значит, дышит.

Сергей втолкнул его на сиденье и захлопнул дверь.

Только тогда рука разжалась и отвёртка упала.

Вокруг кричали люди.

Крики, чужие голоса — и какой-то абсурдно пустой воздух.

Сергей опустил голову на стол и несколько минут лежал, почти касаясь лбом тетради, пока сцена не начала затихать.

А рука всё ещё будто поворачивала ключ в замке зажигания «Запорожца».

Только бы завёлся.

Потом дорога.

Всё остальное уже не имело значения.

Сергей поднял голову и осмотрелся.

Он находился там же, на кухне общежития, куда его привёл Антон. За окном стояло обычное московское утро. На столе лежала раскрытая тетрадь, а на первой странице было написано всего несколько строк.

Сергей встал, прошёл в ванную и умылся холодной водой. Потом поднял голову и посмотрел на себя в зеркало.

Глаза покраснели от напряжения, но дышать стало немного легче. Не по-настоящему легко — просто в грудь будто вернулась часть воздуха.

Он вытер лицо и вернулся на кухню.

Снова сел за стол.

Сергей смотрел на тетрадь и не знал, как поместить в неё всё, что только что увидел. Ему хотелось прижаться к странице лбом и каким-то образом передать ей воспоминания сразу, без слов.

Но бумага молчала.

На ней оставались всего несколько неровных строк.

Казалось, вся его правда существовала только внутри головы.

Ну как это можно описать?

В дверях кухни появился Антон.

Он посмотрел на Сергея и сразу понял: тому

пришлось ещё раз вернуться в ту ночь.

— Серёг, нам скоро выезжать. Пора понемногу собираться.

Сергей кивнул.

— Пишешь? — спросил Антон.

— Пишу.

Антон подошёл ближе, но в тетрадь не заглянул.

— Получается?

Сергей пожал плечами.

— Не знаю. Сначала вообще не мог. Потом точку поставил. И с неё начал.

Антон улыбнулся.

— Иногда только так и получается.

Он посмотрел на часы.

— Нам ещё ехать. Опаздывать нельзя.

Сергей сразу напрягся.

— Уже?

— Уже.

Сергей снова посмотрел на тетрадь.

— Я не дописал.

— Ты и не должен был написать всё за одно утро, — спокойно ответил Антон. — Возьми её с собой. Потом продолжишь, если понадобится.

Сергей провёл пальцами по краю листа.

— А если я что-нибудь забуду?

— Не забудешь. Главное уже внутри тебя. А тетрадь нужна, чтобы всё это не расползалось.

Сергей кивнул.

Он закрыл тетрадь и на несколько секунд прижал её ладонью к столу. Потом вложил ручку между страницами, сунул тетрадь под мышку и поднялся.

— Я готов.

Антон внимательно посмотрел на него.

— Тогда пошли.

Сергей направился вслед за Антоном, крепко прижимая тетрадь к боку.

Дорога в Чашкино. Утро.

Старая «Волга» тяжело переваливалась на выбоинах разбитой дороги.

За рулём сидел Гаврила. Одной рукой он держал руль, другой переключал передачи. На заднем диване рядом с задержанным Василием устроился Руслан.

Следом шли служебные «Жигули». Стас держался немного позади: не прижимался, но и не отпускал «Волгу» далеко. На поворотах машина ненадолго исчезала из зеркала, а потом снова появлялась. Рядом со Стасом сидел стажёр.

По-хорошему, «Волгу» уже следовало ставить под охрану, вызывать эксперта, снимать отпечатки, осматривать салон, коврики и багажник. Гаврила понимал, что сейчас они сами затаптывают часть возможных следов.

Но цепочка ещё оставалась горячей.

Если Дэн узнает, что к Ситину пришла милиция, и успеет раствориться, потом ищи его по деревням, притонам и старым знакомым.

Машину изымут позже.

Осмотр машины и остальные бумаги оформят сразу после возвращения в отдел.

Сейчас важнее было задержать следующего.

Дорога тянулась между голыми полями. Весна уже

началась, но земля всё ещё выглядела мёртвой: серая, мокрая, местами покрытая тёмными клочьями прошлогодней травы. Вдоль обочины стояли кривые столбы. Провода над ними провисали, словно старые верёвки.

Василий несколько раз покосился на Гаврилу.

Тот молчал.

Это молчание давило сильнее любого допроса.

Наконец Василий не выдержал.

— Начальник…

Гаврила посмотрел на него в зеркало заднего вида.

— Чего?

— Это… как его…

Василий запнулся, сглотнул и отвернулся к окну.

— Курить нельзя, — буркнул Гаврила.

— Да я не про это.

— Тогда словами говори.

Василий облизнул сухие губы.

— Я тебе правду сказал.

Гаврила снова посмотрел на дорогу.

— А я тебя во вранье обвинял?

— Да нет… Просто я реально всё рассказал, как было. Я же не знал, что так повернётся. Они приехали, сели, поехали. Рыба всегда такой был. Скажешь ему «нет» — он потом тебе жизнь боком поставит.

— А ты, значит, святой.

— Я не святой, — быстро ответил Василий. — Я и не говорю.

— Тогда чего вокруг да около ходишь?

Василий мельком посмотрел на Руслана.

— А что вообще случилось-то? За что меня?

Гаврила и Руслан переглянулись.

Бывалый зэк вполне мог валять дурака. Но если Василий действительно остался в Чашкине и не ездил с остальными за алкоголем, он мог ничего не знать ни об убийстве Анастасии Сибих, ни о последующем поджоге дома.

— А ты сам нам скажи, — предложил Руслан.

Василий посмотрел на него.

— Да я уже сказал. Я-то откуда знаю, что у них там было?

Он снова отвернулся к окну, помолчал и наконец решился:

— Я про другое спросить хотел.

Гаврила сильнее сжал руль.

— Говори уже. Пока я тебя на ходу не высадил.

Василий кашлянул, словно расчищая дорогу словам.

— Я про то, чтобы у Дэна не светиться.

В машине на несколько секунд стало тихо.

— Что значит «не светиться»? — спросил Гаврила.

— Вы его без меня берите. Я дом покажу, где поворот, где двор. А сам в стороне останусь. Получится, что я вас туда привёз, — мне это боком выйдет, начальник.

— То есть ты хочешь нам помочь, но так, чтобы никто не понял, что ты нам помог?

Василий помолчал.

— У вас бумага, протоколы, кабинеты. А мне потом здесь жить. Вы уедете — они останутся.

— Кто они?

— Да вся эта шобла. Сивый, молодой этот, дружки Дэна. Наша почта быстро работает. Рыба хоть и сдох, а люди его остались. Им скажут: Вася ментов привёл. И всё. Никто разбираться не станет.

Гаврила продолжал смотреть на дорогу.

Слова Василия были трусливыми, но не глупыми. Он действительно оказался между всеми. Для милиции был ниткой, ведущей к Дэну. Для Дэна мог стать предателем. Для Сивого и молодого — человеком, способным назвать их. Для жены — мужем, который снова принёс беду в дом.

— Дом точно покажешь? — спросил Гаврила.

— Точно.

— Если заведёшь не туда…

— Не заведу.

— Если Дэн уйдёт…

— Не уйдёт, если дома.

— А если не дома?

Василий задумался.

— Дома он. Куда ему из этой деревни деваться? Жена у него с пузом.

Гаврила ещё раз посмотрел на Василия в зеркало.

Из опыта он знал: иметь внутри такой компании человека, готового разговаривать, полезно и для будущих допросов, и для проверки показаний. Но Василий пока не был своим человеком. Он оставался перепуганным зэком, который пытался выторговать себе место поудобнее.

Полностью доверять ему было нельзя.

Но и выставлять перед Дэном без необходимости — непрофессионально.

— Ладно, — сказал Гаврила. — Не засветим.

Василий заметно выдохнул.

— Значит, у поворота покажу?

— Нет.

Он снова напрягся.

— Почему?

Гаврила не ответил сразу. «Волга» выла двигателем и раскачивалась на ямах.

— Сколько ещё?

— Километров пять примерно.

Гаврила съехал на обочину и остановился.

Служебные «Жигули» встали позади.

Гаврила заглушил двигатель и развернулся к Василию всем могучим корпусом.

— Рассказывай, как найти дом. Подробно.

Василий начал объяснять. Память у него оказалась хорошая. Он точно описал поворот к деревне, канаву, старый колодец, перекошенный забор, сарай у дороги, въезд во двор и саму избу.

Руслан слушал внимательно.

— Не заблудимся, — решил Гаврила. — Как Дэн выглядит?

— На меня похож, только помоложе. Худой, но крепкий. С женой живёт. Она вроде на сносях.

Василий показал руками на живот.

Потом немного помолчал и добавил:

— Он не совсем конченый, начальник. Сам не хотел в балагане, который Рыба устроил, участвовать. Но ты же знаешь Рыбу. Кто захочет, чтобы ему дом сожгли или ещё чего? Беспредельщик был. Туда ему и дорога.

— Проверим.

— Конечно. Проверяйте.

Гаврила открыл дверь.

— Значит так. Сейчас Стас поведёт «Волгу». Ты покажешь дорогу почти до деревни. Потом свернёте и встанете так, чтобы видеть выезд, а вас из деревни не было видно.

— Понял.

— Когда мы поедем обратно, пристроитесь следом. И сразу в отдел.

— Спасибо, начальник.

Оставлять Василия наедине с молодым стажёром Гаврила не собирался. Таким людям можно было поверить ровно настолько, насколько они находились у тебя перед глазами.

Он подошёл к служебным «Жигулям» и коротко объяснил Стасу задачу.

Через несколько минут все пересели. Стас устроился за рулём «Волги», Василий — рядом с ним. Руслан занял место водителя в «Жигулях». Гаврила сел впереди, стажёр — на заднее сиденье.

Машины снова тронулись.

«Волга» пошла первой, тяжело переваливаясь на ямах. «Жигули» держались на расстоянии.

За небольшим леском показалось поле. Впереди «Волга» сбросила скорость и свернула на боковую дорогу, уходившую за кусты.

Руслан посмотрел в зеркало.

— Всё, встали.

— Вижу. Давай дальше.

Дорога стала земляной, изрезанной глубокими колеями. «Жигули» раскачивало так, что стажёра на заднем сиденье бросало от одной двери к другой.

— Хорошо, что не зима, — буркнул Гаврила, выискивая приметы, названные Василием. — Зимой сюда вообще не пробиться.

Он немного помолчал.

— Потише давай.

Руслан сбросил скорость.

Деревня уже чувствовалась впереди. Дорога сузилась,

поля по обе стороны сменились заросшими канавами, вдали показались первые чёрные крыши.

Гаврила нахмурился.

— Здесь, похоже, одна машина приезжает — и вся деревня знает.

Он выругался себе под нос.

— Остановись.

Руслан нажал на тормоз. «Жигули» клюнули носом и замерли у обочины.

— Глуши.

Двигатель затих.

Гаврила повернулся к стажёру. Тот сидел с покрасневшим от напряжения лицом и ждал.

— Бегаешь хорошо?

Стажёр растерялся от неожиданного вопроса.

— Ну… в школе милиции неплохо бегал.

Гаврила посмотрел на Руслана. Тот уже понял, что начальник собирается делать.

— Значит так. Дальше пойдёшь пешком. Мы подождём и подъедем позже. Если сейчас ввалимся всей группой, как бельмо на глазу, Дэн уйдёт в лес — и будем тут жить с ним неделями.

Стажёр кивнул.

— Дом деревянный, обычная изба. Обходишь деревню сбоку и занимаешь место так, чтобы видеть двор и заднюю сторону дома. Если побежит — задерживаешь. Не геройствуешь, но из виду не выпускаешь. Понял?

— Понял.

Веснушчатое лицо стажёра порозовело ещё сильнее.

— Давай. Через пять минут двинемся.

Стажёр вышел, поправил ремень и быстро пошёл вдоль канавы. Через несколько секунд скрылся за

поворотом, обходя деревню сбоку.

Гаврила и Руслан остались в машине.

Они понимали друг друга без лишних слов. Выждав пять минут, Гаврила коротко произнёс:

— Давай. Потихоньку.

Руслан завёл двигатель, включил первую передачу, и «Жигули» медленно покатились по ямам.

Впереди появились дома. Некоторые давно стояли пустыми: выбитые окна, провалившиеся крыши, почерневшие брёвна.

Всё совпадало с описанием Василия.

Сначала старый сарай.

Потом канава.

За ней — перекошенный забор.

А дальше нужная изба.

— Вон она, — тихо сказал Руслан.

Гаврила наклонился к ветровому стеклу.

— Ещё тише.

Из высокой прошлогодней травы на дорогу вышли несколько кур. Руслан почти отпустил педаль газа. Куры испуганно бросились вперёд, не сразу сообразив, куда свернуть.

— Тупые создания, — бросил Гаврила.

Но смотрел уже не на них.

Изба стояла немного в стороне от дороги. Покосившаяся калитка, заросший двор, низкая крыша, будто вдавленная в землю. Дом казался жилым только потому, что возле крыльца валялось ведро, а на верёвке у стены висела какая-то одежда.

Руслан замедлил машину почти до шага.

Гаврила открыл дверь, поправил висящий на поясе ПМ и вышел на ходу. Быстро приблизился к забору и

заглянул во двор через щель между досками.

Руслан проехал ещё несколько десятков метров, перекрывая другую сторону участка.

Повернув голову, он увидел во дворе голую мужскую спину. Она мелькнула между домом и сараем и тут же исчезла за углом.

Руслан распахнул дверь и побежал к калитке.

Он ворвался во двор, обогнул избу, но за домом уже никого не было. Только высокая трава качалась возле дальнего забора.

Дэн заметил машину и дал дёру.

С другой стороны дома появился Гаврила. Они с Русланом быстро переглянулись и одновременно стали искать беглеца.

— Где этот стажёр… — недовольно выдохнул Гаврила.

У дальнего забора хрустнула доска. Над ним показался голый торс.

Дэн, видимо, сначала метнулся не в ту сторону, потом передумал. Он перевалился через забор, спрыгнул на землю и побежал к лесу.

Между ним и Русланом оставалось около пятидесяти метров.

Впереди мелькали босые ноги, чёрные тренировочные штаны и голая жилистая спина.

Руслан рванул следом.

Дэн вильнул между кустами и снова показался в поле.

Главное — не потерять его из виду.

Руслан почти не думал. Бежал по прямой туда, где в последний раз видел спину беглеца. Под ногами ломалась сухая трава, прошлогодние стебли цеплялись за брюки, холодный воздух обжигал грудь.

Добравшись до забора, Руслан перескочил через него, ударился голенью о верхнюю доску, но удержался на ногах.

Дэн уже приближался к лесу.

Впереди то появлялась, то снова исчезала его спина. Расстояние понемногу сокращалось, но дыхание Руслана начало сбиваться.

Слева грохнул выстрел.

Руслан вздрогнул и повернул голову.

Метров в тридцати от него через бурьян напролом шёл Гаврила. В поднятой руке он держал пистолет.

— Уголовный розыск! Стоять! — хрипло орал он.

Со стороны избы донёсся женский крик:

— Денис! Дени-и-ис!

Жена Дэна выбежала во двор. Её голос срывался, летел над полем и путался в ветре.

— Стой, сука! — ревел Гаврила.

Он двигался, как лесной кабан, раздвигая могучим телом высокую траву, которая у леса становилась всё гуще.

Руслан шёл правее и продолжал сокращать расстояние. Пистолет бил по боку и мешал бежать. Он выдернул его из кобуры, снял с предохранителя и дослал патрон в патронник.

Почти у самой кромки леса послышался крик:

— Сюда! Сюда-а!

Из кустов наперерез Дэну выскочил стажёр.

Он налетел на беглеца сбоку и сбил его с ног. Оба рухнули в сухую траву.

Дэн перекатился через плечо и почти сразу вскочил. Стажёр попытался схватить его за ногу, но пальцы соскользнули. Дэн вырвался и снова побежал.

Однако задержки хватило.

Теперь Руслан видел его совсем близко.

Он поднял пистолет вверх, в сторону от домов, и выстрелил.

Грохот прокатился над полем.

— Стоять!

Дэн замедлился. Не остановился, но словно впервые понял, что уйти уже не получится.

В ту же секунду сбоку на него вывалился Гаврила.

Он налетел всем корпусом и снёс Дэна с ног.

Тот рухнул в траву. Через мгновение Руслан оказался рядом, навалился сверху, завёл руки беглеца за спину и защёлкнул наручники.

Стажёр стоял в нескольких шагах, опираясь ладонями о колени. Он тяжело дышал и смотрел на задержанного так, словно ещё не до конца понял, что всё закончилось.

Гаврила тоже не дышал — хрипел.

Он опустился возле Дэна, ухватил его широкой ладонью за шею и прижал к земле.

— Добегался?

Дэн заскулил от боли.

Он лежал в одних чёрных тренировочных штанах, босой, весь в грязи и сухой траве. На жилистых руках темнели синие узоры старых тюремных наколок.

До леса оставалось всего несколько метров.

Ещё немного — и искать его пришлось бы среди деревьев.

Сзади снова раздался женский крик:

— Денис! Денис!

От дома к ним бежала круглолицая женщина. Она размахивала руками, спотыкалась и едва не падала.

— Уведи её отсюда, — приказал Гаврила стажёру.

Тот выпрямился и пошёл женщине навстречу.

Гаврила отпустил шею Дэна и кивнул Руслану:

— Поднимай.

Руслан рывком поставил задержанного на ноги.

Перед ними стоял худой, но коренастый мужчина. Он действительно чем-то напоминал Василия: такой же плоский затылок, мутные глаза и привычка смотреть куда угодно, только не в лицо собеседнику.

Тюремная жизнь многих делает похожими, подумал Гаврила.

— Смотри на меня, — сказал он.

Дэн закатил глаза и продолжал тяжело хватать воздух.

Гаврила взял его за шею и большим пальцем надавил под кадык.

Изо рта Дэна вырвался сиплый крик.

— Смотри на меня, падаль.

Дэн открыл карие глаза.

— Будем говорить или будем здоровье терять?

— Говорить… — выдохнул он. — Давай…

— Понял, откуда мы и по какому поводу?

Гаврила внимательно следил за его лицом.

— Нет… Не знаю…

— Не знаешь?

Дэн снова замотал головой.

Гаврила отпустил его шею и тут же коротко ударил в живот.

Дэна сложило пополам. Руслан удержал его за заведённые назад руки. Наручники впились в запястья, кожа вокруг металла начала синеть.

Позади стажёр пытался остановить женщину. Она вырывалась и рвалась к мужу.

— Бьют! Убивают!

— Успокой её! — рявкнул Гаврила, не оборачиваясь.

Стажёр, красный и растерянный, держал женщину за руки и оттеснял обратно к дому.

Гаврила снова приблизился к Дэну.

— За убийство поедешь. Понял?

— Я никого не убивал… — прохрипел тот. — Никого…

— В отделе расскажешь.

Гаврила перехватил его у Руслана, жёстко задрал скованные руки и повёл к дому. Дэн согнулся и почти двигался на корточках.

— А-а… Тише… Руки…

— В следующий раз думай, прежде чем от уголовного розыска в лес бегать.

Руслан шёл рядом, контролируя каждое движение задержанного.

Добравшись до старого забора, Гаврила почти перекинул Дэна через доски. С другой стороны Руслан подхватил его, поднял и поставил в ту же позу.

— В машину его, — приказал Гаврила. — Сажай назад.

Руслан повёл задержанного к «Жигулям».

Гаврила направился к дому, возле которого стажёр всё ещё удерживал женщину.

На вид ей было около тридцати. Под домашним халатом заметно выдавался округлившийся живот. Волосы сбились в спутанный комок, лицо распухло от слёз. Она смотрела то на Дэна, то на Гаврилу и словно не понимала, за кого хвататься первым.

— Так, гражданка, — буркнул Гаврила. — Мы из уголовного розыска.

Женщина будто не сразу услышала.

— За что?.. Денис?.. Нет… Нет…

Голос снова сорвался в плач.

— Гости у вас были? — резко спросил Гаврила.

Она замерла.

— Были… Но Денис… он…

Договорить не смогла и снова зарыдала.

— Ясно, — сказал Гаврила.

Он оглянулся на машину. Руслан уже усаживал полуголого Дэна на заднее сиденье.

— Одежду его собери.

Женщина сразу кивнула и побежала к избе.

Гаврила вошёл следом.

Внутри дом представлял собой жалкое зрелище. Старые брёвна местами не сходились, из щелей тянуло сыростью. В полутёмной комнате стояла небольшая печь. Несколько кроватей оставались незаправленными. У стены валялась одежда, на кривом столе громоздилась давно не убранная посуда. В воздухе смешались запахи перегара, сырости и старого дыма.

Женщина немного пришла в себя и начала собирать вещи Дэна.

— Документы где? — спросил Гаврила.

— Документы…

Она прошла на кухню, открыла старый шкаф и достала полиэтиленовый пакет. В нём лежали бумаги и паспорт.

Гаврила сам взял пакет и перебрал пожелтевшие листы с синими печатями. Потом открыл паспорт.

С фотографии на него смотрел Дэн — моложе, но с тем же мутным взглядом. Снимали его ещё в тюремной одежде.

— Давно освободился?

Женщина укладывала вещи в другой пакет. Делала

это привычно и быстро, словно уже не впервые собирала мужа в дорогу такого рода.

— Год уже, — пробормотала она и снова всхлипнула.

— Не плачь. Тебя как зовут?

— Рита.

— Жена?

— Жена.

Она подошла к Гавриле с пакетом в руках.

— Надолго его?

Рита смотрела так, будто Гаврила один мог сейчас решить всю её жизнь.

— Я не суд. Сколько заслужил, столько и дадут.

Он забрал вещи и ещё раз осмотрел комнату. Ничего, что имело бы значение сейчас, не заметил.

— Телефон есть?

— Нет.

Гаврила развернулся и вышел.

Рита пошла за ним.

У машины всё снова начало накаляться. Слёзы катились по её красным щекам. Из-за стекла на неё смотрел Дэн.

Руслан успел задать ему несколько вопросов, но серьёзного разговора не получилось. Задержанный отвечал своему отражению в окне, бормотал что-то невнятное и почти не реагировал на слова.

Руслан подошёл к Гавриле.

— После запоя его ведёт. То ли «белка» начинается, то ли придуривается.

Гаврила посмотрел на Риту.

— Пили вчера?

Она кивнула.

— А позавчера?

Рита снова кивнула.

— Воды ему принеси.

Женщина побежала к колодцу и вскоре вернулась с пластиковой бутылкой. Приоткрыв заднюю дверь, она поднесла воду к губам мужа. Руки Дэна оставались скованными, поэтому он пил жадно, подавшись к бутылке всем телом.

После воды взгляд у него стал немного яснее.

— Всё, хватит, — сказал Гаврила. — В отделе разговаривать будем.

Он бросил пакет с одеждой в машину.

Стажёр сел на заднее сиденье рядом с задержанным. Руслан устроился за рулём, Гаврила — впереди.

«Жигули» развернулись возле старого забора и медленно покатились из деревни.

Рита осталась у дороги и смотрела им вслед.

Через несколько минут с боковой дороги появилась «Волга». За рулём сидел Стас, рядом — Василий. Стас коротко моргнул фарами и пристроился следом.

Две машины легли на обратный курс — в сторону районного отдела милиции.

Добуж. Районная прокуратура. День.

В старом вытянутом здании, недалеко от районного суда Добужа, располагалась районная прокуратура.

В воскресенье здесь было совсем тихо. Только из одного кабинета доносилось быстрое цоканье клавиш.

За столом сидела Лизавета Петровна Мышкина, старший следователь прокуратуры. Ей было немногим больше тридцати, но держалась она так, будто давно

знала себе цену и не любила, когда другие службы заставляли её доделывать за ними работу.

На неё расписали новый материал проверки.

Переводя взгляд с экрана монитора на лежавшие перед ней документы, Лизавета Петровна набирала постановление о возбуждении уголовного дела.

В кабинете было большое окно, и воскресного света вполне хватало, чтобы не включать лампу. На столе лежали материалы проверки, протоколы, объяснения, рапорты и листы с пометками. Рядом стояла кружка с чаем и лежал раскрытый пакет конфет, который Лизавета Петровна достала из ящика.

Конфеты одна за другой исчезали у неё во рту. Она запивала их чаем, снова вникала в материалы и время от времени недовольно цокала языком, читая кривые фразы сотрудников милиции, составлявших протоколы и объяснения на месте происшествия.

— Ну кто так пишет… — негромко произнесла она, пододвигая к себе очередной лист. — Ни времени нормально, ни фамилий… Потом прокуратура виновата.

На квадратном мерцающем экране компьютера, который не так давно установили в прокуратуре, появлялся текст:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

Старший следователь прокуратуры Добужского района, юрист 1 класса Мышкина Лизавета Петровна…»

Она остановилась, снова заглянула в разбросанные по столу материалы, затем вернула руки на клавиатуру.

На экране появились новые слова:

«В ночь с 31 марта на 1 апреля 2000 года, около полуночи, возле клуба в деревне Севостьяново…»

Она продолжила:

«…между находившимися там лицами произошёл конфликт, переросший в драку…»

Потом:

«…в ходе указанного конфликта неустановленное лицо…»

На этом Лизавета Петровна остановилась.

Она посмотрела в окно, немного прищурилась, затем взяла телефонную трубку и набрала номер.

В пустом кабинете начальника криминальной милиции Алексея Алексеича зазвонил телефон.

Лизавета Петровна подождала несколько гудков и положила трубку.

— Ясно… Как обычно, — проговорила она себе под нос.

Она посмотрела на лежавший возле телефона список служебных номеров, нашла кабинет начальника уголовного розыска Гаврилы и набрала.

Повторилось то же самое.

Длинные гудки шли один за другим, но никто не отвечал.

Лизавета Петровна снова положила трубку.

— Бездельники, — негромко произнесла она и раздражённо отодвинула телефон.

Ей хотелось уточнить сведения о неустановленном лице. Из милиции уже успели шепнуть, что оно, скорее всего, установлено: подозревали несовершеннолетнего Сергея Мартынова. Нужно было понять, как продвигается розыск и когда Мартынов сможет оказаться у неё в кабинете.

Лизавета Петровна вновь посмотрела на монитор и продолжила набирать буквы, которые складывались в

слова.

Она взяла кружку, отпила чай, достала из пакета ещё одну конфету, развернула фантик и напечатала:

«…действуя умышленно, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, нанесло гражданину Рыбкину Анатолию Анатольевичу один удар неустановленным предметом, обладающим колющими свойствами…»

Лизавета Петровна отыскала среди материалов предварительное заключение судебно-медицинского эксперта и добавила:

«…в заднебоковую поверхность туловища справа, причинив последнему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, повлёкший по неосторожности смерть потерпевшего».

Она немного откинулась на спинку стула, посмотрела на экран и осталась довольна формулировкой. Сухо, ровно, как надо. Без лишнего. Жизнь редко укладывалась в такие формулировки, но в деле события должны были обрести порядок, понятный и прокурору, и суду.

В коридоре хлопнула входная дверь. Возникший сквозняк слегка качнул дверь кабинета Лизаветы Петровны.

Потом послышались цокающие шаги.

Явно каблуки.

Лизавета Петровна подняла глаза.

Шаги остановились возле кабинета. В дверь мягко постучали, и она приоткрылась.

В проёме показалась Светлана Викторовна Сухова — адвокат, бывшая работница суда. В системе её знали давно. Она уже не сидела в суде, не работала в аппарате,

не носила документы судьям, но совсем из этой системы так и не вышла. Просто теперь заходила в те же кабинеты с другой стороны.

Светлана Викторовна заглянула внутрь и расплылась в улыбке.

Лизавета Петровна тоже улыбнулась, хотя ещё секунду назад была готова ругаться на милицию.

— А-а-а, Светик, заходи, — махнула она рукой.

Дверь открылась полностью, и Светлана Викторовна в сером костюме и жёлтых туфлях вошла в кабинет.

— Привет, дорогая, — сказала она, сделав несколько шагов.

— Привет, — игриво ответила Лизавета Петровна. — Какими судьбами в воскресенье?

— Да вот, мимо проходила, решила зайти.

Лизавета Петровна сразу прищурилась.

— Мимо прокуратуры в воскресенье адвокаты просто так не ходят.

Светлана Викторовна тихо усмехнулась и подошла ближе к столу.

— Как дела?

— Да вот, как видишь. — Лизавета Петровна кивнула на монитор. — В воскресенье набиваю материалы. Милиция пишет, а я потом расшифровываю, что они хотели сказать.

Она вздохнула.

— Тебе чай налить?

— Спасибо, я сама.

Светлана Викторовна взяла с подоконника свободную кружку, налила в неё кипяток и бросила пакетик чая. Вода сразу начала окрашиваться.

Она посмотрела на рабочее место Лизаветы

Петровны, затем кивнула на компьютер.

— Да… А мы на печатных машинках работали.

— Работали, — отозвалась Лизавета Петровна. — Ошибёшься в конце листа — и всё заново.

— Зато красиво стучали.

— Красиво, но медленно. Я на этом уже почти год работаю. Намного быстрее.

— Прогресс, — сказала Светлана Викторовна.

— Прогресс-то прогресс… — Лизавета Петровна посмотрела на стопку бумаг. — Только люди те же.

Светлана Викторовна присела возле стола и аккуратно взяла конфету, которую Лизавета Петровна подвинула к ней.

Несколько секунд они молчали.

Лизавета Петровна смотрела с улыбкой, но глаза у неё уже стали внимательнее.

— А ты по какому вопросу?

— Я по делу, — ответила Светлана Викторовна, тоже немного улыбаясь.

— Ну понятно. — Лизавета Петровна покачала головой. — Просто так тебя не найдёшь. Только по делу.

Сказано было шутливо, но не совсем без укола.

Светлана Викторовна не обиделась. Такие уколы она давно научилась пропускать мимо. В коридорах суда и прокуратуры это было почти частью языка.

— Лизонька, ты же знаешь, я всегда, если надо…

Она не закончила фразу и отпила чай.

— Так что рассказывай, — поторопила её Лизавета Петровна.

— Лизонька, у меня вопрос… У кого дело по Севостьянову?

Лизавета Петровна резко улыбнулась и прищурилась.

— Ах, лиса… Чувствуешь, где сыр?

Светлана Викторовна сделала вид, что не поняла.

— Почему сразу сыр?

— Потому что ты просто так не приходишь.

Лизавета Петровна кивнула на монитор.

— У меня. У кого же ещё.

Светлана Викторовна поняла, что попала в точку.

С Лизой можно было говорить. Не свободно и не совсем по-дружески, но можно. У них были не близкие отношения, а удобные.

Иногда это оказывалось даже надёжнее дружбы.

— Я так и думала, — сказала Светлана Викторовна.

— Конечно, думала. Ты же бывший суд. Нюх остался.

— Нюх — это профессиональное, — мягко ответила Светлана Викторовна.

— А кто твой клиент?

— Ко мне тётка Мартынова Сергея пришла, — сказала Светлана Викторовна и вскользь посмотрела на лежавшие перед следователем бумаги.

— Мартынов, говоришь?

Лизавета Петровна посмотрела на адвоката.

— А его опера ищут. Говорят, убежал.

Она немного помедлила.

— Так он к тебе прибежал?

На её губах появилась едва заметная деловая улыбка. Если сам пришёл к адвокату, значит, рано или поздно появится и у следователя. А если появится, дело можно будет быстрее собрать и отправить дальше.

— Ко мне пока тётушка прибежала, — ответила Светлана Викторовна.

— А сам?

— Сам пока нет.

Лизавета Петровна поджала губы.

— Плохо.

— Испугался, Лизонька. Шестнадцать лет. Ночь, драка, взрослые мужики, человек умер… Он же ещё мальчишка.

Лизавета Петровна посмотрела на неё внимательно, но без жёсткости.

— Свет, мальчишка не мальчишка, а у меня труп.

— Я понимаю.

— Нет, ты понимаешь. А тётушка его, скорее всего, нет. Ей кажется: мальчик испугался, сейчас все поймут, пожалеют и отпустят.

— Она убитая совсем, — тихо сказала Светлана Викторовна. — Перепуганная. Говорит, растила его почти как своего. Плачет. Просит, чтобы по-человечески посмотрели.

— По-человечески пусть приходит, — ответила Лизавета Петровна.

Она произнесла это не зло. Даже почти спокойно.

Но в этих словах уже заключалась вся будущая линия: не спорить, не прятаться, не мешать делу.

Светлана Викторовна кивнула.

— Я ей так и скажу.

Лизавета Петровна посмотрела на бумаги.

— Они вот у меня все тут…

Она развела руками, показывая на стопку документов, из которых складывалось уголовное дело.

— Только завтра допросы начну. Свидетелей куча. Милиция ещё должна нормально отработать. Если, конечно, вспомнит, что воскресенье для трупов не выходной.

Светлана Викторовна чуть улыбнулась.

— Ну ты мне расскажи перспективы в двух словах.

Лизавета Петровна отодвинулась от компьютера и повернулась к ней.

— Свет, какие перспективы? Ты, наверное, будешь просить оставить его под подпиской о невыезде.

Светлана Викторовна едва заметно кивнула.

— Буду просить.

— Я так и знала.

— Ему шестнадцать. Постоянное место жительства есть. Тётушка рядом. Я рядом. Если он сам придёт…

— Вот именно. Если сам придёт.

Лизавета Петровна подняла палец, но не как угрозу, а как человек, обозначающий условие рабочего разговора.

— Если его привезут за шкирку — это одно. Если он сам придёт, с тобой, с тётушкой, даст показания, признает вину, не будет крутиться и рассказывать, что вообще случайно проходил мимо, — это другое.

Светлана Викторовна внимательно слушала, чуть склонив голову.

— Я понимаю.

— Тогда можно будет разговаривать.

— С прокурором?

Лизавета Петровна подняла глаза к потолку, словно передавая ответственность руководству, сидевшему этажом выше.

— И с прокурором тоже. Но сразу говорю: он может не согласиться.

— Но Сергею шестнадцать, — снова мягко произнесла Светлана Викторовна.

— Свет, я понимаю, что шестнадцать. Я же не зверь. Но статья тяжёлая. Умышленное причинение тяжкого

вреда здоровью, повлёкшее смерть. Человек умер. И Мартынов скрылся.

— Испугался.

— Пусть так. Но в бумагах это будет выглядеть не как «испугался», а как «скрылся».

Светлана Викторовна вздохнула.

— Я поняла.

— Вот и донеси это до тётушки. И до него, если выйдет на связь. Пусть приходит в ближайшие дни. Сядем, допросим. Если признает вину, если не будет мешать и ты берёшь его на себя, я попробую поставить вопрос о подписке.

— Под мою ответственность?

— Под твою, Свет.

Лизавета Петровна посмотрела на неё уже по-деловому, без улыбки.

— Ты же понимаешь: если я где-то скажу слово, а он потом исчезнет, это станет уже не его проблемой. Это будет моя проблема. А я чужие проблемы не люблю.

— Я понимаю, Лизонька.

— И ещё. Чтобы потом не было разговоров, будто ему кто-то что-то обещал.

— Я ничего обещать не буду.

— Правильно. Скажешь: приходи, сознавайся, сотрудничай. Тогда, может быть, будет мягче.

Светлана Викторовна кивала.

Виновность Сергея как будто уже лежала на столе рядом с конфетами и материалами дела.

— А в суде уже будете просить, что сможете, — продолжила Лизавета Петровна. — Условно вряд ли, сама понимаешь.

— Я понимаю, Лизонька. Всё понимаю.

— С учётом возраста, явки, признания и помощи следствию адвокат будет просить минимальное наказание.

Светлана Викторовна чуть улыбнулась.

— Значит, мне надо будет хорошо просить.

— Вот это ты умеешь.

— Работа такая.

— У всех работа такая, — сказала Лизавета Петровна и снова повернулась к монитору.

Светлана Викторовна допила чай, но уходить сразу не стала. Ещё некоторое время сидела, словно закрепляя разговор не словами, а самим присутствием.

Потом спросила о Денисе Петровиче, о том, кто сейчас дежурит в прокуратуре, как идут дела в суде, кто из старых секретарей остался, а кто ушёл.

Разговор постепенно стал мягче и проще.

Они вспомнили одну судью, которая всегда требовала, чтобы документы были без единой помарки. Потом секретаря, способную найти любое дело быстрее, чем канцелярия. Коротко поговорили о том, что компьютеры теперь вроде бы помогали, но бумаги от этого меньше не становилось.

Это были обычные рабочие разговоры людей, которые давно знали один и тот же коридор, одни и те же двери и одни и те же фамилии.

Только теперь одна сидела за столом следователя прокуратуры, а другая — на стуле адвоката.

— Ладно, не буду тебя отвлекать, — наконец сказала Светлана Викторовна и поднялась.

— Давай, Свет. И найди мальчика.

— Постараюсь.

— Не постарайся, а найди. Чем быстрее он придёт, тем

проще будет всем.

— Я поняла, Лизонька.

— В начале недели зайдёшь?

— Зайду. Как только что-нибудь будет.

— Только без сюрпризов.

Светлана Викторовна улыбнулась.

— Какие от меня сюрпризы?

— Вот поэтому и говорю.

Они обе коротко улыбнулись.

Светлана Викторовна взяла сумочку, поправила рукав серого пиджака и направилась к двери. На пороге остановилась и обернулась.

— Спасибо за чай.

— За чай — пожалуйста. За остальное — посмотрим.

— Посмотрим, — мягко повторила Светлана Викторовна.

Она вышла из кабинета с той же спокойной улыбкой, с какой вошла.

Каблуки снова зацокали по пустому коридору и постепенно стихли.

Лизавета Петровна несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь. Потом достала ещё одну конфету, положила её в рот и повернулась к монитору.

На экране всё ещё стояла недописанная фраза.

Она подвинула клавиатуру ближе и продолжила:

«…в действиях неустановленного лица усматриваются признаки преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации…»

Пальцы снова забили по клавишам.

Цок-цок-цок.

Воскресная прокуратура молчала.

А дело начинало жить своей бумажной жизнью.

Москва. Цирк «Синие волки». Кабинет Марта. День.

Сергей и Антон шли уже знакомым маршрутом — к большому цирковому куполу.

После вчерашнего вечера всё здесь казалось Сергею почти знакомым, но по-прежнему необычным. Купол возвышался над площадкой, как отдельный мир, в который можно было войти и хотя бы на время забыть, что где-то существуют милиция, тётушка, драка, страх и вся тяжесть, не отпускавшая его ни на минуту.

У входа сегодня не было вчерашнего джентльмена в цилиндре.

На его месте оказался маленький человечек странного вида — в огромной шляпе, похожей на сомбреро. Рядом стоял уже знакомый Сергею осёл: вчера он видел его здесь без седока. Человечек держал морковку, которую только что достал из большого кармана своих широких штанов.

Осёл спокойно жевал, время от времени лениво двигая ушами.

При виде ребят человечек поднял голову, посмотрел сначала на Антона, потом перевёл взгляд на Сергея. Из-под широких полей шляпы блеснули весёлые глаза.

— Вам куда, молодые люди? — спросил он и улыбнулся так широко, что не улыбнуться в ответ было почти невозможно.

— Мы к Марту, — ответил Антон.

Человечек тут же ловко достал из-за спины рацию с длинной антенной, нажал кнопку и прокричал:

— Гости к Первому! Гости к Первому!

Рация зашипела, потрещала и ответила коротким голосом:

— Запускай.

Человечек снова посмотрел на ребят, улыбнулся ещё шире и торжественно произнёс:

— Господа, вас ожидают. Я вас провожу.

С этими словами он развернул ослика, подпрыгнул, уселся в седло и слегка тронул его пятками. Осёл пошёл вперёд по крытому проходу, ведущему внутрь цирка.

Антон и Сергей переглянулись и двинулись следом.

Проход был узким. В нём пахло сеном, деревом, железом, влажной тканью шатра и чем-то сладким, будто где-то рядом продавали сахарную вату. За стенками слышались голоса, топот, короткий смех, звон металлических предметов, чьё-то покашливание и далёкий гул пустого зала.

Сергей шёл молча.

Он снова поймал себя на мысли, пришедшей ещё вчера: здесь ему легче дышать. Не спокойно — нет. Но легче. Как будто снаружи он нёс на себе тяжёлый мешок, а здесь этот мешок кто-то на время придерживал сзади.

Ослик довёз их до знакомой двери директорского кабинета в одном из боковых коридоров. Человечек в сомбреро остановился, развернул осла и указал рукой:

— Сюда.

— Спасибо, — почти хором сказали ребята.

Человечек коснулся края шляпы и наклонил голову, затем хлопнул пятками по бокам ослика, и тот повёз его обратно к входу, будто это была самая обычная работа на свете — встречать гостей на осле и доставлять их к

директору цирка.

Антон слегка толкнул дверь.

Она открылась.

Вчерашний кабинет открылся Сергею немного по-новому. Он совсем не походил на обычный кабинет. Здесь не было тесно, хотя свободного места оставалось немного. Всё было устроено просто, и от этого кабинет казался по-своему тёплым. Стены были затянуты тёмно-зелёной тканью, похожей на старое театральное сукно. На одной висели выцветшие афиши, на другой — маленькое зеркало в тяжёлой раме. В углу стоял высокий шкаф с папками, жестяными коробками и странными предметами, которые могли быть и реквизитом, и настоящими вещами из чужой жизни.

Над столом горела зелёная лампа. Её свет ложился на бумаги ровным кругом, оставляя углы комнаты в мягкой тени.

Сергей потом ещё не раз вспомнит этот кабинет именно таким: зелёным, плотным, спрятанным внутри циркового купола, как сердце внутри большого живого зверя.

За столом сидел не вчерашний клоун, а крепкий мужчина в свободном бежевом костюме, похожем на удобное кимоно. На голове была вязаная шапочка.

На краю стола рядом с ним устроился пушистый персидский кот почти дымчато-голубого цвета. Его большие жёлтые глаза сразу остановились на вошедших ребятах.

Сергей не сразу узнал мужчину, но через секунду понял: это был Март. Тот самый клоун, которого вчера весь зал встречал смехом и аплодисментами.

Теперь на нём не было ни зелёного носа, ни

нарисованных бровей, ни смешной улыбки. Перед ними сидел крепкий мужчина с ровной спиной, внимательным лицом и спокойным взглядом. Казалось, ещё мгновение назад он просто разговаривал с котом. Тот рассказывал ему о чём-то, а теперь оба смотрели на вошедших ребят.

Антон подошёл первым и протянул руку.

— Здравствуйте, дядя Март.

— Привет, Антон. — Март немного привстал, пожал ему руку и тут же перевёл взгляд на Сергея.

Сергей тоже протянул руку.

— Привет, Сергей.

Март пожал её так же, как и вчера, — пружинисто и крепко. Это точно был Март.

— Ну как вы? — спросил он.

— Всё хорошо, — ответил Антон за обоих.

— Вы вчера молодцы — отличное место заняли, — усмехнулся Март. — А у нас после представления всю ночь разбирательство шло.

Он указал на кота, который невозмутимо разглядывал всех своими выразительными жёлтыми глазами.

— Только все легли спать, как этот товарищ отправился проверять волков. Как обычно, зашёл к ним, а там они с Кометой чего-то не поделили. Подрались. Комете нос расцарапал, а сам поспешно ретировался. Вот теперь сидим и выясняем, что же между ними произошло.

Март посмотрел на кота. Тот и в самом деле выглядел так, будто прекрасно понимал, о чём идёт речь, но давать объяснения не собирался.

Сергей улыбнулся. Кот заметил это, улёгся на столе поудобнее и продолжил наблюдать, как Март

рассказывает о ночном происшествии.

— Ну да ладно, дела цирковые. Разберёмся, — сказал Март.

Сергей шагнул ближе и погладил кота по мягкой пушистой голове. Тот потянулся навстречу и ткнулся лбом в его ладонь.

Март посмотрел на них.

— Понимаешь, Серёж, дело как раз в том, что непонятно, кто начинает: то ли он, то ли волки. А делить им нечего. Вот и выясняем, кто прав, кто виноват. Одному потом нос лечишь, с другим приходится долго разговаривать.

Он улыбнулся и спросил:

— А как вам представление?

Сергей неожиданно для себя ответил первым:

— Очень понравилось.

Март посмотрел на него чуть внимательнее. В его лице не было привычной клоунской игры, но где-то внутри всё равно оставалось то самое мягкое, живое, что Сергей почувствовал вчера под куполом.

— Рад, — сказал Март. — Тогда садитесь пока.

Он показал на небольшой диван у стены.

Ребята сели.

Март посмотрел на часы.

— Скоро подойдёт наш товарищ. Адвокат. Я вас познакомлю, и мы спокойно обсудим твоё дело, Серёж.

При слове «дело» внутри Сергея что-то снова сжалось. Он опустил взгляд, но ничего не сказал.

Март, будто заметив это, не стал продолжать. Посмотрел то на Антона, то на Сергея и вдруг спросил:

— А вы есть хотите?

Ребята неловко переглянулись. Они вроде бы не

собирались есть, но после вопроса оба сразу поняли, что голодны.

— Ну вот, — сказал Март. — По глазам вижу. Пошли. У нас ещё минут двадцать есть. Надеюсь, повар уже что-нибудь сотворил.

Март улыбнулся и повёл ребят в столовую.

Они вышли из кабинета и пошли по внутренним проходам цирка. За ними последовал кот, покачивая пушистым хвостом. Сергей успевал только смотреть по сторонам. То попадались странные конструкции из дерева и металла, то под потолком висели канаты, то у стены стояли ящики с надписями. Мимо прошёл человек с блестящими сапогами в руках, а из-за поворота выскочила собака и тут же исчезла обратно.

Потом запах изменился.

Вместо сена, пыли и влажной ткани потянуло чем-то горячим, мясным и домашним.

Они вошли в пристроенный к куполу шатёр, где были устроены кухня и столовая. Там стояли передвижные печи, большие кастрюли, металлические столы и ящики с посудой. От печек вверх уходили трубы и терялись где-то под высоким полотном шатра.

Кот остановился у входа, оглядел кухню и вскоре бесшумно исчез в соседнем проходе, словно у него оставались собственные дела.

У одной из плит стоял человек в большом белом поварском колпаке. В руке он держал половник так уверенно, будто это была не кухонная утварь, а дирижёрская палочка. Из дальнего угла тут же выскочил худенький мальчишка, на вид даже моложе Сергея. Он двигался быстро, почти бесшумно и явно был помощником или даже сыном повара — так они были

похожи.

Март подошёл к повару.

— Ну что, Триместр, что ты сегодня сотворил?

Повар обернулся с видом человека, который не просто готовит, а отвечает за счастье всех живущих под куполом.

— Шеф, сегодня мы сотворили макароны по-флотски, салат и кисель с вишней.

— О-о-о, — протянул Март. — Это великолепно. Угости наших друзей.

Повар тут же взял большую тарелку с перегородками, похожую одновременно на поднос и на какую-то вещь из будущего. В одно отделение положил горячие макароны с мясом, в другое — салат. Помощник поставил в специальное углубление прозрачный стакан с тёмно-красным киселём.

То же самое он сделал для Антона.

Сергей взял тарелку обеими руками. Она показалась ему настоящим космическим объектом. От макарон шёл такой запах, что у него сразу потекли слюни.

— Давайте, давайте. — Март показал им на столы. — Садитесь, ешьте. Потом возвращайтесь ко мне. Приятного аппетита.

— Спасибо, — опять почти хором сказали ребята.

Март ушёл.

Сергей сел напротив Антона и снова посмотрел на свою тарелку. Макароны были перемешаны с мясом и специями. Простое блюдо, которое он, конечно, знал, но здесь оно почему-то выглядело особенным. Может быть, потому, что всё вокруг было особенным. Может быть, потому, что он давно не ел спокойно. А может быть, потому, что повар стоял в стороне и с едва заметной

гордостью ждал, когда ребята попробуют его работу.

Сергей взял вилку, подцепил макароны и попробовал.

Вкус показался почти волшебным.

Он ел быстро, но не жадно. Словно с каждой вилкой в него возвращалось что-то нормальное, простое, человеческое. Антон тоже молчал и ел с таким видом, будто именно этого ему сейчас и не хватало.

Через несколько минут тарелки были пусты.

Кисель оказался густым, сладким, с вишней. Ягоды попадались на дне стакана и стали последним, неожиданно приятным завершением этого непредвиденного обеда.

Сергей откинулся на спинку стула и вдруг понял, что внутри стало ровнее.

Не весело — нет.

Но ровнее.

Мысли о тётушке, о последствиях, обо всём, что теперь происходило вокруг него, никуда не исчезли. Они просто перестали давить сразу всей тяжестью. Словно отодвинулись на шаг и дали ему немного воздуха.

Он снова поймал то странное чувство, которое появилось ещё под куполом: будто всё это не сон, но и не та обычная реальность, в которой он жил раньше. Всё вокруг было новым, и это новое удивляло его не только потому, что было непривычным. Оно казалось таким, каким мир, наверное, и должен быть: странным, живым, добрым, полным людей, которые делают своё дело и не стыдятся быть настоящими.

Но почему тогда в таком мире случилось то, что случилось с ним позавчера?

Ещё вчера он был один.

А теперь напротив сидел Антон — друг, который словно шёл впереди с фонарём и освещал дорогу, по которой Сергей пока только учился идти.

Они отнесли тарелки на кухню и поблагодарили повара.

— Спасибо, очень вкусно было, — сказал Сергей.

Повар расплылся в довольной улыбке.

— То-то же, — сказал он. — Артистам и гостям плохое есть нельзя.

Сергей с Антоном вернулись по коридорам к зелёному кабинету Марта и постучали.

— Входите, — раздалось изнутри.

В кабинете был новый человек.

У стола стоял довольно молодой мужчина — высокий, широкоплечий, светловолосый. На нём был серый костюм, красивые тёмные туфли, а под пиджаком — чёрная водолазка. Он смотрел на ребят открытыми голубыми глазами, спокойно и внимательно.

Он первым протянул руку Антону.

— Антон, привет. Давно тебя не видел, — сказал мужчина и улыбнулся.

Антон пожал ему руку.

— Здравствуйте, — ответил он, улыбнувшись.

Потом мужчина повернулся к Сергею.

Сергей пожал ему руку.

— Сергей.

— Я Георгий, — представился мужчина.

Он снова посмотрел на Антона и чуть прищурился, будто вспоминая что-то приятное.

— Антон, а как продвигаются твои институтские дела? Март мне много рассказывал про твои подвиги.

Антон немного смутился, но почти не подал виду.

— Работаем, — сказал он. — На будущей неделе понесу очередные пробы воды на анализ. Уже полгода каждый месяц беру. Пока были небольшие превышения, но после последних жалоб, кажется, стало лучше. Надеюсь, так и останется.

Март посмотрел на них и улыбнулся.

— У нас отличная команда, — сказал он и перевёл взгляд на Сергея. — Но сейчас перед нами новая задача. По этому поводу мы и собрались.

Он посмотрел на часы.

— Времени у нас достаточно, но терять его нельзя. Нужно всё выслушать и всё понять.

Март прошёлся по кабинету и остановился у стола.

— Серёжа, Георгий — наш близкий друг. И адвокат.

Сергей кивнул.

— Давайте к столу, — сказал Март. — Начнём.

Все расселись.

На столе уже лежали бумаги, чистая тетрадь, карандаш и стакан с водой. Март сел чуть в стороне, Антон — рядом с Сергеем, Георгий — напротив.

Некоторое время никто не говорил.

Где-то далеко под куполом лязгнуло что-то металлическое. Потом прокатился приглушённый смех, и снова стало тихо. Тишина в зелёном кабинете не была пустой. Она будто собирала всех воедино и заставляла говорить только то, что действительно важно.

Март посмотрел на Сергея. Лицо у него стало серьёзным и строгим. Без улыбки. Но в этой строгости не было холода.

— Серёж, я рассказал Георгию в общих чертах, что с тобой произошло. Но теперь тебе придётся всё вспомнить подробнее. Не из любопытства. Нам нужно

понять, в какой реальной ситуации ты находишься с точки зрения закона.

Сергей неловко полез за пазуху, достал тонкую тетрадку и положил её на стол.

— Я тут кое-что записал… Но не знаю, правильно или нет.

— Можно? — спросил Георгий и протянул руку.

— Конечно.

Сергей передал ему тетрадь.

Георгий подтянул её к себе, открыл и просмотрел записи. На листах были неровные строчки, отдельные имена, время, какие-то обрывки воспоминаний.

— Отлично, — спокойно сказал он. — Правильно, что ты начал записывать. Сергей Мартынов — это ты?

— Да, — ответил Сергей.

— Хорошо. Тогда смотри, Серёж. Сейчас расскажешь всё так, как видел сам. Ничего не преувеличивая и ничего не уменьшая. Не так, как мог бы рассказать кто-то другой. Не так, как тебе кажется удобнее. А как было. Понимаешь?

— Понимаю.

— Как на духу, — добавил Георгий. — Всё как есть.

Голос у него был такой, каким говорят люди, действительно желающие услышать ответ, но не собирающиеся давить.

Сергей посмотрел на Марта, потом на Антона и снова на Георгия.

Ему ещё никогда не приходилось вот так сидеть за столом со взрослыми людьми и рассказывать им что-то настолько важное о себе. Не оправдываться. Не выкручиваться. А именно рассказывать правду.

Сергей почувствовал, как эта правда внутри него

пытается сложиться в слова.

— А с чего начать? — спросил он.

— А когда всё случилось? — спросил Георгий, рассматривая строчки в его тетради.

— В пятницу.

— Ну вот с неё и начинай.

С этими словами Георгий наклонился, подтянул к себе небольшой чемодан, стоявший возле стула, открыл его и достал большой лист бумаги. Потом высыпал на стол несколько разноцветных фломастеров. Один, зелёный, покатился к краю, но Март поймал его и вернул обратно.

Георгий положил лист перед собой и немного отодвинул, чтобы сидевшие за столом тоже могли видеть.

— Мы готовы, — сказал он с мягкой улыбкой.

В его голосе не было ни торопливости, ни давления. Сергей почувствовал это и положил руки на стол.

— Ну… В пятницу мы собрались с моими друзьями, Валей и Лёхой, на дискотеку.

— Так. — Георгий посмотрел на Сергея и поставил на листе точку.

Сергей остановился.

— Я буду иногда прерывать тебя и задавать уточняющие вопросы, чтобы мы двигались чётко и собрали полную картину.

Сергей кивнул.

— В каком городе ты живёшь?

— В Добуже.

— С кем?

— С тётушкой.

— Адрес?

Сергей продиктовал адрес.

Георгий взял фиолетовый фломастер и аккуратно записал.

— Дальше.

— Вечером была дискотека, и мы собрались с друзьями — я, Валя и Лёша…

— Где была дискотека? — перебил Георгий.

— В Севостьяново.

На листе появился первый кружок, потом второй. Между ними — линия дороги.

— Во сколько выехали?

Сергей задумался, вспомнил и назвал время.

— На чём ехали?

— На «Запорожце», — ответил Сергей и слегка улыбнулся, вспомнив их первый выезд.

— Кто был за рулём?

— Я. — Сергей немного опустил взгляд.

— Без прав? — вмешался Март.

— Без.

Сергей мельком посмотрел на него и добавил:

— Ну, мы же первый раз… Да и никто нас не остановил.

— Железно, — улыбнулся Март. — Продолжай.

— Ну вот, приехали сначала на озеро — там же, в Севостьяново. Немного подождали, пока начнётся дискотека…

Сергей снова опустил глаза, но решил говорить обо всём, что могло помочь восстановить правду.

— Там… ну…

Он посмотрел будто на всех сразу.

— Выпили.

— Что и сколько пили? — сразу спросил Георгий, но

прозвучало это как уточнение, а не как упрёк.

— Чуть больше половины бутылки.

— Чего?

— Самогона. Лёша купил, — добавил Сергей.

Георгий кивнул.

— Ты был пьян?

Сергей промолчал. Он не знал, как оценить своё состояние.

Георгий понял его замешательство.

— Ты осознавал, что происходит? Всё помнишь или какие-то моменты выпали?

Сергей вдруг посмотрел на него как на врача.

— Я помню всё.

— Тогда ещё один вопрос. После выпитого ты вёл себя иначе, чем обычно? Твои действия сильно отличались от того, как ты ведёшь себя трезвым?

Сергей задумался. Он понимал, о чём его спрашивают, но не знал, как выразить то, что чувствовал.

— Ответь как есть, — сказал Георгий. — Это важно. Я спрашиваю не для того, чтобы тебя упрекнуть.

Он немного развёл руками.

— Здесь собрались люди, которые слушают, чтобы помочь. Но нам нужно понять, насколько ты осознавал и оценивал происходящее после того, как выпил. Наверное, ты раньше не задавал себе такого вопроса, поэтому тебе трудно. Тогда ответь проще: что изменил в тебе алкоголь?

До этого на лице Сергея застыло выражение, похожее на стыд. Но чем подробнее Георгий объяснял вопрос, тем яснее становилось: его не отчитывают, а спрашивают как взрослого человека — в каком состоянии он находился.

Сергей собрался.

— Я вот выпивал несколько раз, — начал он.

Он вспомнил реку, «Запорожец», как после первой рюмки мир немного расплывался. Вспомнил горький, постоянно менявшийся вкус, после которого в животе поднималась кислая тяжесть. Потом словно что-то отпускало, и через несколько минут по телу разливалось тепло, хотя желудок всё ещё сопротивлялся.

Все молчали, смотрели на Сергея и не торопили его.

— Ну… меня расслабило, — наконец сказал он.

— И это изменило твоё восприятие окружающих?

— Может быть. — Сергей снова задумался.

— Как?

— Не так скованно становилось, что ли… — Он поднял глаза и добавил: — Когда рядом девочки.

Антон улыбнулся. Георгий и Март тоже едва заметно улыбнулись. Это была простая мальчишеская правда: Сергей описывал мир так, как видел и понимал его сам. Именно такая правда была им сейчас нужна.

— Ясно, — кивнул Георгий. — Ты становился добрее или, наоборот, злее?

Сергей улыбнулся.

— Добрее. Только иногда язык заплетался.

— А в этот раз заплетался?

— Нет. В этот раз — нет.

— Давай дальше, — кивнул Георгий.

Сергей продолжил.

Георгий записывал, рисовал, уточнял. Вопрос — ответ. Вопрос — ответ. Он не просто слушал.

Он собирал карту.

На пустом листе появлялись дом, дорога, клуб, вход,

тамбур, улица, люди. Рядом возникали имена, стрелки, время, расстояния, короткие пометки. Клуб Георгий нарисовал отдельно. Потом отметил место, где стояли ребята, где начался конфликт, где толкнули Валю, где всё стало резко меняться.

Сергей вспоминал всё подробнее.

Сколько людей было рядом. Кто куда смотрел. Кто первым повысил голос. Где стоял Валя. Где был Лёха. С кем в тот момент разговаривал сам Сергей. Он вспомнил Колю, рядом с которым находился, когда подъехала «Волга».

Георгий записал.

Как подъехала машина. Как из неё вышли люди. Их описания — вернее, обрывки, которые сумел собрать Сергей, — тоже появились на бумаге.

Сколько их было. Как они себя вели. В какой момент и в каком порядке вошли в тамбур клуба. Видел ли Сергей удар по Вале.

Самого удара Сергей не видел. Но, зная, что Валя стоял именно там, будто почувствовал его. Потом увидел, как удары и крики переполнили тамбур. Всё произошло почти мгновенно. Сергей побежал к клубу, когда из дверей вытаскивали Валю. Он пытался понять, что случилось, и уже в следующую секунду ринулся на толпу, которая, точно клубок змей, окружила его друга.

И тут же сам получил удар.

Сергей потёр затылок. Георгий поднялся, подошёл и осмотрел небольшую синеватую шишку, всё ещё заметную под волосами.

— Кто ударил?

— Я не видел. Кто-то сбоку.

— Как ты отреагировал?

— Упал.

— Сознание терял?

Сергей немного прищурился, будто снова всматриваясь в тот момент.

— Думаю, нет, — ответил он через несколько секунд. — Но какое-то время я ничего не видел. Будто всё перед глазами пропало.

Георгий посмотрел на Марта.

— Нужно зафиксировать повреждение.

— Вызовем циркового врача, — подтвердил Март.

— Что было дальше?

— Дальше…

Сергей рассказал, как кто-то кричал. Как Валя начал падать. Как он почувствовал, что сейчас случится что-то непоправимое.

Чем ближе рассказ подходил к самому удару, тем тяжелее становился воздух в кабинете.

Антон сидел рядом и молчал.

Март почти не вмешивался. Только иногда смотрел на Сергея так, будто одним своим вниманием удерживал его в комнате.

Георгий оказался хорошим художником. Не в смысле красоты, а в смысле точности. Его рисунок был простым, но понятным. И чем больше деталей появлялось на листе, тем меньше всё это походило на страшный клубок в голове Сергея.

Теперь это можно было видеть.

Вот дорога.

Вот клуб.

Вот люди.

Вот Валя.

Вот Сергей.

Вот тот момент, после которого уже нельзя было вернуться назад.

Сергей говорил и сам удивлялся тому, как много помнит. И как многое до этого было не словами, а только картинками, вспышками, звуками и болью.

Теперь всё это ложилось на бумагу.

Шаг за шагом они дошли до того, как Сергей оказался на станции в Софино, где встретил Антона.

Георгий отодвинулся от стола и некоторое время смотрел на карту.

— Ну а дальше я примерно понимаю, — сказал он.

Он поднял глаза на Марта. Март ответил ему взглядом.

Георгий встал и прошёлся по кабинету, будто внутри себя перекладывал с места на место какие-то тяжёлые детали.

Сергей сидел неподвижно, словно снова оказался там — и в то же время впервые увидел всё со стороны, с подсказками, куда смотреть и что замечать.

Произошедшее больше не было бесформенным. Люди, обстоятельства, причины, последствия, состояние самого Сергея — всё удалось вытащить наружу и положить на бумагу. Оставалось соединить эту картину с законом.

Георгий посмотрел на Марта, и тот кивнул, будто соглашаясь с чем-то, что уже витало в воздухе, но пока не имело имени. Так общаются люди, давно знающие друг друга и понимающие без слов то, что не требует пояснений.

Георгий остановился, потом снова сел.

— Вот что я скажу тебе, Сергей.

Сергей поднял на него глаза.

— То, что ты нам рассказал… — Георгий указал на карту. — Исходя пока только из твоих слов, мы видим: ты действовал не из злости и не из желания кого-то убить.

— Я и не хотел этого.

— Да. Это видно по тому, как развивались события. — Георгий ещё раз провёл фломастером над картой. — Закон называет такие обстоятельства…

Он прервался, открыл чемодан, достал книгу и положил её на стол. На обложке было написано: «Уголовный кодекс». Георгий быстро перелистал страницы, нашёл нужную и пододвинул открытую книгу к Сергею.

— «Статья тридцать седьмая. Необходимая оборона», — прочитал Сергей.

Он поднял глаза на Георгия.

— Да. По тому, что ты рассказал, твои действия могут подпадать именно под эту статью, — сказал Георгий. — Ты действовал, чтобы спасти друга. Защищал другого человека от опасного нападения. Закон допускает такую защиту. Если пределы необходимой обороны не были превышены, причинение вреда нападающему преступлением не является.

Сергей слушал очень внимательно.

Эти слова звучали странно. Как будто врач после долгого осмотра наконец назвал болезнь. До этого были только боль и страх. А теперь у происходящего появлялось имя.

— Но главное слово сейчас — «если», — продолжил Георгий. — Если всё было именно так, как ты рассказал, это ещё предстоит доказать.

Он указал на карту.

— Доказательствами будут твои показания — то, что ты сейчас рассказал и потом должен будешь так же честно рассказать официально, — показания тех, кто находился рядом, и всё, что способно подтвердить ваши слова. Точное время, расположение людей, характер ранений, твоя травма — любые факты, которые совпадут между собой и помогут восстановить картину.

Сергей смотрел на него прямо и внимательно слушал.

Георгий сделал небольшую паузу.

— Есть сообщение, что человек погиб. Этого нельзя не учитывать…

Он остановился и задумчиво посмотрел на Сергея.

— Кстати, а откуда ты знаешь, что он погиб?

— Я с тётушкой разговаривал по телефону. Она сказала.

— Когда?

— В тот момент, когда у нас дома проводили обыск. Потом милиционер перехватил у неё трубку.

Сергей посмотрел на Антона.

— Антон рядом был.

— Да, — подтвердил Антон. — Мы звонили из метро, с таксофона, когда приехали в Москву.

— Хорошо, — сказал Георгий, выслушав их. — Значит, пока вы знаете об этом только со слов тётушки и сотрудника милиции. Но даже если человек действительно погиб, сам факт смерти ещё не означает, что совершено убийство. Сначала предстоит установить, что произошло и как это должно оцениваться по закону. Понимаешь?

Сергей медленно кивнул.

Георгий вдруг просто объяснил то, что всё это время жило внутри самого Сергея: надежду на то, что он

поступил так, как должен был поступить. Сергей уже сотни раз прокручивал тот момент в голове и так и не нашёл другой возможности защитить друга. Теперь Георгий назвал это законным правом человека на защиту.

Георгий встал и снова прошёлся по кабинету. Антон посмотрел на Сергея и слегка толкнул его плечом, словно помогая оттаять от тяжёлых мыслей, которые всё это время не давали покоя.

Георгий продолжил:

— По твоему рассказу, ты не нападал. Не искал драки. Не шёл убивать. Ты оказался в ситуации, где защищал Валю.

Он сделал ещё несколько шагов, затем вернулся к столу и сел.

— Но не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

— А в чём проблема? — осторожно спросил Сергей.

Георгий посмотрел на Марта, потом снова на него.

— В том, что сейчас ты сидишь здесь, за этим столом, почти в трёхстах километрах от места, где всё произошло.

Он на мгновение поднял голову. Через небольшое окно под куполом в кабинет пробивался солнечный свет.

— То есть не нужно было уезжать? — вдруг спросил Сергей.

Георгий посмотрел на него и улыбнулся.

— Скорее наоборот.

Он немного помолчал.

— Понимаешь, Сергей, такие дела, к сожалению, следствие не всегда с самого начала рассматривает так, как требует закон. Вот что нас с Мартом удивляет: ты,

похоже, интуитивно почувствовал это и оказался здесь.

Сергей всё ещё не понимал, к чему ведёт Георгий.

— Скажи, почему ты уехал? Почему не остался дома ждать милицию?

Сергей задумался. Он не знал, что ответить, но слово «интуитивно», произнесённое Георгием, точно легло на то, что он чувствовал в тот момент. Будто тело само говорило: уходи, нужно уходить. И он ушёл. Через боль, но ушёл.

Сергей посмотрел на Антона. Тот встретил его взгляд.

— Это я посоветовал ему не возвращаться, — сказал Антон. — Сказал, что сначала нужно посоветоваться.

— Но решение принял ты сам? — Георгий посмотрел на Сергея.

— Я, конечно, — твёрдо ответил тот.

— И правильно сделал, что послушал Антона и не вернулся один.

— Почему? — удивился Сергей и снова посмотрел на открытую перед ним статью тридцать седьмую.

— Вот это я и хочу тебе объяснить. Именно это и делает твоё дело непростым, хотя тебе самому всё кажется понятным.

Сергей молчал.

Георгий посмотрел на Антона.

— Антон, возможно, сам расскажет тебе подробнее, если захочет. Я о твоём деле с заводом.

Антон кивнул.

— Сергей уже знает эту историю, — добавил он.

— Ну вот и замечательно, — ответил Георгий. — Пусть она поможет тебе понять, с чем ты, скорее всего, столкнулся бы, если бы не уехал.

Сергей посмотрел на Антона и вспомнил их разговор

в электричке. Антон рассказывал о заводе, который сливал грязную химию в воду. А когда его задержали, никто не захотел слушать про завод — проверять стали самого Антона и то, не было ли его проникновение незаконным.

— Значит, никто бы не стал разбираться? — Сергей посмотрел на Георгия и Марта.

— Стали бы, — улыбнулся Георгий. — Но вопрос в том, с чего начали бы и что захотели бы увидеть сначала.

Он подтянул к себе Уголовный кодекс, перелистал несколько страниц и снова повернул книгу к Сергею.

— Сначала могли увидеть статью сто пятую — убийство. Или… — Георгий снова перелистал страницы. — Часть четвёртую статьи сто одиннадцатой: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть. Могли бы поставить вопрос и о превышении пределов необходимой обороны.

Он вернулся к статье тридцать седьмой и коснулся её пальцем.

— А до этого — до защиты другого человека, до вопроса о том, было ли преступление вообще, — следствию ещё нужно дойти. Иногда его приходится к этому вести.

Сергей пытался собрать эти детали вместе.

— Значит, я всё-таки правильно сделал, что уехал?

— Правильно, что не вернулся один и сразу не отдал себя в руки людям, которые могли уже решить, что произошло, — ответил Георгий. — Но запомни: твой отъезд будут использовать против тебя. Назовут бегством. И нам придётся объяснить, почему ты уехал.

Он снова указал на карту.

— Но сам по себе отъезд не меняет того, что произошло у клуба. Событие к тому времени уже закончилось. Ты уехал после него. И теперь мы понимаем почему, хотя тогда ты сам вряд ли мог это объяснить.

Георгий посмотрел на Марта. Тот едва заметно улыбнулся.

— Вот чему мы с Мартом удивляемся: ты ведь не мог всего этого знать. Ты действовал почти на одном чутье. Такое бывает редко. И то, что сейчас ты находишься здесь, за этим столом, готовый всё рассказать, — уже большое дело.

Внутри Сергея что-то отпускало. До этой минуты он где-то глубоко винил себя за отъезд. Потом Георгий сказал, что его действия у клуба могли быть законными, — и вина на мгновение стала ещё тяжелее: выходило, что он уехал, хотя был прав. Но теперь Сергей понял другое: если бы он остался один, его правду могли просто не увидеть.

— И что теперь делать? — спросил он.

Георгий указал на карту.

— Теперь нужно работать. Собирать всё по крупицам: твои показания, показания Вали, Лёхи и других людей, всё, что позволит подтвердить рассказанное тобой.

Он посмотрел на Антона.

Антон кивнул.

— Но готовься к тому, что может возникнуть противостояние. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Сергей и снова посмотрел на Антона.

— Такова данность, — развёл руками Георгий. — За свою правду нужно бороться.

— То есть справедливого решения может не быть?

— Я не стану обещать тебе, каким будет решение, — ответил Георгий. — Но от нас зависит, насколько полно мы сможем доказать то, что сейчас услышали. И от тебя тоже.

Сергей посмотрел на карту.

— А как это сделать?

— Мы уже это делаем, — улыбнулся Георгий.

— Вы мне поможете? — спросил Сергей, глядя ему прямо в глаза.

— Ты же за этим пришёл?

— Да. — Сергей кивнул.

— Значит, будем рядом.

— Спасибо большое, — сказал Сергей.

Он хотел улыбнуться, но щека вдруг дрогнула, будто перестала его слушаться. В глазах защипало, однако слеза так и не выступила.

— Да ты что… — Антон снова легко толкнул его плечом.

Сергей всё-таки улыбнулся и быстро провёл ладонью по щеке, хотя вытирать было нечего.

Казалось, ещё одна точка, до которой он бежал, заставляя себя не оглядываться назад, была пройдена. Теперь перед ним были не чужие лица в электричке. Перед ним стояла целая стая, говорившая прямо: «Мы рядом».

Тишина заполнила кабинет, но мысли продолжали работать — они уже выстраивали план действий.

Георгий придвинулся к столу.

— Перед тем как начать действовать…

Он посмотрел на Сергея. Тот ждал продолжения.

— Нам нужно уладить одну формальность. Я готов

стать твоим защитником. Ты готов быть моим подзащитным?

— Конечно, — почти без паузы ответил Сергей.

— Твоя тётушка согласится?

— Да, конечно.

— Тогда с ней и оформим всё как положено. — Георгий улыбнулся и протянул Сергею руку.

Сергей протянул свою. Рукопожатие не заменяло бумаг, которые ещё предстояло оформить с тётушкой, но закрепляло главное: отныне они будут действовать вместе.

— Действовать нужно срочно, — продолжил Георгий. — Уже сейчас.

Сергей молчал.

Он чувствовал, как внутри что-то меняется. Давление, сжимавшее его изнутри, не исчезло, но словно отделилось и перестало быть им самим. Страх, прежде гонявший одну и ту же мысль по кругу, теперь наткнулся на новую дорогу. Она лежала перед Сергеем в виде карты: вот дело, вот возможный выход, вот то, что нужно делать.

Эта опора создавала новую реальность — как бетонная отмостка вокруг его дома, по которой можно обойти глубокую лужу, не заходя в воду.

Сергей снова посмотрел на карту: на кружки, стрелки, имена, время; на кривую линию дороги между Добужем и Севостьяново; на пометку возле тамбура; на слово «Валя».

Всё это больше не было страшным клубком в голове. Страх не исчез, но у него появились края. Теперь его можно было увидеть. К нему можно было вернуться. Его можно было проверить.

Георгий посмотрел на часы.

— О-о-о, ребята, пора закругляться.

Он снова перевёл взгляд на Сергея.

— Серёж, с этого момента мы будем постепенно двигаться в обратную сторону, разматывая этот клубок. — Георгий улыбнулся и посмотрел на кодекс. — Я оставлю его тебе, чтобы ты изучил всё внимательнее.

Сергей посмотрел на Георгия. Губы у него были крепко сжаты, и по лицу стало видно: мальчик действительно многое сейчас осознал.

— Теперь каждая наша встреча будет подготовкой. Понял?

— Понял, — ответил Сергей.

Он помолчал и добавил:

— Спасибо.

Георгий улыбнулся и снова посмотрел на часы. Потом перевёл взгляд на Марта, который стоял чуть в стороне и с тихим удовлетворением наблюдал за тем, как в этом зелёном кабинете происходило что-то очень важное для Сергея.

— Я, наверное, ещё забегу часиков в девять, — сказал Георгий. — Не поздно?

— Давай, Георгий, — ответил Март.

— Ну хорошо.

Георгий начал собирать вещи. Фломастеры сложил обратно в чемодан. Тетрадку Сергея аккуратно закрыл и вернул ему. Карту, которую они вместе составили, тоже убрал.

Потом подвинул к Сергею Уголовный кодекс.

— Держи. Там закладки. Изучишь.

Сергей притянул книгу к себе и кивнул.

— Я понял.

— Вечером ещё поговорим.

Георгий взял чемодан и уже у двери обернулся:

— Вопросы есть?

— Есть, — сразу сказал Сергей. — Вот…

Георгий снова посмотрел на часы, но без раздражения.

— Вечером на все твои вопросы отвечу.

Он улыбнулся. Сергей и Антон невольно улыбнулись ему в ответ.

После этого Георгий вышел из кабинета.

Дверь закрылась.

Некоторое время все молчали.

Сергей сидел, положив ладонь на толстую книгу. Ему казалось странным, что такая тяжёлая вещь теперь лежала перед ним не как угроза, а как предмет, который нужно понять. Не полюбить. Не испугаться. А понять.

Март посмотрел на Сергея и Антона.

— Итак, друзья, сделаем так. Сейчас я покажу, где ты, Серёж, останешься.

Он взял со стола рацию, нажал кнопку и коротко сказал:

— Жуль, зайди.

Рация треснула и замолчала.

Через минуту в дверь осторожно постучали. Потом она открылась, и на пороге появился тот самый маленький человечек в огромном сомбреро, который встречал их у входа. Только теперь он был без осла и стоял очень прямо, как солдат перед командиром, ожидая указаний директора.

Март кивнул ему.

— Жуль, познакомься. Это Сергей. Сегодня он останется у нас.

Жуль посмотрел на Сергея из-под широких полей шляпы. Весёлые глаза на мгновение стали серьёзными.

— Понятно, — сказал он. — Значит, наш человек.

Сергей не сразу понял, что ответить. А потом почему-то кивнул.

Добуж. Отдел милиции. Кабинет Руслана. День.

На стуле в дальней части кабинета Руслана сидел Дэн. Он смотрел в никуда, то закрывая, то открывая глаза. Несколько раз его будто проваливало в сон, но каждый раз он дёргался и снова приходил в себя. Он уже переоделся в вещи, которые жена передала ему в пакете. Наручники немного ослабили, но снимать не стали.

Сейчас Дэн был уже не просто старым зэком, которого поймали после побега. Для оперов он стал первым настоящим кандидатом на роль подозреваемого в убийстве Анастасии Сибих. Его побег только усилил подозрения. Казалось, осталось добиться от него признательных показаний — и можно будет давать сводку о раскрытии первого убийства.

Руслан сидел за столом. Из шкафа он достал новый бланк объяснения, внимательно просмотрел документы Дэна и начал заносить данные в нужные поля.

— Ранее судим? — спросил он, повернувшись к Дэну.

Ответ Руслан знал, но формальность требовала уточнений. Да и разговор с чего-то нужно было начинать.

— Да, — пробормотал Дэн.

— За что? Статьи? Когда освободился? — спросил

Руслан, покручивая ручку в руке.

— Год назад. За разбой. Шесть лет, — ответил Дэн.

Руслан записал.

— А до этого?

Дэн посмотрел на него мутными глазами.

— До этого за кражу, — сказал он и снова опустил голову.

Вдруг дверь резко распахнулась. На пороге появился Гаврила. Он ходил из кабинета в кабинет, проверяя и сопоставляя показания Васи, которого опрашивал Стас, а теперь снова вернулся к Дэну. За Дэном пришлось побегать, и это сильно разозлило Гаврилу.

Он смотрел на Дэна как на что-то нелепое и неприятное. В массивной руке Гаврилы была книга. На обложке крупными буквами было написано: «Уголовный кодекс».

— Ну что? — спросил Гаврила, обращаясь к Руслану.

Потом перевёл взгляд на Дэна и добавил:

— Что говорит эта падаль?

Руслан посмотрел сначала на Дэна, потом на Гаврилу.

— Да пока общаемся… — ответил он.

Гаврила тут же шагнул к Дэну. Тот стал дышать тяжелее и закашлялся, словно одного только приближения громилы было достаточно, чтобы выбить из него воздух.

Гаврила подошёл вплотную, схватил Дэна за основание шеи и нащупал болезненные точки. Сжал.

Дэн согнулся и заскулил.

— Ну а что? — сказал Гаврила. — Может, ему массаж нужен, чтобы он вспомнил, как бабку грохнул.

Он наклонился к Дэну ближе.

— Твои дружки тебя уже сдали.

Дэн будто и правда начал приходить в себя.

— Да я что сделал-то? Я… — заскулил он.

Гаврила немного ослабил хватку и убрал руку. Дэн постепенно выпрямился.

Гаврила присел перед ним на корточки.

— Так давай с самого начала. А то ты никак не начнёшь. Я только и слышу: «Я ничего не сделал». А убегал зачем, раз ничего не сделал?

Дэн молчал. Не успел он сглотнуть, как по голове посыпались удары. Гаврила бил его той самой книгой, которую держал в руке. От каждого удара Дэн втягивал шею всё глубже.

— Вспоминай. Вспоминай, — в такт ударам проговаривал Гаврила, всё сильнее вдалбливая «Уголовный кодекс» в голову Дэна.

Дэн попытался уйти от ударов, но Гаврила тут же двумя пальцами жёстко ткнул его в рёбра. Дэн заскулил ещё громче.

Гаврила отошёл и посмотрел на Руслана.

— Во люди пошли. Как дела творить, пока никто не видит, и бабок убивать — так герои. А как с ними по-человечески, так они ничего не помнят.

Он снова глянул на Дэна.

— Я через пятнадцать минут вернусь. Если дальше не продвинешься, твой коридор начнёт сужаться. Понял?

Гаврила вышел. Дверь хлопнула так, что едва не слетела с петель.

Дэн сидел уже с другим взглядом. Он смотрел на захлопнувшуюся дверь, а в голове звучали последние слова Гаврилы: «убивать бабок».

Дэн посмотрел на Руслана.

— Я не убивал никого, — прохрипел он.

Руслан подошёл к Дэну. В узких глазах старого зэка он уже заметил ниточку, за которую нужно было потянуть.

— Денис, — сказал Руслан и присел напротив него на диван.

Дэн смотрел на него исподлобья и пытался почесать рёбра, в которые только что болезненно ткнул Гаврила.

— Ты зачем себе проблемы устраиваешь? — спокойно спросил Руслан. — Давай разговаривать.

Ниточка была простой. Но похмелье, в котором находился Дэн, мешало ему собраться.

Он посмотрел на Руслана.

— Дай сигарету, начальник, — прохрипел он.

Руслан взял из ящика соседнего стола, за которым обычно сидел его напарник, пачку сигарет. Достал одну и вставил Дэну в рот. Потом щёлкнул зажигалкой. Дэн глубоко затянулся, разжигая сигарету, и на выдохе наполнил кабинет густым табачным дымом.

Руслан не курил. Он тут же подошёл к окну и открыл его пошире.

Потом вернулся к Дэну.

Тот курил жадно, втягивая дым так, будто вместе с ним в голову возвращался порядок. Мутный фокус в его глазах постепенно собирался, узкие черты лица становились чётче.

— Начальник, перестегни, пожалуйста, — сказал Дэн.

Он показал на наручники, застёгнутые за спиной.

— Неудобно, сам понимаешь, — добавил Дэн.

Дэн перебирал сигарету тонкими сухими губами. Пепел сыпался ему на майку.

Руслан наблюдал за первыми признаками того, что Дэн готов заговорить. Методы Гаврилы он не очень любил, хотя и понимал: иногда только они

подталкивали таких, как Дэн, к разговору.

— Так я тебе правду скажу. Я правда ни при чём тут, — проговорил Дэн.

Руслан достал ключ, подошёл, вывернул руки Дэна и перестегнул наручники так, чтобы руки оказались спереди.

— О-о-ох… — протянул Дэн.

Было видно, как сильно у него затекли руки.

Теперь Руслан контролировал каждое движение Дэна. Он понимал, что в таком состоянии тот вряд ли предпримет попытку бегства или что-нибудь ещё, но с такими персонажами нужно было создавать хотя бы подобие нормальной человеческой атмосферы. Почему-то путь к ней почти всегда начинался с силового давления.

Дэн переложил сигарету в другую руку и стряхнул пепел на пол.

— Ой, извини, начальник, — сказал он, заметив, куда упал пепел.

Руслан смотрел на него и ждал продолжения.

— Давай, Денис. Рассказывай.

— Ну а что рассказывать, начальник… — начал Дэн. — Я дома был. Ко мне на «Волге» четверо приехали. В гости. Я их не звал, сам понимаешь.

Дэн посмотрел на Руслана. Тот кивнул.

— Когда это было?

— Днём. В пятницу.

— Зачем они к тебе приехали?

— Да зачем-зачем… Поговорить, побухать, — ответил Дэн.

— Дальше.

Дэн затянулся сигаретой и повёл глазами, будто

пытался нащупать в памяти нужное место.

— Дальше бухали. Ели. — Дэн закашлялся.

— А потом?

— Потом к вечеру пойло кончилось. Рыба говорит: поехали за новым. А все пьяные. С ним двое его близких были.

— Кто? — уточнил Руслан.

— Ну кто… Тимоха Сивый. Он с Рыбой вместе на зоне сидел. И ещё один пиздюк. Его не знаю. Рыба его где-то подобрал. Ну и Вася, тот, который на «Волге» приехал.

Руслан собирал картину по кускам. Пока слова Васи подтверждались, и всё складывалось.

— Что дальше?

— А что дальше… Рыба говорит: поехали искать бухло.

— Сколько было времени? — уточнил Руслан.

Он вспомнил ночной дом, который догорал. Ещё вчера он видел только этот дом, а теперь перед ним уже сидел человек, который, возможно, знал тех, кто его поджёг. Внутри у Руслана становилось теплее. Эмоциональная награда за приближение к развязке уже ощущалась почти физически.

— Ну… уже вечер был. Темнело, — сказал Дэн. — Дальше этот Вася, чья «Волга», говорит Рыбе: «Я не поеду. Пьяный. Права отберут. Я потом на чём работать буду?» Ну, у Рыбы крышу и снесло. Он начал орать: «Ты что, выбирать начал?» Ну и пошло-поехало. Свою шарманку завёл.

— Какую шарманку? — спросил Руслан.

— Ну типа… воровскую. Да… — Дэн махнул рукой. — Пьяную. Сам понимаешь.

Руслан кивнул.

— Ну и что дальше?

— Ну и дальше Рыба ко мне: «Поехали». А мне что? Я местный. Типа покажу, где самогон есть. Ну я и поехал.

— За рулём кто был?

— Рыба. Я сзади сел. Справа — Тимоха Сивый. А этот пиздюк назад забрался.

— Малой? — переспросил Руслан.

— Вроде Малой — погремуха, да? — удивился Дэн.

— Задержали уже? — спросил он.

— Рассказывай дальше, — перебил его Руслан.

Сигарета уже заканчивалась. Пепел Дэн теперь стряхивал в ладонь.

— Водички бы мне, начальник.

Руслан достал из пакета, который жена собрала Дэну, пластиковую бутылку воды.

— А-а, вот она.

Дэн схватил бутылку грязными чёрными руками, открутил крышку и начал жадно пить.

Кадык на жилистой шее отмерял шумные глотки.

Дэн напился, вытер рот и аккуратно поставил бутылку обратно в пакет.

— Можно ещё сигарету?

Руслан достал из пачки вторую. Дэн уже сам ловко вставил её в зубы и прикурил, мельком рассмотрев марку сигарет.

— Давай дальше, — сказал Руслан.

— Ну вот. Мы поехали. Это от нас километров пятнадцать. Уже ночь была, темно. Я Рыбе говорю: «Я к ней не пойду. Я и так ей должен за две бутылки. Она мне больше не даст».

— К кому?

— К Насте. Ну, к бабке этой.

— А ты знал её раньше? — уточнил Руслан.

— Знал, — кивнул Дэн. — Брал иногда у неё, но задолжал ей. Я ж сказал.

Дэн снова затянулся сигаретным дымом.

Руслан ничего не сказал, только чуть наклонился вперёд.

— В итоге приехали туда. Рыба вышел, постучал в калитку. За ним пошли Сивый и этот молодой.

— А ты?

— А я в машине остался. На заднем сиденье.

— Потом?

— Потом вышли. Две бутылки с собой взяли. Рыба на меня посмотрел и говорит: «Теперь ты ей не должен». Я не понял. Думаю: что с него взять, по пьяни чего только не болтнёшь.

— Что значит «ничего не должен»? — переспросил Руслан.

— Ну, он всё сказал. Типа теперь ему должен, а не ей. — Дэн звякнул наручниками. — Ну, фраер, что с него взять?

Он недовольно отвернулся, будто хотел плюнуть, но вспомнил, где находится.

Руслан мысленно прорисовывал обстоятельства, о которых рассказывал Дэн.

— То есть они втроём зашли к ней?

— Ну да, — ответил Дэн. — Я же сказал, я в машине сидел.

Дверь кабинета снова распахнулась. На пороге появился Гаврила. Он посмотрел на Дэна, потом на Руслана и сразу понял: разговор идёт. Молча прошёл по кабинету и встал в углу, скрестив руки на груди.

Руслан коротко сказал:

— Говорит, ездили к бабке.

— Да ездили, а я что скрываю? — встрепенулся Дэн.

— Говорит, Рыба и ещё двое зашли внутрь, потом вышли. Взяли две бутылки, — продолжил Руслан.

— Две взяли, — подтвердил Дэн.

— А ты? — рыкнул Гаврила.

— Так я рассказываю. Я на заднем сиденье сидел. Даже из машины не выходил.

Дэн вдруг посмотрел то на Руслана, то на Гаврилу.

— А что, Настю грохнули?

Гаврила усмехнулся.

— Вот ты фокусник. Так ты нам и поведай.

— Так я-то тут при чём, начальник? Я думал, вы за драку возле клуба.

Глаза Дэна раскрылись шире. Теперь в них было не только похмелье, но и страх.

— Да нет, до драки мы ещё дойдём, — сказал Руслан. — То есть мы правильно тебя поняли: ты показал место, но сам к Насте не заходил?

— Не заходил, — быстро ответил Дэн. — Я же сказал, я ей должен был за два пузыря.

— А зашли Рыба и с ним двое?

— Так точно, — кивнул Дэн.

— Дальше, — сказал Руслан.

Гаврила молча смотрел на Дэна.

— А дальше… — Дэн затянулся сигаретой. — Дальше Рыба спрашивает, есть ли тут где загудеть. Я говорю: дискотека есть. Но сам туда не хожу.

Он посмотрел сначала на Гаврилу, потом на Руслана.

— Я как отсидел, из деревни почти никуда и не выезжал, начальник. Я что, малолетка? У меня вон жена.

Дэн махнул головой на пакет и добавил:

— Но местность знаю. В детстве часто тут бывал, до отсидок.

— Ну и? — рыкнул Гаврила. — Продолжай.

— Ну и всё. Мы туда. Рыба ещё по дороге полбутылки всадил. Заехали к дискотеке. Только вышли, к входу пошли. Рыбу подождали, а он сцепился там с каким-то малолеткой. Пока разнимали, туда-сюда…

Голос Дэна начал сбиваться. Было видно, что он приближается к тому месту, из-за которого, скорее всего, и побежал.

— Ну-ну, продолжай, — направил его Руслан.

— А что продолжать, начальник… Там Рыбу этого воткнули. То ли заточку, то ли нож. В бок. Крепкие такие малолетки, правда. А потом уехали на красном «Запоре».

Дэн нервно сглотнул.

— Я смотрю на Рыбу, а он как уж на земле скулит, похоже, попали чётко.

Дэн скорчился.

— Смотрю на Сивого Тимоху и на этого пиздюка — Малого, говорю: надо сваливать. Там все кричать начали: милиция, скорая… Я подумал, что если Рыбу с собой в машину брать, он по дороге кони двинет. А там кровище, начальник…

Дэн попытался развести руками, но наручники не дали.

— Ну, короче, я за руль «Волги» сел. Сивый Рыбу обыскал, ключи мне принёс. Ну мы и уехали. Ко мне. Подальше от этого.

Он поднял глаза на Руслана.

— Рыба сдох?

Руслан переглянулся с Гаврилой.

— Сдох, — кивнул он.

Дэн долго смотрел на него, будто пытался понять, что именно это значит теперь для него самого.

— А ты что же бежал? — внимательно спросил Гаврила.

— Да я хер знает, зачем вы пришли, — выдохнул Дэн. — Мне лучше бегать, чем сидеть. Я, начальник, уже не выйду, если сяду.

— Почему? — спросил Руслан.

Дэн опустил глаза.

— Тубик у меня открытый.

Он немного прокашлялся.

— Блядь, говорить надо, — выругался Гаврила и посмотрел на открытое окно.

— Но сейчас не заразно, начальник, — поспешил оправдаться Дэн. — Я это… безопасный для окружающих.

— Да мы знаем, — буркнул Гаврила и открыл ещё одно окно.

Он повернулся к Руслану:

— Бери объяснение с него. Потом в клетку.

Гаврила вышел.

Руслан вернулся за стол. Перед ним лежал чистый бланк. Теперь оставалось только свести историю Дэна на бумагу — подробно, ровно, без лишнего дыма и без лишних эмоций.

Он взял ручку и начал писать, стараясь дышать со стороны открытого окна.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. День.

Вероника Степановна сидела на кухне.

Она была бледна и молчалива. С утра ничего не готовила и почти ничего не ела. После тяжёлого, прерывистого ночного сна она так и осталась дома: не выходила, не переодевалась, не включала телевизор. Просто сидела и ждала звонка.

Но Сергей пока не звонил.

Мысли метались, цепляясь одна за другую и снова возвращая её ко всему, что случилось за последние дни. Она не могла собрать происходящее воедино и как-то его назвать. Всё казалось плохим. Всё казалось сложным, ненужным, непоправимым.

Потом мысли будто упирались в стену. В то место, где она уже ничего не могла сделать. Но ей всё равно казалось, что должна была. Должна была удержать. Должна была настоять. Должна была отговорить племянника от этой поездки.

Не получилось.

Она ругала себя за слабость. За то, что дала Сергею слишком много свободы. За то, что привыкла доверять ему, как взрослому, хотя где-то внутри он всё ещё оставался для неё мальчишкой, которого нужно было беречь.

Она снова и снова перебирала в голове разные варианты: что можно было сказать, как остановить, кому позвонить раньше, куда пойти, что сделать. Но каждый путь в её мыслях всё равно возвращался к тому, что было сейчас.

А сейчас у неё оставался только тот короткий, оборвавшийся звонок. И голос её Серёжи, который теперь был где-то там, один. Может, и не один на самом деле, но для неё всё равно один. Один в Москве.

Вдруг она вспомнила, как забирала его в детстве, когда ему было почти пять лет, из дома своей сестры. Тогда Серёжа тоже был один. Почти неделю брошенный маленький человек, который слишком рано понял, что взрослые не всегда приходят вовремя.

Вероника Степановна закрыла лицо руками и опять заплакала.

От слёз становилось немного легче, но плакала она уже с самого утра. И всю ночь тоже плакала. А что могли слёзы? Ничего. Они не могли ни дозвониться до Сергея, ни найти его, ни защитить, ни вернуть домой.

Нужно было действовать.

Действовать прямо сейчас.

Но телефон молчал и не подавал признаков жизни.

Она вспомнила ночной разговор со Светланой Викторовной, адвокатом, и вдруг подумала о завтрашнем дне. Вероника Степановна подняла глаза на календарь, висевший на кухонной стене.

Завтра был понедельник.

А сегодня — воскресенье.

Она посмотрела на часы. Было почти четыре часа дня. Солнце за весь день так и не вышло. За окном висела мутная серость, и казалось, что во всём мире больше никого нет.

Вероника Степановна встала, вышла из кухни и прошлась по комнате. Навстречу ей тихо вышел кот Кузя. Он посмотрел на хозяйку круглыми глазами, потёрся о косяк и негромко мяукнул.

Она увидела его и будто только теперь вспомнила, что в доме есть кто-то живой, кому тоже нужно внимание.

— Кузя, — тихо сказала она. — Пойдём, я тебя

накормлю.

— Мур, — отозвался Кузя и сразу побежал за ней на кухню.

Он сел возле холодильника и стал ждать, пока тётушка достанет для него что-нибудь вкусное.

И тут зазвонил телефон.

Вероника Степановна вздрогнула. Не успев положить Кузе еду, она бросилась к телефону и жадно схватила трубку.

— Алло, — тяжело дыша, сказала она.

— Алло. Это я, — раздался в трубке голос Светланы Викторовны.

— Да, да, — быстро ответила Вероника Степановна, глотая воздух и уже заранее пытаясь услышать хоть какие-нибудь новости.

— Сергей объявился? — спросила адвокат.

— Нет, Светлана Викторовна, нет, — пролепетала тётушка.

— Плохо, — коротко ответила адвокат.

Внутри у Вероники Степановны всё сжалось.

— Но я жду, — сказала она. — Он сказал, что позвонит.

— Сможешь ко мне зайти через несколько часов? — спросила Светлана Викторовна.

— Смогу, — сразу ответила Вероника Степановна.

И тут же осеклась.

— Но вдруг он позвонит…

Она посмотрела на телефонный аппарат, словно после её ухода Сергей непременно позвонит и не застанет её дома.

— Да… — протянула Светлана Викторовна. — Понимаю. Ладно, тогда я сама к тебе через часик забегу.

— Да, да, конечно. Спасибо. Я буду ждать, — быстро

сказала Вероника Степановна.

В трубке коротко щёлкнуло, затем пошли гудки. Тишина вернулась сразу — та же, тяжёлая, что стояла в квартире до звонка.

Вероника Степановна медленно положила трубку на рычаг и несколько секунд стояла неподвижно. Потом повернулась и пошла обратно на кухню.

Возле холодильника всё ещё сидел Кузя и терпеливо ждал свою обещанную порцию.

Москва. Цирк «Синие волки». Закулисье. После полудня.

Сергей лежал на кровати и смотрел в потолок.

После разговора с Георгием и Мартом прошло уже несколько часов. Когда всё закончилось, Сергей попрощался с Антоном. Тот уехал в общежитие и обещал навестить его завтра. А самого Сергея, по просьбе Марта, тот чудной парень в сомбреро, который встречал их у входа вместе с ослом, проводил в комнату, где ему можно было остаться.

Комната была небольшая. В ней стояло несколько кроватей — почти как в общежитии у Антона, только здесь всё было собрано из фанерных стен, тонких перегородок и такого же фанерного пола. Каждый шаг за соседней стеной отдавался глухим стуком. Сверху, почти под самым потолком, темнело узкое окно. Лёжа на кровати, Сергей видел в нём только московское небо.

Едва оставшись один, он сел на край кровати и почти сразу уснул.

Теперь Сергей проснулся и чувствовал себя так, будто во время разговора вытащил из себя всё, что в нём

было: страхи, сомнения, всю грязную, тяжёлую путаницу, которая столько времени сидела внутри. От этого стало легче. Не радостно — нет. Но свободнее. Правда теперь яснее укладывалась в голове, и перед ней уже не стояли прежние преграды.

Первой мыслью после пробуждения снова была тётушка.

Вероника Степановна сейчас, конечно, мучилась. Переживала. Ждала звонка. Наверняка сидела дома возле телефона и боялась отойти даже на минуту. Сергей представил её бледное лицо, руки, сложенные на коленях, и почувствовал неприятный укол в груди.

Он должен был позвонить.

Март обещал дать ему телефон вечером. До этого Сергей хотел хотя бы понять, где сам оказался.

Он ещё раз осмотрел своё временное жилище.

Фанерные стены. Чужие кровати. Чужие одеяла. В углу — старый стул, на котором лежала чья-то жилетка с блёстками. На полу — потёртая сумка. Возле соседней кровати стояли огромные ботинки, почти карикатурно большие, будто их забыли здесь не люди, а какие-то сказочные великаны.

Вдруг дверь открылась.

На пороге появился тот самый чудной парень. Он был в той же огромной шляпе, из-под широких полей которой смотрели озорные, весёлые глаза. Они сразу поймали взгляд Сергея.

— А ты не спишь, сосед? — спросил парень.

Сергей приподнялся и сел на кровати.

— Нет. Уже нет.

Парень ловко шагнул внутрь, словно не вошёл, а появился.

— Меня зовут Жуль, — сказал он и снова протянул Сергею руку.

— Я знаю. Ты уже говорил. А меня Сергей.

— Я это тоже знаю.

Жуль посмотрел на большие круглые часы на своей короткой, но крепкой руке.

— Значит, мы уже пару часов дружим.

Сергей усмехнулся и пожал протянутую руку.

Жуль элегантно снял сомбреро и запустил его в сторону соседней кровати. Шляпа, вращаясь, перелетела через комнату и упала точно на подушку.

— А меня назначили твоим наставником, Сергей, — торжественно объявил Жуль и сел напротив.

— А что это значит?

— Ну, это как старший напарник. Чтобы ты чувствовал себя у нас в цирке как дома.

Такое соседство Сергею нравилось.

Жуль был заметно ниже его, но и по лицу, и по телу было ясно: перед Сергеем не подросток, а взрослый человек. Просто собранный как-то иначе. Необычно. Словно природа решила сделать его не по общему чертежу, а по отдельному, своему.

Носки его ботинок едва доставали до пола. Без шляпы образ Жуля стал ещё страннее и сложнее. Голова была немного вытянутой, черты лица — подвижными и живыми, а улыбка такой широкой, что, казалось, вот-вот выйдет за пределы лица.

Сергей смотрел на него и сам невольно улыбался.

— Раз ты в моей комнате, слушай распорядок, — сказал Жуль. — У нас ранний подъём. Потом пробежка. Потом зарядка. Потом завтрак.

На слове «завтрак» он бережно положил ладонь на

живот, будто напомнил ему о важном событии, которое нельзя пропустить.

— Понял, — сказал Сергей.

— Держись меня — и всё успеешь.

Сергей продолжал его разглядывать. Он пытался собрать этого человека в единый образ, но ничего не получалось. Жуль был одновременно взрослым и мальчишкой, смешным и серьёзным, странным и удивительно естественным.

Жуль прищурился.

— Не видел таких, как я?

Сказал он это почти с гордостью.

Сергей смутился.

— Ага, — честно ответил он. — Не видел.

Ему сразу стало неловко оттого, что он так прямо рассматривал нового знакомого.

Но Жуль ничуть не обиделся. Наоборот, широко раскрыл глаза, и они стали похожи на две большие пуговицы. Потом каким-то почти незаметным движением оказался совсем близко к Сергею и принялся разглядывать его в ответ — так же пристально, с вытаращенными глазами.

— А я таких, как ты, тоже никогда не видел, — сообщил Жуль.

Сергей не выдержал и засмеялся.

Жуль отодвинулся и довольно кивнул.

— Ага. Мы все разные.

Он снова прищурился.

— Ну что, пойдём? Покажу тебе цирк.

И опять растянул улыбку на максимально возможную длину.

— Пойдём, — ответил Сергей.

Они вышли из комнаты.

Коридор за дверью оказался длинным и узким. Фанерные стены были покрашены в несколько слоёв, но краска местами облупилась, и под ней проступали старые пятна, царапины, следы чужих рук и плеч. Где-то пахло опилками. Где-то — пылью, мокрой тканью, старым железом и сладковатым гримом.

Издалека доносились голоса, короткий смех, глухие удары и чьё-то протяжное:

— Раз-два… раз-два… держи спину!

Жуль шёл впереди уверенно, почти подпрыгивая.

— Здесь у нас спальный квартал, — объяснял он. — Неофициально называется «кладбище героев». Потому что после репетиций тут все падают и изображают мёртвых.

Они прошли мимо приоткрытой двери.

Внутри на кровати лежал огромный мужчина в майке. Он храпел так, что на стене слегка дрожал плакат с нарисованным тигром.

— Это Боря Гвоздь, — шёпотом сказал Жуль. — Силач. У него в номере на грудь кладут плиту и бьют по ней кувалдой.

Сергей невольно заглянул в комнату ещё раз.

— А почему Гвоздь?

— Потому что однажды он наступил на гвоздь и не заметил. Гвоздь заметили только вечером. Гвоздь был плох, Боря — нет.

Жуль пошёл дальше.

Следующее помещение оказалось больше. Там стояли старые тренажёры, турники, деревянные козлы, перекладины, растяжки, канаты и странные металлические конструкции, назначения которых

Сергей даже не смог угадать. У стены лежали маты. На одном из них девушка в шерстяных гетрах медленно выгибалась назад, почти складываясь пополам. Рядом худой парень с забинтованными кистями отрабатывал стойку на руках.

— Тренировочная, — сказал Жуль. — Тут все становятся красивыми, сильными и немножко больными.

Девушка на мате, не меняя положения, повернула голову к Жулю.

— Сам ты больной.

— Я — заслуженный, — парировал Жуль.

Она посмотрела на Сергея.

— Новенький?

— Временно, — ответил он.

— У нас все временно, — сказала девушка. — Потом привыкают.

Жуль повёл Сергея дальше.

— Это Лика. Она летает под куполом и делает вид, что ей не страшно. Но ей страшно.

— Неправда! — крикнула Лика вслед.

— Правда, — не оборачиваясь, ответил Жуль. — Просто красиво страшно.

Они свернули в другой коридор.

Здесь стояли ящики с реквизитом. Из одного торчали булавы для жонглирования, из другого — разноцветные ленты. На полке лежали маски, искусственные цветы, бубны, шары, маленькие барабаны и блестящие пиджаки. На гвозде висел фрак с золотыми пуговицами.

Жуль остановился и указал на странную конструкцию с колёсами.

— Вот это не трогай.

— Что это?

— Никто не знает. Поэтому и не трогай.

Сергей усмехнулся.

Дальше они прошли мимо маленькой комнаты, где перед зеркалом сидел клоун. Лицо у него было загримировано только наполовину: один глаз уже обведён белым и красным, а другая половина оставалась обычной — усталой и человеческой. Клоун держал в руке кисточку и внимательно смотрел на себя.

— Парамоша, — торжественно представил его Жуль. — Самый грустный весёлый человек в Москве.

Клоун перевёл взгляд на Сергея.

— Не слушай его. Он берёт деньги за правду, а говорит бесплатно.

— Потому что добрый, — сказал Жуль.

— Потому что болтун, — поправил Парамоша и снова повернулся к зеркалу.

Сергей шёл за Жулем и всё больше чувствовал, что попал не просто в здание, а в какой-то отдельный, скрытый от обычных людей мир. Здесь всё было немного кривым, шумным, потёртым, но живым. Каждый предмет как будто знал больше, чем показывал. Каждая дверь вела к кому-нибудь странному. И все эти странные люди здесь были на своём месте.

Наконец коридор закончился.

Жуль распахнул тяжёлую дверь, и перед Сергеем открылось большое тёмное пространство.

Манеж.

Сергей остановился.

Он видел цирк раньше только из зала, когда был маленьким. Тогда всё казалось ярким, громким, праздничным. Сейчас он стоял не со стороны зрителя, а

изнутри, и потому манеж выглядел совсем иначе.

Круглая арена была засыпана опилками. Над ней уходили вверх канаты, лестницы, трапеции и тёмные металлические балки. Вокруг поднимались ряды пустых кресел. Без зрителей они казались не весёлыми, а настороженными. Купол терялся в полумраке. Где-то под самым потолком тихо скрипела подвеска. На бортике манежа лежал свёрнутый ковёр. Рядом стояли тумбы, барьеры и два больших прожектора, похожих на спящих железных зверей.

— Вот, — уже тише сказал Жуль. — Сердце.

Сергей посмотрел на него.

— Цирка?

— Всего, — ответил Жуль. — Тут люди падают, встают, смеются, плачут, ломают руки, врут, что не больно, и выходят снова. Так что да — сердце.

Сергей медленно подошёл к бортику и положил на него ладонь. Дерево было гладким от множества прикосновений.

— Вечером здесь представление?

— Если Сударь никого не убьёт до вечера, будет представление.

— Кто такой Сударь?

Жуль загадочно поднял палец.

— О, Сударь — это не кто. Это явление.

Из глубины прохода донёсся чей-то командный голос:

— Жуль! Я тебя слышу!

Жуль мгновенно сделал невинное лицо.

— Вот видишь? Явление уже рядом.

Они спустились ближе к манежу. По дороге им встретилась женщина в рабочем халате. Она несла ведро и щётку. Женщина была маленькая, сухая, с

таким строгим лицом, будто могла одним взглядом выровнять весь цирк по линейке.

— Анфиса Петровна, — сказал Жуль. — Главный человек. Без неё у нас не взлетает даже то, что должно летать.

— Жуль, — не останавливаясь, произнесла женщина, — если ещё раз оставишь свои ботинки у костюмерной, я их продам.

— Кому?

— Врагу.

Она прошла мимо.

— Она меня любит, — пояснил Жуль.

— Похоже, — согласился Сергей.

— Очень.

За манежем находился ещё один проход. Оттуда пахло животными — сеном, тёплой шерстью и чем-то кислым, живым. Сергей невольно напрягся. Жуль заметил это и обернулся.

— Не бойся. Сейчас покажу тебе волков.

— Волков? — переспросил Сергей.

— Синих.

Сергей замедлил шаг.

Жуль подвёл его к широкому загону, над которым висела табличка: «СИНИЕ ВОЛКИ».

Сергей осторожно заглянул за висящую ширму. За ней лежали серые, лохматые, сильные волки с умными мордами и внимательными глазами. Они подняли головы и посмотрели на Сергея так спокойно, будто уже давно знали, что он придёт. Один лениво ударил хвостом по полу и снова положил морду на лапы.

Жуль присел возле решётки.

— Это Граф. Рядом Буря. Вон та — Комета.

Сергей задержал взгляд на волчице. На её носу темнели несколько свежих царапин. Теперь он понял, кто их оставил.

— Да, Комета у нас теперь на больничном, — сказал Жуль и показал дальше. — А это Лапоть. Лаптя не обижать. Он философ.

Волк, которого Жуль назвал Лаптем, тяжело вздохнул, будто подтвердил.

— Они кусаются? — спросил Сергей.

— Только за дело. И за колбасу. Но за колбасу нежно.

Жуль просунул пальцы сквозь решётку и почесал Графа за ухом. Тот довольно прикрыл глаза.

— А почему синие? — спросил Сергей.

Жуль медленно повернул к нему голову. Весёлые глаза вдруг стали внимательнее.

— О-о-о, это целая философия, — сказал он. — Тебе пока рано.

Он поднялся и снова пошёл своей чуть подпрыгивающей походкой.

— Цирк держится на трёх вещах, Сергей, — продолжил Жуль. — На директоре, волках и мне.

Он выдержал паузу, довольно посмотрел на Сергея и добавил:

— Шучу. Ещё на поваре.

Жуль глубоко вдохнул, будто пытался по запаху определить, что готовят на кухне.

Они ещё долго бродили по закулисью. Жуль показывал Сергею то, чего зритель никогда не видел: лестницы, по которым артисты поднимались под купол; узкие мостики, откуда спускались тросы; старый пульт света; ящики с лампами; закрытые проходы, где пахло пылью и железом.

У пульта Жуль остановился особенно торжественно.

— А вот здесь живут гром, молния и увольнение.

— Почему увольнение?

— Потому что сюда мне нельзя.

И тут же сел за пульт.

— Жуль…

— Тихо. Сейчас будет чудо.

Он дёрнул один рычаг.

Манеж внизу погас полностью.

Сергей даже дыхание задержал.

Через секунду Жуль щёлкнул несколькими кнопками — и пространство взорвалось светом. Сначала загорелся один круг на манеже, потом второй, следом вспыхнули боковые прожекторы. Пустые кресла выступили из темноты. Канаты наверху стали золотыми. Опилки на арене засветились тёплым, почти праздничным цветом.

Сергей замер.

На мгновение цирк стал таким, каким, наверное, должен был быть вечером: живым, ярким, невозможным.

— Видал? — прошептал Жуль. — А теперь представь музыку. Барабан. Публику. И я выезжаю на осле.

— Почему на осле?

— Потому что на коне каждый дурак сможет. А ты попробуй договорись с ослом.

Снизу раздался громкий голос:

— Жуль! Прекрати!

На манеже появился высокий человек в чёрном цилиндре. Он стоял внизу, задрав голову к пульту, и смотрел так строго, что даже с расстояния было понятно: спорить с ним опасно. На нём были длинный тёмный сюртук, белая рубашка и жилет. В руке он

держал трость — не для опоры, а скорее как знак власти.

— Сударь, — шепнул Жуль.

— Я сказал: прекрати! — повторил человек в цилиндре.

Жуль быстро щёлкнул кнопками. Свет погас, а потом зажёгся снова — уже ровно и спокойно.

— Проверка оборудования! — крикнул Жуль вниз.

— У тебя каждое хулиганство называется проверкой оборудования!

— Потому что я ответственный!

— Ты бедствие в сомбреро!

Жуль приложил руку к груди.

— Но с хорошим сердцем!

Человек в цилиндре перевёл взгляд на Сергея.

— А это кто?

— Новый сосед, — ответил Жуль. — Сергей. Временно у нас. Под охраной моего обаяния.

Сударь ещё несколько секунд смотрел на Сергея, потом коротко кивнул.

— Здесь ничего не трогать. На манеж без разрешения не выходить. К животным руки не совать. Жуля одного не слушать.

— А кого слушать? — спросил Жуль.

— Всех остальных.

С этими словами человек в цилиндре развернулся и пошёл через манеж к противоположному проходу. Его шаги глухо отдавались в пустом пространстве.

Жуль проводил его взглядом и выдохнул:

— Хороший человек. Просто громкий.

— Он директор? — спросил Сергей.

— Почти. Распорядитель. Дрессировщик людей. Зовут его Аркадий Львович, но все называют Сударем. Потому

что он ко всем так обращается, когда злится: «Сударь, вы идиот». «Сударыня, вы летите не туда». Вот и прижилось.

Они снова спустились к манежу.

Сергей шёл молча, всё ещё оглядываясь. Несколько часов назад он был совсем в другом мире — мире страха, бегства, тяжёлого разговора, угроз и непонятного будущего. А теперь стоял среди канатов, прожекторов, волков, клоунов, силачей и людей, которые жили так, будто сама жизнь была репетицией перед вечерним выходом.

Жуль перепрыгнул через низкий бортик и оказался на манеже.

— Иди сюда, — позвал он.

— Сударь сказал без разрешения не выходить.

— Он сказал тебе. А я разрешаю.

Сергей усмехнулся и всё-таки перелез через бортик.

Опилки мягко хрустнули под ногами. В центре манежа ощущение было совсем другим. Пустые кресла смотрели на него со всех сторон. Купол нависал сверху. Сергей вдруг почувствовал, как внутри стало тихо.

— Стой здесь, — сказал Жуль. — Это центр. Отсюда всё видно. И тебя всем видно.

Сергей медленно повернулся вокруг себя.

— Непривычно.

— Ещё бы. Тут даже те, кто привык, иногда забывают, зачем вышли.

В этот момент из бокового прохода на манеж вышел Март. Он шёл спокойно, будто появился ровно тогда, когда и должен был появиться. Остановился, посмотрел на Сергея, потом на Жуля и снова на Сергея.

— О, вы уже в делах, — сказал он. — Ну отлично.

Жуль поклонился.

— Провожу ознакомление с объектом. Почти официально.

— Только на тебя и можно положиться, — сказал Март.

И тут же из бокового прохода высунулась голова Сударя.

— Ну-ну…

Март улыбнулся.

— Почти можно.

Сударь снова исчез в темноте закулисья.

Март подошёл ближе к Сергею.

— Осваиваешься?

Сергей кивнул.

— Да. Жуль показывает цирк.

— Это он умеет, — сказал Март. — Сергей, после ужина, ближе к девяти, зайди ко мне. Позвонишь тётушке.

— Я помню, — ответил Сергей.

Март ещё раз оглядел манеж, словно проверяя, всё ли здесь на своём месте, затем кивнул Жулю и растворился в тёмном проходе за кулисами.

Жуль посмотрел на свои огромные часы.

— Через час у нас ужин, — объявил он. — Пойдём проверим, что там в столовой.

Он бодро кивнул в сторону прохода.

Сергей ещё раз оглянулся на пустой манеж, опилки, прожекторы и тёмные ряды кресел.

Потом пошёл за Жулем.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. Вечер.

Из кухонного окна Вероника Степановна увидела, как Светлана Викторовна свернула с дороги к подъезду.

Адвокат шла быстро, но тяжело, будто торопилась и одновременно берегла силы. Её каблуки сперва звонко простучали по бетонной дорожке, потом звук стал глуше — она вошла в подъезд. Через несколько секунд цоканье медленно поползло вверх по лестнице, на второй этаж.

Вероника Степановна уже стояла у двери. Она заранее приоткрыла её и ждала, не решаясь ни выйти на площадку, ни закрыться обратно. Руки у неё были холодные, пальцы всё время цеплялись за край халата.

На лестнице показалась Светлана Викторовна.

— О, привет, — сказала адвокат и остановилась у порога.

Она посмотрела на Веронику Степановну так, как смотрят люди, которые пришли не с добрыми новостями и заранее не знают, с чего начать.

— Здравствуйте, Светлана Викторовна, — отозвалась тётушка. — Проходите, проходите.

Светлана Викторовна почти по-хозяйски вошла в квартиру, сняла плащ и повесила его на крючок у входа. Плащ был дорогой, плотный, с тяжёлой подкладкой; от него пахло улицей, духами и чем-то ещё — холодным, чужим, официальным.

— Пойдёмте на кухню, — сказала Вероника Степановна.

Адвокат, проходя по коридору, мельком огляделась. Лицо у неё почти не изменилось, но Веронике Степановне показалось, что она едва заметно поморщилась. Впрочем, тётушка тут же решила, что ей показалось, и поспешила вперёд.

На кухне она машинально взяла чайник, открыла кран и стала наливать воду. Руки дрожали так, что тонкая струя ударяла то в дно, то в стенку чайника.

— Ой, Вероник, не надо чая, — сказала Светлана Викторовна. — Я на пять минут буквально. По телефону просто никак.

Вероника Степановна остановилась. Вода ещё секунду лилась, потом она спохватилась и закрыла кран.

Светлана Викторовна села на стул, тяжело выдохнула после подъёма и снова оглянулась — будто прислушивалась или принюхивалась.

— Серёжа твой не звонил? — спросила она.

Вероника Степановна покачала головой.

— Нет.

В этот момент в дверях кухни показался Кузя. Чёрный кот стоял, вытянув шею, и внимательно смотрел на гостью. Смотрел не по-кошачьи даже, а почти по-человечески: настороженно, с достоинством и с явным недоверием.

Светлана Викторовна повернула голову.

— А-а, — протянула она, и в голосе её мелькнула слабая усмешка. — А я думаю, откуда запах.

Она посмотрела на Кузю. Тот не двинулся с места, только медленно моргнул и ещё выше поднял голову.

— Да это он после обыска, — быстро сказала Вероника Степановна, будто оправдываясь за кота. — Его как подменили. После обыска стал всё метить. Угол голый, представляете, прямо опрыскивает.

Кузя, словно понял, что речь о нём, развернулся боком и прошёл в коридор, не торопясь, с видом хозяина квартиры, которого вынуждены терпеть все остальные.

— Территорию возвращает? — усмехнулась Светлана Викторовна.

— Ага, — кивнула тётушка. — Забирает обратно. От чужих.

Она сказала это и вдруг сама услышала свои слова. От чужих. После всего, что было вчера, — после засады, после обыска, после этих людей в чужой обуви, с чужими голосами, с чужими руками, которые открывали шкафы и рылись в Серёжиных вещах.

— Ой, Светлана Викторовна, что тут было, — выдохнула Вероника Степановна. — И засада, и обыск… Совсем сдурели.

Адвокат перестала смотреть на кота и перевела взгляд на неё.

— Да, понимаю, Вероник. Но работа у них такая.

— Да уж, — ответила Вероника Степановна.

Она стояла возле раковины и ждала. Ждала того, ради чего Светлана Викторовна пришла. И чем дольше адвокат молчала, тем сильнее у Вероники Степановны холодело внутри.

Светлана Викторовна сцепила пальцы на столе.

— Значит так, Вероник, — начала она. — Я сегодня заходила по своим каналам в прокуратуру. Сразу скажу: дела плохие.

Вероника Степановна будто оступилась, хотя стояла на месте. Она ухватилась рукой за край столешницы возле умывальника и только так удержалась.

— Что такое? — выдавила она.

Светлана Викторовна подняла на неё глаза.

— Я тебе объясню, чтобы ты понимала всю процедуру, которая сейчас идёт.

Тётушка кивнула. Горло у неё пересохло, но она

боялась попросить воды для самой себя, боялась даже пошевелиться.

— Значит так, Вероник, — повторила адвокат.

Взгляд у неё стал тяжёлым. В нём была усталость, но не только усталость. Там было что-то ещё — та самая обречённость, которую Вероника Степановна сразу заметила и от которой ей захотелось зажмуриться.

— Дело, сама понимаешь, серьёзное.

— Понимаю, — прошептала тётушка.

— Сейчас возбуждено дело по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Слова падали одно за другим, сухие, жёсткие, как железные скобы. Вероника Степановна слышала их и не могла принять. Они не входили внутрь. Не соединялись с Серёжей. Не могли соединиться.

Тяжкий вред. Смерть потерпевшего.

Потерпевший.

Как будто говорили не о её племяннике, не о мальчике, который ещё недавно оставлял на столе хлебные крошки, бегал по лужам в резиновых сапогах, выпускал Кузю погулять через окно, а потом по нескольку дней искал его по дворам.

— По этой статье, Вероник, — продолжала Светлана Викторовна, — дают реальный срок. От пяти до пятнадцати лет.

Вероника Степановна услышала цифры и уже не смогла держаться. Губы у неё дрогнули, слёзы сразу поднялись к глазам, тело предательски задрожало.

Пять.

Пятнадцать.

Лет.

— Ты присядь, — сказала адвокат и быстро поднялась. — Присядь пока.

— Нет-нет, — Вероника Степановна замотала головой. — Я слушаю.

Она заставила себя выпрямиться. Вцепилась пальцами в столешницу так, что побелели костяшки. Она же обещала себе. Обещала, что не развалится. Что будет держаться, пока Серёжу нужно вытаскивать.

— Хорошо, — вздохнула Светлана Викторовна и снова села. — Сейчас главная задача — чтобы он пришёл сам. Сам, Вероник. Не чтобы его взяли. Не чтобы нашли где-то. А чтобы он сам приехал, явился и всё рассказал.

Вероника Степановна смотрела на неё, не моргая.

— И тогда? — спросила она еле слышно.

Светлана Викторовна положила обе руки на стол, потом сцепила их.

— И тогда я попробую договориться со следователем, чтобы ему до суда дали подписку.

— Подписку? — переспросила тётушка.

— О невыезде. Чтобы он ждал суда дома. Не в СИЗО.

Эти слова должны были прозвучать как надежда. Но прозвучали тонкой ниткой, натянутой над пропастью.

Вероника Степановна слушала, и всё внутри у неё плыло. Она то почти срывалась в слёзы, то снова собиралась, то опять чувствовала, как пол уходит из-под ног. Но голос адвоката держал её, как жёсткая рука за плечо.

— Да, да, — вдруг быстро сказала она. — Что нужно сделать?

Светлана Викторовна чуть смягчилась.

— Нужно, чтобы он приехал. И мы сразу пошли к следователю. Но, Вероник, это надо сделать очень

быстро. Прямо на днях.

Она мельком посмотрела в окно, потом снова на тётушку.

— Иначе посадят.

Вероника Степановна застыла.

Адвокат тоже помолчала. На лице её появилась усталость, и Веронике Степановне показалось, что Светлане Викторовне самой тяжело говорить это прямо.

— Посадят, Вероник, — повторила она тише. — До суда.

— Но ему же шестнадцать, — вдруг сказала тётушка.

Сказала почти с обидой, будто возраст мог стать щитом. Будто эти шестнадцать лет должны были остановить всех: следователя, прокурора, суд, статью, срок.

— Вероник, — Светлана Викторовна поднялась и подошла ближе. — Вероник, ты пойми. Он уже по закону отвечает. Он несовершеннолетний, да. Но не маленький ребёнок. По такой статье возраст его не спасает. Понимаешь?

Вероника Степановна молчала.

— И ещё, — продолжила адвокат уже жёстче. — Он убежал. Вот это сейчас самое плохое. Ой, Вероник, лучше бы вы сразу ко мне пришли. Зачем ты его отпустила? Если бы с самого начала всё сделали правильно, он бы, может быть, уже дома сидел и ждал суда. А теперь — ниточка, Вероник. Одна ниточка осталась, чтобы его на свободе оставили.

— Ниточка, — повторила тётушка.

— Да.

На кухне стало тихо. Только где-то в коридоре Кузя задел лапой пакет, тот шуршал несколько секунд, потом

снова всё стихло.

— Ну а что я могу сделать? — спросила Вероника Степановна.

Вопрос прозвучал совсем беспомощно. Как будто она спрашивала не адвоката, а саму квартиру, стены, Бога, кого угодно.

Светлана Викторовна развела руками.

— Пусть приезжает быстрее. Больше, Вероник, я сейчас ничего сделать не могу.

Она посмотрела на Веронику Степановну, задержала взгляд, потом устало опустила глаза на часы — тонкие, металлические, золотые, на полной белой руке.

— Ой, Вероник, я побегу.

Адвокат пошла в коридор. Вероника Степановна машинально двинулась за ней.

Светлана Викторовна сняла с крючка плащ, накинула его на плечи и уже у самой двери снова повернулась. Взгляд её стал пристальным, почти строгим.

Вероника Степановна стояла перед ней бледная, с мокрыми глазами, и пыталась поднять голову, но у неё плохо получалось.

Светлана Викторовна взяла её за плечи и слегка сжала.

— Вероник. Ты поняла?

Тётушка кивнула.

— Поняла? — повторила адвокат.

— Поняла, — проговорила Вероника Степановна. — Я поняла. Спасибо большое, Светлана Викторовна.

— Пока не за что, Вероник. Ты крепись. И я жду звонка.

Она открыла дверь и вышла.

Каблуки снова застучали по лестнице — теперь вниз,

быстро, гулко, по бетонным ступеням. Вероника Степановна стояла в проёме и смотрела ей вслед, пока звук не растворился в подъезде.

Потом она закрыла дверь.

Не хлопнула — просто толкнула, и дверь глухо встала на место.

Теперь всё стало ещё понятнее. То, чего она боялась, но о чём не хотела думать, теперь было произнесено вслух. Не страхами, не ночными мыслями, не бабьими предчувствиями — цифрами, статьёй, сроком, словами адвоката.

Пять.

Пятнадцать.

СИЗО.

Подписка.

Ниточка.

Вероника Степановна стояла в коридоре и не могла сразу вернуться на кухню. Ей казалось, что если она сейчас сделает шаг, то обязательно упадёт.

Из комнаты Сергея выглянул Кузя. Он прошёл по коридору мягко и важно, остановился у того места, где только что висел плащ Светланы Викторовны, поднял хвост, чуть потряс им и быстро, почти незаметно, пометил стену.

Потом выпрямился, оглянулся на Веронику Степановну и с гордым видом направился на кухню.

Вероника Степановна смотрела ему вслед.

— Ну вот, — тихо сказала она. — И ты понял.

Она постояла ещё секунду, потом вытерла ладонью щёки и пошла к телефону, как к посту.

Добуж. Отдел милиции. Кабинет начальника отдела. Вечер.

В дверь кабинета начальника отдела громко постучали.

Стук был тяжёлый, короткий, словно человек за дверью тоже еле держался на ногах.

— Разрешите? — пробасил Гаврила.

Виктор Петрович сидел в своём кресле и краем глаза поглядывал на телевизор. Звук был убавлен почти до конца. На экране мелькали какие-то лица; передавали воскресные новости, потом погоду. Виктор Петрович почти не слушал. Он просто смотрел в экран, чтобы хотя бы несколько минут не смотреть в бумаги.

На столе лежали раскрытые папки, блокнот, чашка с недопитым холодным чаем и несколько листков с фамилиями и кличками.

— Заходи, Гаврила Петрович, — отозвался он.

Дверь открылась.

Гаврила вошёл в кабинет, прошёл к креслу возле стены и тяжело опустился в него. Лицо у него было помятое, глаза красные. Видно было, что он тоже устал, но держался по привычке.

Виктор Петрович посмотрел на начальника уголовного розыска.

— Ну что, Гаврила, рассказывай.

Гаврила поднял глаза.

— Да вот, задержанных опросили, товарищ полковник. Алексей Алексеич сейчас отсыпается, поэтому я докладываю.

Виктор Петрович кивнул.

— Давай.

Гаврила раскрыл ежедневник, перелистнул несколько страниц, нашёл нужное место и повёл пальцем по записям.

— Ситуация следующая. Василия, хозяина «Волги», Стас уже опросил. Со слов Васи, он привёз к Дэну в Чашкино троих. Один — Рыбкин, тот, что убитый. Кличка Рыба. И ещё двое с ним.

Гаврила сверился с записями.

— Один — Тимофей, Тимоха Сивый. Полных данных пока нет.

Он устало вздохнул.

— Со слов Дэна и Васи, этот Сивый вроде мотал срок вместе с Рыбой. Значит, надо отправлять запрос в колонию, где они сидели. Пусть местные опера поднимают данные: кто такой, когда вышел, где прописан, куда мог податься.

— Так, — сказал Виктор Петрович. — Дальше.

— Ещё один с ними был. Молодой какой-то. Типа шестёрки при Рыбе. Тоже пока не установлен. Вроде погоняло Малой, но не точно.

— Понятно.

Виктор Петрович слушал и складывал всё в голове. Кто с кем приехал. Кто где остался. Кто ездил к Анастасии Сибих. Кто мог находиться в доме в ту ночь.

Но главного он от Гаврилы пока так и не услышал.

— Ну-ну. Дальше.

Гаврила устало потёр переносицу.

— Со слов Дэна, ночью на «Волге» в Тулино поехали вчетвером: Рыба, сам Дэн, Тимоха Сивый и Малой. Адрес Денис показывал. Вася остался у него в Чашкино. С Рыбой разругался. Говорит, был пьян.

Виктор Петрович чуть подался вперёд.

— А в дом к убитой кто заходил?

— Со слов Дениса, из машины вышли трое: Рыба, Сивый и Малой. За калитку ушли. А заходили они в дом или нет, он точно не видел. Сам в машине остался.

— Дальше.

— Потом они вернулись, сели в машину и поехали на дискотеку. Говорит, драку Рыба начал. Там его малолетка, вот этот Мартынов наш, чем-то и пырнул. Они уехали, Рыбу с собой брать не стали. Говорит, испугались, что по дороге кони двинет. Дэн за руль сел. В Чашкино вернулись уже втроём. Без Рыбы.

Гаврила перелистнул страницу ежедневника.

— Вася всё это подтверждает. Во всяком случае, что уехали вчетвером, а вернулись уже без Рыбы. Потом он утром от Дэна уехал. Сивого и Малого у автостанции в Козево высадил, а сам домой вернулся. Оттуда мы его сегодня утром и забрали, — пробурчал Гаврила.

Виктор Петрович молчал, складывая кирпичик к кирпичику из того, что докладывал ему Гаврила.

— Так Дэн говорит, что Настю не он убил?

— Говорит, не он.

— Врёт?

— Не похоже, — вздохнул Гаврила. — Но кто их разберёт. Остальных теперь искать надо.

Виктор Петрович посмотрел на телефон, затем снова на Гаврилу.

— Со сводкой сегодня пролетаем, значит?

— Выходит, так.

Виктор Петрович тяжело выдохнул.

В кабинете стало тихо.

За дверью кто-то прошёл по коридору. Где-то хлопнула дверь. Телевизор продолжал беззвучно мигать

сбоку, но Виктор Петрович уже не смотрел на экран.

— Вот и выходные, — сказал он.

Гаврила только хмыкнул.

— А что, говорят, стреляли у вас? — спросил Виктор Петрович.

Гаврила поднял глаза.

— Было немного.

— Немного?

— Ну… обошлось. Стажёр вроде нормально себя показал.

— Да? — удивился Виктор Петрович.

— Посмотрим, — ответил Гаврила. — Один раз — не показатель. Но не дрогнул.

— Рапорты о стрельбе и задержании обоих напишешь сегодня, — сказал Виктор Петрович.

— Уже пишем, — кивнул Гаврила.

Виктор Петрович кивнул и снова откинулся в кресле.

Злость ещё сидела в нём, но из-под неё уже проступала усталость. Он вдруг понял, что за эти два дня они сделали всё, что могли. Не всё, что было нужно, — до этого ещё далеко. Но всё, что могли сделать с такой скоростью.

Вышли на «Волгу». Взяли Дэна. Взяли Васю. Установили Рыбкина. Вышли на Тимоху Сивого. Узнали о каком-то Малом. Поняли, кто ездил к Насте и кто вошёл во двор.

Почти вся цепочка уже лежала на столе.

Оставалась механика.

Установить.

Найти.

Задержать.

Но именно эта механика теперь могла занять всю

новую неделю.

— Куда их теперь? — спросил Гаврила.

— До утра — в ИВС, по разным камерам. На основании ваших рапортов дежурный оформит протоколы задержания по подозрению в совершении преступления и сообщит прокурору. Завтра обоих на допросы в прокуратуру.

— Понятно, — буркнул Гаврила.

Гаврила начал подниматься с кресла.

— Я тогда пойду?

— Ага, — сказал Виктор Петрович.

И тут же остановил его:

— Только подожди.

Гаврила замер.

— А что у нас по малолетке? Есть что-нибудь?

Гаврила покачал головой.

— Пока нет.

— Совсем?

— Пока тишина.

Виктор Петрович поморщился.

— Ладно. Завтра с Алексеичем подумаем, что делать. Пусть сегодня отсыпается. А завтра всех собирай. Будем дальше работать. Тут за выходные ещё куча всего набежала.

— Понял, — сказал Гаврила.

Он вышел из кабинета.

Дверь закрылась.

Виктор Петрович ещё некоторое время сидел неподвижно. Потом посмотрел на стол — на записи, фамилии, клички, стрелки и номера телефонов.

Неделя подходила к концу.

Впереди была новая.

И никакого отдыха между ними, по сути, не было. Просто воскресный вечер медленно перетекал в завтрашнее утро, где снова будут звонки, доклады, следователь прокуратуры, управление, задержанные, запросы, клички, зона, малолетка и всё то, что они ещё не успели доделать.

Виктор Петрович подтянул к себе листок с записями, глубоко вдохнул, взял трубку и набрал номер управления. Теперь предстоящий разговор уже не казался таким напряжённым: промежуточный результат — тоже результат.

Москва. Цирк «Синие волки». Вечер.

Под куполом цирка пахло ужином.

Не так, как в зрительском буфете перед представлением — сладкой ватой, лимонадом и чужим праздником. Здесь пахло гуще и проще: горячей выпечкой, творогом, жареным луком, кашей, кефиром, мокрыми опилками, железом и чуть-чуть гримом. Запахи смешивались, расползались по закулисью и цеплялись за стены, костюмы, волосы и занавеси.

Столовая была устроена в длинном помещении за манежем. Несколько столов сдвинули в ряды; вокруг стояли лавки и старые разномастные стулья. У стены возвышался большой бак с компотом, рядом — стопка гранёных стаканов. Над раздаточным окном висела лампа без абажура. Она светила жёлтым, чуть подрагивающим светом, будто тоже устала после репетиций.

В небольшой очереди стояли артисты.

Кто-то переговаривался, кто-то молча держал поднос, кто-то прямо на ходу растирал плечо или шею. У всех были разные лица, разные походки, разные руки: сильные, тонкие, забинтованные, в магнезии, в синяках, с блёстками и остатками краски у висков.

Жуль и Сергей стояли почти в конце очереди.

В руках у них были те же металлические подносы с глубокими блестящими углублениями: одни заменяли тарелки, другие служили отделениями для салата. Сергею эти подносы почему-то казались космическими — будто предназначались не для каши и пирога, а для какого-нибудь полёта, где всё должно быть лёгким, прочным и удобным.

Очередь двигалась медленно. За раздаточным окном орудовала Анфиса Петровна. Она накладывала кашу с мясом, сверху добавляла жареный лук, выдавала хлеб и наполняла стаканы кефиром.

Когда подошла очередь Сергея, она внимательно посмотрела на него.

— Новенький?

— Сергей, — ответил он.

— Руки мыл?

— Мыл.

— Тогда держи.

Она положила ему полную тарелку, кусок хлеба и большой ломоть творожного пирога.

Жуль придвинул свой поднос.

— А мне как обычно.

— Как всем, — сказала Анфиса Петровна.

— У меня организм артистический.

— А желудок человеческий.

Она положила ему кашу, хлеб и кусок пирога.

Жуль посмотрел на пирог, потом на Анфису Петровну.

— А ещё один?

— Нет.

— Это не мне. Это на случай непредвиденных обстоятельств.

— Каких?

— Вдруг первый окажется маленьким.

Анфиса Петровна вздохнула, отрезала ещё один кусок и положила на поднос.

Жуль не двигался.

— Теперь что?

— Нас двое, а пирога два. Непредвиденных обстоятельств всё ещё нет.

Анфиса Петровна посмотрела на Сергея, потом снова на Жуля и добавила третий кусок.

— Всё. Уходи, пока я не передумала.

— Вот за что вас все любят, Анфиса Петровна.

— Уходи.

Жуль подхватил поднос и направился к столу.

Они сели рядом с Борей Гвоздём, Парамошей и ещё несколькими артистами. Сергей сначала ел осторожно, но после первых ложек понял, насколько проголодался.

Боря Гвоздь ел быстро и сосредоточенно. Рядом с ним спорили о вечернем номере. Парамоша говорил мало, но каждый раз так, что за столом кто-нибудь усмехался. Анфиса Петровна появлялась то у раздаточного окна, то между столами и следила, чтобы никто не ставил локти туда, где стояли чужие стаканы.

В дверях на секунду показался Сударь. Он оглядел столовую, как манеж перед выходом, увидел Жуля с тремя кусками пирога и прищурился.

— Жуль.

Жуль замер.

— Я просто ужинаю.

— Ты не ужинаешь. Ты готовишься к зимовке.

— У организма стратегический план.

— Через тридцать минут вечерняя репетиция. За пять минут до начала будь у реквизитной.

— С пирогом можно?

— Без.

Сударь исчез так же внезапно, как появился.

Жуль вздохнул.

— Видишь, Сергей, как гибнет свобода.

— От отсутствия пирога?

— Обычно всё начинается с малого.

Сергей улыбнулся и невольно посмотрел в сторону дальнего стола.

Лика сидела боком, поставив одну ногу на перекладину стула. Ела аккуратно, почти не наклоняясь над тарелкой. Кто-то что-то рассказывал ей, но она, казалось, слушала вполуха. В какой-то момент её взгляд скользнул по столовой и снова встретился со взглядом Сергея.

Лицо сразу обдало жаром.

Он отвернулся так резко, что наблюдавший за ним Жуль чуть не поперхнулся кефиром.

— Всё, — сказал он тихо. — Диагноз подтверждён.

— Какой ещё диагноз?

— Человек увидел цирк изнутри.

— При чём тут цирк?

— При том, что сначала все смотрят на манеж. Потом на прожекторы. Потом на волков. А потом обязательно на кого-нибудь из воздушных. После этого обратно в нормальную жизнь уже не возвращаются.

Сергей хотел ответить, но не нашёлся.

Он ел молча. Горячая еда, шум столовой, запах пирога, голоса вокруг — всё это странно успокаивало. Несколько часов назад он сидел перед Георгием и Мартом и рассказывал то, что боялся рассказывать даже самому себе. Ещё раньше лежал на кровати и смотрел в серое московское небо. А теперь ел творожный пирог в цирковой столовой рядом с Жулем, под строгим взглядом Анфисы Петровны, и где-то за стеной дышали настоящие волки.

Это было так невероятно, что казалось почти сном.

После ужина Жуль бережно допил кефир, заглянул в пустой стакан и вздохнул.

— Всё. Пойдём.

Они сдали посуду. Анфиса Петровна молча приняла тарелки, но Сергею показалось, что ему она кивнула чуть мягче, чем остальным.

Рядом появилась Лика. Она поставила свой поднос на стойку и посмотрела на Сергея.

— Ну как, освоился?

— Немного.

— Это быстро.

— А сколько обычно нужно?

Лика задумалась.

— У всех по-разному.

Она улыбнулась ему и направилась к выходу.

Сергей ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

— Очень содержательный разговор, — заметил Жуль.

— Нормальный разговор.

— Я ничего плохого не сказал.

— Пойдём уже.

— Пойдём. У меня до репетиции осталось двадцать

минут, а я ещё даже не начал волноваться.

Из столовой они сразу вернулись в комнату.

В фанерном помещении было тихо. За стеной кто-то кашлянул. Где-то далеко хлопнула дверь. Узкое окно под потолком уже темнело: серое московское небо стало густым, вечерним.

Жуль снял шляпу, бросил её на свою кровать — и снова попал точно на подушку. Потом сел, поджав под себя ноги. Спина выпрямилась, руки легли на колени.

— Я после ужина не лежу, — объявил он.

Сергей посмотрел на него.

— А что делаешь?

— Сижу в полном молчании.

— Зачем?

— Чтобы пирог понял, куда попал.

Сергей усмехнулся.

— Я тебе мешать не буду, — добавил Жуль уже серьёзнее.

Он скрестил ноги, закрыл глаза и действительно замолчал.

Сергей некоторое время смотрел на него. Без шляпы, с закрытыми глазами, Жуль казался совсем другим. Не балагуром, не бедствием в сомбреро, не проводником по цирковому закулисью, а маленьким мудрецом, случайно оказавшимся в фанерной комнате среди чужих одеял и огромных ботинок.

Минут через десять на соседней кровати затрещала рация.

— Жуль, ты где там пропал? — раздался голос Сударя. — До сбора пять минут.

Жуль открыл глаза и тяжело вздохнул.

— Вот видишь, — сказал он Сергею. — Пирог ещё не

успел освоиться, а свобода уже кончилась.

Он взял рацию.

— Иду.

Жуль спрыгнул с кровати, надел сомбреро и направился к двери.

— Я на репетицию. Отдыхай.

— Хорошо.

— Если что, зови. Только не во время сложного номера.

— А как я узнаю, какой сложный?

— Услышишь, как все кричат.

Жуль улыбнулся и вышел.

Дверь за ним закрылась.

Сергей перевёл взгляд на свою кровать.

На одеяле лежала книга, которую оставил ему Георгий.

Толстая, тяжёлая, с тёмной обложкой.

Сергей взял её в руки.

— А вот и моя первая книжка, — тихо сказал он самому себе. — А я всё думал, какая она будет.

Он усмехнулся, перевернул книгу и прочитал название:

«Уголовный кодекс Российской Федерации».

Улыбка сразу стала другой — не весёлой, а кривой.

Сергей подмял под себя подушку, устроился на кровати и открыл книгу там, где из страниц торчала первая бумажная закладка. Георгий вложил полоски аккуратно, почти по-учительски.

На первой было написано: «105».

Сергей провёл пальцем по строкам.

Убийство.

Он прочитал определение несколько раз.

Слова были короткими и холодными, будто написанными не для людей, а для камня. Сергей пытался соединить их с собой и не мог. Слово «убийство» стояло на странице отдельно. А рядом с ним, где-то в голове, оставались та ночь, сбитая ногами земля, чужие крики, удар, страх, кровь и Валя.

Он быстро перелистнул к следующей закладке.

«111. Часть четвёртая».

Сергей стал читать медленно, почти по слогам:

«Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлёкшие по неосторожности смерть потерпевшего…»

Он сглотнул.

Тяжкий вред.

Смерть.

Потерпевший.

Все эти слова были не похожи на живого человека. Не похожи на того, кого можно было толкнуть в плечо и сказать: «Вставай». Не похожи на того, кто дышал, ругался, ходил, смотрел. Закон будто забирал у человека имя и оставлял вместо него одну строку.

По самим статьям выходило до пятнадцати лет.

На полях Георгий карандашом поставил короткую стрелку и приписал:

«См. ст. 88. Несовершеннолетнему — не свыше десяти лет».

Десять.

Сергею было шестнадцать. Десять лет не помещались в голове. Это была почти вся жизнь, которую он хорошо помнил.

Он перелистнул дальше.

Третья закладка.

«37. Необходимая оборона».

Сергей наклонился ближе.

Там было написано, что причинение вреда нападающему не является преступлением, если человек защищал себя или другого. Дальше шли слова сложнее: про общественно опасное посягательство, про пределы обороны, про действия, явно не соответствующие характеру и степени опасности нападения.

Сергей читал, возвращался назад и снова читал.

И вдруг ему показалось, что перед ним не книга, а задача.

Формула.

Как в математике.

Только там, если доказать одну формулу, получается один ответ, а если другую — другой. Здесь же от ответа зависела не оценка в тетради, а вся его жизнь.

Одна формула — убийство.

Другая — тяжкий вред, от которого человек умер.

Третья — защита.

Сергей снова посмотрел на карандашную пометку Георгия.

Не свыше десяти лет.

Внутри потемнело.

Книга стала тяжёлой, будто её налили свинцом.

Он положил кодекс рядом, подтянул подушку выше и сам не заметил, как провалился в тяжёлый вечерний сон.

Ему снилась земля.

Та самая.

Неровная, тёмная, сбитая ногами.

На ней лежал Валя.

Он лежал боком и не двигался.

Сергей стоял над ним и сначала не понимал, почему тот не встаёт. Потом понимал. Потом снова отказывался понимать.

— Валя, — сказал он.

Голоса не было.

Он наклонился, схватил его за плечо и потряс.

— Валя, вставай.

Тот не двигался.

Вокруг ходили люди. Много людей. Какие-то лица мелькали рядом, наклонялись, отступали. Кто-то охал, кто-то закрывал рот ладонью. Но никто ничего не делал. Никто не подходил по-настоящему. Никто не помогал.

Они стояли вокруг, как зрители вокруг манежа. Только манеж был из грязной земли, а в центре лежал мёртвый человек.

Сергей кричал.

Он чувствовал, как рвётся горло, как воздух режет грудь, но звука не было.

— Помогите!

Никто не слышал.

Он снова стал трясти Валю. Потом ударил его ладонью по щеке — не от злости, а от ужаса.

— Проснись! Ну проснись же!

И вдруг Валя вздохнул.

Совсем тихо.

Сергей замер.

Валя открыл глаза — медленно, тяжело, будто вспоминал, как это делается. Потом посмотрел прямо на Сергея.

Сергей почувствовал такую радость, что у него перехватило дыхание.

Он хотел сказать: «Живой». Хотел позвать кого-

нибудь. Хотел засмеяться и заплакать одновременно.

В этот момент кто-то легко толкнул его в плечо.

Сергей обернулся.

Никого.

Его толкнули снова.

Он открыл глаза.

Перед ним сидел Жуль.

Без сомбреро, растрёпанный, но с теми же весёлыми глазами. Он смотрел на Сергея внимательно, почти ласково, как смотрят на человека, которого не хотят резко вытаскивать из плохого сна.

— Серёжа, вставай, — сказал он тихо.

Сергей несколько раз моргнул.

Потолок. Фанерные стены. Узкое окно. Чужие кровати. Жуль.

Рядом на одеяле лежал раскрытый Уголовный кодекс.

— Что? — хрипло спросил Сергей.

— По рации передали. Тебя Март ждёт. Георгий приехал.

Сергей слишком быстро сел. Голова закружилась.

— Сейчас?

— Ага.

Сергей провёл ладонью по лицу. Сон ещё держал его за горло, но имя Георгия сразу вернуло в настоящий вечер.

— Я сейчас.

Он поднялся, едва не споткнулся о ботинки возле соседней кровати, и пошёл к рукомойнику в конце коридора. Вода была холодная. Сергей плеснул её в лицо раз, другой, третий. Посмотрел на себя в маленькое мутное зеркало.

Лицо бледное. Глаза тёмные. Волосы торчат.

Он вытерся краем полотенца, вернулся, закрыл кодекс и оставил его на кровати.

Жуль ждал у двери.

— Дойдёшь?

— Дойду.

— Если что, кричи. Я прибегу и сделаю вид, что всё под контролем.

— Спасибо.

— Это моя работа. Я же наставник.

Сергей кивнул и вышел.

Вечером коридоры цирка стали другими. Днём они казались шумными и смешными, теперь в них было больше теней. Где-то гремели ящики. Кто-то пробежал мимо с костюмом на плече. Из манежа доносилась музыка — пока ещё не настоящая, репетиционная, обрывками. В воздухе пахло потом, гримом, животными и горячими лампами.

Сергей шёл быстро.

Кабинет Марта находился в стороне от главного прохода. Дверь была приоткрыта. Изнутри слышались голоса.

Сергей остановился и постучал костяшками пальцев.

— Можно?

— Заходи, — ответил Март.

В кабинете были Март и Георгий.

Март сидел за столом. Георгий стоял у окна, но, увидев Сергея, сразу повернулся. Классического пиджака на нём уже не было. На Георгии была тёмная дорожная куртка с накладными карманами и свободные брюки. Из-за этого он выглядел проще, подвижнее, почти по-походному. Только взгляд оставался прежним — внимательным и спокойным.

— Здравствуйте, — сказал Сергей.

— Привет, — с улыбкой отозвался Георгий.

Сергей сел за стол. Георгий придвинул стул и устроился рядом — не напротив, а именно рядом, будто они собирались вместе смотреть на одну карту.

Март поднялся.

— Вы разговаривайте. Я пока займусь своими делами.

Он посмотрел на Сергея, потом на Георгия. Ничего лишнего не сказал и вышел, прикрыв за собой дверь.

В кабинете стало тише.

Георгий немного наклонился к Сергею.

— Ну что? Как ты?

— Всё хорошо.

Сергей сам удивился, что произнёс это почти уверенно.

— Мне тут нравится.

Георгий улыбнулся.

— Ещё бы. В такой компании будешь и сыт, и весел. Тут все по-своему странные, зато никто не бывает бесполезным.

Сергей тоже улыбнулся.

Георгий положил ладони на стол.

— У тебя были вопросы? Задавай. Потом я расскажу, что мы с Мартом решили делать дальше.

Сергей посмотрел на него.

Вопросов было много. Про статьи. Про суд. Про следователя. Про то, что будет завтра. Про то, почему несколько строк в книге могут решить человеческую жизнь.

Но первым поднялся другой вопрос.

Самый простой и самый тяжёлый.

— Мне бы тётушке позвонить, — сказал Сергей.

Георгий кивнул, будто именно этого и ждал.

— Для этого я и приехал. Нам обязательно нужно сейчас ей позвонить. Но сначала ты должен понимать, что сказать.

Сергей выпрямился.

— Я слушаю.

— Скажешь, что ты в Москве. Что ты жив. Что с тобой всё нормально. Что у тебя есть адвокат. Меня зовут Георгий. Завтра ближе к обеду я приеду к ней домой.

— Вы? — удивился Сергей.

— А как ты представлял нашу работу? — спокойно спросил Георгий. — У нас мало времени. Нужно действовать быстро и решительно. Иначе другие успеют выстроить всю историю без нас.

Сергей кивнул.

— Ты несовершеннолетний, а тётушка — твой законный представитель. Мне нужно заключить с ней соглашение.

— Понял.

— Она может плохо тебя слышать, перебивать, плакать. Не злись. Повторяй спокойно. Не спорь. Скажи главное: завтра к ней приедет адвокат Георгий из Москвы. Пусть дождётся меня и до нашего разговора ничего не подписывает и никаких решений не принимает.

Сергей снова кивнул.

Георгий внимательно посмотрел на него.

— Ещё вопросы?

Сергей замялся.

— Скажите…

— Говори.

Он опустил глаза на край стола.

— А как мне рассчитаться за эту помощь?

— А ты уже зарабатываешь? — с улыбкой спросил Георгий.

— Пока нет.

— Вот когда начнёшь зарабатывать, тогда и поговорим.

И сразу перешёл к делу:

— Давай звонить.

Георгий достал из кармана небольшой тёмный аппарат.

Сергей сначала даже не понял, что это. Георгий нажал кнопку, и аппарат раскрылся.

Мобильный телефон.

Сергей видел такие только издалека — в руках у людей, которые всегда куда-то торопились и говорили коротко, будто покупали чужое время.

Георгий протянул телефон ему.

— Набирай.

Сергей взял аппарат осторожно, почти как чужую драгоценную вещь. Пальцы вдруг стали непослушными. Он набрал домашний номер и посмотрел на Георгия.

Тот кивнул.

В трубке пошли гудки.

Один.

Второй.

На третьем кто-то схватил трубку.

— Алло? Алло?

Голос был знакомым, но надломленным. Слишком высоким, слишком испуганным.

Сергей закрыл глаза.

— Ма…

В трубке на полсекунды стало тихо.

— Серёжа? — почти всхлипнула Вероника Степановна. — Серёжа, это ты?

— Это я, ма.

— Господи… Серёжа… Серёжа…

Она заплакала сразу, будто всё это время держалась только ради того, чтобы услышать его голос и наконец развалиться.

У Сергея сжалось горло.

— Не плачь, ма.

— Я не плачу… Я… Господи, Серёжа…

Она всхлипывала, пыталась что-то сказать, но слова путались. Сергей слышал её дыхание и какой-то скрип — наверное, на кухне отодвинули стул или табуретку.

Ему вдруг очень ясно представилась квартира: коридор, телефон, Кузя, его комната, тётушка в халате и её мокрое лицо.

— Ма, я по делу, — сказал он, стараясь говорить твёрдо.

Это подействовало.

Вероника Степановна несколько раз судорожно вдохнула.

— Да, да, Серёж. Я слушаю. Говори.

— Я в Москве. У меня всё хорошо. Мне помогают.

— Да…

— Я звоню с телефона адвоката. Его зовут Георгий.

— Ага…

— Завтра он приедет к нам домой.

— Кто? — растерянно переспросила тётушка.

Сергей крепче сжал телефон.

— Ма, слушай внимательно. Завтра к тебе приедет адвокат из Москвы. Его зовут Георгий.

— Георгий, — повторила она. — Сейчас… Сейчас я запишу…

Послышался шорох. Наверное, она искала ручку.

— Запиши: Георгий. Адвокат. Из Москвы. Он приедет завтра… — Сергей вопросительно посмотрел на Георгия.

— Думаю, к обеду буду у неё, — негромко подсказал тот.

— К обеду он приедет к нам, — повторил Сергей в трубку.

— Поняла, Серёж. Георгий. Адвокат. Из Москвы. Завтра к обеду.

Она повторила всё правильно, но по голосу было слышно, что держится из последних сил.

— А ты? — вдруг спросила она. — Ты сам когда приедешь? Где ты? Ты один?

— Ма, я пока не приеду.

— Ой, Серёжа…

— Ма.

— Ой, Серёжа, что же это…

— Пожалуйста, слушай меня. Я не один. Со мной всё нормально. Георгий завтра приедет, и ты ему всё расскажешь. Про обыск. Про адвоката. Про всё.

— Да, Серёженька…

— И до него ничего не подписывай. Никаких решений не принимай. Поняла?

На другом конце снова послышались слёзы.

— Я тут тоже к адвокату ходила, — быстро заговорила Вероника Степановна. — К Светлане Викторовне. Она тут всех знает. Сказала, что тебе надо срочно приехать. Что она договорится, чтобы тебя не посадили. Говорит, если сам приедешь, может, дома будешь ждать суда, не в СИЗО…

Сергей посмотрел на Георгия.

Тот слушал внимательно.

— Ма, я понял, — сказал Сергей. — Всё понял. Завтра приедет Георгий. Ты ему всё расскажешь. Хорошо?

— Хорошо, Серёж. Хорошо. Только ты… Ты держись там. Ты ел? Где ты спишь? Тебя не обижают?

Сергей хотел ответить спокойно, но голос тётушки был таким надрывным, что каждое её слово било сильнее, чем он ожидал.

— Я ел, ма. Всё хорошо. Тут люди хорошие.

— Серёжа…

Георгий мягко протянул руку.

Сергей понял.

— Ма, я сейчас дам трубку адвокату. Хорошо?

— Ага… Ага, Серёж.

Сергей передал телефон Георгию.

Тот сразу заговорил другим голосом — ровным, спокойным, негромким, но таким, который хотелось слушать.

— Здравствуйте, Вероника Степановна. Меня зовут Георгий.

Он помолчал, выслушивая ответ.

— Да. Сергей рядом. С ним всё в порядке. Завтра я к вам приеду, и вы подробно расскажете мне обо всём, что произошло. Сейчас главное — дождаться меня. Ничего не подписывайте и никаких решений до нашего разговора не принимайте. Хорошо?

Снова пауза.

— Да, я понимаю. Конечно, вы очень переживаете. Но сейчас вам нужно держаться. Сергей услышал ваш голос. Вы услышали его. Он жив, он в безопасности, и мы занимаемся делом.

Георгий ещё немного послушал.

— Хорошо. Завтра я буду у вас. До встречи.

Он протянул телефон Сергею.

— Скажи ей ещё несколько слов и заканчивай. Ей сейчас тяжело долго говорить.

Сергей взял трубку.

— Ма?

— Да, Серёж.

— Ты держись. Всё будет хорошо.

Он произнёс это и сам понял, что не знает, правда ли всё будет хорошо. Но сейчас эти слова были нужны не для правды, а для того, чтобы тётушка не упала там, возле телефона, совсем одна.

— Да, Серёж. Да, милый.

— Я ещё позвоню.

— Хорошо. Только ты… пожалуйста…

Она не договорила.

— Я знаю, ма.

Сергей нажал кнопку.

Связь оборвалась.

Несколько секунд он смотрел на телефон в своей руке, будто оттуда ещё мог прозвучать тётушкин голос. Потом медленно положил аппарат на стол и посмотрел на Георгия.

Тот молчал.

Теперь Сергей точно понял, о чём Георгий говорил ещё при их первой встрече. Тогда Сергей только слушал его. Теперь всё это он услышал в словах тётушки.

На него словно снова навалились сложные слова, которые он читал в Уголовном кодексе. Только теперь они уже не лежали на страницах книги — их примеряли к нему.

— Не переживай, — сказал Георгий. — Я же тебе говорил: нужно готовиться.

Он коротко похлопал Сергея по плечу.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошёл Март.

Он сразу остановился, оглядел их лица и понял, что воздух здесь только что был тяжёлым.

— Поговорили? — спросил он.

— Поговорили, — ответил Георгий. — Завтра поеду к Веронике Степановне. На месте всё выясню.

Март кивнул.

— Понятно.

Георгий поднялся и взял сумку, с которой пришёл. Небольшую, плотную, с несколькими карманами и потёртыми металлическими замками.

— Утром выезжаю рано, — сказал он Марту. — Доберусь до места — дам знать.

— Хорошо, — ответил Март.

Сергей тоже встал.

Георгий протянул ему руку.

Сергей пожал её.

Рука была крепкой, сухой и спокойной.

— Завтра вечером я постараюсь тебе позвонить, — сказал Георгий.

— Спасибо. Я буду ждать, — ответил Сергей.

Георгий улыбнулся, кивнул Марту и вышел.

Дверь закрылась.

За стенами кабинета снова шумел цирк. Где-то смеялись, где-то тащили реквизит, где-то звякнула посуда. А в глубине, за проходом к животным, низко и протяжно заворчал волк.

Ночь. Между сном и явью.

Ночь наступала для всех. Земля поворачивалась к Солнцу новыми гранями: где-то наступал рассвет, а где-то тьма снова окутывала землю, оставляя ночному небу право подсвечивать её и распоряжаться её временем.

Тёмный лес понемногу становился прозрачным. Луны не было видно — она завершала свой цикл. Сириус, ярчайшая звезда созвездия Большого Пса, возглавлял парад звёзд и, казалось, видел всё, что происходило внизу, под кронами деревьев. Поляна блестела в его мутном свете, а звёзды рассыпались по небу, словно огни далёкой гирлянды.

Старый волк сидел в самом центре поляны и смотрел туда, где между деревьями сгущалась тьма. Остальная стая расположилась вокруг него: одни волки ложились на прохладную землю, другие продолжали стоять, прислушиваясь к лесу.

Вожак поднял морду к небу. Сириус сиял ярче остальных звёзд. Казалось, вожаку нужно было дождаться его знака, чтобы понять, по какой дороге повести свою стаю.

Вдруг с края леса зашуршали листья.

Сначала едва слышно, потом всё отчётливее.

Старый волк сразу определил направление. Кто-то шёл прямо к поляне.

В этом лесу не было никого сильнее волчьей стаи. И всё же вожак поднялся на все четыре лапы, крепко упёрся ими в землю и медленно втянул воздух. Он хотел почувствовать того, кто приближался, узнать его раньше, чем тот покажется из темноты.

Но воздух не принёс никакого запаха.

Только шорох продолжал приближаться.

Вожак повернул голову к стае. Этого движения оказалось достаточно. Несколько самых сильных волков бесшумно поднялись и разошлись по краям поляны, повернув морды в сторону леса. Остальные замерли за ними.

Волк всегда чувствует страх. По его запаху он узнаёт добычу ещё до того, как увидит её. Но тот, кто шёл сквозь темноту, не боялся. Он не был добычей.

Он был похож на них — словно отражение самой стаи в чёрной воде, только изменившееся, ставшее другим.

Между деревьями проступил крупный силуэт. Он вышел к поляне и остановился. Издалека ещё нельзя было понять, волк это или собака.

Волки прижали уши и обнажили клыки. Тихое рычание прокатилось по стае, будто один общий голос.

— Что тебе нужно? — прорычал вожак.

Силуэт не шевельнулся.

Сильные волки медленно разошлись в стороны, окружая незнакомца и пытаясь понять, кто осмелился в одиночку прийти к могучей стае и остановиться перед ней без страха.

Старый волк сделал шаг вперёд.

— Ты болен?

— Нет, — ответил незнакомец.

— Ты собака?

— Да.

— Тогда возвращайся к людям. — Вожак чуть опустил голову. — И не приближайся к стае.

Пёс остался на месте.

— Я пришёл помочь вам.

Старая волчья морда нахмурилась.

— Ты служишь людям. Ты наш древний брат, но мы — волки, а ты — собака.

Пёс поднял голову, и свет Сириуса лёг на его морду.

— Я тоже древний волк.

На поляне стало тихо. Даже листья перестали шуршать.

Вожак долго смотрел на него, будто пытался увидеть того волка, который всё ещё жил внутри собаки.

— Тогда чего же ты хочешь?

Пёс оглянулся на темноту, из которой пришёл.

— Хочу, чтобы вы помогли человеку. Вы нужны людям.

Слова эти прозвучали по-волчьи — не только голосом, но и взглядом, движением тела, каким-то древним пониманием, которое существовало задолго до человеческой речи. Стая услышала всё.

Пёс развернулся и пошёл обратно в темноту.

Старый вожак провожал его взглядом, пока крупный силуэт не начал растворяться среди деревьев.

— Идите с ним, — прорычал он, обращаясь к своим воинам.

Волки опустили оскаленные морды и один за другим двинулись вслед за собакой.

Лес принял их. Некоторое время вокруг слышался только шорох листьев под лапами, а потом деревья вдруг расступились.

Пёс привёл волков к одинокому дому. За его тёмными окнами плакал человеческий ребёнок.

Волки остановились.

Теперь они поняли, какой звук звал их через весь лес.

Сириус над домом дрогнул. Его свет поплыл, деревья стали исчезать, а тёмная крыша медленно поднялась

над землёй и превратилась в огромный цирковой купол.

Над цирком сквозь облака, затянувшие московское небо, пробивался мутный свет звёздного неба.

Под куполом спали все — и люди, и волки.

Сны тоже видели все. И в этих снах они снова пытались научиться жить вместе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Дорога из Москвы. Цирк «Синие волки». Около 6:30.

Под огромными колёсами чёрного американского джипа «Шевроле» ровно шумел асфальт. Мотор V8 гудел низким басом, в салоне играл старый рок-н-ролл, а тяжёлая машина легко отзывалась на каждое движение рук Георгия.

Из Москвы он выехал совсем рано, почти в пять утра. Город ещё спал, редкие фонари тянулись вдоль дороги жёлтыми точками, а впереди уже светлела узкая полоса неба. До Добужа Георгий рассчитывал добраться к десяти. Треть пути уже осталась позади.

На соседнем сиденье стоял термос с крепким китайским чаем. Георгий время от времени делал глоток, и терпкая горечь хорошо прочищала голову. На часах было шесть тридцать. Он смотрел вперёд, на пустую дорогу, и думал о том, что понедельник начался слишком рано, но именно такие утра почему-то всегда обещали что-то важное.

В это же время под куполом цирка раздался тонкий писк электронного микробудильника Жуля.

Пик. Пик. Пик. Пик.

Жулю этот будильник давно был не нужен. Он просыпался сам — быстро, точно, почти за секунду до сигнала. Но будильник всё равно оставлял рядом с кроватью, как маленькое подтверждение: день начался, мир подал знак, можно вставать.

Жуль сел на кровати, протёр глаза и посмотрел на своего нового соседа.

Сергей спал крепко и, кажется, даже не подозревал, что сон уже подходит к концу.

— Ну вот, — тихо сказал Жуль, — теперь ещё и нагрузочку мне дали.

Он огляделся, будто выбирал оружие для большого сражения, и заметил подходящий инструмент. На тумбочке лежала маленькая дудочка. Жуль взял её, поднёс к губам и выдул протяжный жалобный звук.

Сначала Сергей только нахмурился во сне. Потом звук стал громче, веселее, с какими-то цирковыми переливами. Жуль и правда умел превратить даже дудочку в целый оркестр. А через мгновение он ещё и запел:

— Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок! Вставай, вставай, порточки надевай!

Сергей открыл один глаз. Потом второй. И сразу провалился в смех.

— Жуль… ещё рано. Давай поспим.

— Рано? — Жуль перестал играть и посмотрел на него строго. — Ага. Рано. Это уже поздно. Тут тебе не домашний кисель. Тут почти боевые условия.

Он задрал голову так важно, что сам остался доволен сказанным.

— Вставай. Тяжело в учении — легко в бою.

Сергей понял, что Жуль не шутит. Отлежаться не получится.

— Встаю, встаю…

Он сел на кровати, ещё сонный, с растрёпанными волосами, и посмотрел, как Жуль уже вытаскивал из небольшого чемоданчика кимоно. Оно было бежевое,

лёгкое, с маленькими вышивками по краям. Жуль надел его быстро, без лишних движений, будто делал это каждое утро всю жизнь.

— У тебя спортивный костюм есть? — спросил он.

— Есть. Тётушка положила.

Сергей открыл сумку и нашёл синий спортивный костюм. Через несколько минут они умылись, обули кроссовки и вышли из-под купола наружу.

— А теперь не отставать, — скомандовал Жуль.

Он тут же сорвался вперёд лёгкими прыжками. Сергей побежал за ним.

Они обогнули цирковой купол, прошли мимо ещё тёмных фургончиков и вышли на дорожку, ведущую к парку. Утро было прохладным. Воздух пах влажной травой, железом и ранней листвой. Вдалеке ещё горели редкие окна, а над деревьями только начинало сереть небо.

Жуль бежал так, будто не касался земли. Его движения были чёткими, пружинистыми, почти игрушечными, но в этой игрушечности чувствовалась сила. Сергей же сразу понял, что его тело проснулось не полностью. Ноги слушались не сразу, дыхание сбивалось, а руки болтались как-то неловко.

Жуль оглянулся на Сергея прямо на бегу:

— Кто отстаёт, тому добавки на завтрак не дают! Цирковая мудрость. Я придумал.

Сергей хотел ответить, но воздуха хватило только на короткий смешок.

В парке Жуль вывел его на знакомый, видимо, маршрут. Сначала они бежали ровно, потом Жуль сбавил темп и сказал:

— Теперь смотри за мной и повторяй.

Он побежал боком, делая широкие приставные шаги. Потом — в другую сторону. Сергей повторял, стараясь не запутаться в собственных ногах. Затем Жуль развернулся и побежал спиной вперёд, глядя прямо на Сергея.

— Не думай. Просто делай.

Сергей делал. Дыхание стало горячим и рваным. Лицо и спина быстро намокли. В груди стучало. Утро уже не казалось таким холодным.

Потом Жуль резко ускорился и исчез между деревьями.

Сергей остановился на секунду, оглянулся влево, вправо, не понимая, куда бежать дальше.

И тут кто-то легко похлопал его по плечу сзади.

Сергей резко повернулся.

Перед ним стоял Жуль и улыбался.

— Ну что ты медленный такой?

— Ты откуда взялся?

— Из природы, — серьёзно ответил Жуль и снова сорвался вперёд. — Давай-давай, ещё немного — и скоро привал!

Слово «привал» Сергею понравилось. Он собрал остатки сил и побежал следом.

Но привал оказался не совсем привалом.

Жуль свернул на новую тропинку, ловко перепрыгивая через корни деревьев. Впереди показалась обычная парковая лавочка.

— А это моя любимая программа, — сказал Жуль и кивнул на неё.

Сергей уже почти обрадовался, решив, что они сейчас сядут. Но Жуль разбежался, поджал под себя обе ноги и перелетел через лавочку, оказавшись с другой стороны

так легко, будто это была не лавка, а нарисованная на земле линия.

— Давай!

Сергей разбежался. Повторить прыжок так же легко он, конечно, не смог. Он оттолкнулся одной ногой, неловко перекинул другую через спинку и едва не упал при приземлении.

Жуль смотрел на него с важным видом тренера.

— Ага. Театрально. Пока ты ещё деревянный.

— Спасибо за поддержку.

— Поддержка будет на завтраке. За мной!

Он снова нырнул в кусты, и Сергей побежал следом. Теперь в голове уже почти не осталось мыслей. Только бег, движение, дыхание и спина Жуля впереди.

Через несколько минут между деревьями показалась спортивная площадка. Металлические перекладины, турники, шведская стенка, низкие брусья — всё было мокрым от утренней росы и слегка блестело в сером свете.

Жуль остановился, поднял ногу и поставил её на высокую перекладину. Потом легко наклонился к колену.

Сергей попробовал повторить. Нога поднялась, но совсем не так высоко. В сухожилиях сразу потянуло так, будто внутри кто-то затянул верёвки.

— Я же говорю, деревянный, — усмехнулся Жуль. — Вон твоя ступенька.

Он показал на перекладину ниже. Сергей переставил ногу.

— А теперь тянись и дыши. Не геройствуй. Герои потом ходят боком.

Сергей послушно тянулся. Потом они сделали ещё

несколько упражнений: наклоны, повороты, махи ногами, приседания. Жуль показывал быстро, но понятно. В нём не было обычной утренней вялости. Казалось, он включился сразу на полную мощность.

— А я вот только отжиматься нормально умею, — тяжело дыша, сказал Сергей.

— Это хорошо, — кивнул Жуль. — До этого дойдём. Сегодня сильно перегружаться не будем, а то завтра не встанешь.

После растяжки Жуль спокойно сел на шпагат.

Сергей замер.

— Вот так сможешь месяца через четыре, — сказал Жуль, сидя на шпагате так, будто устроился на диване. — Но только если каждый день будешь делать всё, что говорит наставник.

Он сказал это с такой комической важностью, что Сергей не удержался и улыбнулся.

Вдруг из-за кустов послышался тяжёлый топот. Жуль повернул голову ещё до того, как Сергей понял, что кто-то приближается.

На площадку выбежал огромный мужчина с голым торсом. Это был Гвоздь.

— Опаздываете, господин, — сказал Жуль и улыбнулся.

Гвоздь остановился, посмотрел на него сверху вниз и хмыкнул:

— У нас всё чётко. Это вы раньше времени.

Он перевёл взгляд на Сергея.

— Новенький?

— Временно деревянный, — сообщил Жуль. — Но перспективный.

Гвоздь ничего не ответил. Только подошёл к

перекладине, подпрыгнул и начал подтягиваться так спокойно, будто его собственный вес ничего не значил.

Сергей смотрел на него, стоя в планке рядом с Жулем.

— Раз, — скомандовал Жуль.

Сергей опустился и отжался.

— Два.

К десятому разу руки у Сергея уже дрожали, а с носа на землю капнул пот.

— Ну а теперь ещё пять. С усилием, — сказал Жуль. — И за мной.

Он вскочил первым, подбежал к металлической конструкции, подпрыгнул, ухватился за перекладину и легко перекинулся на соседнюю. Потом на другую, затем выше. Он двигался по железной паутине так быстро и уверенно, будто родился среди этих перекладин.

Сергей смотрел на него снизу.

«Железный человек», — подумал он.

— Я знаю, — вдруг отозвался Жуль сверху и улыбнулся.

Сергей моргнул.

— Ты мысли читаешь?

— Ага. И ты научишься, — засмеялся Жуль. — Но не сразу.

Он ловко спрыгнул на землю с высоты, в два раза превышавшей его рост, пружинисто приземлился на полусогнутые ноги и тут же выпрямился.

Сергей смотрел на него широко открытыми глазами.

Жуль подмигнул и махнул Гвоздю:

— Счастливо оставаться! Нам нужно успеть на завтрак.

— Давайте-давайте, — сказал Гвоздь, продолжая подтягиваться. — Завтрак — дело святое.

— До свидания, — выдохнул Сергей.

Гвоздь кивнул ему:

— Во-во. Держись за этого. Замучает, зато живой будешь.

Жуль уже бежал обратно к тропинке, и Сергей поспешил за ним.

Минут через десять темп наконец замедлился. Потом бег перешёл в быстрый шаг. Небо стало светлее. Солнца ещё не было видно, но над верхушками деревьев уже проступала мягкая золотая полоса.

Сергей шёл рядом с Жулем и чувствовал странную лёгкость. Тело устало, руки ныли, ноги казались чужими, но внутри стало спокойно. Даже больше, чем спокойно. В нём появилось что-то крепкое и настоящее, будто он впервые за долгое время оказался там, где должен быть.

Он пока не мог назвать это чувство. Но оно ему нравилось.

Жуль посмотрел на свои электронные часы.

— Отлично. Почти семь тридцать. Двадцать минут на душ и переодеться — и первыми на завтрак.

Он поднял указательный палец, будто объявлял главный закон утра.

Сергей улыбнулся и машинально коснулся затылка.

Жуль заметил это и сразу нахмурился:

— У тебя что, травма?

— Да так, небольшая шишка.

— Наклонись-ка, посмотрю.

Сергей наклонился. Жуль раздвинул волосы и осмотрел припухлость на затылке справа.

— И ты молчал? — возмутился он. — Тебе щадящую нагрузку давать надо, а ты бегаешь как ни в чём не

бывало.

— Да мне нормально, — ответил Сергей, махнув рукой.

— Запомни цирковую мудрость, — Жуль снова поднял палец и перешёл на шаг. — Если воин цирка молчит о травме, это не значит, что её нет. О травме надо говорить и её надо лечить.

— Понял.

— Голова не кружится?

— Нет. Только после бега шишка сильнее разболелась.

— Придём — принесу из морозилки специальную охлаждающую накладку. Марту говорил?

— Да. Он сказал, что меня должен осмотреть врач.

— А мне почему не сказал? Я же твой наставник. — Жуль хитро прищурился. — Ладно. Теперь будешь знать.

Сергей улыбнулся.

Такая дисциплина была ему по душе.

Добуж. Квартира Руслана. Отдел милиции. 8:00–9:00.

На тумбочке возле кровати запикал электронный будильник. Красные цифры ярко мигали: 8:00.

Руслан поднял голову с подушки и протянул руку, нащупывая верхнюю клавишу. Нажал.

Он понимал, что этим подъём не отменить. Максимум — выиграть несколько минут, которые всё равно пролетят как одна секунда. Но и этих нескольких минут сейчас хотелось больше всего на свете.

Через минуту будильник снова начал свою электронную трель. Руслан поморщился, не открывая глаз, и опять нажал кнопку. Потом всё повторилось ещё

раз.

Руслан постепенно просыпался и вместе с тем принимал неизбежное: вставать придётся. В девять утра он должен сидеть, как и все сотрудники, на утреннем разводе. До работы — минут двадцать. Значит, на раскачку оставалось около получаса с небольшим.

Он приподнялся на локтях.

Рядом спала молодая жена, закутавшись в одеяло почти с головой. Руслан посмотрел на неё, наклонился, отогнул край одеяла, нашёл её тёплую щёку и поцеловал. Она что-то сонно пробормотала, но глаз не открыла.

Руслан осторожно перелез через неё, сел на край кровати и оглядел комнату.

За окном уже светило солнце. Небольшая комната выглядела чистой, прибранной, почти мирной. Как будто в ней и правда можно было жить спокойно, если не знать, что за дверью начинался понедельник.

Он потянулся, поднялся и пошёл в ванную.

Перед зеркалом Руслан задержался. На него смотрел мужчина двадцати семи лет, хотя сам он почему-то ожидал увидеть кого-то другого. Может, того улыбающегося парня, который когда-то поступал на службу и думал, что всё только начинается.

Теперь под глазами лежали синяки. Лицо будто чуть осело вниз. Служба вытянула из него всё, что могла, а восстановиться месяц за месяцем не получалось. Денег катастрофически не хватало. Хорошо ещё, родители помогали продуктами. Но здоровье куда-то уходило — вместе с постоянными дежурствами, недосыпом, чужой грязью и чужими бедами. Это Руслан сейчас ясно видел по своему отражению.

Он попытался улыбнуться. Получилось криво и неубедительно.

Руслан включил воду. Кран зафырчал, плюнул воздухом. Горячей воды не было — какие-то работы, как всегда. Впрочем, горячая ему сейчас и не была нужна. Он подставил ладони под прохладную струю и плеснул себе в лицо.

Стало чуть легче.

Он посмотрел на красные глаза и подумал, что надо что-то менять. Только что именно — непонятно.

На кухне в холодильнике нашлось несколько варёных яиц. Руслан съел их стоя, почти не чувствуя вкуса. Потом откопал две сосиски, положил на хлеб и тоже запихнул в рот.

Из комнаты донёсся сонный голос жены:

— Тебя покормить?

— Я сам, отдыхай, — ответил Руслан.

Он поставил чайник на плиту и зажёг огонь. Пока вода грелась, вернулся в комнату одеваться.

Натянув джинсы, Руслан похлопал по карманам. Нащупал удостоверение, достал, раскрыл.

Старший лейтенант милиции. Оперуполномоченный Филатов Руслан Владимирович.

Он посмотрел на свою фотографию в удостоверении. Снимок был ещё свежий, но человек на нём уже казался ему немного посторонним.

Руслан захлопнул корочку и сунул обратно в карман.

В другой карман положил связку ключей. На кольце болтались ключ от дома, ключ от кабинета, ключ от сейфа, круглая печать и маленький ключик от наручников.

Увидев его, Руслан вспомнил вчерашнее задержание.

Вспомнил Дэна, вспомнил, как заводили его в камеру для задержанных, и вдруг понял, что наручники так и остались где-то там, в отделе.

А потом вспомнил ещё одну деталь: Дэн вчера сказал, что болен туберкулёзом. Открытая форма.

Руслана передёрнуло.

Он снова зашёл в ванную и посмотрел на себя в зеркало.

«Да какое тут здоровье, когда вокруг одни бациллы», — подумал он.

Из комнаты доносилось тихое сопение жены, а через открытую форточку тянуло утренней прохладой. Руслан посмотрел в её сторону и почему-то задержал взгляд. Потом отвернулся.

На кухне засвистел чайник.

Руслан снял его с плиты, плеснул кипятка в чашку, сверху насыпал несколько ложек растворимого кофе. Вода сразу окрасилась в привычный чёрный цвет. Он добавил ложку сахара, перемешал.

Запах кофе ударил в нос вместе с горячим паром. От этого Руслан окончательно проснулся, будто вместе с паром из головы вышли ночные тяжёлые мысли.

Он сделал несколько глотков и посмотрел на часы.

Почти половина девятого.

«Десять минут — и выхожу», — подумал он.

Нашёл где-то на полке шоколадную конфету, съел её, допил кофе, обулся и вышел, тихо захлопнув дверь.

На улице возле подъезда было уже светло. Руслан пошёл в сторону главной дороги своим привычным маршрутом, которым ходил каждый день. Личной машины у него не было. Накопить пока не получилось.

Во дворах появлялись люди. Такие же, как он,

вылезали из своих квартир и двигались тропинками: кто к остановке, кто вдоль дороги, кто сразу к магазинам и учреждениям. Понедельник начинался для всех одинаково — без спроса.

Дойдя до моста, под которым текла река, Руслан немного замедлился. Он всегда замедлялся здесь, будто пытался на ходу напитаться живой природой перед тем, как снова встретиться с кабинетами, прокуренными коридорами и грязными углами отдела милиции, в котором работал уже пять лет.

Скоро показался танк.

Каждое утро Руслан проходил мимо него, как и все жители городка, у которых маршрут лежал через центр. Танк стоял неподвижно, тяжело, уверенно — в отличие от самого города, который будто всё время куда-то проседал.

Руслан свернул левее и пошёл по тротуару. Местами тротуар пропадал, превращаясь в ямы и размытую весенней распутицей землю. Приходилось обходить, чтобы не прийти на работу с заляпанными ботинками.

Впереди уже виднелся подъезд отдела милиции. «Восьмёрка» Гаврилы и машины других сотрудников стояли на своих привычных местах.

Руслан поднялся по ступенькам. Дежурный мельком посмотрел на входящего и тут же снова опустил глаза к пакету бумаг. Он готовился к утреннему разводу.

В кабинет Руслан заходить не стал. Сразу направился в зал.

Класс служебной подготовки уже наполнялся сотрудниками отдела. По понедельникам, в отличие от выходных, мест почти не хватало, особенно тем, кто опаздывал. Стулья давно были поделены негласно:

уголовный розыск сидел в одном месте, участковые — в другом, следствие — ближе к начальству, дежурная часть — где придётся.

Руслан вошёл в общий утренний шум. Мужские голоса, хриплые после выходных и ночных смен, звучали резко. Где-то уже рассказывали пошлую шутку, кто-то смеялся, кто-то листал ежедневник, кто-то просто сидел с пустым лицом.

Руслан нашёл своё привычное место и сел.

Слева сидел Стас. Он почти засыпал, держа в руках ежедневник. Руслан протянул ему руку. Стас ответил так вяло, будто в руке совсем не осталось силы: просто коснулся ладонью ладони и снова опустил глаза.

С другой стороны сидел стажёр.

Руслан посмотрел на него и вспомнил вчерашнее задержание.

— А звать тебя как? — спросил он.

— Валера, — ответил стажёр и поспешно пожал Руслану руку.

— Молодец, Валер, — сказал Руслан, чуть приподняв уголок губ.

Стажёр улыбнулся. Для него это явно что-то значило.

Через мгновение в зал зашёл Гаврила. Посмотрел на места, где обычно сидел уголовный розыск, понял, что свободных стульев нет, но всё равно пошёл прямо к своим.

Остановился возле стажёра.

— Иди постой, — буркнул он.

Валера тут же понял свою участь, поднялся и отошёл к стене. Гаврила тяжело опустился на его место рядом с Русланом. От него веяло жаром, а от огромных рук сразу стало теснее.

— Ну как ты, Руслан? — спросил он, подавая крепкую ладонь.

Они поздоровались.

— В порядке, — ответил Руслан.

Гаврила мельком посмотрел на стажёра, потом оглянулся по залу, проверяя, кто из его людей уже на месте.

— А Демид где? — буркнул он, поворачиваясь к Стасу.

Стас поднял глаза от ежедневника.

— Так он дежурит. С ночи. Должен подойти.

Гаврилу это устроило.

И правда, через несколько секунд в дверях показался растрёпанный Демид. Его широкие квадратные плечи, мятые штаны, пистолет на ремне и рубашка, кое-как прикрывавшая кобуру, сразу выдавали бурную ночную смену.

Демид посмотрел на Гаврилу. Гаврила — на него.

Этого хватило. Без слов было понятно: ночь прошла более-менее нормально.

В класс вошёл Алексей Алексеич, начальник криминальной милиции. Он сразу направился к столам, которые изображали импровизированную трибуну, занял своё место и посмотрел на Гаврилу и оперов, сидевших плотной группой сбоку.

— Смирно! — прозвучал громкий, чуть сорванный голос дежурного.

Дежурный был длинный, худой, после ночной смены. В руках он держал документы и старался выглядеть бодрее, чем был на самом деле.

В зал вошёл Виктор Петрович, полковник милиции.

Весь состав отдела поднялся со стульев.

— Вольно. Садитесь, — скомандовал Виктор

Петрович.

Он прошёл на центральное место за импровизированной трибуной и сел. Несколько секунд смотрел на зал, будто искал кого-то глазами. Ничего не сказал. Перевёл взгляд на дежурного.

— Давай сводку.

Дежурный выпрямился и начал зачитывать происшествия за ночь.

Ничего особенного. Вскрытый гараж, откуда похитили велосипед и несколько шин. Обнесённая баня, лишившаяся каких-то предметов гигиены, которые, казалось, никому и даром не нужны. Потом — ориентировки из соседних регионов: угоны машин, номера, марки, цвета.

Сотрудники лениво записывали в блокноты.

Когда доклад закончился, Виктор Петрович выпрямился и начал говорить. Его речи должны были мотивировать личный состав на раскрытие преступлений, но чаще просто напоминали всем, что неделя началась и расслабляться не дадут.

Вдруг он посмотрел в зал и вспомнил про участкового Василия Пономарёва.

— Вот берите пример с Пономарёва, — сказал Виктор Петрович, показывая рукой. — Человек всего три месяца на месте, а в субботу, после ночи… Ты же после ночи был?

Василий, который до этого сидел тихо, поднялся и кивнул.

— Вот. После ночи поехал работать по территории и добыл важные детали для раскрытия преступления.

Василий немного покраснел. Ему и правда было приятно.

Демид невольно вжал голову в плечи. Это заметил только сидевший напротив Алексей Алексеич. Он бросил на Демида недовольный взгляд. Демид тут же спрятался за заранее приготовленной кривой улыбкой и сжал кулак у рта, будто просто кашлянул.

Виктор Петрович продолжил:

— Правда, территорию свою Пономарёв не знает. Что на ней алкоголем торгуют — тоже не знает. Ты присядь, Василий.

Василий сел.

По залу пошёл тихий смешок. Только что человека ставили в пример, а через секунду уже нашли, за что ударить. Обычная внутренняя метаморфоза службы.

Виктор Петрович поднял голос:

— Это касается всех. Все должны знать, кто проживает на территории и чем занимается.

Он посмотрел на Алексея Алексеича, потом на Гаврилу.

— Вот вчера опера задержали ранее судимого из Чашкино. Год как освободился. Жил себе, поживал. А, оказывается, никто и не знал, что у нас такой персонаж тут живёт.

Виктор Петрович нахмурился и посмотрел в зал.

— Чья территория?

Начальник участковых, тонкий прокуренный капитан, поднялся.

— А что за деревня?

— Чашкино, — подсказал Алексей Алексеич.

Капитан посмотрел в зал. Потом — на того же Василия Пономарёва.

— Василия.

В зале стало шумнее. Где-то сзади снова раздался

тихий смешок.

Василий опять поднялся. Он был новенький в отделе и ещё не научился делать лицо, будто всё происходящее его не касается.

Виктор Петрович понял, что сам невольно устроил комическую сцену, и тут же пресёк веселье:

— Ладно, садись. Все всё поняли.

Василий сел.

— Итак, неделя впереди. Работы много, — сказал Виктор Петрович.

Он снова посмотрел на Алексея Алексеича, затем перевёл взгляд на Гаврилу.

— Особенно у вас.

Алексей Алексеич едва заметно кивнул. Гаврила сидел неподвижно, только чуть крепче сжал ладони на коленях.

Виктор Петрович перевёл взгляд на дежурного:

— Зайдёшь ко мне. Я материалы распишу.

Он ещё раз значительно посмотрел на всех сидящих в зале, словно хотел, чтобы каждый отдельно понял сказанное, и поднялся.

— Смирно! — снова скомандовал дежурный.

Виктор Петрович прошёл между стульями и стеной класса и вышел.

После этого коллектив начал постепенно расходиться по отделу: кто в курилку, кто в сторону кабинетов своих непосредственных начальников, кто просто в коридор — отложить начало рабочего дня ещё хотя бы на пару минут.

Дорога к Добужу. Районная прокуратура. Около 9:30.

Чёрный «Шевроле» свернул с основной трассы и остановился на обочине.

Георгий открыл дверь, выбрался наружу и несколько секунд просто стоял возле машины, разминая затёкшее после долгой дороги тело и осматриваясь. По трассе изредка проносились автомобили. Но стоило съехать с неё, как сразу ощущался другой, сельский ритм. Вокруг тянулись поля, темнели лесополосы, вдали виднелись редкие деревенские дома, а ещё дальше из низкого мутного горизонта торчали трубы каких-то предприятий.

Георгий отошёл к краю обочины, расстегнул ширинку. Струя зашуршала по прохладной придорожной траве. Китайского чая за дорогу он выпил слишком много, и теперь наконец стало легче.

Застегнувшись, Георгий несколько раз повёл плечами, размял шею, потом наклонился вперёд, почти сложившись пополам, и потянул задубевшие мышцы спины.

Вернувшись в машину, он взял с соседнего сиденья бумажный атлас, развернул его на руле и нашёл место, где находился сейчас. Палец двинулся по тонкой линии дороги в сторону Добужа. До города оставалось около пятидесяти километров.

Георгий ещё раз изучил ближайшие повороты, сложил атлас и бросил его обратно на сиденье. Потом включил передачу и нажал на газ.

Пятилитровый двигатель глухо загудел. Машина качнулась, съехала с обочины и пошла по дороге, уже не такой ровной и шумной, как трасса. Асфальт здесь отзывался под колёсами иначе — короткими глухими ударами и провалами на выбоинах. Но тяжёлый

«Шевроле» шёл мягко, почти безразлично проглатывая ямы.

Георгий посмотрел на часы. Стрелки показывали половину десятого.

Практически по графику, подумал он и прибавил газу.

По мере приближения к Добужу менялся и пейзаж. Деревни попадались всё чаще, вдоль дороги потянулись столбы, за голыми ещё деревьями начали появляться склады, гаражи и первые серые дома.

В это же утро прокуратура Добужского района жила своей обычной понедельничной жизнью.

В коридорах было шумно. Открывались и закрывались двери, кто-то проходил быстрым шагом, кто-то ждал у стены с папкой в руках. Сотрудники в форме и в гражданской одежде пересекали коридор, здоровались, переговаривались, несли бумаги из кабинета в кабинет. Казалось, здание не проснулось, а сразу включилось в работу — сухую, нервную и бумажную.

К крыльцу прокуратуры подошли Валя и его отец Дмитрий.

Дмитрий остановился перед входом и посмотрел на табличку:

ПРОКУРАТУРА

Валя стоял рядом, сутулясь сильнее обычного. Лицо его оставалось бледным, губы пересохли, под глазами лежала синеватая усталость. Он не смотрел на вывеску. Смотрел вниз, на ступени, словно каждая из них требовала от него отдельного усилия.

Они поднялись и вошли внутрь.

У входа в коридор, за небольшим столом, сидел мужчина лет пятидесяти. Перед ним лежала толстая

тетрадь, рядом — синяя ручка с потёкшим корпусом. Мужчина поднял голову и посмотрел на вошедших строгим, усталым и заранее недружелюбным взглядом.

— Вам куда?

Дмитрий чуть напрягся.

— Нам к следователю. К Лизавете Петровне Мышкиной.

Мужчина уткнулся в тетрадь, что-то проверил, потом снова поднял голову.

— Десятый кабинет. Первый этаж.

Он махнул ручкой в сторону коридора.

Валя и Дмитрий уже двинулись туда, но мужчина резко добавил:

— Стоять. Вы куда пошли? Тут вам не магазин. Записаться надо.

Они вернулись к столу.

Мужчина приготовил ручку.

— Фамилия?

— Сугробовы, — ответил Дмитрий.

Мужчина записал фамилию, вывел что-то ещё рядом и снова показал ручкой в сторону коридора:

— Идите.

Дмитрий посмотрел на него недобро. Во рту появилась тяжёлая злая слюна, которую захотелось сплюнуть прямо на пол, но он сдержался. Сейчас нельзя было показывать злость. Он только слегка подтолкнул Валю вперёд, и они пошли искать нужный кабинет.

На двери под номером десять висела табличка:

Старший следователь прокуратуры

Л. П. Мышкина

Дмитрий аккуратно постучал.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Он приоткрыл дверь.

За столом сидела Лизавета Петровна. Она подняла глаза на вошедших, потом сразу посмотрела на большие настенные часы, будто сверяла их приход не с назначенным временем, а со своим внутренним порядком.

— Вы ко мне?

— Да, — сказал Дмитрий.

— Фамилия?

— Сугробовы.

— Заходите.

Она произнесла это уже почти не глядя на них.

Валя вошёл первым. Возле стола стояло несколько стульев. Он сел на ближний — неловко, осторожно, будто тело всё ещё не до конца слушалось. Дмитрий устроился рядом, почти на краю своего стула.

Какое-то время в кабинете было тихо.

Лизавета Петровна не спешила начинать. Она убирала со стола лишние бумаги, одни документы складывала в сторону, другие подтягивала к себе. Затем открыла папку, нашла нужный лист, посмотрела в экран компьютера. Минут пять продолжался этот сухой рабочий процесс. Валя сидел молча и чувствовал, как от ожидания становится только хуже.

Наконец Лизавета Петровна подняла глаза.

— Вы отец, я так понимаю? — спросила она, посмотрев на Дмитрия.

— Да.

— Законный представитель?

— Да.

Она кивнула и перевела взгляд на Валю.

— Фамилия, имя, отчество?

— Сугробов Валентин Дмитриевич, — тихо ответил он.

— Громче.

— Сугробов Валентин Дмитриевич.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Лизавета Петровна что-то напечатала, сверила дату рождения, адрес и место учёбы. Затем объяснила Вале, что он допрашивается как свидетель, должен говорить правду и отвечать только о том, что видел и помнит сам. Время начала допроса она внесла в протокол и снова посмотрела на него.

— Понимаешь, о чём пойдёт речь?

Валя кивнул.

— Понимаешь? — повторила она.

— Понимаю, — сказал он вслух.

Она перебрала несколько листов и нашла тонкую страницу с первичным объяснением, которое ночью записали со слов Вали оперативники из отдела милиции. Пробежала глазами шапку, потом текст. Узкое лицо её чуть скривилось от мелкого неровного почерка.

— Так… Объяснение Сугробова Валентина Дмитриевича… Оперуполномоченный Станислав…

Она повела глазами ниже, быстро собирая из написанного картину, которую теперь предстояло перенести в протокол допроса.

Потом оторвалась от листа и подвинула его к Вале.

— Посмотри. Здесь твоя подпись и подпись отца. Всё записано верно?

Валя посмотрел на бумагу. Буквы расплывались. Он видел не текст, а ту ночь: свет у входа в клуб, чужие лица, белую машину, мелькнувшую возле двери, руки,

землю под собой, открытый «Запорожец» и Сергея, который тащил его к машине.

Дмитрий наклонился первым.

— Ну да, — сказал он. — Что было, то и рассказал.

Лизавета Петровна не ответила ему. Она смотрела на Валю.

— Всё верно?

Валя сглотнул.

— Да.

Она подтянула лист обратно к себе и положила рядом с клавиатурой.

— Хорошо. Рассказывай с самого начала. Вы приехали к клубу втроём?

— Да.

— Кто был с тобой?

— Сергей Мартынов и Алексей.

— Фамилия Алексея?

Валя назвал.

— На чём приехали?

— На «Запорожце».

— Чей «Запорожец»?

Валя на секунду опустил глаза в пол.

— Наш с Сергеем… купили.

Лизавета Петровна чуть приподняла взгляд.

— Купили?

— Да.

— Дальше. Кто был за рулём?

Валя молчал секунду дольше обычного, потом тихо сказал:

— Сергей.

— Сергей Мартынов был за рулём? — уточнила Лизавета Петровна, посмотрев недовольно на Дмитрия.

Тот заметно напрягся, на скулах проступила краснота.

— Да, — кивнул Валя.

Лизавета Петровна ещё раз мельком посмотрела на него и внесла запись в протокол.

— Без прав?

В кабинете стало тише.

Дмитрий чуть дёрнулся, но промолчал.

Валя опустил взгляд в пол.

— Да, — сказал он.

Лизавета Петровна ничего не добавила, только продолжила печатать.

— Что произошло перед началом конфликта?

Валя поднял на неё глаза.

У Лизаветы Петровны было острое лицо, будто вырезанное из твёрдого материала. Губы накрашены красной помадой, уже немного крошившейся по краям. Она смотрела прямо на него и ждала ответа.

— Ну… я просто стоял.

— Где?

— В прихожей. Ну… в тамбуре.

— С кем?

— С девочками.

— С какими девочками?

— С Олесей и Дашей.

— Фамилии знаешь?

Валя замялся.

— Дашину знаю. Олесину не помню. Или не знаю точно.

— Кого знаешь — назовёшь.

Он назвал то, что помнил.

Лизавета Петровна записала.

— Дальше.

— Потом я увидел машину.

— Какую машину?

— Белую.

— Где увидел?

— Возле двери клуба. Она как будто мелькнула там. Я её через дверь увидел.

— Что значит «мелькнула»?

— Ну… подъехала, наверное. Я не смотрел специально. Просто увидел, что белая машина возле входа.

— Кто был в машине?

— Не видел.

— Номер видел?

— Нет.

— Марку?

— Нет. Просто белая машина.

Лизавета Петровна напечатала.

— После этого что было?

— Потом в тамбур зашли четверо.

— Четверо мужчин?

— Да.

— Возраст примерно?

— Ну… молодые. Старше меня. Может, лет по двадцать. Может, больше.

— Раньше ты их знал? Видел? Встречался? Разговаривал?

— Нет.

— Никого из них?

— Нет.

— Ранее неизвестные тебе лица, — проговорила она почти для себя и напечатала. — Дальше.

Валя опустил глаза.

— Сначала один меня толкнул.

— Как толкнул?

— Плечом.

— Случайно или специально?

Валя помолчал.

— Специально, наверное.

— Почему так думаешь?

— Он прямо на меня пошёл. Место было. Можно было пройти.

— Что он сказал?

— Не помню. Что-то сказал. Матом, наверное.

— После этого?

— Потом второй ударил.

— Кто второй?

— Самый здоровый из них.

— Чем ударил?

— Ногой.

— Куда?

— В живот. Или в бок. Я не понял, всё быстро было.

Лизавета Петровна остановила пальцы над клавиатурой.

— То есть сначала один из четверых толкнул тебя плечом, а затем второй, самый крупный, нанёс удар ногой?

— Да.

— Опиши второго.

— Высокий. Широкий такой.

— Выше Сергея?

— Не знаю. Может, да.

— Одежда?

— Куртка тёмная.

— Волосы? Шапка?

— Не помню.

— Лицо?

— Я не знаю. Темно было. И быстро всё.

Она записала, потом снова посмотрела на него.

— Что стало причиной?

Валя молчал.

— Из-за чего конфликт начался?

Он пожал плечами.

— Я не знаю.

Лизавета Петровна прищурилась.

— Девочки?

Валя покраснел.

Дмитрий, сидевший рядом, чуть повернул голову, но ничего не сказал.

— Я не знаю, — повторил Валя. — Я просто стоял с Олесей и Дашей.

— Просто стоял, и тебя начали бить?

— Ну… да.

— До этого ты кому-нибудь что-нибудь сказал?

— Нет.

— Этим четверым ты что-нибудь говорил?

— Нет.

— Они тебе что-нибудь сказали?

— Что-то сказали. Я не помню точно.

— Матом?

— Да.

— Угрожали?

— Не знаю. Там всё сразу началось.

Лизавета Петровна напечатала несколько строк.

— После удара ногой что было?

— Я в стенку ударился. Или в дверь. Не помню. Потом меня начали бить. Я уже плохо видел. Меня сбили,

потом потащили наружу из предбанника.

— Кто тащил?

— Они.

— Те четверо?

— Да. Ну… я так понял, что они.

— Кто именно?

— Не знаю. Несколько человек.

— За что держали?

— За куртку. За руки, может. Я пытался вырваться.

Она записывала без выражения, только иногда поправляла листы на столе.

— Где в это время находился Сергей Мартынов?

Валя пожал плечами.

— На улице, наверное.

— Ты видел его?

— Нет.

— Почему говоришь, что на улице?

— Потому что в предбаннике его не было. Оттуда улицу не видно. Я не видел.

— До этого где ты видел Сергея последний раз?

— На улице. Перед тем как я зашёл.

Лизавета Петровна записала.

— Дальше.

— Дальше меня вытащили и начали бить уже толпой.

Руки Вали сами сложились перед лицом, как тогда. Он даже не заметил этого. Пальцы согнулись, плечи поднялись, голова втянулась.

Лизавета Петровна заметила.

— Что делал ты?

— Пытался отбиться.

— Как?

— Руками. Ногами. Закрывался.

— Куда били?

— По голове. По спине. По бокам. По ногам. Не знаю, куда попадали.

— Чем били? Руками? Ногами? Чем-то ещё?

— Руками и ногами. Другого я не видел.

— Эти четверо тебя били?

— Да. Ну… я не всех видел. Но они меня вытащили, и там уже били.

— Кто бил больше всех?

Валя замолчал.

— Тот здоровый. Который ногой ударил.

— Ты сможешь его узнать?

— Не знаю.

— По лицу?

— Может быть. Если увижу.

Она записала.

— Терял сознание?

Валя посмотрел на отца.

Он сидел красный. Сначала краснели щёки, потом шея. Он смотрел не на следователя и не на сына, а куда-то в пол, будто там была единственная точка, за которую можно было удержаться. Ему было больно слышать это, и эта боль делала его тяжёлым, злым, беспомощным.

Валя снова посмотрел на Лизавету Петровну.

— Может быть. Я не помню.

— Что значит «может быть»?

— Ну… как будто провал был. Я лежал, потом опять слышал. Не знаю.

Она напечатала.

— Что потом?

— Потом я лежал лицом вниз. Почувствовал сильный

удар по голове.

Он показал на затылок.

— Вот сюда.

— Кто ударил?

— Не видел.

— Чем?

— Не знаю.

— После удара что было?

— Я просто лежал. Потом был крик.

Лизавета Петровна подняла глаза.

— Какой крик?

— Не знаю. Кто-то крикнул.

— Мужчина? Женщина?

— Мужчина вроде.

— Что крикнул?

— Не помню. Просто крик.

— После этого?

— Потом меня кто-то схватил за куртку. Я сначала подумал, что это опять они, что меня дальше потащат. А потом понял, что это Сергей.

— Сергей Мартынов?

— Да.

— Он что сказал?

— Не помню. Что-то вроде: «Вставай». Или «Пошли». Я не помню точно.

Она записывала.

— Куда он тебя потащил?

— К «Запорожцу».

— Машина где стояла?

— Недалеко. У дороги.

— Алексей где был?

Валя замолчал.

— Не знаю. Я его тогда не видел.

— Совсем?

— В тот момент — нет.

— Белая машина, которую ты видел возле клуба, там ещё была?

Валя задумался.

— Не помню. Я уже плохо соображал.

— Видел, чтобы кто-то из тех четверых садился в белую машину?

— Нет.

— Дальше.

— Сергей открыл дверь. Я сел. Потом он сел за руль, и мы уехали.

Лизавета Петровна остановилась.

— Так. Стоп. Ты видел, что Сергей наносил кому-то удар?

— Нет.

— Видел, что у него в руках было что-то?

— Нет.

— Нож? Палка? Что-нибудь металлическое?

— Нет. Я не видел.

— У Сергея с собой было оружие?

— Нет, — сказал Валя, потом поправился: — Я не видел.

Лизавета Петровна посмотрела на него чуть внимательнее.

— Это разные ответы. «Не было» и «я не видел» — разные вещи. Как правильно?

Валя сглотнул.

— Я не видел.

Она записала именно так.

Некоторое время слышно было только клавиатуру.

Потом Лизавета Петровна неожиданно спросила:

— Вы были пьяны?

Валя покраснел так резко, будто вопрос ударил его не в лицо, а в спину. Он почувствовал рядом отца — его молчание, его дыхание, его тяжёлое присутствие.

— Нет, — сказал Валя.

Лизавета Петровна не отреагировала. Она спокойно открыла другую бумагу, нашла нужную строку и быстро пробежала её глазами.

— А вот ваш знакомый Алексей говорит, что вы выпивали.

Она подняла на Валю прямой взгляд.

Валя захотел провалиться сквозь пол. Он что-то пробормотал сначала совсем неразборчиво, потом заставил себя сказать словами:

— Ну… выпивали. Но пьяными мы не были.

Дмитрий медленно повернул голову к сыну.

Лизавета Петровна тут же спросила:

— Что пили?

Валя ответил.

— Сколько?

Он ответил тише.

— Когда?

Он ответил.

— Кто покупал?

Валя замялся, но ответил и на этот вопрос.

Протокол допроса увеличивался под быстрыми ударами клавиш. Лизавета Петровна собирала свою картину: кто приехал, кто пил, кто стоял в тамбуре, кто подъехал на белой машине, кто вошёл в клуб, кто первым задел плечом, кто ударил ногой, кто видел, кто не видел, кто соврал сразу, а кто соврал потому, что

боялся отца.

Она снова посмотрела на Валю.

— Когда вы ехали обратно, Сергей говорил, что он сделал?

Валя не ответил сразу.

В кабинете стало тише, хотя тише уже было некуда.

— Говорил? — повторила она.

Валя смотрел на край стола.

— Да.

— Что именно?

— Он сказал…

Валя запнулся.

— Говори.

— Он сказал, что ударил одного из тех, кто меня бил.

Пальцы Лизаветы Петровны замерли на клавиатуре на долю секунды. Потом она начала печатать снова.

— Дословно как сказал?

— Я не помню дословно.

— Постарайся.

— Он сказал что-то вроде: «Я ударил того, кто тебя бил». Точно не помню. Он сам как будто не понял, что произошло.

— Он сказал, кого именно?

— Нет.

— Сказал, чем ударил?

— Нет.

— Сказал, почему?

— Потому что тот меня бил.

— Он был испуган?

Валя подумал.

— Да.

— Кричал? Матерился?

— Нет. Он быстро вёл. И молчал. Потом сказал это.

— Куда он поехал?

— Меня домой отвёз.

— После этого куда поехал?

— Не знаю.

— Ты спрашивал?

— Нет.

— Почему?

Валя поднял глаза.

— Я боялся.

Лизавета Петровна записала.

Потом ещё несколько минут она печатала молча, перечитывала набранное, возвращалась к отдельным строкам, что-то исправляла. Валя сидел неподвижно. Дмитрий тоже молчал. В кабинете висел запах бумаги, пыли, холодного чая и старой мебели.

Наконец Лизавета Петровна сказала:

— Значит так. Я записала с твоих слов. Сейчас распечатаем, прочитаешь. Где верно — подпишешь. Если что-то не так записано — скажешь.

В этот момент загудел принтер.

Бумага медленно полезла наружу, лист за листом. Лизавета Петровна поднялась, собрала распечатанные страницы, выровняла их о край стола, скрепила степлером и передала Вале.

— Читай.

Валя взял протокол. Буквы стояли ровными рядами, сухими и официальными. В этих строках уже не было ни крика, ни грязи, ни страха. Там было только: «показал», «пояснил», «не видел», «не помнит».

Он читал медленно.

Лизавета Петровна передала ручку.

— Вот здесь, где написано «допрашиваемый», поставишь подпись. И вы, — она подняла глаза на Дмитрия, — как законный представитель, подпишите здесь.

Они расписались.

Через несколько минут кабинет опустел.

Лизавета Петровна осталась одна. Она взяла протокол допроса, ещё раз посмотрела на первую страницу, потом убрала его в уголовное дело, которое постепенно разбухало от новых бумаг.

Добуж. Около 10:00.

Чёрный «Шевроле» въехал в центр Добужа, сделал круг по площади и остановился неподалёку от танка.

Георгий заглушил двигатель и несколько секунд смотрел через лобовое стекло. Танк стоял на высоком бетонном постаменте — тяжёлый, неподвижный. Вокруг него расходились улицы. Неподалёку виднелись здание районной администрации, почта, несколько магазинов с выцветшими вывесками. Адреса суда, прокуратуры и отдела милиции Георгий заранее отметил на карте, но подъехать к ним решил позднее, уже по делу.

Город был небольшим. Одного круга по центру хватило, чтобы понять его устройство: несколько основных улиц, река, мост, частный сектор и кварталы двухэтажных домов. Чёрный американский джип с московскими номерами здесь сразу привлекал внимание. Прохожие оборачивались, водители редких машин провожали его взглядами.

Георгий развернул на руле карту и нашёл улицу, на которой жили Сергей и его тётушка. Ехать оставалось совсем недалеко.

Он завёл двигатель. Мотор отозвался низким басом, и тяжёлая машина плавно двинулась от танка.

Через несколько минут Георгий остановился возле двухэтажного кирпичного дома. Сверился с записанным адресом, посмотрел на номер и понял, что приехал правильно.

Он припарковал машину у края двора, перебрался на широкий задний диван и раскрыл дорожный чемодан. Внутри аккуратно лежали тёмные брюки, светлая рубашка, пиджак и пара туфель — рабочая одежда адвоката.

За затемнёнными задними стёклами Георгий быстро снял спортивный костюм и переоделся. Через несколько минут человек, проведший почти пять часов за рулём, исчез. Вместо него в салоне сидел московский адвокат, выглядевший так, будто только что вышел из городского суда. Он застегнул манжеты, поправил воротник, пригладил перед зеркалом светлые волосы, взял с переднего сиденья портфель и выбрался из машины.

Перед подъездом разлилась большая мутная лужа. Георгию пришлось обойти её по узкой полосе асфальта вдоль стены. Судя по натоптанной грязи, этим маршрутом пользовался весь дом.

Дверь подъезда оказалась незапертой. За ней открылось прохладное полутёмное пространство, пахнущее сыростью, штукатуркой и старым деревом. Сразу возле входа находились две квартиры. Нужная была на втором этаже.

Георгий поднялся по лестнице, нашёл номер и нажал кнопку звонка.

В квартире раздалась протяжная трель.

Через несколько секунд за дверью послышался шорох. Кто-то подошёл и осторожно прислонился к ней с другой стороны.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Георгий. Адвокат. Мы вчера разговаривали с вами по телефону.

За дверью снова стало тихо. Потом щёлкнул один замок, следом другой. Дверь приоткрылась.

Перед Георгием стояла Вероника Степановна.

Ей было немного больше сорока. Волосы кое-как собраны в пучок, поверх домашней одежды накинут халат. Красные, опухшие глаза будто за последние несколько дней выплакали больше слёз, чем за всю предыдущую жизнь.

Она молча смотрела на Георгия.

Он стоял перед ней в тёмном костюме и спокойно улыбался. Светлые волосы слегка падали на лоб, а в голубых глазах было то уверенное спокойствие, которого сейчас так не хватало самой Веронике Степановне.

— Заходите, пожалуйста, — сказала она и открыла дверь шире.

За последние дни в этой квартире побывало слишком много чужих людей. Но появление Георгия впервые не испугало её. Напротив, где-то внутри возникло едва заметное облегчение.

— Проходите на кухню, — сказала она, показывая рукой.

Георгий снял пиджак, повесил его на спинку стула и

оглядел небольшую кухню.

— Вам чай или кофе? — спросила Вероника Степановна.

— Кофе, если можно.

Она продолжала стоять и смотреть на него, будто не поняла ответа.

— Вероника Степановна?

Она вздрогнула.

— Ой, да. Конечно.

Вероника Степановна налила воду в чайник и поставила его на плиту. Движения её были медленными и непривычными, словно за несколько дней она разучилась делать самые простые вещи. Судя по пустой раковине и почти нетронутому столу, она давно ничего не готовила и почти не ела.

Когда под чайником вспыхнул газ, она снова посмотрела на Георгия. Тот молча осматривал кухню: фотографии на стене, полку с чашками, небольшой радиоприёмник на холодильнике.

Он встретил её взгляд и сказал:

— Вы сейчас переживаете сильнейший стресс.

У Вероники Степановны задрожали губы. Она села на стул и заплакала, закрыв лицо ладонями.

— Ну что вы, — тихо сказал Георгий.

Он подошёл и положил руку ей на плечо.

— Сергей жив. Сейчас он в безопасности. Прятать его бесконечно мы не собираемся, но и отдавать его вслепую я не позволю. Вы должны немного прийти в себя. Нам предстоит серьёзный разговор.

Она подняла на него мокрые глаза.

— Вы правда адвокат?

— Правда.

— Ко мне вчера тоже приходил адвокат. Светлана Викторовна. Она сказала, что всё очень плохо. Что Серёжу посадят…

Последние слова снова перешли в плач.

Георгий внимательно посмотрел на неё. Вероника Степановна находилась уже не просто в расстроенном состоянии. Она была истощена и почти перестала воспринимать происходящее последовательно.

— Сколько вы спали за последние двое суток?

Она растерянно моргнула.

— Что?

— Когда вы спали в последний раз?

— Я?.. Да ладно я… Вы простите, как вас ещё раз?

— Георгий.

— Да, Георгий. Простите. Голова совсем не думает. Что вы спросили?

— Когда вы спали?

Она попыталась вспомнить.

— Не знаю. Может, вчера немного. На диване. Час, наверное.

Георгий кивнул.

— Давление повышенное бывает? Сердце? Аллергия на лекарства?

— Нет. Вроде нет. Давление обычно нормальное.

Он достал из кармана небольшой пластиковый флакон, открутил крышку и вытряхнул на ладонь капсулу.

— Что это? — насторожилась Вероника Степановна.

— Мягкое успокаивающее. Оно не выключит вам голову, только немного снимет напряжение. У меня есть медицинское образование. Но если не хотите, заставлять не буду.

Вероника Степановна посмотрела на капсулу, потом на Георгия.

— Давайте.

Она налила в стакан воды, проглотила капсулу и запила.

— Можно я умоюсь с дороги? — спросил Георгий.

— Да, конечно. Ванная направо.

Пока он умывался, засвистел чайник. Вероника Степановна выключила газ, насыпала в чашку растворимый кофе и залила кипятком.

Георгий вернулся на кухню, вытирая лицо небольшим полотенцем.

— Сколько ложек кофе?

— Две, пожалуйста.

— Сахар?

— Одну ложку.

Вероника Степановна поставила перед ним чашку и вдруг начала торопливо открывать шкафчики, пытаясь найти хоть что-нибудь к столу.

— Нет-нет, ничего не нужно, — остановил её Георгий. — Садитесь. Давайте поговорим.

Она послушно села напротив.

— Как там Серёжа? — сразу спросила она. — Где он? Где живёт?

— По дороге в Москву он познакомился с нашим другом. Его зовут Антон. Он студент, учится в Москве на эколога. Сергей рассказал ему, что произошло, и после приезда Антон познакомил его с нами. Сейчас Сергей живёт при цирке.

Вероника Степановна широко раскрыла глаза.

— Где?

— Вы правильно услышали. В цирке.

Георгий сделал глоток кофе и улыбнулся:

— Директор цирка — наш друг. Он приютил Сергея. У него есть отдельная кровать, еда и люди, которые за ним присматривают. Вчера я сам с ним разговаривал. Он жив, нормально соображает и очень переживает за вас.

— В цирке… — повторила Вероника Степановна, всё ещё не понимая, как судьба могла занести её племянника в такое место.

— Сейчас это безопаснее гостиницы или общежития. Сегодня Сергея осмотрит врач. Нам необходимо зафиксировать травму головы и получить медицинский документ.

— А я могу с ним поговорить?

— Вечером постараемся организовать звонок. Только о том, где он находится, по телефону говорить не будем.

Вероника Степановна кивнула. Она хотела схватиться за грудь, снова расплакаться, благодарить этого человека и всех неизвестных ей людей, которые помогли Сергею. Но постепенно внутри действительно становилось спокойнее. Не столько от капсулы, сколько от ясных слов Георгия. Впервые за несколько дней кто-то говорил с ней не об обысках, тюрьме и убийстве, а о том, что Сергей жив и что существует план.

— Большое спасибо вам и вашим друзьям, — сказала она. — Вы простите меня за слёзы. И за мой вид. Я двое суток почти не спала. Тут такое было…

— Вот об этом теперь по порядку, — сказал Георгий.

Он достал из портфеля блокнот, открыл чистую страницу и приготовил ручку.

Вероника Степановна начала рассказывать.

Сначала — про утренний обыск. Потом про

сотрудников, которые остались в квартире ждать Сергея. Про тех, кто пришёл позже. Про следователя, разговоры, вопросы, угрозы и бумаги. Она старалась вспомнить всё: кто где стоял, кто что говорил, кто открывал шкафы, кто показывал удостоверение.

Георгий не перебивал, но время от времени задавал короткие вопросы:

— Во сколько они пришли?

— Кто был старшим?

— Что изъяли?

— Вам оставили копию протокола?

— Кто подписывал?

— Фамилии запомнили?

Он записывал ответы, иногда возвращался к уже сказанному и просил уточнить отдельную деталь.

Потом Вероника Степановна рассказала о Светлане Викторовне и о том, с какими известиями та вернулась после разговора в прокуратуре.

Георгий выслушал всё спокойно. В его голове постепенно складывалась общая схема. Пока она состояла из отдельных обрывков, но направление уже становилось понятным.

— Вам кто-нибудь звонил? — спросил он. — Друзья Сергея? Те, кто был с ним в ту ночь?

— Нет. Никто.

— Сергей записал их телефоны. Они у вас сохранились?

— Да. Где-то здесь.

Вероника Степановна вышла из кухни и вскоре вернулась с небольшим листком.

— Мы можем позвонить им сейчас? — спросил Георгий, посмотрев на домашний телефон.

— Конечно.

— Позвоните сначала одному, потом второму. Скажите, что у вас находится адвокат Сергея и я хотел бы встретиться. Больше ничего по телефону обсуждать не будем.

Вероника Степановна кивнула.

Георгий переписал номера в блокнот.

— Начнём с Вали.

Он продиктовал номер. Вероника Степановна набрала его, и в трубке послышались длинные гудки.

— Алло, — наконец ответил женский голос.

— Здравствуйте. Это Вероника, тётя Сергея.

На другом конце провода наступила короткая пауза.

— Да, — напряжённо ответила женщина.

— Как там Валя?

Снова тишина.

— Что вы хотели? — спросила мать Вали.

Вероника Степановна почувствовала в её голосе упрёк и невольно сжала трубку крепче.

— У меня сейчас находится адвокат. Он хотел бы поговорить с Валей…

— Всё через следователя, — резко ответила женщина и положила трубку.

Вероника Степановна медленно опустила трубку на аппарат.

— Вот и люди…

— Не спешите её осуждать, — сказал Георгий. — Она тоже боится за сына. Звоните следующему.

Он продиктовал номер Лёши.

Трубку подняла его мать. Через минуту в ней послышался голос самого Лёши.

— Алло.

— Лёша, здравствуй, — сказала Вероника Степановна.

— Здрасьте.

— Это тётя Сергея.

— Ага.

— У меня здесь адвокат. Он хочет с тобой поговорить.

— Ага.

Вероника Степановна с надеждой посмотрела на Георгия и протянула ему трубку.

— Алексей, привет, — сказал Георгий.

— Здрасьте.

— Я адвокат Сергея. Мне нужно встретиться с тобой и услышать, что ты видел той ночью. По телефону ничего рассказывать не надо. Если я через пару часов подъеду, ты будешь дома?

— Ага.

— Хорошо. Тогда через пару часов буду у вас.

— Ага.

Георгий положил трубку.

— Уже неплохо, — сказал он.

— Подождите, — вдруг вспомнила Вероника Степановна. — Мне ещё вот это оставили.

Она принесла бумажку с номером телефона.

— Это те последние, которые приходили. Из убойного отдела.

На бумаге было написано:

Оперуполномоченный Пётр Седых.

Георгий прочитал фамилию, переписал номер в блокнот и убрал листок между страницами.

Они снова сели за стол.

— А теперь, Вероника Степановна, я объясню наш план, — сказал Георгий. — Ваше состояние напрямую зависит от того, понимаете вы, что происходит, или нет.

Он вырвал из блокнота чистый лист и положил между ними.

— Я нарисую всё очень просто.

Сначала Георгий изобразил прямоугольник — здание клуба. Затем обозначил вход, тамбур, дорогу и место, где стоял «Запорожец». Немного в стороне нарисовал белую машину.

Вероника Степановна придвинулась ближе.

Георгий не спеша провёл её через события той ночи: приезд Сергея, Вали и Лёши; белую «Волгу», из которой вышли четверо; драку в тамбуре; Валю, которого вытащили наружу; удар по голове, после которого Сергей упал. На листе появлялись фигурки и стрелки, а разрозненные страшные слова постепенно складывались в последовательную картину.

— Лёжа на земле, Сергей увидел, как несколько человек тащат Валю за клуб и продолжают бить его руками и ногами, — сказал Георгий. — Валя уже почти не сопротивлялся. Сергей решил, что его могут покалечить или убить.

Вероника Степановна сжала пальцы на краю стола.

Георгий провёл стрелку в сторону «Запорожца».

— Он поднялся, подбежал к машине, достал отвёртку и вернулся. При этом кричал, чтобы они прекратили избиение.

Вероника Степановна уже не просто слушала. Она находилась там — в той тёмной ночи, возле клуба, рядом с Сергеем. Теперь его действия впервые складывались для неё не в страшное слово «убийство», а в последовательность событий.

— Сергей подошёл к одному из нападавших — тому, кто продолжал избивать Валю, — и один раз ударил его

отвёрткой в бок. После этого избиение прекратилось. Раненый закричал и отошёл. Сергей больше никого не бил. Он поднял Валю, довёл его до машины, посадил внутрь и уехал.

Георгий положил ручку.

— Со слов Сергея всё было именно так.

Вероника Степановна медленно выдохнула.

— Да. Потом он приехал домой.

— Дальнейшее вы уже знаете.

Георгий убрал рисунок в сторону и достал из портфеля Уголовный кодекс — такой же, какой оставил Сергею в цирке.

— Теперь самое главное.

Он открыл нужную страницу.

— Следствие видит погибшего человека и удар отвёрткой. Поэтому сначала будут рассматриваться тяжёлые статьи. Статья 105 — убийство, то есть умышленное причинение смерти. Либо часть четвёртая статьи 111 — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, которое по неосторожности повлекло смерть.

Вероника Степановна смотрела на строчки, уже слышанные ею от следователя, оперативников и Светланы Викторовны.

— Светлана Викторовна сказала, что Сергею грозит статья за умышленное причинение тяжкого вреда, повлёкшее смерть. И добавила: до пятнадцати лет, — вздохнула Вероника Степановна, вспомнив, как уверенно и безапелляционно адвокат называла страшные цифры.

— Для начала успокойтесь: даже если следствие станет настаивать на этой статье, несовершеннолетнему не могут назначить более десяти

лет лишения свободы, — ответил Георгий. — Но дело даже не в этом. Нам предстоит выяснить и доказать главное: что именно хотел сделать Сергей. Был ли у него умысел убить или он хотел причинить тяжкий вред, не желая смерти. Однако наша основная позиция вообще находится не здесь.

Он перелистнул Кодекс ближе к началу и положил палец на другую статью.

— Статья 37. Необходимая оборона.

Вероника Степановна начала читать.

Смысл статьи был прост: причинение вреда нападающему не является преступлением, если человек защищает себя или другого от общественно опасного посягательства и при этом не допускает превышения пределов необходимой обороны. Право защищать себя и других существует независимо от того, мог ли человек избежать нападения или обратиться за помощью.

Прочитав, она подняла глаза.

— То есть Сергей мог защищать Валю?

— Закон прямо разрешает защищать не только себя, но и другого человека, — сказал Георгий. — Мы не будем отрицать, что Сергей нанёс удар. Наша задача — доказать, почему он его нанёс и что происходило в тот момент.

Он снова придвинул к ней рисунок.

— Нам необходимо подтвердить несколько обстоятельств. Первое: нападение на Валю было настоящим и продолжалось. Второе: его избивали несколько взрослых мужчин. Третье: Валя уже лежал или почти не мог сопротивляться. Четвёртое: Сергей действительно воспринимал происходящее как угрозу его жизни и здоровью. Пятое: он нанёс один удар и

прекратил действовать сразу после того, как прекратилось избиение.

— Но ведь он ходил за отвёрткой, — тихо сказала Вероника Степановна.

Георгий внимательно посмотрел на неё.

— Правильно. И следователь обязательно за это зацепится. Скажет, что Сергей успел отойти, взять отвёртку и вернуться. Это сложное место. Мы не будем его прятать. Но всё это время избиение продолжалось. Сергей вернулся не мстить и не расправляться. Он вернулся, чтобы остановить нападение на друга.

— Он не мог его там оставить, — сказала она.

— Именно. Закон не лишает человека права на защиту только потому, что он мог уйти или позвать кого-то ещё. Но нам придётся доказать, что опасность была серьёзной, а действия Сергея были направлены именно на прекращение избиения.

Георгий закрыл Кодекс.

— Это не означает, что завтра следователь согласится с нами и прекратит дело. Будет борьба за каждую деталь. Но говорить, что Сергей уже убийца и обязательно сядет, — неправильно. По нашей версии он защищал Валю. И если мы подтвердим эту версию доказательствами, в его действиях может вообще не оказаться состава преступления.

Вероника Степановна смотрела на него широко раскрытыми глазами. Дышать стало легче. Как будто всё это время в комнате не хватало воздуха, а теперь кто-то открыл окно.

— Я так и знала, — сказала она. — Чувствовала, что он не мог просто так… Я знала, что там всё было не так.

Она помолчала, а потом снова начала волноваться:

— Но эти… Они даже разбираться не хотят. Они уже всё решили. Пришли сюда, назвали его убийцей…

— Я понимаю, — спокойно сказал Георгий. — Система всегда сначала выбирает самую простую схему: есть погибший, есть отвёртка, есть скрывшийся Сергей. Всё остальное ей неудобно. Значит, мы заставим её увидеть остальные обстоятельства.

Вероника Степановна посмотрела в окно, потом словно вспомнила что-то ещё.

— И Светлана Викторовна… Адвокат…

— Она, вероятно, исходила из тех материалов, которые ей показали, — сказал Георгий. — В них Сергей уже помещён в готовую обвинительную схему. Мы будем эту схему разбирать. Не словами, а показаниями свидетелей, медицинскими документами и фактами.

Вероника Степановна откинулась на спинку стула. Она выглядела так, будто много часов шла, не останавливаясь, и только сейчас наконец получила возможность присесть.

Георгий видел: Веронике Степановне не требовалось ничего приукрашивать. Достаточно было один раз разложить всё по порядку, чтобы она начала понимать происходящее.

— Можно я посмотрю комнату Сергея? — спросил он.

— Конечно.

Они вышли из кухни.

В комнате Сергей всё ещё присутствовал в каждой мелочи. На стене висела гирлянда. Возле кровати стояла рация. На столе лежали провода, переключатели, тумблеры, обрывки бумаги и какие-то недоделанные устройства.

Георгий подошёл ближе и заметил несколько

маленьких книжечек, исписанных крошечным почерком. На одной из них было написано что-то по истории.

Вероника Степановна остановилась у него за плечом.

— Это шпаргалки. Он сам их делает.

Георгий взял одну книжечку, перелистнул несколько страниц и улыбнулся:

— Интересный парень.

Он вернул её на место и посмотрел на часы. Было почти двенадцать.

— Вероника Степановна, мне пора. Сейчас поеду к Лёше, потом в прокуратуру. Нужно познакомиться со следователем и понять, что уже находится в деле.

Она сразу снова собралась.

— Да, конечно.

— И ещё одна формальность.

Георгий достал из портфеля несколько листов.

— Сергей вчера сам попросил меня заниматься его защитой. Теперь нам нужно оформить соглашение об оказании юридической помощи.

— Да, конечно. Где подписать?

Георгий показал нужные места. Вероника Степановна внимательно расписалась.

— Теперь соглашение оформлено, — сказал он. — Запишите номер моего мобильного телефона. Звонить можете в любое время.

Она записала номер на отдельном листке и положила возле телефона.

— Если к вам снова придут сотрудники, не спорьте и не мешайте им. Спросите фамилии, посмотрите документы, запомните время и сразу позвоните мне. Ничего не додумывайте и не пытайтесь угадывать

ответы. Говорите только то, что точно знаете.

— Хорошо.

— И сегодня обязательно поешьте и поспите хотя бы несколько часов.

Георгий надел пиджак и уже собирался выйти, когда за дверью послышались шаги. Через мгновение раздался звонок.

Вероника Степановна вздрогнула.

Георгий посмотрел на неё:

— Вы кого-то ждёте?

— Нет.

— Открывайте. Я рядом.

Она подошла к двери, повернула замки и осторожно открыла.

На площадке стоял Руслан — тот самый оперативник, который провёл в квартире почти половину ночи, ожидая возвращения Сергея. Гаврила поручил ему ещё раз зайти, узнать, не звонил ли Сергей и не появилось ли новой информации.

Увидев возле Вероники Степановны незнакомого мужчину в костюме, Руслан на мгновение растерялся. Потом полез во внутренний карман и раскрыл удостоверение.

— Старший лейтенант милиции Филатов Руслан Владимирович, оперуполномоченный уголовного розыска.

Георгий спокойно прочитал удостоверение, затем показал своё.

— Адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Георгий Земляника.

Руслан внимательно рассмотрел документ.

— Сергей здесь? — спросил он.

— Нет. Сергей находится в Москве. Сегодня его осмотрит врач. От явки он не отказывается. После моего вступления в дело мы согласуем со следователем, когда и каким образом он прибудет.

Руслан явно не ожидал услышать такой ответ.

Георгий повернулся к Веронике Степановне:

— Я пойду. Вечером загляну, как договорились.

— Хорошо.

Он снова посмотрел на Руслана:

— Пойдёмте, поговорим на улице.

Руслан помедлил, но кивнул:

— Пойдёмте.

Они спустились по лестнице и вышли из подъезда. Обошли лужу по той же узкой полосе асфальта и направились к машине.

Увидев чёрный «Шевроле», Руслан хмыкнул:

— А я ещё думаю, кто это к нам на московских номерах приехал.

— Теперь понятно, — улыбнулся Георгий.

Он протянул руку:

— Давайте познакомимся нормально. Меня зовут Георгий.

Руслан пожал руку.

— Руслан.

— Можно на «ты»?

— Можно.

— Я сегодня только приехал. Как раз собирался зайти к вам в отдел, а тут ты сам появился.

Руслан немного расслабился, но внутреннее напряжение осталось. Перед ним стоял человек, который защищал разыскиваемого подростка. Не преступник, которого нужно задержать, и не

сослуживец, с которым всё было бы понятно. Георгий разговаривал так, словно их встреча была совершенно естественной.

— Ты ведёшь розыск Сергея? — спросил он.

— Один из тех, кто занимается. Я в ту ночь на сутках был. На происшествие выезжал.

— Вот ты-то мне и нужен. Скажи, Руслан, только не по бумажке, а как специалист: что там произошло?

Руслан снова напрягся.

Георгий задал вопрос слишком прямо, будто без разрешения шагнул на его внутреннюю территорию.

— Что произошло… Драка возле клуба. Мартынов Сергей подозревается в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлёкшего смерть потерпевшего, — почти отрапортовал Руслан.

— Официальную часть я знаю, — ответил Георгий. — Но перед этим несколько человек избивали его друга. Валю Сугробова.

Он посмотрел на Руслана.

Руслан тоже посмотрел на него внимательнее, оценивая сказанное.

— Есть такая информация. И что из этого?

— Сергей вмешался, чтобы прекратить избиение.

Руслан посмотрел на Георгия, немного прищурившись: оценивать квалификацию дела во дворе возле чужого подъезда не собирался, да и не входит в его должностные обязанности оперуполномоченного.

— Это тебе лучше со следователем обсуждать. Наше дело — разыскать, задержать и доставить. А дальше пусть прокуратура разбирается.

Он махнул рукой в сторону центра города.

— Понимаю, — сказал Георгий. — Но Сергею шестнадцать лет. Здесь нельзя действовать так, будто суд уже состоялся. Это судьба человека.

Он поднял глаза на окна квартиры. За занавеской стояла Вероника Степановна и смотрела на них.

— К его тётушке врываются, переворачивают дом, называют Сергея убийцей. Женщина двое суток не спит. Разве это правильно?

Руслан тоже посмотрел на окно.

Он вспомнил ту ночь и огромного Гаврилу, который давил на Веронику Степановну одной своей массой и голосом. Вспомнил, как сам сидел в этой квартире и ждал, что Сергей войдёт в дверь.

Не выдержав прямого взгляда Георгия, Руслан отвернулся.

— Такая работа.

— Понимаю. Служба быстро приучает видеть не людей, а задачи. Но не вам становиться судьями.

Руслан глубоко вздохнул. Стыд, который вдруг возник внутри, ему не понравился. Он неожиданно почувствовал, что этот стыд не совсем принадлежит ему.

Руслан посмотрел вдаль, потом снова повернулся к Георгию.

— И ты тоже судьёй не становись.

Георгий улыбнулся. В этот момент он увидел перед собой уже не просто часть милицейского механизма, а живого человека, который сам удивился собственным словам.

— Полностью согласен.

— Сегодня буду и в прокуратуре, и, возможно, у вас в отделе, — сказал Георгий. — Вот моя визитка. Если

появится что-нибудь, что можно сообщить защитнику, позвони.

Руслан взял карточку и убрал в карман.

— У меня второй кабинет. Если что — заходи.

— Обязательно.

Они уже хотели разойтись, но что-то внутри подсказало Георгию: ещё мало.

Он повернулся к Руслану.

— Руслан, раз уж мы познакомились… Если будет что-нибудь нужно по моему подзащитному Сергею Мартынову или…

Георгий ещё раз посмотрел на окна квартиры.

— Или по его тётушке — пожалуйста, через меня.

Руслан снова посмотрел на визитку. Там было написано:

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Георгий Земляника

Увидев фамилию Земляника, Руслан улыбнулся.

Георгий улыбнулся в ответ.

— Скажи, пожалуйста, а как фамилия следователя, который ведёт дело?

Руслан посмотрел на Георгия, потом в сторону, будто хотел ответить, но вдруг понял, что действительно не знает.

— Я, честно говоря, не знаю. Лучше в прокуратуре спросить.

Георгий кивнул.

— Тебя довезти?

— Не, спасибо, — отозвался Руслан. — Я ещё по дворам прогуляюсь.

Он усмехнулся:

— Это моя работа. А то на машине никого не

увидишь.

— Понимаю, — ответил Георгий.

Руслан немного прищурился.

— А ты бывший сотрудник?

— Нет. Я служил, но не в милиции, — ответил Георгий. — Службу вашу знаю хорошо.

— Это как? — улыбнулся Руслан.

— Учителя хорошие.

— Ясно, — закивал Руслан. — Ну ладно.

Он протянул Георгию руку, и они ещё раз обменялись рукопожатием.

Георгий открыл дверь «Шевроле», сел за руль и завёл двигатель.

Мотор загудел низко и тяжело. Машина выехала со двора и направилась к дороге.

Руслан остался возле дома и некоторое время смотрел ей вслед.

Потом ещё раз оглянулся на двор и окна Вероники Степановны, нырнул в сторону соседних домов и пошёл по тропинкам.

Он шёл, а внутри оставалась эта встреча, словно что-то связало его с человеком из совершенно другого мира.

Оказалось, люди умеют разговаривать — и в этом нет ничего плохого, думал Руслан.

«Может, тоже в адвокаты пойти?» — промелькнуло у него.

Но, глядя на дворы и окна, мимо которых проходил, Руслан почувствовал, что любит свою работу именно за эту свободу — когда можно быть нужным людям и вот так искать своим заточенным волчьим взглядом тех, кто нарушает покой их жизни.

Он вспомнил слова Георгия и ещё раз прокрутил в

голове ночную работу, давление, которое они оказывали на тётушку Сергея.

Картина и правда была не такой простой, какой казалась ночью.

И чем дальше Руслан шёл в сторону отдела, тем подробнее она собиралась в его голове.

Он видел убитого. Вспоминал тех, кто был вместе с ним.

Да, персонажи те ещё.

Руслан знал, что такое необходимая оборона. Но одно дело — статья в Кодексе, и совсем другое — мёртвый человек с раной от отвёртки и подросток, который после этого скрылся. Можно ли соединить одно с другим, он пока не понимал.

Его знаниями и его силой были эти кривые дома, подъезды, ночные вызовы и территория.

Вдруг он заметил машину, медленно въехавшую во двор.

Руслан пригляделся. Это был старый «Жигуль». В салоне сидели несколько человек.

Отступив к кустам, Руслан остановился и замер. Смотрел тихо, по-волчьи, и ждал.

Что-то внутри подсказывало ему: машина не местная. По каким-то мелким, почти незаметным деталям она не вписывалась в жизнь городка.

«Жигуль» остановился. С заднего сиденья вышел худой черноволосый парень, с виду похожий то ли на мулата, то ли на цыгана. Он быстро направился к подъезду.

Двое оставшихся в машине ждали, не заглушая двигатель.

Руслан почувствовал: похоже на квартирных воров.

Один пошёл проверять подъезд — смотреть, кто есть в квартирах.

«А может, к кому-то в гости», — промелькнул другой вариант.

Перебрав возможные объяснения, Руслан вдруг осознал, что оружия с собой нет. Гаврила отправил его всего лишь поговорить с тётушкой Сергея, поэтому служебный пистолет остался в отделе.

«Плохо».

Но не подойти он уже не мог. Сейчас третий выйдет из подъезда — и они уедут. Если это воры, номера, скорее всего, поддельные. Или чужие. К тому же их специально заляпали грязью.

Нужно было проверять.

Руслан вышел из кустов и направился прямо к машине.

За рулём сидел толстый цыган. Он заметил приближающегося Руслана и внимательно на него посмотрел.

Руслан ускорился, подошёл вплотную к водительской двери и раскрыл удостоверение:

— Уголовный розыск. Ваши документы.

На Руслана смотрели карие, почти чёрные глаза. Они беспокойно бегали, словно хотели выпрыгнуть из глазниц.

Вдруг из подъезда вышел тот самый парень, который несколько минут назад вошёл внутрь. Увидев Руслана, он сразу изменился в лице. Только что расслабленное выражение исчезло.

У Руслана забилось сердце. Словно тело раньше головы поняло, что перед ним преступники.

Мотор загудел.

Водитель с чёрными глазами будто ждал, пока третий сядет в машину.

Так и получилось.

Парень быстро открыл заднюю дверь, забрался в салон, и через мгновение «Жигуль» рванул вперёд.

Всё произошло за несколько секунд.

Руслан дёрнулся к полуоткрытому окну, пытаясь схватить водителя за куртку. Пальцы зацепились за край оконного проёма, и несколько метров он бежал рядом с набирающей скорость машиной.

«Жигуль» сделал крюк, с пробуксовкой вылетел со двора, и Руслан упал на землю, несколько раз перекувырнувшись по грязной луже.

Лёжа на земле, он смотрел вслед машине, которая раскачивалась на ямах, и вслух повторял цифры номера — те, которые сумел разобрать под специально размазанной по табличке грязью.

— Стоять! — закричал Руслан на весь двор.

Но было уже поздно.

Он поднялся на ноги и осмотрел себя. Джинсы и куртка были покрыты налипшей мокрой грязью.

Руслан тяжело дышал. Грудь ходила ходуном.

— Ну вот и прогулялся, — сказал он, смотря на свои грязные штаны, и направился в сторону отдела.

Москва. Цирк «Синие волки». Утро.

Цирк жил своей обычной жизнью. Только для Сергея всё происходящее было чудом, которое не заканчивалось ни на минуту.

После утренней щадящей тренировки они с Жулем

позавтракали, а потом Жуль повёл его на сводную репетицию.

В пустом зрительном зале Сергей сел возле прохода. Жуль сначала устроился рядом, но вскоре поднялся и ушёл за кулисы — ему тоже предстояло участвовать в репетиции нового представления.

На манеже всё было готово. Униформисты проверяли канаты, крепления и страховочные тросы. Аркадий Львович стоял возле барьера с блокнотом и время от времени поглядывал под купол.

В центр манежа вышла Лика — та самая девушка, которая накануне первой заговорила с Сергеем в столовой и спросила, успел ли он освоиться.

На ней был синий тренировочный костюм. Только теперь Сергей увидел, что поверх него надета сложная страховочная система из ремней, небольших металлических колец и карабинов.

— Лика, приготовиться! — крикнул Аркадий Львович.

Из-под купола медленно опустился толстый рабочий канат с двумя петлями. Рядом с ним спустилась тонкая страховочная лонжа. Один из униформистов пристегнул её к кольцу на поясе Лики, проверил карабин и отошёл.

Лика сделала несколько лёгких, почти кошачьих шагов, потом резко разбежалась и ухватилась обеими руками за верхнюю петлю. Подъёмный механизм загудел, канат натянулся и стремительно унёс её над манежем.

Набрав высоту, Лика начала раскачиваться.

Она летела от одного края манежа к другому, как огромный живой язык под колоколом купола. Казалось, ещё немного — и она долетит до самых верхних рядов.

Все, кто стоял внизу, поворачивали головы то в одну,

то в другую сторону, провожая её глазами. Сергей смотрел, не отрываясь.

Лика не просто раскачивалась. Она переворачивалась на канате, меняла положение тела, отпускала одну руку, потом другую и снова ловила петлю в последний момент. Там, наверху, она будто могла делать всё, что хотела.

Постепенно раскачивание стало слабее. Канат замедлился и остановился почти в самом центре манежа.

В этот момент из тёмного прохода выбежал Жуль. На нём были широкие жёлтые штаны. Маленький, быстрый, он пересёк манеж, оттолкнулся от небольшого трамплина и взлетел на несколько метров вверх.

Сергей даже не успел понять, что произошло.

В воздухе Жуль поймал нижнюю петлю того же каната и повис под Ликой. Канат снова пошёл в сторону, постепенно набирая размах. Теперь они летели вместе.

Жуль висел внизу, а Лика вращалась над ним. Они почти не смотрели друг на друга, но оба точно знали, где в следующую секунду окажется второй. В их движениях чувствовалась не только выучка, но и полное доверие.

Через несколько проходов канат снова замедлился. Когда он прошёл нижнюю точку над страховочным матом, Жуль отпустил петлю и мягко приземлился на манеж. Несколько секунд он стоял, уперев руки в колени и восстанавливая дыхание, а потом выпрямился, широко улыбнулся и поклонился пустым рядам.

Сергей захлопал.

Жуль несколькими короткими прыжками добрался до зрительного зала, перемахнул через барьер и сел

рядом с ним.

— Всё, моя небольшая роль пока закончена, — проговорил он, переводя дыхание. — Номер ещё сырой. Будем оттачивать.

Сергей смотрел на него с таким выражением, будто Жуль только что вернулся откуда-то из-под самого купола не по канату, а по воздуху.

Тем временем Лику спустили на манеж. Униформист отстегнул страховочную лонжу. Лика сняла пояс, передала его помощнику и подошла к ним.

— Сегодня вовремя, — сказала она Жулю.

— Я всегда вовремя.

— Вчера было не всегда.

— Вчера канат опоздал.

Лика улыбнулась и посмотрела на Сергея.

— Ну как, освоился?

Сергей перевёл взгляд на всё ещё покачивавшийся под куполом канат.

— До репетиции думал, что немного.

— А теперь?

— Теперь всё сначала.

Лика рассмеялась.

— Это нормально. В цирке так часто бывает.

Она протянула ему руку.

— Вчера мы так и не познакомились. Лика.

— Сергей.

— Я знаю.

— Откуда?

— Жуль сказал.

Сергей посмотрел на Жуля.

— Не благодари, — отозвался тот.

Сергей снова посмотрел наверх.

— Ну вы даёте…

— Понравилось? — спросила Лика.

— Ещё бы. Ты на канате держишься лучше, чем я на земле, — усмехнулся он.

— Спасибо, — улыбнулась Лика.

Сергей посмотрел на её улыбку и на мгновение не смог отвести глаз.

— Я бы тоже хотел так полетать, — признался он.

— Тебе нельзя, — Жуль поднял указательный палец.

— Ты теперь официально на больничном.

Лика удивлённо посмотрела на Сергея:

— У тебя травма?

— У него шишка, — ответил за него Жуль.

— Шишка заживёт, — снова улыбнулась Лика и плавно махнула рукой.

— Через пару дней, думаю, всё пройдёт, — сказал Сергей, потерев затылок.

— Вот тогда и попробуешь, — кивнул Жуль.

— Тебя научит лучшая воздушная гимнастка. Она из семьи потомственных циркачей, — сообщил он с такой гордостью, будто рассказывал о собственной сестре.

— А вы родственники? — спросил Сергей.

— Ха! Если только меня усыновили и забыли об этом сказать. Ты посмотри на неё и на меня. Где ты видишь в ней мою красоту? — Жуль указал на себя обеими руками, и все рассмеялись.

— А ты раньше когда-нибудь бывал в цирке? — спросила Лика.

— Это первый цирк, который я увидел изнутри.

— Тогда не верь всему, что рассказывает Жуль.

— Почему?

— Потому что половина из этого правда, а вторая

половина ещё интереснее.

— Лика! — позвал с манежа Аркадий Львович.

— Мне пора.

Она посмотрела на Сергея, махнула ему рукой и побежала обратно.

Сергей проводил её взглядом.

— Ну вот, — сказал Жуль. — Сегодня разговор уже получился содержательнее.

Сергей повернулся к нему.

— Нормальный разговор.

Жуль поднял руки, показывая, что больше ничего не скажет.

В это время в зал вошёл Март. Он остановился возле прохода, посмотрел сначала на Сергея, потом на Жуля и поманил Сергея рукой.

За Мартом шёл сухой пожилой человек в тёмном костюме. На переносице у него держалось пенсне, а в руке был небольшой чёрный чемоданчик. Это был врач, уже много лет обслуживавший цирк.

— Пойдём, — сказал Март. — Тебя осмотрят.

Они прошли за кулисы и вошли в небольшой служебный вагончик, оборудованный под медицинский пункт. У стены стояла кушетка, рядом — застеклённый шкаф с лекарствами. В комнате пахло йодом, спиртом и лекарственной горечью.

Врач поставил чемоданчик на стол и указал Сергею на стул.

— Когда получил?

— В ночь на субботу.

— Сознание терял?

— Нет.

— Тошнило? Рвота была?

— Нет.

— Голова кружилась?

— Нет.

— В глазах не двоилось?

— Нет.

— Провала в памяти не было?

— Нет.

— Где болит?

Сергей показал, где болело: справа на затылке.

Врач снял пенсне, положил его на стол, раздвинул волосы и осторожно ощупал указанное место. Когда пальцы дошли до ушиба, Сергей поморщился.

— Здесь?

— Да.

Врач снова надел пенсне, проверил зрачки, попросил Сергея проследить глазами за пальцем, затем проверил равновесие и координацию. После этого велел снять спортивную куртку и рубашку. Осмотрел оставшиеся на теле кровоподтёки и неглубокие ссадины. Все повреждения он записывал на отдельном листе, отмечая их расположение, размер и цвет.

Закончив осмотр, врач некоторое время писал. Потом перечитал написанное, поставил подпись и печать медпункта.

В справке были перечислены ушиб мягких тканей головы в правой затылочной области, кровоподтёки и ссадины на туловище с указанием их расположения и размеров.

— Если головная боль усилится, появится тошнота или начнёт кружиться голова — сразу в больницу, — сказал врач. — Не геройствовать.

Он передал справку Марту. Тот внимательно

прочитал её и аккуратно убрал в заранее приготовленную плотную папку.

Добуж. Отдел милиции. Около полудня.

Лопоухий и его спутник тем временем уже вошли в дежурную часть, на ходу доедая ещё горячие пирожки. Оба были Петрами и служили в областном «убойном» отделе.

— Мы из управления, из убойного, — сказал лопоухий Пётр, дожёвывая последний кусок, и быстро показал дежурному удостоверение. — Кто из руководства на месте?

— Смотря кто вам нужен, — буднично ответил дежурный.

— Начальник криминальной милиции хотя бы.

— Нет, отъехал. Начальник уголовного розыска на месте. И начальник отдела у себя.

Оба Петра переглянулись и решили подняться к Гавриле.

Лопоухий Пётр Седых постучал в дверь кабинета.

— Да-а! — раздался изнутри недовольный рык.

Дверь приоткрылась. Гаврила Петрович показался в проёме, но войти не предложил.

— Приветствуем, — начал Пётр Седых. — Мы из областного убойного.

— Ну и? — спросил Гаврила.

— А начальник криминальной милиции Алексей Алексеич когда будет?

— Не знаю. Может, после обеда.

Пётр мельком посмотрел на табличку возле двери и

сразу сменил тон на более почтительный:

— Гаврила Петрович, нам из управления сообщили, что вы здесь двоих по Севостьянову взяли.

— Ну да, — коротко ответил Гаврила.

— Они здесь?

— Один сидит у нас в клетке. Второго наши уже в прокуратуру повезли, на допрос.

— А по тем двум, которых пока не нашли, информация от них есть?

Гаврила молча посмотрел на Петра Седых. Тот попытался заглянуть в кабинет, но широкое плечо начальника уголовного розыска полностью закрывало проход.

Гаврила перевёл взгляд на второго Петра, задержался на пакете с пирожками в его руке и снова выпучил глаза. Тот машинально спрятал пакет за спину.

— В прокуратуру езжайте. Там и выясняйте.

С этими словами Гаврила закрыл дверь прямо перед ними.

Два Петра ещё несколько секунд постояли в коридоре, затем снова переглянулись и направились к лестнице. Приходилось ехать в прокуратуру.

Когда их шаги стихли, Гаврила вышел из кабинета и направился к Руслану.

Тот полчаса назад вернулся грязный, рассказал о своих приключениях, теперь разделся до трусов и ждал супругу, которая уже несла ему из дома чистую одежду.

Гаврила толкнул дверь.

— Убойщики опять приезжали, — буркнул он, глядя на Руслана.

— И чего хотят? — спросил Руслан.

— Да хотят, чтобы им всё на блюдце принесли.

Гаврила посмотрел на сидящего в трусах Руслана.

— Мы тут в грязи должны валяться и сутками не спать, а они хотят приехать, понюхать уже готовое и доложить.

Он остановился возле двери.

— По тем, что на «Жигулях», я в управление сообщил. Номер передал, приметы тоже. Пусть по соседним районам проверят. Может, по квартирным кражам они уже где-нибудь засветились.

Гаврила собрался выходить, но ещё раз посмотрел на Руслана:

— А ты, если ещё куда на проверку пойдёшь, ствол получай. Или хотя бы стажёра с собой бери.

Он вышел и хлопнул дверью кабинета.

Добуж. Дом Лёши. После полудня.

После визита к Веронике Степановне Георгий решил перекусить и спокойно составить дальнейший план. Но прежде нужно было найти дом, где жил Лёша, и поговорить с ним.

Он сверил карту со своими записями и ещё раз вспомнил ориентиры, которые подробно описал Сергей. Через несколько минут чёрный «Шевроле» остановился перед металлической калиткой, изъеденной ржавчиной.

— Ага. Похож, — сказал Георгий, разглядывая участок.

Дом стоял метрах в десяти от калитки, в глубине двора. На участке никого не было видно.

Георгий подошёл к калитке.

— Хозяева! — негромко позвал он.

Через несколько секунд в открытом окне показалась голова молодого парня.

— Алексей!

Парень посмотрел на Георгия, исчез из окна и вскоре вышел из дома.

Он шёл, немного раскачиваясь из стороны в сторону и широко ставя ноги, как ходят люди, с детства привыкшие носить тяжёлые сапоги и месить ими деревенскую грязь. Лицо у него было широкое, массивное. Глаза казались усталыми и почти ничего не выражали.

Подойдя к калитке, Лёша вопросительно посмотрел на Георгия, однако ничего не сказал.

— Привет, Алексей. Меня Георгием зовут. Я сегодня был у Вероники Степановны. Я знакомый Сергея и его адвокат.

— Угу, — отозвался Лёша.

— Нам надо поговорить. Или ты выходи, или меня впусти.

Георгий посмотрел на калитку, разделявшую их.

Лёша открыл её и отступил в сторону. Потом молча пошёл в глубину участка, обогнул дом и направился к сараю. Возле сарая стояла старая лавочка. Лёша сел, достал сигарету и прикурил от спички.

За калиткой он словно немного изменился. Здесь всё принадлежало ему: дом, сарай, лавка, сложенные возле забора доски. На своём участке он держался увереннее — как хозяин.

Лёша глубоко затянулся и на выдохе попытался выпустить изо рта кольцо. Оно сразу развалилось. Он попробовал ещё раз. Видно было, что это не позёрство, а привычное занятие, которым он развлекал себя от

нечего делать.

Георгий осмотрел двор и сел рядом.

— Скажи, Лёш, что там произошло?

— Да… — Лёша поставил локти на колени и потёр лоб. — Я и не знаю ничего.

Он рассказал всё, что помнил. Рассказ получился коротким и путаным: как они приехали, как зашли в клуб, как гремела музыка, как он пил, сидя в зале, а потом уснул. Ни драки, ни того, что произошло в тамбуре, он не видел.

Георгий выслушал его до конца.

— Тебя уже допрашивали?

— Да. В ту же ночь. Всю ночь в кутузке просидел. Потом расписался и ушёл. Сказали, вызовут.

— Кто с тобой разговаривал? Следователь представлялся?

— Не помню. Мужик какой-то записывал.

— Бумага как называлась: «объяснение» или «протокол допроса»?

Лёша пожал плечами.

— Не знаю. Я не читал.

— Копию дали?

— Нет.

— Значит, скорее всего, у тебя взяли объяснение. Официально тебя ещё вызовет следователь, который ведёт дело.

— А-а.

Лёша затянулся и снова попытался выпустить кольцо.

— Ты с кем живёшь? — спросил Георгий, посмотрев в сторону дома.

— С мамкой.

Лёша махнул рукой на окно, из которого недавно выглядывал.

Разговаривать с ним было тяжело. Он не лгал и, кажется, ничего намеренно не скрывал. Просто сам не предлагал ни одного лишнего слова. Каждый факт приходилось вытаскивать отдельным вопросом.

— Вы перед дискотекой выпивали?

— Да. Немного.

Георгий слегка повернулся к нему:

— Немного — это сколько?

— Пол-литра водки. На троих.

— Сергей тоже пил?

— Ну да.

— Пьяные были?

— Да не особо.

— Кто купил?

— Я. Тут у одного деда.

Лёша показал рукой в сторону дороги.

Георгий несколько секунд смотрел на него.

— А сколько в тебе веса?

Лёша не понял.

— Чего?

— Килограммов в тебе сколько?

Лёша посмотрел на себя.

— А-а, вес… Недавно в военкомате, на медкомиссии, взвешивали. Восемьдесят три было.

Он снова затянулся.

— Я вообще бутылку один выпить могу. Мне нормально.

В голосе впервые прозвучало что-то похожее на гордость.

— А как же тебя тогда так развезло, что в клубе

разбудить не могли?

— Так парням по несколько рюмок — им хватило. А остальное я потом в зале понемногу допил. Под музыку… Ну и развезло.

— Значит, в основном выпил ты?

Лёша немного подумал.

— Получается, что так.

— А когда ты последний раз видел ребят, они были пьяные? Падали, ругались, говорили невнятно?

Лёша уставился на Георгия.

— Кто?

— Сергей или Валя.

— Да нет, вроде. Всё нормально было. Сергей ещё за рулём был. Доехали нормально.

Георгий кивнул.

— Давай договоримся. Как только тебя вызовут на допрос, сразу сообщишь мне.

— На какой допрос? — опять не понял Лёша.

— Я же объясняю. Там, где ты расписался, у тебя, скорее всего, брали объяснение. А теперь тебя должен официально допросить следователь. Это разные вещи.

— А-а. Понял.

— Я или другой адвокат заранее поговорим с тобой и поедем вместе.

— А в кабинет он зайдёт?

— Могут не пустить. Ты пока свидетель, и следователь не обязан допускать адвоката на допрос. Тогда он будет ждать за дверью.

— А зачем тогда?

— Чтобы до допроса ты спокойно вспомнил всё по порядку. А перед подписью сам прочитаешь протокол от начала до конца. Если что-то записано не так,

потребуешь исправить. Не помнишь — так и говори: «Не помню». Ничего не додумывай.

— Ага.

— Домашний номер Сергея знаешь?

— Знаю.

— Как только позвонят или принесут повестку, сразу набери Веронике Степановне. Она передаст мне. Я приеду и всё устрою.

Лёша кивнул.

Георгий поднялся.

— Ну ладно, мне пора. Ты только не забудь, о чём мы договорились.

Он протянул руку. Массивная ладонь Лёши легко сжала руку Георгия.

Лёша посмотрел на него и будто хотел что-то сказать, но передумал.

— Ты спросить что-то хотел? — заметил Георгий.

— Да это… Что там произошло-то? И с Серёгой что?

Георгий едва заметно улыбнулся. Значит, за односложными Лёшиными «угу» всё-таки скрывалось больше, чем казалось сначала.

— С Сергеем всё нормально. Я сейчас занимаюсь его делом. А произошло вот что: Валю начали избивать. Сергей за него вступился. Потом ударили и его. Тогда он схватил отвёртку и ударил одного из тех парней в бок.

Лёша замер, глядя в землю. Пепел с сигареты сам осыпался возле его сапога.

— А-а… Ясно.

Он снова погрузился в какое-то тяжёлое раздумье.

— Мы с тобой на связи, Алексей.

Лёша проводил Георгия до калитки, выпустил его и закрыл за ним. Потом медленно пошёл обратно к дому.

Сев в машину, Георгий включил зажигание. Пятилитровый мотор забулькал низким басом. Массивные колёса повернулись, и огромный «Шевроле» одним махом развернулся перед калиткой.

Работы предстояло много. Но сначала нужно было правильно выстроить план.

Кроме китайского чая и выпитой у Вероники Степановны чашки кофе, с самого утра в его желудке ничего не было.

Георгий прибавил звук. Из динамиков пошёл глухой бит Тупака — «Changes».

Общее устройство центра он понял ещё утром. Теперь нужно было посмотреть на город как на рабочую карту: подъехать к прокуратуре, отделу милиции и суду, уточнить входы, дороги и места, где можно будет оставить машину.

Он снова выехал к площади и остановился неподалёку от танка.

День выдался тёплый. Недавно прошёл дождь, потом выглянуло солнце. По краям дорог ещё лежали грязные пласты нерастаявшего снега, но под ногами они уже превращались в ручьи. Вода сбегала вниз по улицам — туда, где через город текла река.

— Вот там и поищу место для отдыха, — решил Георгий, глядя в сторону спуска.

Но прежде следовало найти что-нибудь съестное.

Неподалёку он заметил небольшой магазинчик, в который постоянно заходили местные. Георгий перешёл через дорогу, обогнул две большие лужи и ещё до входа почувствовал запах свежей выпечки.

Нос его не подвёл.

На прилавке лежали румяные пирожки. Их

раскладывали по металлическим поддонам, и казалось, что они только что из печи. Из подсобного помещения продавщица как раз выкатила новую тележку.

— Здравствуйте, — сказал Георгий.

Женщина в синем платочке в мелкий горошек улыбнулась ему. Потом будто спохватилась и попыталась убрать улыбку, словно это было для неё не слишком привычное состояние. Но улыбка уже осталась в уголках губ.

— Здравствуйте.

— А с чем пирожки?

Продавщица стала раскладывать новую партию.

— Эти с картошкой. Эти с яйцом и луком. Вот с мясом. Были ещё сладкие, но осталось несколько штук.

Она показала на пирожки, из которых выглядывало густое повидло.

От запаха свежего теста во рту у Георгия сразу собралась слюна.

— Давайте по одному с каждой начинкой.

Продавщица ловко разложила пирожки по бумажным пакетам и начала объяснять, где какой.

— Да не надо, — остановил её Георгий. — Пусть будет сюрприз.

Он расплатился и вышел на улицу. Не глядя сунул руку в один из пакетов, достал первый пирожок и остался возле магазина наблюдать за городом.

Светофор на перекрёстке поочерёдно щёлкал то зелёным, то красным светом. Машины останавливались, потом снова трогались, плескали колёсами по лужам и время от времени попадали в ямы, отчего их кузова тяжело раскачивались.

Одна из улиц уходила вверх, на горку. Георгий

заметил знак «Въезд запрещён».

В этот момент с перекрёстка рванула старенькая синяя иномарка с заплатами на боках. Она проехала под «кирпич», поднялась немного выше знака и остановилась.

Из машины вышли двое мужчин лет тридцати. Один был лопоухий и коренастый, второй — длинный, худой и рябоватый. Они мельком посмотрели на Георгия и направились в магазин.

Через несколько минут оба вышли с бумажным пакетом пирожков, вернулись в машину и проехали ещё метров пятьдесят. Синяя иномарка остановилась возле серого административного здания.

Георгий пригляделся к табличке над входом.

— А вот и отдел милиции, — негромко произнёс он.

Добуж. Берег реки. Около 13:30.

Георгий ещё немного постоял возле перекрёстка, затем направился к машине. На ходу доел второй пирожок и снова открыл блокнот.

В голове ворочалась какая-то мысль. Георгий чувствовал: в собранной картине недостаёт одного важного фрагмента. Он пытался мысленно прокрутить последние разговоры, но нужная зацепка пока не находилась.

Сев за руль, Георгий завёл машину и поехал от центра в сторону реки.

Найдя тихое место, он остановился. Перед ним медленно текла мутная весенняя вода. Из-за таявшего снега река поднялась в своём русле и почти подошла к

заборам ближайших частных домов.

Георгий вышел из машины, немного прошёлся вдоль берега, размял плечи и затёкшую после дороги спину, затем вернулся в салон. Положил блокнот на руль и начал разбирать всё, что успело накопиться с утра.

Прежде всего следовало сделать Веронику Степановну точкой связи, через которую к нему будет поступать новая информация.

Георгий достал сотовый телефон и набрал домашний номер.

— Алло, — послышался голос Вероники Степановны.

— Это Георгий. Я поговорил с Алексеем. Если ему позвонят из милиции или прокуратуры либо принесут повестку, он должен сразу связаться с вами. Как только он позвонит — немедленно сообщите мне.

— Поняла.

— Даже если ему покажется, что ничего важного не произошло.

— Хорошо, Георгий. Я всё поняла.

Он отключился и снова склонился над блокнотом.

— Так… Прокуратура, прокуратура… — почти беззвучно произнёс он.

Потом покачал головой:

— Нет. Сначала не туда.

В прокуратуру Георгий всё равно собирался поехать сегодня: предъявить ордер, официально вступить в дело и познакомиться со следователем. Но входить туда, не понимая хотя бы в общих чертах, что уже находится в деле и какую позицию занимает следствие, он не хотел.

О его приезде в отделе милиции уже знали. Руслан рано или поздно расскажет руководству о встрече с московским адвокатом. И это было хорошо. Георгий не

собирался создавать впечатление, будто тайно прячет Сергея и избегает официального разговора.

Но прежде ему требовался ещё один источник информации.

Он медленно повёл карандашом по записям, вернулся на несколько страниц назад и остановился на одной строчке:

«Адвокат Светлана Викторовна».

Георгий посмотрел на запись.

Светлана Викторовна уже была в прокуратуре, разговаривала там о деле Сергея и после этого приехала к Веронике Степановне с готовыми выводами. Она могла знать, кто ведёт дело, какие материалы уже собраны и как на случившееся смотрит следствие.

— Вот с кого сейчас надо начинать, — сказал Георгий.

Он снова набрал номер Вероники Степановны.

— Алло, — почти сразу ответила она.

— Это опять я. Я решил сначала заехать к Светлане Викторовне. Подскажите, где в городе находится её кабинет.

— Сейчас… Подождите. У меня записано.

В трубке зашуршали страницы.

Вероника Степановна нашла нужную запись, назвала улицу и номер дома, затем объяснила, как проехать от центральной площади, где свернуть и с какой стороны находится вход в адвокатскую контору.

Георгий записал всё в блокнот.

— Она после обеда будет на месте?

— Должна быть. У неё с часу до двух обед, а потом она обычно возвращается в контору.

— Хорошо. Тогда позвоните ей сами и предупредите, что после обеда я к ней заеду.

— Что ей сказать?

— Скажите, что приедет московский адвокат, который теперь занимается делом Сергея. Если она спросит, кто я такой, объясните всё как есть. Больше ничего обсуждать не надо.

— Хорошо.

— Сам я ей пока звонить не буду. Просто предупредите о моём приезде.

— Поняла, Георгий. Сейчас позвоню.

— Спасибо.

Он отключил телефон.

Предупреждения через Веронику Степановну было достаточно. Первый разговор со Светланой Викторовной Георгий хотел провести не по телефону, а с глазу на глаз — видеть её реакцию, паузы и то, как она будет отвечать на вопросы.

Он развернул карту, нашёл улицу, которую описала Вероника Степановна, и поставил возле нужного дома аккуратную отметку.

После этого Георгий отложил карту и блокнот.

На часах было половина второго. До окончания обеда оставалось ещё тридцать минут.

Он немного опустил спинку сиденья, устроился поудобнее и закрыл глаза. Мягкое кресло постепенно втянуло его в себя.

На время Георгий отпустил все мысли и сосредоточился только на дыхании и доносившемся снаружи шуме весенней реки.

Добуж. Районная прокуратура. День.

С самого утра до полудня в районной прокуратуре допрашивали Василия — владельца «Волги», задержанного вчера операми из отдела милиции. Уже несколько часов он сидел напротив молодого следователя Никиты, которому поручили расследование убийства Анастасии Сибих, и повторял то, что успел рассказать Гавриле ещё в отделе милиции.

Никита записывал показания медленно. Компьютером он пользовался неуверенно, печатал двумя указательными пальцами и заметно отставал от Василия, который то начинал торопиться, то возвращался назад, вспомнив очередную подробность. Приходилось останавливать его, уточнять время, имена и расположение людей, а затем переводить услышанное на тот сухой профессиональный язык, которым человеческая жизнь излагалась в протоколе.

У Василия Рыба с двумя незнакомцами «почти завалился в хату».

Под пальцами Никиты это превращалось в:

«К месту моего жительства без предварительной договорённости прибыли знакомый мне Рыбкин и двое ранее неизвестных мне мужчин».

Рыба «надавил и полез с ножом» — в протоколе:

«Рыбкин потребовал передать ему ключи от принадлежащего мне автомобиля ГАЗ-24 “Волга”, при этом раскрыл имевшийся при нём складной нож и направился в мою сторону».

Остальное Никита старался оставлять как можно ближе к словам самого Василия, чтобы не потерять в ровных строчках те подробности, которые позднее могли оказаться важнее правильности формулировок.

Время от времени он выходил из кабинета и заходил

к более опытной Лизавете Петровне, сидевшей напротив. Показывал ей несколько абзацев, спрашивал, стоит ли включать ту или иную фразу, потом возвращался и продолжал печатать.

Рядом с Василием сидел рыжий опер Стас, которого Гаврила отправил вместе с ним из отдела. Утром Василия освободили из-под задержания: собранные сведения указывали, что возле дома Сибих и у клуба его не было. Теперь он давал показания как свидетель и после допроса мог уйти. Стас устроился на жёстком стуле у стены, прикрыл глаза и время от времени менял положение ног, почти не вслушиваясь в рассказ.

Следующим Никита собирался допрашивать Дэна — уже в качестве подозреваемого.

На Дэна и Василия опера ещё в воскресенье составили отдельные рапорты о задержании по подозрению в совершении преступления. В них указали обстоятельства, основания и точное время фактического задержания каждого.

На основании рапортов дежурный оформил протоколы, разъяснил обоим права и сообщил прокурору. До утра задержанных поместили в разные камеры ИВС.

К началу допросов Василия освободили и вызвали уже как свидетеля. Дэн оставался задержанным: его попытка скрыться и сведения о поездке к дому Сибих требовали отдельной проверки.

Рассказ Василия с самого начала получался понятным и последовательным.

— Ко мне домой трое приехали, — говорил он. — Почти завалились в хату. Рыбу я знал. Мы с ним на тюрьме пересекались, в карты играли. Я ему проиграл

немного, был как бы в должку.

— Насколько большой был долг? — спросил Никита, не отрывая взгляда от монитора.

— Да небольшой, карточный. Но он про него помнил.

Когда Рыба освободился, то почти сразу нашёл Василия. Сказал, что нужна помощь: отвезти его в Чашкино, к Дэну, с которым он тоже раньше отбывал наказание.

— Делать нечего, — продолжал Василий. — Я говорю: поехали. Сели в машину и поехали. С ним ещё двое были. Одного Рыба Тимохой Сивым звал. Возрастом примерно с Рыбу, высокий, плечистый. Волосы светлые, с проседью — потому и Сивый.

— Раньше его знали?

Василий покачал головой:

— Нет. Но видно было: с Рыбой давно.

Никита перестал печатать.

— Почему вы так решили?

— Да по всему. Рыба скажет — он делает. Сам здоровый, взрослый, а своей мысли будто нет. Туповатый. Глазами за Рыбой бегает, ждёт, куда тот покажет.

Никита записал возраст, кличку и приметы. Оценку умственных способностей оставил за пределами протокола.

— А второй?

— Второй ещё моложе. Может, двадцать два. Пониже, но крепкий такой.

Василий развёл руки, показывая ширину плеч неизвестного, затем снова взял со стола незажжённую сигарету и зажал её между зубами.

— Его как звали?

— Не знаю. Рыба Малым называл.

Никита внёс в протокол описание второго мужчины и спросил, не помнит ли Василий каких-нибудь особых примет. Тот покрутил головой. На руках вроде были татуировки, но какие именно — не разглядел. Волосы короткие, одежда обычная. Если встретит — узнает, а объяснить подробнее не сможет.

Василий повертел сигарету во рту и посмотрел на следователя:

— Покурить можно?

— Нет, — не открывая глаз, ответил за Никиту Стас. — Ты теперь свидетель.

Василий повернулся к нему:

— И что?

— Курят у нас только подозреваемые, — сказал Стас и усмехнулся, довольный собственной шуткой.

Василий сигарету не убрал. Только перевернул её другим концом и продолжил жевать фильтр.

— Так, — сказал Никита, всматриваясь в монитор. — На Сивом остановились.

— Да чего на нём останавливаться? Сивый и Сивый. Я их первый раз видел.

— Во сколько вы выехали?

— Не помню точно. Ехали час с небольшим. К Дэну, наверное, часам к шести добрались.

Дэн жил в Чашкине вместе с женой. Жена, по словам Василия, была на сносях. Показывая это, он провёл ладонью перед собственным животом.

Когда подъехали, Василий сначала собирался сразу уехать. Связываться с новой компанией ему не хотелось. Но Дэн выкатил на стол две бутылки, а Рыба попросил подождать и потом отвезти всех обратно.

— Я думаю, посижу немного. Чего туда-сюда бензин жечь? Тем более назад их всё равно везти.

Василий говорил о том вечере уже почти без напряжения, словно после нескольких повторений сам окончательно поверил, что его роль в произошедшем была простой и понятной: привёз, выпил, отдал машину и лёг спать.

— Сначала нормально сидели. Потом Рыба начал к жене Дэновой глазки строить. Она туда-сюда ходила, он ей что-то говорил. Дэн посмотрел, увёл её куда-то и вернулся один.

— Конфликт между ними был?

— Не. Не успели. Дэн её просто убрал, чтобы Рыба не лез.

После этого выпили ещё. Разговор сначала шёл ни о чём, потом Рыба вдруг предложил всем пойти «на дело».

Никита остановил Василия:

— На какое именно дело?

— А он не сказал. Просто: давайте на дело пойдём, деньги поднимем.

— Что ответили вы?

— Я ему сразу: «Не, брат. Какое мне дело? Я и так еле-еле концы с концами свожу. А с делом потом на нервах сидеть». Короче, слил его.

Никита внёс в протокол, что Рыбкин предложил «пойти на дело», оставив выражение Василия в кавычках. О каком именно преступлении шла речь, никто не знал.

— А Дэн? — спросил он.

— Дэн тоже отмораживаться начал. Говорит: давай лучше в лесу копать. Там вроде после войны железа много осталось. Только, говорит, сдавать надо ездить в

город и металлоискатель где-то достать. Рыба сначала слушал, потом опять бухать начали.

— Сивый и Малой что говорили?

— А ничего. Они без Рыбы вообще слова лишнего не скажут. Сидели, кивали.

Василий немного помолчал, потом вынул размокшую сигарету изо рта и посмотрел на неё.

— Дальше Рыба меня приподнимает. Говорит: «Брат, давай ключи, мне машина для дела нужна».

— Что значит «приподнимает»?

— Ну, начинает давить. Я ему говорю: «Куда ты пьяный поедешь?» А он уже завёлся. Сначала голос повысил, потом нож вытащил и на меня пошёл.

— Какой нож?

— Обычный складной.

— Он его раскрыл?

— Ну да.

— К телу приставлял?

— Не успел. Я ключи бросил. Говорю: «Надо — делай».

Никита вернулся к началу фразы и несколько раз переставил слова. Ему нужно было отделить страх Василия от самих действий Рыбкина.

Рыбкин потребовал ключи. Раскрыл нож и направился в сторону владельца машины. Василий, опасаясь применения насилия, передал ему ключи.

— У него, похоже, кукушка от этой браги поехала, — продолжал Василий. — А эти сидят — Сивый и Малой — и кивают ему. Я подумал: если сейчас упрусь, меня тут и оставят. Говорю: «Ты перебрал, брат. Я спать».

— Куда вы легли?

— Там же. В другой комнате.

— Перед тем как вы ушли, что ещё происходило?

— Алкоголь закончился. Рыба к Дэну пристал: «Поехали за бухлом». Дэн говорит: «Не могу, я ей и так должен».

— Кому?

— Насте. Анастасии этой, в Тулино. Она самогон продавала.

Никита поднял глаза:

— Вы её знали?

— Нет. Только слышал, что у неё берут.

— Дэн сказал, сколько должен?

— Вроде за две бутылки. Рыба ему: «Деньги не проблема».

Василий усмехнулся:

— Хотя сам бабки ни разу не светил.

— После этого вы легли спать?

— Да. Они ещё пошумели и уехали.

— Кто именно?

— Рыба, Дэн, Сивый и Малой.

— На вашей машине?

— На моей.

— Кто сел за руль?

— Рыба.

— Во сколько они уехали?

Василий задумался.

— Уже ночью. Может, часов в одиннадцать. Может, позже. На часы я не смотрел.

Никита попробовал установить время по другим обстоятельствам: когда закончились бутылки, когда жена Дэна ушла из комнаты, работал ли телевизор, начиналась ли какая-нибудь передача. Но Василий ничего не помнил. Время для него тогда не имело значения. Он был пьян, машина всё равно уехала, а сам

он решил переждать до утра.

— Вернулись они уже ночью, — сказал он. — Я проснулся, когда двери хлопнули.

— Все четверо?

— Нет. Без Рыбы.

— Кто приехал?

— Дэн, Сивый и Малой. Завалились спать. Я тоже спрашивать ничего не стал.

— Почему?

— А чего у них ночью спрашивать? Думал, утром разберёмся.

Утром Василий первым делом пошёл искать ключи. Нашёл их у Дэна. Тот сказал, что возле клуба Сивый обыскал лежавшего Рыбу, нашёл у него ключи и передал их ему.

— Где именно?

— На столе лежали. Я забрал. Пока туда-сюда, этот Сивый подходит. Говорит: «Довези до Козева».

— Один?

— Малой тоже с ним был.

— Дэн?

— Дэн остался.

Василий спросил у Тимохи, куда делся Рыба. Сивый начал объяснять, что тот на дискотеке «поймал белку», полез на людей и остался там. Они ждать его не стали и уехали без него.

О том, что Рыбкин погиб, Василий узнал позднее, уже после задержания.

— А мне тогда даже лучше показалось, — сказал он. — Машина вернулась, Рыбы нет. Я говорю: ладно, поехали.

Перед выездом он осмотрел «Волгу». Машина была на месте, заводилась, но на кузове появились свежие

царапины.

— Вся ласточка моя корябаная. Ну это ладно. Думаю, лишь бы ездить могла. Взял их на борт и повёз.

В этот момент в дверь постучали.

На пороге появился лопоухий Пётр. Он почти сразу шагнул внутрь, раскрыл удостоверение и представился. За его плечом маячил длинный худой силуэт напарника.

Василий замолчал и внимательно посмотрел на незваных гостей.

— Мы из областного убойного отдела, — сказал лопоухий Пётр.

При слове «убойного» Василий вынул сигарету изо рта.

Никита повернулся от монитора:

— Что у вас?

— Хотели поприсутствовать. Нам сообщили, что по делу проходят двое неустановленных мужчин.

Лопоухий Пётр мельком посмотрел на Стаса. Тот по-прежнему сидел у стены, открыв только один глаз.

— Да, — сказал Никита. — Как раз сейчас о них говорим. Присаживайтесь. Только вопросы по очереди.

Пётр взял свободный стул и сел напротив Василия. Его напарник остался ближе к двери.

Появление ещё двух сотрудников заметно изменило состояние Василия. Пока в кабинете находились молодой следователь и сонный Стас, он чувствовал себя почти уверенно. Удостоверение областного убойного отдела напомнило ему, что разговор идёт уже не просто о машине, которую забрали на одну ночь.

— Продолжайте, — сказал Никита.

— Да чего продолжать? Повёз я их.

Василий снова посмотрел на Петра.

— Так это вы их по Насте ищете? Я думал, всё только из-за Рыбы и той драки.

Никто не ответил.

— Они и меня могли, — добавил Василий уже тише.

Теперь он говорил так, словно давно стал законопослушным человеком и сам был поражён возможной кровожадностью недавних товарищей по тюремной жизни.

Стас едва заметно махнул рукой:

— Не накручивай. Рассказывай дальше.

— Ну и всё. Довёз я их до Козева, к автостанции.

— Во сколько это было? — спросил Никита.

— Часов в семь утра.

Стас открыл второй глаз:

— И тебя никто не остановил?

— Нет.

— Семьдесят километров на машине проехал, и никто не остановил?

— Никто, — быстро помотал головой Василий.

Стас посмотрел куда-то в сторону, осмысляя уже своё.

— А на твою «Волгу» ночью перехват выставляли.

Василий повернулся к Никите, словно слова Стаса требовали отдельного объяснения. Но тот только записал время и обстоятельства поездки.

— Что-нибудь Сивый и Малой говорили по дороге? — спросил он.

— Да нет. Это лопухи. Они без Рыбы сказать ничего не могут. Чисто шавки.

Василий махнул сухой жилистой рукой, будто оба сидели сейчас не где-то неизвестно где, а перед ним на полу.

Лопоухий Пётр слушал внимательно.

— Между собой разговаривали?

— Так, пару слов.

— Об Анастасии Сибих?

— Нет.

— О Рыбкине?

— Тоже нет.

— О драке возле клуба?

— Сивый только сказал, что Рыба белку поймал. Больше ничего.

— Они выглядели испуганными?

Василий задумался.

— Малой какой-то дёрганый был. Молчал всё время. Сивый спокойнее. Но они оба после Рыбы как будто не знали, что дальше делать.

— Куда собирались ехать с автостанции?

— Не сказали.

— Вы их прямо у автостанции высадили?

— На остановке рядом. Я сказал: дальше сами. У меня заказ был, в другую сторону ехать. Они вышли.

Лопоухий Пётр начал уточнять приметы Тимохи Сивого и Малого: рост, возраст, одежду, манеру речи, возможные татуировки. Василий отвечал уже неохотно, потому что всё, что мог, рассказал Никите. Настоящего имени Малого не знал. О Тимохе знал только имя и кличку. Где они жили после освобождения, ему никто не говорил.

Длинный Пётр, до этого молчавший возле двери, спросил:

— Когда Рыбкин их называл, они на клички отзывались?

— Отзывались.

— Значит, не случайные.

— Я и не говорил, что случайные. Они с ним пришли.

— С колонии его знали?

— Может, с колонии. Может, после. Меня не посвящали.

Длинный Пётр кивнул напарнику. Этого им пока было достаточно. Не фамилии, не адреса — всего две клички и примерная внешность. Но до допроса Василия даже этого у них не было.

Никита допечатал последнюю фразу и перечитал протокол с самого начала.

В рассказе Василия оставались места, которые нельзя было проверить сразу, но сама последовательность пока не разваливалась. Рыбкин приехал к нему с двумя мужчинами, напомнил о карточном долге и заставил отвезти всех к Дэну. Там они пили, Рыбкин предлагал «пойти на дело», а затем под угрозой ножа забрал ключи от «Волги». Ночью машина вернулась без него. Утром Василий отвёз Сивого и Малого до остановки возле автостанции в Козеве.

Этот рассказ делал Василия скорее свидетелем, чем участником. Он не скрывал знакомства с Рыбой, не отрицал карточный долг, признал, что добровольно поехал к Дэну и остался пить. Даже объяснил, почему утром без лишних вопросов повёз двух неизвестных мужчин в Козево.

Но пока это был только его рассказ.

Никита нажал на печать.

Принтер загудел, выпуская один лист за другим. Василий следил за ними с видом человека, которому подобная процедура давно знакома и ничем удивить его уже не может.

— Сейчас ещё раз прочитаем, — сказал Никита. — Если всё записано верно, распишетесь на каждой странице.

— Давай, — кивнул Василий.

Никита читал вслух медленно, местами останавливался и спрашивал, правильно ли понял. Василий несколько раз поправил мелочи. Рыба не просто предложил отвезти его к Дэну, а напомнил перед этим о карточном долге. Малой утром сел назад, а Сивый — вперёд. Высадил их Василий не на самой автостанции, а на остановке рядом.

После исправлений протокол распечатали заново.

Василий взял ручку и начал подписывать листы. Делал это уверенно, почти привычно. В верхней части протокола стояло слово «свидетель»: после утреннего освобождения его допрашивали именно в этом качестве.

Он задержал на нём взгляд, затем поставил последнюю подпись.

Лопоухий Пётр ещё раз переспросил, сможет ли Василий опознать обоих мужчин. Тот ответил, что сможет.

Никита забрал подписанный протокол.

— Вы обязаны являться по вызовам следователя и сообщить, если измените место жительства, — сказал он.

— Понял.

— По допросу всё.

Василий не сразу поднялся. Сначала посмотрел на Никиту, потом на Стаса.

— И что, теперь домой?

В его голосе прозвучало настоящее удивление. Будто

он уже приготовился услышать ещё что-нибудь, а слово «всё» оказалось слишком простым окончанием нескольких часов в прокуратуре.

Никита перевёл взгляд на Стаса.

Тот поднялся и махнул Василию в сторону выхода:

— Пойдём.

В коридоре Стас прикрыл за собой дверь и отвёл Василия немного в сторону, к окну.

— По документам ты свободен, Вася. Можешь ехать домой.

— А Дэн?

— Дэна сейчас допрашивают. Если он подтвердит твою версию, это будет отражено в деле.

Василий посмотрел на него:

— А если не подтвердит?

— Тогда тебя вызовут снова. Но сейчас ты не задержан.

— А «Волга»?

Стас вздохнул и посмотрел на него уже без усмешки:

— Останется в отделе до осмотра. Хочешь дождаться конца допроса — жди. Передумаешь — скажешь дежурному и уйдёшь.

Василий помолчал и кивнул:

— Подожду. Всё равно без машины домой добираться не на чем.

Он действительно был свободен и мог уйти, но предпочёл дождаться второго рассказа. Ему хотелось как можно скорее понять, подтвердил ли Дэн поездку, нож, отнятые ключи и возвращение без Рыбы.

Стас снова показал рукой в сторону лестницы:

— Пошли.

Обратно в отдел милиции они шли молча. Василий

больше не спрашивал, сколько придётся ждать: теперь это было его собственное решение.

Он уже дал показания и подписал каждую страницу. Если Дэн подтвердит его рассказ, Василий останется владельцем машины, случайно оказавшимся рядом. Если расскажет иначе, все подписанные страницы начнут читаться по-другому.

В отделе Стас указал ему на скамью возле дежурной части.

— Если решил ждать — располагайся здесь.

— Долго?

— Не знаю. Захочешь уйти — предупреди дежурного.

Стас объяснил дежурному, что Василий освобождён и ждёт добровольно, а сам направился к камерам за Дэном.

Тем временем Никита остался в кабинете с подписанным протоколом Василия и объяснением, которое опера успели взять у Дэна после задержания. Он положил оба документа рядом и начал сравнивать.

До приезда в Чашкино рассказы в основном совпадали. Рыба, Тимоха Сивый и Малой действительно приехали к Василию. Вместе отправились к Дэну. Пили. Рыба забрал «Волгу». Ночью машина вернулась без него.

Дальше объяснение Дэна уводило их в Тулино, к дому Анастасии Сибих.

Из его слов выходило, что он показал Рыбе, где она живёт, но сам остался в машине. Во двор вошли Рыба, Сивый и Малой. Через некоторое время они вернулись с бутылками самогона, после чего все поехали на дискотеку. Там произошла драка, Рыбкина ранили, после чего Сивый обыскал лежавшего Рыбу, нашёл ключи от «Волги» и передал их Дэну. Дэн сел за руль и

вместе с двумя другими мужчинами уехал на Васиной машине.

Пока складывалось так, что Дэн, ранее судимый за кражу и разбой, оставался подозреваемым по делу об убийстве Анастасии Сибих. Одновременно он мог оказаться важным очевидцем действий Рыбкина, Сивого и Малого.

Двое мужчин, которые вместе с Рыбкиным входили во двор, оставались неустановленными. Сам Рыбкин уже не мог ни подтвердить, ни опровергнуть рассказ Дэна: теперь он проходил потерпевшим в другом уголовном деле.

Это дело в кабинете напротив вела Лизавета Петровна.

Никита взял объяснение Дэна и снова перешёл через коридор.

Лизавета Петровна сидела за компьютером. Увидев его, она чуть отодвинулась от экрана, но по выражению её лица было понятно: новых вопросов от младшего коллеги она не ждала.

— Лизавета Петровна, получается, ваш потерпевший мог быть причастен к убийству Анастасии Сибих?

Она взяла объяснение и начала читать.

Глаза быстро бежали по строчкам. На описании поездки в Тулино, к дому Анастасии, она задержалась, затем перевернула страницу.

— Может, и был причастен, — сказала она. — Но здесь не написано, что Дэн видел убийство. Он, с его слов, сидел в машине.

Она вернула бумагу Никите.

— Это пока только версия.

— Я понимаю.

— Вот и допроси его нормально. Сначала пусть сам всё расскажет. Не подсказывай ему и не показывай, что уже знаешь от Василия.

— Подозреваемым?

Лизавета Петровна посмотрела на него:

— А кем ещё? Пока у тебя против него только подозрения и его собственное объяснение.

— Но он мог вместе с ними заходить во двор.

— Мог. А мог сидеть в машине. Ты сначала установи, что он сам расскажет.

Она снова повернулась к компьютеру.

— После допроса сходишь к Денису Петровичу. Пусть посмотрит оба протокола. У меня самой работы полно.

Разговор был закончен.

В коридоре ждали оба Петра. Лопоухий стоял ближе к двери Никиты, длинный разговаривал с кем-то по телефону вполголоса.

Увидев молодого следователя, лопоухий сразу подошёл:

— Дэна сейчас приведут?

— Сейчас.

— Мы на допросе посидим?

— Сидите. Как раз по Сивому и Малому всё уточните. Только не перебивайте. Сначала пусть сам расскажет, потом будете задавать вопросы.

— Нам они нужны, — сказал длинный Пётр, убирая телефон. — Если к дому вместе с Рыбкиным заходили, искать надо быстро.

Никита открыл дверь кабинета:

— Заходите.

Через некоторое время в коридоре послышались шаги.

Стас возвращался из отдела уже с Дэном. Руки того были пристёгнуты наручниками спереди. Дэн шёл устало, но, увидев раскрытую дверь кабинета и двух незнакомых мужчин внутри, сразу начал смотреть внимательнее.

Василий в это время добровольно ждал на скамье возле дежурной части.

Он уже дал показания и подписал каждую страницу. Уйти ему никто не мешал, но Василий хотел дождаться, когда второй рассказ ляжет на первый.

А в прокуратуре на экране монитора компьютера Никиты уже ждал новый незаполненный бланк.

В верхней части страницы было напечатано:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО.

Добуж. Кабинет адвоката. После обеда.

Георгий направлялся к кабинету адвоката Светланы Викторовны Суховой.

Ещё днём, после разговора с тётушкой Сергея, он всё же позвонил Светлане Викторовне, представился и предложил встретиться. Голос в трубке прозвучал резко и заранее недовольно. Тем не менее она согласилась принять его после обеда и назвала адрес.

Встреча была необходима: местный адвокат могла располагать информацией, которую Георгий пока собирал по крупицам.

Он вошёл в подъезд старого кирпичного здания, поднялся на один пролёт и увидел на стене табличку:

АДВОКАТ

СУХОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА

Георгий постучал.

Через несколько мгновений за дверью послышались шаги. Щёлкнул замок, и дверь открылась.

Перед Георгием стояла крупная женщина лет пятидесяти. Она быстро осмотрела его с головы до ног, задержала взгляд на портфеле и только после этого посмотрела ему в лицо.

— Здравствуйте, — улыбнулся Георгий.

— Здравствуйте, — отозвалась Светлана Викторовна.

Она повернулась и, громко стуча каблуками, прошла в кабинет. Заняв место за рабочим столом, указала Георгию на стул таким движением, будто делала вынужденную уступку.

Георгий это заметил, но виду не подал. Спокойно сел, положил портфель на колени и открыл его.

— Меня зовут Георгий. Я представляю интересы Сергея Мартынова.

Он показал удостоверение, затем достал ордер и положил его перед Светланой Викторовной.

Она скользнула взглядом по документам, но брать их в руки не стала.

— Я уже слышала, — сказала она.

Георгий убрал удостоверение, но ордер пока оставил на столе.

— Вы, насколько я понимаю, тоже помогаете Сергею?

Светлана Викторовна вздохнула и переложила несколько бумаг из одной стопки в другую.

— Я Сергея и Веронику Степановну много лет знаю.

В её голосе прозвучало не столько объяснение, сколько напоминание: она была здесь первой.

— Это хорошо, — ответил Георгий. — Значит, нам будет проще объединить усилия.

Она снова вздохнула, на этот раз демонстративнее, и посмотрела на него так, словно предложение показалось ей неуместным.

— Пусть приезжает. Я уже всё объяснила Веронике Степановне.

После этих слов она откинулась на спинку кресла. По её виду можно было подумать, что вопрос решён окончательно и дальнейшее обсуждение не требуется.

Георгий немного помолчал.

— Вы знакомились с материалами дела?

— Я разговаривала со следователем.

— Как фамилия следователя?

Светлана Викторовна слегка прищурилась, будто даже этот вопрос показался ей лишним.

— Мышкина. Лизавета Петровна.

Георгий запомнил фамилию.

— Какие материалы она вам показала?

Светлана Викторовна нахмурилась.

— Молодой человек, вы что конкретно от меня хотите?

— Понять вашу позицию и решить, можем ли мы работать вместе.

— Я свою позицию Веронике Степановне уже объяснила.

— Я знаю, что вы посоветовали через неё Сергею вернуться. Спрашиваю, на каких обстоятельствах основана эта рекомендация.

Светлана Викторовна снова принялась перекладывать бумаги. Теперь она делала это медленнее, тщательно выравнивая края листов.

Георгий продолжил:

— Вы выяснили, что происходило до удара?

Она не ответила.

— Вы знаете, сколько человек избивали Валю?

Светлана Викторовна посмотрела куда-то мимо него, в окно.

— Вы поставили перед следователем вопрос о фиксации повреждений Вали?

Снова молчание.

Каждый вопрос Георгия встречал одну и ту же стену.

— Вам известно, что Сергей вмешался, защищая своего друга?

Светлана Викторовна резко перевела взгляд на него.

— Мне известно, что человек умер.

— Это последствие. Я спрашиваю о том, что происходило до удара.

— А какая теперь разница? — отрезала она. — Человек умер. Сергей скрылся. Чем дольше он бегает, тем хуже для него.

— Разница в том, является ли действие Сергея преступлением.

Светлана Викторовна недоверчиво прищурилась.

— Что значит — не является?

— Именно то и значит. Если Сергей причинил вред, защищая Валю от продолжавшегося нападения, его действия должны оцениваться с учётом статьи тридцать седьмой Уголовного кодекса.

Она шумно выдохнула.

— Только не надо меня учить.

До этой минуты Георгий всё ещё разговаривал с ней как с возможным союзником. Теперь стало ясно: она уже приняла версию следователя и, похоже, собиралась строить защиту внутри этой версии, даже не поговорив с самим Сергеем.

Тем не менее Георгий решил дать ей ещё одну возможность.

— Я не собираюсь вас учить, Светлана Викторовна. Пытаюсь понять, почему, советуя Сергею явиться, вы вообще не учитывали эту статью.

Он достал из портфеля Уголовный кодекс, открыл его на заранее отмеченной странице и положил перед Светланой Викторовной.

— Мы с вами по одному Кодексу работаем?

Она посмотрела на открытую страницу и сразу отвела глаза.

— Молодой человек, я больше десяти лет адвокат. А до этого работала в суде. Не вам мне рассказывать, что написано в законах.

— Тогда объясните, почему вы исключили необходимую оборону, не поговорив с Сергеем.

— Ничего я не исключала.

— Вы передали через его тётушку, чтобы он немедленно явился к следователю, но не предложили ни позиции защиты, ни порядка явки.

— Я посоветовала ему не усугублять своё положение.

— На основании чьей оценки? Вашей или Лизаветы Петровны?

Светлана Викторовна резко подалась вперёд.

— Вы что себе позволяете?

— Задаю вопрос.

— Я вам не обязана отчитываться!

— Тогда мы можем закончить разговор. Но прежде я должен понять: вы представляете интересы Сергея или передаёте его семье позицию следователя?

Лицо Светланы Викторовны начало краснеть.

— Вы, я смотрю, в своей Москве совсем оторвались от

реальности. Вы хоть знаете, что такое практика?

— Знаю. Практика начинается с изучения обстоятельств. Вы пока не ответили ни на один вопрос о том, что произошло возле клуба.

— Он отошёл от драки, сходил к машине, взял отвёртку, вернулся и ударил человека! — выпалила Светлана Викторовна. — Какая вам необходимая оборона?

— А всё это время Валю продолжали избивать несколько взрослых мужчин.

— Это ещё доказать надо.

— Именно этим и должна заниматься защита.

— Он мог позвать на помощь.

— Право защищать другого человека не зависит от возможности убежать или обратиться за помощью.

— Он мог не возвращаться с отвёрткой!

— И оставить шестнадцатилетнего Валю лежать под ногами у пьяной компании?

— Следователь на это так не посмотрит.

Георгий выдержал короткую паузу.

— Вы не следователь, Светлана Викторовна.

Она замерла.

— Ваша задача не угадывать, как посмотрит Лизавета Петровна. Ваша задача — предъявить ей всё, что не укладывается в первоначальную версию следствия.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Светлана Викторовна первой отвела взгляд.

— Хорошо вам рассуждать, — сказала она. — Вы приехали из Москвы, наговорили красивых слов и уехали. А мне здесь работать. Я сегодня буду пальцы гнуть, а завтра со мной даже говорить не станут.

Георгий медленно закрыл Кодекс.

— Вот теперь вы впервые ответили честно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы защищаете не Сергея. Вы защищаете возможность завтра войти в кабинет следователя и быть там принятой.

— Да как вы смеете?!

— А как ещё понимать ваши слова?

Светлана Викторовна поднялась из-за стола. Теперь она тяжело дышала, упираясь ладонями в столешницу.

— Вы ещё жизни не знаете! Здесь всё не так, как в ваших книжках!

— Закон либо действует, либо нет. Третьего не дано.

— Вы это в прокуратуре рассказывайте!

— Обязательно расскажу.

— Ну и рассказывайте! — почти выкрикнула Светлана Викторовна. — Сами парня до беды доведёте!

Георгий узнал этот тон. Скорее всего, именно так она разговаривала с Вероникой Степановной — уверенно предсказывала катастрофу и оставляла единственный выход: сделать то, чего хочет следователь.

Ему захотелось ответить резко. На мгновение в голове даже возникла едкая шутка о гадалках, заранее знающих человеческую судьбу. Но Георгий удержался.

Он поднялся со стула.

— Беда, Светлана Викторовна, — это советовать шестнадцатилетнему мальчишке явиться к следователю вслепую: не выслушав его, не зафиксировав его травмы и не проверив, кого и от чего он защищал.

— Я прекрасно понимаю, что делаю!

— Нет. Вы не защищаете. Вы гадаете. И каждый ваш прогноз почему-то оказывается удобен следствию.

Светлана Викторовна открыла рот, но Георгий не дал ей перебить себя.

— Сергей нанёс один удар. Он прекратил действовать сразу после того, как остановилось избиение. Он поднял Валю и увёз его домой. До этого ударили самого Сергея. Ни одно из этих обстоятельств вас не заинтересовало. Зато вы уже знаете, что его посадят, если он не поступит так, как требует следователь.

— Я не говорила, что его обязательно посадят!

— Возможно, не этими словами. Но именно так вас поняла Вероника Степановна.

Светлана Викторовна снова принялась перебирать бумаги, хотя теперь уже не понимала, куда их перекладывает.

Георгий забрал со стола ордер и убрал его вместе с Кодексом в портфель.

— Вам стоит пересмотреть свой способ защиты. Вы адвокат, а не обвинитель.

— Не вам решать, какой я адвокат.

— Согласен. Но если выяснится, что вы действовали от имени Сергея без его поручения или подменяли защиту передачей требований следствия, я обращусь в президиум областной коллегии адвокатов. Пусть там дадут оценку вашим действиям.

Светлана Викторовна резко подняла голову.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Предупреждаю о порядке своих дальнейших действий.

Он застегнул портфель.

— Сергей поручил защиту мне. Поэтому до разговора с ним прошу вас не предпринимать никаких действий от его имени. Если у вас есть собственный ордер, вопрос

о вашем дальнейшем участии будет решаться с самим Сергеем, а не между нами. И больше не передавайте Веронике Степановне требования следствия под видом единственно возможной юридической рекомендации.

— Да кто вы такой, чтобы мне указывать?

Георгий спокойно посмотрел на неё.

— Адвокат Сергея Мартынова. Удостоверение и ордер вы видели.

Он направился к двери.

— До свидания, Светлана Викторовна.

Георгий вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Сквозняк от её движения приподнял несколько верхних листов на столе. Один перевернулся, другой соскользнул на пол.

Светлана Викторовна осталась стоять, тяжело опираясь ладонями о стол. Потом нагнулась, подняла упавший лист и медленно опустилась в кресло.

Первым её желанием было назвать Георгия наглым московским выскочкой. Так было проще. Привычнее. Тогда не требовалось отвечать ни на один из заданных им вопросов.

Но слова «вы адвокат, а не обвинитель» продолжали звучать в наступившей тишине.

Признать хотя бы часть его правоты означало признать и другое: все эти годы она слишком часто принимала доступ в кабинет следователя за профессиональное влияние, уступчивость — за умение помогать, а согласие с обвинением — за опыт.

Светлана Викторовна резко выровняла лежавшие перед ней бумаги и прижала стопку ладонью.

Бумаги подчинились.

Мысль — нет.

Добуж. Дом Вали. Около 15:00.

Выйдя на улицу, Георгий посмотрел на часы. Было около трёх часов дня.

До встречи со Светланой Викторовной он успел заехать к Лёше, как и обещал. Теперь оставалось достучаться до семьи второго свидетеля — Вали.

Разговор со Светланой Викторовной тоже дал Георгию несколько важных сведений. Он наконец узнал фамилию следователя, ведущего дело, и понял главное: позиция местного адвоката почти полностью совпадала с позицией следствия.

— Да уж, связочка, — подумал Георгий, открывая дверь «Шевроле» и забираясь за руль. — Перед встречей с Лизаветой Петровной нужно собрать побольше аргументов. Сначала попробую ещё раз поговорить с семьёй Вали, а потом решу, когда и с чем ехать в прокуратуру.

Он завёл двигатель и тронулся.

Дом, в котором жил Валя, оказался обычной пятиэтажкой. Георгий оставил машину во дворе и вошёл в подъезд.

Ему нужен был пятый этаж. Лестничные марши были отлиты неровно: один край ступеней заметно уходил вниз, и при подъёме казалось, будто лестница тянет в сторону.

— Ну и строители, — усмехнулся Георгий.

Миновав третий этаж, он продолжил подниматься и вскоре остановился перед нужной квартирой. Нажал кнопку звонка.

За дверью послышались шаги.

Открыла женщина в домашнем халате. Из-за неё выглядывала маленькая девочка с косичками и большими настороженными глазами — сестра Вали, Катюша.

— Здравствуйте, — сказал Георгий.

— Здравствуйте, — неуверенно ответила женщина, разглядывая незнакомца.

— Меня зовут Георгий Земляника. Я адвокат.

Он раскрыл удостоверение.

Женщина прочитала фамилию, но спокойнее от этого не стала.

— И что вам нужно?

— Вы мама Вали?

— Да.

— Я защищаю Сергея Мартынова. Ваш сын — один из главных свидетелей того, что произошло возле клуба.

Женщина посмотрела на Георгия ещё настороженнее.

— Я не собираюсь просить Валю менять показания, — добавил он. — Наоборот, мне нужно, чтобы он рассказал всё именно так, как было.

Она молчала, не решаясь ни впустить его, ни закрыть дверь.

— Вы знаете, что там произошло? — спросил Георгий.

— Знаю, — после короткой паузы ответила женщина.

— Тогда вы должны понимать: Валю могли покалечить или убить. Сергей вмешался и остановил избиение.

— Да, и человека убил, — резко сказала мать Вали.

По тому, как быстро прозвучали эти слова, Георгий понял: она повторяла их про себя уже не первый раз.

— Человек умер, — спокойно ответил он. — Это правда. Но сама по себе смерть ещё не отвечает на

вопрос, было ли действие Сергея преступлением. Важно, что происходило перед ударом и почему Сергей его нанёс.

Женщина недоверчиво смотрела на него.

— По словам Сергея, в тот момент он видел только один способ немедленно остановить избиение вашего сына.

Георгий перевёл взгляд на Катюшу. Девочка тут же спряталась за матерью, но через секунду снова выглянула.

Внизу хлопнула подъездная дверь. На лестнице послышались шаги.

Женщина выглянула на площадку.

— Дима, ты?

— Я, — отозвался мужской голос.

Через несколько мгновений на этаже появился Дмитрий. После возвращения из прокуратуры он успел сходить в магазин и теперь поднимался с пакетом продуктов.

Увидев незнакомого мужчину в костюме возле своей квартиры, Дмитрий замедлил шаг.

— Здравствуйте, — сказал Георгий.

— Здравствуйте, — отозвался Дмитрий, внимательно его рассматривая.

— Это адвокат, Дим, — объяснила жена. — Сергея.

Лицо Дмитрия сразу стало жёстче.

— Вы отец Вали? — спросил Георгий.

— Да. А вы что хотите?

— Мне необходимо с вами поговорить.

Дмитрий ничего не ответил. Прошёл мимо Георгия и передал пакет жене. Она отступила, пропуская его в квартиру.

Он уже собирался сказать, чтобы дверь закрыли, но остановился. Вернулся к порогу, отодвинул супругу в сторону и встал напротив Георгия.

За резкостью Дмитрия Георгий увидел не столько враждебность, сколько растерянность человека, который не понимал, как защитить свою семью, и поэтому злился на всех сразу.

— Что вам нужно? — повторил Дмитрий.

— Дайте мне пять минут. Я объясню, что произошло и почему это касается не только Сергея, но и вашего сына.

Дмитрий посмотрел на него исподлобья.

— Ну, говорите. У нас секретов нет.

Последние слова он произнёс так громко, что голос отдался по всему лестничному пролёту.

За утро Дмитрию пришлось слишком многое выслушать и слишком на многое молча согласиться. Теперь накопившаяся злость искала любой выход.

— Хорошо, — спокойно ответил Георгий. — Мне тоже скрывать нечего. Меня зовут Георгий.

Он ещё раз показал удостоверение и протянул руку.

Дмитрий машинально ответил на рукопожатие.

На мгновение оба замолчали.

Дмитрию стало неловко за свой крик и за то, что он продолжал держать человека на лестнице.

— Заходите, — сказал он, отступая. — На кухне поговорим.

— Спасибо.

Георгий вошёл в квартиру. Дверь за ним закрылась.

Дмитрий посмотрел на жену, не решавшую, идти ли следом.

— Дай нам поговорить.

Женщина взяла Катюшу за руку и увела её в комнату.

Девочка несколько раз оглянулась на Георгия.

На небольшой кухне Дмитрий остановился возле стола и опёрся ладонями о столешницу. Георгий встал напротив.

— Дмитрий, вопрос касается судьбы Сергея Мартынова — друга вашего сына.

— Друга… — повторил Дмитрий и посмотрел в сторону коридора.

Георгий заметил эту реакцию.

— Они не друзья?

— Друзья, — неохотно признал Дмитрий. — Только с этой дружбы всё и началось. Машину вместе купили, потом в этот клуб поехали. Не было бы Сергея, может, Валя вообще туда не попал бы.

— Возможно, не было бы той поездки — не случилось бы и драки, — ответил Георгий. — Но это не меняет того, что произошло возле клуба.

Дмитрий молчал.

— Давайте восстановим последовательность, — продолжил Георгий. — Несколько взрослых мужчин напали на Валю и начали его избивать. Сергей попытался вмешаться. Его самого ударили, и он упал. Когда поднялся, Валю продолжали бить — уже лежащего и почти не способного защищаться.

Дмитрий смотрел на Георгия. Тот говорил почти то же самое, что Валя рассказывал дома и утром в кабинете следователя.

— Сергей подбежал к «Запорожцу», достал отвёртку и вернулся. Он кричал, чтобы избиение прекратили. Затем один раз ударил того, кто продолжал бить Валю. После этого нападение остановилось. Сергей больше никого не трогал. Он поднял вашего сына, довёл до

машины и увёз домой.

Георгий выдержал паузу.

— Сейчас Валя находится дома. А Сергея разыскивают как подозреваемого по делу о смерти человека. Если следствие увидит только погибшего и отвёртку, судьба Сергея будет решена заранее. Поэтому показания вашего сына имеют такое значение.

— Ну а я тут при чём? — спросил Дмитрий.

В его голосе уже не было прежней резкости. Скорее он действительно пытался понять, чего от него хотят.

— От вас не требуется помогать мне или защищать Сергея, — ответил Георгий. — Нужно только не мешать Вале говорить правду.

— А кто ему мешает?

— Пока никто. Но он шестнадцатилетний подросток. Его избили, потом несколько раз расспрашивали разные люди. В такой ситуации человек легко начинает отвечать так, как от него ждут. Мне нужны не удобные для защиты показания, а точные: сколько человек его били, где он находился, мог ли сопротивляться, что делал Сергей и когда прекратилось нападение.

Дмитрий задумался.

— Сергей мог действовать в состоянии необходимой обороны, защищая Валю, — продолжил Георгий. — Статья тридцать седьмая Уголовного кодекса разрешает человеку защищать не только себя, но и другого от общественно опасного посягательства. Если подтвердится, что избиение продолжалось и Сергей нанёс удар именно для того, чтобы его остановить, в его действиях может не оказаться состава преступления.

— А человек всё равно умер, — сказал Дмитрий.

— Умер. И следствию придётся оценить все

обстоятельства: насколько опасным было нападение, что видел Сергей и почему он прекратил действовать сразу после одного удара. Именно поэтому нельзя вырывать этот удар из всего, что происходило до него.

Дмитрий медленно кивнул.

— А теперь второй вопрос, — сказал Георгий. — Повреждения Вали кто-нибудь зафиксировал?

— Его сегодня следователь видела.

— Следователь — не врач. В больницу вы обращались?

— Нет. Валя сказал, что ушибы. Сегодня до прокуратуры сам дошёл.

— Он жаловался на боль?

Дмитрий нахмурился, словно только теперь задумался над этим всерьёз.

Потом повернулся к коридору и крикнул:

— Мать, позови-ка Вальку!

Через минуту в кухню вошёл Валя.

На нём была растянутая синяя футболка. Под правым глазом расплывался тёмный синяк. На скуле, подбородке и руках виднелись ссадины. Над виском проступала припухлость. Двигался он осторожно, слегка наклонившись на один бок.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал Дмитрий.

Георгий внимательно осмотрел подростка.

— Валя, тело болит?

— Да.

— Где сильнее всего?

Валя приложил ладонь к боку.

— Здесь. Под рёбрами.

— Когда глубоко вдыхаешь, боль усиливается?

— Да.

— А если поворачиваешься?

— Тоже.

Георгий подошёл ближе.

— Футболку приподними. Можно я осторожно посмотрю?

Валя кивнул и приподнял край футболки.

На боку проступало большое тёмное пятно. Георгий очень осторожно коснулся нижних рёбер.

Валя дёрнулся.

— Ой!

— Всё, не трогаю.

Георгий выпрямился и посмотрел на родителей.

— Вам нужно сейчас же ехать в больницу. Это может быть сильный ушиб, трещина или перелом ребра. Нужен врач и, скорее всего, рентген.

Мать Вали, стоявшая у входа в кухню, растерянно посмотрела на сына.

— Он говорил, что просто ушиб…

— Я говорил, что больно, — тихо ответил Валя.

Дмитрий перевёл взгляд на него.

— Давно так болит?

— С той ночи.

В кухне стало тихо.

Дмитрий медленно убрал руки со стола. Вся злость, с которой он встретил Георгия, куда-то исчезла.

— Собирайся, — сказал он сыну. — Сейчас поедем.

Мать Вали сразу засуетилась. Ушла в коридор, начала искать одежду. Дмитрий достал из кармана ключи от машины. Катюша выбежала из комнаты, прижимая к себе куртку брата.

— После такого избиения нельзя определять состояние по тому, может человек ходить или нет, —

сказал Георгий. — В больнице обязательно расскажите, при каких обстоятельствах получены травмы. Проследите, чтобы все повреждения внесли в медицинскую карту.

— Да-да, конечно, — ответила мать Вали, помогая сыну надеть куртку.

— После больницы позвоните мне. Если потребуется, будем добиваться судебно-медицинского освидетельствования.

Георгий достал визитку и протянул Дмитрию.

Тот взял её, прочитал фамилию и убрал в карман.

— Вам помощь нужна? — спросил Георгий.

— Нет, мы на машине.

Через несколько минут вся семья спустилась во двор.

Возле подъезда стояла белая ВАЗ-2101. Дмитрий открыл двери. Мать поддержала Валю под локоть и помогла ему осторожно сесть на заднее сиденье. Катюша забралась с другой стороны, придвинулась к двери, освобождая брату место, и взяла его за руку.

Георгий посмотрел на Дмитрия.

— Районная больница где находится? Если понадобится, я подъеду.

Дмитрий не сразу понял вопрос. Мысли его всё ещё были заняты сыном.

— А?

— Больница где?

— А-а… За мостом. Там сразу увидите.

Он открыл водительскую дверь, но перед тем как сесть, снова повернулся к Георгию.

— Я как вернусь, позвоню. Это сотовый номер?

— Да. Я на связи.

— Спасибо.

Дмитрий сел за руль и завёл двигатель.

Белая «копейка» выехала со двора. Георгий проводил её взглядом, затем посмотрел на часы.

Было уже почти четыре.

Добуж. Районная прокуратура. Кабинет Никиты. После обеда.

План Георгия дополнился новыми обстоятельствами. Теперь нужно было дождаться звонка Дмитрия, узнать, какие повреждения обнаружат у Вали и какой предварительный диагноз поставят врачи. После этого — помочь семье подготовить заявление от имени Вали и добиться, чтобы нападение на него получило самостоятельную процессуальную оценку, вплоть до признания потерпевшим.

Только тогда Георгий собирался идти к следователю и разговаривать по существу, имея на руках не одни слова, а медицинские документы и официальное заявление.

О настрое местной прокуратуры он уже достаточно услышал от Светланы Викторовны. Разговор с ней дал меньше сведений, чем Георгий рассчитывал, но гораздо больше понимания того, как здесь привыкли работать.

Он сел в машину, завёл двигатель и направился к Веронике Степановне. Нужно было рассказать ей обо всём, что удалось узнать, и вместе выстроить дальнейший план.

Пока Георгий по частям собирал будущую защиту Сергея, в прокуратуре затягивался другой узел — вокруг Дэна.

Допрос продолжался уже второй час.

Маленький кабинет Никиты совершенно не подходил для такого количества людей. За столом сидел сам следователь, напротив него — Дэн со скованными спереди руками. У двери на жёстком стуле устроился Стас, который и привёл его сюда. Два Петра из областного убойного отдела находились по обе стороны от Дэна и с разрешения Никиты время от времени задавали короткие уточняющие вопросы о Тимохе Сивом и Малом.

По документам и фактически Дэн был задержанным подозреваемым.

После воскресной погони его доставили в отдел. Рапорт Руслана, протокол задержания с точным временем фактического захвата, разъяснение прав и сообщение прокурору оформили в тот же день. Ночь Дэн провёл в отдельной камере ИВС, а утром его привели в прокуратуру.

Перед началом допроса Никита установил его личность и снова разъяснил права: знать, в чём его подозревают, отказаться от показаний и пользоваться помощью защитника. На этом этапе Дэн письменно отказался от защитника и согласился давать показания.

Он надеялся, что чем охотнее будет говорить, тем быстрее докажет: к убийству Анастасии Сибих отношения не имеет.

Оба Петра спрашивали быстро. Когда освободился Рыба, где и когда сидел Тимоха Сивый, как давно они были знакомы, откуда появился Малой, с кем поддерживали связь и у кого могли остановиться. Иногда они пытались перебить друг друга, но Никита останавливал их и возвращал разговор к нужному

месту.

Дэн отвечал, как мог. Вспоминал клички, называл людей и адреса, иногда сбивался, но тут же возвращался назад.

Со слов Дэна выходило, что Тимоха давно крутился с Рыбой и отбывал с ним наказание, а Малой появился рядом уже после их освобождения. Петра услышали те подробности, ради которых остались в кабинете, ещё несколько раз уточнили фамилии и места, после чего переглянулись.

Один из них закрыл блокнот.

Второй коротко кивнул Стасу.

Они поднялись, пожали ему руку, сказали Никите, что будут на связи, и вышли.

Когда дверь закрылась, в кабинете сразу стало свободнее, хотя никто из оставшихся даже не пересел.

Никита подвинул к себе клавиатуру и посмотрел на уже набранные страницы.

Рассказ Дэна частично заполнял пустоты, оставшиеся после допроса Васи — владельца «Волги». До определённого момента их версии почти полностью сходились. Рыба действительно забрал у Васи машину, почти силой сел за руль и уехал вместе с остальными. Но дальше рассказ Васи заканчивался. Он остался, а «Волга» исчезла из его поля зрения.

Всё, что происходило после их расставания, теперь существовало только в словах Дэна.

Поэтому этот допрос получался сложнее предыдущего. Не потому, что Дэн отказывался отвечать. Наоборот, он хотел рассказать всё как можно скорее. Ему казалось, что чем полнее и понятнее будет его рассказ, тем быстрее следователь убедится: он никого не

убивал, ни о каком убийстве не знал и оказался рядом лишь потому, что вовремя не вышел из чужой компании.

Никита не мешал ему говорить. Останавливал только тогда, когда Дэн перескакивал через время, забывал назвать человека или начинал рассказывать о том, чего сам видеть не мог.

Дэн говорил своими словами — сбивчиво, с повторениями, лишними подробностями и жестами. Никита убирал повторы, восстанавливал последовательность, но старался не менять смысла. На экране живая речь постепенно приобретала порядок, оставаясь при этом рассказом самого Дэна.

— Мы действительно в Тулино поехали, — продолжал тот. — Я им показал, где Настя живёт. А сам в машине остался.

Пальцы Никиты легли на клавиатуру.

«После этого я вместе с Рыбкиным, Тимофеем по прозвищу Сивый и мужчиной по прозвищу Малой поехал в деревню Тулино к дому знакомой мне Анастасии Сибих. Дом показал я. Во двор и в дом не заходил, остался на заднем сиденье автомобиля».

— Почему вы остались в машине? — спросил Никита.

— Я ей должен был.

— Что именно?

— За самогон. Две бутылки до этого брал, не заплатил. Ну и чего я к ней пойду? Она бы сразу: деньги давай.

— Получается, вы не хотели с ней встречаться?

— Ну да. Я только дом показал. Больше мне от неё ничего не надо было.

Никита допечатал фразу, вернулся на несколько строк назад и добавил названную Дэном причину.

— Что произошло после того, как машина остановилась?

— Рыба первым вышел. Он за рулём сидел. Остановился возле калитки и пошёл туда. За ним Тимоха Сивый вышел — он спереди справа ехал. Потом Малой с заднего сиденья вылез.

— Где он сидел относительно вас?

Дэн задумался и посмотрел на свои колени, словно там можно было снова увидеть салон «Волги».

— По-моему, справа. Или посередине сначала… Не помню уже. Вылез вслед за ними, это точно.

— Куда они пошли?

— В калитку зашли.

— Что вы видели дальше?

— Ничего. Темно было. Они во двор ушли, а дальше мне не видно.

— Сколько их не было?

— Минут десять. Может, чуть больше. Я часы не смотрел.

— Что происходило в это время?

— Ничего.

— Вы что-нибудь слышали со стороны дома?

— Нет. Там двигатель, может, работал… Не помню. Криков или шума не слышал.

Никита отметил, что точного времени Дэн назвать не может, и снова дал ему продолжить.

— Потом Малой выбежал. Быстро так, мелкими шагами. Глаза у него были вот такие…

Дэн выкатил глаза и застыл, показывая, каким увидел Малого.

Никита оторвался от монитора.

Дэн продолжал сидеть с выпученными глазами, будто

одной этой гримасой можно было заменить всё, что он тогда заметил и не сумел понять.

— Опишите словами, — сказал Никита.

— Ну вот такие. Как будто он там увидел чего. Одни белки. Сам молчит, только дышит.

Никита напечатал:

«Первым со стороны домовладения выбежал Малой. Он выглядел сильно взволнованным и испуганным, тяжело дышал и ничего не говорил».

— Дальше Рыба пришёл, — сказал Дэн, возвращая лицу обычное выражение. — В руках у него бутылки были.

— Сколько?

— Две или три. Самогон.

— Тимоха?

— Следом вышел. Потом все опять сели на свои места.

— Что вы заметили в их внешнем виде?

Дэн нахмурился.

— Ничего.

— Кровь, повреждения одежды видели?

— Нет. Темно было. Ничего такого не заметил.

— О чём они говорили?

— Малой вообще молчал. Тимоха тоже. Рыба сел за руль, бутылку открыл и почти половину сразу выдул.

Дэн показал рукой, как Рыба запрокинул голову.

Никита записывал, уже не глядя на клавиатуру.

— Потом двигатель завёл, заднюю дал, резко развернулся и поехал обратно. И меня спрашивает: «Ты ей сколько должен был?»

Дэн на секунду замолчал.

— Я говорю: «Две бутылки».

Он посмотрел куда-то вбок, где не было ни окна, ни

двери, только серый шкаф с папками.

— А он говорит: «Теперь мне будешь должен».

— К кому он обращался?

— Ко мне.

— Почему вы должны были ему?

— А я знаю? Сказал и засмеялся.

— Что вы поняли по его смеху?

— Да ничего тогда не понял. Смеялся как обычно. Будто хорошо всё сделал.

Никита не стал спрашивать, что именно Дэн теперь вкладывал в эти слова. В протоколе осталась только фраза Рыбы: «Теперь мне будешь должен». Всё остальное было позднейшим впечатлением человека, который сидел ночью на заднем сиденье чужой машины и теперь пытался придать смысл тому, чего тогда не понял или не захотел понимать.

— Куда вы поехали после деревни?

— На дискотеку, в клуб. Я уже тогда понял, что история гнилая.

— В какой момент вы это поняли?

Дэн дёрнул плечом.

— Когда Малой выбежал. И Рыба с бутылками пришёл. Но деваться уже некуда было. Машина не моя, за рулём не я. Куда я ночью пойду?

Никита посмотрел на него, но ничего не сказал. Вопрос о том, действительно ли деваться было некуда, относился уже не к последовательности событий, а к самому Дэну.

— По дороге я тоже выпил, — продолжил тот. — Граммов триста, наверное. Может, меньше. Мы к клубу уже такие заряженные приехали. Рыба вообще — глаза во…

Он снова вытаращился, теперь изображая Рыбу.

Никита посмотрел сначала на него, потом на монитор.

На экране глаза Рыбы превратились в слова:

«К моменту приезда к клубу Рыбкин находился в состоянии сильного алкогольного опьянения и был возбуждён».

— Можете хотя бы приблизительно определить время приезда? — спросил Никита.

— Наверное, около десяти. На дискотеке уже народ был. Точно не скажу, часы не смотрел.

Никита так и записал: примерно в двадцать два часа, точного времени Дэн не помнит.

— Продолжайте.

— Рыба возле дверей остановился, мы вышли. Он потом машину чуть подальше поставил и тоже подошёл. Зашёл в тамбур, ну, где дискотека проходит. Я немного сзади стоял. Он там то ли толкнул кого-то, то ли задел…

— Что вы видели сами?

— Не всё. Народу много было. Но Рыба сразу какого-то малолетку щемить начал.

— Что значит «щемить»?

Дэн поморщился. Для него этого слова было достаточно, но Никите нужно было установить, что именно происходило.

— Схватил его, прижал. Начал руками бить, толкать.

— Куда наносил удары?

— Сначала не видел. Там всё быстро пошло.

— Где в этот момент находились Тимоха Сивый и Малой?

— Они ближе стояли. Я как бы сзади был.

— Что произошло дальше?

Дэн потёр большим пальцем край наручника.

— Они тоже полезли.

— К кому?

— К этому пацану.

— Что именно они делали?

Дэн не сразу ответил.

— Пинали его. Ногами.

Никита напечатал несколько строк, затем спросил:

— А вы что делали?

Дэн мельком посмотрел на Стаса. Тот сидел у двери, откинувшись к стене, и до этого момента почти не вмешивался.

— Я уцепился там то за одного, то за другого. Разнимал больше.

— Кого именно вы оттаскивали?

— Всех.

— Опишите по порядку.

— Ну что там описывать? Кипиш. Я одного оттащу, другой лезет. Рыба вообще поволок этого малолетку из тамбура и давай ногами пинать. Я рядом был.

Никита перестал печатать.

— Что делали вы сами?

— Я…

Дэн замялся.

Напряглось всё его лицо. Он смотрел в стол и перебирал внутри себя не столько воспоминания, сколько возможные ответы.

Никита сказал:

— Я ещё раз разъясняю: вы вправе отказаться от дачи показаний. Хотите продолжить отвечать?

— Да что я скрываю? — пробормотал Дэн. — Я

разнимал.

— Наносили кому-нибудь удары?

— Честно, не помню.

— Что именно не помните?

— Выпил я. Там все друг на друга полезли.

— Могли ударить кого-нибудь рукой?

Дэн помолчал.

— Может, зацепил кого. Но я больше разнимал.

— Ногами кого-нибудь били?

— Не бил я ногами. Я растаскивал.

Никита ещё несколько секунд смотрел на него, потом снова опустил глаза к экрану.

В протоколе этот кусок сложился осторожнее, чем прозвучал:

«Я находился в состоянии алкогольного опьянения и пытался разнять дерущихся: хватал участников конфликта за одежду и оттаскивал их друг от друга. Наносил ли я кому-либо отдельные удары руками, точно не помню. Удары ногами не наносил».

Увидев, что Никита снова печатает, Дэн продолжил. Ему хотелось пройти этот участок быстрее, оставить драку позади и добраться до той части, где, как ему казалось, всё окончательно становилось понятным.

— Рыба этого пацана на улицу выволок, повалил и давай ногами пинать. Сивый и Малой тоже рядом были. Потом второй подскочил.

— Кто именно?

— Дружок этого малолетки. Сзади подбежал.

— Где вы видели его до этого?

— Он там рядом крутился. А потом подскочил и Рыбе чем-то в бок воткнул.

Дэн показал рукой на правый бок.

— Вот сюда.

— Вы рассмотрели предмет?

— Нет. Темно было. Может, нож, может, отвёртка. Не разглядел. Он ударил и сразу отскочил.

— Сколько ударов вы видели?

— По-моему, один.

— Что произошло с Рыбкиным?

— Он сначала как будто остановился.

Дэн немного приподнялся на стуле, показывая, как Рыба замер после удара.

— Руками бок зажал. Потом завыл, согнулся и как змея свернулся. На земле начал крутиться. Я сначала давай его ощупывать, поднять хотел, чтобы уехать. А он крутится, орёт, скулит. Я ему говорю: «Надо сваливать». А он уже ничего не может.

— Когда вы заметили кровь?

— Потом уже. На руках что-то осталось. Темно там, сразу не понял.

— Что делали Тимоха Сивый и Малой?

— Стояли.

— Помогали вам поднять Рыбкина?

— Нет.

— Что-нибудь говорили?

Дэн усмехнулся одним углом рта.

— Стояли как рыбы и молчали.

Никита поднял глаза, но Дэн уже продолжал:

— Вокруг кипиш пошёл. Бабы кричат: «Милиция! Скорую!» Народ из клуба высыпал. Я посмотрел на Рыбу — если его сейчас в машину грузить, он там кони двинет. Да и не поднять его уже. И зачем он мне нужен?

Последняя фраза прозвучала почти буднично, будто Дэн объяснял не решение оставить раненого человека

на земле, а почему не стал подбирать чужую вещь.

Руки Никиты задержались над клавиатурой.

— Что вы сделали после этого?

— Уехал.

— Вы не стали дожидаться милиции и скорой помощи?

— А чего мне их ждать?

— Хотя находились на месте драки?

— Я разнимал.

— И приехали вместе с Рыбкиным?

— Ну приехал. Но я его не резал.

— Как у вас оказались ключи от машины?

— Сивый обыскал лежавшего на земле Рыбу, нашёл у него ключи и передал мне. Я сказал им: «Я домой». Сивый с Малым решили ехать со мной. Сели и поехали.

— Кто находился за рулём?

— Я.

— Куда вы поехали?

— Сначала оттуда. Потом уже разъехались.

— Что в это время делали двое подростков?

— Они раньше уехали.

— На чём?

— На красном «Запорожце».

— Вы видели момент их отъезда?

— Видел. Они быстрее нас уехали.

Никита некоторое время смотрел на Дэна.

Картина в целом складывалась. Не до конца, с провалами и местами, где Дэн явно подбирал более удобные слова, но последовательность становилась понятна.

Он приехал вместе с Рыбой и остальными в Тулино, к дому Анастасии Сибих, однако, по собственным словам,

во двор не входил и всё время оставался в машине. Затем оказался у клуба и участвовал в общей драке, хотя старался представить своё участие как попытку разнять остальных. После ранения Рыбкина Сивый обыскал лежавшего на земле Рыбу, нашёл ключи от «Волги» и передал их Дэну. Дэн сел за руль и уехал вместе с Сивым и Малым.

Никита перечитал последние страницы, исправил несколько опечаток и нажал на печать.

Принтер загудел. Дэн проследил глазами, как из него один за другим выходят листы.

По его лицу было видно, что он считал допрос почти законченным. Он всё рассказал. Назвал людей, места, последовательность. Признался даже в том, о чём мог бы промолчать. Теперь, по его пониманию, следователь должен был сравнить его рассказ с Васиным, увидеть совпадения и отпустить.

Никита собрал тёплые листы, постучал краями по столу и протянул Дэну.

— Прочитайте внимательно. Если что-то записано неправильно или неполно, скажите.

Дэн читал медленно, шевеля губами. Иногда возвращался к предыдущей строке, хмурился, но замечаний не делал. Дойдя до места о драке, задержался дольше, потом посмотрел на Никиту.

— Тут нормально написано, что я ногами не бил?

— Написано именно так.

Дэн снова опустил глаза.

Прочитав протокол, он подписал каждую страницу.

Тогда Никита снял трубку и позвонил в отдел.

— Если Василий всё ещё ждёт в отделе, передайте: основные обстоятельства подтвердились. Пусть оставит

адрес, по которому его можно вызвать, если ещё не оставил, и может ехать домой. Если понадобится, вызовем повторно.

В дежурной части Василий, услышав, что рассказ Дэна в основном совпал с его показаниями, спрятал в карман измятую сигарету и вышел на улицу.

Его версия пока выдержала проверку вторым рассказом.

Дэн услышал фамилию Васи и немного расслабился. Ему показалось, что следом откроется и его дорога к выходу.

Никита сложил подписанные листы.

— Посидите здесь.

Потом посмотрел на Стаса:

— Присмотри.

Стас кивнул.

Никита вышел в коридор и направился в кабинет напротив, к Лизавете Петровне. Она сидела за своим столом, склонившись над бумагами, и подняла голову только после того, как он вошёл.

— Лизавета Петровна, вы знали, что человек, которого я сейчас допрашивал, участвовал в драке, когда смертельно ранили вашего Рыбкина?

Она повернулась к нему всем корпусом.

— Слышала. Денис Петрович ещё утром сказал, что опера взяли людей, которые были на «Волге». И что они могут иметь отношение к убийству Сибих.

— Он подробно рассказал про клуб. Что теперь с делами делать? Соединять?

— Пока ничего не соединять, — недовольно ответила она и протянула руку. — Дай сюда.

Никита передал ей протокол.

Лизавета Петровна начала читать быстро, про себя. Глаза бежали по строкам, почти не задерживаясь на подробностях поездки, пока не дошли до клуба. Она перелистнула страницу, вернулась немного назад, ещё раз просмотрела место, где Дэн рассказывал о драке и ранении Рыбкина.

— Снимешь мне копию этой части, — сказала она. — После клуба и до их отъезда.

— Хорошо. А вопрос о соединении?

— Позже. Сначала нужно установить роль каждого в обоих эпизодах. Потом Денис Петрович решит, оставлять дела отдельно или соединять.

Она снова посмотрела на первые страницы.

— Ты с ним когда закончишь?

— По существу уже закончил. Он дал показания как подозреваемый и всё подписал.

— От защитника отказался?

— Письменно. Но я не уверен, можно ли его теперь освобождать.

Лизавета Петровна посмотрела на то место, где Дэн утверждал, что остался в машине. Потом — на сведения о его участии в драке и отъезде вместе с Сивым и Малым.

— Это к Денису Петровичу, — сказала она наконец. — Неси ему материалы. Пусть решает вопрос о дальнейшем задержании и санкции на арест.

Она вернула протокол.

Никита вышел, заглянул в свой кабинет. Стас сидел на том же месте. Дэн ждал, опустив скованные руки между коленями.

Никита махнул Стасу:

— Я минут на двадцать.

И пошёл этажом выше.

Кабинет прокурора был длинным и широким, совсем не похожим на тесные комнаты следователей. Перед столом Дениса Петровича стояло несколько сдвинутых столов. Во время совещаний за ними размещались следователи, руководители отделов и приглашённые из милиции.

Денис Петрович сидел у окна.

Когда Никита вошёл, он поднял голову. Свет скользнул по лысине и тонким очкам в металлической оправе.

— Разрешите?

— Заходи, Никита.

Никита вошёл, держа перед собой распечатанный протокол.

— Я Дэна допросил. Принёс материалы: нужно решать, освобождать его или готовить санкцию на заключение под стражу.

Денис Петрович взял бумаги, аккуратно положил перед собой и без слов показал на стул.

Никита сел.

Прокурор начал читать.

Он не торопился. В отличие от Лизаветы Петровны, не пробегал строки, выхватывая нужный эпизод, а читал протокол с самого начала. Несколько раз возвращался назад, сравнивал время и последовательность.

Никита сидел напротив и ждал.

Дойдя примерно до середины, Денис Петрович поднял глаза.

— Это тот, который побежал от оперов?

— Да.

— Рапорт есть?

— Есть. Там указано, что после требования остановиться он попытался скрыться. Был предупредительный выстрел.

— Сам что объясняет?

— Говорит, испугался.

Денис Петрович ещё несколько секунд смотрел на Никиту, потом продолжил чтение. Дошёл до последней страницы и вернулся к первой.

— Ранее судим?

— Да.

— Один раз?

— Нет. Неоднократно.

— Справка о судимостях в материалах есть?

— Оперативная есть. Официальную запросил.

— К повторному допросу подозреваемого подготовь точные сведения: когда осуждён, по каким статьям, какое наказание, когда освободился.

— Хорошо.

Денис Петрович перевернул первую страницу.

— Он утверждает, что во двор не заходил?

— Да. Говорит, всё время оставался в машине.

— Кто это подтверждает?

Никита не ответил сразу.

— Пока никто.

— Рыбкин?

— Убит.

— Сивый и Малой?

— Не задержаны.

— Василий?

— К тому времени с ними уже не был.

Денис Петрович провёл пальцем по строке.

— Значит, то, что он сидел в машине, мы знаем только с его слов?

— Получается, так.

— О том, что происходило во дворе и в доме, он якобы ничего не знает?

— Говорит, не видел.

— И об убийстве Сибих не знал?

— Не знал.

— Это тоже только его слова?

Никита кивнул.

До этого момента он воспринимал рассказ Дэна целиком — как последовательность, в которой подробности поддерживали друг друга и потому создавали ощущение правды. Денис Петрович разбирал тот же рассказ иначе. Он отбрасывал выражение лица, интонацию, испуг Малого, вытаращенные глаза Рыбы и оставлял лишь то, что можно было подтвердить независимо от человека, сидевшего в наручниках.

После этого от рассказа Дэна оставалось гораздо меньше.

— Для обвинения этого пока недостаточно, — сказал Денис Петрович. — Но отпустить его мы тоже не можем.

Он положил протокол перед собой.

— Когда его фактически задержали?

— Вчера утром. Точное время указано в рапорте Руслана Филатова.

— После этого доставили в отдел?

— Да.

— Ночь провёл в ИВС?

— Да, в отдельной камере.

— Протокол задержания составлен?

— Составлен. Время внесли по рапорту, права

разъяснили, копию вручили.

Денис Петрович снял очки и несколько секунд протирал стёкла краем носового платка.

— Прокурору сообщили?

— В тот же день.

— Тогда по оформлению вопросов нет. Теперь нужно решить, достаточно ли оснований для дальнейшего содержания.

— А основания продолжать задержание есть?

— Есть. Он приехал вместе с остальными, сам показал им дом Сибих, всё время находился рядом, а после убийства уехал с той же компанией. Его слова о том, что он не выходил из машины и ничего не знал, пока никто не подтверждает. А когда опера попытались его остановить, он побежал. Тем более ранее неоднократно судимый.

Денис Петрович постучал пальцем по протоколу.

— Этого недостаточно, чтобы назвать его убийцей. Но достаточно, чтобы продолжить задержание и проверить его причастность.

Теперь Никита понял разницу.

— Значит, оставляем задержанным по подозрению в убийстве Сибих?

— Да. Протокол уже составлен. Ещё раз предложи защитника. Если прежний отказ отзовёт, до прибытия адвоката никаких дополнительных вопросов. И готовь материалы для решения вопроса о заключении под стражу.

— А заключение под стражу?

— Это решим отдельно. Проведёшь допрос с адвокатом, соберёшь материалы и принесёшь мне. Тогда посмотрим, есть ли основания давать санкцию на

арест.

Денис Петрович протянул ему бумаги.

— И копию части протокола о драке передай Лизавете Петровне. Позже решим, что делать с делами.

— Иди. Оформляй.

Никита взял протокол и вышел.

Теперь Никите предстояло довести законно начатое задержание до следующего решения: ещё раз предложить Дэну защитника, проверить его показания и подготовить первое в своей жизни постановление о заключении под стражу — если основания для этого сохранятся.

Пока Никита спускался по лестнице, внутри оставалось чувство, которое никак не укладывалось в ясную прокурорскую логику.

Он видел Дэна. Несколько часов слушал его. Следил, как тот вспоминал, где сидел Малой, как показывал глаза Рыбы, как замолкал перед неудобными вопросами.

Никита не был уверен, что Дэн рассказал всё. В эпизоде с дракой тот явно уменьшал собственное участие. Но в основную часть его рассказа Никита скорее верил. Верил, что в дом Дэн не заходил, что о случившемся там не знал и просто оказался рядом с людьми, от которых следовало уйти гораздо раньше.

Однако теперь стало ясно: вера следователя не могла стать подтверждением показаний.

Никита не мог приложить к делу собственное впечатление и написать, что Дэн говорил убедительно. Его слова не становились правдой оттого, что молодой следователь поверил в них. И репутация самого Никиты, которую он ещё даже не успел заработать, не могла поручиться за человека, неоднократно судимого и

побежавшего от оперов при первой попытке его остановить.

В кабинете прокурора тот же самый рассказ перестал быть рассказом и стал версией.

Версией, которую пока нечем было проверить.

Никита подошёл к двери своего кабинета и на секунду задержал руку на ручке.

Потом вошёл.

Дэн сразу почувствовал перемену.

Никита ничего ещё не сказал. Просто прошёл к столу, положил протокол рядом с клавиатурой и сел. Но двигался теперь иначе. Не как человек, который вышел уточнить один вопрос и вернулся закончить формальность.

Он открыл на компьютере другой документ и начал печатать.

Стас выпрямился на своём стуле.

Дэн переводил взгляд с одного на другого. Старая тюремная интуиция редко объясняла, что именно произошло, зато безошибочно сообщала: произошло плохое. Изменения в поведении следователей и оперов он понимал почти профессионально. Иногда человек ещё не слышал решения, но уже видел его в том, как перед ним перекладывали бумаги.

— Что такое, начальник? — спросил Дэн.

Наручники скрипнули между его руками.

Ещё несколько минут назад он надеялся, что их вот-вот снимут. Он сам услышал свой рассказ и ещё раз убедился, что никого не убивал. Он всё объяснил. Даже признал, что находился в драке, хотя мог бы сказать, что стоял в стороне. Ему казалось, после такой откровенности следователь должен был увидеть то же

самое.

Но за время отсутствия Никиты что-то решилось вне Дэнового понимания.

Никита допечатал строку и поднял глаза.

— Первичный допрос окончен. Оснований освободить вас сейчас нет. Я готовлю материалы для решения вопроса о заключении под стражу по подозрению в причастности к убийству Анастасии Сибих.

Дэн замер.

— В смысле, начальник?

Он посмотрел на Стаса, будто надеялся найти на его лице другое объяснение. Но Стас смотрел буднично. Решение принимал не он, и удивляться ему было нечему.

— В каком смысле — не освободить? — переспросил Дэн. — В чём я виноват?

— Речь пока не о виновности, а о подозрении, — ответил Никита. — Вы приехали в Тулино вместе с Рыбкиным, Сивым и Малым, показали им дом Анастасии Сибих, находились рядом во время совершения преступления и уехали вместе с ними. Ваша версия о том, что вы всё время оставались в машине, пока ничем не подтверждается. Кроме того, при попытке задержания вы пытались скрыться.

— Я же всё объяснил!

— Ваши объяснения будут проверены.

— Кто решил меня не отпускать?

Никита выдержал короткую паузу.

— Вопрос о дальнейшем содержании будет решать прокурор. Я представляю ему материалы.

Дэн резко откинулся на спинку стула. Наручники

звякнули о край стола.

— А, понятно. Прокурор ознакомился.

Он несколько раз провёл языком по губам.

— Прокурор со мной там был? Он видел, куда я заходил, куда не заходил?

Никита ничего не сказал.

— Если человек уже сидел, ему честным быть незачем, — продолжил Дэн, ворочая в голове мысли, которые до этого существовали по отдельности и теперь начали складываться. — Всё равно макруху на него повесят. Я вам всё сказал, а вы меня за это закрываете.

Несправедливость находилась совсем рядом. Дэн чувствовал её, почти мог потрогать, но не умел собрать в слова так, чтобы она стала понятна кому-нибудь ещё.

Получалось только то, что всегда: он сидел, он побежал, он приехал вместе со всеми. А то, что он никого не убивал, существовало пока лишь у него в голове.

Побег от оперов уже не казался ему такой плохой идеей.

Не добежал — вот в чём была ошибка.

Теперь снова изолятор, потом суд, потом зона. Всё это поднялось перед ним сразу, без промежуточных коридоров, допросов и бумаг.

Он несколько раз кашлянул.

— Начальник, мне на зону нельзя.

Никита поднял глаза.

— Будет проводиться расследование. Ваши показания проверят.

— Какое расследование? Вы сначала разберитесь! Я же не заходил туда! Начальник, я всё сказал! Мне туда нельзя, понимаешь?

Голос Дэна стал громче. Он подался вперёд, и Стас сразу пересел ближе, чтобы эмоции не перешли в резкое движение, которое потом пришлось бы останавливать руками.

Дэн заметил это. Покосился на Стаса и немного изменил тон.

Никита повернул к нему экран не полностью, а лишь настолько, чтобы было видно название нового документа.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

— Я ещё раз разъясню вам права, — сказал он. — Утренний отказ от защитника вы вправе отозвать. До следующих следственных действий можете потребовать адвоката и больше не давать никаких показаний без него.

Дэн продолжал смотреть на заголовок.

— Защитник у вас есть? — спросил Никита. — Кого-нибудь конкретного будете приглашать?

Несколько секунд Дэн молчал. Голова его постепенно опустилась. Потом он посмотрел сначала на Никиту, затем на Стаса, сидевшего теперь совсем рядом.

До этого момента ещё можно было убеждать себя, что после подробных показаний его отпустят. Что наручники — только из-за побега, Стас — для порядка, а долгий допрос всё равно закончится дверью на улицу.

Слово «защитник» обозначило границу точнее любого постановления.

— Своего нет, — сказал Дэн. — Давайте назначенного. Без адвоката больше ничего говорить не буду.

— Это ваше право, — ответил Никита. — До прибытия защитника дальнейшего допроса в качестве подозреваемого не будет.

Он потянулся к телефону.

Стас закатил глаза. Не потому, что Дэн потребовал защитника, а потому, что появление адвоката означало ещё несколько часов на том же жёстком стуле.

За четыре часа Дэн не пересел на другое место. Перед ним лежал тот же стол, рядом находились те же люди, за окном по-прежнему стоял обычный весенний день.

В кабинет Дэн вошёл подозреваемым, но только теперь понял, что это не временная формальность.

Задержание оформили ещё накануне. Теперь оно приближалось к следующей границе — возможному заключению под стражу с санкции прокурора.

Дэн по-прежнему имел право рассказать собственную правду. Но теперь эта правда могла обрести вес только после того, как её подтвердит кто-нибудь другой.

А других ещё предстояло найти.

Добуж. Кабинет адвоката. После обеда.

После ухода Георгия Светлана Викторовна ещё долго сидела за столом.

Обычно кабинет успокаивал её. Здесь всё находилось на своих местах: кодексы стояли в шкафу ровным рядом, папки были разложены по годам, на корешке каждой аккуратным почерком выведены фамилия и номер дела. Эту привычку Светлана Викторовна выработала ещё тогда, когда работала секретарём суда. Ей казалось: чем точнее разложены бумаги, тем меньше вероятность что-нибудь упустить. Привычка осталась и после того, как она ушла в адвокатуру.

У стены стоял старый металлический сейф. Возле

окна помещался небольшой столик с электрическим чайником и двумя чашками. На широком подоконнике лежали подшивки «Российской газеты», а возле двери висело маленькое зеркало, в которое Светлана Викторовна обычно смотрелась перед выходом в суд или прокуратуру.

Кабинет находился в старом кирпичном доме с высокими потолками и тяжёлыми деревянными дверями. Половицы в коридоре поскрипывали, и обычно Светлана Викторовна заранее слышала приближение очередного клиента.

Сегодня за дверью было тихо.

Она всё ещё сидела так же прямо, как при Георгии. Тёмно-синий костюм, светлая блузка, аккуратно уложенные волосы. Только пиджак теперь висел на спинке стула, а верхняя пуговица блузки была расстёгнута. На переносице остался едва заметный след от очков, которые она сняла и положила рядом с телефоном.

Светлана Викторовна перебирала оставшиеся на столе листы, хотя прекрасно знала, что написано на каждом из них. Переложила один направо, затем вернула на прежнее место. Закрыла папку, через несколько секунд снова открыла и пробежала глазами первую страницу.

Разговор с московским адвокатом испортил ей настроение.

Сначала она объясняла это его самоуверенностью. Георгий приехал из Москвы, почти ничего не знал о местной прокуратуре, не представлял, как здесь привыкли расследовать подобные дела, и сразу начал рассуждать о необходимой обороне так, словно одна

правильно названная статья могла изменить всё остальное.

Десять лет Светлана Викторовна работала адвокатом и за это время, как ей иногда казалось, по-настоящему усвоила только одно: если начнёшь сопротивляться там, где всё уже решено, будь готов к тому, что слушать тебя никто не станет.

Следователь услышит и запишет только то, что сочтёт нужным. Прокурор поддержит следователя. Суд будет смотреть прежде всего на материалы дела. Сотрудники милиции скажут, что действовали законно. И сколько ни показывай им статьи, сколько ни доказывай, что за протоколом существует ещё и человек, — твою правду постепенно сотрут. Не обязательно подделкой или прямым нарушением. Иногда достаточно просто её не заметить. Не задать один вопрос, не проверить одну версию, назвать одно обстоятельство несущественным.

Светлана Викторовна вдруг вспомнила Сергея. Она видела его мельком, кажется, ещё до зимы, когда он возвращался из школы. Обычный мальчишка с сумкой через плечо. Прошёл мимо, поздоровался и почти сразу исчез за поворотом.

Тогда ей не пришло бы в голову, что однажды она станет обсуждать, сколько лет ему могут дать за убийство.

«Я, что ли, эту систему создала?»

Она снова принялась перекладывать бумаги.

Есть погибший человек. Есть подросток, который после случившегося скрылся. Есть показания: он чем-то нанёс удар. Есть заключение эксперта о причине смерти. Для следствия пока достаточно.

Она ведь не придумала всё сама.

Светлана Викторовна разговаривала с Лизаветой Петровной. Ей объяснили, как следствие видит произошедшее. Сказали, какие доказательства уже имеются, какие показания получены и в каком направлении будет двигаться дело.

«Я поговорила. Мне сказали».

Внутри уже складывалось оправдание для самой себя, но оно не держалось. Каждый довод по отдельности казался понятным, привычным и даже разумным, а вместе они не могли распустить узел, который после ухода Георгия начал медленно затягиваться где-то под рёбрами.

«Я сделала всё, что могла. Дальше посмотрели бы».

Светлана Викторовна повернулась к окну.

За стеклом стоял обычный день. По тротуару прошла женщина с хозяйственной сумкой. У обочины остановилась машина, из неё вышел мужчина, посмотрел на номер дома и пошёл в противоположную сторону.

Ничего вокруг не изменилось оттого, что в этом кабинете несколько минут назад один адвокат сказал другому: «Вы не выяснили главного».

Светлана Викторовна потянулась к телефону.

Нужно было позвонить Веронике Степановне и рассказать о появлении московского адвоката. Сказать, что он разговаривал вызывающе, не понимал местной практики и представлял всё гораздо проще, чем было на самом деле. Предупредить, что Георгий собирается спорить со следствием и может только ухудшить положение Сергея.

Она взяла трубку и начала набирать номер.

После первых цифр остановилась.

Что именно она скажет Веронике Степановне?

Пожалуется на Георгия? Начнёт оправдываться? Объяснит, что местная прокуратура не станет слушать разговоры о необходимой обороне? Или спросит, почему Вероника Степановна сразу не рассказала обо всех обстоятельствах?

Но она рассказывала.

Говорила, что Сергей вступился за Валю.

Светлана Викторовна вспомнила это только сейчас. Во время их разговора фраза почти не вызвала у неё эмоций. Близкие всегда пытаются объяснить поступок родного человека. Говорят, что он не начинал, что защищался, что хотел помочь другому. За годы практики Светлана Викторовна слышала подобное много раз и научилась отделять слова родных от того, что можно будет использовать в деле.

Тогда она тоже отделила.

И не стала спрашивать дальше.

Кто начал драку?

Сколько человек били Валю?

Где в это время находился Сергей?

Что именно он видел?

Продолжалось ли избиение, когда он вернулся?

Почему он вмешался?

Вопросы, которые Георгий задавал один за другим, остались в кабинете и после его ухода. Самым неприятным было даже не то, что Светлана Викторовна не получила на них ответов.

Самым неприятным было то, что до прихода Георгия она почти не думала, что эти ответы могут изменить смысл произошедшего.

Светлана Викторовна положила трубку.

Она снова вспомнила Лизавету Петровну и почти сразу нашла привычное объяснение:

«Ага, попробуй у неё всё это выяснить. Начнёшь задавать лишние вопросы — потом вообще скажет не заходить».

Лизавета Петровна не любила, когда адвокат пытался заглянуть дальше того, что следователь считал необходимым сообщить. На прямой спор она отвечала сухо, на повторный вопрос — раздражением. После третьего могла сослаться на тайну следствия и закончить разговор.

Но Георгий именно для этого и приехал.

Не затем, чтобы сохранить хорошие отношения с Лизаветой Петровной.

Светлана Викторовна почувствовала раздражение уже не на него, а на саму эту мысль.

Версия необходимой обороны теперь действительно существовала. Не потому, что Георгий придумал её в кабинете, а потому, что указал на обстоятельства, которые находились перед глазами с самого начала. Если несколько человек избивали Валю, а Сергей вмешался, защищая его, тогда удар нельзя было рассматривать сам по себе — отдельно от всего, что происходило до него.

«Ну так пусть теперь попробует это доказать».

Мысль должна была успокоить её, но внутри снова что-то сжалось.

Доказать будет трудно. Свидетели могут изменить показания. Следствие уже выбрало направление. Погибший не сможет рассказать свою версию. Любое действие Сергея будут оценивать, уже зная, чем всё

закончилось.

И всё же трудность доказывания не означала, что этой версии не существовало.

Светлана Викторовна закрыла папку и провела пальцами по её картонной обложке.

За десять лет практика научила её не только закону. Она научила заранее понимать, чего потребует прокуратура, что, скорее всего, поддержит суд и какой совет будет для клиента наиболее безопасным.

Признать очевидное.

Не спорить там, где спор разозлит следователя.

Сотрудничать.

Просить учесть возраст, характеристики, раскаяние.

Добиваться не оправдания, а более мягкого наказания.

Долгое время Светлана Викторовна считала это опытом. Умением не обещать людям невозможного и выбирать путь, на котором клиент потеряет меньше всего.

Постепенно опыт превратился в уклад.

Она уже не замечала, в какой момент перестала искать все возможные дороги и начала выбирать только те, которыми здесь привыкли ходить.

Телефон по-прежнему стоял рядом.

Светлана Викторовна ещё раз потянулась к нему. На этот раз она собиралась сказать Веронике Степановне хотя бы то, что Георгий был у неё. Не жаловаться и не спорить — просто предупредить.

Она снова набрала первые цифры.

Остановилась.

Уходя, Георгий сказал, что будет обязан сообщить об их разговоре в президиум адвокатской коллегии.

Наверное, именно это и следовало передать Веронике Степановне. Московский адвокат угрожает жалобой. Ставит под сомнение качество защиты. Считает, что она не выяснила обстоятельства, имеющие значение для дела.

Но произнести всё это вслух означало бы ответить на простой вопрос:

«А он неправ?»

Светлана Викторовна положила трубку.

Давно она не чувствовала себя такой неуверенной. Даже в первых процессах, когда входила в зал суда с дрожью в коленях, ей было проще. Тогда она знала, что неопытна. Теперь же сомнение возникло в том, что много лет считалось опытом.

На столе лежала раскрытая папка, но работать дальше Светлана Викторовна уже не могла.

Она надела очки, посмотрела на часы и решила уйти. Взяла пиджак со спинки стула и уже просунула руку в рукав, когда зазвонил телефон.

Светлана Викторовна вздрогнула.

Несколько секунд она смотрела на аппарат, будто звонить могла Вероника Степановна, которой она сама так и не решилась позвонить. Потом высвободила руку, положила пиджак обратно и подняла трубку.

— Светлана Викторовна?

Голос был мужской и молодой.

— Да.

— Никита, следователь прокуратуры. Вы сегодня дежурите?

— Дежурю.

— Сможете приехать? Нужен защитник по назначению. Денис Крышкин задержан как

подозреваемый. Утром он письменно отказался от защитника и дал показания, а теперь потребовал адвоката.

Светлана Викторовна снова села.

Такие звонки не были для неё редкостью. В небольшом городе следователи знали всех адвокатов, а адвокаты — почти всех следователей. Если у задержанного не было своего защитника, приглашали дежурного адвоката.

Светлана Викторовна часто принимала такие поручения. Приезжала на первый допрос, беседовала с задержанным, следила за оформлением протокола, заявляла необходимые ходатайства. Нередко она вступала в дело в тот момент, когда у следствия уже существовала готовая версия, а подозреваемому оставалось решить, признавать её или пытаться спорить.

Обычно этот порядок не вызывал у неё вопросов.

— По какому делу? — спросила она.

— По убийству Анастасии Сибих.

Пальцы Светланы Викторовны, до этого выравнивавшие край папки, замерли.

— Я уже заходила к вам по делу Рыбкина. Какое ещё убийство?

— Другое. В частном доме женщину убили. Она самогоном торговала. Потом дом подожгли.

— Когда это произошло?

— В ту же ночь. Опера доставили нескольких человек, которые ездили на «Волге». Денис был среди них.

Светлана Викторовна чуть сильнее прижала трубку к уху.

— А Рыбкин какое отношение имеет?

— По показаниям, он тоже был с ними. Возможно, заходил в дом погибшей.

На несколько секунд она замолчала.

Человек, который в одном деле лежал мёртвым и назывался потерпевшим, в другом мог оказаться участником убийства. Привычная, почти сложившаяся картина вдруг получила ещё одну сторону.

— Его уже допрашивали как подозреваемого? — спросила Светлана Викторовна.

— Да. При задержании права ему разъяснили. Сегодня перед допросом я разъяснил их повторно, он письменно отказался от защитника и согласился говорить. После того как прокурор ознакомился с материалами, Денис от дальнейших показаний отказался и потребовал адвоката. До вашего приезда вопросов ему не задаём.

В голосе Никиты слышалась усталость и вместе с ней напряжение человека, которому впервые пришлось готовить материалы для возможного заключения подозреваемого под стражу.

— Хорошо, — сказала Светлана Викторовна. — Я скоро буду.

Она положила трубку и некоторое время смотрела на телефон.

Потом надела пиджак, застегнула его и подошла к зеркалу. Поправила волосы, расправила плечи и посмотрела себе в глаза.

— Ну вот, — сказала она отражению. — Целыми днями туда-сюда.

В голосе была усталость, но звонок пришёл вовремя. Он позволил перестать перекладывать бумаги, не набирать номер Вероники Степановны и хотя бы

ненадолго выйти из разговора, который продолжался в кабинете уже без Георгия.

Светлана Викторовна убрала в сумку кодекс, блокнот и несколько чистых листов. Проверила окно, дёрнула дверцу сейфа, убеждаясь, что тот заперт, погасила свет и закрыла кабинет.

Половицы заскрипели под её каблуками.

Георгий не убедил Светлану Викторовну в своей правоте. Он сделал другое — заставил её усомниться в том, что она много лет называла опытом.

В прокуратуре её ждал Денис Крышкин — задержанный подозреваемый, который после первичного допроса потребовал защитника.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. Ближе к вечеру.

День уже клонился к вечеру, когда Георгий снова оставил «Шевроле» возле дома Вероники Степановны и вошёл в подъезд.

На первом этаже пахло сырой штукатуркой, выше — жареным луком и свежим хлебом. Георгий поднялся по знакомой лестнице и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу.

После утренней встречи Вероника Степановна заметно изменилась. Исчезла растерянность, заставлявшая её сутулиться и прятать взгляд. Теперь она стояла ровнее и смотрела спокойно. Волосы были аккуратно собраны, на ней было чистое домашнее платье.

Утром Георгий не обещал ей благополучного исхода.

Он оставил нечто более важное — понятный порядок действий. Оказалось, что даже небольшой план способен вернуть человеку опору.

— Георгий, проходите, — радушно сказала она. — Я вас ждала.

Из комнаты выглянул Кузя. Старый чёрный кот задержался в дверном проёме, внимательно осмотрел гостя и, признав его, неторопливо вернулся к окну.

В квартире было чисто и по-домашнему тепло. На кухонном столе, покрытом цветастой клеёнкой, уже стояли тарелки. Вероника Степановна успела сходить в магазин, купила хлеб, мясо, картошку и впервые за несколько дней приготовила нормальную еду. На плите остывала сковорода с жареной картошкой и луком, на большой тарелке лежали котлеты, рядом стояла миска с солёными огурцами.

— Вы кушать хотите?

Только сейчас Георгий почувствовал, что после утренней дороги и всех разговоров действительно проголодался.

— Не откажусь.

— Тогда руки мойте. Полотенце возле раковины.

Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и прошёл в маленькую ванную. Умыл лицо прохладной водой, тщательно вымыл руки. Когда вернулся, Вероника Степановна уже положила ему картошку и две котлеты.

— Столько я не съем.

— Ешьте. Вы с утра, наверное, ничего нормального не ели.

Спорить Георгий не стал. Сел за стол, отломил кусок хлеба и попробовал картошку.

— Очень вкусно.

Вероника Степановна заметно обрадовалась. Себе положила совсем немного и села напротив.

Сначала они говорили о простых вещах. О дороге, о машине, о том, быстро ли Георгий нашёл дом Светланы Викторовны. Вероника Степановна несколько раз собиралась спросить о главном, но всякий раз откладывала вопрос: перекладывала вилку, поправляла край клеёнки.

Наконец не выдержала:

— Вы с ней поговорили?

— Поговорил.

— И как?

Георгий некоторое время молчал, подбирая слова.

— Разговор получился непростой. Светлана Викторовна знает закон и понимает, что такое необходимая оборона. Но подобные дела она привыкла оценивать исходя из сложившейся здесь практики. Есть погибший, есть удар, Сергей скрылся — значит, по её мнению, остаётся только смягчать последствия.

Вероника Степановна опустила глаза.

— Она мне примерно так и сказала.

— Я знаю. Но я не хочу сейчас её упрекать и тем более не виню вас. Вы обратились к специалисту и имели право рассчитывать, что вам покажут все возможные варианты.

— А она их не увидела?

— Скорее, не проверила. Она начала строить защиту с конца — не с вопроса о том, что произошло возле клуба, а с того, как добиться более мягкого наказания. Проблема здесь не в незнании закона. Проблема в привычке не применять его там, где местная практика

заранее считает всё понятным.

Вероника Степановна кивнула.

— Она так уверенно говорила, что Серёже никто не поверит… Я и подумала: значит, всё уже решено.

— Вот этим такая практика и опасна. Сначала человеку объясняют, что бороться бесполезно. Потом он отказывается от полноценной защиты и соглашается с готовой версией следствия. А дальше эта версия начинает жить уже как установленная правда. И пострадать может вся человеческая жизнь. Не потому, что закон не позволял защитить человека, а потому, что никто не попытался использовать всё, что он давал.

Вероника Степановна немного помолчала, глядя в окно.

— Да вот так и живёшь на свете, Георгий. На работу ходишь, концы с концами сводишь. Думаешь, никого не трогаешь — и тебя никто не тронет. А потом вдруг со всех сторон… И где тут самому разобраться? Никто человека и слушать не хочет.

Она покачала головой, словно вспомнила что-то, давно подтверждавшее эту мысль. Потом посмотрела на Георгия.

— Спасибо вам. Вот ведь правда — сам Бог привёл вас на помощь.

Георгий положил вилку.

— Работы у нас ещё много. То, что я сегодня услышал и понял, теперь нужно доказывать.

— Я понимаю.

Она кивнула, но через мгновение добавила:

— Только мне всё равно легче стало. А то утром я…

Вероника Степановна подняла на него глаза.

— Простите меня.

— Вам не за что просить прощения.

— Я совсем растерялась.

— В такой ситуации растерялся бы любой. И вы, кстати, сделали всё правильно. Позвонили Сергею, поговорили со мной, никому ничего не обещали и ничего не подписывали. Мы пока не опаздываем, но и торопиться вслепую тоже не будем.

— А что дальше?

— Сегодня нужно дождаться звонка Дмитрия, Валиного отца. Сейчас они в больнице, Валю осматривают врачи.

— Вы с ними говорили?

— Да. Они очень напуганы. Видно, что несколько дней живут в сильном напряжении. Даже реакция Валиной матери на утренний звонок была понятной: незнакомый человек, адвокат из Москвы, вдруг начинает спрашивать о драке и Сергее. Надеюсь, сегодня мы ещё встретимся. Нужно помочь им оформить заявление о нападении на Валю, приложить медицинские документы и добиться его регистрации.

— А к следователю?

— Завтра утром пойду к Лизавете Петровне. Сегодня до неё уже не добрался. Официально вступлю в дело и выясню, какие процессуальные решения уже приняты. Но раскрывать всю нашу позицию, пока она держится только на словах Сергея, я не собираюсь.

Вероника Степановна слушала и постепенно понимала, сколько маленьких и больших дел необходимо сделать, прежде чем механизм защиты начнёт работать.

Дождаться заключения врачей. Получить документы. Написать заявление. Добиться регистрации. Поставить

вопрос о признании Вали потерпевшим. Найти свидетелей. Сопоставить их слова.

И только после этого предъявлять следствию не просьбу поверить Сергею, а последовательность подтверждённых обстоятельств.

— Пока у нас всё получается, — сказал Георгий. — Надеюсь, так будет и дальше.

— Дай Бог, — ответила Вероника Степановна.

Она поднялась, налила чай и поставила перед Георгием чашку. Он сделал несколько глотков, потом посмотрел на Кузю, снова устроившегося на подоконнике.

— Вероника Степановна, а почему Сергей живёт с вами? Где его родители?

Она замерла с вилкой в руке.

Потом медленно положила её на тарелку.

На глазах появилась влага, но это были уже не те слёзы, с которыми она встретила Георгия утром. Тогда в них был один страх. Теперь словно понемногу возвращалась способность вспоминать не только нынешнюю беду, но и всю прожитую рядом с Сергеем жизнь.

Возле неё сидел человек, которого она сама накормила. Они говорили на понятном человеческом языке — без крика, угроз и чужой уверенности в том, что всё уже решено.

— Тогда надо с самого начала, — сказала она.

Вероника Степановна стала рассказывать не торопясь. Иногда останавливалась, словно доставала события из очень далёкого времени и проверяла, не перепутала ли чего-нибудь за прошедшие годы.

Сергей был её родным племянником, сыном младшей

сестры. Семья жила в Севостьянове — в той самой деревне, возле которой теперь произошло столько всего.

— Его туда постоянно тянуло, — сказала Вероника Степановна. — Я сначала сердилась. Думала: чего он там забыл? А потом поняла. Для него это всё равно место, откуда он начался.

Она и сама была родом из Севостьянова. Потом уехала учиться, устроилась в городе. Младшая сестра осталась в деревне и там вышла замуж.

Отец Сергея работал трактористом. Был сильным, резким и серьёзным человеком. Большого достатка в семье не было, но поначалу жили, как многие: дом, печь, огород, несколько соседей, знавших друг о друге почти всё.

— Работящий был. Руки золотые. Только пил много. И на трактор пьяным садился, сколько его ни просили.

Сергею ещё не исполнилось четырёх, когда на скользкой дороге трактор съехал с насыпи, несколько раз перевернулся и свалился в глубокую болотную яму, которую в деревне называли бучилом.

Когда его нашли, спасать было уже некого.

Похороны прошли по-деревенски бедно и тихо. Пришли соседи, немногочисленные родственники, Вероника Степановна. Мужчины заколотили крышку гроба, женщины поставили на стол простую еду. После похорон все разошлись по своим домам, а её сестра осталась одна с маленьким ребёнком и жизнью, с которой совершенно не знала, что делать.

— Она не была плохой, — сказала Вероника Степановна. — Я много лет пыталась понять, почему всё так получилось. Не злая была. Серёжу любила. Просто слабая. После смерти мужа будто потеряла

направление.

Работы зимой в деревне почти не было. Сначала мать Сергея перебивалась случайными заработками, затем всё чаще стала заходить к местным собутыльникам. Поначалу уходила ненадолго. Потом возвращалась через день. Ещё позже стала исчезать на несколько суток.

Неделя за неделей её жизнь смещалась в сторону другого мира, где не нужно было принимать решения, искать работу и думать о завтрашнем дне. Алкоголь ненадолго заглушал боль, но вместе с ней забирал и оставшиеся силы.

Дом всё чаще оставался на маленького Сергея.

В четыре с половиной года он уже умел топить печь. Брал по одному полену, осторожно открывал дверцу и следил, чтобы огонь не погас. Ел засохший чёрный хлеб, варил оставленные матерью макароны и делился едой с чёрным котёнком Кузей.

Кот, услышав своё имя, приподнял голову.

Георгий посмотрел на него.

— Это тот самый Кузя?

— Тот самый. Они вместе выросли. Серёжа его ещё котёнком возле сарая нашёл.

Кузя медленно моргнул и снова положил голову на лапы.

Иногда мать возвращалась с пакетом еды. Ставила его на стол, не поднимая глаз, и сразу ложилась спать. Словно принесённые продукты должны были оправдать её отсутствие и доказать, что уходила она ради сына.

Только на следующий день, ближе к обеду, она начинала приходить в себя. Вместе с трезвостью возвращалось понимание, что нужно менять жизнь.

Несколько дней мать Сергея убирала в доме, готовила, обещала себе больше никуда не ходить.

Потом раздавался телефонный звонок или кто-нибудь стучал в окно.

Она говорила, что выйдет ненадолго, и снова исчезала.

Вероника Степановна жила в соседнем городке. Работала в больнице завхозом и дополнительно брала полставки уборщицы. Денег было немного, но каждые выходные она приезжала в деревню.

Привозила продукты, убирала дом, стирала одежду, готовила еду на несколько дней и раскладывала всё так, чтобы Сергей мог сам найти. В воскресенье вечером уезжала последним автобусом, потому что утром нужно было выходить на работу.

В будни оставался телефон.

Вероника Степановна звонила утром, в обед и перед сном. Маленький Сергей уже знал, кто его ищет. Снимал трубку и радостно говорил:

— Алё, тё!

Поначалу все женщины для него делились только на «ма» и «тё». Других обозначений ему не требовалось.

— Я по телефону проверяла, поел ли он, затопил ли печь, закрыта ли дверь. Иногда он долго не хотел класть трубку. Я говорила: «Серёжа, положи её возле кровати, я вечером ещё позвоню». А что ещё могла сделать?

Она неоднократно пыталась поговорить с сестрой. Приезжала, дожидалась возвращения, просила остановиться и подумать о сыне.

Ответ почти всегда был одинаковым:

— Да знаю я. Не учи меня. Зимой работы нет. Лето придёт — буду ягоды и грибы собирать, продавать. А

сейчас не души, иначе вообще с тобой разговаривать перестану.

Решение каждый раз откладывалось на лето.

Пока взрослые не могли собраться с силами, Сергей рос. Очень рано он усвоил, что не следует ждать, пока кто-нибудь придёт и сделает необходимое.

Хочешь не замёрзнуть — затопи печь.

Хочешь есть завтра — не доедай всё сегодня.

Страшно одному — держись рядом с котом и дворовыми собаками. С ними было теплее, веселее и безопаснее.

Эти простые правила сделали из маленького Серёжи человека, привыкшего рассчитывать прежде всего на себя.

Однажды мать ушла и не вернулась ни на следующий день, ни через два. На третий Вероника Степановна не выдержала, отпросилась с работы и первым автобусом поехала в деревню.

Дверь оказалась незапертой.

В доме работал телевизор. Перед ним, закусывая сухарями, сидел Сергей. На нём была связанная тётушкой кофта, надетая задом наперёд, и толстые вязаные носки. Рядом лежал Кузя.

Сергей не плакал и не ждал у окна. Он уже привык оставаться один и воспринимал это как обычную жизнь.

Услышав, что кто-то вошёл, оглянулся.

Вероника Степановна стояла в дверном проёме. Смотрела на маленького хозяина пустого дома, а по её щекам текли слёзы.

— Привет, тё! — обрадовался Сергей.

Он вскочил, побежал к ней и обхватил руками её

ноги.

Вероника Степановна опустилась на колени, прижала его к себе и уже не смогла отпустить.

— Я тогда поняла, что больше его здесь не оставлю. Не знала ещё, что буду говорить сестре, как всё оформлять и имею ли вообще право забирать её ребёнка. Но уйти без Серёжи уже не могла.

Она собрала немногочисленные вещи племянника, одела его, посадила рядом с собой, а на столе оставила записку:

«Сестра, я забрала Серёжу к себе. Не волнуйся. Когда сможешь, приезжай.

Вероника».

Эту записку мать Сергея не прочитала.

Домой она больше не вернулась.

Через несколько дней Веронике Степановне позвонили из районной больницы. Сестра вместе с несколькими местными собутыльниками выпила денатурат. Её доставили ещё живой. На короткое время она пришла в сознание, затем снова потеряла его и через восемь часов умерла.

— Я потом много раз думала, что не нашла нужных слов, — произнесла Вероника Степановна. — Приезжала, ругалась, уговаривала. Но тех слов, которые могли бы её остановить, так и не нашла.

Георгий молча слушал.

— Иногда таких слов просто не существует, — сказал он.

Вероника Степановна посмотрела на него и едва заметно кивнула.

После смерти сестры Сергей остался в её небольшой квартире на втором этаже старого дома. Потом были

опека, справки, комиссии, разговоры с людьми, которые решали, достаточно ли у неё места, денег и здоровья, чтобы воспитывать ребёнка.

Всё это она прошла.

Так изменилась жизнь их обоих.

Вероника Степановна была застенчивой, немного старомодной и совершенно не умела говорить о чувствах. Не строила больших планов, жила на небольшую зарплату и редко заглядывала дальше следующего месяца. Но заботилась о Сергее с огромной любовью.

Училась быть для него не только тётушкой, но и единственным родным человеком.

А Сергей привыкал к дому, из которого никто не исчезал на несколько дней. Здесь еда всегда лежала на своём месте, вечером зажигался свет, а утром Вероника Степановна уходила на работу и обязательно возвращалась.

— Он и сейчас такой, — сказала она. — Всё старается решить сам. Думает: если случилась беда, значит, нужно самому придумать, как из неё выбраться. Помощи ждать не умеет.

Георгий отодвинул пустую тарелку.

Теперь побег Сергея становился для него понятнее. Подросток не просто испугался милиции. В трудную минуту он поступил так, как привык поступать с раннего детства: не стал ждать, пока взрослые решат его судьбу, а начал спасать себя сам.

— Вы его спасли, — сказал Георгий.

Вероника Степановна покачала головой.

— Мы друг друга спасли.

Кузя всё это время лежал на подоконнике и следил за

разговором. Иногда поворачивал уши на голос хозяйки, словно тоже помнил деревенский дом, печь и маленького мальчика, делившегося с ним последним куском хлеба.

В наступившей тишине неожиданно зазвонил мобильный телефон Георгия.

Он достал его из кармана пиджака и ответил:

— Да, слушаю.

— Георгий? Это Дмитрий, Валин отец.

Голос был расстроенным и усталым.

— Да, Дмитрий. Что сказали врачи?

— Два ребра сломаны. Сотрясение мозга. Носовая перегородка смещена. Мы только из больницы вернулись.

Георгий сразу поднялся из-за стола.

— Какие документы вам выдали?

— Справку и заключение. Всё у меня.

— Сохраните их и никому пока не отдавайте. Вы дома?

— Дома.

— Я сейчас к вам приеду.

Он закончил разговор и надел пиджак.

— Простите, Вероника Степановна. Мне нужно ехать к Вале.

— Конечно. Я вам еду заверну.

— Не надо, спасибо. Вы и так меня прекрасно накормили.

Она проводила его до двери.

— А вы ещё сегодня заедете, Георгий? — спросила Вероника Степановна.

Георгий посмотрел на часы.

— Сегодня, скорее всего, уже нет. Завтра обязательно.

Но вечером, как всё закончу, сначала позвоню Сергею, потом вам и всё расскажу.

Он уже шагнул на лестничную площадку, когда Вероника Степановна вдруг спросила:

— Ой, а ночевать вы где будете?

В её голосе прозвучала простая человеческая забота, словно за сегодняшний день Георгий перестал быть для неё чужим человеком.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал он и улыбнулся. — Вечером я вам позвоню.

— Спасибо, Георгий.

Она осталась стоять в открытых дверях и смотрела, как он спускается по лестнице.

— Вам спасибо, — отозвался Георгий, обернувшись с нижней ступени.

Вероника Степановна закрыла дверь только после того, как его шаги начали удаляться вниз.

Кузя остался на подоконнике. Через стекло он проследил, как Георгий вышел из подъезда, быстро направился к чёрному «Шевроле» и открыл водительскую дверь.

История Сергея была рассказана.

Но для следствия одной истории было мало. Теперь её предстояло перевести на другой язык — язык медицинских документов, заявлений, протоколов и показаний.

Именно от этого могло зависеть его будущее.

Добуж. Районная прокуратура. Кабинет Никиты. Вечер.

В кабинете Никиты стало непривычно тихо.

Следователь положил перед Дэном копию составленного накануне протокола задержания и новый протокол допроса.

— Здесь указано время фактического задержания. Ниже стоят ваша вчерашняя подпись о разъяснении прав и отметка о получении копии. Всё верно?

Денис, которого опера ещё со вчерашнего дня буднично называли Дэном, несколько секунд смотрел на собственную подпись, затем отодвинул копию протокола.

— Значит, всё-таки оставляете?

— Вы по-прежнему задержаны по подозрению в совершении преступления, — уточнил Никита. — Вопрос о дальнейшем содержании под стражей будет решаться отдельно.

— А ночевать я где буду?

Никита не ответил сразу.

— В изоляторе временного содержания.

Дэн усмехнулся.

— Тогда для меня разница небольшая.

Светлана Викторовна сидела напротив него. На коленях лежала раскрытая папка, но уже несколько минут она ничего в неё не записывала.

До её приезда Никита успел провести первичный допрос Дэна как подозреваемого — после его письменного отказа от защитника. Теперь прежний протокол лежал на краю стола, а рядом находились новые листы для повторного допроса уже с участием адвоката.

Перед началом допроса Светлана Викторовна поговорила с Дэном наедине. Он уверял её, что никого не убивал, в дом Анастасии Сибих не заходил и всё уже

рассказал следователю.

— Тогда повторите это в моём присутствии, — сказала она. — Не торопитесь. Отвечайте только о том, что видели сами.

В новом допросе Никита не стал просто ссылаться на прежние показания. Он снова прошёл с Дэном весь путь: как к нему в Чашкино на «Волге» приехали Рыбкин, Тимоха Сивый и Малой; как затем все четверо отправились в Тулино за самогоном; как от дома Анастасии Сибих поехали к клубу, а оттуда вернулись в Чашкино уже без Рыбкина, который остался лежать возле клуба.

Дэн повторил, что к дому не подходил, внутрь не заходил и всё время оставался в машине. Рыбкин, Тимоха Сивый и Малой ушли без него, а когда вернулись, ничего не объяснили. Потом все поехали в клуб.

На этом в рассказе появилась другая часть.

Возле клуба их снова было четверо. Дэн подтвердил, что вошёл в тамбур вместе с Рыбкиным и двумя другими мужчинами. Собственное участие он по-прежнему уменьшал. Говорил, что больше разнимал, хватал то одного, то другого и не помнит, ударил ли кого-нибудь руками.

Но главное повторил.

Конфликт начался с их стороны.

Рыбкин первым задел или толкнул Валю, затем ударил его. Сивый и Малой подключились. Валю повалили и продолжили бить ногами. Сергей вмешался уже после того, как нападение началось.

Дэн повторил и то, как после ранения Рыбкина Сивый обыскал лежавшего на земле Рыбу, нашёл ключи от

«Волги» и передал их ему. После этого Дэн сел за руль, и они втроём уехали в Чашкино.

О самой драке Дэн рассказывал как о малозначительной пьяной потасовке, которая внезапно закончилась смертью Рыбкина.

Для Светланы Викторовны каждое его слово имело другой вес.

Четверо взрослых мужчин.

Двое подростков.

Тесный тамбур.

Первый толчок.

Удары по Вале.

Продолжающееся избиение.

И только после этого — орудие в руке Сергея.

В течение последних дней Светлана Викторовна видела лишь результат: погибший мужчина и скрывшийся подросток. Теперь перед ней впервые возникало начало происшествия.

Возможно, именно эти люди незадолго до драки убили Анастасию Сибих и подожгли её дом. Однако само по себе это не давало Сергею права причинять им вред. Он не мог обороняться от преступления, о котором не знал и которое к тому времени уже закончилось.

Но возле клуба происходило новое нападение.

И Дэн, сам находившийся среди нападавших, это подтверждал.

Светлана Викторовна смотрела куда-то поверх стола. Взгляд перестал цепляться за предметы. Она вспоминала собственные слова, сказанные Веронике Степановне: пусть Сергей приезжает, признаётся, иначе будет только хуже. Вспоминала, как уверенно объясняла Георгию, что статья 37 здесь не действует и что

московские рассуждения не имеют отношения к настоящей практике.

Ещё немного — и она сама привела бы шестнадцатилетнего подростка в прокуратуру с уже подготовленной для него версией признания. Убедила бы не спорить, не сопротивляться, не осложнять положение. Села бы рядом и проследила за правильностью протокола, в котором его действия окончательно закрепились бы как преступление.

Не следователь.

Не прокурор.

И даже не суд.

Первой отказалась поверить Сергею именно его адвокат.

— Светлана Викторовна, — позвал Никита.

Она вздрогнула.

— Да?

— Посмотрите протокол. Замечания будут?

Она заставила себя сосредоточиться, взяла листы и ещё раз прочитала формулировку основания задержания. Проверила время, разъяснение прав и отметку о вручении копии.

— Здесь допишите, что защитник присутствовал с момента начала допроса подозреваемого.

Никита внёс дополнение.

— Ещё что-нибудь?

— Пока нет.

Она закрыла папку.

Стас поднялся со стула. За последние несколько часов он устал настолько, что уже не пытался скрывать этого.

— Пойдём, — сказал он Дэну.

Денис встал, но, прежде чем направиться к двери,

посмотрел на Светлану Викторовну.

— Вы завтра придёте?

Она не сразу нашла ответ.

Теперь интересы Дэна и Сергея соприкоснулись. Более того, могли оказаться прямо противоположными. Дэн находился среди людей, напавших на Валю и Сергея, а его показания становились частью защиты подростка.

Формального соглашения с тётушкой Сергея Светлана Викторовна не заключала и в дело как защитник не вступала. Но она уже дала семье юридический совет и знала их позицию. Даже если прямого юридического запрета не существовало, внутренне оставаться адвокатом Дэна она больше не могла. И даже не хотела дальше приближаться к его делу.

Казалось, разговор с Георгием не закончился. Теперь он продолжался словами Дэна, который подтверждал многое из услышанного утром и раскрывал картину ещё шире.

— Вам будет назначен другой защитник, — сказала она. — Сегодня я прослежу, чтобы все документы оформили правильно.

— Я не про какого-нибудь адвоката спрашиваю. Вы придёте?

— Нет. Этот вопрос нужно решить до следующего допроса. Я уже оказывала помощь другому участнику событий, и теперь между вашими интересами может возникнуть противоречие.

Дэн внимательно посмотрел на неё, но, кажется, понял только последнее слово.

— Значит, опять нового дадут.

— Дадут.

Стас вывел его из кабинета.

Светлана Викторовна собрала бумаги и тоже вышла в коридор. Ей хотелось как можно быстрее покинуть прокуратуру, добраться до своего кабинета и спокойно разобрать всё, что произошло.

Навстречу ей шла Лизавета Петровна. В одной руке она держала толстую папку, в другой — огромную связку ключей.

— Света, ты чего такая напряжённая?

Светлана Викторовна остановилась.

Лизавета Петровна посмотрела ей в лицо внимательнее.

— Я тебя такой потерянной ещё не видела. У тебя всё нормально?

— Да… Всё нормально. Устала за день.

Она кивнула в сторону кабинета Никиты.

— А ты что, защитником приходила? У кого?

— По убийству в Тулино. Там, где дом сгорел.

— Так ты же у Мартынова вроде?

Лизавета Петровна подошла к двери своего кабинета и начала перебирать ключи.

— Вот и я о том же, — сказала Светлана Викторовна. — Никите уже сказала, что задержанному придётся назначить другого адвоката.

Лизавета Петровна нашла нужный ключ и вставила его в замок.

— Зайди, кофе попьём.

Заходить Светлане Викторовне не хотелось. Хотелось уйти, остаться одной и дать мыслям хотя бы немного улечься. Но отказаться было неудобно.

Она вошла следом.

Кабинет Лизаветы Петровны выглядел так, словно

работа в нём никогда не прекращалась. На столе лежали несколько раскрытых дел, возле стены стояла дополнительная стопка папок, не поместившихся в шкаф. На подоконнике теснились электрический чайник, банка растворимого кофе и две разномастные чашки. Рядом в небольшом блюдце лежало несколько конфет.

Лизавета Петровна положила папку на стол, рядом бросила ключи. Металл тяжело звякнул. Затем принялась раскладывать принесённые бумаги.

— Ты мне лучше скажи: когда твой Мартынов появится? Мы его сколько ещё ждать должны?

При упоминании Сергея Светлана Викторовна снова посмотрела на неё.

— Не знаю.

— Как это — не знаешь? Ты же его адвокат.

Светлана Викторовна немного помедлила.

— Уже нет. У него теперь другой адвокат. Из Москвы.

Лизавета Петровна перестала перебирать бумаги.

— Я не поняла. Что ещё за адвокат? Ты же мне сказала, что ты…

Светлана Викторовна отвела глаза.

— Теперь не я.

— А кто?

— Я его почти не знаю. Из Москвы приехал. Георгий зовут.

— Быстро у вас всё поменялось, — хмыкнула Лизавета Петровна.

Она подошла к подоконнику, налила в чайник воду и нажала кнопку.

— Всё равно пусть Мартынов приезжает. Будем разбираться. Не можем же мы бесконечно ждать, пока

он где-то бегает.

— Чай будешь?

— Нет.

— А я себе сделаю. Голова уже не соображает.

Светлана Викторовна осталась стоять.

— Лиза, ты знаешь, что задержанный Никиты связан с дракой возле клуба?

— Дэн который? Слышала. Он там был.

Лизавета Петровна обернулась.

— Никита ко мне заходил. Я как раз собираюсь запросить копии его допросов, а потом сама поговорю с ним по Мартынову.

Она посмотрела на Светлану Викторовну внимательнее.

— Подожди. Так это ты его сейчас защищала?

— Меня вызвали по назначению.

— Вот это совпадение.

— Это не совпадение, Лиза. Это конфликт интересов. После того, что выяснилось на допросе, Никите придётся назначить Дэну другого защитника.

— Но дела разные.

— Дела разные. Участники одни.

— И что?

— Я уже оказывала Сергею юридическую помощь. Знаю позицию его семьи. А Денис находился среди тех, кто напал на него и Валю. Его показания могут защищать одного и одновременно ухудшать положение другого. Я не имею права оставаться между ними.

Лизавета Петровна мельком, с лёгким прищуром, посмотрела на неё.

— Что-то принципиальная стала, Свет.

Светлана Викторовна ничего не ответила.

— Ну и ладно, — продолжила Лизавета Петровна. — Значит, дадут Дэну другого адвоката. Не вижу проблемы.

Она открыла банку с кофе и потянулась за ложкой.

— Всё-таки кофе выпью. Чая за день уже напилась.

Светлана Викторовна села на стул возле стола.

— Лиза, а после того, что рассказал Дэн… для тебя что-нибудь изменилось?

Лизавета Петровна посмотрела на неё.

— В каком смысле?

— В том, как ты видишь драку.

— А что должно было измениться?

— Он подтвердил, что конфликт начали Рыбкин и остальные. Что Валю Сугробова повалили и били ногами.

— Это со слов Дэна.

— Да, конечно.

Светлана Викторовна произнесла это почти сразу, словно боялась, что Лизавета Петровна услышит в её вопросе возражение.

— Дэн неоднократно судим, — продолжила та. — Сейчас сам спасается от обвинения в убийстве. Он что угодно расскажет, лишь бы отвести от себя подозрение.

— Я понимаю.

— Тем более очень удобно всё свалить на погибшего. Рыбкин начал, Рыбкин ударил, Рыбкин во всём виноват. А Дэн рядом стоял и всех разнимал.

— Да, это может быть так.

Лизавета Петровна высыпала кофе в чашку.

— Тогда к чему ты ведёшь?

Светлана Викторовна опустила взгляд на лежавшую у неё на коленях папку.

— Ни к чему. Просто ситуация может быть

неоднозначной.

Лизавета Петровна чуть скривила лицо.

— Валя Сугробов — друг Мартынова. Дэн защищает себя. Оба заинтересованы.

— Конечно.

Она снова согласилась слишком быстро.

Чайник ещё только начинал нагреваться. Внутри него тихо зашумела вода.

— Ты знаешь, что Дэн был с ними возле дома Анастасии Сибих? — спросила Светлана Викторовна.

— Знаю. Но пока это только версия.

— Да.

— И какое отношение убийство Анастасии имеет к Мартынову? Даже если Рыбкин её убил, это не давало Сергею права всадить в него нож или отвёртку. Орудие, кстати, так и не нашли.

— Я не это имела в виду.

— А что?

Светлана Викторовна замялась.

— Они могли только что совершить убийство.

Лизавета Петровна поставила пустую чашку на стол и посмотрела на неё.

— И что? Ты хочешь сказать, что один плохой человек имеет меньше прав, чем другой?

— Нет, конечно.

— Тогда их возможная причастность к убийству Анастасии здесь вообще ни при чём.

— Да. Ты права.

Светлана Викторовна услышала собственный ответ и на мгновение замолчала. Ей снова стало легче оттого, что она согласилась. Разговор сразу возвращался в привычное безопасное русло: Лизавета Петровна

объясняла, а она слушала и не создавала лишних трудностей.

Только теперь это облегчение почти сразу сменилось неприятным чувством.

Чайник щёлкнул и выключился.

Лизавета Петровна залила кофе кипятком, несколько раз звякнула ложкой о стенки чашки, затем взяла из блюдца конфету и развернула её.

— Я уже допрашивала Валю Сугробова, — сказала она. — Он тоже говорил, что конфликт начался в тамбуре. Скорее всего, из-за девчонок — сама знаешь, как бывает. Слово за слово, и пошло-поехало.

Она отпила кофе и положила конфету в рот.

— Но даже если драку начали Рыбкин и его люди, Мартынов отошёл к машине, взял отвёртку, вернулся и нанёс удар. Человек погиб. Что давало ему право убивать человека из-за банальной драки?

Светлана Викторовна кивнула.

Именно так утром рассуждала она сама. Почти теми же словами отвечала Георгию. Но тогда каждый из этих фактов казался ей окончательным. Теперь между ними появились другие: лежащий на земле Валя, несколько взрослых мужчин, удары ногами и Сергей, который требовал прекратить избиение.

— Московский адвокат считает, что здесь может быть необходимая оборона, — сказала она.

В последних словах ей хотелось оставить немного насмешки — будто она лишь передавала чужое, слишком смелое предположение.

Но насмешки не получилось.

— Ну конечно, — ответила Лизавета Петровна. — Для того он и приехал.

— Он говорит, что нужно смотреть, продолжалось ли нападение в момент удара.

— Это и без московского адвоката понятно.

— Да, разумеется.

— Только сам Мартынов пока ничего нам не рассказал. По показаниям выходит, что он сбегал к машине за отвёрткой, вернулся, ударил Рыбкина и скрылся. Всё остальное строится на словах его друга и человека, которого сейчас подозревают в другом убийстве.

— Я понимаю.

Лизавета Петровна посмотрела на неё внимательнее.

Светлана Викторовна поправила лежавшую на коленях папку.

— Я просто пытаюсь понять, меняется ли что-нибудь, если выясняются такие детали.

— Проверить их нужно. Но пока для меня ничего не изменилось.

— Понятно.

— Есть погибший. Есть удар отвёрткой в жизненно важный орган. Есть Мартынов, который после этого уехал и скрывается. То, что перед этим произошла драка, мы и раньше знали.

— Да.

Лизавета Петровна некоторое время жевала конфету, не сводя со Светланы Викторовны глаз.

— А ты сама что думаешь?

Светлана Викторовна не ответила.

Вопрос оказался слишком прямым.

Она могла ещё раз повторить слова Георгия. Рассказать, почему возможность уйти не лишает человека права на оборону. Перечислить

обстоятельства, которые нужно проверить. Сказать, что один удар и прекращение действий сразу после окончания нападения имеют значение.

Но всё это уже было бы её собственной позицией.

— Я пока не знаю, — сказала она. — Поэтому и спросила тебя.

— Вот и не торопись. Сначала пусть Мартынов появится и сам всё расскажет.

— Конечно.

— Московский адвокат его привезёт?

— Наверное.

— Ты с ним об этом не говорила?

— Нет. Он только сказал, что теперь занимается Сергеем.

Лизавета Петровна отпила кофе.

— Тогда пусть занимается. А когда приведёт своего подзащитного, будем разбираться по фактам, а не по версиям.

Светлана Викторовна кивнула.

— Да. Ты права.

Эти слова снова прозвучали привычно и легко.

Лизавета Петровна отвернулась к столу, раскрыла одну из принесённых папок и начала просматривать документы. Для неё разговор был закончен.

Светлана Викторовна ещё немного посидела, затем поднялась.

— Я пойду.

— Иди. Отдохни немного, а то на тебе лица нет.

— Хорошо.

Она вышла в коридор и тихо закрыла за собой дверь.

В прокуратуре продолжалась обычная работа. Кто-то прошёл мимо с папкой, в дальнем кабинете зазвонил

телефон, возле окна двое сотрудников переговаривались вполголоса.

Светлана Викторовна медленно направилась к выходу.

Непредвиденный разговор с Лизаветой Петровной сам собой превратился в проверку: изменилось ли что-нибудь после показаний Дэна?

Теперь она знала: для Лизаветы Петровны не изменилось ничего.

А сказать, что изменилось в ней самой, Светлана Викторовна так и не смогла.

Она повторила почти все доводы Георгия, но каждый раз оставляла их ему.

Московский адвокат считает.

Московский адвокат говорит.

Московский адвокат видит здесь необходимую оборону.

Словно собственное мнение могло сделать её неудобной.

От этого внутри всё кипело. С каким правом эта выскочка разговаривала с ней так, будто была старше и опытнее? Будто погоны следователя сами по себе давали ей последнее слово и позволяли решать, какая версия заслуживает внимания, а какая нет?

Светлане Викторовне хотелось вернуться и возразить. Резко, точно, так, чтобы поставить Лизавету Петровну на место. Но ей не хватало не возмущения. Не хватало уверенного профессионального языка, способного превратить увиденную правду в позицию и заставить другого человека её услышать.

Неприятны были и сами эти мысли. Они нарушали привычный порядок, в котором следователь вёл дело, а

адвокат старался не мешать. В котором удобство считалось почти добродетелью, а спор — чем-то лишним и постыдным.

Теперь Светлана Викторовна впервые увидела: неудобная для следователя защита всегда казалась ей чем-то почти неприличным.

И этот стыд ждал её не снаружи.

Она сама носила его в себе.

Словно правда становилась опасной в ту секунду, когда её нужно было

произнести от собственного имени.

Добуж. Квартира Вали. Вечер.

Когда Георгий приехал, отец Вали уже несколько раз перечитал медицинское заключение, хотя едва ли понимал и половину написанного. Он сидел за кухонным столом, положив перед собой справку, и медленно водил пальцем по строкам, будто проверял, не изменятся ли слова, если прочитать их ещё раз.

Переломы двух рёбер.

Сотрясение головного мозга.

Смещение носовой перегородки.

Мать Вали стояла у плиты. Она ничего не готовила — только переставляла с места на место чашки и время от времени поправляла полотенце на дверце шкафа. В квартире пахло лекарствами, крепким чаем и чем-то варёным, остывшим ещё днём.

Сам Валя вышел из комнаты, услышав голос Георгия. Двигался осторожно, слегка придерживая бок. Лицо всё ещё оставалось опухшим, под глазами темнели синяки,

на переносице белела повязка. Однако выглядел он бодрее, чем утром.

Не потому, что ему стало легче физически.

Просто впервые кто-то услышал то, что он пытался сказать с самого начала. Его слова перестали считать оправданием Сергея и начали воспринимать как рассказ о том, что действительно произошло.

Отец поднял справку.

— Два ребра, — произнёс он. — Сотрясение… Нос сломали. Вот гады.

Последние слова он сказал тихо, почти без злости. Настоящая злость ещё не пришла — ей мешало чувство вины за то, что он сам не сразу поверил сыну.

Георгий снял пальто и сел напротив.

— Оригиналы документов никому не отдавайте. Снимем копии и приложим к заявлению.

При слове «заявление» лицо отца изменилось. Он отложил справку и сразу посмотрел в сторону коридора, словно уже увидел за дверью милиционеров, следователей и бесконечные вызовы на допросы.

— Какое ещё заявление? Мы уже всё рассказали. Может, хватит его таскать? Ему и так досталось.

— Не хватит, Дмитрий, — спокойно ответил Георгий. — Пока Валя не заявил об избиении, в деле он остаётся просто знакомым Сергея, который оказался рядом. Его травмы могут упомянуть между прочим, а могут вообще вынести за скобки. Тогда следствие будет видеть погибшего Рыбкина и Сергея с отвёрткой. А того, с чего всё началось, в материалах не будет.

— Но справка же есть.

— Справка подтверждает травмы. Она не объясняет, кто и при каких обстоятельствах их причинил. Для

этого нужно заявление, затем проверка и постановление о признании Вали потерпевшим.

Отец помолчал.

— И опять начнут вызывать?

— Вопросы будут задавать в любом случае. Но есть разница: Валя может проходить как приятель Сергея, заинтересованный в его защите, а может — как человек, которого избивали четверо и которого Сергей пытался защитить. Сейчас нам нужно, чтобы следствие официально проверяло вторую версию, а не делало вид, будто её не существует.

Мать Вали перестала переставлять чашки.

— Дима, надо ехать, — сказала она. — Раз мальчика били, значит, надо написать.

— Тебе легко говорить…

— Пап, Сергей правда меня спас.

Отец обернулся.

Валя стоял в дверях, придерживаясь рукой за косяк. Говорить ему было больно: при каждом глубоком вдохе повреждённые рёбра напоминали о себе. Но в голосе уже не слышалось ни просьбы, ни желания оправдаться.

— Меня били, — повторил он. — Я упал, а они всё равно били. Сергей остановил их. Если я сейчас промолчу, получится, что он просто так на них набросился.

Отец долго смотрел на сына.

Валя не выглядел слабым подростком, которого пришлось спасать. В эту минуту он сам защищал друга — единственным способом, который у него оставался: правдой, сказанной вслух и записанной на бумаге.

— Я поеду, — сказал Валя. — Даже если вы не поедете.

Отец опустил глаза. Губы едва шевельнулись — на языке уже вертелось привычное язвительное: «Доездился». Но он сдержался. Теперь эти слова казались ему стыдными — словно, произнеся их, он снова отказался бы услышать сына.

Он поднял взгляд.

— Куда ты один поедешь? Собирайся.

Мать принесла сыну куртку и помогла осторожно просунуть руку в рукав.

— Только не спешите, — сказала она. — И не держите его там полночи.

— Постараемся, — ответил Георгий, хотя обещать этого не мог.

Когда чёрный «Шевроле» остановился возле районного отдела милиции, сумерки уже сгущались. В окнах горел свет, над входом тускло желтела лампа.

Валя, сидевший на заднем сиденье, вдруг подался вперёд.

У боковой стены отдела стоял красный «Запорожец». Выбитое заднее стекло затянули куском мутного полиэтилена. Ветер то вдавливал его внутрь, то снова выталкивал наружу. На колёсах засохла грязь.

— Вон наш «Запорожец», — сказал Валя.

Он не сразу открыл дверь.

За полиэтиленом темнел знакомый салон.

На мгновение вернулось всё: дребезжание кузова, неровная ночная дорога из Севостьянова, надсадный гул мотора. Каждая яма встряхивала машину и отзывалась болью во всём избитом теле. Слева, вцепившись в руль, сидел Сергей и всматривался в темноту впереди.

Теперь «Запорожец» стоял возле стены — пустой и заглушённый. Полиэтилен продолжал вздрагивать в

разбитом окне.

Георгий посмотрел сначала на машину, потом на Валю, но ничего не спросил.

Они вышли из «Шевроле». Дмитрий придержал заднюю дверь, пока сын осторожно выбирался из салона. Проходя мимо «Запорожца», Валя замедлил шаг, однако останавливаться не стал.

Георгий посмотрел на затянутое полиэтиленом окно.

— Когда вы ехали из Севостьянова, заднее стекло уже было разбито?

— Нет, — ответил Валя.

Георгий ещё раз взглянул на машину и кивнул, запоминая эту деталь.

Затем они поднялись по ступеням крыльца и вошли в районный отдел милиции.

В дежурной части горел жёсткий белый свет. За стеклом сидел дежурный. Перед ним лежала раскрытая книга, стояли два телефона и пепельница с несколькими раздавленными окурками. Из коридора тянуло мокрой тряпкой, старым линолеумом и дешёвым табаком.

Георгий положил перед дежурным медицинское заключение.

— Хотим подать заявление о преступлении. Заявитель несовершеннолетний, отец присутствует.

Дежурный посмотрел сначала на Валю, затем на его перевязанное лицо.

— Пишите.

Валя сел за край стола. Ручку держал уверенно, но после первых строк остановился: наклоняться было больно. Отец потянулся к листу.

— Давай я.

— Пусть пишет сам, — негромко сказал Георгий. — Если сможет.

Он сел рядом, оставив перед Валей чистый лист.

— Пиши только то, что видел и помнишь. Без предположений. Начни: «Прошу провести проверку, установить и привлечь к уголовной ответственности неизвестных мне лиц…»

Валя медленно вывел первые слова.

Отец стоял у него за спиной и тяжело дышал.

Георгий помогал Вале выстроить заявление в правильной последовательности. Когда дошли до описания повреждений, он остановил его:

— Валя, когда тебя били, ты боялся за свою жизнь и здоровье?

Валя поднял на него глаза.

— Да.

— Тогда так и напиши. Это важно.

Валя снова склонился над листом, но почти сразу спросил:

— А что писать?

— Пиши: «Во время избиения я испытывал страх и воспринимал происходящее как реальную угрозу своей жизни и здоровью». А последствия ударов подтверждаются медицинским заключением.

Георгий указал на лежавшую перед ними справку.

Дмитрий кивнул.

Шариковая ручка снова задвигалась в пальцах Вали, оставляя на бумаге неровные, прыгающие буквы.

В итоге заявление получилось коротким:

«Прошу провести проверку, установить и привлечь к уголовной ответственности неизвестных мне лиц, которые в указанное время в тамбуре клуба в

Севостьянове, а затем на улице, по неизвестной мне причине напали на меня и стали наносить удары руками и ногами. Нападавших было четверо.

Мой друг Сергей Мартынов вмешался, пытаясь прекратить избиение и защитить меня. После этого он помог мне добраться до машины и увёз домой. Момента, когда Сергей нанёс кому-либо удар, я не видел. Уже в автомобиле Сергей сказал, что ударил того мужчину, который продолжал меня бить.

В результате избиения мне причинены переломы двух рёбер, сотрясение головного мозга и смещение носовой перегородки, что подтверждается медицинскими документами. Во время избиения я испытывал страх и воспринимал происходящее как реальную угрозу своей жизни и здоровью. Прошу признать меня потерпевшим».

Под последней строкой Валя поставил подпись и дату.

Дежурный быстро пробежал заявление глазами, придвинул к себе Книгу учёта заявлений и сообщений о преступлениях и начал заполнять строку. Записал фамилию заявителя, время обращения и краткое содержание сообщения. Затем провёл прямоугольным штампом по синей подушечке и прижал его к заявлению. Вписал дату, регистрационный номер и поставил подпись.

Глухой удар штампа прозвучал неожиданно весомо.

Сам по себе он никого не оправдывал и никого не обвинял. Означал только одно: заявление принято, и теперь по нему обязаны принять решение.

Дежурный заполнил талон-уведомление, оторвал его от корешка и протянул Дмитрию.

— Держите. Номер тот же. Не потеряйте.

Одно это заявление ещё не делало Валю потерпевшим — для этого требовалось отдельное постановление. Но теперь его избиение существовало в материалах самостоятельно и уже не могло раствориться внутри чужого протокола.

Дежурный снял телефонную трубку и набрал внутренний номер.

— Демид? Спустись ко мне. Тут заявление по клубу… Да, по той самой драке.

Демид, дежуривший уже вторые сутки подряд, появился через несколько минут. Рубашка на нём помялась, верхняя пуговица была расстёгнута, под глазами темнели круги. Он провёл ладонью по лицу, посмотрел на Валю и медицинское заключение, затем забрал заявление.

На его лице застыло выражение человека, который давно перестал удивляться тому, что все важные события почему-то происходят ближе к концу смены.

— Проходите, — сказал он.

В кабинете едва помещались стол, четыре разномастных стула и металлический шкаф с перекошенной дверцей. На подоконнике стоял давно остывший чайник.

Демид посадил Валю напротив себя, сел за стол, положил перед собой бланк объяснения и прочитал заявление. Потом взял шариковую ручку и не спеша заполнил верхние графы.

Добравшись до свободного поля, где должен был начаться сам рассказ, он задержал кончик ручки над бумагой, оставив маленькую синюю точку.

— Давай сначала. В клуб приехали во сколько?

Валя начал рассказывать.

Демид задавал вопросы ровным, немного усталым голосом. Он не торопил Валю и не строил собственных версий. Просто раскладывал рассказ по порядку: имена, время, место, количество нападавших, последовательность событий.

Ручка в его левой руке выводила крупные округлые буквы. Строчка за строчкой бланк заполнялся словами.

Георгий сначала стоял рядом, опираясь рукой на спинку свободного стула, затем придвинул его к столу и сел. Он не отвечал вместо Вали. Вмешивался лишь тогда, когда живая последовательность событий начинала превращаться под рукой Демида в привычную служебную формулу.

— Здесь не просто «возникла драка», — негромко сказал Георгий. — Сначала Валю толкнули, потом начали бить. И отдельно укажите, что он видел сам, а что услышал от Сергея уже в машине.

Демид тяжело вздохнул, перечеркнул несколько слов и переписал строку.

При следующем уточнении он вздохнул ещё раз.

Потом перестал.

Демид понял, что Георгий не пытается вложить в рассказ Вали лишнее и не добивается красивых формулировок. Ему было важно только одно: чтобы из объяснения не исчезло главное. Тогда Демид начал сам задавать уточняющие вопросы.

— После того как ты упал, удары продолжались?

— Да.

— Сергея до того, как он помог тебе подняться, видел?

— Нет. Я уже плохо соображал.

— Что он сказал по дороге?

— Сказал, что ударил того, кто меня бил.

— Сам удар видел?

— Нет.

Ручка снова заскользила по бумаге.

Постепенно под округлым почерком Демида на листе проступала ясная картина: нападение началось не со стороны Сергея; Валю продолжали избивать после падения; самого удара Валя не видел, но уже в машине узнал от Сергея, что тот ударил мужчину, продолжавшего его бить.

Для Демида это было ещё одно объяснение, которое нужно закончить до конца смены. Для Георгия значение имело каждое слово, которое останется на бумаге, когда сегодняшний разговор забудут все, кто сейчас находился в кабинете.

В середине объяснения Демид взял медицинское заключение и ненадолго вышел. Вернулся с бледной копией, на которой вдоль края тянулась широкая чёрная полоса. Оригинал он молча отдал Дмитрию, а копию положил рядом с заявлением.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул Руслан.

— Демид, ты… — начал он и, увидев Георгия, улыбнулся: — О, привет, москвич.

— Здравствуй, Руслан.

Оперативник посмотрел на Валю, на его отца, на медицинское заключение и заявление с регистрационным штампом. Затем кивнул Георгию в сторону коридора.

— Выйдешь на минуту?

На улице уже стемнело. Над входом горела тусклая лампа, а сырой весенний воздух после прокуренных кабинетов казался почти холодным.

Руслан спустился на одну ступеньку и заговорил

тише:

— Утром я не до конца понял, зачем ты сюда приехал.

Георгий посмотрел на него.

— А теперь?

— Теперь понял. Поэтому скажу одну вещь.

Руслан оглянулся на дверь.

— Ты про тех четверых из клуба разбираешься?

— Про них.

— Тогда тебе надо знать: прокуратура проверяет их причастность ещё к одному делу. Перед клубом они могли побывать в Тулино. Там женщину убили, дом подожгли. Погибшая — Анастасия Сибих.

Георгий несколько секунд молчал.

— Рыбкин был с ними?

— По нашей версии — да. Обоих первоначально задержали как подозреваемых. Василия после проверки освободили, Дэн пока остаётся задержанным.

Руслан кивнул в сторону стоявшей возле отдела запертой «Волги».

— Вон она. На этой машине они приехали.

Георгий посмотрел на ту самую «Волгу».

— Владельца уже отпустили, — продолжил Руслан. — Он ни при чём. А машину пока не осмотрели, поэтому оставили здесь. Сегодня обоих допрашивали в прокуратуре: и владельца, и Дэна. Дэн утверждает, что в дом убитой не заходил, всё время оставался в машине. Насколько это правда, ещё разбираются. Пока он задержан по подозрению.

— Остальных установили?

— Пока не полностью. Есть имена, клички, места прежних судимостей. Ищут.

— То есть их участие в убийстве ещё не доказано?

Руслан посмотрел на него с одобрением.

— Вот именно. Я говорю тебе это для анализа. Только используй осторожно: пока это не больше чем версия.

— Спасибо.

— Подробностей сам не знаю, — предупредил Руслан. — Поэтому аккуратнее с этой информацией.

— Мне и этого достаточно, — ответил Георгий.

Руслан кивнул и немного прищурился.

— А Мартынова когда к нам привезёшь?

Ещё утром этот вопрос мог прозвучать как напоминание о розыске или требование продолжить погоню. Теперь в нём не было ни угрозы, ни нажима — только будничный рабочий интерес.

Георгий внимательно посмотрел на Руслана.

— Я очень надеюсь, что в ближайшие дни мы приедем вместе. Сам понимаешь: сначала нужно всё подготовить, чтобы здесь на мальчика не смотрели заранее как на преступника, а разобрались по фактам.

— Я понимаю, — сказал Руслан. — Ты не думай, будто нам во что бы то ни стало надо его схватить. Служба есть служба. Но человек должен оставаться человеком.

Георгий улыбнулся.

— Вот на таких, как ты, правда и держится.

Он протянул Руслану руку. Тот крепко её пожал.

— Надеюсь, ещё увидимся, — сказал Георгий.

Руслан улыбнулся.

Георгий вернулся в отдел и направился к кабинету Демида, по дороге обдумывая услышанное.

Новость была важной, но не потому, что возможная причастность Рыбкина и его знакомых к другому убийству могла сама по себе оправдать Сергея. Сергей об этом не знал и не мог защищаться от преступления, о

котором понятия не имел.

Значение было в другом.

Рассказ Вали и Сергея больше не выглядел удобной историей, сочинённой двумя друзьями после гибели человека. Теперь можно было установить всех участников группы, проверить их передвижения до приезда к клубу, состояние, поведение и намерения. Появлялись новые показания и документы, способные подтвердить или опровергнуть, кто именно начал драку возле клуба.

Когда Георгий вернулся в кабинет, Демид уже дописал объяснение и протянул его Вале.

— Читай внимательно. Если что-то не так — говори.

Валя читал медленно, разбирая размашистый почерк Демида. Дважды возвращался к строке о том, что удары продолжались после его падения, затем перечитал предложение, в котором было указано, что самого удара отвёрткой он не видел и лишь по дороге домой услышал от Сергея, что тот ударил мужчину, продолжавшего его бить.

— Всё правильно? — спросил Демид.

— Да.

Демид показал места для подписей. Валя расписался на каждой странице, а в конце написал: «С моих слов записано верно, мною прочитано» — и снова поставил подпись.

Рядом расписался Дмитрий.

Демид скрепил заявление, объяснение и копию медицинского заключения.

Георгий достал из портфеля маленький плёночный фотоаппарат.

— Можно я сфотографирую заявление и объяснение?

Демид посмотрел на фотоаппарат без особого удовольствия, но возражать не стал.

— Только быстро.

Георгий расправил листы и сделал несколько кадров. Вспышка на мгновение выбелила весь стол, регистрационный штамп и уставшие лица сидевших вокруг людей.

Все вместе они покинули кабинет, на прощание поблагодарив Демида. Тот словно давно отвык от простой человеческой благодарности и на мгновение растерялся. Он попытался улыбнуться в ответ, но усталое лицо почти не послушалось.

Когда они вышли из отдела, было без нескольких минут девять.

— Что-то касается нас? — спросил Дмитрий, показывая взглядом на эпизод с Русланом.

Георгий не стал пересказывать все подробности.

— Да, следствие проверяет, не причастны ли нападавшие на Валю ещё к одному убийству, совершённому незадолго до их приезда в клуб.

Дмитрий замер.

— Да ладно…

— Пока это только версия, — уточнил Георгий.

Он приложил палец к губам, давая понять, что этот разговор должен остаться между ними.

Дмитрий всё понял и кивнул.

— Вот сволочи, — тихо выдохнул он и посмотрел на сына.

На этот раз в его взгляде не осталось ни тени сомнения.

На улице они прошли мимо красного «Запорожца». Полиэтилен, натянутый вместо разбитого заднего

бокового стекла, снова хлопнул на ветру.

Валя не оглянулся.

Они сели в «Шевроле», и через несколько минут машина остановилась возле Валиного дома.

— Спасибо вам, — сказал Дмитрий Георгию.

Он протянул руку. Георгий пожал её.

— Мы с вами на связи в любое время.

— Да, конечно. Пойдём, Валя.

— Спасибо, — тихо сказал Валя с заднего сиденья.

— Это тебе спасибо.

Георгий обернулся и протянул ему руку. Валя ответил на рукопожатие.

В эту минуту Георгий видел перед собой уже не просто избитого подростка, которого привезли писать заявление. Перед ним был сильный молодой человек, сумевший через боль добиться, чтобы правда о той ночи была услышана и записана.

— Выздоравливай скорее, — улыбнулся Георгий.

— Сергею привет передавайте.

— Обязательно.

Дмитрий помог сыну выбраться из машины, и они направились к дому.

Он не обнял Валю — понимал, что тому больно, — а просто пошёл рядом, подстраивая шаг под сына.

Валя сначала молчал, потом что-то тихо сказал. Отец наклонился, чтобы услышать, и ответил уже без раздражения.

Георгий смотрел им вслед, пока они не скрылись за дверью подъезда.

День подходил к концу. Нужно было привести записи в порядок и хотя бы несколько часов поспать. Утром предстояло добиваться постановления о признании

Вали потерпевшим и приобщения этих материалов к делу Сергея.

Но главное сегодня уже произошло: появился первый официальный документ, в котором Валя был не случайным участником драки, а избитым человеком, а Сергей — не только подростком с отвёрткой, но и другом, вмешавшимся в продолжающееся нападение.

Государство ещё не поверило их словам.

Но теперь оно было обязано хотя бы их прочитать.

Добуж. Центр города. Вечер.

Светлана Викторовна шла по знакомой улице так, словно оказалась на ней впервые.

К вечеру поднялся ветер, а с неба моросило чем-то средним между дождём и снегом — мелким, холодным, липнувшим к волосам и воротнику.

Возле перекрёстка, на высоком постаменте, стоял старый танк. Она проходила мимо него почти каждый день — иногда по два раза, — но давно перестала замечать. Танк стал частью дороги: тёмная тяжёлая машина над головой, лестница, несколько венков у подножия, выцветшая табличка.

Сегодня Светлана Викторовна остановилась.

Посмотрела на гусеницы, на ствол, вытянутый над улицей, на тёмные металлические борта. И впервые заметила следы времени: краску, лежавшую на металле толстыми неровными слоями, ржавчину, проступавшую вдоль нижнего края.

Теперь она словно видела немного больше, чем ещё утром.

Внутри оставался липкий стыд.

«Как дурочка. Как девочка», — думала Светлана Викторовна, вспоминая встречу с Георгием.

А потом вновь вспыхивала злость — то ли на себя, то ли на Лизавету Петровну. Та говорила буднично и уверенно, словно всё было таким же простым, каким ещё вчера казалось самой Светлане Викторовне.

Она всё понимала. Да, беда была в системе. Следствие, прокуратура и суд шли привычными дорогами. Но она ведь была адвокатом. Её профессия существовала для другого — не для того, чтобы всем было удобно, а для того, чтобы рядом с человеком оставался кто-то, готовый задавать вопросы, даже если остальным от них становилось неудобно.

Как будто она никогда этого не знала.

При мысли о прежних делах у неё закололо в груди. Сколько раз она советовала не спорить? Сколько раз заранее отказывалась от какого-то шага лишь потому, что он мог не понравиться следователю? Сколько человеческих историй она сама помогла уложить в готовую форму, даже не проверив, не осталось ли за её пределами чего-то важного?

Вспомнился и Дэн. Всего час назад его увезли из прокуратуры — снова в камеру, под конвоем.

Только теперь за делами, протоколами и привычной рутиной она вдруг увидела человека. И себя — не частью процедуры, а защитником.

Но это понимание пока не складывалось в решение. Она не знала, как должно быть иначе. Её учили закону, но никто не учил идти против привычного порядка. Она просто работала так, как привыкла.

За несколько часов всё словно переменилось, хотя

вокруг осталось на своих местах. Изменилась только она — и пока ещё не понимала, во что именно. Знала лишь, что что-то внутри уже не позволит ей быть прежней.

Нужно было искать выход.

Дышать стало тяжелее. Светлана Викторовна миновала постамент и пошла вверх по улице. Обычно она не замечала подъёма, но сегодня каждый шаг давался тяжело, словно идти в гору приходилось не только по улице.

«Надо глубже изучать закон. Надо учиться дальше. Я устарела», — думала она, словно выносила себе приговор.

От этих слов становилось только хуже.

Ей вдруг стало страшно, что кто-нибудь увидит её такой. Хорошо, что было холодно. Хорошо, что ветер швырял в лицо дождь со снегом. Если кто-нибудь встретится, всё можно будет списать на погоду.

Светлана Викторовна подняла голову. Над небольшим городком низко висели тяжёлые серые тучи. Их цвет казался продолжением того, что происходило у неё внутри.

Когда подъём закончился, слева показался школьный забор. Когда-то в этой школе училась и она.

Ей захотелось присесть, но рядом не было ни одной скамейки.

Домой идти не хотелось. Там её ждали муж, его вопросы, привычный вечер и необходимость объяснять, почему она выглядит так, словно случилось несчастье.

«Надо остановиться», — подумала она.

Не разбирать сегодня все прежние дела. Не судить себя за десять лет сразу. Просто сделать следующий

правильный шаг.

Завтра она пойдёт к Веронике Степановне.

И извинится.

От одного слова «извинюсь» ей стало страшно. Не потому, что Вероника Степановна могла не простить. Страшно было самой произнести вслух то, что сегодня она наконец поняла.

Но по-другому она уже не могла.

Светлана Викторовна оглянулась. Внизу, возле перекрёстка, над улицей темнел старый танк.

Она повернулась и медленно пошла дальше.

Всё-таки домой.

Москва. Цирк «Синие волки». Вечер.

Сергей сидел под куполом цирка.

Понедельник заканчивался представлением.

То, что ещё вчера он увидел впервые и принял за одно большое чудо, теперь открывалось ему с другой стороны. За манежем, ярким светом, волками и полётами акробатов скрывалась другая жизнь, которой зрители не видели.

За каждым движением стояла работа.

За лёгкостью — бесконечные повторения.

За улыбками — усталость.

За красивым полётом — ремни, страховочные тросы, синяки и люди, остававшиеся в темноте возле лебёдок.

Жуль и Лика больше не были для него частью яркой цирковой картинки. Теперь Сергей знал, как они тренируются, спорят, устают, а потом снова выходят на манеж и делают всё так, будто ничего трудного в этом

нет.

Утром Жуль разбудил его дудочкой и провёл с ним тренировку. Потом была сводная репетиция, на которой Лика летала под самым куполом. Приезжал врач и внимательно осматривал ещё не зажившие повреждения на теле Сергея. Позже появился Антон, и Сергей уже сам показывал ему внутренние проходы цирка, комнату артистов, кухню, манеж и загон с волками.

Потом был вкуснейший ужин.

А теперь — представление.

Казалось, за один этот день цирк успел стать частью его самого.

Сергей смотрел, как Лика поднимается под купол, как внизу появляется Жуль, как свет выхватывает из темноты их фигуры, и думал:

всё прекрасное собирается по частям.

Часть за частью.

И ни одна из них сама по себе не похожа на чудо. Потёртый канат. Карабин. Чужая ладонь на рычаге. Ушиб. Утренняя тренировка. Страх перед высотой. Десятки неудачных повторений.

Но потом гаснет свет, звучит музыка — и всё это становится полётом.

Сергей поднял голову ещё выше.

На мгновение ему показалось, что и его собственная жизнь сейчас находится где-то там, за манежем, среди разрозненных частей, которые пока ещё никто не сумел собрать.

Возле леса. Ночь.

Чёрный «Шевроле» стоял у кромки леса.

Дождь то стихал, то усиливался, глухо барабанил по крыше и стекал по стёклам. Капли соединялись в тонкие ручейки и рисовали на окнах непрерывно менявшиеся узоры.

В салоне тихо работал обогреватель. Под потолком горела небольшая лампа. Разложенные сиденья и матрас превратили большой джип в простое, но удобное спальное место. На соседнем сиденье стоял термос, рядом лежали портфель, фотоаппарат и документы, собранные за день.

Перед Георгием светился экран ноутбука.

Он уже позвонил Марту и рассказал обо всём, что успел сделать: о разговоре со Светланой Викторовной, травмах Вали, поданном заявлении и людях, которых теперь проверяли на причастность к убийству Анастасии Сибих.

Теперь Георгий готовил документы на утро. Печатал обращение в прокуратуру, ходатайство о признании Вали потерпевшим и заметки для разговора со следователем.

Маленький принтер, подключённый к аккумулятору, тонко подвывал, словно расстроенная скрипка.

Бумаги были основой любого дела. Они не просто фиксировали события. На бумаге человеческие слова обретали точный смысл, превращались в доводы и находили опору в законе. Из этих листов защитник выстраивал позицию — документ за документом.

Так Георгий собирал понедельник по частям, чтобы завтра каждая встреча, каждое слово и каждый полученный лист начали работать вместе.

Дождь ненадолго ослаб, и между тучами показался

Сириус.

Сириус сиял собственным бело-голубым светом и сквозь лобовое стекло казался небольшим ночником, оставленным для человека, которому ещё рано было спать.

Георгий печатал.

За стеклом темнел молчаливый лес, который охраняли местные волки.

Понедельник закончился.

А защита Сергея только начала собираться.

Ночь. Между сном и явью.

Огонь вспыхнул внезапно, но разгорался медленно.

Тот, кто смотрел на него, ещё не спал — или ему только казалось, что не спит. Он чувствовал лишь, как место, в котором оказался, незаметно уводит его дальше: из одного сна в другой, туда, где путь продолжался немного дальше, чем прежде.

Всё, что он знал и помнил, осталось позади. Оно уже случилось и потому не могло повториться прежним.

Разрыв в тучах сомкнулся. Сириус снова исчез за дождевыми облаками, но продолжал светить. Звёзд больше не было видно. От этого они не переставали существовать.

Пока Луна отдыхала, Сириус нёс ночную вахту, сменив Солнце на его посту.

Для тех, кто спал, время снова остановилось.

Луна, невидимая этой ночью, соединяла их сны. Безжизненная наяву, в них она становилась местом, где продолжали жить память и надежда.

Солнце ещё вернётся и осветит новый день. Но время было нужно и тьме, и свету.

А пока ночь продолжала своё представление. У каждого из спящих в нём было своё будущее, ожидавшее за рассветом.

Понедельник закончился. Наступал вторник.

Но об этом знали только люди, однажды давшие времени удобные имена.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВТОРНИК

Добуж. Квартира Дениса Петровича. Районная прокуратура. Утро.

Трель электронного будильника оборвала сон Дениса Петровича. Красные цифры на циферблате показывали семь ноль-ноль.

Официально рабочий день в прокуратуре начинался с девяти утра, но Денис Петрович приучил себя быть на рабочем месте за час до его начала.

Он пошарил рукой по тумбочке, нащупал верхнюю кнопку, и будильник умолк.

Рядом спала жена, закутавшись в своё отдельное одеяло. Тяжёлые шторы почти не пропускали утренний свет, только между ними тянулась узкая светлая полоса.

Денис Петрович сел, спустил на пол волосатые ноги и потянулся, разведя руки в стороны.

Вторник.

Трёхкомнатная квартира ещё спала. Пятнадцатилетняя дочь Настя могла поспать перед школой ещё немного. Будила её обычно жена — она не работала и по будням вставала минут на десять позже мужа.

В ванной Денис Петрович посмотрел на себя в зеркало. На него смотрел сорокадвухлетний мужчина с усталыми глазами и привычно сосредоточенным выражением лица. Даже сейчас, сразу после сна, оно почти не выдавало никаких эмоций. За ночь на

подбородке проступила жёсткая щетина, кое-где уже седая.

Он смочил лицо водой, взбил крем кисточкой и густо намазал подбородок и щёки. Потом взял новую бритву с тремя лезвиями, которую недавно купила жена, и начал медленно снимать пену вместе со щетиной.

Через несколько минут он снова умылся холодной водой и нанёс лосьон после бритья. Кожу немного защипало.

За дверью послышались шаги. Жена тоже проснулась и пошла на кухню готовить завтрак.

Когда Денис Петрович вошёл туда, она уже доставала из холодильника сыр и колбасу.

— Ты сегодня во сколько придёшь? — спросила она.

Денис Петрович стоял посреди кухни в клетчатых семейных трусах и смотрел, как жена складывает бутерброды на тарелку.

— Не знаю. У нас неделя напряжённая. Два убийства, ты же слышала. Вчера до вечера шли допросы, одного под стражу заключили. Если сегодня ещё кого-нибудь привезут — опять задержусь. Хотя и без этого работы хватает.

Он подошёл к столу и взял первый бутерброд.

— А что ты хотела?

— Хотела к маме съездить. Думала, вместе.

— Не получится.

Кофеварка заурчала, и в стеклянную колбу потёк крепкий кофе.

— Ясно, — вздохнула жена. — Ну ладно.

Она вышла будить дочь.

Через несколько минут в коридоре показалась Настя.

— Привет, па, — бросила она, проходя мимо кухни.

— Привет, Насть.

Умывшись, она вернулась и остановилась возле стола.

— Па, а ты слышал про парня из нашей школы?

Денис Петрович поднял на неё глаза.

— Про какого ещё парня?

— Про Сергея Мартынова. Говорят, он кого-то убил в Севостьянове, на дискотеке.

Денис Петрович внимательнее посмотрел на дочь. Она выросла как будто слишком быстро. В лице ещё сохранялись детские черты, а говорила она с ним уже почти как взрослая. И спрашивала о деле, которым он занимался на работе.

— Слышал. Мы как раз это дело расследуем.

— Па, расскажи, что там произошло. У нас вся школа на ушах.

— Ты давай там помалкивай, — сказал Денис Петрович, немного напрягшись. — Вам только слухи распространять.

— Я не распространяю. Я его знаю.

— Он в твоей школе учится?

— Да. В девятом классе. Вчера не пришёл. Все говорят, что он поехал без прав на дискотеку, там подрался и убил человека.

Денис Петрович отпил кофе.

— В нашем городе слухи быстро растут.

В кухню вошла жена.

— И что говорят? — спросила она, услышав последние слова.

— Нечего вам знать. Мартынов сейчас в розыске. Скрылся.

— Убежал? — Настя посмотрела на отца с

недоумением. — А куда?

— Если бы знали, уже нашли бы.

— Ну, па, ты всё расследуешь, а рассказать ничего не можешь.

Он посмотрел на неё так, чтобы она поняла: продолжать разговор не стоит.

— Я никому не скажу, — не отступала Настя. — Я его сама знаю. Он хороший парень.

Денис Петрович нахмурился.

— Что значит — хороший парень? Хорошие парни учатся на одни пятёрки, без прав за руль не садятся, по ночам на дискотеки не ездят и драки там не устраивают.

Он допил кофе и поднялся из-за стола.

— Собирайся в школу. И помалкивай там.

Настя поняла, что больше ничего от отца не добьётся.

— Слышала отца? — поддержала мужа мать. — Иди одевайся. Опоздаешь.

Дочь вышла из кухни.

— Вам лишь бы посплетничать, — пробормотал Денис Петрович и взял со стола второй бутерброд.

— Тебя довезти до школы? — спросил Денис Петрович у дочери, которая бегала по коридору, собирая портфель.

— Я дойду. С подружкой, — сказала она и вновь скрылась в своей комнате.

Около восьми часов служебные «Жигули» остановились возле здания районной прокуратуры, которой Денис Петрович руководил уже четвёртый год.

Дежурный у входа, увидев прокурора, поднялся со стула и чуть заискивающе улыбнулся:

— Здравствуйте, Денис Петрович.

— Доброе утро, — сухо ответил тот и зашагал по

пустому коридору.

Он поднялся на второй этаж и вошёл в свой кабинет. За окном стояла ясная погода. Солнечный свет ложился на подоконник и край письменного стола. Казалось, весна начинала дышать всё сильнее.

В девять часов должна была начаться обычная утренняя планёрка.

К назначенному времени в кабинете было пятеро: сам Денис Петрович, старший следователь по особо важным делам Кира Николаевна, Лизавета Петровна Мышкина, молодой следователь Никита и следователь прокуратуры Виталий.

Лизавета Петровна вошла последней, держа перед собой стопку бумаг, и заняла место рядом с Никитой.

Накануне Никита до позднего вечера оформлял материалы для заключения Дениса Крышкина под стражу. Позже Денис Петрович санкционировал его заключение, а ближе к ночи конвой увёз Дэна из камеры отдела в следственный изолятор.

Денис Петрович осмотрел собравшихся, открыл ежедневник и начал задавать вопросы по списку.

— Кто сегодня дежурит?

— Я, — ответила Кира Николаевна.

— Тогда я вас не задерживаю.

Кира Николаевна поднялась. Дополнительных указаний ей не требовалось: она работала в прокуратуре дольше остальных и порядок действий во время дежурства знала наизусть.

Когда дверь за ней закрылась, Денис Петрович перевёл взгляд на Виталия.

— Что у тебя по делу об изнасиловании? Когда в суд отправишь?

Виталий немного замялся.

— Жду заключение эксперта. Как только получу, закончу и принесу вам обвинительное заключение на утверждение.

— Что ещё у тебя в производстве?

— Материал по загрязнению воды предприятием.

— А там что?

— Рыбак местный пишет уже третье заявление — о зеленоватом оттенке воды и ухудшении состояния воды, — почти со вздохом выдавил из себя Виталий. — Я хотел направить материал по территориальности в соседнюю прокуратуру. Источник загрязнения находится не у нас. Это химический комбинат в Софино.

Денис Петрович нахмурил лоб. О заводе и загрязнении воды он уже слышал на совещании в областной прокуратуре.

— Хорошо. Как направишь материал, зайдёшь ко мне. Возможно, придётся создавать следственную группу по делам с погибшими.

Он посмотрел на Никиту и Лизавету Петровну. Та сразу подняла глаза.

— Там ещё кучу людей допросить нужно, — сказала она. — И, судя по вчерашним показаниям Дэна, эти два дела пересекаются.

Дэн назвал Анатолия Рыбкина — мужчину, погибшего возле клуба, — одним из тех, кто приезжал к дому Анастасии Сибих. Два дела, которые сначала не имели друг к другу никакого отношения, теперь сцепились через одного человека.

— Вот и я о том же, — сказал Денис Петрович и посмотрел на следователя Виталия. — Виталий, сегодня направляешь материал по воде и подключаешься к

Лизавете Петровне. Постановление о создании следственной группы оформим. Старшей будет Лизавета Петровна.

— Хорошо, — ответил Виталий.

Денис Петрович заглянул в ежедневник.

— Кстати, Лизавета Петровна, что у нас по несовершеннолетнему Сергею Мартынову? Когда его найдут?

Она недовольно поджала губы.

— Там с этим Мартыновым пока ничего не понятно. И где он — тоже непонятно. Я вам отдельно доложу.

По её тону Денис Петрович понял, что говорить она хочет без остальных.

— Так… — Денис Петрович снова заглянул в ежедневник, в котором с восьми утра расписывал дневной план. — Никита, у тебя, я так понимаю, ещё два человека не установлены?

— Да, — кивнул Никита. — Вчера приезжали опера из «убойного» отдела. Они будут искать.

Денис Петрович что-то пометил в своём ежедневнике.

— Ты тоже идёшь в группу к Лизавете Петровне. Допросы свидетелей распределите между собой.

Никита кивнул.

Денис Петрович перешёл к другим административным вопросам: уточнил, кто и когда дежурит, и напомнил, что в прокуратуре необходимо находиться в форменной одежде.

Ещё несколько минут — и совещание закончилось. Никита и Виталий вышли, а Лизавета Петровна осталась на своём месте.

— Ну, рассказывайте, — сказал Денис Петрович.

Лизавета Петровна положила бумаги на колени.

— Я вчера уже не стала вас вечером беспокоить. Ко мне заходила адвокат Светлана Викторовна Сухова. Сначала сказала, что тётушка Сергея Мартынова к ней обратилась.

— Что хотела?

— Просила, если Мартынов явится, не заключать его под стражу, а отпустить под подписку о невыезде.

— И что вы ответили?

— Сказала: сначала приводите его, пусть даст показания, а потом будем решать. Объяснила, что вопрос о мере пресечения будем согласовывать с вами.

Денис Петрович кивнул.

— Это было в воскресенье, а вчера она пришла как адвокат по назначению для Дениса Крышкина, — продолжила Лизавета Петровна. — Зашла ко мне как ни в чём не бывало.

Лизавета Петровна нервно посмотрела в окно и слегка покачала головой, выражая своё отношение к произошедшему.

Денис Петрович внимательно смотрел на Лизавету Петровну.

— Ну и?

— Так я и говорю: вчера она ко мне зашла. Я спрашиваю, когда Мартынов появится, а она мне говорит, что у него другой адвокат, из Москвы.

— Московский? — переспросил Денис Петрович.

— Да. Так и сказала. И, по словам Светланы Викторовны, он собирается выводить Мартынова по тридцать седьмой статье. Утверждает, что тот защищал своего друга.

— Так… — Денис Петрович поднял глаза на Лизавету

Петровну. — А Светлана Викторовна так и осталась у Крышкина?

— Ну, при допросе и оформлении задержания она участвовала как защитник, но сказала мне, что откажется от дальнейшей защиты Крышкина в связи с возможным конфликтом интересов.

— Ясно, — кивнул прокурор.

Денис Петрович повернулся к книжному шкафу. Он и без кодекса знал, о чём идёт речь, но всё же снял с полки Уголовный кодекс и раскрыл его.

Статья 37. Необходимая оборона.

Он пробежал глазами по тексту и посмотрел на Лизавету Петровну.

— Основания есть?

Она слегка приподняла одно плечо.

— Я не усматриваю. Я допросила его друга, шестнадцатилетнего Валю Сугробова. Тот говорит, что его избивали. Но драка и драка. Это же не основание человека убивать.

Денис Петрович снова посмотрел в кодекс, а затем повернулся к шкафу, ища глазами толстый учебник с научно-практическими комментариями к Уголовному кодексу.

Лизавета Петровна продолжала:

— По его словам, драка началась в тамбуре, когда он стоял и разговаривал с девочками. Конфликт начался именно там. В нём участвовали Рыбкин, Денис Крышкин и ещё двое неустановленных лиц.

Денис Петрович двумя пальцами потянул толстый учебник на себя, вынул его из плотно подобранного ряда книг и плюхнул на стол.

Не открывая его, он снова посмотрел на Лизавету

Петровну.

— Сколько было нападавших?

— Со слов Сугробова, били все четверо. Но я вчера читала показания Дениса Крышкина. Он говорит, что прямого участия в драке не принимал, больше разнимал. Но нужно допрашивать свидетелей. Я как раз хотела попросить, чтобы вы дали распоряжение оперативникам.

Лизавета Петровна снова посмотрела в окно и вздохнула.

— А то я и начальнику криминальной милиции звонила, и начальнику уголовного розыска, но ни один трубку не взял.

— Я понял, — тут же ответил Денис Петрович. — Я сегодня начальнику отдела позвоню, скажу, чтобы они вышли на тебя и обеспечили явку всех, кого нужно допросить.

Лизавета Петровна кивнула, немного улыбнувшись.

Денис Петрович вновь посмотрел на толстую книгу, которая лежала перед ним, и открыл оглавление.

— У тебя что-то ещё, Лиза? — спросил он, не глядя на неё, а читая оглавление и выискивая нужную страницу.

Она немного вздохнула.

— Так я про адвоката Светлану Викторовну… — Она немного замялась. — Ходит тут, вынюхивает, потом все адвокаты меняются. Лично мне не очень приятно…

Она посмотрела на Дениса Петровича. Он поднял глаза.

— Я не понял, о чём ты говоришь?

— Я про то… — Она немного заёрзала на стуле. — Считаю, что это как-то непрофессионально: сначала говорить, что она представляет интересы Мартынова…

Она помедлила.

— А потом другой адвокат из Москвы уже с другой версией к нам едет, — вздохнула она.

Денис Петрович вновь посмотрел на Лизавету Петровну. Он пытался собрать её возмущение в понятный формат, но пока это не получалось.

— Так, ордер она предъявляла? Соглашение с Мартыновым заключала? — уточнил он.

— Я так понимаю, что нет.

Денис Петрович вдруг резко посмотрел на Лизавету Петровну другим, более сосредоточенным взглядом.

— Так ты с ней говорила про дело без ордера?

Лизавета Петровна вдруг покраснела, как будто сама того не понимая загнала себя в неприятный угол.

Денис Петрович ждал ответа, пристально глядя на неё и сложив перед собой обе руки.

— Ну так она сколько лет сюда ходит… Я и подумала…

Денис Петрович чуть шире раскрыл глаза.

— Так непрофессионально, получается, повели себя вы, Лизавета Петровна, — мягко, но очень отчётливо произнёс Денис Петрович.

Лизавета Петровна задышала чаще и медленно покачала головой.

— Я вообще больше ни слова никому не скажу. Ни адвокатам, никому.

Она начала понемногу выходить из себя, схватила стопку бумаг и ударила ею о стол.

— Всё, Денис Петрович, я пошла, — сказала она и встала.

Денис Петрович проводил её взглядом, не найдя повода останавливать.

Лизавета Петровна направилась к выходу.

— Лизавета Петровна, — окликнул старшего следователя Денис Петрович.

Она повернулась, прижимая к себе пачку документов.

— Принеси мне копии протоколов допроса Сугробова и Крышкина, — сказал он.

Она кивнула и потянула дверь кабинета на себя.

— И давай: следственная группа на тебе.

Она остановилась, будто хотела что-то сказать, но всё же открыла дверь и вышла из кабинета прокурора.

Денис Петрович придвинул к себе телефон и набрал номер. После нескольких гудков трубку поднял начальник отдела милиции.

— Алло.

— Виктор Петрович, прокурор беспокоит.

— Здравствуйте, Денис Петрович.

— Приветствую. Я вот по какому вопросу. Мне Мартынова Сергея не хватает. Вторник уже.

— Знаю, Денис Петрович. Ищем. Тут, похоже, московский адвокат по этому мальчишке в городе появился, — прозвучал в трубке голос Виктора Петровича.

— Слышал, — сухо ответил Денис Петрович.

Начальник отдела продолжил:

— Он вчера привёл к нам Валентина Сугробова — того самого, которого избивали возле клуба. Тот написал заявление. Вот передо мной лежит.

Денис Петрович помолчал.

— Что указал?

— Что на него напали четверо. Мартынов вмешался, когда Сугробова били, и стал его защищать.

— Когда заявление приняли?

— Вчера.

— Направляй мне заявление, объяснение и рапорт. Сегодня же. Нужно приобщить к материалам дела и проверить.

— Отправим.

— Мартынова-то ищете?

— Ищем, конечно. И не только его. По второму делу ещё двоих установить надо. Областной «убойный» подключился. Сегодня поедут в колонию, где Рыбкин отбывал срок. Поднимут его личное дело, поговорят с тамошними оперативниками, попробуют установить, с кем он близко общался.

— Ясно, — сказал Денис Петрович. — Тогда на связи.

Денис Петрович уже хотел положить трубку, но понял, что так и не сказал, зачем звонил.

— Подожди, Виктор Петрович. Я вот ещё по какому делу: у нас допросы свидетелей, нам нужно обеспечить их явку к Лизавете Петровне Мышкиной.

— Слушаю.

Виктор Петрович взял ручку и тут же быстро записал услышанное на листке.

— Я понял. Сейчас начальнику криминальной милиции дам задачу, — рапортовал он. — С Лизаветой Петровной свяжутся и всё решат.

— Тогда жду материал, — подытожил Денис Петрович.

— Принял.

— Надо побыстрее эти дела раскрыть. Уже весь город сплетничает, — недовольно, почти прохрипел Денис Петрович.

— Да?! — немного удивлённо прозвучал голос Виктора Петровича.

— Всё, на связи, — закончил Денис Петрович.

— На связи.

Они почти одновременно положили трубки.

Вторник только набирал обороты.

Добуж. Районная прокуратура. Около 10:00.

Около десяти часов чёрный «Шевроле» остановился возле районной прокуратуры.

Георгий вышел из машины. На нём был тёмный костюм — рабочая одежда адвоката, в руке он держал чёрный кожаный портфель. Быстрым шагом поднялся на крыльцо и потянул на себя тяжёлую дверь.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Старое здание прокуратуры встретило его прохладой, запахом бумаги и давно не крашенных стен.

Сразу возле входа стоял стол. За массивным столом сидел мужчина. Перед ним лежала газета — он вписывал в кроссворд слова кривыми буковками. Услышав шаги, мужчина поднял голову:

— Вам куда?

— Здравствуйте, — сказал Георгий и улыбнулся. Из внутреннего кармана пиджака он достал удостоверение и раскрыл его. — Я адвокат. Мне нужна следователь Мышкина.

— К Лизавете Петровне? — устало произнёс мужчина, будто день не начинался, а уже заканчивался. Он пытался придать голосу грубость, но у него это не получалось.

— Да, к ней, — ответил Георгий.

Мужчина мельком посмотрел на документ и протянул руку, пытаясь двумя пальцами взять

раскрытую корочку. Георгий не дал ему этого сделать, приблизив удостоверение к его лицу. Глаза мужчины пытались найти в документе нужные строчки.

Он медленно прочитал:

— Георгий Земляника.

На его лице проскользнула слабая насмешка. Затем он отодвинул газету, уткнулся в журнал и записал ручкой данные Георгия.

Не поднимая взгляда, он протянул руку вправо, указывая на коридор:

— Десятый кабинет, — сказал он и снова пододвинул к себе газету.

Возле нужного кабинета Георгий постучал. Ответа не последовало. Он подождал и нажал на ручку — дверь была заперта.

Напротив оказался ещё один кабинет. Его дверь стояла открытой. За столом сидел молодой мужчина в форменной рубашке с погонами юриста третьего класса. Он писал, склонившись над бумагами.

Георгий постучал по дверному косяку:

— Здравствуйте.

Никита поднял голову.

— Здравствуйте.

— Не подскажете, Лизавета Петровна сегодня работает?

— Работает. Я её утром видел. Может, у прокурора, — буднично ответил Никита.

— Спасибо.

Георгий отошёл к окну в конце коридора. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут сверху послышался стук каблуков.

Лизавета Петровна спустилась со второго этажа,

прижимая к груди стопку бумаг. Шла она быстро и строго, словно продолжала начатый наверху разговор. Возле своего кабинета мельком взглянула на Георгия, достала ключи, но потом всё же повернулась:

— Вы к кому?

— К Лизавете Петровне.

— Это я.

— Тогда к вам.

— По какому вопросу?

— По делу Сергея Мартынова.

Её рука с ключом на мгновение замерла.

— Заходите.

Она открыла кабинет, прошла внутрь и положила бумаги на стол. Сесть Георгию не предложила.

— Говорите.

— Меня зовут Георгий. Я адвокат Сергея Мартынова.

Лизавета Петровна окинула его коротким взглядом.

— Соглашение и ордер, — сухо произнесла она, не глядя на Георгия.

Георгий раскрыл портфель и протянул документы Лизавете Петровне.

Она резко взяла их, садясь за рабочий стол. Быстро пробежала по ним глазами и посмотрела на Георгия.

— А где Мартынов?

— Мой подзащитный находится в данное время в Москве, — ответил Георгий.

— Он будет в розыске, если продолжит скрываться, и усугубит своё положение, — ответила Лизавета Петровна.

— Для этого я и приехал: уведомить вас, что он не скрывается, а уехал, чтобы получить профессиональную юридическую помощь и объективно разобраться в

случившейся ситуации, — мягко произнёс Георгий.

Лизавета Петровна ещё раз осмотрела его почти с головы до ног.

— А тут, вы считаете, закон могут применить необъективно? — вопросительно бросила она и вновь переключилась на бумаги на столе.

— Напротив, — улыбнулся Георгий. — Но человек имеет право на защиту и самостоятельно выбирает защитника.

— Ему шестнадцать, — хмыкнула Лизавета Петровна. — Ну ладно.

Она не дала Георгию продолжить и вопросительно подняла на него глаза:

— Что вы от меня сейчас конкретно хотите?

Георгий открыл портфель и вынул подготовленный пакет документов.

— Передать ходатайство, ознакомиться с материалами дела и обсудить возможную явку Сергея для объективного разбирательства.

Лизавета Петровна даже не протянула руку к бумагам.

— Документы сдавайте через канцелярию.

— Я обязательно их зарегистрирую. Но пришёл не только для этого.

— Если вы знаете, где находится Мартынов, приводите его. Здесь и поговорим.

Тон был почти таким же, каким накануне встретила Георгия Светлана Викторовна. Лизавета Петровна не пыталась спорить или убеждать. Она сообщала ему уже принятое решение, словно от него требовалось только выслушать.

— Именно о его явке я и хочу договориться.

— О чём здесь договариваться? Приводите Мартынова, он даст показания. После этого следствие примет решение.

— Решение о чём?

— Обо всём, что вас интересует.

Она придвинула к себе папку, показывая, что разговор можно заканчивать.

Георгий не торопился. В такую дверь нельзя было ломиться. Нужно было дождаться хотя бы небольшой щели.

— Я хотел бы понять вашу позицию до того, как приведу к вам несовершеннолетнего.

— Моя позиция основана на материалах дела. Человеку причинён тяжкий вред здоровью, повлёкший его смерть. Мартынов после этого скрылся. Его действия рассматриваются по части четвёртой статьи сто одиннадцатой.

— Да, именно это я и хотел бы обсудить с вами подробнее. Сергей сообщил мне, что, защищая своего друга Валентина Сугробова, он действительно нанёс отвёрткой удар одному из нападавших. Теперь я слышу, что тот скончался, — сказал Георгий. — Очень жаль, что так произошло, но мальчик защищал друга, которого били четверо взрослых.

Лизавета Петровна подняла на него глаза.

— Отвёрткой?

— Насколько я осведомлён, да, — ответил Георгий.

— А где отвёртка?

— По-видимому, осталась на месте.

— Нет, на месте она не обнаружена, — вздохнула Лизавета Петровна, словно нашла важный аргумент в подтверждение неправдивости слов Георгия. —

Документы сдавайте в канцелярию. Я ознакомлюсь с ними, но пока как следователь не вижу подтверждений тому, о чём вы говорите.

Она посмотрела на выключенный монитор, потянулась к системному блоку и нажала кнопку. Компьютер зашумел.

Разговаривать было сложно: ниточка разговора никак не находилась.

— Договорились, — сказал Георгий. — Я не прошу вас сейчас дать мне ответ. Ознакомьтесь с материалами и документами, а после сообщите свою правовую оценку.

— Я никому звонить не собираюсь и не обязана, — сказала она, не отрываясь от экрана, на котором шла медленная загрузка.

— Тогда я, наверное, лучше поговорю с прокурором. Но я, как защитник, должен понимать, когда вы рассмотрите ходатайство. В нём изложены доводы и основания для прекращения уголовного преследования Сергея. Он готов прибыть в ближайшее время, и любое затягивание может быть использовано как средство давления на него.

Лизавета Петровна молчала, но слушала, и Георгий это понимал.

— Сейчас, как вы сами сказали, вы рассматриваете его действия в рамках части четвёртой статьи 111. Мы же видим в этих обстоятельствах другую позицию, основанную на статье 37, — защиту другого лица. По имеющейся у нас картине мой подзащитный имел на это право: его друга били, и он воспользовался единственным способом остановить избиение, которое, согласно объективным данным, в том числе медицинской справке о повреждениях Валентина

Сугробова, угрожало его жизни и здоровью.

Лизавета Петровна уже что-то начала печатать, но, услышав последние слова, остановилась:

— Я никакой справки не видела.

— Именно это я и пытаюсь вам сообщить, Лизавета Петровна, — сказал Георгий, вдруг почувствовав, что ниточка между ними всё-таки появилась.

Лизавета Петровна сжала челюсть и нервно взглянула на Георгия. Потом взяла со стола бумаги — ордер и соглашение, которые он передал ей, — и ещё раз посмотрела на него.

— Ну, вы можете придумывать всё, что захотите, — сказала она. — Я рассматриваю дело с точки зрения уголовного кодекса и пока не увидела тех данных, которые вы излагаете.

— Для этого и нужно время. Я прошу лишь изучить документы, в том числе медицинские, и дать им правовую оценку. В наших интересах быстрее поставить в этом вопросе точку в соответствии с законом.

— Вы хотели к прокурору — вот к нему и идите. Документы через канцелярию, пожалуйста. У меня времени больше нет.

— Да, конечно, — ответил Георгий. — Я зайду к вам ещё завтра.

Она не ответила. Георгий вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Лизавета Петровна осталась перед включённым монитором, словно забыв, что хотела набрать на компьютере.

Вернувшись к столу возле входа, Георгий обратился к сидевшему там мужчине:

— Подскажите, как попасть на приём к районному

прокурору?

Тот заглянул в журнал.

— Сегодня приём с четырнадцати до семнадцати.

— А канцелярия где?

Мужчина указал в соседний коридор:

— Вторая дверь направо.

В канцелярии Георгий передал ходатайство с приложениями в двух экземплярах. Сотрудница пересчитала листы, сверила их с описью и поставила на втором экземпляре дату, входящий номер и прямоугольный синий штамп.

Георгий проверил отметку и убрал экземпляр в портфель.

Разговора с Лизаветой Петровной не получилось. Ни о допросе, ни о добровольной явке они не договорились, но главное было сделано — следователь услышала то, что должна была услышать.

Георгий взглянул на часы. Было почти одиннадцать. До двух оставалось ещё достаточно времени.

Добуж. Районная прокуратура. Около 11:00.

После разговора с Георгием Лизавета Петровна вышла из кабинета и оглянулась по коридору, словно не желая снова увидеть защитника, свалившегося как снег на голову и испортившего ей и без того плохое утреннее настроение. Она дёрнула ручку двери соседнего кабинета, в котором сидел Никита. Он поднял на неё глаза.

— Никита, дай мне вчерашний допрос Дениса Крышкина.

Никита тут же повернулся к экрану, и через мгновение принтер загудел, печатая протокол допроса Дэна.

Почти выхватив распечатку у Никиты, Лизавета Петровна сложила её вместе с протоколом допроса Сугробова и пошла наверх к Денису Петровичу.

Постучавшись, она толкнула дверь. Денис Петрович поднял на неё глаза.

— Я вот принесла допросы, которые вы просили, Денис Петрович.

Несколькими быстрыми шагами она приблизилась к столу и протянула руку вперёд. Денис Петрович взял документы и положил перед собой.

— Только что ко мне адвокат приходил. Мартынова.

Она протянула соглашение и копию ордера, которые передал ей Георгий.

Денис Петрович молча посмотрел на них, а затем вопросительно — на Лизавету Петровну. На её лице читалось нервное напряжение.

— Хорошо, я понял, — буднично произнёс Денис Петрович. Он посмотрел на ордер и перелистнул допросы. — Я изучу их ещё раз. И ещё, Лизавета Петровна. Сотрудники милиции с тобой свяжутся, а ты скажешь им, чью именно явку и когда обеспечить.

Лизавета Петровна явно хотела высказаться, и Денис Петрович дал ей такую возможность:

— Ты ещё что-то хотела?

Лизавета Петровна скрестила руки перед собой.

— Что-то про адвоката? — спросил Денис Петрович, снова посмотрев ей в глаза.

— У нас… адвокаты теперь будут дела расследовать… — сквозь зубы произнесла она.

— Лиза, давай без эмоций. Говори, пожалуйста, по делу, — сказал Денис Петрович.

— Ну вот к вам придёт — и посмотрите сами, что он несёт.

Она развернулась и вышла из кабинета.

Москва. Цирк «Синие волки». Утро.

Утро Сергея началось несколькими часами раньше. Уже третий день подряд оно начиналось одинаково.

Удивительным образом он почти сразу привык к ранним подъёмам. Стоило Жулю постучать в фанерную стену или маленькому будильнику тонко пропищать «пик-пик», как Сергей вставал, одевался, и они отправлялись на тренировку.

Сегодня тренировка с самого начала показалась Сергею особенно приятной. Он приготовился к лёгкой пробежке и уже подстроился под шаг Жуля, но тот не побежал. Наоборот, шёл всё медленнее и медленнее, вынуждая Сергея то и дело укорачивать шаг.

— Сегодня будем учиться останавливаться, — сказал Жуль, искоса посмотрев на него.

Сергей уже хотел спросить, зачем тогда они вообще куда-то идут, но Жуль свернул с дорожки и направился в глубину парка.

Они обогнули заросли кустарника, протиснулись между деревьями и вышли на небольшую поляну, отгороженную от тропинок плотной стеной ветвей. Поляна была почти круглой. Солнце только поднималось за деревьями, и его ещё не было видно, но между прошлогодней травой уже пробивалась молодая

зелень. Из-за этого поляна казалась нетронутым островом, куда до них никто не заходил.

— Это я её нашёл, — с гордостью сообщил Жуль и улыбнулся.

Он вышел в самый центр поляны и повернулся к Сергею.

— А теперь повторяй за мной и внимательно слушай.

Сергей открыл рот, но Жуль поднял палец:

— Все вопросы — после практики. Сначала просто делай.

Он закрыл глаза.

Сергей послушно сделал то же самое — и тут же понял, что теперь не сможет увидеть, что именно ему нужно повторять. Несколько секунд он простоял в нерешительности, а потом осторожно приоткрыл один глаз.

Жуль уже смотрел на него.

По его лицу расплывалась знакомая улыбка — такая, что Сергей невольно улыбнулся в ответ.

— Правильно, — сказал Жуль. — Сначала смотри. Глаза мы ещё успеем закрыть.

Он поднял руки, медленно развёл их в стороны, затем вытянул над головой и соединил ладони. Сергей повторял следом.

Жуль наклонился вперёд, потянулся руками к земле и почти сложился пополам. Сергей сделал то же самое, но сразу почувствовал, как под коленями натянулись сухожилия, а вдоль спины — мышцы. Он попробовал опуститься ниже, но резкая боль остановила его.

Сергей уже собирался выпрямиться и сказать об этом, но вспомнил наказ Жуля, стиснул зубы и снова потянулся к земле.

— Не ломай себя, — негромко произнёс Жуль, не поднимая головы. — До боли дошёл — остановись. Нам не землю победить нужно, а тело услышать.

Сергей немного ослабил усилие. Натяжение осталось, но боль ушла.

Жуль выпрямился и сложил ладони перед грудью.

— Теперь наблюдай за дыханием. Вдох. Выдох.

Сергей несколько раз вдохнул и выдохнул, не понимая, что значит наблюдать за дыханием. Он дышал — и что дальше?

Жуль взглянул на его напряжённое лицо.

— Не старайся дышать правильно. Дыхание и без тебя умеет. Просто замечай, что происходит. Почувствуй, как прохладный воздух входит через нос, как поднимается грудь, а потом тёплый воздух выходит обратно. Ничего не меняй.

Сергей закрыл глаза.

Сначала ему мешало само старание. Чем внимательнее он пытался дышать, тем тяжелее и неестественнее становился каждый вдох. Но голос Жуля звучал спокойно, без торопливости, и постепенно дыхание снова сделалось обычным.

Тогда Сергей впервые почувствовал прохладу воздуха у самых ноздрей. Заметил, как на вдохе приподнимается грудь, как едва движется живот, а потом всё медленно опускается.

Окружающий мир словно замер.

— Теперь всё внимание — в уши, — произнёс Жуль. — Ничего не ищи. Просто слушай.

Сначала Сергею показалось, что вокруг стоит полная тишина.

Потом где-то высоко коротко свистнула птица. Ей

ответила другая. Ветер перебирал голые ветви. Возле самых ног тихо шуршала прошлогодняя трава. Далеко, за деревьями, прошла машина — её гул приблизился, на несколько секунд стал сильнее и снова растворился.

Звуков становилось всё больше. Каждый звучал со своего места, но вместе они складывались в один огромный оркестр, который звучал здесь всегда, просто раньше Сергей его не замечал.

Он слегка качнулся.

— Хорошо, — сказал Жуль. — Теперь верни внимание в тело.

Сергей открыл глаза.

Поляна осталась прежней, но он вдруг увидел её отчётливее: тонкие зелёные ростки среди сухой травы, тёмную кору деревьев, полосы света между ветвями.

Жуль опустился на землю и сел, скрестив ноги.

— Садись напротив.

Сергей устроился так же. Сначала сгорбился, но Жуль показал рукой, и он выпрямил спину.

— Не надо становиться деревянным. Спина ровная, плечи свободные. Теперь смотри на всё сразу. Ни за что не цепляйся взглядом. Видишь дерево — не рассматривай его. Видишь траву — не считай травинки. Просто замечай свет, движение и цвет. Слушай и дыши.

Последнее слово Жуль произнёс медленно:

— Дыши.

Сергей повторил его про себя:

Дыши.

Взгляд по привычке перескакивал с ветки на куст, с куста на солнечное пятно, но постепенно перестал искать, за что ухватиться. Всё вокруг стало единым: поляна, деревья, голоса птиц, движение воздуха.

Через несколько минут веки потяжелели. Сергей закрыл глаза и словно провалился куда-то внутрь.

— Не спи, — тут же сказал Жуль.

Сергей вздрогнул и открыл глаза. Ему и самому показалось, будто он на мгновение заснул.

— Теперь закрой их сам, — продолжил Жуль. — Но оставайся здесь. Продолжай наблюдать за тем, что происходит вокруг. Только без зрения.

Сергей хотел спросить, как это сделать, но сдержался.

Он снова закрыл глаза и попытался представить поляну. Себя, сидящего в траве. Жуля напротив. Деревья вокруг. Теперь звуки не просто доносились до него — по ним можно было угадывать расстояние и направление.

— Представь, что ты дерево, — сказал Жуль. — Спина — ствол. Макушка тянется вверх, а тяжесть уходит в землю. Можно немного раскачиваться. Деревья ведь тоже не стоят неподвижно.

Сергей чуть качнулся вправо, потом влево и постепенно нашёл середину.

— Теперь пройди вниманием по всему телу. Медленно, сверху вниз. Лоб, лицо, шея, плечи, руки. Замечай, где зажато, и отпускай. Не торопись.

Сергей обнаружил, что стиснул зубы. Расслабил челюсть. Потом почувствовал напряжение в плечах и опустил их. Разжал пальцы, лежавшие на коленях.

Голос Жуля стих.

Сергей остался один на один с собой.

Почти сразу пришли мысли. Сначала — о том дне. Потом о тётушке. О Георгии, который сейчас находился там, в его родном городе, ходил по его улицам и делал что-то ради него. О том, что будет дальше.

Пальцы Сергея снова сжались.

— Не уходи за мыслями, — негромко сказал Жуль, заметив это. — И не прогоняй их. Пришла мысль — пусть проходит. А ты возвращайся к дыханию.

Сергей послушался.

Мысли не исчезли, но перестали тянуть его за собой. Они возникали и уходили, а он снова возвращался к прохладному воздуху на вдохе, движению груди, шороху травы.

— Чувствуешь свет на лице? — спросил Жуль. — Представь, что вместе с воздухом вдыхаешь его. Белый, чистый свет проходит через тебя, расправляет изнутри, залечивает то, что может, и оставляет силу.

В темноте под закрытыми веками появился светлый круг. Сергей понимал, что сам его придумал, но с каждым вдохом круг становился больше и теплее. Казалось, будто внутри освобождается место, которое прежде целиком занимали страх, тревога и мысли о том, что уже случилось и ещё могло случиться.

Сколько времени прошло, Сергей не знал.

Жуль давно молчал. Сергей ещё немного посидел, слушая дыхание, а потом вдруг понял, что напротив стало слишком тихо. Не слышалось ни движения Жуля, ни его дыхания.

У края поляны хрустнула ветка.

Сергей открыл глаза.

Напротив никого не было.

Он огляделся. Из кустов показалось улыбающееся лицо Жуля.

— А теперь, молодой человек, за мной! — скомандовал он и махнул рукой.

Сергей пошевелил затёкшими ногами, поднялся и направился следом.

Мир вокруг казался просторнее и ярче. Будто что-то внутри ненадолго отпустило его, перестав мешать смотреть, слушать и просто идти.

Думать не хотелось. Не потому, что ему было не о чем думать, а потому, что впервые за долгое время настоящее не требовало никаких объяснений.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. Около 11:00.

После разговора с Лизаветой Петровной Георгий решил заехать к тётушке.

Поднявшись на второй этаж уже знакомого подъезда, он позвонил. Вероника Степановна встретила его с радушием. Через несколько минут они уже сидели за столом и пили чай.

За завтраком Георгий рассказал, как накануне вместе с Валей и его отцом ездил в отдел милиции, где Валя подал заявление о нападении. Это был важный шаг.

Тётушка старалась разобраться, но пока понимала только одно: всё, что до сих пор оставалось скрытым, теперь обретало очертания и приходило в движение.

— А мне, Георгий, так никто и не звонил, — сказала Вероника Степановна, посмотрев на телефон. — Я вот только вчера буквально на полчаса в магазин выходила. А так, как вы и сказали, от телефона не отхожу.

— А как же работа? — спросил Георгий.

— Я взяла отгулы на неделю. Люди всё понимают.

— Это хорошо. Вы нам сейчас очень нужны.

— А со следователем вы разговаривали? — спросила Вероника Степановна, пытаясь осторожно сложить всё

происходящее в одну картину.

— Да. Я как раз от неё.

Георгий поставил чашку на стол и замолчал. Первый разговор со следователем ещё не давал оснований для окончательных выводов. Давать тётушке ложную надежду или, наоборот, заранее пугать её он не хотел.

— Скажу вам так, Вероника Степановна…

— Да просто Вероника, — поправила его тётушка. — А то я уже старухой себя чувствую.

Она улыбнулась, немного смутившись.

— Хорошо, Вероника. Как вам удобнее. Так вот, то мнение, которое нам передала Светлана Викторовна, я, по существу, услышал и от следователя.

Вероника Степановна вздохнула и опустила глаза.

— Но этого и следовало ожидать, — добавил Георгий.

— И что это значит? — Она вопросительно посмотрела на него.

— Что нашу позицию придётся доказывать. Этим мы с вами и занимаемся.

— Выходит, без силы ничего не добьёшься, — поджала губы тётушка.

— Дело не в силе. Дело в подходе. Самое трудное, что нам придётся преодолеть, — привычку видеть в человеке прежде всего обвиняемого.

— Так что же, никто не разбирается, Георгий?

— Узнаю в ваших словах Сергея. Он спросил почти то же самое, — улыбнулся Георгий. — Разбираются. Но когда изо дня в день расследуешь преступления и ищешь виновного, легко начать видеть в каждом деле прежде всего обвинение. Особенно если не заставлять себя постоянно проверять и обратную версию. Это и называют обвинительным уклоном. Если совсем грубо

— профессиональной деформацией.

— Но как же так? Они ведь с людьми работают. Судьбы, можно сказать, решают.

Видно было, что за последние дни Вероника Степановна много обо всём этом думала. Раньше ей и в голову не приходило, что можно оказаться стороной такого конфликта и почувствовать себя виноватым ещё до того, как кто-то успел по-настоящему разобраться.

— Непростой вопрос вы задаёте, Вероника, — сказал Георгий. — Я сам задаю его себе каждый раз, когда сталкиваюсь с чем-то подобным. И мне кажется, ответ лежит гораздо глубже, чем простая привычка. Ведь любую привычку кто-то подпитывает, кто-то позволяет ей существовать.

— То есть круговая порука? — неожиданно спросила тётушка.

Георгий внимательно посмотрел на неё. Она очень быстро перешла от частного случая к тому, как устроена сама система.

— Возможно, вы правы. Но и у поруки всегда есть те, кто её поддерживает. Без них она бы рассыпалась, а профессиональную привычку можно было бы исправить. Но она держится и защищается силой, административными возможностями, должностями. А распоряжаются всем этим люди.

— Как же тогда справедливости добиться, Георгий? Если у них и власть, и эти привычки, и порука…

— Здесь два уровня. Есть конкретное дело Сергея, а есть более широкая привычка всей системы. В конкретном деле мы обязаны заставить эту привычку отступить. А в целом… Значит, мы как общество ещё не научились ставить право выше ведомственного

удобства. Но именно на таких делах и учимся.

Георгий посмотрел в окно.

— И всё чаще у нас получается. Но пока это всё равно отдельные случаи, а не правило. Поэтому такая работа должна быть постоянной.

Вероника Степановна молчала. Разговор, начавшийся с одного похода в милицию, незаметно вышел далеко за пределы дела Сергея. В маленькой квартире на втором этаже длинного кирпичного барака они говорили уже о том, как целое общество учится видеть в законе не только силу, но и защиту.

Слова Георгия были понятными и одновременно весомыми. Они описывали нечто большое, что до сих пор оставалось для неё невидимым.

— Я понимаю, о чём вы говорите, Георгий, — наконец произнесла тётушка. — И вижу я это примерно так же. У нас в больнице один только сел в кресло главного врача — всё, не подступись теперь. Ещё вчера со всеми за руку здоровался, а теперь и взгляда не поднимет. Что же власть с людьми делает? Что она им даёт?

Вероника Степановна сама же начала отвечать на свой вопрос:

— И ведь чаще других тянутся к ней люди не самые здоровые. А потом за своими званиями и должностями уже людей не видят… Только кто им позволяет так себя вести? Да мы и позволяем. Вот где беда, Георгий. Сами создаём возможность, чтобы с нами так обращались. А как это менять?

Георгий слушал, как из простого житейского примера складывался точный вывод. Всё это лежало на поверхности, но большинство людей будто не замечали очевидного, пока оно не касалось их самих.

— Вот это и нужно менять, — кивнул он.

— А как? — возразила тётушка.

— Постепенно. Каждый на своём месте. А вам бы, Вероника, не завхозом работать, а в депутаты идти.

— Да скажете тоже — в депутаты! — Она махнула рукой.

— Вот вам и часть ответа. Пока вы отмахиваетесь, депутатом становится кто-то другой. И, возможно, именно он потом позволяет этой привычке и этой поруке жить дальше.

Вероника Степановна посмотрела на Георгия, потом перевела взгляд на окно.

— Да, это правда, — вздохнула она. — Что же получается: без борьбы за право не будет и самого права?

— Похоже, такова данность, — согласился Георгий. — Сначала приходится бороться за то, чтобы право признали, и только потом оно становится привычной нормой. Права человека должны быть ценностью сами по себе. Но такой ценностью они становятся лишь тогда, когда люди требуют их соблюдения, а те, кто применяет закон, действительно их защищают. Иначе правоприменитель незаметно превращается только в обвинителя и забывает, что закон — общий инструмент для всех. Он должен уравновешивать человеческие отношения, а не подменять их голой силой. Вот за это и приходится бороться: чтобы закон оставался законом для каждого.

Вероника Степановна задумалась. За последние несколько дней она увидела реальность, которой прежде почти не замечала. Та всегда существовала где-то рядом — за соседними дверями, за пределами её

привычных дорог, — но пока не вошла в её собственный дом, оставалась невидимой.

Теперь она оказалась внутри этой чужой и, как выяснилось, совсем не чужой реальности.

По её щеке скользнула слеза. Следом появилась другая. Несколько дней она держалась: ждала звонков, отвечала на вопросы, выполняла всё, о чём её просили. Теперь то, чего она боялась, впервые получило ясное название, и удержаться стало труднее.

Вероника Степановна опустила лицо на сложенные на столе руки и заплакала.

Георгий не стал сразу её останавливать. Он понимал: правда бывает тяжёлой, но она сама захотела её услышать.

Через некоторое время тётушка подняла голову.

— Простите, Георгий.

— Не за что вам извиняться.

На него смотрели заплаканные карие глаза. В них уже возвращался прежний внимательный, цепкий взгляд умной женщины, который тревога последних дней словно стёрла.

— Не всё так плохо, — улыбнулся Георгий. — По моему опыту, людей, готовых поступать по совести, всё-таки больше, чем тех, кто заблудился в собственных слабостях, в том числе в зависимости от власти.

Вероника Степановна вытерла глаза и снова посмотрела на него.

— Я тоже так думаю, — сказала она, улыбнувшись. — Я тоже так думаю, Георгий.

Она поднялась из-за стола.

— Пойду лицо ополосну.

Через минуту Вероника Степановна вернулась из

ванной, промокая лицо полотенцем. В этот момент в комнате зазвонил телефон.

Она подошла к аппарату и сняла трубку.

— Алло.

В трубке послышался неуверенный мужской голос:

— Это Лёшка Носов.

— Лёша?.. — Вероника Степановна посмотрела на Георгия.

— Да, это Лёша. Мне сказали позвонить, если меня вызовут.

— Ага, Лёш. Вот как раз Георгий рядом. Я дам ему трубку.

Георгий сразу понял, что звонил Алексей — друг Сергея, которого он навещал вчера днём. Он взял трубку.

— Да, Алексей. Привет. Говори.

— Мне позвонили из прокуратуры… Сказали прийти к следователю Лизавете…

— Петровне, — подсказал Георгий.

— Да.

— На какое время тебя вызвали?

— Сказали к двум.

— Хорошо. Я заеду за тобой после часу и отвезу. Договорились?

— Договорились, — ответил Лёшка.

Георгий положил трубку и посмотрел на Веронику Степановну.

— Вот вам и подтверждение.

Тётушка улыбнулась.

— Ну хорошие же ребята.

— Хорошие, — подтвердил Георгий.

Они уже направились обратно на кухню, когда телефон зазвонил снова. Георгий машинально протянул

руку к трубке, поскольку стоял ближе, но вовремя остановился.

— Возьмите вы.

— Ага, — кивнула Вероника Степановна и сняла трубку.

— Алло.

— Вероника Степановна? Это Светлана Викторовна.

— Да-да, Светлана Викторовна, слушаю вас, — ответила тётушка и посмотрела на Георгия.

Он сразу понял, что звонит адвокат.

На несколько секунд в трубке повисла тишина.

— Да, слушаю вас, — повторила Вероника Степановна.

Светлана Викторовна вздохнула, словно собираясь с силами.

— Вчера у меня был ваш адвокат… Георгий. Мы поговорили.

— Да, Светлана Викторовна. Надеюсь, всё хорошо.

Вероника Степановна старалась сгладить напряжение, которое не проговаривалось, но чувствовалось в отстранённом тоне Светланы Викторовны.

— Да. Его позицию я поняла. Я вот что хотела сказать… Вчера я была в прокуратуре.

— Да.

— Меня вызвали как адвоката по назначению. Подробности я по телефону обсуждать не могу, но во время одного из допросов прозвучали сведения, которые могут оказаться важными для Сергея.

Вероника Степановна поняла, что Светлана Викторовна хочет сообщить что-то действительно важное. Она посмотрела на Георгия и сказала:

— Может быть, вам трубку дать? Георгий сейчас как раз у меня. Думаю, он поймёт больше, чем я.

В её голосе появился лёгкий смешок.

— Да… Давайте.

Вероника Степановна тут же передала трубку Георгию.

— Алло. Здравствуйте, Светлана Викторовна.

В трубке на несколько секунд стало тихо. Казалось, Светлана Викторовна не ожидала, что Георгий окажется рядом.

— Здравствуйте, — наконец сказала она.

— Я вас слушаю.

— Скажу только так: в ходе допроса прозвучало то, что может подтвердить часть вашей позиции. Больше по телефону я говорить не могу.

— Я понял. Спасибо, Светлана Викторовна. Вам будет удобно, если я сейчас заеду к вам в офис и мы поговорим подробнее?

В трубке снова наступила тишина.

— Ну, давайте. Хорошо, — после паузы ответила Светлана Викторовна. — Через сколько вы будете?

Георгий посмотрел на часы.

— Минут через двадцать.

Он положил трубку.

Второй звонок словно стал ответом на весь их разговор и усилил едва успевшую родиться в маленькой квартире уверенность.

— Вы правы, Георгий, — улыбнулась Вероника Степановна.

Добуж. Кабинет адвоката. Около полудня.

Через пятнадцать минут после того, как трубка легла на рычаг, чёрный «Шевроле» уже подъезжал к офису Светланы Викторовны, с которой накануне у Георгия состоялся непростой, но необходимый разговор.

В руках он держал небольшой торт, купленный по дороге в магазинчике, который посоветовала Вероника Степановна.

Поднявшись к кабинету, Георгий постучал в дверь.

— Да-да, входите, — отозвалась Светлана Викторовна.

Это было уже не то сухое «да», которое он услышал вчера. Светлане Викторовне явно нелегко было переступить через привычное «я знаю» и допустить, что она могла ошибаться. Теперь это внутреннее решение предстояло превратить в поступок.

Георгий вошёл в кабинет и улыбнулся.

— Светлана Викторовна, это вам. Для мира, — сказал он и протянул небольшую квадратную коробку.

— Ой, да не надо было, — ответила она, принимая торт и немного краснея.

— Вы меня за вчерашнее извините. Возможно, я был резок. И слова о жалобе на прощание тоже были лишними.

Он посмотрел на Светлану Викторовну. Она некоторое время молчала.

— И вы меня извините. Я вчера с самого утра была на взводе: один стресс за другим.

— Не переживайте, — перебил её Георгий. — У нас с вами непростая профессия. Стресс — часть нашей работы. Главное, что мы умеем с ним справляться.

— Да, — ответила она, снова немного покраснела и посмотрела в окно.

Светлана Викторовна поставила торт на стол,

подошла к чайнику и нажала кнопку. Вода внутри зашуршала. Она прошлась по кабинету, словно всё ещё собираясь с мыслями.

— Я вот что хотела вам сказать…

Она указала на стул, и Георгий сел.

— Вчера я присутствовала на допросе одного задержанного. Его данные называть не буду и всего, что касается его защиты, тоже касаться не стану. Сами понимаете, я должна быть осторожна.

— Конечно, — подтвердил Георгий.

— Но в ходе допроса прозвучали обстоятельства, которые напрямую относятся к делу Сергея. Этот человек рассказал, что до того, как они поехали на дискотеку, где произошла драка, они побывали в соседней деревне.

Георгий слушал внимательно. К этому моменту он уже знал, о чём говорит Светлана Викторовна: накануне ему рассказал об этом Руслан. Но теперь эти сведения прозвучали на официальном допросе и существовали уже не только в неформальном рассказе оперативника.

Сам звонок Светланы Викторовны говорил о том, что она пересмотрела свою вчерашнюю позицию и теперь сама искала возможность помочь разобраться в произошедшем.

— В той деревне жила женщина, у которой они покупали самогон, — продолжила она. — Теперь по факту её убийства возбуждено уголовное дело. Женщину ударили молотком по голове, а потом подожгли дом.

— Кто заходил в дом? — спросил Георгий.

— С его слов, Анатолий Рыбкин. Тот самый, которого впоследствии ранил Сергей. Рыбкин неоднократно

судим.

Светлана Викторовна немного помолчала.

— После этого они поехали на дискотеку, где, по всей видимости, и спровоцировали драку.

— А кто, по его словам, начал конфликт?

— Прямо он этого не сказал. Но к клубу они приехали вчетвером: мой подзащитный, Анатолий Рыбкин и ещё двое, которых сейчас разыскивают.

Она задумалась.

В этот момент чайник закипел и щёлкнул. Светлана Викторовна взяла две кружки, налила кипяток и достала из тумбочки пакетики чая. Вода начала медленно окрашиваться.

— Ну, давай, открывай свой тортик, — сказала она уже совсем другим тоном.

Она впервые обратилась к Георгию на «ты». Ему понравился не столько сам тон, сколько то, что он означал: вчерашняя напряжённость исчезала, уступая место более доверительному общению.

Георгий развязал упаковку и открыл коробку. Светлана Викторовна нашла нож, разрезала торт, поставила на стол блюдца и разложила куски. Затем села напротив Георгия, отпила чай и ложечкой отделила небольшой кусочек. Георгий сделал то же самое.

— Я думаю, для Сергея всё это очень важно, — продолжила она.

— Очень важно, — подтвердил Георгий.

— Только честно тебе скажу: с этим будет сложно. Я знаю наши порядки и нашу прокуратуру…

Она посмотрела куда-то вверх и вздохнула.

— Да, я понимаю, — сказал Георгий.

Так, почти незаметно, за чаем и тортом между двумя адвокатами был заключён мир.

— Светлана Викторовна, я сегодня был у следователя Лизаветы Петровны, — произнёс Георгий.

Светлана Викторовна отвела глаза и немного наклонила голову, словно услышала именно то имя, которое подразумевала, когда говорила о сложностях.

— И что она сказала?

Георгий посмотрел на коллегу.

— Если честно, сейчас не так важно, что именно она сказала. У нас есть факты. Мы их представим и заставим смотреть на них прямо. Вот наша задача. А профессиональных инструментов для этого у нас достаточно.

Он произнёс это с такой уверенностью, что Светлана Викторовна сразу её почувствовала.

— Да, механизмов у вас действительно много.

Георгий посмотрел на неё внимательнее.

— Чем больше людей будут говорить об этих фактах и требовать их проверки, тем труднее станет их игнорировать. Наша задача — добиться справедливой оценки. Вы теперь сами услышали часть произошедшего от одного из участников.

Он немного подался вперёд.

— Пока картина складывается так. Четверо выпивших взрослых мужчин, среди которых были ранее судимые, незадолго до этого побывали возле дома женщины, убитой перед пожаром. Затем они приехали на дискотеку, увидели там молодых парней с девочками, спровоцировали конфликт и начали избиение. Сергей в это время находился на улице и не вмешивался, пока не увидел, что Валю бьют.

Светлана Викторовна слушала внимательно, сопоставляя его слова с тем, что услышала накануне во время допроса.

— Сергей подошёл к ним и попытался прекратить драку. Его оттолкнули и сильно ударили, отчего он упал. Когда он поднялся, избиение продолжалось: четверо мужчин по-прежнему били Валю. Сергей добежал до машины и взял не нож и не заранее приготовленное оружие, а первое, что попалось ему под руку. Попался бы камень — взял бы камень. Под рукой оказалась отвёртка. С ней он и вернулся к тем, кто избивал его друга.

Светлана Викторовна вспомнила своего вчерашнего подзащитного — крепкого, жилистого мужчину — и попыталась мысленно восстановить всю картину.

— Про Сергея в показаниях почти ничего не говорилось, — сказала она. — Только о последнем ударе.

— То есть вы не слышали о том, что сначала Сергей попытался вмешаться без отвёртки, после чего его ударили и он упал?

— Нет, — покачала головой Светлана Викторовна.

Георгий задумался.

— Значит, придётся искать свидетелей этого момента, если следствие само их не установит.

— И учтите: я пересказываю вам только версию одного человека. Он может чего-то не помнить, а может сознательно недоговаривать.

— Разумеется.

— Но он действительно рассказал, что Сергей подошёл к самому крепкому из них и один раз ударил его отвёрткой. После этого избиение прекратилось. И Рыбкин — тот, который впоследствии умер, — судя по

тому, что я услышала, действительно был главным зачинщиком и руководил избиением мальчика.

Светлана Викторовна посмотрела на Георгия.

— Только я одного не могу понять. Как вы собираетесь доказывать необходимую оборону по тридцать седьмой статье?

— А что именно вас смущает?

— Как, по-вашему, следователь должен оценить характер нападения и ответные действия Сергея? У тех мужчин не было оружия, а Сергей добежал до машины и вернулся с отвёрткой. Не усмотрят ли здесь превышение?

— Отсутствие оружия у нападавших само по себе ещё не означает, что нападение не было опасным для жизни. Их было четверо. Они вместе избивали одного подростка и продолжали наносить ему удары, даже когда Сергей попытался вмешаться.

— Но это придётся доказывать.

— Безусловно. И мы уже начали. Вчера Валя Сугробов, тот самый мальчик, которого били, обратился в больницу. У него обнаружили переломы двух рёбер, множественные ушибы, повреждение переносицы и сотрясение головного мозга.

Светлана Викторовна задержала руку возле лица.

— Господи… Бедный мальчик.

— Совокупность этих повреждений и количество нанесённых ударов подтверждают, что нападение было реальным и опасным. Если бы избиение продолжилось, последствия могли оказаться ещё тяжелее, вплоть до смертельных. Сергей сначала попытался защитить Валю без всяких предметов. Его оттолкнули и ударили. Кто именно это сделал, нам ещё предстоит установить и

подтвердить.

Георгий отставил кружку.

— После этого он поднялся, увидел, что Валю продолжают избивать, взял первое, что оказалось под рукой, и нанёс один удар. Не два, не три — один. Этого оказалось достаточно, чтобы нападение прекратилось. Больше Сергей никого не бил. Да, для Рыбкина этот удар оказался смертельным. Но тяжесть последствий сама по себе ещё не превращает защиту в преступление. Оценивать необходимо всю обстановку в тот момент, когда Сергей принимал решение.

Светлана Викторовна некоторое время молчала.

— Кстати, что вам известно о Рыбкине? — спросил Георгий. — Есть хотя бы примерная характеристика?

— Ранее судим, конфликтный, склонный к дракам. Хулиган, одним словом.

— Сама по себе судимость, конечно, не доказывает его роль в этом нападении. Но вместе с показаниями свидетелей она поможет проверить, кто был зачинщиком и как вёл себя каждый участник. Нам придётся собрать всё: медицинские документы, показания, последовательность событий и судебную практику по необходимой обороне.

— Ой, Георгий… — снова вздохнула Светлана Викторовна. — Это мы здесь, за чашкой чая, по-дружески и по-профессиональному выслушиваем друг друга. А там…

Она кивнула в сторону окна.

— Там как будто другие законы. Слушать не хотят. Как бы дело сразу до суда не довели.

— А я иначе на это смотрю, — возразил Георгий. — Мы сами не должны соглашаться с тем, что здесь

действует один закон, а за этим окном — другой. Право одно.

— Только применяют его они.

— А у нас с вами разве нет инструментов? Ходатайства, жалобы, экспертизы, свидетели, суд. Если мы сами о них забудем, никто по доброй воле нам их не предложит.

— Я понимаю, о чём ты говоришь. Но ты как будто не знаешь, в какой стране мы живём.

Она улыбнулась.

— Идеалист ты, Георгий. Много вас в Москве таких?

— Дело не в Москве, Светлана Викторовна. Здесь таких людей тоже много. Далеко ходить не будем: один из них сидит сейчас в этом кабинете.

— Это кто же?

— Вы.

— Ой, запутал ты меня, Георгий.

Светлана Викторовна улыбнулась и махнула рукой.

— Ты меня не слушай. Я сама всё понимаю. Просто здесь, в нашей деревне, иногда не только о собственных правах забудешь, но ещё и другим начнёшь рассказывать, что никаких прав у них нет.

— А вы думаете, в Москве всё иначе?

— Не знаю, — честно ответила она.

— Вопрос не в деревне и не в Москве. Вопрос в людях. Одни смотрят на то, как право принято применять, и повторяют за всеми. Другие смотрят прямо, без привычного фильтра, и говорят о нарушении, когда его видят.

— Согласна, Георгий. Согласна. Спорить не хочу. Ты молодой, тебе виднее.

— Как раз ваш опыт и ваши знания очень нужны.

Изменится подход одного профессионала, потом другого — постепенно начнёт меняться и система.

— Россию не изменить, — вздохнула Светлана Викторовна и снова махнула рукой.

— Но вы же уже изменились.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Ой, я, что ли, Россия?

— А кто же ещё? — кивнул Георгий.

— Ой, Георгий, ну и шутник же ты!

Светлана Викторовна рассмеялась.

— Но я согласна с тобой. Ты меня не слушай. Я всё-таки из того поколения, которое привыкло: право у того, у кого власть. Вот у таких, как ты, и учусь.

— У вас прекрасное качество. Я польщён.

— Какое ещё качество, Георгий? Только не смеши меня.

Она посмотрела на торт и снова рассмеялась:

— Кушать торты?

Георгий поддержал её смех.

— Это ваше второе лучшее качество. А первое — быть честной с самой собой.

— Ой, Георгий… Мне бы лет двадцать сбросить — я бы с тобой в Москву уехала!

Она откинулась на спинку кресла.

— Давно я так не смеялась, Георгий.

Он посмотрел на часы. Стрелка приближалась к половине второго — пора было ехать за Лёшей Носовым.

Георгий поднялся и попрощался со Светланой Викторовной, договорившись оставаться на связи.

На прощание он легко коснулся губами её руки и вышел из кабинета.

Светлана Викторовна ещё некоторое время стояла

посреди комнаты.

Два дня, два совершенно разных настроения, а между ними всего одна ночь, подумала она, подойдя к окну.

Ей вдруг захотелось писать стихи, к которым она иногда возвращалась в особенные минуты своей жизни. Казалось, сегодняшний разговор снова коснулся какой-то давно молчавшей внутренней струны.

Добуж. Дом Лёши. Дорога к прокуратуре. Около 13:30.

Следующей остановкой был дом Лёши.

Дом стоял в глубине двора, за металлической калиткой. Лёша уже ждал возле неё и, увидев остановившийся чёрный «Шевроле», не сразу решился подойти. Георгий опустил стекло:

— Садись.

Лёша открыл тяжёлую дверь и устроился рядом. Первые минуты он сидел скованно, положив руки на колени и стараясь занимать как можно меньше места. Потом немного расслабился и начал украдкой осматривать салон: приборную панель, широкие сиденья, зеркало, пространство за спиной.

— У нас есть минут пятнадцать, — сказал Георгий. — Давай ещё раз всё проговорим.

— Давайте, — ответил Лёша.

До прокуратуры они доехали быстро. Было без двадцати два, поэтому Георгий остановился на тихой улице неподалёку и заглушил двигатель.

— После нашего вчерашнего разговора ничего нового не вспомнил?

Лёша задумался, потом покачал головой:

— Да не… А что ещё?

— Если не вспомнил — ничего придумывать не надо. На допросе так и говори: «Не помню». Твоя задача — рассказать всё точно, как было.

— Понятно.

— И самое главное начнётся не тогда, когда следователь станет задавать вопросы, а в конце. Он составит протокол и даст тебе подписать. Ты обязательно прочитаешь всё от начала до конца. Каждую страницу.

Лёша посмотрел на него с лёгким недовольством:

— Прочитаю.

— Ты хорошо читаешь?

— Ну, в школе учился, — ответил Лёша и немного расправил плечи.

— Вот и отлично. Если в протоколе чего-то не будет или окажется написано не так, как ты сказал, потребуешь исправить. Пока не исправят — не подписывай.

— Ага.

— Начни с самого начала. Как вы ехали, кто находился в машине, зачем отправились на дискотеку. Про бутылку тоже расскажи.

Лёша посмотрел на Георгия:

— Про водку?

— Про неё. Скрывать это нельзя. Если попытаешься скрыть, а следователь уже знает, он решит, что и всё остальное ты говоришь неправду.

— Ну, выпивали…

— Так и скажи. Сергей и Валя немного выпили, но больше половины бутылки осталось тебе. Потом её допил ты.

— Ну да, — согласился Лёша. — Я вообще бутылку один выпить могу.

— В этом я уже не сомневаюсь, — сказал Георгий. — Но сейчас важно другое. Сергей и Валя были пьяны?

— Да не. Нормальные были.

— Не проявляли агрессии? Не цеплялись ни к кому?

— Нет.

— Зачем они вообще поехали на дискотеку?

Лёша пожал плечами:

— Отдохнуть. Потанцевать.

— Вот это и объясни. Они приехали не драться и не искать неприятностей. Были спокойными, никого не задевали.

— Ну да, — вздохнул Лёша.

— Лёш… — Георгий развернулся к нему почти всем корпусом. — Ты пойми: всё, что я тебе сейчас говорю, нужно для того, чтобы ты понимал, что именно следователь обязательно должен отразить в протоколе. Понимаешь?

— Угу. Понимаю.

— Ты понимаешь, для чего это нужно?

Лёша поднял плечи и немного скривил лицо, изображая непонимание.

Георгий мысленно отругал себя за то, что время поджимало, а подготовить Алексея нужно было заранее. Но делать было нечего: сейчас следовало максимально сосредоточить его на задаче.

Задача была простой: нужно было, чтобы Лёша на допросе указал нужные детали — возможно, те, на которые следователь даже не обратит внимания, но которые были необходимы для защиты и объективной картины произошедшего.

Георгий снова посмотрел на Лёшу. Тот сидел молча и смотрел куда-то вперёд.

— Алексей, скажи мне, пожалуйста, я слышал, ты в армию собираешься?

Лёша посмотрел на Георгия:

— Собираюсь.

Он слегка наклонил голову набок.

— Отлично. Твой выбор говорит о тебе как о человеке, который готов взять на себя определённую ответственность.

Лёша снова мельком посмотрел на Георгия.

— А ты что-нибудь знаешь про армию?

— Ха, — хмыкнул Лёша. — Представляю. У меня дед служил. Связистом.

Георгий вдруг вспомнил ту рацию, которая стояла в комнате у Сергея.

— А рация у Сергея — твоего деда?

Лёша внимательно посмотрел на Георгия.

— Да. А что?

— Сергей её хранит. Вещь ценная.

— Ага. В моём гараже валялась.

— Ну вот. Чтобы такими штуками пользоваться, много ума нужно. Значит, дед умный был.

— Не дурак, — ответил Лёша.

Голос у него был грубым и прямым. В коротком ответе отчётливо слышалось его отношение к деду.

— Вот смотри: это твоя первая боевая задача.

Лёша внимательнее посмотрел на Георгия.

— Понимаешь? — спросил Георгий.

Тот молчал.

— У твоего деда была задача передавать информацию. И если информация вдруг будет неполной или

повреждённой, то?..

Лёша молчал.

— То боевая задача будет не выполнена.

Лёша кивнул:

— Понимаю.

Георгий вздохнул с облегчением.

Он посмотрел на часы. Оставалось пять минут, чтобы настроить Лёшу на нужный диапазон, и ещё пять минут, чтобы доехать до прокуратуры.

— Теперь слушай задачу.

Лёша повернулся к Георгию.

— Твоя задача — честно отвечать на всё, о чём будет спрашивать следователь. Тут нечего скрывать.

Лёша кивнул.

— А боевая задача заключается в следующем: во время допроса не просто отвечай «угу», «да» или «не помню».

Лёша снова кивнул.

— Ты обязательно поясняй то, что видел и наблюдал.

— Про что? — спросил Лёша басом.

— Вот тут самое главное. — Георгий поднял палец. — Твоя задача — чтобы допрос не просто зафиксировал то, чего ты не видел, а именно то, что ты видел. То есть нужно пояснить: зачем вы поехали на дискотеку?

Георгий вопросительно посмотрел на него.

— Ну зачем… Танцевать, — ответил Лёша.

— Вот. То есть вы поехали не драться, а отдыхать.

Лёша кивнул.

— Далее. Вы выпивали, так?

— Так.

— Пьяными были?

— Да нет, — ответил Лёша.

— Агрессивными?

— Нет.

— Понимаешь, о чём я?

Лёша снова посмотрел на Георгия, будто ждал, что тот сам за него ответит.

— Твоя задача — дать характеристику. Понимаешь?

Глаза Лёши немного расширились. Казалось, что-то он всё-таки понял.

— То есть твоя задача — чтобы в протоколе допроса были отражены сведения, которые характеризуют Валю и Сергея по-настоящему и в момент вашей поездки.

Лёша посмотрел на Георгия внимательнее.

Георгий взглянул на часы и тут же завёл двигатель. Мотор забулькал. Георгий перевёл расположенный на рулевой колонке рычаг в положение «драйв». Машина качнулась и двинулась вперёд, раскачиваясь на неровной дороге и медленно выбираясь из тихого двора.

— То есть твоя задача — чтобы в допросе были отражены именно эти сведения. Понимаешь? Не просто: «Мы приехали, выпили, а я больше ничего не видел»…

Георгий посмотрел на Лёшу. Тот что-то ворочал у себя в голове.

Машина выехала на дорогу. Георгий надавил на газ и продолжил:

— Твоя задача — чтобы в протоколе появилась характеристика: даже если вы выпили, агрессивными не были — раз; на дискотеку ехали танцевать и отдыхать, драки не искали — два; «Запорожец» вместе делали три месяца, дружили — три. Билеты купили?

— Да, — кивнул Лёша.

— Вот… — Георгий продолжил: — То есть твоя боевая задача, Лёш, — быть свидетелем того, что ты и твои

друзья не искали повода для ссоры или драки. Понимаешь?

— Да, понимаю, — кивнул Лёша.

Георгию показалось, что он наконец нащупал в нём то самое, что было нужно.

— Вот и отлично, Лёш. Твой допрос, как и Валин, очень важен. Понимаешь?

— Да, — кивнул Лёша.

Впереди показался светофор. Машина остановилась. Справа виднелся танк.

— А городок-то у вас неплохой, — сказал Георгий.

Лёша молчал, но лицо у него немного изменилось. Казалось, он вышел из какого-то ступора.

Через несколько минут они уже подъезжали к прокуратуре. Остановившись неподалёку, Георгий заглушил двигатель и повернулся к Алексею.

Тот посмотрел на Георгия.

— Лёша, ты парень уже взрослый. Всё, что я тебе сказал, ты услышал?

— Да, — кивнул Лёша.

— Как только закончишь, подходи сюда, к машине. Даже если вдруг меня не будет на месте, подожди меня. Хорошо?

Лёша кивнул.

— Вопросы есть?

Лёша посмотрел на Георгия.

— А если будут спрашивать, где самогон купил?

— А ты его где купил?

— У деда. Он там неподалёку от меня живёт.

— Ты говорить это не хочешь, правильно?

— Не, — повертел головой Лёша.

— Вот так и скажи: самогон купил я, но у кого —

говорить не хочу. Человек для себя делает, не продаёт, а мне дал только по давнему знакомству. Понял?

— Да, — кивнул Лёша.

Теперь казалось, что в его голове все пазлы сошлись. Это было заметно по глазам: они словно собрались, а расплывающийся взгляд стал более сосредоточенным.

— Ещё вопросы?

— Да вроде нет. Я понял, — сказал Лёша.

— Ну и отлично. Я в это время тоже буду в прокуратуре, но у прокурора. Поэтому ориентировочно через час буду ждать тебя здесь, как договорились.

— Угу, — произнёс Лёша и потянул за рычаг двери.

— Давай, Лёш. Удачи.

Лёша уже собирался выйти, но остановился.

— А что там сказать? — спросил он, кивнув в сторону здания прокуратуры.

— Войдёшь — там дежурный должен сидеть. Скажешь: на допрос к следователю Мышкиной. Она же тебе звонила.

— Да, женщина звонила, — кивнул Лёша.

— Фамилию запишут и номер кабинета скажут. Найдёшь, постучишься. Если вдруг заблудишься, я минут через пятнадцать следом за тобой зайду и помогу найти. Понял?

— Понял, — кивнул Лёша.

Георгий немного придержал его:

— Помни: задание почти боевое.

— Справлюсь, — пробасил Лёша.

Георгий улыбнулся. Лёша вышел, и дверь машины захлопнулась.

Он направился в сторону прокуратуры.

Добуж. Районная прокуратура. Около 14:00.

Выждав немного и ещё раз заглянув в свои записи, Георгий вышел из машины и направился к зданию прокуратуры. Дежурный у входа указал ему дорогу на второй этаж, где в эти часы вёл приём прокурор. Лёши в коридорах не было — значит, он уже находился в кабинете следователя.

Георгий прошёл по длинному коридору со скрипучим полом и поднялся на второй этаж. Кабинет прокурора долго искать не пришлось: он находился в самом конце коридора и отличался от остальных ещё издали. Перед кабинетом располагалась просторная приёмная, а к массивной двери вела узкая красная ковровая дорожка — единственная во всём здании.

На стене висела табличка:

Прокурор Добужского района

Денис Петрович Селедцов

Георгий прошёл через приёмную, постучал и нажал на ручку.

Дверь со скрипом приоткрылась.

Кабинет оказался большим, почти квадратным. У окна стоял массивный письменный стол. За ним, склонившись над документами, сидел мужчина с гладкой лысиной и очками в тонкой, почти незаметной оправе. Очки удивительно точно подходили к его лицу и придавали ему спокойный, интеллигентный вид.

Денис Петрович поднял глаза:

— Вы ко мне?

— Да, к вам.

— По какому вопросу?

— По уголовному делу Сергея Мартынова. Я его

адвокат.

Денис Петрович внимательно осмотрел Георгия.

— Заходите.

Георгий сделал ещё несколько шагов, но садиться не стал. Приглашения пока не последовало.

Денис Петрович ещё раз, теперь внимательнее, посмотрел на Георгия, затем рукой указал на стул, стоявший возле стола.

— Спасибо, — ответил Георгий, отодвинул стул и сел.

Денис Петрович молчал, попутно что-то записывая. Затем снова поднял глаза и посмотрел на Георгия.

— Рассказывайте, с чем пришли.

Георгий ловко достал из портфеля несколько бумаг и протянул Денису Петровичу. Тот взял их и придвинул к себе.

— Это соглашение о защите.

— Хорошо, — кивнул прокурор. — Это я понял. А где он сам?

В уголках губ Дениса Петровича появилась едва заметная улыбка. Она сама договаривала всё, что он не произнёс вслух.

— Именно это и стало поводом для моего прихода, — ответил Георгий. — Я хотел бы обсудить с вами добровольную явку Сергея на допрос и возможность прекращения уголовного дела в отношении него за отсутствием в его действиях состава преступления — с учётом положений статьи тридцать седьмой Уголовного кодекса.

Денис Петрович несколько секунд смотрел на него, затем придвинул к себе лежавшие на столе бумаги.

— Я как раз изучаю ваше ходатайство и документы, касающиеся товарища Мартынова — Валентина

Сугробова, — с этими словами Денис Петрович приподнял край лежавших перед ним документов.

Георгий увидел знакомый текст и понял, что зарегистрированные утром материалы уже дошли до прокурора.

— Здесь пока не хватает экспертизы, — продолжил Денис Петрович. — Справка из больницы фиксирует повреждения, но процессуальную оценку должен дать эксперт.

— Я понимаю. Поэтому в ходатайстве прошу дополнительно допросить Валентина Сугробова, истребовать медицинские документы и назначить судебно-медицинскую экспертизу.

Денис Петрович посмотрел на него поверх очков.

— То, что вы говорите, я понимаю. Но применение статьи тридцать седьмой в подобных делах — скорее исключение из правил.

Георгий немного сузил глаза.

— Не встречал в законе такой формулировки.

В кабинете на несколько секунд стало тихо.

— Но я понимаю, что вы имеете в виду, — продолжил Георгий уже спокойнее. — Подобные решения принимаются редко. Особенно когда человек погиб.

— Именно, — сказал Денис Петрович. — Человек погиб, а Мартынов после этого скрылся.

— Его отъезд тоже необходимо оценить. В первую очередь он объясняется тем, что Сергей искал защиты.

— В вашем лице? — Денис Петрович посмотрел на него вопросительно.

— Как видите, — улыбнулся Георгий.

— А что, у нас в городе адвокаты перевелись? — не поднимая взгляда, проговорил Денис Петрович.

— Ну, вы же сами только что сказали, что вопрос непростой, — мягко парировал Георгий.

— Непростой… — со вздохом проговорил Денис Петрович. — Ну ладно…

Он снял очки, положил их на бумаги и внимательно посмотрел на Георгия:

— Скажите прямо: чего вы хотите?

— Я хочу обеспечить добровольную явку Сергея. Привезти его сюда лично и присутствовать при допросе. А до принятия окончательного решения прошу проверить не только сам удар, но и всё, что ему предшествовало: нападение четырёх человек, избиение Валентина, два сломанных ребра, повреждения головы и тот момент, когда вмешался Сергей.

— Это всё изложено в вашем ходатайстве, — кивнул на бумаги Денис Петрович.

— Да. Там же поставлен вопрос о прекращении уголовного дела в отношении Сергея, если обстоятельства необходимой обороны подтвердятся.

Денис Петрович снова надел очки и перелистнул несколько страниц.

— Да, но говорить об этом ещё очень рано. Мы ещё не всех допросили. Экспертизы нет. Я не могу вам ничего обещать. И, откровенно говоря, подобный вопрос чаще приходится решать суду.

— Почему обязательно суду?

Прокурор поднял глаза.

— Потому что погиб человек.

— Это основание провести полную проверку, — ответил Георгий. — Но не основание заранее перекладывать решение на суд. У прокуратуры достаточно полномочий, чтобы установить

обстоятельства и, если состава преступления в действиях Сергея нет, прекратить дело в отношении него здесь. Необязательно направлять дело в суд только для того, чтобы решение принял кто-то другой.

Денис Петрович ничего не ответил. Он смотрел на лежавшие перед ним документы, медленно постукивая пальцем по краю одного из листов.

— Приводите Мартынова, — наконец сказал он. — Но я вам ничего не обещаю.

— Обещания результата я и не прошу.

— Тогда чего вы просите?

— Чтобы изложенные нами обстоятельства действительно проверили. И если они подтвердятся, вопрос о прекращении дела в отношении Сергея был решён здесь, а не автоматически передан в суд.

Денис Петрович помолчал.

— Если всё подтвердится, будем решать. Основания для прекращения дела в отношении Мартынова в таком случае могут быть.

Георгий едва заметно подался вперёд, словно успел поймать последние слова прокурора прежде, чем тот смог забрать их обратно.

— Вот этого мне достаточно.

Денис Петрович посмотрел на него внимательнее.

— Когда вы сможете привезти Мартынова?

Георгий на несколько секунд задумался, мысленно сверяя время и расстояние.

— Ну, если вы как прокурор обещаете объективную проверку, я готов передать эту информацию своему подзащитному и его официальному опекуну, а затем прибыть вместе с ним.

— Нам нужно точнее, — вздохнул Денис Петрович.

— Я правильно понимаю, что вы принимаете во внимание доводы защиты и готовы объективно рассмотреть вопрос, поставленный в ходатайстве?

Денис Петрович снова посмотрел на документы, поправил очки и ещё раз пробежал глазами по тексту. Потом поднял глаза на Георгия.

— Я же вам сказал: вопрос будет рассмотрен исходя из всех объективных обстоятельств и будет принято процессуальное решение.

Георгий внимательно посмотрел на Дениса Петровича.

— Скажите, сколько вам потребуется времени, чтобы, помимо допроса моего подзащитного, проверить все эти обстоятельства?

Денис Петрович едва хмыкнул, но тут же сдержался, словно не желая давать волю эмоциям. Он снова снял очки, положил их на стол и сложил перед собой руки.

— Допросы идут каждый день. Ваши материалы уже находятся у меня на проверке. После изучения я дам поручения следственной группе, и она, конечно, даст им квалифицированную оценку. В случае необходимости мы проведём дополнительные следственные действия.

Георгию этого хватило. Разговор складывался. Хотя он и носил формальный характер, именно эта формальность давала пусть односложные, но прямые ответы, которые Георгию и требовалось услышать.

— Хорошо. Спасибо за ваш объективный настрой, это очень ценно. Если всё подтвердится, мы можем предварительно договориться, например, на четверг. Но мне нужно уточнить ещё один важный момент.

Денис Петрович сосредоточенно и спокойно смотрел на Георгия. Тот продолжал:

— Я хотел бы ещё раз услышать это для себя. Если подтвердятся все факты, указывающие на то, что Сергей Мартынов воспользовался своим правом на необходимую оборону — разумеется, не осознавая в тот момент юридического смысла происходящего, а действуя исходя из реальной обстановки, — то есть если мы с вами увидим обстоятельства, которые однозначно подтвердят, что он защищал не только себя, но и своего друга Валентина Сугробова, можете ли вы подтвердить, что в таком случае сможете принять решение о прекращении уголовного дела в отношении Сергея?

Денис Петрович внимательно выслушал Георгия.

— Я ничего пока не могу вам обещать, — вздохнул он. — Вы сами правильно сказали, что нужно увидеть всю объективную картину.

— Да. Я не прошу вас обещать, что вы вынесете такое решение. Напротив, я спрашиваю именно о возможности прекратить дело, если объективно подтвердится, что Сергей действовал в пределах статьи тридцать седьмой.

— Я не понимаю, что вы тогда хотите от меня услышать, — удивился Денис Петрович.

Георгий кивнул.

— Дело в том, что в начале разговора мы с вами сошлись на том, что случай действительно редкий. Поэтому я хотел бы услышать от вас, что вы допускаете возможность прекратить дело своим решением как прокурор. Иными словами, мне необходимо ваше личное подтверждение, что при наличии оснований вы готовы использовать полномочия, которыми вас наделяет закон.

Денис Петрович сосредоточился. Казалось, за всё

время службы ему ещё не приходилось вести разговор, касавшийся уже не только конкретного дела, но и его собственной позиции как процессуалиста.

— Ну конечно, — кивнул Денис Петрович, не найдя в словах Георгия ничего, что противоречило бы его собственному пониманию такой возможности, пусть даже прежде ему не приходилось использовать эти полномочия в подобных обстоятельствах. — Но только если обстоятельства действительно будут объективно подтверждать версию защиты.

— Мне достаточно это услышать. Спасибо, — сказал Георгий и отодвинулся от стола, собираясь встать. — У меня больше нет вопросов. Могу ли я позвонить вам в четверг утром и подтвердить нашу явку?

— Да, конечно, — кивнул Денис Петрович.

— Можно номер вашего кабинета?

Денис Петрович продиктовал.

Георгий записал номер и передал свою визитку. Денис Петрович посмотрел на неё и положил в выдвижной ящик стола.

— Если всё пойдёт по плану, в четверг после обеда вы готовы прибыть на допрос?

— Предварительно, — уточнил Георгий. — Решение принимаю не я, и ещё нужно время, чтобы доехать.

— Понимаю, — кивнул Денис Петрович.

Георгий закрыл портфель и поднялся. Попрощавшись, он вышел из кабинета.

Добуж. У районной прокуратуры. После 14:00.

Выйдя из здания районной прокуратуры, Георгий

посмотрел на часы. Разговор с Денисом Петровичем занял не больше получаса.

Он вспомнил, что обещал Лёше встретиться возле машины, спустился с крыльца и немного осмотрелся.

День стоял солнечный, уже по-настоящему весенний. Вдоль обочины бежала талая вода, унося песок и прошлогодние листья. Ветер временами налетал из-за угла, но почти сразу стихал. На клумбах из-под осевшего снега проступила чёрная мокрая земля. По ней деловито расхаживали голуби, выискивая что-нибудь съедобное.

Георгий подошёл к «Шевроле», сел за руль, но заводить машину не стал. Отсюда хорошо просматривался вход в прокуратуру.

Он достал блокнот и медленно перелистал записи, задерживаясь на отдельных пометках. На последней странице стояло:

«Четверг. Сергей. Денис Петрович».

Первый этап был завершён. Полных гарантий он не давал, но внутри появилось тихое чувство: сделано уже достаточно, голос защиты стал слышен — и это главное.

Теперь Георгию предстояло вернуться в Москву, поговорить с Сергеем и снова приехать сюда. Денис Петрович не обещал ни освобождения Сергея, ни прекращения дела. Но Георгий увидел в нём человека последовательного и способного вникнуть в обстоятельства. Прокурор прочитал документы, выслушал доводы и не спрятался за привычной фразой о том, что всё должен решать суд.

Оставалось дождаться Лёшу, узнать, как прошёл допрос, отвезти его домой, ещё раз поговорить с Вероникой Степановной и отправляться в Москву.

Георгий снова посмотрел на часы.

«Если всё сложится, сегодня уже буду дома».

Он уже собирался убрать блокнот, но вспомнил о мысли, которая приходила ему раньше и теперь вдруг потребовала осуществления. Казалось, времени хватало и на это.

Где-то неподалёку находился тот самый завод, о котором рассказывал Антон. По его словам, оттуда в реку сбрасывали химикаты. Река проходила через город, а значит, и завод должен был находиться где-то поблизости.

До сих пор Георгий знал это место только по бумагам: заявлениям, приложениям, почтовым квитанциям и ответам, которые приходили после отправленных жалоб. Теперь ему захотелось увидеть завод собственными глазами — хотя бы проехать мимо и посмотреть со стороны.

Он развернул бумажную карту на руле и провёл пальцем вдоль обозначенной голубой линией реки. Если дорога к заводу не потребует большого крюка, можно будет заехать туда перед выездом в Москву.

Георгий уже начал прикидывать расстояние, когда за лобовым стеклом показалась знакомая фигура. К прокуратуре твёрдым шагом шла Светлана Викторовна.

Георгий опустил стекло и посмотрел на неё.

Увидев броскую машину, Светлана Викторовна прищурилась. Разглядев за рулём Георгия, она изменила направление и пошла к «Шевроле».

— Светлана Викторовна! Здравствуйте ещё раз, — сказал Георгий и приоткрыл дверь, выходя ей навстречу.

— Георгий, — улыбнулась она, подходя ближе.

— Всё получается? — спросила Светлана Викторовна.

— Да. Я был у прокурора. Как человек он произвёл на меня очень хорошее впечатление.

— Денис Петрович? — удивилась она.

— Да, — кивнул Георгий.

— Ну, не знаю, Георгий. Человек он непростой, — сказала она и кивнула в сторону прокуратуры. — Хотя это не моя личная оценка, — добавила Светлана Викторовна тише, с улыбкой, словно намекая на мнение тех, кто работал в этом здании.

— Мне он показался человеком профессиональным.

— А, вы про это? Это да, — закивала она.

— Ну ладно, Георгий. Мне тут по делу, — Светлана Викторовна снова кивнула в сторону прокуратуры и начала отходить.

— До свидания, — сказал Георгий и посмотрел ей вслед.

Она обернулась:

— Мы с вами на связи, Георгий.

Светлана Викторовна улыбнулась по-своему хитро, но что могла означать эта улыбка, Георгий не понял. Ему хотелось верить в живую человеческую натуру, которую он разглядел в ней, и не искать в человеке двойного дна.

Георгий проводил её взглядом, сел обратно в машину, сложил карту и убрал на соседнее сиденье.

Добуж. Районная прокуратура. Дорога к дому Лёши. День.

Светлана Викторовна поднялась на второй этаж и свернула в другую часть коридора. На двери одного из кабинетов висела табличка с именем Киры

Николаевны.

Они дружили давно, ещё с тех времён, когда Светлана Викторовна работала в суде. По сложным вопросам она иногда заходила к Кире — не за готовым решением, а чтобы проверить собственные выводы чужим профессиональным взглядом.

Светлана Викторовна постучала и приоткрыла дверь.

Кира Николаевна сегодня дежурила. Увидев подругу, она сразу отложила бумаги:

— Ой, Светочка! Заходи. Давай чайку.

— Давай.

Светлана Викторовна достала из сумки коробку с тортом «Птичье молоко» и положила на стол.

— Ой, ну ты меня прямо греешь, — сказала Кира Николаевна и тут же придвинула коробку к себе. Затем обхватила ладонями бока: — Я и так за последнее время совсем раздалась.

— Да ладно тебе. Красавица.

Через несколько минут на столе уже стояли две чашки, а рядом — тарелки с первыми кусочками торта.

Сначала поговорили о пустяках. Потом Светлана Викторовна отставила чашку:

— Мне твоё мнение нужно. Только не по конкретному делу — представь, что я тебе просто фабулу рассказываю.

— Рассказывай.

Светлана Викторовна начала излагать общую фабулу: подросток приехал с друзьями на дискотеку; возле клуба четверо напали на одного из них, повалили и били ногами; второй подросток вмешался и нанёс одному из нападавших единственный удар отвёрткой. Мужчина впоследствии умер.

Кира Николаевна почти сразу узнала обстоятельства:

— Так ты про то дело, которое Лиза ведёт?

— Да, про него. Но я не об этом. Мне совет нужен — как процессуалиста, понимаешь?

— Хорошо, поняла. Слушаю фабулу отдельно от дела.

Светлана Викторовна продолжила, а Кира Николаевна пила чай и время от времени задавала короткие вопросы:

— Удар был один?

— Один.

— В тот момент его друга ещё били?

— По его словам — да.

— Повреждения у друга зафиксированы?

— Да, зафиксированы.

— Свидетели были?

— Возле клуба находились люди. Некоторые подтверждают обстоятельства нападения.

— Что известно о состоянии нападавших?

— Они были выпившие.

Кира Николаевна немного подумала:

— А после этого парень уехал?

— Уехал.

— Для общего впечатления это плохо. Но к обстоятельствам самого удара прямого отношения не имеет.

Светлана Викторовна отрезала ещё один кусочек торта.

— Кирочка, вот скажи мне: здесь тридцать седьмая вообще может применяться?

Кира Николаевна поднялась, сняла с полки Уголовный кодекс и вернулась за стол. Быстро нашла нужную страницу, но отвечать сразу не стала. Медленно

перечитала статью от начала до конца.

Она поступала так всегда, даже если сотню раз видела те же строки. Профессиональная привычка не позволяла полагаться только на память там, где требовался ответ по закону.

— Защита другого лица здесь предусмотрена, — наконец сказала Кира Николаевна. — Но главный вопрос — что происходило непосредственно в момент удара. Нападение продолжалось или уже закончилось?

— Ну, предположим, продолжалось, — ответила Светлана Викторовна.

— Если продолжалось, значит, версия необходимой обороны есть. И её обязаны проверить.

— Даже с учётом отвёртки и смерти?

Кира Николаевна снова посмотрела в кодекс и задумалась.

— Смерть сама по себе тридцать седьмую не отменяет. Но из-за неё всё будут проверять особенно жёстко. Четверо против одного, удары ногами и зафиксированные травмы — в пользу этой версии. Отвёртка и последствия удара — повод разбираться, не было ли явного превышения.

— А если показания подтвердят, что его продолжали избивать?

— Тогда можно ставить вопрос об отсутствии в действиях подростка состава преступления. Но я материалов не видела, поэтому заключения тебе дать не могу.

— Мне заключение и не нужно. Я хочу понять, не притягиваем ли мы сюда тридцать седьмую за уши.

Кира Николаевна закрыла кодекс.

— Нет. Не притягиваете. По тому, что ты рассказала,

на защиту другого лица действительно похоже.

Светлана Викторовна задумчиво кивнула.

— А Денис Петрович может сам прекратить дело?

— Полномочия у него есть. Но по делу, где погиб человек, он, скорее всего, сначала посоветуется с областью. Возможно, предпочтёт направить дело в суд. Сама понимаешь: одно дело — иметь право принять решение, и совсем другое — поставить под ним свою подпись.

— Понимаю.

Именно ради этого разговора Светлана Викторовна и пришла. Кира не дала ей ни гарантии, ни готового решения. Но её независимая оценка позволила отделить привычную практику от того, что действительно следовало из закона.

После таких разговоров факты словно заново становились на свои места, а голова делалась яснее.

Они ещё некоторое время поговорили, допили чай и попрощались.

Когда Светлана Викторовна вышла из прокуратуры, чёрного «Шевроле» возле здания уже не было.

К этому времени Лёша закончил допрос у Виталия, внимательно прочитал протокол и вышел к машине. По дороге к его дому Георгий расспросил его о том, как всё прошло.

— Допрос вела не та женщина, к которой меня сначала дежурный отправил.

— Не Лизавета Петровна?

— Я подошёл сначала к ней, к Мышкиной. Только она меня в другой кабинет повела. Там другой следователь был, Виталий вроде. Он и допрашивал.

— Ты всё рассказал? — уточнил Георгий.

— Да, — сосредоточенно кивнул Лёша.

— Про алкоголь спрашивал?

— Да не особо. Спросил, кто купил и что пили. Я сказал, что самогон купил я. И сказал, как вы говорили, что Сергей и Валя пьяными не были.

— Хорошо, — кивнул Георгий. — Ты молодец.

Выслушав Алексея и уточнив несколько подробностей, Георгий понял, что в протоколе появились нужные сведения — те самые недостающие детали, от которых следствию теперь придётся отталкиваться при объективной оценке версии защиты.

Довезя Лёшу до дома, Георгий протянул ему руку. Тот пожал её.

— Если вспомнишь что-то ещё, сразу звони Веронике Степановне. Она свяжется со мной. Понял?

— Понял, — кивнул Лёша.

— Спасибо тебе.

— Угу, — ответил Лёша, вышел из машины и пошёл в сторону своего дома.

Добуж. Квартира Вероники Степановны. День.

Георгий уже знакомыми шагами поднялся к квартире Вероники Степановны и постучал. Она открыла почти сразу и, увидев его, улыбнулась:

— Ну как вы?

— Всё хорошо. Зашёл к вам рассказать подробности и уже собираюсь ехать в Москву, — ответил Георгий, проходя в квартиру.

Вероника Степановна закрыла дверь и проводила его на кухню.

— Садитесь, Георгий. Я вас сейчас обедом накормлю.

Она налила воду в эмалированную кастрюлю, поставила её на плиту и достала из морозильника домашние пельмени. Пока вода нагревалась, Вероника Степановна поставила на стол тарелки, хлеб, сметану и горчицу.

— Покушаете, Георгий? — спросила она, слушая его.

Георгий не стал отказываться и начал рассказывать новости:

— Со Светланой Викторовной встретился, поговорил. Думаю, она сама увидела, что произошло, и поэтому решила сделать шаг навстречу.

— Да, она хорошая женщина. Должна разобраться, — подтвердила Вероника Степановна.

Георгий продолжил:

— Лёшу допросили, он уже дома.

— А как там Лёша? — спросила тётушка.

Георгий невольно посмотрел в сторону коридора, где находилась комната Сергея.

— Лёша справился. Я руки помою, — сказал он, поднимаясь.

— Да, конечно, Георгий.

По дороге в ванную Георгий заглянул в комнату Сергея. Рация стояла на прежнем месте.

— А рация, кстати, помогла нам найти с Лёшей общий язык, — сказал Георгий, глядя на неё. — Это же рация его деда. Он был связистом.

О том, кому раньше принадлежала рация, Вероника Степановна слышала впервые.

— А Сергей мне говорил только, что нашёл её у Лёши в гараже.

— Лёша сделал всё, что было нужно. Я, опять же,

самого протокола не видел, — добавил Георгий. — Но по его настрою понял, что в данный момент он сделал всё, что мог. Будем надеяться, что этого окажется достаточно.

Он зашёл в ванную и открыл кран. Мыло вспенилось в ладонях, и ванная наполнилась знакомым цветочно-земляничным запахом. Вода смыла с рук дорожную пыль.

Георгий взял полотенце и вытер руки.

— У вас пахнет, как у меня в детстве, — с улыбкой сказал он, выходя из ванной.

— Ой, да?

— Да. Запах мыла напомнил.

— А сейчас будут пельмени, — сказала Вероника Степановна, опуская их в кипящую воду.

— Вот это да, — улыбнулся Георгий и снова сел за стол.

Он продолжил:

— С прокурором тоже поговорил. И знаете, Вероника Степановна, разговор мне понравился. Денис Петрович показался мне человеком профессиональным и готовым объективно подойти к вопросу.

Вероника Степановна слушала, не переставая хлопотать возле плиты.

— Теперь нужно поговорить с Сергеем и с вами и договариваться о явке. Моё мнение — уже можно вступать в процесс и давать показания.

— А когда?

— Предварительно в четверг, — ответил Георгий.

— Ой, господи… — Вероника Степановна прижала ладонь к груди. — Уже в четверг?

— Да. Скоро.

Улыбка исчезла с её лица, сменившись сосредоточенным выражением.

Вода в кастрюле снова закипела. Вероника Степановна помешала пельмени большой ложкой.

— Только вы меня правильно поймите, Вероника Степановна.

Она посмотрела на Георгия.

— То, что мы договорились о допросе, ещё не означает, что всё решено. Вопрос остаётся острым и, можно сказать, опасным. Прокурор не обещал ни прекратить дело, ни отпустить Сергея после допроса. Но почему я сказал, что разговор мне понравился? Потому что Денис Петрович подтвердил: если объективные данные будут указывать на то, что Сергей защищал Валю, он готов рассмотреть вопрос о прекращении дела. Понимаете?

— Да, понимаю, — закивала Вероника Степановна.

— Я считаю, это важная основа для того, чтобы уже начинать действовать и вступать в процесс, не затягивая. Со следователем разговор получился сложным, — сказал Георгий, имея в виду Лизавету Петровну. — Но прокурор, с его слов, напротив, готов видеть всю картину целиком. Поэтому, по моему мнению, нужно начинать взаимодействовать со следствием.

— Я поняла. Я согласна, — сказала тётушка, глядя на Георгия.

— Опасения есть. Но они кроются в тех обстоятельствах, которых мы пока не видим, и в человеческом факторе. Однако другого способа всё проверить, кроме как вступить в дело, у нас нет.

— Что это значит? — переспросила тётушка.

— Это значит, что картина собирается из деталей. Понимаете?

— Да, — кивнула она.

— Пока детали складываются в ту картину, которую изначально описал Сергей. То есть правдивость его рассказа уже начинает подтверждаться.

Вероника Степановна кивнула, понимая, о чём говорит Георгий.

— Конечно, ещё не допрошены все свидетели, — продолжил он. — Но картина уже достаточно цельная, и я вижу в этом огромный прогресс. Нам нужно продолжать двигаться вперёд, без остановки. Мы сделали так, что нашу позицию увидели. Валя большой молодец.

— А как Валя себя чувствует? — спросила тётушка, уже подставляя тарелку для пельменей.

— Два сломанных ребра, множественные ушибы и подозрение на сотрясение мозга.

— Ой, господи… — Она снова положила ладонь на грудь.

— Да, повреждения серьёзные. Именно они указывают на то, что это была не драка, а избиение. И Валя большой молодец, что не спрятался, а дал показания. Именно его показания станут одной из основ для проведения проверки.

— Большой молодец, — подтвердила тётушка. — Они очень дружат.

Она начала раскладывать пельмени по тарелкам с помощью шумовки.

— Да, Вероник, друзья у Сергея оказались настоящими. И это в том числе заслуга самого Сергея. Теперь и прокурор подтвердил, что такая проверка

будет проведена. Поэтому следующий логичный шаг — явка Сергея и его допрос.

— Я поняла, — ответила тётушка.

Она перенесла тарелки с пельменями на стол.

— Вот масло, вот сметана, — сказала Вероника Степановна, садясь напротив.

— Пельменей не ел, наверное, год, — улыбнулся Георгий.

— Кушайте на здоровье. Они домашние, я сама леплю.

Георгий добавил в тарелку масла и сметаны. Наколов пельмень на вилку, он положил его в рот.

— Очень вкусные, Вероник. Очень.

— Спасибо. Кушайте.

Некоторое время они молча ели.

— Вам кофе сделать или чай? — спросила Вероника Степановна.

— А можно я свой чай заварю? Я вожу с собой китайский. Он бодрит, и я ещё залью его в термос на дорогу.

— Конечно. Чем вам помочь?

— Только воду вскипятить.

Вероника Степановна поднялась и зажгла под чайником огонь.

Потом посмотрела на Георгия:

— Георгий, скажите… Вот вы как специалист в этих вопросах… Может быть, я чего-то не понимаю, вы меня за это извините, но я хотела спросить.

— Спрашивайте, конечно.

— Вот Серёжа приедет, пойдёт на допрос. А какие есть риски?

— Риски есть, Вероник. Мы лишь можем со своей

стороны сделать всё, чтобы их стало меньше, но они существуют.

— А что может быть?

— Давайте не будем подходить к вопросу только с позиции «может или не может». Я скажу так: риски существуют по нескольким направлениям. Первое — это система, которая уже существует и которую вы на себе почувствовали.

— Да, — кивнула тётушка.

— Но мы многое сделали для того, чтобы обвинительная логика перестала быть единственной. Мы дополнили дело новыми существенными обстоятельствами. Однако риск системного подхода всё равно остаётся. Сдерживать его можно только одним способом — продолжать работать, чтобы система не могла отвернуться от новых обстоятельств.

— Я поняла.

— Это первое. Но есть и второй риск — страх сотрудников принять редкое решение. Я сегодня прямо поднял этот вопрос в разговоре с прокурором, и именно его ответ мне понравился.

Вероника Степановна внимательно слушала.

— Многим сотрудникам трудно принять решение, которое потом нужно обосновывать не только нам, но и своему руководству. А там целая цепочка. Не все справляются с таким давлением и перекладывают решение на следующую инстанцию — то есть на суд. Но сегодня я услышал от прокурора вашего города, что он готов принять решение по закону сам, если для этого будут основания. Он не только имеет такое право: при наличии оснований это его обязанность.

Георгий посмотрел на чайник. Тот уже начинал

закипать. Он встал, подошёл к плите и приподнял крышку. Со дна поднимались маленькие пузырьки.

— Конечно, решение должно основываться на объективных данных, — продолжил он. — Но эти данные постепенно уже закрепляются в документах.

Георгий повернул ручку конфорки, и огонь погас.

Он подошёл к портфелю, открыл его и достал небольшой термос и бумажный пакет с чаем.

— Есть у вас ситечко? — спросил он.

Вероника Степановна достала из шкафа ситечко и протянула Георгию. Он положил его на горлышко термоса, насыпал немного чая и начал медленно проливать через него горячую воду. Чай разбухал и словно раскрывался, как цветок.

— Это пуэр, — сказал Георгий. — Он действует бодряще, но не так резко, как кофе.

Запах пуэра наполнил кухню древесным, чуть горьковатым ароматом.

— Никогда о таком не слышала, — сказала Вероника Степановна, наблюдая за ним.

— Да, этот чай ещё поискать нужно.

Георгий закончил, поставил чайник на плиту и закрыл термос.

— Давайте я вам немного отсыплю. Попробуете.

— Ой, да ладно, Георгий, не нужно.

— Не отказывайтесь от нового, — улыбнулся он.

— Согласна. Только немного.

Вероника Степановна принесла небольшой бумажный пакетик, и Георгий отсыпал туда немного чая.

— А вот этот давайте прямо сейчас выпьем, — сказал он, показывая на оставшийся в ситечке чай. — Его

можно заваривать несколько раз.

Вероника Степановна подала ему небольшой заварочный чайник. Георгий переложил туда размокший чай и снова залил его горячей водой.

— Через несколько минут будет готов.

Они вернулись за стол.

— Я поняла вас, Георгий, — продолжила разговор Вероника Степановна. — Я поняла, что всё зависит не от системы, а от людей. Ведь решения всё-таки принимают люди.

— Вы полностью правы, Вероник. Именно люди, а не обезличенная система, принимают решения. Для этого человек наделён полномочиями, учится, получает классный чин и обязан лично отвечать перед обществом за свои решения. А бывает, что человек прикрывается общими принципами, и тогда решение может оказаться ошибочным.

— Как будто круговая порука?

— Да, очень похоже.

Георгий взял заварочный чайник и посмотрел на получившийся настой.

— Но вот что ещё важно, и нашего вопроса это тоже касается: есть риск, связанный с действиями…

Он налил немного настоя в чашку. Цвет получился тёмно-янтарным.

— Вот теперь можно пить.

Георгий разлил чай по чашкам.

— Попробуйте.

Вероника Степановна взяла чашку, осторожно понюхала чай и отпила.

— Ой, какой странный вкус…

— Да просто новый. Этот чай славится своим

бодрящим действием.

Георгий тоже отпил немного.

— А что вы сказали про действия? — спросила Вероника Степановна.

— А вы замечательный собеседник, — улыбнулся Георгий. — Вы слышите и продолжаете удерживать линию разговора.

— Спасибо, — улыбнулась она.

— Наверное, много читаете?

— Стараюсь, — вздохнула Вероника Степановна.

— Это чувствуется. С вами разговор не останавливается на уровне действий, а переходит к более глубоким или, лучше сказать, высоким смыслам.

— Георгий, я первый раз в жизни получаю такой комплимент. Но скажу вам, что я никогда ещё не разговаривала на такие сложные, но интересные темы.

— Мне очень приятно это слышать, — ответил Георгий и снова отпил чай.

Вероника Степановна последовала его примеру.

— По поводу действий и рисков я имел в виду, что слова людей и их намерения в итоге должны быть подтверждены поступками. Риск того, что этого не произойдёт, мы тоже обязаны учитывать.

— Я поняла. То есть прокурор сказал, что рассмотрит вопрос, но теперь его слова должны подтвердиться действиями?

— Да, я именно об этом, — улыбнулся Георгий и посмотрел на часы.

Он допил оставшийся в чашке чай.

— Мне очень приятно было с вами познакомиться.

— Мне тоже, Георгий. Спасибо вам.

Георгий встал и убрал термос и пакет с чаем в

портфель.

— У нас действительно сильная команда. А штаб нашей команды — как раз вы. Поэтому я не сомневаюсь, что мы идём правильной дорогой.

Они вышли в прихожую. Уже возле двери Вероника Степановна вдруг спохватилась:

— Ой, стойте! Дорога дальняя. Я вам пирожков заверну. Как чувствовала — напекла сегодня.

Не дожидаясь ответа, она поспешила обратно на кухню. Оттуда послышались шорох бумаги и негромкий стук посуды.

Через несколько минут Вероника Степановна вернулась с увесистым бумажным кульком.

— Вот. В дороге поедите.

— Спасибо, Вероник.

Георгий взял кулёк, затем вспомнил о чём-то и достал мобильный телефон.

— А давайте сейчас попробуем позвонить Сергею.

Вероника Степановна замерла. Казалось, она боялась поверить, что через несколько мгновений услышит голос племянника.

Георгий набрал номер, нажимая большие резиновые кнопки. В трубке зашуршало, затем на другом конце ответил Март.

— Март, это Георгий. Я здесь закончил. Сейчас выезжаю в Москву, к вечеру постараюсь быть у вас. Всё подробно расскажу при встрече. Предварительно договорились на четверг.

Он посмотрел на Веронику Степановну.

— Рядом со мной тётушка Сергея. Он там неподалёку?

— Минуту, — ответил Март.

В трубке послышались приглушённые голоса. Март

позвал Жуля и попросил найти Сергея. Затем связь снова наполнилась шорохом.

Через некоторое время на другом конце осторожно произнесли:

— Алло.

— Сергей, привет. Это Георгий.

— Здравствуйте.

— Я сегодня вечером буду в Москве. Пока всё идёт по плану, остальное расскажу лично. А сейчас передаю трубку тётушке.

Он протянул телефон Веронике Степановне. Она взяла его обеими руками и поднесла к уху, почти не дыша.

— Серёжа! Серёжа…

Её голос сразу сделался другим — живым, радостным, совсем не похожим на тот тревожный голос, которым она только что разговаривала с Георгием.

— Привет, ма, — ответил Сергей.

— Как ты там, дорогой мой?

— У меня всё хорошо. Ты как?

— Теперь хорошо. Скоро, Серёжа, уже скоро. Георгий у нас второй день, столько всего сделал. Ты передай там всем от меня большой привет. И спасибо им скажи, что тебя не бросили, что пришли на помощь.

— Обязательно передам, ма.

— Я тебя жду.

— Я скоро.

— Хорошо, родной. Ну всё, целую тебя.

— И я тебя, ма.

Вероника Степановна ещё несколько секунд держала телефон возле уха, словно не хотела отпускать его голос, а затем неохотно вернула трубку Георгию.

— Сергей, пока ничего не меняется. Все подробности обсудим при встрече.

— Хорошо.

Георгий закончил разговор и убрал телефон. Вероника Степановна снова прижимала ладонь к груди, но теперь улыбалась.

— Ой, Георгий, вы только не уходите, — сказала она и быстро скрылась в своей комнате.

Через несколько мгновений Вероника Степановна вернулась с конвертом в руках.

— Это вам, Георгий.

Она протянула конверт. Георгий посмотрел на него:

— А что это?

— Возьмите, пожалуйста. Я понимаю, что работа проделана большая и ещё многое предстоит. Тут немного, но всё-таки возьмите, Георгий.

Он понял, что Вероника Степановна передаёт ему деньги.

— Нет, не нужно, Вероника Степановна.

Она заметно расстроилась, но Георгий постарался объяснить:

— Во-первых, обратились ко мне не вы, а Сергей. И помощь предложили ему мы сами, — улыбнулся Георгий. — Спасибо вам за этот жест, правда. Но не волнуйтесь об этом. Мы — сильная структура, у нас много людей, которые помогают нам, а мы, в свою очередь, помогаем тем, кому нужна помощь.

Он посмотрел ей в глаза и добавил:

— Вы меня и так накормили. Я так давно вкусно не ел. Вы чудесный повар, Вероник.

— Ой, спасибо, — улыбнулась она.

Они распрощались.

— Вы только осторожнее на дороге, — сказала Вероника Степановна.

— Обязательно. А вы помните, что на вас — связь и информация?

— Конечно, — ответила она и посмотрела на телефон.

Через несколько минут Георгий спустился к машине. Бумажный кулёк с пирожками он положил на соседнее сиденье, рядом с картой.

Впереди была Москва.

Исправительная колония и следственный изолятор. День.

С самого утра два Петра из областного «убойного» находились в исправительной колонии, где когда-то отбывал наказание Анатолий Рыбкин.

Сведений у них было немного: две клички — Тимоха Сивый и Малой, приблизительный возраст и описание внешности со слов Дэна и Василия. Возможно, кто-то из неустановленных мужчин раньше отбывал наказание вместе с Рыбкиным.

Сотрудники оперативной части подняли архивное личное дело Рыбкина, старые отрядные списки и учётные карточки тех, кто отбывал наказание в то же время. Отдельно искали людей, проходивших по оперативным материалам как близкие связи Рыбкина.

Работа двигалась медленно. Не совпадали сроки, возраст, приметы. Одни заключённые давно освободились, других перевели в соседние области.

К обеду удалось отобрать шесть фотографий. Полной уверенности не давал ни один снимок, но каждый из

этих людей мог оказаться Тимохой Сивым или Малым.

С фотографий сделали копии, а данные на каждого человека выписали и сложили в отдельную папку.

Теперь снимки нужно было показать Дэну или Василию.

Решили начать с Дэна, которого накануне заключили под стражу и поместили в следственный изолятор.

До следственного изолятора два Петра добрались только после обеда. Пришлось ещё некоторое время ждать, пока им оформят посещение и выведут Дэна.

Дэн вошёл в небольшую комнату для следственных действий в сопровождении сотрудника СИЗО. Держался он уже почти буднично, но, увидев тех же оперов, которые присутствовали на его допросе у следователя Никиты, сразу насторожился.

Лопоухий Пётр разложил перед ним фотографии:

— Посмотри. Знакомые есть?

Дэн скользнул взглядом по снимкам, затем посмотрел на оперов.

— А мне-то с этого что?

Лопоухий промолчал.

— Я с вами по-человечески, всё рассказал, а вы меня закрыли. Теперь опять на зону?

Лопоухий Пётр понял, что привычным нажимом здесь ничего не добьёшься. Они находились не в его кабинете. На допросе Дэн уже потребовал адвоката и теперь знал, что в любой момент может прекратить разговор и позвать сотрудника изолятора.

Надавишь сильнее — он закроется, и тот непростой контакт, который им удалось установить, исчезнет.

— Дэн, ты же выйти хочешь? — спокойно спросил Пётр.

— А то.

— Тогда помоги нам проверить то, что сам рассказал. Найдём этих двоих — будет понятно, что ты их не выдумал и что они действительно были с Рыбкиным. Тогда и со следователем разговор будет другой.

— Отпустит?

Лопоухий посмотрел на длинного Петра. Тот едва заметно кивнул.

— Решает не он один, — продолжил лопоухий. — Но мы сами скажем, что твои слова подтверждаются. Попросим, чтобы тебя без дела не держали. Сейчас у следствия в твою пользу только твой рассказ. Дай нам то, чем его можно подтвердить.

Дэн молчал и думал. Взгляд его стал точнее и собраннее, словно за несколько часов взаперти он успел всё ещё раз обдумать.

— Ну, если не хочешь, мы по-другому узнаем, — Пётр начал собирать фотографии. — Скажем следователю, что ты помогать не желаешь. Наверное, что-то скрываешь…

— Стой ты… — прервал его Дэн и снова опустил глаза на снимки.

На этот раз он смотрел уже внимательнее. Медленно перебирал фотографии одну за другой, иногда возвращался к тем, которые уже отложил.

Остановившись на одном снимке, Дэн наклонился ближе и постучал по нему пальцем:

— Вот этот.

Оба Петра одновременно посмотрели на фотографию.

— Кто? — спросил лопоухий.

— Малой.

— Уверен?

— Я его видел. Это он.

Дэн ещё раз просмотрел остальные фотографии и отодвинул их:

— Второго здесь нет.

Лопоухий Пётр не улыбнулся, но в глазах у него появился блеск.

Попали.

— Так ты же говорил, что Тимоха Сивый тоже вместе с Рыбкиным сидел? — спросил Пётр, рассматривая фотографию Малого.

— Ну, на фотографиях только Малой, — ответил Дэн. — Сивого не вижу. Да и не вникал я, кто с кем и где пересекался.

Он махнул рукой:

— Мне вон своих хлопот благодаря вам хватает.

— Не, тут ты, брат, не прав, — усмехнулся лопоухий Пётр. — Ты сам себе эти истории устраиваешь.

— Согласен, — Дэн кивнул на фотографии. — Вон эти приезжают, а ты потом из болота вылезай, — просопел он.

Лопоухий Пётр передал снимок длинному. Тот сверил его с учётной карточкой и переписал полные данные человека, которого Дэн назвал Малым: фамилию, имя, год рождения и место, куда тот выбыл после освобождения.

Последний известный адрес оказался в деревне.

Длинный Пётр развернул карту:

— Около тридцати километров отсюда.

Дэн посмотрел на них:

— Про меня не забудьте.

— Если всё подтвердится — не забудем, — ответил лопоухий, убирая фотографии.

Через несколько минут старая синяя иномарка

выехала со двора следственного изолятора.

Ещё утром два Петра искали двух людей, зная только их клички. Теперь у одного из них — Малого — появились фамилия и последний известный адрес.

Машина неслась в сторону деревни. До неё оставалось около тридцати километров.

Добуж. Районная прокуратура. После 16:00.

После разговора с Георгием Денис Петрович ещё раз посмотрел на бумаги, которые принесли ему из канцелярии.

На заявлении Валентина Сугробова уже стояли входящий номер и дата регистрации. К нему были приложены медицинская справка, объяснение Валентина и рапорт сотрудника милиции.

Что-то в деле изменилось. Пока ещё не настолько, чтобы делать выводы, но достаточно, чтобы Денис Петрович снова раскрыл Уголовный кодекс.

Опыта применения статьи 37 у него не было. Он несколько раз перечитал её, аккуратно исписал заметками лист бумаги, затем изучил научно-практический комментарий к Уголовному кодексу. Но нужного постановления Пленума в кабинете не оказалось.

Информации всё равно словно не хватало.

Денис Петрович вернулся к столу, поднял трубку и набрал внутренний номер:

— Лизавета Петровна, зайди ко мне.

Через несколько минут она вошла с протоколом в руках и положила его перед прокурором.

— Это что? — спросил Денис Петрович.

— Допрос Алексея Носова. Того, который приехал на дискотеку вместе с Мартыновым и Сугробовым.

Денис Петрович быстро пробежал глазами первые страницы.

— Изучала?

— Да.

— Что нового?

— Ничего нового. Самой драки он не видел — находился в клубе. Подтверждает, что ехали втроём, Мартынов был за рулём. Перед дискотекой они остановились у озера и выпивали самогон. Большую часть бутылки выпил он сам. Мартынов и Сугробов — примерно по пятьдесят граммов. С его слов, пьяными они не были.

Последние слова Лизавета Петровна произнесла неохотно.

Денис Петрович дочитал страницу и отложил протокол.

— Сугробову судебно-медицинскую экспертизу назначала?

— Нет.

Он достал из лежавшей перед ним папки заявление и приложенные к нему материалы.

— А это видела?

Лизавета Петровна взяла бумаги. Выражение её лица сразу изменилось.

— Откуда это?

— Через канцелярию.

Она просмотрела заявление, затем медицинскую справку.

— Московский адвокат постарался, — недовольно

хмыкнула она.

Денис Петрович посмотрел на неё. Не сердито — скорее выжидающе. Этого оказалось достаточно: усмешка исчезла.

— Приобщи всё к материалам дела. Изложенные в заявлении обстоятельства проверь. Сугробову назначь судебно-медицинскую экспертизу.

Лизавета Петровна поджала губы, но промолчала.

— Кто у тебя ещё не допрошен?

— Мария, директор Дома культуры, и Света. Их объяснения есть в материалах. Ещё девочки нужны — Олеся и Даша. На них указал Сугробов, но их сначала надо установить. Кроме того, не установлены ещё двое участников происшествия. Опера их ищут.

— Марию и Свету вызывай на завтра. Во время допросов уточни у них данные Олеси и Даши. Как только установите — сразу допрашивай.

— Хорошо.

— Есть вероятность, что в четверг Мартынов будет у нас вместе с адвокатом.

Лизавета Петровна чуть скривила рот:

— Это вам московский адвокат сказал?

Денис Петрович посмотрел на неё:

— Да. Он был у меня. Поэтому подготовь и проведи все необходимые допросы, чтобы мы могли дать правовую оценку действиям Мартынова.

— Денис Петрович… — вздохнула она. — Вы считаете, что там есть тридцать седьмая?

— Надо проверять. Пока я её не исключаю. А у тебя другое мнение?

— Я не усматриваю… — тихо сказала она.

— На чём основано твоё мнение?

— Да на всём, Денис Петрович. Я вижу обычную драку двух пьяных компаний: с одной стороны трое, с другой — четверо. Всё закончилось убийством, — сказала она буднично и отвела взгляд.

Денис Петрович пристально посмотрел на неё.

— Ну ты же следователь, Лизавета Петровна. Ты должна изучить детали и отталкиваться от них.

— Я изучила. И чем настойчивее адвокаты пытаются убедить меня, что Мартынов не виноват, тем сильнее у меня ощущение, что кому-то это просто очень нужно, — почти хмыкнула она.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — Денис Петрович посмотрел на неё ещё внимательнее.

— А о том, что стоило этому московскому адвокату появиться, как все засуетились. Будто решение принимаем не мы, а московские адвокаты, — выпалила она.

— Так, Лизавета Петровна, — перебил её Денис Петрович. — Во-первых, остынь. Во-вторых, сначала изучи документы. Допроси свидетелей. Проверь заявление. Потом будем решать по фактам, а не на основе выводов адвокатов.

Несколько секунд Лизавета Петровна стояла возле стола, словно хотела что-то возразить, но передумала. Собрала протокол и остальные бумаги и вышла.

Денис Петрович дождался, пока за ней закроется дверь, и снова взялся за телефон.

— Областная прокуратура? Прокурор Добужского района. Соедините с библиотекой.

Когда в трубке ответили, он попросил отложить для него сборник постановлений Пленумов Верховных судов по уголовным делам.

— Мне по необходимой обороне нужно. Я завтра приеду.

Заодно Денис Петрович уточнил время совещания — в десять утра — и положил трубку.

Раскрытый кодекс всё ещё лежал перед ним. Денис Петрович провёл пальцем по краю страницы, немного подумал и набрал номер начальника отдела милиции.

— Алло, Виктор Петрович?

— Да, — отозвался тот.

— Ну что у вас по делу об убийстве Анастасии Сибих?

Виктор Петрович помолчал. Сообщить прокурору ему пока было нечего.

— Работаем. Как что-нибудь будет, сразу сообщу. Тут ещё у нас волна квартирных краж пошла — туда оперов направил.

Денис Петрович выслушал его.

— Тогда на связи. И ещё: по вашему Мартынову у меня сегодня был адвокат. Предварительно в четверг Мартынов должен явиться к нам на допрос.

— Кто? Малолетка? — Виктор Петрович невольно привстал со стула.

Денис Петрович выдержал короткую паузу. Это слово было неприятно ему на слух, хотя сотрудники милиции пользовались им постоянно.

— Несовершеннолетний Сергей Мартынов. Мне, возможно, понадобится ваша помощь.

— Да-да, конечно. Какая?

— Нужно обеспечить явку нескольких человек на допрос. Если сами не смогут приехать или начнут тянуть.

— Кого?

— Марию, директора Дома культуры, и Свету — их

опрашивали той ночью. Кроме того, нужно установить Олесю и Дашу, на которых Сугробов указал во время допроса. Все подробности у Лизаветы Петровны. Дай распоряжение своим: пусть свяжутся с ней, уточнят данные и согласуют время.

— Понял. Сейчас начальнику криминальной милиции скажу.

— Тогда на связи.

— На связи.

Денис Петрович уже собирался положить трубку, но Виктор Петрович поспешно остановил его:

— Денис Петрович… Тогда в четверг — по сводке?

Спросил он неуверенно. Речь шла о том, чтобы добровольную явку Сергея Мартынова провести как результат милицейского розыска, а раскрытие дела записать за отделом.

Денис Петрович эту практику знал.

— Давайте сначала работу сделаем, — сказал он. — Завтра свидетели должны быть здесь. А в четверг, если всё пойдёт по плану, тогда и решим.

— Понял. Сделаем.

Они почти одновременно положили трубки.

Виктор Петрович тут же набрал внутренний номер своего заместителя:

— Алло. Зайди ко мне, Алексеич.

Через минуту Алексей Алексеич уже сидел напротив начальника, положив на колени рабочий блокнот.

— Прокурор предварительно договорился с адвокатом о явке Мартынова, — сообщил Виктор Петрович. — В четверг тот должен быть в прокуратуре.

Алексей Алексеич поднял глаза.

— Надо подключиться. Марию и Свету найти и

обеспечить их явку к Лизавете Петровне. Олесю и Дашу установить и тоже привезти на допрос. Она уточнит данные и скажет время.

Заместитель открыл блокнот и сделал несколько пометок.

— Понял. Сейчас ей наберу, всё согласую.

Виктор Петрович откинулся на спинку кресла:

— А что у нас по квартирной краже?

— Час назад заявитель пришёл. Следственно-оперативная группа уже выехала. Говорит, четыре дня дома не был. Вернулся, вставил ключ — а дверь уже открыта. Внутри всё переворошено.

— Да уж, за месяц уже третья. Кто-то работает у нас в городе. Гастролёры?

— Похоже, — согласился Алексей Алексеич. — Но Руслан, возможно, ещё вчера на них наткнулся.

Виктор Петрович нахмурился:

— Что значит — наткнулся?

Алексей Алексеич рассказал про белые «Жигули» с цыганами, которые Руслан решил проверить. Подойти к машине он не успел — та сразу уехала.

Виктор Петрович несколько секунд обдумывал услышанное.

— Занимайтесь.

Алексей Алексеич закрыл блокнот, поднялся и вышел.

Почти сразу в соседнем кабинете зазвонил телефон, в коридоре послышались быстрые шаги, кто-то громко позвал дежурного.

Будни милицейской жизни не затихали ни на минуту.

Добуж. Дорога на Москву. Около 17:00.

В это время Георгий уже выбирался из Добужского района.

Бумажный кулёк с пирожками, которые завернула ему Вероника Степановна, лежал на соседнем сиденье рядом с картой.

За два дня город успел перестать быть для него совсем чужим. Георгий уже не сверялся с картой на каждом повороте. Он миновал центр, взглянул на оставшийся позади танк и переехал мост через реку.

Всего два дня — а сколько людей, которых прежде он не знал. Сколько разговоров, каждый из которых оставил после себя след.

Теперь впереди была Москва.

Георгий посмотрел на часы. Времени оставалось достаточно, и он всё-таки решил сделать небольшой крюк — заехать к тому самому заводу, о котором рассказывал Антон и на который Георгий от его имени составлял жалобы.

Он свернул с основной дороги.

Сначала над домами показались высокие заводские трубы. Из нескольких валил дым. Затем потянулись корпуса и длинный забор, за которым скрывалась почти вся территория предприятия.

Судя по карте, завод занимал значительную часть прибрежной территории и одной стороной подходил почти вплотную к реке.

Георгий подъехал к проходной, ненадолго остановился, рассматривая её, затем медленно поехал вдоль забора, пытаясь найти дорогу к воде.

Свободного съезда к реке нигде не было.

«Да тут к воде и не подберёшься».

Чтобы продолжить поиски, пришлось бы объезжать всю территорию. Георгий снова посмотрел на часы и решил не терять время. В Москве он подробнее расспросит Антона. Тот объяснит, откуда можно подъехать к воде и где искать место, о котором писал в своих жалобах.

Но теперь завод существовал для Георгия не только на бумаге. Перед ним были настоящие трубы, дым, огромные корпуса и забор, уходивший далеко вдоль дороги.

«Да, большой завод. Тысяча человек работает, не меньше».

Георгий развернул машину и вернулся на основную дорогу.

Больше сворачивать было некуда.

Теперь — Москва.

Двигатель глухо загудел, и машина, быстро набирая скорость, устремилась к большой прямой трассе.

Деревня Малыхина. Вторая половина дня.

Старая синяя иномарка свернула с шоссе и медленно поползла по разбитой дороге. Лопоухий Пётр сидел за рулём, вытянув шею и всматриваясь вперёд, чтобы не пропустить нужный поворот. Справа молчал его длинный напарник. Под лёгкими куртками у обоих на кожаных поясных ремнях висели кобуры со служебными ПМ.

Вскоре впереди показалась деревня. Небольшая — домов десять, не больше.

Теперь Малой был для них уже не просто кличкой.

Фёдор Малыхин. Двадцать три года. Пять лет отбыл за разбой. После освобождения выбыл по этому адресу.

Машина медленно проехала между покосившимися заборами и остановилась напротив нужного дома.

Дом явно не был похож на место, где кто-то живёт. Старая хата осела на один бок, несколько стёкол были разбиты, а тропинка к крыльцу почти потерялась в слежавшейся прошлогодней траве.

Петры несколько секунд молча смотрели на хату.

— Вроде этот, — сказал длинный.

Лопоухий заглушил двигатель.

Они вышли, достали пистолеты и, немного пригнувшись, обошли дом с разных сторон. Встретились за хатой возле кривой деревянной двери.

— Милиция! Есть кто? — громко позвал лопоухий.

Ответа не было.

Он дёрнул дверь на себя. Та со скрипом поддалась.

Держа пистолет наготове, лопоухий первым шагнул внутрь. Длинный вошёл следом.

В доме было тихо. Пахло сыростью и старым деревом. В углу лежала перевёрнутая кровать, по полу были разбросаны доски и какой-то мусор. Лопоухий прошёл по обеим комнатам, заглянул за печь и опустил пистолет.

— Пусто.

Хата давно была нежилой.

Они вышли и на крыльце убрали пистолеты в кобуры. Обменялись коротким взглядом. Фёдора здесь явно не было. Оставалось поговорить с местными.

Возле соседнего дома показалась худощавая женщина в выцветшем платье, старой кофте и платке. Рядом с

ней шла коза, которую она вела на привязи. Увидев незнакомых мужчин, женщина остановилась, потянула козу к себе и уже собралась повернуть обратно.

— Подождите, пожалуйста! — крикнул лопоухий Пётр. — Мы из милиции.

Женщина осталась на месте и выпрямилась, настороженно наблюдая за приближавшимися операми.

— Чего?

Подойдя ближе, Пётр достал удостоверение и на несколько секунд раскрыл его перед ней.

— Подскажите, в этом доме кто-нибудь живёт? — спросил он, показывая на соседнюю хату.

Женщина посмотрела туда.

— Да там давно никого нет.

— Нам Фёдор Малыхин нужен.

Женщина сразу переменилась в лице. Поднесла руку ко рту, будто имя подняло в памяти что-то давно забытое.

— А, Федька… А он жив?

— Должен быть жив, — ответил лопоухий.

— Да я его лет семь, наверное, не видела. Как мамка умерла, так он и ушёл отсюда. Говорили, будто в тюрьме был. Только я не знаю. Глуповатый он был немного. Да у них там вся семья…

Она махнула рукой в сторону заброшенного дома.

— Значит, с тех пор не приезжал? — уточнил Пётр.

— Не. Не видела. И где он теперь — не знаю.

Женщина потянула козу за собой. Петры направились обратно к машине, но лопоухий через несколько шагов остановился и быстро вернулся.

— Телефон у вас есть?

— Нет у меня.

— А в деревне?

— Ну, есть у людей.

Пётр достал блокнот, написал номер на оторванном листке и протянул ей.

— Я из уголовного розыска. Если Фёдор появится или что-нибудь о нём услышите, позвоните, пожалуйста.

Женщина взяла бумажку, но убирать не стала.

— А что он сделал-то?

Вблизи её лицо оказалось тёмным от солнца и ветра. Только возле самого края платка виднелась белая полоска кожи, словно женщина годами его не снимала. На Петра она смотрела широко раскрытыми любопытными глазами.

— Да ничего пока. После освобождения указал этот адрес, а здесь его нет. Вот и выясняем, где живёт.

— А-а… Значит, и правда сидел, — протянула она и спрятала бумажку.

Пётр вернулся к машине, сел за руль и завёл двигатель. Потом снова посмотрел на женщину с козой, заглушил мотор и вышел.

Длинный Пётр молча проводил его взглядом.

— А козье молоко продаёте? — крикнул лопоухий, лёгкой рысью возвращаясь к женщине.

— Да так, иногда меняемся.

— Как это — меняетесь? — заинтересовался Пётр.

— Ну, я молоко, а мне, например, огурцы, — объяснила женщина.

— Натуральный обмен, — улыбнулся Пётр. — А на деньги поменяете?

— Да я вам и так налью, — махнула она рукой.

Женщина привязала козу возле крыльца и провела

его в дом. Хата была старенькая, внутри пахло сыростью. Она отыскала литровую банку, наполнила её молоком и поставила на стол.

Пётр пошарил по карманам и вытащил помятую мелкую купюру.

— Это за банку, — сказал он и положил деньги на край стола.

Женщина мельком посмотрела на купюру, но отказываться не стала. Взяла деньги и передала ему банку.

— Люблю козье, — сказал Пётр, принимая её.

— На здоровье.

Лопоухий попрощался и ещё раз напомнил о звонке, если вдруг появится Фёдор или о нём что-нибудь станет известно. После этого он направился обратно к машине.

Увидев молоко, длинный Пётр поморщился:

— Козье, что ли?

— Ага. Я, когда малой был, только его и пил.

Лопоухий открыл банку и сделал несколько больших глотков. Молоко потекло по подбородку. Выпив почти половину, он закрыл банку и вытер рот ладонью.

— Ну и что делать будем? — спросил длинный.

— Поехали в местный отдел. С участковым поговорим. Может, Малыхин после освобождения появлялся в деревне и участковый что-нибудь о нём знает. Там всё и выясним.

Лопоухий завёл машину и развернулся. Колёса буксанули в грязной луже, и старая синяя иномарка, чиркая днищем по глубоким колеям, медленно поползла к выезду из деревни.

Москва. Цирк «Синие волки». Вечер.

Сергей лежал на кровати в комнате, которую делил с Жулем. За эти три дня, проведённые в цирке и в компании новых людей, он получил не только новые знания и эмоции, но и крышу над головой, еду, а ещё помощь, благодаря которой не оставался один во всей этой истории.

Он смотрел в потолок. В небольшом окне над головой виднелось пасмурное московское небо.

Начался дождь. Первые капли мягко застучали по куполу, и глаза Сергея стали слипаться сами собой.

Он был гостем под этим куполом, но не чувствовал себя чужим. То, как просто его приняли, стало для Сергея чем-то большим, чем обычная встреча с новыми людьми. Они были искренними и настоящими — немного загадочными, но при этом совершенно открытыми. Их загадочность заключалась лишь в том, что Сергей с каждым днём узнавал этих людей с новой стороны, и это знакомство казалось бесконечным.

Сергей открыл глаза и снова посмотрел вверх.

Натянутый брезент издавал под каплями дождя звук, похожий на тысячу маленьких барабанов. Он то становился сильнее, то затихал — в зависимости от того, сколько воды летело с неба.

Сергей опять закрыл глаза.

В темноте перед ним возникли сцена, фонари и глаза людей, которые пришли со своими детьми посмотреть на зрелище, понемногу оттачиваемое каждый день Жулем, воздушной гимнасткой Лили и другими уже знакомыми ему артистами.

Каждый из них знал своё точное место. Точный

момент, когда нужно было выйти и забрать внимание зрителя на себя.

Сила этого грандиозного спектакля на несколько часов уносила зрителя в другой мир. Перед ним разворачивалась целая жизнь, которая из маленьких деталей собиралась в одну яркую картину и раскрывала смыслы, заложенные её создателями.

Мысли Сергея снова переместились в его городок. За закрытыми глазами он видел его и чувствовал его дыхание.

Сначала Сергей мысленно заглянул в квартиру и оказался рядом с тётушкой. Потом вошёл в свою комнату, оглядел её, увидел рацию и кота Кузю, который, выспавшись, выбирался из-под кровати.

Подумал о Вале, который сейчас, наверное, тоже лежал на кровати и смотрел телевизор.

Затем Сергей поднялся над своим городком, пролетел над рекой и оказался под мостом. Посмотрел наверх и увидел Толика. Тот стоял на мосту и смотрел вниз, а рядом с ним находился сам Сергей.

Сон уносил его. Сознание прыгало с одного места на другое, перелистывало события, одновременно наблюдая за ними и пытаясь их осмыслить.

Вдруг зажёгся яркий свет.

Сергей оказался в самом центре сцены. Прожектор бил прямо в лицо.

— Подъём! — прозвучал откуда-то из-под купола, со стороны прожектора, голос Жуля.

Сергей открыл глаза.

Прямо перед ним стоял Жуль и улыбался во всё лицо.

— Эй, сосед по палате! Днём спать — ночью брехать!

Сергей приподнялся и посмотрел на Жуля. Тот был

одет так, будто куда-то собирался.

— У нас с тобой поручение важное.

Жуль опустился на колени и принялся что-то искать под своей кроватью. Вытащил небольшой чемоданчик, открыл его и достал какую-то штуковину. Сунул её в рот и громко засвистел.

Это был свисток.

Сергей с интересом смотрел на Жуля и ждал, какое же важное поручение им предстояло выполнить.

Жуль выпрямился и торжественно объявил:

— Итак, наша задача — выгулять волков!

После чего скомандовал:

— За мной!

Сергей встал с кровати и пошёл вслед за Жулем.

Посёлок. Отдел милиции. Вечер.

Два Петра подъезжали к отделу милиции небольшого посёлка. Деревня, в которой должен был проживать Фёдор Малыхин, входила в территорию, обслуживаемую этим отделом.

Отдел милиции представлял собой небольшой деревянный дом, обнесённый железным забором. Перед калиткой стояла маленькая квадратная постовая будка, в которой сидел милиционер и контролировал вход.

Подойдя к окошку, лопоухий Пётр протянул в него раскрытое удостоверение.

— Управление уголовного розыска, — сказал он, показывая красную корочку.

Постовой кивнул и снова уткнулся в кроссворд, лежавший перед ним. Одновременно он снял трубку

внутреннего телефона и коротко сообщил дежурному:

— Из управления уголовного розыска.

Положив трубку, постовой вышел из будки и отпер калитку.

Два Петра прошли через небольшой двор и открыли входную дверь отдела.

Прямо перед ними находилась дежурная часть, отделённая от коридора толстым стеклом. На нём криво, красными буквами было написано: «ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ».

За стеклом сидел лысеющий дежурный. Он уныло поднял глаза на вошедших.

Лопоухий Пётр повторил уже привычный ритуал и показал удостоверение. Дежурный немного привстал и внимательнее посмотрел на оперов.

— Нам бы участкового, — сказал Пётр, показывая записанный адрес. — Кто у вас за эту деревню отвечает?

Дежурный отодвинулся от стекла и достал журнал с помятыми краями. Пролистав несколько страниц, нашёл нужную запись и посмотрел на лопоухого Петра.

— Старший лейтенант Геннадий Дмитриев. Позывной — Семнадцатый.

Потом взглянул на листок, висевший на стене, и добавил:

— Он сегодня в дневной смене. Он вам нужен?

— Да, — ответил Пётр.

Дежурный взял микрофон, нажал кнопку и заговорил:

— Семнадцатый, я Ноль второй. На связь.

Подождал и повторил:

— Семнадцатый, я Ноль второй. На связь.

Рация молчала.

— Не слышит, — сказал дежурный, посмотрев на Петра. — Возможно, где-то далеко ездит. Поднимитесь к начальнику участковых.

Он показал пальцем в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

— Кабинет двадцать четыре.

Два Петра переглянулись и пошли наверх. Деревянная лестница скрипела под ногами. Поднявшись на второй этаж, они прошли по небольшому коридору и нашли нужную дверь.

Лопоухий негромко постучал и, услышав разрешение войти, толкнул дверь.

За столом сидел худой капитан. Он поднял на вошедших глубоко посаженные чёрные глаза.

— Приветствую. Мы из управления уголовного розыска, — сказал лопоухий Пётр. — Убойный отдел.

В нос Петрам сразу ударил сильнейший запах прокуренного кабинета.

Капитан молча смотрел на них, ожидая продолжения.

— У нас вопрос по вашему подопечному.

Капитан немного свёл брови. Между ними образовалась небольшая искривлённая дуга.

— Адрес, фамилия, — сказал он, переводя взгляд на лежавшие перед ним папки.

— Малыхин Фёдор. Вот адрес, — ответил Пётр и протянул капитану листок.

Капитан посмотрел куда-то в окно, будто пытался что-то вспомнить, затем встал и направился к шкафу. Форменная рубашка свободно висела на его худом теле.

Подойдя к шкафу, он достал с полки журнал и раскрыл его.

— Как фамилия? Повторите ещё раз.

— Малыхин. Фёдор, — напомнил Пётр.

Палец начальника участковых остановился на одной из строчек.

— Да, есть такой. А что, он освободился? — спросил капитан, посмотрев на оперов.

— По нашей информации, уже на свободе, — ответил Пётр. — По адресу мы съездили. Дом пустой, никто там не живёт. Соседка говорит, что после освобождения его не видела.

Капитан вернулся к столу, взял рацию и немного прибавил громкость.

— Семнадцатый, я Шестой. Семнадцатый, я Шестой. На связь.

Он подождал.

— Шестой, я Семнадцатый. На связи, — наконец прозвучал молодой мужской голос.

Капитан зажал кнопку.

— Геннадий, Малыхина Фёдора знаешь? Раньше жил в деревне на твоём участке.

В рации ненадолго стало тихо.

— Нет, товарищ капитан. Я три года на участке, но его самого не знаю.

— После освобождения в деревне появлялся?

— Не видел и не слышал.

— Понял.

— А что он натворил? — спросил Дмитриев.

Капитан посмотрел на оперов. Лопоухий Пётр наклонился к рации:

— В убийстве подозревается.

— Понял, — уже серьёзнее ответил участковый.

Капитан снова нажал кнопку:

— Если Малыхин появится или о нём что-нибудь

услышишь — сразу сообщай.

— Принял.

Капитан положил рацию на стол и посмотрел на Петров:

— Больше он вам ничего не скажет.

— Уже понятно, — ответил лопоухий.

Он достал блокнот, написал номер своего кабинета на оторванном листке и протянул капитану.

— Передайте Дмитриеву. Если Малыхин объявится или появится какая-нибудь информация, пусть сразу позвонит. В любое время.

— Передам, — ответил начальник участковых и положил листок рядом с рацией.

Других зацепок у двух Петров пока не было. Оставалось возвращаться в управление.

Они вышли из кабинета и спустились по скрипучей лестнице. На первом этаже лопоухий Пётр вдруг остановился и схватился за живот.

— Уборная где? — спросил он у дежурного.

Тот показал в конец коридора:

— Последняя дверь направо.

— Молочко подошло, — улыбнулся длинный Пётр.

Лопоухий бросил на напарника недовольный взгляд и почти бегом направился по коридору.

Добуж. Районная прокуратура. Около 18:00.

В шесть часов вечера кабинет Дениса Петровича снова начал наполняться сотрудниками прокуратуры. На вечернее совещание собрался тот же состав, который был здесь утром: Кира Николаевна, Лизавета Петровна,

Виталий и Никита.

Денис Петрович наблюдал, как следователи входили и рассаживались по своим местам. Когда все собрались, он посмотрел на часы.

— Завтра меня не будет, — сообщил он. — Еду в управление на совещание.

Он перевёл взгляд на Киру Николаевну.

— Кира Николаевна, проведёшь за меня утреннее совещание. Быстро, по основным вопросам.

Кира Николаевна коротко кивнула, давая понять, что всё услышала.

Лизавета Петровна на мгновение задержала на ней недовольный взгляд, затем опустила глаза и выровняла лежавшие на коленях бумаги. Её раздражало, что Кира Николаевна пользовалась у Дениса Петровича большим авторитетом. В глазах Лизаветы Петровны единственными преимуществами пожилой коллеги были долгие годы службы и приближавшаяся пенсия.

Себя же она давно видела на месте заместителя прокурора. Ей казалось, что её законная очередь уже наступила, но временное руководство снова доставалось Кире Николаевне.

Денис Петрович посмотрел на Лизавету Петровну.

— Что у нас по допросам? — спросил он, держа ручку над раскрытым блокнотом.

Лизавета Петровна через силу вышла из своих мыслей. Несколько раз моргнула и опустила взгляд в записи.

— Завтра у меня пока два допроса. Мария, директор Дома культуры, и Света, которых Филатов опрашивал ночью по делу Анастасии. Их объяснения есть в материалах. Опера должны обеспечить явку. Олесю и

Дашу, на которых указал Сугробов, ещё устанавливают.

Денис Петрович посмотрел сначала на неё, затем на Никиту и Виталия.

— Лизавета Петровна, группа остаётся на тебе. Завтра нужно допросить Марию и Свету и как можно быстрее найти Олесю и Дашу. Предварительно в четверг Мартынов вместе с адвокатом будет у нас. До его приезда мы должны установить и допросить всех свидетелей, до которых сможем добраться.

Он снова посмотрел на Лизавету Петровну.

— Очень подробно, Лиза.

— Я поняла, — ответила она.

Денис Петрович перевёл взгляд на молодого следователя.

— Никита, у тебя что?

Никита повернулся к начальнику.

— Жду, когда опера установят и задержат остальных участников. Пока тишина, — ответил он и вздохнул.

— Тогда подключайся к группе Лизаветы Петровны. В обоих делах проходят одни и те же фигуранты, поэтому работайте вместе.

Никита мельком посмотрел на Лизавету Петровну и кивнул.

Денис Петрович повернулся к Виталию, который сегодня допрашивал Лёшу.

— Виталий, ты подготовил материал по загрязнению воды? — спросил он, немного нахмурив лоб.

— Я не успел. Допрос проводил, — ответил Виталий.

— Ты допрос проводил два часа. Срок у тебя когда?

— Завтра.

— Меня завтра на месте не будет. Кто материал подписывать будет?

Денис Петрович хмуро посмотрел на Виталия. Он умел злиться так, что подчинённые сразу понимали: их загнали в угол, выбраться из которого с помощью оправданий уже не получится.

— Я ещё час буду на месте. Делай сопроводительное, готовь обоснование и неси ко мне. Завтра по дороге передам материал прокурору соседнего района.

Виталий кивнул.

— Всё, совещание закончено, — объявил Денис Петрович. — Кира Николаевна, останься.

Кира Николаевна осталась на своём месте. Остальные поднялись и вышли из кабинета.

Когда дверь за ними закрылась, Денис Петрович посмотрел на неё:

— Ты про дело Мартынова слышала?

За четыре года совместной работы между ними сложились почти дружеские отношения. Именно с Кирой Николаевной Денис Петрович чаще всего советовался по сложным вопросам. Она обладала большим опытом и тем человеческим взглядом, который всегда ему импонировал.

Кира Николаевна вспомнила недавний разговор со Светланой Викторовной.

— Слышала, Денис Петрович, — ответила она.

— И что думаешь?

— Вы про применение статьи тридцать седьмой?

Денис Петрович кивнул.

Кира Николаевна ненадолго задумалась, провела ладонью по рукаву и спокойно сказала:

— Проверить эту версию нужно. Основания могут подтвердиться. Но если вы спрашиваете, как поступила бы я, — направила бы дело в суд.

Денис Петрович продолжал смотреть на неё.

— Почему?

— Потому что погиб человек. Пусть окончательную оценку даёт суд. Я сама такое дело прекращать не стала бы.

Она произнесла это без сомнений, как человек, хорошо знающий не только закон, но и сложившуюся практику. Кира Николаевна не отрицала возможность другого решения, однако сама становиться первой, кто пойдёт против привычного порядка, не собиралась.

Денис Петрович медленно кивнул:

— Понял.

Он взял лежавшие на столе бумаги обеими руками и несколько раз постучал краями по столу, выравнивая листы.

— Завтра поговорю с областным прокурором. Ты утром всё проконтролируй.

— Хорошо, Денис Петрович.

Кира Николаевна поднялась.

— Я тогда пойду.

— Иди. Ты же сегодня дежуришь?

— Да. Я здесь.

Она вышла, и кабинет опустел.

Окрестности Москвы. Лес неподалёку от цирка. Вечер.

Двенадцать волков шли друг за другом по узкой лесной тропе.

Впереди, без поводка, ступал Цезарь. Старый пёс уже не спешил, но стая по-прежнему признавала его первым. Когда-то Цезарь принял первых волчат, а потом

воспитал одного за другим почти всех, кто теперь шёл следом.

Рядом с Цезарем держался Март. Если пёс замедлял шаг, Март тоже шёл медленнее, не подгоняя его.

Почти весь основной состав цирка выбрался сегодня в лес. Жуль вёл Графа и Лаптя, Гвоздь — Бурю и старую волчицу, мать Графа, Бури, Кометы и Лаптя. Лили досталась Комета. Остальных разобрали Лика, Парамоша и другие артисты. Анфиса Петровна замыкала шествие с тяжёлой сумкой с водой и всё время считала волков, хотя прекрасно знала, что ни один из них не потеряется.

Волки двигались мягко, немного опустив мощные шеи. Их глаза цеплялись за каждое движение в траве. Иногда кто-нибудь легко перепрыгивал через поваленное дерево, и тогда вся цепочка один за другим повторяла это движение.

Сергей обеими руками держал поводок Принца. Молодой волк то и дело тянулся носом к незнакомым запахам, но, почувствовав натяжение поводка, возвращался на тропу. Иногда он посматривал на Сергея. Взгляд у него был не собачий и не совсем добрый — скорее спокойный, признающий: ты идёшь рядом, значит, ты свой.

Они забрались далеко в чащу и вышли на небольшую поляну. Жуль взял свисток и дал один длинный сигнал.

Первым остановился Цезарь.

За ним один за другим замерли волки, словно от головы стаи к хвосту прошла волна. Ещё один короткий свист — и все двенадцать волков легли в траву.

Люди сразу занялись привычными делами. Март налил Цезарю воды. Гвоздь присел возле Бури и

осмотрел его лапу. Лили вытащила колючку из шерсти Кометы, а та даже не повернула головы. Парамоша попытался устроиться на пеньке, но Лапоть занял его раньше.

— Конечно, — пробурчал Парамоша. — Тебе нужнее.

Жуль засмеялся. Анфиса Петровна открыла сумку и стала раздавать миски.

Принц лёг возле Сергея и прижался боком к его ноге. Сергей осторожно провёл ладонью по густой шерсти.

Вокруг него переговаривались люди, звенели цепи, тяжело дышали волки. Цезарь лежал у ног Марта, Гвоздь придерживал миску для Бури, а Лили продолжала вычёсывать из шерсти Кометы сухие веточки.

Здесь уже невозможно было понять, кто о ком заботился — люди о животных или животные о людях.

Это и была их большая цирковая семья.

Часовая прогулка пролетела мгновенно.

По следующему свистку Жуля волки поднялись с травы. Артисты разобрали поводки, и длинная цепочка в том же порядке двинулась обратно. Впереди шли Цезарь и Март, за ними — Гвоздь, Лили, Жуль и остальные. Сергей снова держал Принца.

Когда между деревьями показались крыши цирковых шатров, навстречу потянуло запахом ужина. Волки почувствовали его раньше людей. Один за другим они подняли головы, зашевелили носами и заметно прибавили шаг.

— Вот она, настоящая дрессировка, — сказал Жуль. — На мой свист они ещё думают, а на запах мяса выполняют команду без ошибок.

Сергей улыбнулся. Принц тоже потянул вперёд, но

сразу остановился, почувствовав поводок.

— Не спеши, — сказал ему Сергей.

— Правильно, — поддержал Жуль. — Ужин от него не убежит. Хотя если первым придёт Парамоша — я бы не поручился.

— Я всё слышу! — отозвался Парамоша из середины цепочки.

— Значит, силы ещё остались, — заметил Жуль. — Можем сделать второй круг.

Парамоша сразу замолчал.

Чем ближе они подходили к шатрам, тем сильнее становился запах еды. Казалось, он был приятен всем одинаково — и людям, и волкам.

Осёл, услышав приближавшихся артистов, высунул голову из своего загона и громко заголосил:

— И-а! И-а! И-а!

Жуль остановился и прислушался.

— Слышите? Конферансье уже объявляет наше возвращение.

Осёл снова протяжно заревел.

— Нет, — поправился Жуль. — Он говорит: «И я! И я!» Боится, что ужин без него начнут.

Артисты засмеялись. Даже Март, шедший впереди рядом с Цезарем, обернулся и улыбнулся.

У самого шатра цепочка начала расходиться. Но никто не спешил сразу к столу. Сначала волков отвели в загон, проверили воду, сняли поводки и осмотрели лапы после прогулки. Сергей помог Жулю завести Принца. Молодой волк задержался возле него, на мгновение прижавшись боком к ноге, а затем побежал к остальным.

— У нас правило простое, — сказал Жуль. — Сначала

ужинают те, кто не умеет пожаловаться Анфисе Петровне.

Из загона снова донеслось:

— И-а!

Жуль посмотрел в сторону осла.

— Кроме этого. Этот пожалуется сразу директору цирка.

Добуж. Квартира Дениса Петровича. Около 20:00.

Денис Петрович возвращался домой с материалом по загрязнению воды, который Виталий всё-таки успел подготовить к концу рабочего дня. Папку он положил в портфель: завтра, на совещании в управлении, можно будет сразу передать её прокурору соседнего района и заодно поговорить с ним о жалобах местных жителей.

За последние полгода такие жалобы несколько раз поступали в их прокуратуру. Проверки не выявили постоянного источника загрязнения на территории района, зато следы вели выше по течению — к заводу, который находился уже за пределами района, за который отвечал Денис Петрович.

Поднявшись на свой этаж, он позвонил в дверь.

В прихожей его встретила жена. Посмотрела на мужа и улыбнулась.

— Ты сегодня пораньше.

Она взглянула на часы, висевшие в коридоре. Стрелки показывали почти восемь.

— Мне завтра пораньше в управление надо, — ответил Денис Петрович, снимая ботинки.

Из своей комнаты вышла Настя. Увидев отца,

подошла и поцеловала его в щёку.

— Привет, Настён, — сказал Денис Петрович.

Дома он становился просто мужем и папой.

— Привет, па.

Настя ушла на кухню. Денис Петрович проводил её взглядом. Она была уже почти с него ростом, хотя ещё вчера, казалось, он носил её на руках.

Он умылся, снял костюм, переоделся в домашнее и пошёл на запах картофельного пюре и котлет, которые жена успела сварганить к его приходу.

Все втроём сели за стол. Посередине стояло большое блюдо с котлетами, рядом — пюре, солёные огурцы и квашеная капуста.

Денис Петрович посмотрел на жену. Та без слов достала из шкафа начатую бутылку коньяка, налила ему небольшую рюмку и убрала бутылку обратно.

Он поднёс рюмку к лицу, вдохнул терпкий запах и сделал глоток. Тёмно-янтарный напиток обжёг горло, тепло разошлось по груди, отогревая то, что весь день оставалось внутри холодным, напряжённым и намертво собранным.

Следом в ход пошли горячая котлета и пюре.

Денис Петрович посмотрел на дочь.

— Ну что там у тебя в школе?

Настя подняла на него глаза и сразу вспомнила утренний разговор, который, как ей казалось, закончился ничем.

— Да нормально, пап. Уроки как всегда.

Денис Петрович выдержал небольшую паузу.

— А этот парень… Сергей? — спросил он, не глядя на дочь.

— А что Сергей?

— Да ничего. Его адвокат сегодня ко мне приходил. Серьёзный. Из Москвы приехал. Вот и думаю: откуда у него адвокат из Москвы?

Настя немного подумала и пожала плечами.

— Не знаю, пап.

— А утром ты сказала, что он хороший парень. Что значит — хороший?

Настя посмотрела на отца так, словно он пытался её в чём-то упрекнуть.

— Ой, пап, я поняла. Всё поняла. Не знаю я…

Она снова уткнулась в тарелку.

— Да я не про то, Настён, — поспешил объяснить Денис Петрович. — Я хочу понять, что он за парень. Ну… характеристику его.

Произнеся последнее слово, он сам понял, что снова заговорил как в своём кабинете.

— Там всё сложно с ним, — добавил он уже мягче и взял ещё одну котлету.

Настя молчала.

— Да откуда она знает? — сказала жена, посмотрев на дочь.

Настя подняла голову.

— Знаю я его, мам. Мы восемь лет в одной школе учимся. Или уже даже девять…

Она попыталась посчитать на пальцах, потом сбилась и махнула рукой.

— Я там всех знаю.

Настя снова посмотрела на отца.

— Ну как тебе сказать, па… Спокойный он. Не хулиган. Никого не задирает. Просто хороший парень. Я не знаю, как это объяснить.

Она опустила глаза в тарелку и немного засмущалась.

Денис Петрович кивнул и больше расспрашивать не стал. Для дела слова дочери не значили ничего — их нельзя было ни подшить, ни записать в протокол.

Но впервые за весь день он подумал о Сергее не как о фамилии в материалах.

Это был живой мальчишка, которого его дочь знала много лет.

Легче от этой мысли не стало.

— А что, его посадят? — спросила Настя.

Она лишь мельком посмотрела на отца, но Денис Петрович заметил в её взгляде настоящий испуг.

— Это кто тебе такое сказал?

Настя опустила глаза в тарелку.

— В школе все говорят.

— Что значит — говорят? Они что, судьи, решать, сядет он или не сядет?

Голос Дениса Петровича невольно стал жёстче. Он тут же остановил себя, не позволив раздражению вылиться на дочь.

— Не слушай всё, что в школе говорят, — добавил он уже спокойнее.

Денис Петрович снова указал жене на рюмку. Та немного помедлила, но достала бутылку и налила до краёв. Он выпил.

Настя посмотрела на отца.

— Ну, пап, расскажи. Я никому не скажу, — попросила она, стараясь заглянуть ему в глаза.

— Настён… — Денис Петрович вздохнул. — Там пока ничего не ясно, понимаешь? Была драка. Сергей убил одного из тех, кто её затеял.

Вилка в руке дочери замерла.

Денис Петрович немного помолчал, а затем спросил:

— А Валю знаешь? Сугробова?

Настя посмотрела в угол кухни, словно пыталась вспомнить его лицо.

— Нет, такого не знаю. Сергей вроде с рыжим мальчиком дружит… Толиком, кажется. Но самого Валю не знаю.

— Вот и пойми теперь, что там произошло, — произнёс Денис Петрович. — Один видел одно, другой слышал другое, а вся школа уже решила, кого посадят.

— А ты разберёшься? — спросила Настя.

Он посмотрел на неё и не сразу ответил.

— Для этого я там и работаю.

— Я тоже прокурором буду, — заявила она и улыбнулась.

Денис Петрович тоже невольно улыбнулся.

— Ну вот, вырастешь, выучишься — тогда и будешь всё знать. А пока твоя задача — учиться.

— Хорошо ты ей профессию расписываешь, — заметила жена, внимательно следившая за выражением его лица.

— А я всё равно буду, — сказала Настя.

— Тогда учись хорошо, будущий прокурор.

Настя доела, отнесла тарелку к мойке и ушла в свою комнату. Через несколько секунд за стеной зашуршали тетради.

Жена начала убирать со стола.

— Трудное дело? — спросила она.

Денис Петрович посмотрел на пустую рюмку.

— Дело как раз не самое трудное. Решение трудное.

— А мальчику, наверное, ещё труднее.

Она собрала тарелки и понесла их к мойке.

Денис Петрович ничего не ответил. За стеной Настя

переворачивала страницы учебника. Сергей учился в той же школе, ходил по тем же коридорам и сидел над такой же тетрадью. До сегодняшнего дня он существовал для Дениса Петровича главным образом в протоколах, показаниях и статьях Уголовного кодекса. Теперь у него появилось лицо — пусть даже Денис Петрович его ещё не видел.

Он посмотрел на портфель, оставленный возле двери кухни. В нём лежал материал, который завтра предстояло передать прокурору соседнего района. Дело Сергея осталось в кабинете, но оттуда, из прокуратуры, словно пришло за ним домой и теперь сидело рядом за семейным столом.

До этого вечера Денису Петровичу казалось, что самым осторожным будет ничего не решать самому и передать дело в суд.

Теперь он понял: это тоже будет решением.

И отвечать за него придётся так же, как за любое другое.

Москва. Цирк «Синие волки». Вечер.

После прогулки с волками был ужин. После ужина все разошлись по своим делам, а Сергей решил немного прогуляться по цирку.

В зрительном зале он увидел Лику. Она сидела на одном из рядов и смотрела на манеж.

Заметив её, Сергей сначала дёрнулся назад, не зная, что сказать. Потом всё-таки поднялся к ней и сел рядом.

Лика посмотрела на него.

— Ты занята? — спросил Сергей.

В руках у неё был небольшой блокнотик, в котором она что-то черкала тоненьким карандашом.

Лика посмотрела на Сергея и раскрыла блокнот. На маленьком листочке вырисовывалась крошечная картинка. Детали были совсем миниатюрными, но очень чёткими.

— Ты ещё и художница, — удивился Сергей, рассматривая рисунок.

На нём были изображены манеж, купол, верёвки и сама крошечная Лика, которая порхала в воздухе точно так же, как и по-настоящему.

— Я рисую своё выступление, — сказала она.

Лика перелистнула ещё несколько страниц. Там были почти такие же картинки, только положение её маленькой фигурки каждый раз менялось.

— Смотрю на себя как зритель. Это моя воображаемая тренировка. Сначала смотрю на сцену, потом представляю, как поднимаюсь, какие движения делаю, и прорабатываю приёмы. Очень хочу сделать один трюк, но пока у меня не получается, — сказала Лика, закусив губу.

— Вот это да, — удивился Сергей. — А что за трюк?

Она внимательно посмотрела на него, а затем вдруг поцеловала в щёку.

Сергей немного покраснел. Сердце сразу забилось сильнее.

— Пойдём, покажу, — сказала Лика.

Она тут же встала и пошла вверх по рядам, ловко перепрыгивая через препятствия. Сергей поднялся и последовал за ней.

Они скрылись за висящими шторами. Лика запрыгнула на лесенку, уходившую куда-то наверх, и,

поднявшись метра на три, посмотрела вниз.

Сергей полез следом.

Вскоре они оказались немного выше самого верхнего зрительского ряда. Лика пробежала по узкому мостику и скрылась где-то между куполом цирка и свисающей тканью. Сергей последовал за ней.

Она уходила всё дальше по кругу шатра, и Сергей почти терял её из виду. Лика двигалась так легко, что вскоре он перестал слышать даже её шаги, но всё равно продолжал идти следом.

— Вот тут аккуратно, — вдруг сказала она, остановившись прямо перед ним в темноте.

Сергей торопился и не успел вовремя остановиться. Он наткнулся на Лику и невольно приобнял её.

Она была чуть ниже него и теперь смотрела прямо на него. Её большие круглые глаза оказались совсем близко.

Лика отвела взгляд и показала рукой:

— Вот, смотри.

От купола свисал длинный канат с прикреплённым к нему шаром, на котором Лика исполняла свой номер.

— Я хочу раскачать его так, чтобы зритель потерял меня из виду, а я оказалась вот тут.

Она показала на маленький постамент, скрытый от зрительских глаз несколькими слоями ткани, где они сейчас стояли с Сергеем.

Сергей внимательно посмотрел на канат и попытался представить то, что описывала Лика.

— То есть обратно вернётся только канат без тебя?

— Да, — очень широко улыбнулась она.

Её глаза светились нежной, почти детской радостью.

— А потом, пока зрители будут думать, куда я

пропала, я быстро спущусь.

С этими словами она нырнула куда-то вниз.

— Пошли за мной!

Сергей последовал за ней.

И снова Лика то ныряла вниз, то поднималась вверх, исчезала за кулисами, перебегала по каким-то проходам, и вскоре они оказались уже у самого выхода на манеж.

Она почти за руку вывела Сергея наружу.

— А я отсюда на велосипеде выеду, пока зрители будут искать меня наверху. Вот так я придумала, — сказала она с милой гордостью.

Потом посмотрела на часы.

— Но пока получается не очень быстро. Поэтому надо думать.

Лика смешно скривила рот и немного надула губы.

Из центральной арки вышел Жуль. Он тоже отрабатывал новый трюк, но, по его словам, Март запретил ему его исполнять из-за слишком большого риска, поэтому теперь Жуль придумывал себе что-нибудь другое.

Сергей посмотрел на Лику.

— А можно мне немного попробовать?

— Что?

— Ну вот на этом канате. — Он показал наверх.

— Только со страховкой, — поднял палец Жуль, услышав их разговор.

Он скрылся и через минуту вернулся со специальными ремнями. Быстро обхватил ими Сергею ноги и пояс, проверил крепления.

— Это для новичков, — улыбнулся Жуль. — А теперь можешь расслабиться.

Он подвёл Сергея к длинному канату, уходившему к самому центру шатра, и защёлкнул страховку за кольцо подвесной системы. Потом куда-то убежал.

Лика направилась к зрительским креслам и устроилась наблюдать.

Вдруг зажглись несколько синих прожекторов. Центральный купол наполнился голубым светом, а зрительские места утонули в темноте.

Канат начал медленно подниматься.

Где-то в стороне Жуль нажимал на нужные рычаги.

Сергей повис в страховочных ремнях. Ещё немного — и ноги оторвались от земли.

Метр.

Два.

Три.

Четыре.

Сергей смотрел вниз, и ему казалось, что манеж становится всё меньше. Он огляделся.

— А теперь лети! — крикнул Жуль.

Сергей попытался принять горизонтальное положение и раскинул руки и ноги.

Тело не слушалось.

Оно словно отказывалось принимать то, что видели глаза. Руки и ноги сами пытались подтянуться ближе к туловищу, собраться, вернуть привычное ощущение опоры.

Сергей заставил себя расслабиться и расправил руки.

Потом ноги.

— Лечу! — засмеялся он.

— Попробуй немного раскачаться! — крикнул Жуль.

Сергей попытался понять, как это сделать. Хотелось будто оттолкнуться от воздуха, но ничего не получалось.

Из темноты раздался звонкий смех Лики.

Самой её Сергей не видел. Она смеялась над его неуклюжими движениями, пока он пытался найти равновесие и понять, как заставить канат раскачиваться.

Постепенно получилось.

Сначала едва заметно, потом сильнее.

Вперёд.

Назад.

И снова вперёд.

Грудь наполнилась острым, жгучим чувством. Тело ещё не знало такого ощущения и превращало всё новое и неизведанное в простой и понятный сигнал опасности.

Но вместе с этим Сергею нравилось.

В этот момент Жуль нажал на рычаг, и канат начал медленно опускаться.

Через несколько секунд Сергей снова почувствовал под ногами твёрдую поверхность. Будто только теперь тело окончательно поверило, что всё закончилось, и сразу стало легче.

В зале снова загорелся свет.

— Ну как тебе? — спросила Лика, подойдя к Сергею.

Маленькими крепкими руками она принялась отстёгивать его от каната.

— Невероятно. И интересно, — сказал Сергей.

К ним снова вышел Жуль. Его лицо сияло обычной довольной улыбкой.

— Ну вот и твой первый цирковой опыт, — сказал он с гордостью.

Подойдя к Сергею, Жуль быстрыми сильными руками ловко снял с него страховочные ремни.

— А мне ещё говорят, что я плохой учитель! Третий неполный день моего наставничества, а уже вон летаешь.

— Тебе просто повезло с учеником! — вдруг бросил кто-то из-за шторы.

— Ага. Так проще всего сказать, — ответил Жуль куда-то в пространство.

Зал засмеялся.

Смех раздался сразу с разных сторон шатра — откуда-то из-за кулис, сверху, из темноты за рядами.

Сергей удивлённо оглянулся. До этого ему казалось, что под центральным куполом сейчас никого нет, кроме него, Лики и Жуля.

Приглядевшись, он увидел чей-то силуэт за одной из штор. Кто-то лежал на постаменте высоко над манежем. Ещё где-то мелькнула голова.

После ужина цирковые разошлись отдыхать каждый на своё место, и потому казалось, будто вокруг никого нет.

А на самом деле все были здесь.

Трасса на Москву. Поздний вечер.

Трасса мелькала вечерними огнями. По мере приближения к Москве их становилось всё больше, встречный поток делался плотнее, а впереди уже начинали скапливаться машины.

Только теперь, когда напряжение прожитых дней начало понемногу отпускать, Георгий почувствовал усталость физически. Глаза жгло, плечи затекли, движения стали тяжелее, а пуэр в термосе давно

закончился.

Увидев впереди заправку, он снизил скорость, взял правее и свернул в карман. Остановил «Шевролет» возле колонки, заглушил двигатель и пошёл оплачивать бензин.

Из небольшого киоска лился свет. Деньги перешли из рук в руки — никаких улыбок, только усталость на сером лице кассира.

Он вернулся к машине. Вставил пистолет в горловину. На табло забегали цифры, отсчитывая литры уходившего в бак бензина.

Через несколько минут бак был полон. Георгий повесил пистолет на колонку, немного прошёлся возле машины, разминая затёкшие ноги и плечи.

Сев в машину, Георгий повернул ключ, и мотор забулькал. Колёса снова отсчитывали километры. Через час он будет дома.

Взяв сотовый телефон в руку, он нажал несколько клавиш. Раздались гудки — на другом конце ответил Март.

— Всё в порядке. Я подъезжаю.

— Завтра в двенадцать я буду.

— Доброй ночи.

Глаза вновь уткнулись в серую широкую дорогу. Красные огни впереди появлялись всё чаще.

Москва. Цирк «Синие волки». Ночь.

Глаза смотрели вверх — в то самое окошко. Тишины не было, но была гармония, словно каждый звук был на своём месте. Глаза моргали всё медленнее, и мир то

открывался, то снова закрывался темнотой, с каждым разом проваливаясь во что-то знакомое и тёплое.

В окошке появилась звезда. Это снова был Сириус. Облака открыли его, словно раздвинули занавес, и теперь он снова светил. Глаза закрылись, а его свет словно остался внутри. Тело окончательно провалилось и стало прозрачным.

Где-то далеко заиграла тонкая дудочка, и чей-то нежный голос начал петь свою колыбельную:

…в темноте костёр горит… в колыбели дитя спит… волки, волки, не шумим… спит младенец Ибрагим…

Голос то приближался, то снова уходил, растворяясь в мелодии. Слова не складывались в песню целиком. Доносились только отдельные обрывки:

…спит малыш, дитя любви… сон уносит далеко… дым взлетает высоко… почему костёр горит?..

Сириус всё ещё светил где-то внутри. Дудочка повторила свой тонкий напев, и голос прозвучал ещё тише:

…как маяк, костёр горит… возвращайся, он велит… через тёмный мир из снов… возвращайся к нам домой…

Мелодия уходила всё дальше. Последние слова едва коснулись слуха:

…и костёр погас в ночи… дав рассвету в небе взойти…

Сергей уже спал.

СРЕДА

Добуж. Квартира Дениса Петровича. Дорога в областную прокуратуру. Раннее утро.

Утро в Добуже было пасмурным. Всю ночь шёл дождь.

Будильник поднял Дениса Петровича раньше обычного. В областной прокуратуре должно было состояться совещание, а ехать до неё предстояло несколько часов.

Позавтракав, он надел форменные брюки и китель, сверху — лёгкое весеннее пальто. Супруга подала ему зонтик.

Белая служебная машина ВАЗ-2105 стояла возле дома, прямо под окнами. Спустившись по лестнице, Денис Петрович остановился перед выходом из подъезда, посмотрел на пасмурное небо и раскрыл зонтик. Земля была влажной. Он осторожно ступил на мокрый асфальт и, стараясь не забрызгать брюки, направился к машине.

Сев за руль, Денис Петрович завёл двигатель, включил первую передачу и выехал со двора. Супруга посмотрела из окна на отъезжающую машину и вновь легла отдыхать.

Дворники сбрасывали воду со стекла. Машина гудела и постепенно разгонялась. Впереди было больше ста километров пути.

Денис Петрович посмотрел на часы. Через два часа он должен был быть на месте.

Москва. Цирк «Синие волки». Утро.

После вчерашнего дождя утро Москвы было прохладным, но солнечным.

Жуль по привычке проснулся по будильнику. Следом открыл глаза Сергей. Он посмотрел на Жуля и вспомнил вчерашний вечер — поцелуй Лики в щёку, о котором думал, засыпая. Сердце вновь забилось сильнее.

Жуль посмотрел на Сергея.

— Ты, дружок, вчера заснул. Видимо, много эмоций, — сказал он и улыбнулся немного помятой утренней улыбкой.

Потом взял полотенце и вышел из комнаты к умывальникам. Сергей пошёл следом.

Вдоль стены стояли металлические умывальники. Жуль открыл кран, и потекла вода. Сергей брызнул себе в лицо, растёр его ладонями, затем смочил шею и немного проснулся. Жуль, раздевшись до пояса, умывался прохладной водой.

Сергей вдруг вспомнил про вчерашнюю колыбельную.

— А кто это вчера пел, Жуль? — спросил он, брызгая на себя прохладной водой.

— О-о-о, слышал? Вот это голос! — сказал Жуль, растирая грудь.

— Это тётя Маша, повариха. Кормит, лелеет и колыбельные поёт. Женщина! — Жуль улыбнулся. Последнее слово он произнёс как особое звание, в котором, казалось, отражалась вся суть любви.

— Я вчера под неё и уснул, — улыбнулся Сергей.

— Я тоже, — сказал Жуль, уже растираясь махровым

полотенцем.

Жуль выключил воду и пошёл в комнату переодеваться в тренировочный костюм. Сергей последовал за ним.

Через несколько минут они с Жулем снова были в парке. По знакомым тропинкам на этот раз бегать не стали. Жуль выбрал новый маршрут — по асфальтированным дорожкам. Бежал он небыстро, и Сергей постепенно сравнялся с ним.

— А Георгий приехал, ты не слышал? — спросил Сергей.

Жуль посмотрел на него.

— Вчера его точно не было. У меня слух как у кота. — Жуль улыбнулся и показал на своё ухо. — Я слышу всё.

Он немного прибавил темп.

— Ты сейчас на тренировке, поэтому находись здесь и сейчас. Все дела — после завтрака, — добавил Жуль и ускорился.

Потом, прищурившись, прикрикнул:

— С больничного я тебя официально снимаю!

Жуль свернул на тропинку. Сергей побежал за ним.

Утро начиналось с тела.

Областная прокуратура. Утро.

Областная прокуратура располагалась в длинном трёхэтажном здании.

Денис Петрович припарковал машину на стоянке. Зонт уже не понадобился. Он взял портфель и направился к центральному входу. Вместе с ним к зданию стекались руководители других районных

прокуратур — словно пчёлки в улей. Затем они шли по коридорам к небольшому актовому залу и рассаживались по местам.

Денис Петрович посмотрел на часы. Совещание, которое проводил прокурор области, должно было начаться через двадцать минут.

Он нашёл своё привычное место и увидел знакомые лица. Пройдя вдоль ряда стульев, Денис Петрович остановился рядом с прокурорами соседних районов.

Слева сидел Виктор Викторович — прокурор соседнего района, на территории которого находился большой завод.

— Виктор Викторович! — улыбнулся Денис Петрович и протянул руку толстоватому пожилому прокурору.

Тот повёл маленькими глазками в его сторону.

— А-а, Денис Петрович! Сосед! — произнёс он и тоже протянул руку.

Они поздоровались.

Виктор Викторович давно возглавлял соседнюю районную прокуратуру. Красноречивые шутки и связи были его главными коньками.

Денис Петрович присел рядом и вынул из портфеля материалы по жалобе на загрязнение воды. Виктор Викторович мельком посмотрел на бумаги.

— По случаю встречи принимайте материал, — сказал Денис Петрович и протянул ему документы.

Виктор Викторович посмотрел сначала на бумаги, затем на Дениса Петровича, взял документы, быстро надел очки и пробежал глазами первые строчки.

— Это про что? — спросил он.

— По загрязнению воды. Я на своём участке загрязнений не выявил.

— А это по заводу, что ли?

Глаза Виктора Викторовича снова уткнулись в материалы.

— Следы солярки или бензина, — прочитал он.

Потом посмотрел на имя заявителя.

— Рыбаки, что ли?

Денис Петрович кивнул.

— Вот им не уймётся, — проворчал Виктор Викторович.

Кряхтя, он наклонился к стоявшему рядом портфелю. Живот мешал ему это сделать, отчего Виктор Викторович задышал ещё сильнее. Наконец он бросил документы в портфель, закрыл его, выпрямился и снял очки.

— Сто раз уже из-за этого завода в область ездил, — сказал он, недовольно глядя на подиум, установленный для выступающих руководителей. — Завод огромный…

Он несколько раз тяжело вздохнул, словно подыскивая новые слова.

— Разберёмся, — сказал он наконец и немного закашлялся.

Потом снова посмотрел на Дениса Петровича.

— А я слышал, у тебя на выходных два убийства.

Виктор Викторович повернул толстую шею и внимательно взглянул на коллегу.

Денис Петрович кивнул.

— Да, там целая история. Как раз хочу с прокурором посоветоваться.

— Вот как? — удивился Виктор Викторович.

— Да. Там несовершеннолетний, — сказал Денис Петрович, не вдаваясь в подробности.

Виктор Викторович понимающе закивал.

— Да, молодёжь распоясалась.

В это время прозвучала команда:

— Встать! Смирно!

Все поднялись со своих мест.

В зал вошёл прокурор области — огромный широкоплечий мужчина с белыми, как молоко, волосами. За ним шли несколько его заместителей. Они направились к трибуне и расселись на стульях за столом в центре.

Все снова сели.

Прокурор области окинул взглядом сидевших перед ним. Затем встал и подошёл к трибуне.

— Товарищи прокуроры, сегодня мы рассмотрим несколько важных вопросов.

Голос у него немного плавал, выдавая внутреннюю сиплость от постоянного напряжения. Манера выступления напоминала постепенный разгон: сначала он говорил по фактам, затем его речь становилась всё шире и шире, пока на подчинённых из районов не начинал накатывать настоящий ужас.

— Во-первых, мы обсудим положение дел в области и новые вызовы, изменения законодательства и подходы к применению закона.

Он надел очки и заглянул в лежавший перед ним листок.

— Далее рассмотрим текучесть кадров в органах прокуратуры. Особенно коснёмся нового витка коррупции в органах власти и правоохранительных органах, в том числе в милиции, а также нашей работы по надзору за ведомствами.

Прокурор перевёл дыхание, продолжая смотреть в листок, затем поднял глаза на зал.

— Также поговорим о терроризме как о новой угрозе. Предметно рассмотрим случаи формирования в области организованных преступных групп, которые всё чаще начинают срастаться с органами власти и правоохранительными органами.

На последних словах он сделал особый акцент, усилив голос, чтобы каждому стало понятно: коррупция — это новый вызов для прокуратуры.

— В связи с этим каждый руководитель районной прокуратуры должен знать и осознавать свою особую и важную роль в обеспечении законности и правопорядка.

Он снова тяжело вздохнул.

— Изменения законодательства должны своевременно учитываться в работе на местах и в правоприменительной практике. Особенно это касается новых форм учёта и передачи информации между подразделениями различных служб и судами.

Прокурор снова посмотрел на зал.

— Отдельно остановимся на техническом оснащении и укомплектовании подразделений оргтехникой и компьютерами.

Он перевёл взгляд на одного из заместителей. Тот всё понял и тут же встал, готовясь заменить руководителя у трибуны.

Но прокурор ещё не закончил:

— Также рассмотрим конкретные вопросы, касающиеся отдельных районов. По результатам заслушивания примем кадровые решения.

Он ещё раз посмотрел на зал, отошёл от трибуны и сел на своё место за центральным столом.

Его место у трибуны занял заместитель — лысый

мужчина с проседью на висках. Сверяясь с бумагами, он начал подробно раскрывать темы, которые только что обозначил прокурор.

Денис Петрович сидел прямо, изредка посматривая на коллег. Через тридцать минут Виктор Викторович начал негромко храпеть. Разбуженный собственным храпом, он открыл глаза и тут же сделал вид, будто просто закашлялся.

Профессиональная сноровка спать на совещаниях была далеко не у всех. Виктор Викторович ею явно обладал.

Сам Денис Петрович держал перед собой блокнот и записывал все важные детали и изменения, которые оглашало руководство прокуратуры.

Через час, когда уже второй заместитель докладывал по оставшимся вопросам, некоторых районных прокуроров начали поднимать с мест и публично отчитывать за те или иные недостатки. Обсуждались нарушения сроков принятия решений, плохое взаимодействие с милицией и малое количество уголовных дел, направленных в суд.

Особенно были затронуты дела о коррупции. Они всё чаще звучали как необходимый, отчётный и уже обязательный элемент новой реальности.

Через четыре часа всё закончилось.

Все встали и вышли из зала. Денис Петрович попрощался с Виктором Викторовичем, затем ещё с несколькими коллегами, которых давно знал по службе, и направился в сторону библиотеки.

Перед разговором с прокурором области он хотел подробнее изучить статью 37 Уголовного кодекса, посмотреть комментарии и практику её применения —

и только потом спросить совета по поводу возможной необходимой обороны в деле Сергея.

Москва. Цирк «Синие волки». Кабинет Марта. Около полудня.

Около двенадцати часов дня у цирка остановился чёрный «Шевроле». Георгий вышел из машины, закрыл дверь и направился внутрь.

Добравшись до кабинета Марта, он постучал и вошёл.

Март сидел за столом. Он поднял глаза на Георгия.

— Заходи, — сказал он, махнув рукой.

Георгий прошёл к столу. Март взял лежавшую рядом рацию и нажал кнопку:

— Жуль, ответь.

— На связи, — коротко отозвался Жуль.

— Сергея найди, пожалуйста.

— Принял, — треснуло в рации.

Через несколько минут дверь открылась, и в кабинет вошёл Сергей. Увидев Георгия, он сразу улыбнулся.

Георгий поднялся и протянул ему руку. Сергей крепко пожал её. В этом рукопожатии словно протянулась невидимая нить, связывавшая Сергея с домом. И это было отчасти правдой: Георгий привёз с собой новости оттуда, из прежней жизни, и теперь они должны были прозвучать.

Сергей внимательно всмотрелся в Георгия, словно желая предугадать, как прошла поездка. Но увидел в его глазах лишь мягкую уверенность, которая, казалось, отвечала на все вопросы сразу.

Они сели за стол. Георгий раскрыл карту — ту самую,

которую они рисовали накануне его отъезда, ещё в воскресенье.

Сергей снова увидел на ней схематичную картину событий, вернувшую его к тому разговору.

Георгий внимательно посмотрел на Сергея. Тот поднял на него глаза.

— Ну как ты тут? Освоился? — спросил Георгий.

Сергей кивнул, немного стесняясь, и мельком посмотрел на Марта.

Март улыбнулся:

— На утренние тренировки с Жулем встаёт чётко, кушает чётко. Этого пока достаточно.

Он посмотрел на Георгия.

— Итак, — начал Георгий, подхватывая эстафету и переходя к теме, которой ждали все.

Он повернулся к Сергею:

— Первое: с тётушкой я поговорил, познакомился. Она подписала соглашение, и теперь я официально представляю твои интересы. Она у тебя очень умная и сильная. Ещё она великолепная хозяйка и прекрасная собеседница.

Сергей слегка улыбнулся. Одних этих слов оказалось достаточно, чтобы он немного успокоился.

— Кот в порядке, — добавил Георгий.

Сергей кивнул.

— Теперь по делу. С Валей и его родителями я разговаривал.

— Как он? — вырвалось у Сергея.

— Сейчас уже лучше. По справке из больницы у него переломы рёбер и подозрение на сотрясение мозга.

— Это опасно? — спросил Сергей.

— Судя по тому, что врачи отпустили его на домашнее

лечение, непосредственная опасность уже миновала. Но травмы серьёзные. И справка из больницы — весомое подтверждение того, насколько жестоко его избивали, — ответил Георгий.

Сергей кивнул.

— Валя также написал заявление, — продолжил Георгий. — Теперь он не просто участник драки и свидетель произошедшего. Пока его официально не признали потерпевшим, но заявление уже зарегистрировано, а справка из больницы приложена к нему как доказательство.

Сергей пока не понимал, что именно это означает, но продолжал внимательно слушать.

— Почему это важно… — Георгий снова показал на карту. — Вот смотри.

Он указал на место, где схематично были обозначены Валя и его избиение.

— Фактически Валя стал потерпевшим в тот самый момент, когда его начали избивать. Ему причиняли травмы, которые показывают жестокость нападения. А теперь у нас есть заявление, в котором Валя просит провести проверку и наказать виновных в его избиении.

Сергей внимательно посмотрел на Георгия.

— Для нас это важный фундамент, который дополнительно позволяет обосновывать версию о защите.

Георгий посмотрел на Сергея.

— Ты читал кодекс, который я тебе оставил?

— Да. Много раз, — кивнул Сергей.

— Ты понимаешь, о чём говорится в статье тридцать седьмой?

— Не очень, — неуверенно хмыкнул Сергей.

Георгий улыбнулся, достал кодекс и открыл его на статье 37.

— Читай.

— Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны… — прочитал Сергей.

— Да, действительно, написано не слишком складно. Поэтому читать нужно буквально. Давай по частям. Прочитай первые слова, — сказал Георгий.

Сергей повторил:

— Не является преступлением.

— Это понятно?

— Да, — кивнул Сергей.

— Теперь читай дальше: что именно не является преступлением?

Сергей прочитал:

— Причинение вреда посягающему лицу.

— То есть не является преступлением само причинение вреда. В твоём случае — тот удар отвёрткой.

Сергей кивнул.

— Читай дальше.

— В состоянии необходимой обороны, — прочитал Сергей.

— А это уже написано про тебя. В тот момент, когда ты ударил, ты находился в состоянии необходимой обороны. Понял?

— Понял, — кивнул Сергей.

До этого он читал эту короткую строку, казалось, раз тридцать, но никак не мог понять, что именно в ней написано. Теперь же, разбив её на небольшие, понятные

части, он наконец увидел: перед ним была формула.

— Вот это очень хорошо. Ты должен знать: если обстоятельства подтвердятся именно так, как мы их восстановили, значит, ты воспользовался правом, данным человеку законом, даже если тогда ещё не знал, как оно называется. В таком случае ты не совершил преступления.

Сергей вздохнул. Казалось, теперь он понял это точнее: не как что-то далёкое, с чем будут сравнивать его поступок, а как собственное право — то самое, о существовании которого он тогда даже не знал.

— Закон позволяет защищать не только себя, когда нападают на тебя, — продолжил Георгий. — Если бы Валя сам ударил нападавшего отвёрткой, у него тоже было бы на это право. Но поскольку защитить себя иначе он уже не мог, эту функцию взял на себя ты.

Сергей снова кивнул. Теперь он понял.

— Воду поставить? — спросил Георгий у Марта, кивнув на чайник.

— Да, конечно, — ответил тот.

Георгий отошёл, включил чайник, и тот зашуршал. Затем вернулся к столу.

Сергей ещё раз посмотрел на текст статьи 37. После объяснения Георгия он словно раскрылся и стал понятным. Несколько коротких слов могли закрепить право человека — или, наоборот, ограничить его в правах.

— Что ещё важно… — продолжил Георгий, показывая на карту. — То, что ты рассказывал и что мы с тобой зафиксировали, подтверждают и другие участники — не только Валя и Лёша.

Услышав имя Лёши, Сергей немного улыбнулся.

— Да, с Лёшей я встречался. Всё, что он мог рассказать, он рассказал.

Сергей посмотрел на Георгия, вспомнив, что потерял Лёшу из виду ещё до начала конфликта.

— В то время он находился внутри клуба и самой драки не видел, — продолжил Георгий. — Но он подтвердил то, что говорил ты: рассказал про озеро и косвенно охарактеризовал тебя и Валю. Подтвердил, что вы не были настроены враждебно даже после выпитого алкоголя.

Сергей кивнул. Челюсти слегка сжались, а взгляд стал сосредоточенным, рабочим.

— Также задержан ещё один участник драки. Один из тех четверых, кто приехал на белой «Волге», — повторил Георгий. — По моей информации, он арестован. Но не за эту драку, а в связи с возможным преступлением, совершённым до того, как они приехали в клуб. И в своих показаниях он косвенно подтверждает, что действовала именно та компания во главе с человеком, которого ты впоследствии ранил.

Глаза Сергея слегка расширились.

— То есть одного задержали?

— Задержали. Но пока не за избиение Вали.

— А за что? — удивлённо спросил Сергей.

— По имеющейся информации, их подозревают в том, что до этого они вчетвером убили женщину в соседней деревне и подожгли её дом.

Сергей, казалось, немного побелел.

— Да. Это тоже косвенно говорит о том, какую опасность представляла эта компания. Опасность, которая затем проявилась в избиении Вали.

Чайник закипел и выключился. Георгий посмотрел

на него, но вставать пока не стал.

— Теперь перейдём к прокуратуре и следствию, — сказал он. — Для того чтобы ты всё понял и решил, как нам поступать. Потому что решаешь ты, Сергей. Я лишь показываю тебе возможный маршрут.

Сергей кивнул.

— Ты должен понять, что такое закон и как его применяют органы, наделённые правом этот закон непосредственно применять.

Георгий показал пальцем на кодекс.

— Я объясню это на одном примере.

Он поднялся, пересёк комнату, открыл шкаф, отыскал пачку чая и взял с тумбы чашку.

— Вот смотри. Объясню на примере чая.

Он высыпал немного заварки себе на ладонь и протянул её Сергею.

Сергей посмотрел на чай, небольшой горкой лежавший на ладони Георгия.

— У каждого чая есть свои физические свойства. Где он вырос, когда его собрали, насколько крупный у него лист, как его сушили и хранили. Всё это уже находится внутри него. Он именно такой, какой есть.

Георгий пересыпал чай с ладони в чашку.

— Для того чтобы чай отдал самое важное — вкус, аромат, цвет, всё то, за что мы любим хороший чай, — его нужно правильно заварить. Для этого люди выработали определённые нормы и правила: сколько взять заварки, какой должна быть вода, до какой температуры её нагреть и сколько времени подождать. Назовём это законом заваривания чая.

Он показал на чашку.

— Но сам чай — не закон. В нашем примере чай —

условный субъект, к которому применяются правила. Человек тоже субъект, к которому применяется определённый закон.

Сергей снова кивнул.

Март сидел у торца стола и не вмешивался. Он внимательно следил не только за словами Георгия, но и за тем, как тот строил объяснение: вопрос, короткая пауза, простая вещь, лежащая на ладони, — и сложная мысль постепенно становилась понятной. В уголках глаз Марта пряталась едва заметная улыбка. Он слушал реплики и наблюдал за приёмами Георгия с тихим удовольствием — как слушают хорошо знакомую музыку, зазвучавшую вдруг свободно и уверенно, и заранее угадывают следующую ноту.

Георгий поставил чашку возле чайника.

— Теперь посмотрим на воду. Когда чайник только закипел, какая у воды температура?

Он вопросительно посмотрел на Сергея.

— Сто градусов, — ответил тот, вспомнив уроки физики.

— Правильно, — кивнул Георгий. — Но именно этому чаю нужна температура немного ниже — примерно девяносто пять градусов. Если бы я сразу залил его крутым кипятком, он почти мгновенно отдал бы всё, что в нём есть, обжёгся и просто сварился. Возможно, я его даже выпил бы. Формально чай был бы заварен: вода налита, цвет появился. Но закон заваривания был бы применён неправильно.

Георгий посмотрел на сухие листья в чашке.

— И все права чая, который люди где-то выращивали, собирали и везли сюда с далёкой плантации, оказались бы нарушены.

Сергей улыбнулся. Ему понравилось это сравнение.

— А если немного подождать, пока вода остынет градусов на пять, — продолжил Георгий, — тогда температура станет именно такой, какая нужна этому чаю. Он постепенно раскроется, отдаст аромат, вкус и всё полезное, что в нём есть. Значит, закон заваривания будет применён правильно — с учётом свойств самого чая, а не потому, что мне привычнее всё подряд заливать кипятком.

Георгий взял чайник и медленно наполнил чашку. Сухие листья поднялись со дна и начали раскрываться в горячей воде.

— Конечно, правила заваривания чая имеют скорее рекомендательный характер, — сказал он. — Если я ошибусь, самое страшное — испорчу одну чашку. Пострадают вкус и, можно сказать, судьба этого чая. А когда закон применяется к человеку, это уже не рекомендация. Здесь от правильного понимания и применения закона действительно зависит человеческая судьба. Разница только в цене ошибки.

Он поставил чайник на место, взял чашку и вернулся к столу.

— Пока чай заваривается, перенесёмся обратно к нашему делу. Прокуратура обязана правильно применить закон. Понимаешь?

Сергей кивнул.

— Следователи — люди, прокуроры — люди, судьи и адвокаты — тоже люди. Одному когда-то объяснили, что любой чай нужно заливать крутым кипятком. Он так и делает. Потом научил другого, другой — третьего, и вскоре все заваривают одинаково, даже не задумываясь, подходит ли такая температура именно этому чаю.

Георгий снова показал на кодекс.

— Так же и с законом. Сначала ты не мог до конца понять написанное, а теперь видишь в нём себя и свои действия. Но это ты. И именно за этим ты приехал сюда — понимаешь, именно за этим. Я так и сказал в прокуратуре: Сергей Мартынов не убегал — он поехал искать квалифицированную помощь.

Сергей кивнул и слегка улыбнулся. Ему нравилось, как Георгий плавно касался сложных, незнакомых тем и делал их понятными — словно на уроке физики, когда они растирали ладони и через простой опыт узнавали действие закона. Только теперь Георгий так же раскрывал перед ним действие другого закона — созданного для того, чтобы защищать и уравновешивать права людей.

— Следователи — профессионалы, которые непосредственно применяют закон, — продолжил Георгий. — Но они не всегда видят смысл, выходящий за пределы привычной практики.

Он постучал кончиком пальца по фигурке Вали.

— Закон применяется к живым людям. К тебе, к Вале, к Рыбкину, ко всем остальным. У каждого были свои действия, своё положение и свои возможности. Валя лежал на земле. Его били четверо. Ты уже пытался остановить их без отвёртки, но тебя ударили и отбросили. Всё это нельзя выкинуть из произошедшего только потому, что кому-то привычнее увидеть здесь обычную пьяную драку.

Георгий ненадолго замолчал.

— И здесь уже речь не о чашке чая. Здесь человеческая судьба. Не только твоя, Сергей.

Сергей поднял на него глаза.

— Да, не только твоя. Это судьба сотен тысяч других людей, которые однажды могут оказаться рядом с человеком, которого избивают, и решатся защитить его или самих себя. Закон даёт им такое право. Подобные обстоятельства, возможно, встречаются не каждый день, но право от этого не перестаёт существовать. Оно было у тебя в ту минуту, и следствие обязано его увидеть.

Сергей медленно закивал.

— Если не признать за человеком этого права только потому, что кто-то привык применять закон иначе, значит, право останется лишь словами на бумаге.

Теперь Сергей понимал, о чём говорил Георгий.

Раньше он никогда не слышал подобных разговоров и даже не мог представить, что закон можно объяснить через чайник, горячую воду и несколько листьев в чашке. Ещё недавно мир казался ему небольшим и понятным: дом, школа, клуб, знакомые улицы посёлка. Но за последние дни он словно раздвинулся, открывая перед ним такие глубокие смыслы, о существовании которых обычный шестнадцатилетний мальчишка из небольшого посёлка прежде даже не подозревал.

Впрочем, теперь Сергей уже почти ничему не удивлялся.

— Поэтому, Серёж, мы не должны удивляться, если нас сразу не поймут, — продолжил Георгий. — Но мы обязаны показать и уже показываем, как правильно. Закон заваривания чая выработали люди. Законы тоже написали люди. И людям ещё нужно научиться правильно пользоваться и тем и другим — не механически, а понимая, к кому и к каким обстоятельствам они их применяют.

Георгий взял чашку и осторожно отпил.

— Неплохо. Если хочешь, завари себе.

Сергей поднялся и подошёл к чайнику. Достал ещё две чашки и насыпал в них заварку.

Затем посмотрел на Марта:

— Вам заварить?

— Спасибо, — ответил он. — Я с удовольствием.

Сергей кивнул и налил в чашки уже немного остывшую воду.

Через несколько минут на столе стояли три чашки. Сергей и Март тоже сделали по глотку. Некоторое время в комнате слышалось только тихое позвякивание чашек.

Март поднялся, достал из шкафа коробку конфет и подвинул её к Сергею.

— Кушай, кушай. Мозг много калорий потребляет.

Сергей развернул одну конфету, съел её, а затем взял ещё одну.

— А когда мы поедем обратно? — спросил он, глядя на Георгия.

— Ты всё правильно понимаешь, — сказал Георгий. — Пора возвращаться. Сейчас я не вижу никаких препятствий к возвращению. Напротив, нам нужно действовать с опережением и доказывать свою правоту. Поэтому я предложил бы вернуться завтра. Предварительно я уже сообщил об этом прокурору. Но прежде чем мы решим окончательно, мне нужно твоё согласие.

— Я готов, дядя Георгий, — сказал Сергей и допил чай.

Георгий на мгновение задержал на нём взгляд.

— Я вижу, что ты готов, — улыбнулся он и посмотрел на Марта. — Школа «Синих Волков» — одна из

сильнейших.

— Ещё бы, с таким наставником, — подтвердил Сергей, вспомнив Жуля.

— Я предлагаю выдвигаться завтра рано утром, — продолжил Георгий. — Как приедем, позвоним прокурору и сообщим, что готовы явиться. Дорога длинная — по пути ещё всё обсудим.

Областная прокуратура. Библиотека. Около 13:00.

Денис Петрович уже несколько часов сидел в библиотеке областной прокуратуры.

Она находилась в конце длинного коридора, за неприметной дверью с потемневшей табличкой. Казалось, об этом забытом месте многие сотрудники знали лишь потому, что иногда проходили мимо. За стеклянными дверцами высоких шкафов теснились старые подшивки, сборники постановлений, комментарии к законам и книги, к которым годами никто не прикасался.

Отдельного библиотекаря здесь давно не было. За книгами по совместительству присматривала сотрудница канцелярии. Утром она открыла Денису Петровичу дверь, выслушала его запрос и показала, где искать необходимые материалы.

— Уголовное законодательство — в этом шкафу. Постановления Пленума — во втором. Бюллетени Верховного Суда по годам стоят внизу, — объяснила она. — Я попозже загляну. Если что-нибудь понадобится, на столе внутренний телефон.

Она вышла, и Денис Петрович остался один.

За несколько часов перед ним выросла целая стопка материалов. На столе лежали раскрытый Уголовный кодекс Российской Федерации, ещё действовавший тогда Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, научно-практический комментарий к Уголовному кодексу, сборник постановлений Пленума по уголовным делам и несколько подшивок «Бюллетеня Верховного Суда Российской Федерации».

Из кодексов и сборников торчали узкие полоски бумаги. В Уголовном кодексе Денис Петрович заложил статьи 37, 108, 111 и 114. В Уголовно-процессуальном — статьи 5, 20 и 393.

Отдельно перед ним лежал старый сборник, раскрытый на постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Некоторые его формулировки опирались ещё на прежнее уголовное законодательство, однако основные разъяснения продолжали применяться.

Сначала дело Мартынова складывалось в привычную последовательность: удар отвёрткой, тяжёлое повреждение, смерть Рыбкина — часть четвёртая статьи 111.

Так следствие почти всегда шло от конца.

Умер человек. Установлена причина смерти. Найден тот, кто нанёс удар. Оставалось соединить эти обстоятельства одной статьёй.

Но чем дольше Денис Петрович читал, тем меньше ему нравилась эта готовая формула.

В постановлении Пленума прямо говорилось об

ошибке, которую нередко допускали суды: действия оборонявшегося нельзя оценивать, исходя лишь из тяжести причинённого вреда. Необходимо учитывать характер и опасность посягательства, его внезапность и интенсивность, возможности оборонявшегося, количество нападавших, соотношение сил, возраст участников, место, время и всю обстановку происшествия.

Денис Петрович придвинул к себе лист бумаги и написал в самом верху:

«Не от смерти — назад. От посягательства — вперёд».

Ниже он поставил первый вопрос:

«Было ли общественно опасное посягательство?»

Подумал и написал рядом:

«На Сугробова напали четверо. Проверить действия каждого».

Следующий вопрос:

«Продолжалось ли посягательство в момент удара?»

Он остановился.

Именно здесь проходила первая граница.

Если к тому моменту, когда Мартынов вернулся от машины, избиение уже прекратилось, а он нанёс удар из мести или в продолжение закончившейся драки, говорить о необходимой обороне было нельзя.

Если же Сугробов продолжал лежать на земле, а четверо мужчин били его ногами, право на защиту другого человека сохранялось.

Денис Петрович записал:

«Что именно происходило в секунду удара?»

Под этим вопросом он коротко перечислил обстоятельства, которые ещё предстояло проверить:

«Четверо взрослых. Сугробов лежал на земле. Удары

ногами, в том числе по голове. Пытался ли Мартынов до этого вмешаться другими способами? Что происходило непосредственно перед ударом, от которого Рыбкин впоследствии скончался?»

Вопросы были. Точных ответов пока не было.

Денис Петрович перечитал написанное. Пока этого было достаточно. Остальное должны были дать показания свидетелей, медицинские документы и результаты экспертиз.

Он посмотрел на часы. Было около часа дня.

Перед обедом Денис Петрович решил узнать, как проходят допросы, порученные Лизавете Петровне. Он поднялся, подошёл к внутреннему телефону и набрал номер её кабинета.

После нескольких гудков в трубке послышался голос:

— Следователь Мышкина.

— Это Денис Петрович. Как у вас дела, Лизавета Петровна?

На другом конце провода зашелестели бумаги. В кабинете кто-то негромко разговаривал.

— Работаем, Денис Петрович. Директора Дома культуры Марию уже допросила. После обеда ещё одного свидетеля буду брать.

— Что Мария говорит?

— Самой драки на улице и удара Мартынова она не видела. Мартынова и Сугробова знает — они иногда бывали на дискотеках. Обоих характеризует положительно. Тех, кто приехал на «Волге», прежде не встречала. Говорит, что они были сильно пьяны.

— Кто, по её словам, начал конфликт?

— Говорит, приезжие. Она видела, как они подошли к Сугробову, потом услышала шум. А что происходило

дальше на улице, знает уже со слов других.

— По действиям каждого из четверых что-нибудь проясняется?

— Пока нет. Рыбкина выделяют, а по остальным показания расходятся.

— По Денису Крышкину что-нибудь говорит?

— Кроме Рыбкина, выделяет ещё одного — похожего на Дениса Крышкина. Говорит, что тот участвовал в драке, а впоследствии сел за руль «Волги».

— Хорошо. Только обязательно отделите в протоколе то, что она видела сама, от того, что услышала потом.

— Я так и записала.

— Хорошо. К вечеру постараюсь вернуться. Совещание проведём как обычно, если успею.

— Хорошо, Денис Петрович.

Он положил трубку и вернулся к столу.

На полях листа появилась ещё одна короткая запись:

«Мария: самого удара не видела. Конфликт начали приезжие. Роли всех четверых пока не установлены».

Отдельно Денису Петровичу ещё предстояло разобраться в полномочиях прокурора и следователя: кто из них и в каком порядке мог принять решение, если собранные обстоятельства действительно указывали на необходимую оборону. Для этого требовались другие материалы.

Он придвинул к себе раскрытый кодекс, взял карандаш и снова вернулся к документам.

Москва. Цирк «Синие волки». Комната Сергея и Жуля. День.

После разговора с Георгием и Мартом Сергей вернулся в комнату.

Жуль был уже там. Он устроился между кроватями: одна нога лежала на краю одной кровати, другая — на краю второй, а сам он застыл в шпагате над пустым промежутком, пребывая в состоянии глубокой концентрации.

Когда Сергей вошёл, Жуль даже не шелохнулся и не открыл глаз.

— Привет, — произнёс он, едва шевельнув губами.

— Привет ещё раз, — ответил Сергей и сел на кровать.

Жуль медленно приоткрыл один глаз и посмотрел на него. Сергей сидел молча. Заметив этот взгляд, он вздохнул и сказал:

— Ну вот, я и уезжаю.

— Уже? — спросил Жуль и открыл второй глаз.

— Да, — ответил Сергей и поджал губы.

Жуль слегка надул нижнюю губу.

— Ну вот… А я думал, ты ещё останешься.

Он начал понемногу раскачиваться, по-прежнему удерживая шпагат, но на лице его уже появилась улыбка. Сергей тоже улыбнулся.

— А ты куда? — спросил Жуль, снова надув нижнюю губу.

Сергей посмотрел на него с удивлением.

— Обратно в Добуж, к тётке. А там…

Он задумался и поднял глаза. Через окно в комнату лился солнечный свет, рассыпаясь под потолком едва заметной радугой.

— А-а-а… — протянул Жуль. — Я-то думал, ты на Луну улетаешь!

Он рассмеялся.

— То есть ты на планете остаёшься?

Сергей понял размах шутки Жуля и улыбнулся ещё сильнее.

— На планете.

— А, ну тогда ещё не раз встретимся, — сказал Жуль. — А ты тут нюни распустил, будто на Луну собрался.

— Не, не на Луну, — ответил Сергей, смеясь.

— Ну, если соберёшься, я с тобой. Тоже хочу там побывать.

— Договорились!

Жуль начал тянуться то к одной ноге, то к другой, почти складываясь пополам. Под ним, между кроватями, оставалась пустота, а его тело казалось почти пластилиновым.

Сергей смотрел на это чудо человеческой гибкости. Рядом с людьми, окружавшими его под куполом этого цирка, даже полёт на Луну, о котором шутил Жуль, уже не казался чем-то совершенно невероятным.

— А Добуж — это где? — спросил Жуль, посмотрев на Сергея.

— Ну… примерно в трёхстах километрах от Москвы.

Сергей вспомнил недавнюю дорогу на поезде в Москву вместе с Антоном.

— А когда ты уезжаешь?

— Завтра рано утром. С Георгием.

Жуль вдруг поднял голову.

— А меня почему не берёте?

— А ты можешь? Я с удовольствием! — обрадовался Сергей. — Я покажу тебе свой город. Поехали, Жуль!

На мгновение ему показалось, что такой поворот действительно возможен.

— Не могу, — сказал Жуль. — Спасибо за

приглашение, но сейчас не могу.

Он постарался убрать улыбку, но она всё равно осталась в уголках его губ.

— На мне весь цирк, полностью. На одну ночь уеду — здесь сразу бардак будет.

Жуль поднял глаза к окну в потолке и развёл руками.

— Если только вместе с цирком. Но это уже не от меня одного зависит.

— А цирк умеет ездить? — с удивлением спросил Сергей.

— Ха! Ездить? Ещё как ездить! Мы куда хотим, туда и едем!

Жуль ловко, но осторожно убрал с кровати сначала одну ногу, затем другую и мягко опустился на пол. Ещё несколько раз пружинисто наклонился, складываясь пополам, потом встал, выпрямился и посмотрел вверх. Сложив ладони перед грудью, он медленно опустил руки.

— Ну всё, мне на репетицию. Ты со мной?

— Да, — ответил Сергей.

Он пошёл за Жулем, который уже своим обычным чётким шагом направлялся к манежу, где на общую репетицию собирались артисты и остальные жители цирка.

Областная прокуратура. Около 14:00.

Ручка Дениса Петровича продолжала выводить на бумаге один пункт за другим.

Рядом лежал раскрытый Закон о прокуратуре, под ним — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. В

мыслях и на листе Денис Петрович уже почти выстроил формулу, которая, если обстоятельства подтвердятся, могла привести к выводу: Мартынов преступления не совершил, а действовал, защищая другого человека — своего шестнадцатилетнего друга Валентина Сугробова.

Пока это была лишь версия. Но закон требовал проверить её так же тщательно, как и версию обвинения.

По существу дела вырисовывались три возможных исхода.

Первый: если подтвердится, что нападение на Сугробова продолжалось, а Мартынов нанёс удар, защищая его, и не превысил пределов необходимой обороны, дело в отношении Мартынова подлежало прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления.

Денис Петрович записал рядом:

«Пункт 2 части первой статьи 5. Статьи 208, 209 УПК РСФСР. Основание — статья 37 УК РФ».

Это была не переквалификация на другую статью. Статья 37 означала, что совершённое при таких обстоятельствах вообще не являлось преступлением.

Второй исход: нападение на Сугробова подтвердится, но действия Мартынова будут признаны явным превышением пределов необходимой обороны. Тогда следствию предстояло установить направленность его умысла и дать действиям новую квалификацию. Если умысел был направлен на причинение тяжкого вреда, а смерть наступила по неосторожности, могла применяться часть первая статьи 114. Если же будет доказан умысел именно на лишение жизни — часть первая статьи 108.

И только после установления этих обстоятельств дело могло быть направлено в суд.

Третий исход: если выяснится, что к моменту удара нападение уже прекратилось, а Мартынов действовал из мести или продолжал закончившуюся драку, оснований для применения статьи 37 не будет. Тогда могла сохраниться первоначальная квалификация — часть четвёртая статьи 111.

Ни одно из этих решений нельзя было просто переложить на суд. Прежде чем направлять дело дальше, следователь и прокурор сами обязаны были установить обстоятельства и дать им правовую оценку.

Ниже Денис Петрович провёл черту и написал:

«Кто вправе принять решение».

Первой стояла Лизавета Петровна. Если необходимые обстоятельства подтвердятся и она признает, что Мартынов действовал в состоянии необходимой обороны, следователь вправе самостоятельно прекратить дело в отношении него за отсутствием состава преступления.

Далее шли полномочия прокурора. Денис Петрович мог дать письменные указания о дополнительной проверке, квалификации и прекращении дела. Он также мог сам вынести постановление о прекращении, не принимая всё расследование к своему производству.

Отдельным пунктом он записал статью 31 Закона о прокуратуре, часть вторую статьи 127, а также пункты третий, пятый и одиннадцатый статьи 211 УПК РСФСР.

Прокурор вправе принять расследование любого преступления к своему производству, провести его в полном объёме и самостоятельно принять итоговое решение.

Если же Лизавета Петровна не согласится с письменным указанием о квалификации или прекращении дела, она сможет представить материалы вышестоящему прокурору, письменно изложив свои возражения. Тогда уже областная прокуратура либо отменит указание Дениса Петровича, либо поручит расследование другому следователю.

Денис Петрович положил ручку, выпрямился на стуле и отвёл плечи назад, расправляя затёкшую спину. Ещё раз посмотрел на записи, затем перебрал листы с пометками и сверил их с заложенными страницами кодексов.

Для понимания порядка действий этого было достаточно.

Он посмотрел на часы.

Стрелки подбирались к двум.

Можно было идти к заместителю прокурора.

Денис Петрович собрал кодексы, журналы и постановления Пленума, вынул из них бумажные закладки и расставил всё по местам. Выйдя из библиотеки, он прошёл в канцелярию и попрощался. Сотрудница улыбнулась и направилась запирать дверь.

Спустившись на первый этаж, Денис Петрович почувствовал, как в нос ударил запах прокурорской столовой. На мгновение ему захотелось свернуть туда, но он передумал. Сложные вопросы и трудные разговоры он привык вести на пустой желудок — так мысли были собраннее.

По существу, свои возможности как прокурора он уже понимал. Видел и практику, которую обязан был учитывать при расследовании. Но раз уж он всё ещё находился в областной прокуратуре, следовало

поставить в известность заместителя прокурора, курировавшего следствие, и сообщить ему о возможном редком случае применения статьи 37.

Разрешения Денис Петрович не просил. Однако он понимал: какое бы решение ни было принято, прекращение дела, в котором погиб человек, всё равно будут проверять в области. Тем более если речь шла о несовершеннолетнем и московском адвокате.

Поэтому лучше было обсудить всё заранее.

Денис Петрович поднялся на второй этаж и вышел в широкий коридор.

Этот этаж отличался от остальных. По всей его длине тянулся ковёр, заглушавший шаги. Здесь было тихо. На стенах висели портреты прежних руководителей прокуратуры и других государственных деятелей, возле окон стояли цветы.

Денис Петрович прошёл вперёд и увидел нужные двери — высокие, массивные. Он потянул на себя тяжёлую ручку, и дверь мягко открылась.

За ней оказалась небольшая приёмная, отделявшая кабинет заместителя прокурора от общего коридора. Секретарь, женщина лет тридцати, пила кофе. Увидев вошедшего, она отставила чашку.

— Вы к Геннадию Николаевичу?

— Да. Прокурор Добужского района Селедцов Денис Петрович.

Она взяла трубку внутренней связи, нажала несколько кнопок и произнесла:

— К вам Селедцов из Добужского района.

Из трубки послышался короткий ответ.

— Проходите, — сказала секретарь и показала на следующую дверь.

Денис Петрович толкнул её и вошёл в кабинет заместителя прокурора.

Кабинет представлял собой огромный зал. Слева тянулся ряд высоких окон, одно за другим освещавших всё пространство. Пол был застлан ковром, вдоль стен стояли стулья и диван. В глубине располагался массивный письменный стол, к которому примыкала длинная столешница — за ней рассаживались во время совещаний.

— Проходи, — сказал Геннадий Николаевич, подняв глаза.

Это был тот самый заместитель прокурора с седыми висками, который утром, после выступления прокурора области, подробно рассказывал о новых методиках и веяниях в расследовании дел о коррупции и терроризме.

Денис Петрович подошёл к столу.

— Здравия желаю.

— Присаживайся. — Геннадий Николаевич указал на стул. — А я всё думаю, почему прокурор Добужского района после совещания ко мне не зашёл. А ты, оказывается, ещё здесь.

— Да. В библиотеку заходил. Нужно было кое-что уточнить.

— Интересно, — ответил Геннадий Николаевич. — У вас там два дела с погибшими?

— Два. Но убийство одно — с последующим сокрытием путём поджога. По нему основная версия уже определилась: возбудили сто пятую, расследуем.

— Задержали?

— Ещё не всех. И не все участники пока установлены. Но это вопрос времени.

— Хорошо. А по второму?

— По второму сложнее. Дело возбуждено по факту причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего смерть потерпевшего.

— Так. — Геннадий Николаевич что-то записал.

— Подозреваемый — шестнадцатилетний Мартынов Сергей. При выяснении обстоятельств возник вопрос о возможном наличии в его действиях признаков необходимой обороны. Он нанёс один удар предметом, предположительно отвёрткой, защищая своего друга — такого же шестнадцатилетнего Сугробова, которого в тот момент избивали четверо взрослых мужчин.

Геннадий Николаевич перестал писать и внимательно посмотрел на него.

Денис Петрович продолжил:

— Справки и показания участников пока предварительно подтверждают такой ход событий. Рыбкин, скончавшийся от последствий удара Мартынова, был ранее судим. Кроме того, сейчас проверяется причастность всей приехавшей на «Волге» компании к первому эпизоду. Перед дракой у клуба они заезжали в дом погибшей женщины за алкоголем.

Геннадий Николаевич молча слушал.

— Я проанализировал материалы и решил заранее поставить вас в известность: если все обстоятельства подтвердятся, может встать вопрос о прекращении дела в отношении Мартынова в связи с необходимой обороной.

Заместитель прокурора внимательно посмотрел на Дениса Петровича.

— То есть ты думаешь применить тридцать седьмую и прекратить дело?

— Я пока ничего не решаю. Только в том случае, если подтвердятся все предусмотренные законом условия. Поэтому я и зашёл. На днях, возможно уже завтра, у нас состоится допрос Мартынова с участием защитника.

— Так он ещё не задержан? — уже с явным удивлением спросил Геннадий Николаевич.

— Нет. Изначально он скрылся.

— А что значит «с защитником»?

— Ко мне приехал адвокат из Москвы. Представил ордер и сообщил, что в четверг они готовы добровольно явиться на допрос. Также передал ходатайство, в котором просит проверить обстоятельства, указывающие на необходимую оборону в момент удара.

Геннадий Николаевич свёл брови.

— Что ещё за адвокат?

Денис Петрович раскрыл ежедневник.

— Адвокат Московской коллегии адвокатов Георгий Земляника.

— Кто? — переспросил Геннадий Николаевич.

— Георгий Земляника.

Заместитель прокурора на мгновение посмотрел в окно, затем снял трубку телефона и набрал внутренний номер.

— Как адвоката зовут, который нам жалобы пишет по предприятию в Софино? — спросил он у кого-то.

Через несколько секунд ему ответили. Геннадий Николаевич положил трубку.

— Знаю я этого адвоката. Полгода уже кровь пьёт. Собрал вокруг себя кучку малолеток и только и делает, что жалобы пишет. Умник…

После этих слов выражение его лица изменилось. Он ещё раз посмотрел на Дениса Петровича, но теперь уже

иначе.

— Ты слышал, что сегодня прокурор на совещании говорил?

— Слышал, конечно.

— Сейчас каждое прекращение по делу со смертью через лупу рассматривают. Какая ещё тридцать седьмая? Теперь ещё время на всё это тратить. Вы лучше по коррупции начните работать, а не дружбу с московскими адвокатами заводить.

Он оглядел Дениса Петровича словно сверху, как будто примеряя к нему что-то. Этот взгляд был неприятен Денису Петровичу — словно само намерение разобраться в деле уже нарушало какие-то внутренние правила, известные Геннадию Николаевичу, но не записанные ни в одном законе.

— Ты ерундой не занимайся, — продолжил заместитель прокурора. — Потом по твоему прекращению ещё объясняться вплоть до Москвы. Тебе это надо?

Денис Петрович несколько секунд молчал, не сразу находя ответ.

— Отправляй дело в суд, — сказал Геннадий Николаевич. — Пусть там смотрят.

— Закон обязывает меня исследовать обстоятельства дела беспристрастно и проверять не только уличающие, но и оправдывающие обстоятельства.

— Беспристрастно будут смотреть и на тебя.

Геннадий Николаевич отложил бумаги и снова поднял глаза.

— Всё, Денис Петрович, ты меня услышал. Ты на хорошем счету. Я только сегодня с прокурором о тебе говорил, хвалил тебя. Проверь там всё ещё раз, а то мы

вместо прокуратуры превратимся неизвестно во что. Адвокаты будут указывать нам, как расследования проводить. Время сейчас другое.

Денис Петрович встал.

Он ничего не ответил.

Его задело не то, что Геннадий Николаевич не согласился с ним. Окончательного вывода ещё не было, и сам Денис Петрович пока ни с чем окончательно не соглашался.

Задело другое.

Саму обязанность проверить оправдывающую версию назвали ерундой. Беспристрастность, которой он старался придерживаться все годы службы, вдруг представили не правилом работы, а опасностью для него самого.

Внутри поднялось тяжёлое чувство — такое, будто за все эти годы в него впервые плюнули. И плюнули не в его ещё не принятое решение, а во всё то, что для него означала служба: в стремление оставаться справедливым и подчиняться закону, даже когда это было неудобно.

Он собрал бумаги.

— Я тогда пойду.

— Иди, Денис Петрович, иди. Только помни: ты прокурор, а не адвокат, — бросил ему вслед Геннадий Николаевич, которого до этой минуты Денис Петрович уважал.

Добуж. Районная прокуратура. Около 14:00.

Лизавета Петровна взглянула на лежавший перед ней

лист.

— Объяснение оперуполномоченному Филатову Руслану давали?

— Да. Я сказала ему, что видела, — ответила Света.

Молодая девушка лет восемнадцати, с волосами, заплетёнными в короткую косичку, сидела на стуле рядом с Лизаветой Петровной, держа руки на тонких коленях.

Лизавета Петровна продолжила:

— То есть данное объяснение подтверждаете?

— Подтверждаю.

Лизавета Петровна положила лист рядом с клавиатурой.

— Где находился Валентин Сугробов, когда приехала белая машина?

— В тамбуре. Там Валя с девочками стоял.

Лизавета Петровна взяла протокол допроса Сугробова Валентина Дмитриевича и внимательно просмотрела первую страницу.

— Как девочек зовут?

— Олеся и Даша.

— Фамилии знаете?

Света назвала обе фамилии. Лизавета Петровна записала их на отдельном листе.

— Их тоже будем допрашивать.

Света промолчала.

— Сначала Валю ударили в тамбуре?

— Да.

— За что?

— Я не знаю.

— Сугробов мог что-нибудь сказать или сделать?

— Нет. Они пьяные были.

— Стойте, Света. Кто — они?

— Мужчины, которые на белой машине приехали.

— А Сугробов и Мартынов Сергей были пьяными?

— Я этого не заметила. Думаю, нет. Они как обычно пришли, билеты купили. Всё нормально было.

Лизавета Петровна повернулась к монитору и напечатала ответ.

— Рыбкин первым напал на Сугробова?

— Рыбкин — это кто? — тонким голосом спросила Света.

— Рыбкин — потерпевший. Тот, кого ранил Мартынов.

— А, да, — ответила Света.

— Как именно?

Света замялась.

— Самого начала я не видела. Мария лучше видела. Она в тамбуре билеты продавала. Говорит, Валю сначала толкнули, а потом ногой ударили. Он к стене отлетел.

Лизавета Петровна подняла глаза.

— Но сами вы этого не видели?

— Нет. Я увидела, когда там уже потасовка началась.

— Тогда почему утверждаете, что первым был Рыбкин?

— Мария так сказала. И Рыбкин возле Вали стоял. Он самый здоровый из них был.

— До начала драки Сугробов кого-нибудь толкал, бил или оскорблял?

— Нет. Я такого не видела.

Клавиши снова застучали.

— Опишите остальных мужчин, кроме Рыбкина.

— Один темноволосый был и выглядел постарше остальных.

— Сколько ему было на вид?

— Может, лет сорок.

— Что он делал?

— Когда Валю из тамбура вытаскивали, он тоже рядом был. За одежду его хватал. Ударил или нет — точно не скажу. Там все двигались.

Лизавета Петровна взглянула на другой протокол, лежавший возле монитора.

Дэна допрашивал следователь Никита, расследовавший убийство Анастасии Сибих. О драке возле клуба в том протоколе было всего несколько строк. Дэн коснулся её вскользь и представил всё так, будто сам пытался разнимать дерущихся и лишь в общей свалке мог кого-то ударить.

Никита подробностей не выяснял. Его интересовало другое убийство.

По описанию Светы именно Дэн был темноволосым и выглядел старше остальных. Теперь его предстояло допросить ещё раз, отдельно — уже об избиении Валентина Сугробова.

— Других двоих запомнили? — спросила Лизавета Петровна.

— Один помоложе. Волосы почти белые, коротко подстриженные. Лет двадцать семь, может. А второй пониже и ещё моложе. Такой неприятный тип.

— Почему неприятный?

— Не знаю. Смотрел зло. И бил тоже — руками и ногами.

— Кого бил?

— Валю.

— Рыбкин тоже продолжал его бить?

— Да. Рыбкин больше всех бил.

— Где в это время находился Мартынов?

— Когда Валю вытаскивали, Сергей подбежал. Руками кого-то схватил, пытался оттащить от Вали. А потом отлетел на землю.

— Мартынов кого-нибудь ударил?

— Я не видела. Он руками схватил и тянул.

— Кто ударил самого Мартынова?

— Не знаю. Кто-то из них. Может, вот этот, самый взрослый, но это не точно.

— Почему не видели? Не смотрели?

Света нахмурилась.

— Да я же не знала, на что смотреть, а на что нет. Я сама думала, не убежать ли куда подальше. Кто знал, чего от них ждать?

— Что происходило дальше?

— Мария мне кричала, чтобы я в клуб зашла, от греха подальше. Она всех внутрь звала, чтобы никто больше не пострадал.

— Вы вошли?

— Нет. Возле входа осталась.

— Что сделал Мартынов после того, как оказался на земле?

— Поднялся и побежал к красному «Запорожцу».

— В это время Сугробова продолжали избивать?

— Да. Я слышала удары. Такие глухие шлепки. И ногами его тоже били.

— Вы видели это?

— Видела. Валя уже почти на земле был, а они вокруг него стояли.

— Зачем Мартынов побежал к автомобилю?

— Я не знала. Он к машине подбежал, а потом вернулся. В руке что-то держал.

— Что именно?

— Не рассмотрела.

— Большой предмет?

— Нет, небольшой.

— Что произошло, когда Мартынов вернулся?

Света опустила глаза.

— Я глаза закрыла.

Лизавета Петровна перестала печатать.

— Почему?

— Не могла больше смотреть, — тихо сказала Света и покраснела.

— Вам кто-нибудь загораживал обзор?

— Нет. Я сама закрыла глаза.

— Значит, самого удара Рыбкину вы не видели?

— Нет.

— Людей вокруг было много?

— Да как-то нет. Но кричали все. Маша кричала, девочки кричали.

— Что вы услышали?

— Рыбкин что-то закричал. Что именно — я не поняла.

— После этого вы открыли глаза?

— Да. Он за бок держался и начал опускаться на землю.

— Где находился Мартынов?

— Возле Вали. Уже вытаскивал его оттуда.

— Предмет оставался у него в руке?

— Я не увидела.

— То есть Мартынов вернулся от автомобиля с каким-то предметом, после чего Рыбкин закричал и схватился за бок?

— Да. Но самого удара я не видела.

Лизавета Петровна повернулась к монитору. На экране уже стояло начало предложения:

«Мартынов нанёс Рыбкину…»

Она несколько раз нажала клавишу удаления и напечатала вместо этого:

«Непосредственного момента нанесения удара Рыбкину не видела, поскольку в этот момент сама закрыла глаза».

— Что Мартынов сделал дальше?

— Подхватил Валю и повёл к красной машине.

— К «Запорожцу»? — уточнила Лизавета Петровна.

— Ну да. Валя плохо шёл. Сергей посадил его в машину, потом сел сам, и они уехали.

— После случившегося Мартынов ещё кого-нибудь бил?

— Нет.

— Угрожал оставшимся мужчинам?

— Я не слышала.

— Что сделали они?

— Сначала растерялись. Ходили вокруг. Потом тот, с белыми волосами, наклонился к тому, который упал, ощупал его и что-то достал. Передал тому, который был постарше, а тот сел за руль белой машины.

— «Волги»?

— Наверное, «Волги». Я не знаю марок машин, — сказала Света.

— Машина сразу завелась?

— Нет. Он несколько раз пробовал. Потом завёл. Остальные сели, и они уехали.

— А Рыбкин?

— Остался лежать. Кто-то скорую вызвал.

— Если снова увидите этих мужчин, сможете их

узнать?

— Думаю, да.

Принтер зашумел. Лизавета Петровна собрала вышедшие листы, скрепила их и протянула Свете.

— Читайте внимательно. Если что-нибудь записано неправильно, сразу говорите.

Света читала долго, иногда возвращаясь к предыдущим строкам. Потом расписалась на каждой странице и вернула протокол.

— Я могу идти?

— Можете. Но вас ещё вызовут. Олесю и Дашу предупредите, чтобы тоже были готовы приехать.

Света кивнула, тихо попрощалась и вышла.

Когда дверь закрылась, Лизавета Петровна снова посмотрела на экран.

Мартынов вернулся от машины с неизвестным предметом. Сразу после этого Рыбкин закричал и схватился за бок. Последовательность была понятна.

Но непосредственного момента удара Света не видела.

Лизавета Петровна взяла протокол допроса Дэна. Нашла строки, в которых тот говорил, что пытался разнять дерущихся, и подчеркнула их карандашом.

На полях написала:

«Дополнительно допросить об участии в избиении Сугробова».

После короткой паузы добавила:

«И об ударе, нанесённом Мартыновым».

Дорога в Добуж. День.

Мотор служебной «пятёрки» надрывался и гудел. Денис Петрович обеими руками сжимал обод руля.

Трасса осталась позади. Теперь дорога шла через деревни и небольшие посёлки в сторону Добужа. В открытое окно врывался ветер, трепал воротник рубашки, гулял по нагретому салону. Его шум и простор за окном немного успокаивали Дениса Петровича, но не могли заглушить того, что произошло в кабинете заместителя областного прокурора.

Он снова и снова прокручивал в голове слова Геннадия Николаевича, выражение его лица, интонации, взгляды — всё то, что показалось Денису Петровичу неуместным и унизительным.

Сначала он просто злился. Но теперь, когда до Добужа осталось уже несколько десятков километров, смысл разговора вдруг открылся ему с особенно неприятной стороны.

Он что, решил, что я могу быть в сговоре с адвокатом?

От этой мысли стало ещё хуже.

Денис Петрович сильнее стиснул руль. Он резко переключил передачу, и «Жигули» дёрнулись, будто тоже почувствовали его гнев.

— Сами воруют и на других теми же глазами смотрят, — прошептал он сквозь зубы. — Борцы с коррупцией, мать их…

За окном проплывали деревенские дома с покосившимися крышами, выцветшие заборы, заросшие травой обочины. Дорога била по подвеске ямами. Каждый удар глухо отдавался в кузове.

На скулах Дениса Петровича ходили желваки. Лысина покраснела от напряжения.

Такого унижения он ещё не испытывал.

Он приехал не просить поблажки для Мартынова. Не выгораживать его и не договариваться за спиной следствия. Он хотел разобраться в сложном деле и понять, как поступить по закону. Хотел выяснить, действительно ли перед ним преступник — или шестнадцатилетний мальчишка, который вмешался, когда четверо взрослых мужчин избивали его друга.

Он пришёл посоветоваться.

И теперь жалел об этом.

Не надо было к нему заходить, думал Денис Петрович. Надо было самому решать. Зачем я вообще к нему пошёл?

Ему ясно дали понять: делай то, что скажут. Московский адвокат появился — значит, кто-то уже с кем-то договорился. Если районный прокурор задаёт вопросы и не спешит арестовывать мальчишку — значит, и его самого можно заподозрить.

А судьба человека — шестнадцатилетнего ребёнка — их не беспокоила.

Денис Петрович не был глупцом, хотя многие почему-то смотрели на него именно так. Он не всегда быстро подбирал слова, не умел говорить гладко и красиво. Но если какая-нибудь мысль всё-таки складывалась у него в голове, он уже видел её до конца.

У обочины показался указатель:

«СОФИНО».

Машина прогрохотала мимо.

Денис Петрович вспомнил утреннее совещание и материалы по загрязнению воды. Жалобы рыбаков, документы, которые он передавал наверх.

«Разберёмся», — сказал тогда Виктор Викторович.

Утром эти слова показались Денису Петровичу

обычными. Теперь он услышал их по-другому.

— Теперь я знаю, как вы разбираетесь, — буркнул он. — Понятно теперь, как у вас всё устроено.

Рыбаки им мешали. Адвокаты им мешали. Любой человек, который приходил с бумагами, задавал вопросы и требовал поступить по закону, становился для них неудобным.

Дорога плавно повернула, и впереди показались высокие заводские трубы. Они поднимались над полями и крышами домов, выбрасывая в небо густой серый дым. Дымили днём и ночью.

Раньше Денис Петрович видел их десятки раз. Проезжал мимо, смотрел и забывал. Теперь трубы словно выросли прямо перед ним.

Вот она — вся их борьба с коррупцией.

Заводу дешевле кому-нибудь отстегнуть, чем поставить нормальные фильтры. Один заплатит, другой прикроет, третий скажет, что разберётся, — и завод продолжит работать. Трубы будут дымить, вода — загрязняться, а рыбаки — писать жалобы.

— Только кто вас арестовывать будет? — проговорил Денис Петрович, глядя на завод. — Сами себя?

Во рту скопилась горькая слюна. Он повернул голову к открытому окну и сплюнул.

— Борцы с коррупцией…

Теперь картина складывалась ясно.

Он и раньше видел все её части: покосившиеся дома, разбитые дороги, заводские трубы, жалобы, исчезавшие в кабинетах, решения, принимавшиеся не по закону, а по удобству. Видел — и продолжал работать, потому что всё это находилось где-то рядом, но не касалось его напрямую.

Сегодня коснулось.

Один взгляд, несколько намёков — и его самого уже поставили рядом с теми, кого он должен был преследовать по закону. Только потому, что он посмел усомниться. Потому, что не захотел сразу сломать мальчишке судьбу, не разобравшись в обстоятельствах.

Гнев внутри постепенно менялся. Он не исчезал, но становился холоднее и твёрже.

Денис Петрович перестал дёргать рычаг коробки передач. Ровнее положил руки на руль и посмотрел на дорогу.

— Ну попробуйте, — произнёс он. — Со мной попробуйте.

«Пятёрка» снова подпрыгнула на выбоине, но он удержал её, не сбавляя скорости.

— Я буду действовать согласно закону, — сказал Денис Петрович уже спокойнее.

Это был не голос прокурора, произносившего привычную служебную фразу. Так говорил человек, который неожиданно столкнулся с собственной системой лишь потому, что захотел разобраться в очередном неясном деле по закону.

Раньше он видел.

Теперь — понимал.

Служебная «пятёрка» несла Дениса Петровича обратно, в его район. За следующим поворотом появились первые дома Добужа.

Дорога оставалась прежней.

Но возвращался он уже другим.

Москва. Цирк «Синие волки». День.

Цирк жил своей привычной жизнью, которая каждый день казалась новой. И именно в этом заключалась его привычка.

Казалось, совершенно разные и на первый взгляд никак не сочетающиеся вещи сливались здесь в единое целое — в представление. И соединяла их свобода, которой была пропитана каждая мелочь.

Никто никого не заставлял тренироваться, отрабатывать трюки, создавать номера и представления. Всё было делом каждого. Никто ни за кем не надзирал, но каждый старался сам. Каждый оттачивал то, что умел именно он, и находил в этом вдохновение и возможность расти.

Жуль, казалось, был универсальным полководцем цирка.

Поначалу Сергей воспринимал его слова и шутки просто как весёлые фразы, а самого этого коротенького, на первый взгляд несуразного человека, появлявшегося верхом на осле в диковинных нарядах, — как ещё одну цирковую шутку.

Но то, что Жуль делал здесь, как он связывал всех между собой и как жил цирком, действительно превращало его и цирк в единое целое. Будто Жуль и был этим цирком.

Сергей сидел на задних рядах и, стараясь никому не мешать, смотрел, как рождалось представление. Он был, казалось, единственным зрителем этого закрытого спектакля, а сам цирк — тем самым местом, где прямо у него на глазах создавались чудеса.

На манеж вышел клоун — тот самый, которого Сергей увидел ещё в первый день. Теперь он уже знал: этим клоуном был Март.

Он двигался смешно и нелепо, но с такой отчаянной самоотдачей, что казалось: повторить это невозможно. Сергей сначала засмеялся, а потом уже хохотал.

А затем посмотрел наверх.

Там, под куполом, была Лика.

Та самая девушка, которую он теперь, кажется, любил.

Она была прекрасна — её фигура, каждое её движение… Сергей вспомнил их короткий поцелуй, казавшийся чем-то гораздо большим. Она была смелее его. Немного старше и, казалось, красивее, чем вообще могла быть любая девушка.

И она тоже была этим цирком.

Какой же цирк без неё? А какой цирк без повара? Без колыбельной?

Каждый здесь воплощал что-то сильное и настоящее — то, чего в обычной жизни так часто не хватало. Здесь же всего этого было с избытком.

Сергей вновь посмотрел на Жуля, который дурачился рядом с огромным Гвоздём. Гвоздь подкидывал тяжёлые гири и ворочал деревянные брёвна, словно это были не брёвна, а маленькие палочки.

Всё это было по-настоящему.

Сергей поднял глаза на купол цирка. Он напоминал купол церкви, куда Сергей однажды приходил вместе с тётушкой. Но здесь всё казалось ближе, понятнее и живее.

Он вдруг подумал о тётушке и о том, что завтра увидит её. Никогда прежде он не покидал её так надолго. Она не знала всего, что с ним произошло, но он обязательно ей расскажет.

И она будет улыбаться.

Потом Сергей подумал о Георгии и Антоне — о людях, ставших ему друзьями.

«Я отучусь и вернусь сюда, в этот цирк. Обязательно вернусь».

Ему было хорошо, и всё казалось понятным. Будто не существовало ни уголовного дела, ни завтрашнего допроса. Внутри у него всё уже было ясно.

Он знал: правда, которую он нёс в себе, способна раздвинуть любые тучи.

На манеж вышли Синие Волки…